ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2014. № 389. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- BIOLOGY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2014. № 389. December

Томский государственный университет
2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 389 Декабрь 2014

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 389 December 2014

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Белоусова О.О., Дашевская О.А. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении 6
Гнюсова И.Ф. «Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое»: творческий диалог Л.Н. Толстого с Э. Троллопом 15
Латфулина З.Р. Модусы авторизации и воспоминания в диалектном высказывании 22
Мишанкина Н.А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта 28
Хаминова А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки 38
Хомук Н.В. Роман И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 2 46

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Агафонова Е.В. Специфика аргументации и интерпретации при вынесении моральных (*о*)суждений 56
Гончаренко М.В. Экзистенциальность дискурса и основания систематического умозрения в контексте фундаментальной онтологии и постмодернистской традиции 64
Каштанова О.В. Терминологический анализ слова «одиночество» 68
Можаева Г.В., Можаева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований 73
Пилюшенко А.В. Индивидуальные формы деятельности как основа воспроизводства здорового образа жизни 82
Усачева О.Т. Русская Православная Церковь в составе Всемирного Совета Церквей: укрепление православной позиции по вопросам диаконии 86
Черникова И.В., Карташова А.А. Формирование новой образовательной парадигмы в связи с переходом от информационного общества к обществу знаний 92

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бокова А.В. Креативные индустрии: административный и научный подходы к определению понятия 98
Ерошевская Д.В. Историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» Большеуковского муниципального района Омской области 102
Коробейникова Л.А. Современные концепции гуманизма 108
Савельева Е.Н. Актуальные проблемы культурологической экспертизы детской порнографии: на пути к «профилактике» этического и эстетического релятивизма 112
Сизова И.А. Общественные музеи Томской области: начальный период истории (1960–1980-е гг.) 118

CONTENTS

PHILOLOGY

Belousova O.O., Dashevskaya O.A. Cycle and book poetics in modern literary criticism 6
Gnyusova I.F. “I console myself that he has his own, and I have mine”: Leo Tolstoy’s creative dialogue with Anthony Trollope 15
Latfulina Z.R. Moduses of authorization and recollection in dialectal sentence 22
Mishankina N.A. Linguistic corpus “Tomsk regional text”: theoretical and methodological background of the project 28
Haminova A.A., Zilberman N.N. The theory of intermediality in the context of modern humanities 38
Khomuk Nikolay V. I.T. Kalashnikov’s novel *The Daughter of the Merchant Zholobov* and the Siberian Baroque. Article 2 46

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Agafonova E.V. Reasoning and interpretation in making moral judgments 56
Goncharenko M.V. Existentiality of discourse and foundation of systematic speculation in the context of fundamental ontology and the postmodern tradition 64
Kashtanova O.B. The terminological analysis of the word “loneliness” 68
Mozhaeva G.V., Mozhaeva Renha P.N. , Serbin V.A. Digital Humanities: organizational forms and infrastructure research 73
Pilyushenko A.V. Individual form of action as a basis for healthy lifestyle implementation 82
Usacheva O.T. The Russian Orthodox Church as a member of the World Council of Churches: strengthening the Orthodox position on issues of diakonia 86
Chernikova I.V., Kartashova A.A. Formation of a new educational paradigm in the transition from the information society to the knowledge society 92

CULTURAL STUDIES

Bokova A.V. Creative industries: administrative and academic approaches to the definition 98
Eroshevskaya D.V. The historical and cultural museum-reserve “The Moscow-Siberian Route” of Bolsheukovsky municipal district of Omsk Oblast 102
Korobeynikova L.A. Modern concepts of humanism 108
Savelieva E.N. Topical issues of cultural examination of child pornography: towards “prevention” of ethical and aesthetic relativism 112
Sizova I.A. Public museums of Tomsk Oblast: the early history (1960–1980s) 118

ИСТОРИЯ

Андреев А.Е. Тверские губернаторы на рубеже XIX–XX вв.: стиль работы и образ жизни 123
Ануфриева А.С. Молитва государя: роль короля в битве при Биртене в интерпретации Лиутпранда Кремонского 128
Белов С.Г. Основные тенденции развития фабрично-заводской промышленности Казанской губернии в пореформенный период 133
Васильев А.В. Документация о строительстве сельских церквей как исторический источник (на примере Томской губернии) 139
Иерусалимская С.Ю. Источники личного происхождения о народном образовании Верхнего Поволжья XIX столетия ... 145
Смокотин С.В. Роль купечества в строительстве православных храмов в Томске в XVIII–XX вв. 149

HISTORY

Andreev A.E. Tver governors at the turn of the 19th-20th centuries: style of work and way of life 123
Anufrieva A.S. Prayer of Ruler: the role of King in the Battle of Birten by Liutprand of Cremona 128
Belov S.G. Main trends of the factory industry development in Kazan Province in the post-reform period 133
Vasilyev A.V. Documents on construction of rural churches as a historical source (Tomsk Province data) 139
Yerusalimskaya S.Yu. Private sources on popular education in the 19th-century Upper Volga region 145
Smokotin S.V. Contribution of the merchant class to the construction of Orthodox churches in Tomsk in the 18th – early 20th centuries 149

ПРАВО

Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики 153
Андреева О.И. Проблемы психофизиологического исследования: криминалистический аспект 158
Варданян Г.А. Особенности проведения выемки по уголовным делам о преступлениях, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств 162
Груздев В.В. Гражданско-правовые возражения обязанного лица 166
Каляшин А.В. Об интеграции в российскую уголовно-исполнительную систему расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя учреждений Государственной пенитенциарной службы Украины 171

LAW

Ayvazova O.V. Criminalistic characteristic of crimes as systematic reflection of criminal activity mechanism: results of scientific debates 153
Andreeva O.I. The problems of psychophysiological research: a criminological aspect 158
Vardanyan G.A. Special aspects of seizure in criminal cases concerned with production and traffic of forged pharmaceuticals 162
Gruzdev V.V. Civil law objections of the obligated person 166
Kalyashin A.V. On the integration of the establishments of the State Penitentiary Service of Ukraine located in the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol into the Russian correctional system 171

ЭКОНОМИКА

Беспалова О.В. Проблема дефинирования термина «денежно-кредитная политика» 178
Зеленцов А.В., Глухова Е.С. Новые принципы кадровой политики в деятельности исполнительных органов государственной власти Томской области 184

ECONOMICS

Bespalova O.V. The problem of definition of the term “monetary policy” 178
Zelentsov A.V., Glukhova E.S. New principles of personnel policy in the activities of the executive bodies of Tomsk Oblast 184

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бер А.А., Капилевич Л.В., Бер Л.М. Влияние водно-дыхательного тренинга на адаптацию системы внешнего дыхания у беременных женщин 189
Гуляев В.Н., Климов Р.А. Развитие рефлексивной педагогической компетентности офицеров в процессе проблемно-деятельностного обучения 192
Калачикова О.Н. Формирование исследовательских компетенций студентов в вузе: потенциал программы образовательного сопровождения курсовых и дипломных работ 196
Колядко С.В. Телевизионный рекламный медиатекст как средство формирования медиалингвистической компетенции у студентов языковых факультетов 206
Мещерякова Э.И., Бочаров А.В. Контент-анализ взаимосвязей культурно-средовых идеологических факторов с понятием «экстремизм» в информационном поле Рунета 211
Циринг Д.А., Пономарева И.В., Овчинников М.В., Эвнина К.Ю. Средовая природа личностной беспомощности 217

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Ber A.A., Kapilevich L.V., Ber L.M. Effects of water-breathing exercises on the adaptation of the external respiration system of pregnant women 189
Gulyaev V.N., Klimov R.A. Development of officers’ reflexive pedagogical competence in the process of problem-activity training 192
Kalachikova O.N. Formation of research competence of students in higher school: potential of the term and graduate research educational support program 196
Koliadko S.V. Television advertising media text as a method for creation of media linguistic competence in students of language faculties 206
Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V. Content-analysis of interdependence between cultural-environmental ideological factors and the definition of “extremism” in the information field of Runet 211
Tsiring D.A, Ponomareva I.V., Ovchinnikov M.V., Evnina K.Yu. The environmental nature of personal helplessness 217

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Дубровская Л.И., Герасимова В.Р. Особенности сезонного стока с заболоченных водосборов Обь-Иртышского междуречья в условиях изменяющегося климата 221
Исаева Е.Р., Столбова Н.Ф. Исследование процессов флюидомиграции в нефтегазоносных отложениях Ванкорского месторождения 228
Солдатова Е.А., Ван Г., Шварцев С.Л., Гусева Н.В. Химический состав грунтовых вод водосборной площади озера Поянху (Китай) 235
Фетисов Д.М. Разнообразие и современное состояние предгорных геосистем Среднего Приамурья 246
Шигорина Е.Г., Строкова Л.А. Численное моделирование процесса микробного осаждения кальцита и его влияние на проницаемость грунтов 252

БИОЛОГИЯ

Астафурова Т.П., Сучкова С.А., Салаев М.А., Михайлова С.И., Одышева Л.Е., Буренина А.А. Влияние гликолурила на продуктивность яровой пшеницы (*Triticum aestivum* L.) 263
Зотикова А.П., Васильева Г.В., Бендер О.Г. Фотосинтетические и дыхательные процессы в хвое кедра сибирского, кедрового стланика и гибридов между ними 268

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 275

EARTH SCIENCES

Dubrovskaya L.I., Gerasimova V.R. Features of seasonal runoff from waterlogged catchments of the Ob-Irtysh interfluve in terms of regional climate change 221
Isaeva E.R., Stolbova N.F. The study of fluid-migration processes in oil-and-gas deposits of the Vankor field 228
Soldatova E.A., Wang Guangcai, Shvartsev S.L., Guseva N.V. Chemical composition of shallow groundwater of the Poyang Lake catchment (China) 235
Fetisov D.M. The diversity and the current state of piedmont geosystems in the Central Amur region 246
Shigorina E.G., Strokova L.A. Numerical investigation of microbially induced calcite precipitation and its influence on the permeability of soil 252

CHEMISTRY

Astafurova T.P., Suchkova S.A., Salaev M.A., Mikhaylova S.I., Odysheva L.E., Burenina A.A. The effect of glycoluril on the productivity of spring wheat (*Triticum aestivum* L.) 263
Zotikova A.P., Vasilyeva G.V., Bender O.G. Photosynthetic and respiratory processes in the needle of the Siberian Stone Pine, the Siberian Dwarf Pine and their hybrids 268

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 275

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 6–14 DOI: 10.17223/15617793/389/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-194

О.О. Белоусова, О.А. Дашевская

ПОЭТИКА ЦИКЛА И КНИГИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Рассматривается книга стихов как феномен циклизации в литературе Серебряного века. Дается общий обзор теории цикла, излагаются основные вехи изучения различных составных форм (книги стихов, сборника, собрания). Выявляются общие методологические вопросы, связанные с проблемой изучения цикла, книги стихов на современном этапе литературоведения. Обозначается происхождение термина «цикл», дается определение смежного с ним понятия «книга стихов». Анализируются признаки и устанавливаются художественные границы циклических форм.

Ключевые слова: цикл; книга стихов; циклические образования Серебряного века; книготворчество; лирика.

Вопросы циклообразования, структурной целостности, функционирования различных составных форм (книги стихов, сборника, собрания) являются актуальной проблемой в современном литературоведении.

В статье рассматриваются три вопроса: 1) основные вехи изучения циклизации в XX в.; 2) понимание цикла и смежных с ним понятий на современном этапе; 3) соотношение книги и цикла.

Происхождение термина «цикл», с одной стороны, связано с предромантической философской эстетикой, где оно возникло; с другой – наиболее распространенным явлением циклизации стало во второй половине XIX в.

В монографии «Циклизация в лирическом творчестве Пушкина» исследователи М.Н. Дарвин и В.И. Тюпа отмечают: «В европейской теории искусства “цикл” впервые возникает на рубеже XVIII–XIX вв., в период становления романтизма. А.В. Шлегель замечает, что “в циклической форме могут выступать такие явления, которые только благодаря предшествующему или последующему становятся полнозначными”» [1. С. 15].

В литературной энциклопедии терминов и понятий даётся следующее определение циклизации (греч. Kyklus – круг, колесо): «…это объединение нескольких самостоятельных произведений в особое целостное единство. Циклы можно обнаружить в литературе на всех этапах её развития…» [2. С. 1190].

Л.Е. Ляпина пишет: «Цикл – тип эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, принадлежащих одному виду искусства, созданных одним автором и скомпонованных им в определенную последовательность» [3. С. 165].

А.В. Михайлов отмечает, что понятие «цикл» складывается «в критический момент – на самом водоразделе между гетевской эстетикой и эстетикой позднейшей, психологической, психологизированной, вобравшей в себя романтические импульсы начала XIX века» [4. С. 64].

В дальнейшем «цикл», «цикличность», «циклизация» становятся достаточно употребительными, это понятие встречается в переписке поэтов эпохи романтизма, в высказываниях литературных критиков. Многие лирические явления той поры, имплицитно относящиеся к циклическим образованиям, таковыми не осознавались и не назывались. В первой половине XIX в. то, что мы теперь называем циклами, предпочитали называть «лирическим романом». Исключение составил Г. Гейне, разделивший свое произведение «Северный мор» на «первый» и «второй» циклы.

Различные литературные обозначения циклических форм в общеевропейском контексте могли иметь и свои национальные языковые варианты. Возникавшие в русской лирике первой половины XIX в. циклические образования по характеру названий далеко отстояли от греко-латинских корней слова «цикл». Их предпочитали именовать «особой поэмы», «ансамблем стихотворений» (от фр. ensemble – стройное целое, совокупность, система). «Ансамблем стихотворений» называл, например, свои «Цветы зла» Ш. Бодлер [1. С. 16].

Первыми, кто обратил внимание на феномен лирической циклизации в Европе, были художники XIX в. – Г. Гейне, Ш. Бодлер, В. Гюго. Интерес к авторским циклическим образования в дальнейшем появится в творчестве русских поэтов конца XIX в. – Н.П. Огарева, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, А. Григорьева. Их суждения сходятся в том, что стихотворения одного поэта связаны между собой и соседство их в книге не случайно, несет в себе «зерно» творчества, понятное лишь из авторского контекста [5. С. 6].

На рубеже XIX–XX столетий широко распространенным явлением стали циклы и книги стихов в самых разных вариантах. Они предстали постоянным и значительным объектом размышлений сначала самих поэтов Серебряного века – В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, М. Цветаевой, Н. Гумилева, М. Волошина, затем критиков, историков и теоретиков литературы [6. С. 4]. Поэты Серебряного века, более других В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, осознали это явление как новое качество словесно-художественного творчества. Как правило, свои суждения о природе лирической циклизации поэты высказывали в различных предисловиях к сборникам, книгам стихов, эссе, рецензиях, личной переписке [1. С. 17].

Сущность лирической циклизации А. Белый пытался объяснить исходя из природы самого лирического творчества. Художественная циклизация в лирике для него – это, прежде всего, производное, некая результанта творящего и воспринимающего сознаний. Лирическое творчество – это органическое целое, и одной из форм этого целого наряду с отдельным сти-

хотворением является другое органическое целое, вытекающее из первого, – лирический цикл [7. С. 550]. Согласно представлению А. Белого, отдельное стихотворение – это только «отрывок», находящий свое окончательное место лишь в цикле или книге стихов. Цикл призван «облегчить» доступ читателя к «целому… не преломимому частями, но преломляющему эти части». А. Белый специфически понимал целостность отдельного лирического произведения. Отдельное стихотворение мыслилось не самостоятельно, но как часть целого [7. С. 550].

Художественный образ мира создавался поэтами рубежа веков не только «ансамблями» произведений (контекстами), поэтому в ходу были не только малые, но и большие формы лирического творчества, такие как «лирический цикл», «лирическая поэма», «книга стихов», именовавшаяся еще иногда «лирическим романом» [1. С. 18]. Это отметил в предисловии к своей книге стихов В.Я. Брюсов «Urbi er Orbi»: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов – не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно» [Там же. С. 19].

Таким образом, единство лирического цикла рассматривалось поэтами рубежа веков как целостность, равная «большому произведению», состоящему из отдельных частей или глав, в цикле – стихотворений. В творческой практике поэтов той поры встречались попытки прямого отождествления цикла с жанрами большой эпической или лироэпической формы. Таким образом, цикл как категория художественного творчества обретает свой терминологический статус на рубеже XX в. В это время понятия цикла и циклизации прочно входят в литературно-критическое сознание как категории художественного творчества. Под лирическим циклом стала подразумеваться такая совокупность взаимосвязанных между собой стихотворений, которая была способна воплотить целостный взгляд на мир («поэма души», «поэтическая идеология», «роман», «трактат» в стихах), выразить художественную волю автора.

В предисловии А. Белый пишет: «Лирическое творчество каждого поэта отпечатлевается не в ряде разрозненных и замкнутых в себе самом произведений, а в модуляциях немногих основных тем лирического волнения, запечатленных градацией в разное время написанных стихотворений; каждый лирик имеет за всеми лирическими отрывками свою ненаписанную поэму; и понимание или непонимание действительного поэта зависит от умения или неумения нашего сложить из мозаических или рассыпанных кусочков целого картинку, в которой каждый лирический отрывок связан с другими, как система арок рисует целое готического собора» [7. С. 551]. Понимание художественной циклизации у поэтов рубежа веков, в частности у А. Белого, связано, с одной стороны, с тем, что циклизация рассматривается как способ выражения авторской художественной концепции мира; с другой – как способ организации читательского восприятия (понимания) [1. С. 21].

Позднее циклизация обращает на себя внимание исследователей, начавших рассматривать лирический цикл как новый жанр, возникающий на рубеже XIX–XX вв. и близкий к лирической поэме, например Л.Я. Гинзбурга и Л.К. Долгополова, В.А. Сапогова, Л.Е. Ляпина.

Цикл и смежные с ним понятия. Прослеживая историю становления циклизации, нельзя не отметить появление в дальнейшем множества других, смежных с ней понятий: собрание сочинений, книга стихов, лирическая книга.

В 1920-е гг. возникли вопросы художественной циклизации литературных произведений, связанных с понятием «собрание сочинений». Г.О. Винокур писал, что «собрание сочинений – также особая структура и особый знак какого-то особого содержания, нечто цельное и конкретное». Другими словами, «собрание сочинений образует особого рода контекст, в отвлечении от которого отдельная часть его не может быть верно истолкована» [8. С. 110, 111].

Входящее в литературно-критическое сознание эпохи XX в. понятие циклизации соответствовало также тенденции сравнительного литературоведения: изучению художественных произведений как внутри авторского творчества, так и в системе национальной и даже мировой литературы. «В таком сопоставительном изучении литературы присутствует “соблазн циклизации”, – прокомментировал Майкл Риффатер. – Когда одно или несколько произведений возводят к другому или другим произведениям на основании каких-то общих признаков: тематических, жанровых, композиционных. Но объединенные таким образом в группы произведения – это уже не авторские, но исследовательские контексты, лишенные в своей основе собственно художественного начала» [1. С. 23].

Новая волна увлечения проблемой художественной циклизации лирики приходится на 1960-е гг. П.Н. Берков отмечал: «Проблема циклов в книгах стихов поэтов, начиная от сентименталистов и романтиков, продолжая поэтами “чистого искусства” середины и второй половины XIX века и кончая символистами и другими поэтами начала XX века, – мало, – чтобы не сказать вовсе, – не изучена в советском литературоведении» [Там же. С. 25]. В следующие годы идёт накопление конкретных исследований, в результате чего появляется возможность говорить и о более раннем возникновении лирического цикла, а также о том, что циклизация как таковая существовала на всех этапах литературного развития.

Наиболее последовательно и цельно теория лирического цикла была развита в работах В.А. Сапогова. Основываясь на материале русской лирики начала XX в., в частности на поэзии А. Блока, В.А. Сапогов приходит к выводу, что «лирический цикл», который встречается у поэтов XX в., – новый жанр, он имеет промежуточное значение между тематической подборкой стихотворений и поэмой [9. С. 90]. По своей структурной организации лирический цикл сближается с лирической

поэмой, в основе которой лежит особый «лирический сюжет». В. Сапогов пишет: «Лирический сюжет строится на развитии и оттенках авторской эмоции; сила и “центростремительность” поэтического чувства является тем моментом, который сдерживает стихотворения цикла в пределах единой поэтической структуры». В другой работе, развивая свои представления о структурной организации цикла, В.А. Сапогов поясняет: «Лирический цикл можно представить в виде небольших кругов, соприкасающихся, пересекающихся, а иногда и расположенных совсем изолированно, то есть несколько лирических произведений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [10. С. 182]. «Лирический цикл – это целостный текст (“большое стихотворение”, “лирическая поэма”), где каждое стихотворение, условно говоря, – часть, строфа. Лирический цикл – это как бы большая стансовая структура» [11. С. 90].

В работах исследователей 1970-х гг. начинает складываться традиция выявления признаков циклизации, определения лирического цикла даются по совокупности признаков.

Исследовательница Л.К. Димова пытается установить различие между понятиями лирического цикла и близкими к нему явлениями: разделом сборника, подборкой стихов, лирической поэмой. Под лирическим циклом Димова понимает следующее: «Лирический цикл – совокупность отдельных поэтических текстов одного автора, объединенных общим названием, устойчивой повторяемостью данной совокупности текстов в нескольких изданиях или невозможностью отдельных текстов данной совокупности входить в другие устойчивые объединения текстов» [12. С. 7]. Данное определение, отмечает Дарвин, формально, так как под него легко попадают не только художественные циклы, но и авторские сборники, антологии и другие поэтические издания.

Л.Е. Ляпина предлагает выделить в лирическом цикле пять основных признаков:

1) авторская заданность композиции;

2) самостоятельность входящих в цикл произведений;

3) одноцентренность, центростремительность композиции лирического цикла;

4) лирический сюжет;

5) лирический принцип изображения [13. С. 123].

В современном литературоведении нет единодушного решения, что считать лирическим циклом. Во многих работах можно найти, что лирический цикл – это целостное образование, которое по своим внутренним свойствам приближается к самостоятельному литературному произведению, а отдельные стихотворения внутри него значимы как части целого. Так, Л.Е. Ляпина пишет: «лирические образования правомерно рассматривать как цельные художественные произведения» [14. С. 7].

В 1970–1980-е гг. в литературоведении происходят обобщение накопленного опыта и становление современной теории циклизации. Расширение и углубление материала идет в трех направлениях.

1. Цикл изучается в рамках структурного анализа произведений, а также сравнительного, типологического видов исследований.

2. Со второй половины 1980-х и в 1990-е гг. цикл начал изучаться в аспекте исторического бытования, соотнесения его с другими жанрами. Учеными выявлены основные этапы циклизации в литературе XIX в. Данные этапы были соотнесены с литературными направлениями, поворотными вехами историко-литературного процесса XIX и начала XX в.

3. В 1980-е гг. в исследовательской практике были выработаны основные дефиниции, характеризующие цикл и книгу стихов (однако термины в словарях и энциклопедиях, в учебной литературе еще не закрепились и нуждаются в уточнении).

Новым этапом изучения циклизации становятся появление целостной теории цикла, а также начало научной полемики по поводу его статуса и дискуссия о том, какой именно круг явлений правомерно называть словом «цикл» в терминологическом значении. И.В. Фоменко трактует цикл как особое «жанровое» образование, обязательно авторское. «Само обращение к циклизации дает поэту исключительно для лирики возможность… воплотить сложную, а подчас и противоречивую концепцию в пределах одного произведения», – отмечает И.В. Фоменко [15. С. 70].

На этапе изучения цикла конца 1990 – начала 2000-х гг. отмечен более высокий уровень исследовательской методологии. Первоначальное накопление и систематизация материала позволили создать фундаментальные работы сравнительно-исторического, историко-типологического и теоретического плана. Произошла смена масштаба: к этому взывала глобальность явления циклизации, результаты сопоставительного анализа провоцировали выход на новый уровень обобщения. Циклические структуры были осмыслены в их родовой, жанровой и общеэстетической сути. Объектом рассмотрения и определения оказалась поэтика лирического цикла.

В итоге цикл был изучен как художественный феномен общелитературного масштаба в его эволюции, специфике различной родовой природы, типологических разновидностях. В этот период возникла тенденция к выявлению маргинальных контекстовых форм, реализующих процесс циклизации: от лейтмотивных комплексов и працикличеcких композиций – циклоидов и жанроидов (термин Е.М. Таборисской) – до «несобранных» циклов (издательских, рецептивых), авторских и межавторских дилогий, трилогий, диалогических «синопсисов» стихотворных книг дебютного, этапного, итогового типов и их ансамблей [16. С. 17].

Циклоиды (и жанроиды) – «генетические» предшественники циклических (и жанровых) форм, основное время их бытования – XIX в., позднее они исчезают или уходят на периферию литературного процесса. Оговаривая условность данного разделения, в русской литературе исследователь выделяет шесть типов циклоидов: несколько отрывков, собранных воедино, тематическая подборка, распадающаяся романтическая поэма, многочастное стихотворение, группа стихотворений, воспринимавшихся автором как единство. Данные разновидности циклоидов по-

служили основным материалом для становления лирической циклизации малых форм [5. С. 9].

В теории М.Н. Дарвина цикл понимается достаточно широко, как особая форма контекста, включающего в это понятие обширный круг явлений, в том числе так называемые несобранные циклы. Дарвин отмечает, что данный термин подчиняется аналогии: цикл – это как бы большое стихотворение, лирическая поэма (например, лирические циклы А. Блока). Однако использовать такое определение цикла как самостоятельного произведения (единого целостного текста), применимого абсолютно ко всем случаям художественной циклизации в лирике, невозможно. Существует немало поэтических циклов, которые составлялись авторами из стихотворений, написанных в разные годы и по разному поводу, например «Последние песни» Н.А. Некрасова.

Далее Дарвин подмечает, если к лирическому циклу относиться только как к самостоятельному произведению, большому стихотворению или лирической поэме, то как ответить на вопрос, в чем заключается его собственное художественное своеобразие? Исследователь поясняет, что, рассматривая лирический цикл, центр тяжести следует перенести не на понятие лирического цикла, который сам по себе как некое жанровое (сверхжанровое) образование возник на определенном историческом этапе развития лирики и потому может быть уподоблен «виду», а на более широкое, «родовое» понятие лирической циклизации, объемлющее многообразие художественных форм (от стихотворного раздела до сборника и книги стихов) на всем пути исторического развития лирики.

Л.Е. Ляпина разделяет два понятия: лирического цикла и лирической циклизации. «Тенденция к лирической циклизации, то есть стремление к объединению отдельных стихотворений по возможным признакам, прослеживается в мировой литературе всех времен. Внутри отдельных национальных литератур выделяются периоды, когда циклизация приобретает однозначный характер, интенсифицируется и порождает более тесные, неразделимые стихотворные единства. В результате появляются циклы стихотворений» [14. С. 4]. Нам ближе точка зрения Дарвина, который, критикуя данное суждение Ляпиной, отмечает, что спорно то, что лирический цикл как художественная форма является конечной целью и результатом лирической циклизации как тенденции исторического развития поэзии. Дарвин склоняется к следующему суждению: «Художественная циклизация – это более широкая возможность образования многообразных циклических форм в процессе исторического развития литературы, в нашем случае – лирики» [Там же. С. 7].

Опираясь на поэтическую теорию Л.Я. Гинзбург («О лирике», 1974), М.Н. Дарвин рассматривает цикл как определенную разновидность контекста: «…в лирике возникает как бы своя самопорождающая и разрастающаяся цепочка контекстов: слово – стих – строфа – стихотворение-микроцикл (стихотворная “дилогия” или “трилогия”) – цикл (стихотворный раздел) – книга стихов (стихотворный сборник)» [17. С. 27]. Устанавливаемые границы контекстов (от микроцикла до «книги стихов»), обладающих разной степенью связанности, открытости – закрытости, создают удобное поле для наблюдения за процессами собственно художественной циклизации в лирике [Там же. С. 40].

Трудность определения художественной формы цикла М.Н. Дарвин видит в том, что она не имеет постоянных, устойчивых признаков.

Цикл и книга стихов. Обычно выделяют две наиболее частотные разновидности циклических образований: цикл и книга стихов. Эти понятие долгое время употреблялись как синонимы. И чёткого разграничения в исследовательской литературе до сих пор нет. О статусе лирического цикла высказываются различные мнения. Его называют и жанром, и контекстом, и показателем цикличности, и сверхжанровым единством. Чаще всего исследователи, вне зависимости от того, признают они цикл жанром или оспаривают данную точку зрения, не указывают, в рамках какой литературной системы обсуждается статус данного образования.

Эффект «тотальной циклизации» инициирует процессы выявления и описания смежных понятий: цикл, раздел, книга. Вектор изучения «мозаических» структур сдвинулся в сторону XX столетия, от циклов к стихотворному тому и лирической книге, явившейся действенным фактором развития блоковского поколения. Предметом углубленного анализа стали переходные, синкретические, жанрово-родовые формы циклизации. Появились первые опыты системных коллективных исследований контекстовых форм, их дифференциации по жанрово-архитектоническому принципу.

Современным цикловедением достаточно хорошо освоено не только начало, но и весь XX в., когда «мышление циклами и книгами» среди поэтов стало таким же обычным, как и мышление стихотворениями и поэмами в предыдущем столетии. Почти неизученным остаётся предшествующий этап развития книготворчества, когда из разряда уникальных опытов книга стихов начала переходить в класс распространенных явлений, т.е. накопила необходимое и достаточное количество функций для воспроизведения их как системы определенного жанра. Это обстоятельство определяет необходимость демонстрации малоизвестного ансамбля итоговых книжных изданий [18. С. 51].

Многие из них появляются уже в 1900-е гг., хоть и принадлежат поэтике последней четверти XIX в.: «песни старости» А.М. Жемчужникова (1902), «Песни уголка» К.С. Случевского (1902), «Иллюзии» К.М. Фофанова (1900), т.е. позднее, чем первые книги поэтов нового поколения (Н. Минского, Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта). «Книги-сборники, – отмечает О.В Никандрова, – появились с опорой на уже существующую традицию, сразу же видоизменяя и обогащая её» [5. С. 19].

У всего разнообразия циклических образований был стержень, единое скрепляющее звено: миф, который личность создаёт о себе (К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Иванов, С. Городецкий и др.). Циклизация позволила поэтам воплотить цельную концепцию видения мира, а также реализовать стремление к мифотворче-

ству, начинает восприниматься поэтами как значимый эстетический приём. На данном этапе впервые появляется попытка объяснить значимость специфического построения книги.

О.В. Никандрова поясняет: циклизация больших и малых форм становится постепенно чем-то неделимым, появляется идея «тотальной циклизации». Книги одного автора воспринимаются как отражение единой духовной биографии. Многие поэты-символисты рассматривали своё творчество как единый текст, обладающий сложными внутренними законами, и пытались донести до читателя сущность этого единства, пользуясь возможностями циклизации. Это и породило феномен «тотальной циклизации»: циклы складываются в разделы, разделы в книги, книги воспринимаются как единый текст. Появляются собрания в несколько томов, построенные сложнейшим образом, вмещающие несколько книг и передающие идею авторского развития за значительный период времени: «Пути перепутья» В.Я. Брюсова, «Cor Ardens» В. Иванова, «Стихотворения» А. Белого (1923).

Апогеем и наиболее законченным выражением этой тенденции становится «лирическая трилогия» А. Блока. В основу трилогии положена идея жизненного пути, которая представляет собой единое целое, это собранные вместе книги поэта. Именно блоковская трилогия приближена к реализации принципа «тотальной» циклизации: циклы объединяются в разделы, разделы – в книги, книги – в единый текст трилогии.

На короткий период времени основной разновидностью книги становятся именно такие единства. Происходила перестановка акцентов в содержании жанровых форм циклических образований: если прежде циклы и книги соотносились с мифом (преимущественно биографическим), то теперь эта семантика закрепляется за книгой стихов, обнаруживается усиленное тяготение к гармонизации мира.

Поэты-символисты пользуются при составлении своих первых сборников теми же принципами, что и поэты предыдущего поколения. Предвестниками грядущих изменений являются осознанный интерес этих авторов к выстраиванию сборника, выражаемый формальными средствами, стремление максимально использовать все найденные поэтами XIX в. способы подчеркнуть единство книги, а также сдвиг от упрощенно-тематической группировки стихотворений к более тонкой, ассоциативной. У поэтов нового поколения есть ощущение традиции, правда, весьма смутное, что проявляется в обилии предисловий к последующим, более продуманным книгам, но достаточное для того, чтобы задать некое направление движения, пометить в сознании пишущих более или менее устойчивую парадигму, определившую дальнейшие искания.

В 2001 г. вышли в свет материалы Международной научной конференции «Европейский лирический цикл» (историческое и сравнительное изучение), составителем которой стал М.Н. Дарвин [19. С. 278]. В сборнике статей помещены доклады сравнительного изучения явления циклизации в различных национальных литературах разных эпох. Авторы пытаются найти новые пути истолкования этого феномена художественного творчества – циклизации. Ученые выявляют фундаментальные проблемы современного цикловедения, связанные с теорией жанровой природы цикла, предлагают разграничивать циклы от циклоидных явлений. К статьям о цикле примыкает ряд работ о книге стихов в разные периоды её бытования (конец XIX – начало XX в.). Это статьи Д. Магомедова, О. Лекманова, Ю. Шатина.

Если понятие цикла, циклизации более популярное и его не сложно найти в энциклопедиях, литературоведческих словарях, то термин «книга стихов» в данном сборнике у авторов заявлен впервые. В ряде работ эта жанровая разновидность рассматривается в соотношении с циклом и другими циклическими формами. Уже В. Брюсов отмечает: «Книга должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью» [20. С. 604, 605].

Дарвин упоминает: «Художественный образ мира создавался поэтами рубежа эпох не столько отдельными произведениями (текстами), поэтому в ходу были не только малые, но и большие формы лирического творчества, такие, как “лирический цикл”, “лирическая поэма”, “книга стихов”, именовавшаяся еще иногда жанром “лирического романа”» [19. С. 44].

«Осознание специфики жанра “книги стихов”, законов сцепления лирических циклов и отдельных стихотворений в её художественной целостности – важная и мало разработанная проблема теории литературы. Понять книгу стихов как “большую форму” – значит осмыслить её как единство» [21. С. 183], – подчеркивала Д.М. Магомедова, отмечая центральную роль книги стихов в жанровой системе русского символизма.

Факт появления в 1903 г. книги стихов, построенной по принципам жанровой циклизации, свидетельствует о том, что традиционные поэтические жанры на рубеже веков отнюдь не прекращают своего существования, а трансформируются, стилизуются, меняют привычный словарь, субъектную структуру, соединяются с новыми тематическими комплексами. Судьба традиционных жанров в лирике Серебряного века – одна из актуальных проблем исторической поэтики.

Если за книгой стихов признать жанровый статус, неизбежно встает вопрос об определении её специфически жанрового содержания и функциональности, к решению которого вплотную подошел И.В. Фоменко, опираясь на декларации символистов, создавших и впервые осмысливших книгу стихов.

Как подметил И.В. Фоменко, понятие «книга стихов» имеет в филологии два значения: во-первых, под книгой стихов подразумевается книга в традиционном смысле – переплетённые листы бумаги со стихами, сборник стихотворений; второе значение более узкое и специальное: под книгой стихов понимают особое жанровое образование, разновидность циклической формы [22. С. 64]. В статье Фоменко пишет: «Второе значение спонтанно вводили сначала старшие, а чуть позже младшие символисты, использовавшие осознанно возможности циклизации как способа воплощения авторских взглядов в совокупности стихотворений» [Там же].

О.А. Лекманов отмечает, что «если в начале XIX в. книга стихов обычно делилась на разделы по жанрам, а во второй половине века – по темам (как, например, в собраниях стихотворений Майкова, Фета, Случевского), то теперь построение книги стало более гибким. Каждый сборник ощущается как программный, с продуманным расположением произведений, определяющих “направление главного удара”, подкрепляющих и оттеняющих их» [23. С. 14].

Таким образом, в XX в. книга стихов начинает осознаваться как структура, занимающая особое положение в иерархии: стихотворение – цикл – книга. Эта тенденция укрепляется самими поэтами [22. С. 67]. Предложив читателю свою «Книгу лирики» (1966), С. Кирсанов подчеркнул две её основные особенности: целостность и статус. Создав словосочетание «книга лирики» не традиционным подзаголовком, а заглавием, он тем самым декларировал особый тип текста, который ожидает читателя. Итак, книга стихов, по крайней мере, в авторском понимании, занимает особое место в иерархии циклических образований. В «типовом», «классическом» варианте авторская книга стихов – это система циклов. Книгу стихов часто изучают в аспекте циклизации.

В исследованиях Л.Я. Гинзбург и М.Н. Дарвина книга стихов, как и цикл, рассматривается в качестве разновидности контекста, несмотря на содержательную целостность, «итоговость».

Обе точки зрения дополняют друг друга. С одной стороны, книга стихов – это крупная форма циклизации, с другой – задача литературоведения – восстановить творческий замысел автора, который реализуется в определенных условиях.

О.В. Мирошникова первая, кто обратила внимание на традицию «итоговой книги». Это наиболее частотная разновидность сборника со сложной внутренней структурой расположения стихотворений. Итоговая книга обычно включает в себя стихотворения, написанные за достаточно долгий период времени и отличается разноплановостью тематики [18. С. 22]. Среди жанровых метаструктур тип лирической итоговой книги – результат индивидуального и коллективного книготворчества некрасовско-фетовского поколения и поэтов переходной эпохи 1880–1890-х гг. Мирошникова, выделяя «жанровый класс» итоговой книги, подразделяет книгу на два типа по специфике архитектонического решения: книга-композиция и книга-цикл. Бытованием этих разновидностей объясняется разноречивость исследовательских определений, поскольку книгу-цикл естественно называть жанром (жанровым образованием) или макрожанром. Для книги, представляющей собой сложную композицию глав, разделов, циклизированных лейтмотивов, т.е. иерархию рубрик-фрагментов, более адекватным будет определение метажанра [24. С. 156].

В исследовании Мирошниковой книга стихов обретает следующие значения: 1) книга стихов понимается как особое художественное явление и рассматривается в двух аспектах – жанрологии и цикловедения; 2) автор использует термин «книготворчество», понимая под ним один из видов циклизации.

Книга стихов как самостоятельное жанровое образование в русской поэзии начинается с конца XIX в. Книготворчество как один из видов циклизации – это явление сложное и не исследованное. Современное литературоведение только приступает к изучению этой проблемы. Лирическая книга, или книга стихов, – это явление возникло в результате сложных и длительных историко-литературных процессов. Многие словосочетания используются как синонимы. О.В. Мирошникова в учебном пособии «Лирическая книга: архитектоника и поэтика» даёт определения этим понятиям. Книга стихов – циклическая метаструктура в лирике – является системным художественным образованием, материально-образным воспроизведением либо одного из основных, либо совокупности доминирующих в определенный период лейтмотивов и тематических комплексов поэта, в которых отражены его концепция мира, специфика миропереживания. Лирическая книга в восприятии поэтов – издание, полиграфически овеществляющее концептуально-этапный поэтический комплекс стихотворений и циклов-разделов, структурированный по замыслу автора как художественное единство, как системно-образное выражение его мировидения [18. С. 25].

Таким образом, книготворчество связано с двумя процессами конца XIX – начала XX в. и позднее 1910-х гг. С одной стороны, происходит трансформация циклических явлений: уход от больших цикличных форм (групповые издания, например, сборник «Русские символисты» В. Брюсова, стихотворные сборники, «жанровые» книги, книги стихов и др.). С другой стороны, происходит тяготение к малым формам, сопоставимым с отдельным произведением: лирические циклы, ансамбли, циклоидные формы и множество других. Развитие циклических жанровых образований связано с тенденцией усложнения характера лирического героя.

Фоменко выделяет проблемы методики анализа книги – это важный и мало разработанный вопрос в литературоведении. Во-первых, трудность интерпретации книги стихов основывается на том, что в ней есть композиционный уровень (порядок расположения циклов), а также внешние и очевидные связи (каждый цикл – грань авторского мироощущения, последовательность циклов – порядок, в котором эти грани соотносятся); также в цикле следует выявлять архитектонику (форму «душевной и телесной ценности эстетического человека… природы – как его окружения…») [22. С. 64].

Ещё одна проблема, связанная с выделением книги стихов как циклического образования, состоит в том, что границы между циклом и книгой очень подвижны: один и тот же текст может быть в разных ситуациях интерпретирован как цикл и как книга стихов, книга может «свёртываться» в цикл, цикл «развёртываться» в книгу [Там же. С. 65].

Так, у Н. Клюева первое издание «Сосен перезвон», вышедшее в конце 1911 г. в виде брошюры, состояло из 13 стихотворений, а в составе сборника имело уже 40. И в каждом следующем прижизненном издании книги разрастались, перегруппировывались прежние и появлялись новые циклы, в структуру входили и другие. Так, в первом издании в «Песнослов»

входили 72 стихотворения, а во втором, появившемся через три года, – 200. С точки зрения методологии анализа циклических образований важно разграничивать цикл от книги стихов и понимать, как эти термины взаимосвязаны между собой.

Характерным примером лирической книги конца XIX в. может служить издание А.М. Жемчужникова. Мирошникова выявляет особенности жанровой модели итоговой книги как процесса укрупнения циклических форм к концу XIX в. Жанровая эволюция поэта состоит в неуклонном движении от стихотворения как основной единицы творчества к циклу, от цикла – к сборнику, двухтомному собранию сочинений, от него – к книге и книжной дилогии [18. С. 110]. По жанрово-архитектоническому принципу исследователь, на примере поэзии А.М. Жемчужникова, выделяет шесть групп:

1) многочастные стихотворения, состоящие из текстов – фрагментов;

2) оригинальные опыты поэта – дилогии и трилогии;

3) працикличеcкие образования и лейтмотивы несобранных циклов;

4) циклы и циклические серии (структуры переходные от циклов к лирическим книгам, томам собрания сочинений);

5) персонажно-масочный пародийный комплекс;

6) книги лирики: двухтомник стихотворений и две итоговые книги, одна из которых является продолжением [18. С. 113].

Л.С. Яницкий, исследуя цикл и его формы, вводит числовое обозначение входящих стихотворений в заглавие цикла или циклической структуры, подчеркивая композиционное значение числа для данного контекста [25. С. 74]. Число создает ожидание конца и границы цикла, ограничивает количество стихотворений, входящих в цикл. В данной теории символический и мифологический смысл числа, с одной стороны, является ограниченным с точки зрения структуры; с другой – появляется новый семантический смысл.

Завершая обзор исследований о поэтике цикла и книги, выделим лингвистический аспект анализа как отдельное направление в изучении цикла. Примером может служить работа Л.Г. Акопяна «Лирический цикл как тип текста», в которой исследователь писал: «Лирическим циклом мы называем объединенное общим заглавием упорядоченное множество самостоятельных поэтических текстов, реализующих разноуровневые межтекстовые связи, благодаря которым порождаются новые смысловые комплексы, не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [26. С. 6].

Подведем итоги. На протяжении XIX в. менялись цели книжного творчества поэтов. От пушкинской эпохи нарастала тенденция к выделению индивидуально-авторского начала, соответственно менялись поэтические формы. Цикл выделился в «лирический жанр» так же, как и лирический цикл, лирическая поэма. С приходом в литературу поэтов-символистов циклизация подверглась значительным изменениям.

Циклические образования XX в. имеют разновидности: цикл, книга стихов, которые выражали авторское мировоззрение, выявляя эстетику и поэтику рубежа эпох. Это не значит, что другие разновидности циклических образований полностью исчезают. Они лишь теряют свою значимость после появления новой циклической формы.

Архитектоника книги стихов эволюционировала, что выразилось как во внутреннем, так и во внешнем содержании, углубилось и её тематическое своеобразие. Архитектоника книги всегда сложна, продуманна и немного искусственна. Часто поэты сами пытаются объяснить читателю принцип построения своих книг. Новшеством явилось и то, что книги того времени были небольшого объема (например, брошюра Клюева «Сосен перезвон» (1911) и др.). Значимым стал композиционный принцип построения книги, не случайностью – порядок стихотворений, название и предисловие.

Написание итоговой книги, как авторской переработки, объединенной одной идеей, – все это было задачей для многих поэтов Серебряного века. Итоговость проявлялась как аналитический аспект (критическое отношение к искусству своего времени) и как эстетический. Разными вариантами итоговой книги можно считать «лирическую трилогию» Блока и «Песнослов» Клюева. Данные книги, реализованные в рамках идеи «тотальной циклизации», воплощают новый этап авторского пути. За первое десятилетие XX в. циклы и книги стихов прочно вошли в литературу и закрепились в ней как явление повышенной значимости.

Начиная с 1910-х гг., происходит перестановка акцентов в содержании циклических форм. Книги соотносятся с мифом о себе (биографический аспект). Если прежде было заметно тяготение к гармонизации мира, то теперь обостряется чувство хаоса реальности. Так, второй том книги «Песнослов», написанный Клюевым по памяти, реализует последнюю тенденцию, это стихи послереволюционных лет.

Проблемы циклизации остаются принципиальными в отечественном литературоведении; их продуктивное решение во многом связано с исследованием поэтических циклов и книг в реальном историко-литературном процессе XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск : Наука, 2001.
2. *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001.
3. *Ляпина Л.Е.* Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977.
4. *Михайлов А.В.* «Западно-восточный диван» Гете: Смысл и форма // Гете И.В. Западно-восточный диван. М., 1988.
5. *Никандрова О.В.* Лирическая циклизация в аспекте исторической поэтики (на материале русской поэзии XVIII–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

6. *Мирошникова О.В.* Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К.К. Случевского : учеб. пособие. Омск : Омск. гос. ун-т, 2003.
7. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М., 1966.
8. *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста. М., 1927.
9. *Сапогов В.А.* О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. М., 1966.
10. *Сапогов В.А.* Лирический цикл или лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Калуга, 1968.
11. *Сапогов В.А.* Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс, 1986.
12. *Димова Л.К.* К определению лирического цикла // Русская филология. Тарту, 1975. Вып. 4.
13. *Ляпина Л.Е.* Лирический цикл как художественное единство // Проблема целостности литературного произведения. Воронеж, 1976.
14. *Ляпина Л.Е.* Лирический цикл в русской поэзии1840–1860-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
15. *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла. Калинин, 1984.
16. *Фоменко И. В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992.
17. *Дарвин М.Н.* Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы : автореф дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1996.
18. *Мирошникова О.В.* Лирическая книга: архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века) : учеб. пособие. Омск : Омск. гос. ун-т, 2002.
19. *Европейский* лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение // Материалы Международной научной конференции. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
20. *Брюсов В.Я.* Соч. : в 7 т. М., 1973. Т. 1.
21. *Магомедова Д.М.* О жанровом принципе циклизации «книги стихов» на рубеже XIX – XX вв. // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение : материалы междунар. науч. конф. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
22. *Фоменко И.В.* Книга стихов: миф или реальность? // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение : материалы междунар. науч. конф. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
23. *Лекманов О.А.* Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX века. О.Э. Мандельштам «Камень» (1913) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
24. *Мирошникова О.В.* Ансамбль итоговых книг в русской поэзии: проблема метациклизации // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение : материалы междунар. науч. конф. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
25. *Яницкий Л.С.* Циклообразующая функция числа в европейской поэзии // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение : материалы междунар. науч. конф. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
26. *Акопян Л.Г.* Лирический цикл как тип текста // Семантические и коммуникативные категории текста: Типология и функционирование. Ереван, 1990.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 октября 2014 г.

CYCLE AND BOOK POETICS IN MODERN LITERARY CRITICISM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 6-14. DOI: 10.17223/15617793/389/1
Belousova Olesya O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lotsmnoo@mail.ru
Dashevskaya Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: doa.sony@mail.ru
Keywords: cycle; book of poems; circular formation of the Silver Age; night forest; lyric poetry.

The article considers the topical issues of contemporary literary studies: cycle formation, structural integrity, and performance of various composite forms (cycle, book of poems, collection). The major milestones of cyclization research in the twentieth century are analyzed; the concept of the cycle and related definitions at the present stage is clarified; the correlation of the book and the cycle is determined. The concepts “cycle”, “cyclicality”, “cyclization” are specified to be formed during the romanticism period but they exist implicitly and are called “a lyrical novel”. The logic of the cycle theory development is displayed. At the end of the 19th century a book of poems did not have a clear distinction from a cycle of poems. At the turn of the 20th century a new cyclic formation appeared: a book of poetry as an attempt to simulate the artistic world integrity. Symbolists were the first to point this link of cyclic formations identifying a cycle, an assembly, a book of poetry, collected works. The theoretical and methodological comprehension of the cyclization problem began to form later. In the 1960s the problem of artistic cyclization of lyrics started provoking a new wave of enthusiasm and some research based on the Russian lyrics of the beginning of the 20th century (L.E. Lyapina, V.A. Sapogov). Founding on the poetic texts of collections, theorists determined the transformation degree of cyclic formations comparing to the traditional classical definition of a cycle (for example, by A.S. Pushkin, N.A. Nekrasov, A.A. Fet); they identified complicated cyclic links and features that determine the appearance of this or that genre form. In the 1970s in researchers’ works a tradition of cyclization feature identification began to form and lyric cycle definitions were given according to a set of features: the author’s set course of composition; independence of works included in a cycle; composition centripetence; the lyrical plot; the lyrical principle of representation. In the 1980s generalization of the collected material and the establishment of the cyclization theory occurred. I.V. Fomenko considered a cycle as a special “genre” formation. The 1990s – early 2000s were marked with a high level of research methodology (M.N. Darvin, O.V. Miroshnikova). Cyclic formations were shown from the evolutionary point of view, cycles were differently classified and the first interpretation of terms “cycle” and “lyrical cycle” was invented. The idea of a cycle and cyclic forms became more spread. A cycle was understood not as a genre or a context, but as a “meta-genre”, possessing different connection degrees. The books of poetry evolution is in motion: from a poem to a cycle, from a cycle to a collection, from a collection to a book and a trilogy. At present, there is no clear distinction of these concepts in research literature because cyclic forms do not have permanent stable features.

REFERENCES

1. Darvin M.N., Tyupa V.I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin’s works: The experience of studying the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 293 p.
2. Nikolyukin A.N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak Publ., 2001. 799 p.
3. Lyapina L.E. *Problema tselostnosti liricheskogo tsikla* [The problem of the integrity of the lyric cycle]. In: *Tselostnost’ khudozhestvennogo proizvedeniya i problemy ego analiza v shkol’nom i vuzovskom izuchenii literatury* [The integrity of art and problems of its analysis in school and university study of literature]. Donetsk, 1977.

4. Mikhaylov A.V. *"Zapadno-vostochnyy divan" Gete: Smysl i forma* ["West-Eastern Divan" by Goethe: The meaning and form]. In: Goethe I.V. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-Eastern Divan]. Moscow: Nauka Publ., 1988.
5. Nikandrova O.V. *Liricheskaya tsiklizatsiya v aspekte istoricheskoy poetiki (na materiale russkoy poezii XVIII–XX vv.)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Lyrical cyclization in terms of historical poetics (based on Russian poetry of the 18th-20th centuries). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2009.
6. Miroshnikova O.V. *Analiz i interpretatsiya liricheskogo tsikla: "Mefistofel'" K.K. Sluchevskogo* [Analysis and interpretation of the lyric cycle: "Mephisto" by K.K. Sluchevski]. Omsk: Omsk State University Publ., 2003. 138 p.
7. *Belyy A. Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1966.
8. Vinokur G.O. *Kritika poeticheskogo teksta* [Criticism of the poetic text]. Moscow: Gosudarstvennaya Akademiya khudozhestvennykh nauk Publ., 1927.
9. Sapogov V.A. *O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka* [Some structural features of the lyrical cycle of A. Blok]. In: Y*azyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya* [The language and style of an artistic work]. Moscow, 1966.
10. Sapogov V.A. *Liricheskiy tsikl ili liricheskaya poema v tvorchestve A. Bloka* [A lyrical cycle or a lyric poem in the works of Alexander Blok]. In: *Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skiy period)* [Russian literature of the 20th century (pre-October period)]. Kaluga, 1968.
11. Sapogov V.A. *Syuzhet v liricheskom tsikle* [The plot in a lyrical cycle]. In: *Syuzhetoslozhenie v russkoy literature* [Plot composition in Russian literature]. Daugavpils, 1986.
12. Dimova L.K. K opredeleniyu liricheskogo tsikla [On the definition of the lyrical cycle]. *Russkaya filologiya*, 1975, IV.
13. Lyapina L.E. *Liricheskiy tsikl kak khudozhestvennoe edinstvo* [Lyrical cycle as artistic unity]. In: *Problema tselostnosti literaturnogo proizvedeniya* [Problem of integrity of a literary work]. Voronezh, 1976.
14. Lyapina L.E. *Liricheskiy tsikl v russkoy poezii1840–1860-kh gg*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [A lyrical cycle in the Russian poetry of the 1840-1860s. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1977.
15. Fomenko I.V. *Poetika liricheskogo tsikla* [Poetics of a lyrical cycle]. Kalinin, 1984.
16. Fomenko I. V. *Liricheskiy tsikl: stanovlenie zhanra, poetika* [A lyrical cycle: formation of the genre, poetics]. Tver: TSU Publ., 1992.
17. Darvin M.N. *Tsiklizatsiya v lirike. Istoricheskie puti i khudozhestvennye formy*. Avtoref dis. d-ra filol. nauk [Cyclization in the lyrics. Historical paths and art forms. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 1996. 43 p.
18. Miroshnikova O.V. *Liricheskaya kniga: arkhitektonika i poetika (na materiale poezii posledney treti XIX veka)* [A lyric book: architectonic and poetics (based on the poetry of the last third of the 19th century)]. Omsk: Omsk State University Publ., 2002. 139 p.
19. *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European lyrical cycle. Historical and comparative study. Proceedings of the International Scientific Conference. November 15-17, 2001]. Moscow: RSUH Publ., 2003. 278 p.
20. Bryusov V.Ya. *Sochineniya: v 7 t.* [Works: in 7 vols.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973. Vol. 1.
21. Magomedova D.M. [On the genre principle of cyclization of a "book of poems" at the turn of the 19th-20th centuries]. In: *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European lyrical cycle. Historical and comparative study. Proceedings of the International Scientific Conference. November 15-17, 2001]. Moscow: RSUH Publ., 2003. (In Russian).
22. Fomenko I.V. [Book of Poems: Myth or Reality?]. In: *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European lyrical cycle. Historical and comparative study. Proceedings of the International Scientific Conference. November 15-17, 2001]. Moscow: RSUH Publ., 2003. (In Russian).
23. Lekmanov O.A. *Kniga stikhov kak "bol'shaya forma" v russkoy poeticheskoy kul'ture nachala KhKh veka. O.E. Mandel'shtam "Kamen'" (1913)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [A book of poetry as a "great form" in the Russian poetic culture of the early twentieth century. O.E. Mandelstam's "Stone" (1913). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995.
24. Miroshnikova O.V. [Ensemble of final books in Russian poetry: the problem of meta-cyclization]. In: *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European lyrical cycle. Historical and comparative study. Proceedings of the International Scientific Conference. November 15-17, 2001]. Moscow: RSUH Publ., 2003. (In Russian).
25. Yanitskiy L.S. [The cycle-forming function of the number in European poetry]. In: *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European lyrical cycle. Historical and comparative study. Proceedings of the International Scientific Conference. November 15-17, 2001]. Moscow: RSUH Publ., 2003. (In Russian).
26. Akopyan L.G. *Liricheskiy tsikl kak tip teksta* [The lyrical cycle as a type of text]. In: *Semanticheskie i kommunikativnye kategorii teksta: Tipologiya i funktsionirovanie* [Semantic and communicative text categories: typology and functioning]. Erevan, 1990.

Received: 2 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 15–21 DOI: 10.17223/15617793/389/2

УДК 82.091

И.Ф. Гнюсова

«УТЕШАЮСЬ, ЧТО У НЕГО СВОЕ, А У МЕНЯ СВОЕ»: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ Л.Н. ТОЛСТОГО С Э. ТРОЛЛОПОМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Предпринимаются попытки выявить причины пристального интереса Л.Н. Толстого к романам Э. Троллопа, наметить расхождения и точки пересечения в их творчестве. Для сопоставления художественных принципов писателей проводится сравнительно-типологический анализ ключевых образов романа Э. Троллопа «Барчестерские башни», романа «Анна Каренина» и повести «Отец Сергий» Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Э. Троллоп; творческий диалог; роман; образ; психологизм; священнослужитель.

В ряду русских и зарубежных писателей, произведения которых читал и комментировал Л.Н. Толстой, особое место занимает Энтони Троллоп (1815–1882). Чрезвычайно критично относившийся не только к своим, но и к чужим трудам, Толстой отзывается о романах Троллопа с необыкновенным восхищением и даже завистью. «Тролоп убивает меня своим мастерством, – записывает он в дневнике 2 октября 1865 г. – Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое – или, скорее, что *не мое*, вот главное искусство»[1] (48, 64). В настоящей работе будет предпринята попытка наметить расхождения и точки пересечения в творчестве Толстого и Троллопа («свое» и «не свое» в Троллопе для русского писателя) путем анализа образного ряда их произведений.

Как ни удивительно, проблема «Толстой и Троллоп» еще ни разу не становилась предметом комплексного рассмотрения, хотя к этому подталкивает не только факт знакомства Толстого с творчеством своего британского коллеги, но и очевидные черты типологической близости: Толстой и Троллоп принадлежат к одной эпохе и являются одними из величайших мастеров художественного психологизма в литературе. Единственную серьезную попытку сопоставить творческий метод писателей предпринял в 1975 г. английский публицист Ч.П. Сноу. В своей работе «Творчество Троллопа» он называет главным даром Троллопа «апперцепцию» – способность ясно видеть суть человеческих характеров и поступков, умение «самозабвенно и терпеливо сосредоточиваться на других людях» [2. С. 54]. Именно это, по мнению Сноу, вызывало столь сильное восхищение в Толстом с его «колоссальным эго, которое требовало непрерывного подавления» [Там же. С. 55]. «В двух своих великих романах Толстой добивается того, что у Троллопа получалось само собой» [Там же], – заключает автор очерка.

Помимо работы Ч.П. Сноу можно указать на предисловие А.А. Елистратовой к первому в России изданию романа «Барчестерские башни» [3]; обзорное исследование С.Э. Нураловой «Лев Толстой и викторианский роман» [4], в котором кратко очерчивается круг схожих тем и образов в произведениях писателей[2], а также статьи В.А. Бячковой[3] [5, 6]. Главной причиной столь малого внимания к теме творческого диалога Толстого с Троллопом является, скорее всего, то, что после революции романы английского писателя практически не издавались в России – исключением является роман «Барчестерские башни», переведенный И.Г. Гуровой в 1970 г. В отечественном литературоведении Троллоп также был причислен к второстепенным именам[4] и на сегодняшний день может с полным правом называться в России «забытым» писателем.

Между тем дневники, письма и материалы личной библиотеки Толстого содержат обширный фактический материал, подтверждающий интерес писателя к творчеству Троллопа и позволяющий проследить хронологию его изучения. В фондах яснополянской библиотеки хранится 12 изданий Троллопа, все – на английском языке. Однако это явно не полный перечень произведений, которые были прочитаны Толстым: в 1865 г. он, например, упоминает в дневниках о знакомстве с романом «Бертрамы» (с ним связан и приведенный выше отзыв), однако в библиотеке писателя это издание не сохранилось.

Известно, что уже в середине 1850-х гг. Толстой читал достаточно много английской литературы в подлиннике, поэтому теоретически он мог познакомиться с первым известным романом Троллопа «The warden» («Смотритель», или «Попечитель») уже в 1855 г., когда он был опубликован в Англии. Однако наличие в личной библиотеке Толстого издания романа «The warden» 1859 г. указывает скорее на более позднее его прочтение.

В 1865 г. Толстой оставляет целый ряд отзывов о Троллопе, читая его роман «The Bertrams» (1859). 29 сентября он записывает в дневнике: «Читал Троллопа. – Коли бы не diffusness. Хорошо» (48, 63). 1 октября писатель вновь фиксирует: «Читаю Bertrams – славно» (48, 64). 3 октября Толстой завершает чтение романа и делает более сдержанное заключение: «Условного слишком много» (48, 64).

В 1860-е гг. Толстой, вероятно, познакомился и с романом «Последняя хроника Барсета»: в яснополянской библиотеке хранится его издание 1867 г. Роман этот завершает цикл Троллопа «Барсетширские хроники», куда входят также «Смотритель» и «Барчестерские башни» (1857). В январе 1877 г. Толстой упоминает в письме к брату Сергею Николаевичу о чтении наиболее известного из «парламентских» романов Троллопа – «Премьер-министр» («The prime minister», 1876) и вновь дает высокую оценку: «Prime Minister прекрасно» (62, 302).

Среди хранящихся в личной библиотеке писателя изданий стоит также отметить известные романы Троллопа «The way we live now» («Как мы теперь живем», издание 1875 г.) и «An Eye for an eye» («Око за око», издание 1879 г.). Кроме того, Толстой мог быть знаком и с рядом романов Троллопа, переведенных на русский язык и опубликованных в России в 1860–1870-е гг.: «Оллингтонский малый дом» («The small house at Allington»), «Финиас Финн, ирландский член Парламента» («Phineas Finn: the Irish member»), «Финиас возвратившийся» («Phineas redux)» и др. Немаловажно, что Толстой упоминает романы Троллопа в списке книг, которые произвели на него «большое» впечатление в возрасте с 35 до 50 лет (66, 68), т.е. как раз в период с середины 1860-х до конца 1870-х гг.

Современники Толстого цитируют и другие его похвальные отзывы о Троллопе: Р.Э.К. Лонг, например, вспоминает, что в 1888 г. писатель говорил о Троллопе как об одном из «наиболее талантливых современных писателей Англии», отмечая, однако, что его романы «целиком основаны на случайных происшествиях» [9. С. 114]. В том же году Толстой сообщал английскому журналисту У.Т. Стэду: «Три лучших английских романиста – это (по нисходящей): Диккенс, Теккерей, Троллоп, а после Троллопа, кто у вас есть еще?» [10. С. 108].

Легко заметить, что наряду с положительными откликами Толстой указывает на те черты поэтики романов Троллопа, которые вызывают у него неприятие. Это некая «диффузность», которую можно трактовать как рассредоточенность, размытость – возможно, смыслов или сюжетных линий, а также условность и случайность романных ситуаций, на которых и строится повествование. Надо отметить, однако, что все три упрека Толстого нивелируются самим Троллопом: он фактически признает их в многочисленных «отступлениях» своих романов, где в чисто викторианском стиле размышляет о технологии создания художественных произведений. А.А. Елистратова называет это «обнажение условности» своеобразным «ироническим приемом» [11] писателя. Так, в одной из последних глав романа «Барчестерские башни» Троллоп с неподражаемой иронией восклицает:

«…Какой автор способен так рассчитать и расположить свои происшествия, разговоры, характеристики и описания, чтобы они заняли ровно четыреста тридцать девять страниц, и избежать при этом неестественного нагромождения или растянутости в последних главах? Да разве мне самому не остается сейчас заполнить целых двенадцать страниц, и разве я не ломаю тщетно голову над тем, чтобы такого еще написать? А потом, когда труд будет завершен, даже самый мягкосердечный критик обязательно попрекнет нас неумелым и неуклюжим концом: окажется, что мы либо обленились и отнеслись к нему небрежно, либо перестарались и испортили его. Конец скучен или нелогичен, надуман или нелеп» [12. С. 475, 476].

Обвинение в том, что романы Троллопа «целиком основаны на случайных происшествиях», выявляет еще одну существенную особенность поэтики его романов. Писатель блестяще воспроизводит внутренние мотивировки поступков героев, однако в целом его образы остаются статичными: ни один из характеров не меняется под влиянием происходящих событий. Мастерство Троллопа заключается в том, что читатели, как пишет Уильям Кэдбери, «склонны забывать о том, что они [герои] не меняются, а скорее раскрывают свой характер в действии» [13. С. 154].

Понятно, что в таком случае выбор событий для фабулы романа может быть абсолютно случайным, поскольку происходящее не направлено на внутренний рост, преобразование героев. Интриги нужны Троллопу, чтобы продемонстрировать своеобразное отношение героев к жизни, показать «скорее характер, чем личность» [Там же].

Эту особенность троллоповского психологизма можно с уверенностью отнести к тому, что Толстой называет «не мое» в романах английского писателя. Сама методика отбора характеров, как и проекция их изображения, у Троллопа является радикально иной: он фокусирует внимание, прежде всего, на слабостях своих героев, которые подчас толкают их к не самым благовидным поступкам. Как пишет А.А. Елистратова, «эгоизм в его различных видах и степенях оказывается едва ли не всеобщим двигателем всех персонажей Троллопа» [11], даже самых симпатичных. Впрочем, и эту особенность английский романист открыто признает на страницах своих произведений: «Горести наших героев и героинь – вот что услаждает тебя, о публика! Их горести, их грехи и глупости, а не их добродетели, здравомыслие и последующие награды» [12. С. 475].

Не случайно наиболее яркими образами Троллопа стали герои с отчетливо выраженными недостатками: в «Барсетширских хрониках» это властная миссис Прауди и ее безвольный муж-епископ, энергичный и изворотливый капеллан Слоуп, воинственный и упрямый доктор Грантли. Согласимся, что в художественном мире Толстого на первый план выступают совсем другие герои – Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова, Константин Левин. Они тоже не лишены недостатков, но жажда совершенствования, непрерывность развития обусловливает их нравственную победу над обстоятельствами.

Однако в романах Троллопа присутствуют и такие герои, с помощью которых автор словно пытается «уравновесить» общую систему несовершенных образов. Один из примеров тому – священник, профессор Оксфордского университета и поэт Фрэнсис Эйрбин[5], герой четырех из шести романов «Барсетширской хроники». Характерно, что хотя этот положительный персонаж и играет значительную сюжетную роль в романах цикла, особенно в «Барчестерских башнях», он практически не заметен на фоне своих харизматичных соперников – как в церковном расколе Барчестера, так и в борьбе за сердце Элинор Болд, своей будущей жены. Исследователь Памела Хансфорд Джонсон откровенно сетует, что этот «весьма скучный тип приходит на смену молодому и импульсивному Джону Болду» [14. С. 145], первому мужу Элинор.

Фрэнсис Эйрбин действительно достаточно пассивен, неэмоционален, даже робок рядом с традиционно энергичными и вспыльчивыми героями Троллопа.

Однако писатель наделяет его другими, не менее важными характеристиками: Эйрбин становится одним из немногих героев Троллопа, осознанно ищущих себя и свой путь в жизни, и на этом пути он переживает ряд серьезных духовных кризисов. Один из них описан в ретроспективе: вводя героя в повествование в одноименной главе «Барчестерских башен», Троллоп рассказывает, что во время своего обучения в Оксфорде он чуть было не перешел в католичество, поддавшись влиянию своего учителя Джона Ньюмена, известного церковного деятеля Великобритании середины XIX в. То был «страшный час его жизни» [12. С. 165], – пишет Троллоп. «Но провидение было к нему милостиво: на пустынных берегах дальнего моря он встретил человека, который постепенно успокоил борение его духа, вернул мир его воображению и научил его долгу христианина» [Там же. С. 166, 167].

Второй кризис настиг Эйрбина уже по приезде в Барчестер: отдав много лет делу борьбы за принципы высокой церкви в Оксфорде и презрительно отвергая земные блага, герой понимает, что сейчас нуждается именно в них: «Мечты его юности рассеялись, и в сорок лет он уже не чувствовал себя способным к апостольским трудам. <…> Он мечтал о положенной ему доле земного счастья, которое принесли бы ему жена, дети и счастливый семейный очаг, о том простом комфорте, который прежде высокомерно отвергал – по неразумию, как понял он теперь» [Там же. С. 172]. Эта внутренняя драма, отягощенная зародившимся в Эйрбине чувством к Элинор Болд, и заставляет героя пребывать в молчаливой пассивности, в то время как другие персонажи активно воюют за первенство в епархии и руку Элинор.

Выявляя «свое» и «не свое» в романах Троллопа, Толстой, думается, должен был обратить внимание на такого героя, изображение которого было весьма близко его собственным художественным принципам. Нехарактерный для троллоповского образного ряда Эйрбин был вполне «своим» для Толстого и во многом сближается, на наш взгляд, с образом Левина из романа «Анна Каренина» (1873–1877).

К сожалению, у нас нет свидетельств того, что Толстой был знаком с романом «Барчестерские башни», хотя два других романа из цикла «Барсетширские хроники» есть в его личной библиотеке, и в одном из них – «Последней хронике Барсета» – Эйрбин также является действующим лицом. Тем не менее нам представляется целесообразным провести сравнительно-типологический анализ двух названных образов – Левина и Эйрбина, основываясь именно на материале «Барчестерских башен» (1857).

Героев Троллопа и Толстого сближает, прежде всего, их неравнодушное, даже страстное отношение к общему делу. Эйрбин – убежденный сторонник высокой церкви, и «готов был сражаться за свою партию» [Там же. С. 173]: «…он с жаром участвовал в выборах, заседал в комитетах, рвал и метал против любого проекта университетской реформы и добродушно рассуждал за рюмкой портвейна о гибели, грозящей церкви» [Там же. С. 168]. Левин, хотя и не любит участвовать в общественной деятельности, точно так же энергично бьется над усовершенствованием своего хозяйства и написанием книги о его основаниях с высокой целью: «Это дело не мое личное, а тут вопрос об общем благе. Все хозяйство, главное – положение всего народа, совершенно должно измениться. Вместо бедности – общее богатство, довольство; вместо вражды – согласие и связь интересов. Одним словом, революция бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира» (18, 363).

Как и Эйрбин, Левин на своем пути переживает ряд духовных кризисов. Они настигают героя «волнообразно», причем каждый раз он обдумывает свою жизнь в деревне, в уединении. Первый кризис случается после отказа Кити, второй – перед отъездом за границу, после визита умирающего брата Николая, третий – в финале, через год после женитьбы. Эйрбин точно так же в момент кризиса уезжает в провинцию, чтобы там принять окончательное решение о своей судьбе: «Скрывшись в глухой деревушке на диком побережье одного из самых отдаленных наших графств, он вопрошал свою совесть, есть ли у него право остаться в лоне своей матери-церкви» [12. С. 166].

И здесь Троллоп вводит в описание прошлого героя малозаметную, но чрезвычайно важную для Толстого-читателя деталь: в момент мучительного выбора Эйрбина спасает простой деревенский житель, «неимущий младший священник глухого корнуэльского прихода» [Там же. С. 167] – один из тех, на кого, как психологически точно подмечает автор, молодой и талантливый служитель церкви ранее смотрел «сверху вниз». Эйрбин, как пишет Троллоп, не просто «презирал здравый смысл простых людей» [Там же. С. 166], но самонадеянно намеревался в будущем «влить веру и энергию в сердца этих служителей божьих, которые, по его мнению, предпочитали тихонько брести по жизни без того и без другого» [Там же. С. 167].

Сельский священник учит героя двум вещам – смирению и преодолению эгоизма. Он указывает Эйрбину, что «христианином должен руководить закон внутренний, а не внешний», и что, «пытаясь обрести спасение в стенах Рима, он только эгоистически ищет безопасности для себя» [Там же]. И герой усваивает урок: много лет спустя, появившись в Барчестере, он, хотя и «казался весьма самоуверенным… во внутренней жизни сердца… стремился к смирению» [Там же. С. 168]. Непрерывная внутренняя работа Эйрбина над собой подчеркивается и упоминанием о том, что он ежегодно ездит в приморскую деревушку в Корнуэлле к своему наставнику.

В системе ценностей Толстого народная мудрость точно так же регулярно одерживает верх над гордостью и самолюбивым отчаянием Левина. В сцене возвращения героя из Москвы после неудачного сватовства воплощением этой мудрости становится его старая няня и экономка Агафья Михайловна. Она отвлекает Левина от тяжелых мыслей рассказом о том, «как Прохор Бога забыл» (18, 102), а потом приводит его в состояние душевного равновесия словами: «Ничего, батюшка. Было бы здоровье, да совесть чиста» (18, 103).

В финале, когда Левин вновь находится «в мучительном разладе с самим собою» (19, 369) и близок к самоубийству, не в силах ответить, «что он такое и

для чего он живет» (19, 371), героя вновь спасает общение с народом. Мужик Федор объясняет Левину, что «люди разные; один человек только для нужды своей… только брюхо набивает», а другой – «для души живет. Бога помнит» (19, 376). Очевидно, что это выражение прямо корреспондирует со словами Агафьи Михайловны в начале романа. И Левин признает, что его поиски истины до сего момента были только «гордостью ума» (19, 379), и что он «мог жить только благодаря тем верованиям, в которых был воспитан» (19, 379). Фактически это тоже возвращение к уже известным герою истинам, возвращение к вере.

Немаловажно, что выход Левина из духовного кризиса как в начале, так и в финале романа «Анна Каренина» освящается семейным идеалом героя – сначала умозрительным, связанным с моделью семейной жизни в доме Кити («Левин был влюблен именно в дом, в семью… Щербацких» (18, 24)), а в конце – воплощенном в реальном образе Кити с младенцем на руках. Не случайно прозрение Левина сопровождается и осознанием своей любви к маленькому сыну.

Эти мечты о семейном счастье сопровождают и Эйрбина на протяжении всего повествования в «Барчестерских башнях». Приехав в дом архидьякона Грантли, он «глядел на жену и детей своего друга с завистью и только-только что не пожелал милую гостиную ближнего своего… и весь уют этого дома, а главное, ту семейную атмосферу, которой он был проникнут» [12. С. 171]. Именно в доме архидьякона Эйрбин знакомится со своей будущей женой, младшей сестрой миссис Грантли. Одна из финальных сцен романа, когда Эйрбин и Элинор открывают друг другу свои чувства, также освящена не столько романтическим ореолом, сколько семейным идеалом героя: «Элинор, моя Элинор, моя жена!» – восклицает Эйрбин в восторге, а героиня сразу вслед за тем приносит ему своего маленького сына, чтобы он «прижал мальчика к груди, как бы усыновляя его» [Там же. С. 460].

В тексте обоих романов, однако, присутствует и полноценная любовная линия: как и Левин, Эйрбин вначале получает отказ своей избранницы, хотя и не выраженный прямо. Элинор не отдает предпочтение другому, однако она оскорблена уверенностью Эйрбина в этом. Тема соперничества в любви также имеет существенное значение в текстах произведений: в «Анне Карениной» отношения Кити с Вронским служат завязкой главной сюжетной линии романа, а в «Барчестерских башнях» стремление карьериста Слоупа стать мужем богатой вдовы Болд вообще является едва ли не главным двигателем романного действия наравне с внутрицерковными интригами.

Существенно, что в ситуации соперничества оба главных героя ведут себя схожим образом: они безвольно покоряются обстоятельствам, легко верят в искреннее чувство своей избранницы к другому и негодуют на нее: Левин ощущает «чувство злобы за оскорбление» (18, 284), Эйрбин «без конца мысленно упрекал» [12. С. 353] Элинор.

Не переставая любить, оба героя готовы отказаться от нового предложения, однако к нему их подталкивают героини второго плана. Левина переубеждает Долли Облонская, которая указывает, что его оскорбление отказом Кити – только «гордость и гордость» (18, 285). Эйрбина принуждает действовать обольстительная и эксцентричная красавица синьора Нерони, которая ради развлечения решает помочь влюбленным, а, кроме того, прямо проговаривает то, что мучает героя в его нынешнем положении: “Человек делает величайшую ошибку, воображая, будто простые житейские блага недостойны того, чтобы к ним стремиться. <…> Вы пытаетесь презирать эти блага, но вам это не удается”» [12. С. 358]. Синьора указывает Эйрбину, что его причина его несчастья – все те же гордость и чрезмерный аскетизм. И Долли, и Маделина Нерони, хотя и с разными намерениями, проявляют наибольшую чуткость к чувствам героев, они видят то, к чему слепы другие, даже более близкие Левину и Эйрбину персонажи.

Отношения Эйрбина с синьорой вводят в роман еще один мотив – искушения героя, его перехода в запретное, греховное пространство. Он не влюблен в синьору, как Слоуп, однако проводит много часов у ее кушетки, будучи «одурманен» чарами красавицы Маделины. Эйрбин в этот момент, как пишет Троллоп, «почти не сознавал, что делает и что говорит», хотя «затронуто было не столько его сердце, сколько рассудок» [Там же. С. 386].

В романе Толстого эту роль Маделины Нерони играет по отношению к Левину Анна Каренина. Эпизод единственной встречи двух ключевых героев наиболее наглядно демонстрирует, что Анна окончательно выбирает зло: в конце она признает, что хотела влюбить в себя Левина и поступала безнравственно. Ее обращение с героем, с виду простое и искреннее, – только игра, в нем очевидно то же желание порабощать и властвовать над мужчинами, что и у героини Троллопа.

Сцены «порабощения» Левина и Эйрбина схожи даже в ряде психологических деталей. Так, обе героини схожим образом добиваются от героев признания своей красоты. Показательна физическая реакция участников обеих ситуаций: герои сильно смущены, что выдает их искренность; героини, напротив, играют и упиваются производимым эффектом:

– Если вы будете глядеть на меня так, мистер Эйрбин, я переменю мнение... вернее, переменила бы, не знай я, что не обладаю красотой, достойной чьего-либо внимания. Он жгуче **покраснел**, но она не покраснела вовсе. **Румянец** на ее щеках лишь **заиграл** чуть живее, придавая ей новую прелесть[6] [12. С. 359].	– Не правда ли, необыкновенно хорошо? – сказал Степан Аркадьич, заметив, что Левин взглядывал на портрет. – Я не видал лучше портрета. – И необыкновенно похоже, не правда ли? – сказал Воркуев. Левин поглядел с портрета на оригинал. Особенный **блеск осветил** лицо Анны в то время, как она почувствовала на себе его взгляд. Левин **покраснел** и, чтобы скрыть свое смущение, хотел спросить, давно ли она видела Дарью Александровну… (19, 274, 275)

Объединяет сцены и мнимое великодушие героинь к избранницам героев: Маделина обещает устроить брак Эйрбина («незачем говорить, что предложение синьоры было не совсем искренним» [12. С. 360], – добавляет Троллоп), Анна на прощание говорит Левину: «Передайте вашей жене, что я люблю ее… Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а от этого избави ее Бог» (19, 279). Неискренность Анны выдают прищуренные глаза – постоянная характеристика героини во второй части романа.

В отличие от одурманенных героев, их избранницы хорошо понимают цену этой мнимой доброты: Элинор жестоко ревнует и признается, что «возненавидела бы мистера Эйрбина, если бы смогла» [12. С. 417]; Кити обвиняет Левина, что он «влюбился в эту гадкую женщину» (19, 281), и герой окончательно убеждается, что поддался обману и его нравственные подозрения были верны: «было что-то *не то* в нежной жалости, которую он испытывал к Анне» (19, 280).

Мотив искушения и соблазнения героя женскими чарами сближает образ Эйрбина с еще одним более поздним толстовским образом – отца Сергия. Немаловажно, что оба эти героя – священнослужители.

Сергий фактически проходит через искушение похоти дважды: первый раз – в сцене с Маковкиной, которая на спор взялась соблазнить «красавца пустынника» (31, 17), а второй – в ситуации со слабоумной дочерью купца. Но если в первом случае Сергий не ждет и не желает искушения, то к моменту своего падения с дочерью купца он находится в принципиально иной ситуации. Точно так же, как Эйрбин, который в момент душевного кризиса сам хотел «быть плененным» [12. С. 356] синьорой, герой Толстого стремится забыться, избавиться от своей тоски, и нравственная сторона его поведения почти не беспокоит героя.

К моменту финального кризиса Сергий чувствует, что потерял ощущение «чистоты, смирения и любви» к людям – а потому к нему естественно приходят иные, греховные помыслы: «Ему было приятно узнать, что купцовой дочери двадцать два года, и хотелось знать, красива ли она. И, спрашивая о ее слабости, он именно хотел знать, имеет ли она женскую прелесть или нет» (31, 35).

Обе героини-соблазнительницы одинаково получают в произведениях Толстого и Троллопа определение «дьявола». «Марья. Ты дьявол» (31, 36), – говорит Сергий; в «Барчестерских башнях» это определение опосредованно дается синьоре Нерони в мыслях мистера Слоупа после того, как героиня жестоко посмеялась над ним: «Ее атрибутами были теперь огонь и сера…» [12. С. 441]; Эйрбин во время бесед с синьорой также не может понять, «в аду он или на небесах» [Там же. С. 386].

С образом отца Сергия героя Троллопа сближает и ситуация спасения простым человеком – в повести Толстого это финальный разговор Сергия с учительницей музыки, которая бесхитростным рассказом о своей жизни приводит героя к пониманию: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей» (31, 44). Очевидно, что этот вывод продолжает и развивает истину о необходимости «Бога помнить», пришедшую к Левину в финале «Анны Карениной».

Проведенное исследование, конечно, не освещает все точки пересечения в эстетике, нравственно-философской позиции, художественной манере Троллопа и Толстого. Однако по его итогам можно с большей уверенностью сделать вывод о том, что внимательное прочтение и анализ Толстым произведений английского писателя не только способствует переосмыслению им собственных художественных принципов, но и находит отражение в творчестве Толстого – в частности, в самом «английском» и, пожалуй, самом «сюжетном» его романе «Анна Каренина». Восхищаясь даром «апперцепции» Троллопа и порицая его за условность и случайность его сюжетов, Толстой не мог не уловить в «Барсетширской хронике» стремление писателя к поиску положительного героя, способного к саморефлексии и саморазвитию. Эта цель будет в большей степени реализована Троллопом в его более поздних «парламентских» романах, главному из которых, роману «Премьер-министр», Толстой дал столь однозначное определение «прекрасно».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [1] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

[2] Так, С.Э. Нурадова сравнивает образы и сюжетные ситуации романа Троллопа «Можно ли ей простить?» и «Анны Карениной» Толстого; психологическое состояние епископа Прауди из «Последней хроники Барсета» и княжны Марьи в момент смерти близких людей; отмечает ряд художественных деталей, присутствующих и в творчестве Толстого, и в романах Троллопа «Смотритель» и «Приход Фрэмли».

[3] Отметим также статью В.А. Бячковой [7], где исследователь обращается к анализу романа Э. Троллопа «Барчестерские башни».

[4] Это доказывает, например, фраза из «Истории английской литературы» 1955 г.: «У Троллопа не возникало даже намека на какой-либо конфликт с буржуазным обществом, естественный для больших художников его времени» [8. С. 423].

[5] Мы воспроизводим фамилию героя по переводу «Барчестерских башен» И.Г. Гуровой, в исследованиях встречаются другие переводы фамилии Arabin – Эрабин, Арабин.

[6] “If you look at me like that, Mr Arabin, I shall alter my opinion – or should do so, were I not of course aware that I have no beauty of my own worth regarding”. The gentleman blushed crimson, but the lady did not blush at all. A slightly increased colour animated her face, just so much so as to give her an air of special interes [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
2. *Сноу Ч.П.* Творчество Троллопа // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. 368 с.

3. *Елистратова А.* Предисловие // Троллоп А. Барчестерские башни. М., 1970. URL: http://lib.rus.ec/b/216094/read (дата обращения: 20.05.2014).
4. *Нуралова С.Э.* Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. С. 43–57.
5. *Бячкова В.А.* «Размышления о женской судьбе» в русском и английском реалистическом романе второй половины XIX века (на материале произведений Э. Троллопа и Л.Н. Толстого) // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Владимир, 2010. С. 34–39.
6. *Бячкова В.А.* Размышления о несчастливых семьях» в русском и английском реалистическом романе второй половины XIX века (на материале романов Л.Н. Толстого и Э. Троллопа) // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов VII Междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры». Пермь, 2010. С. 97–100.
7. *Бячкова В.А.* Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Троллопа и «Соборянах» Н.С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80–84.
8. *Кузьмин Б.А.* Антони Троллоп // История английской литературы : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 418–423.
9. *Лонг Р.Э.К.* Записи разговоров с Л.Н. Толстым (1898–1903) // Толстой и зарубежный мир. М., 1965. (Лит. наследство. Т. 75. Кн. 2.)
10. *Два английских* собеседника: Воспоминания Уильяма Томаса Стада и Роберта Эдварда Крозьера Лонга // Толстой и зарубежный мир. М., 1965. С. 98–120. (Лит. наследство. Т. 7. Кн. 2).
11. *Елистратова А.* Предисловие // Троллоп А. Барчестерские башни. М., 1970. URL: http://lib.rus.ec/b/216094/read (дата обращения: 20.05.2014).
12. *Троллоп А.* Барчестерские башни. М., 2010. 509 с.
13. *Cadbury W.* Character and the mock-heroic // Trollope. The Barsetshire novels / A casebook ed. by T. Bareham. London ; Basingstoke, 1983. P. 149–162.
14. *Hansford Johnson P.* “The most amiable of novelists” // Trollope. The Barsetshire novels / A casebook edited by T. Bareham. London ; Basingstoke, 1983. P. 143–149.
15. *Trollope A.* Barchester Towers. URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/2432/pg2432.txt (дата обращения: 8.07.2014).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 сентября 2014 г.

“I CONSOLE MYSELF THAT HE HAS HIS OWN, AND I HAVE MINE”: LEO TOLSTOY’S CREATIVE DIALOGUE WITH ANTHONY TROLLOPE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 15-21. DOI: 10.17223/15617793/389/2
Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru
Keywords: Leo Tolstoy; A. Trollope; creative dialogue; novel; character; psychological analysis; clergyman.

Leo Tolstoy’s diaries, letters and the materials of his private library contain extensive facts which confirm his interest in Antony Trollope’s works. The author of the paper tries to outline divergences and crosspoints in the writers’ method by analysing the main characters of their novels. In 1865 Tolstoy made several comments about Trollope’s novels. Along with positive responses he indicated features, not acceptable for him (“diffuseness”, “there is too much contingent”). Trollope brilliantly reproduces the inner motivations of acts which characters make, but they all remain static in whole. The method of choice of characters also differs: Trollope focuses mainly on the weak points of his characters. It is no coincidence that Trollope’s brightest characters have strongly pronounced demerits. Tolstoy brings other characters to the forefront: thirst of perfection is a condition of their moral victory over circumstances. But there are such characters in Trollope’s novels which help as if to balance this system of imperfect characters. One of them is Francis Arabin, a clergyman, a character of the four out of six novels of the Barchester Chronicles. Arabin is passive, unemotional, even shy. But he consciously finds his own way of life and goes through several serious moral crises. Unrepresentative for Trollope’s system of characters, Arabin was quite “peculiar” for Tolstoy; and, in our opinion, he is close with Levin’s character in *Anna Karenina*. We have no evidence that Tolstoy was acquainted with *Barchester Towers*, but we deem expedient to do a comparative-typological analysis of two characters, Levin and Arabin, using the matter of this novel. The characters of Tolstoy and Trollope are alike in their non-indifferent, even impassioned attitude to a common cause. The ordinary country clergyman saves Arabin at the time of a painful moral crisis. Just the same folk wisdom prevails over Levin’s pride and selfish despair in Tolstoy’s moral system. Dreams about family happiness also bring Arabin and Levin together. We can find crosspoints in the love plots of the two novels, too. Both characters undergo temptations on the path to happiness, fallen under the charms of Madeline Neroni and Anna Karenina. The scenes of “enslavement” of Arabin and Levin are similar even in some psychological details. The motive of temptation and seduction of the character by woman charms allows to compare the character of Arabin with one more Tolstoy’s character – Father Sergius. It is significant that they both are clergymen. The situation of an ordinary man helping each of them also makes the characters close. The research shows that Tolstoy’s attentive reading and analysis of Trollope’s novels do not only promote rethinking of his own creative method, but also finds reflection in Tolstoy’s works.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works. In 90 vols.]. Moscow; Leningrad, 1928–1958.
2. Snow Ch.P. *Portrety i razmyshleniya* [Portraits and Reflections]. Moscow: Progress Publ., 1985.
3. Elistratova A. *Predislovie* [Introduction]. In: Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Moscow, 1970. Available at: http://lib.rus.ec/b/216094/read. (Accessed: 20th May 2014).
4. Nuralova S.E. *Lev Tolstoy i viktorianskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian novel]. Erevan, 2010, pp. 43-57.
5. Byachkova V.A. [Reflections on the woman’s fate in Russian and English realist novel of the second half of the 19th century (based on the works of A. Trollope and Leo Tolstoy)]. *Zhanr i ego metamorfozy v literaturakh Rossii i Anglii* [Genre and its metamorphosis in the literatures of Russia and England]. Vladimir, 2010, pp. 34-39. (In Russian).
6. Byachkova V.A. [Reflections on unhappy families in Russian and English realist novel of the second half of the 19th century (based on the novels of Tolstoy and A. Trollope]. *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury: sb. materialov VII Mezhdunar. nauch. konf. “Inostrannye yazyki i literatury v kontekste kul’tury”* [World literature in the context of culture: Proc. of the VII International Scientific Conference “Foreign languages and literature in the context of culture’’]. Perm, 2010, pp. 97-100. (In Russian).
7. Byachkova V.A.. The image of clergy in the “Chronicles of Barsetshire” by Anthony Trolllope and “The Cathedral Clergy” by N. Leskov. *Filologiya i kul’tura – Philology and Culture*, 2013, no. 2 (32), pp. 80-84. (In Russian).
8. Kuz’min B.A. *Antoni Trollop* [Anthony Trollope]. In: *Istoriya angliyskoy literatury: v 2 t.* [History of English Literature: in 2 vols.]. Moscow, 1955. Vol. 2, pp. 418-423.

9. Long R.E.C. *Zapisi razgovorov s L.N. Tolstym (1898–1903)* [Records of conversations with Leo Tolstoy (1898-1903]. In: *Tolstoy i zarubezhnyy mir* [Tolstoy and foreign world]. Moscow: Nauka Publ., 1965.
10. *Dva angliyskikh sobesednika: Vospominaniya Uil'yama Tomasa Stada i Roberta Edvarda Kroz'era Longa* [Two English interlocutors: Memoirs of William Thomas Stead and Robert Edward Crozier Long]. In: *Tolstoy i zarubezhnyy mir* [Tolstoy and foreign world]. Moscow: Nauka Publ., 1965, pp. 98-120.
11. Elistratova A. *Predislovie* [Introduction]. In: Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Moscow, 1970. Available at: http://lib.rus.ec/b/216094/read. (Accessed: 20th May 2014).
12. Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Translated from English. Moscow: AST Publ., 2010. 509 p.
13. Cadbury W. *Character and the mock-heroic*. In: Bareham T. (ed.) *Trollope. The Barsetshire novels*. London; Basingstoke, 1983, pp. 149-162.
14. Hansford Johnson P. *The most amiable of novelists.* In: Bareham T. (ed.) *Trollope. The Barsetshire novels*. London; Basingstoke, 1983, pp.143-149.
15. Trollope A. *Barchester Towers*. Available at: http://www.gutenberg.org/cache/epub/2432/pg2432.txt. (Accessed: 8th July 2014).

Received: 18 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 22–27 DOI: 10.17223/15617793/389/3

УДК 808.2-087

З.Р. Латфулина

МОДУСЫ АВТОРИЗАЦИИ И ВОСПОМИНАНИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Статья посвящена описанию модусных смыслов авторизации и воспоминания в диалектном высказывании. Проанализирована реализция в диалектной речи модусов авторизации и воспоминания. Осуществляется попытка проследить их взаимосвязь. Описываются средства выражения модусных смыслов авторизации и воспоминания. Прослеживается взаимосвязь указанных модусных смыслов с модусной категорией персуазивности. Названный аспект анализа рассматривается на материале русских говоров Среднего Приобья. Источниками материала послужили аудиозаписи речи диалектоносителей, старожилов сёл Парабельского района Томской области.

Ключевые слова: модус; модусные смыслы; модусная категория; категория авторизации; модус воспоминания; персуазивность; диалектное высказывание; диалектная речь.

В настоящее время исследование модусных смыслов является приоритетным, что обусловлено антропоцентрическим подходом к современным лингвистическим изысканиям. Наш интерес вызывают два наиболее актуальные и частотные в семантике диалектного высказывания модуса – авторизация и воспоминание.

В данной статье ставится задача проанализировать реализацию в диалектной речи модусов авторизации и воспоминания. Исследование проводилось на материале русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, получивших комплексную лексикографическую обработку в трудах томских диалектологов [1]. Источниками материала настоящей работы послужили аудиозаписи речи диалектоносителей, полученные автором в июле 2014 г. в результате экспедиции филологического факультета Томского государственного университета в старожильческие сёла Парабельского района Томской области (с. Парабель, с. Нестерово, с. Новосельцево). Представленный в статье материал сопровождается пометами, обозначающими территориальную отнесенность [Область. Село].

Модусная категория авторизации на материале русского языка достаточно исследована в научной литературе. Так, структурные модели авторизации описаны Г.А. Золотовой [2]. Определено место данной категории в ряду субъективных элементов содержания высказывания [3]. Основные аспекты категориальной семантики авторизации представлены в работах А.Г. Етко [4]. Изучению выражения категории авторизации в жанре статьи научного стиля посвящено исследование С.В. Гричина [5]. Вопросу реализации категории авторизации в диалектной речи уделялось внимание в публикациях Т.А. Демешкиной [6, 7].

Авторизация относится к обязательным квалификативным категориям модуса, выражающим субъективные, идущие от говорящего смыслы, и предполагает указание на источник информации, а также квалификацию способов ее получения. По мнению Т.В. Шмелёвой, «автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых» [3. С. 35]. Специально выражаются чужая информация, пересказ, цитирование; для передачи информации «от себя» (стандартная форма изложения информации) средства выражения могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Типичные показатели категории авторизации в литературном языке варьируются «от предложно-именной формы имени (*для него, по его мнению*) до двусоставной глагольно-именной модели (*я вижу, он наблюдает, он считает*) либо ее “обезличенных” вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т.п.)» [8. С. 264].

В диалекте семантика авторизации выражается собственными языковыми показателями, которые могут быть как минимальными, так и более информативными, представленными развернутыми конструкциями, самостоятельными предложениями: *Я говорю: «Ну что, пойду домой». А он говорит: «Ну, а проводить Вас можно?». Я говорю: «Да потом не прийдёшь». Я говорю: «Я за большим ручьем живу, ты не найдешь потом». «Найду», – говорит.* [Том. Пар.]; *Он приехал да говорит: «Нина, ты, говорит, давай-ка в милицию его устраивай на работу». Я говорю: «Не возьмут». «Возьмут», – говорит. «Скажи, что вот он безотцовщина, и всё»* [Том. Пар.]; *Церковь тоже чё-то, написано в газете, что она… поставили чё-то, я не ходила, не узнавала, не видала* [Том. Новос.]. Наиболее частотными средствами выражения категории авторизации в диалекте являются глаголы, имеющие в лексическом значении сему говорения и совмещающие функцию авторизации с модусом оценки речевого поведения диалектоносителя *говорить*, *сказать, рассказывать, ворчать, врать* и др., маркёр *гыт*, частицы *мол*, *дескать*, вводные слова *по-моему, кажется*, глаголы с семантикой зрительного и слухового восприятия *глядеть, видеть, слыхать, слыхивать*, ментальный предикат *думать* и др., например: *Я им сколько раз* ***говорила****: «Людка, никуда эти жернова не девай, пускай они, это память молодёжи потом будет»* [Том. Пар.]; *Ну вот мне дуре потом-то* ***подсказали****: «Ты куда дела ее* [сорочку]?» [Том. Пар.]; *Она на перемене* ***ревет****: «Девчонки, кому лепендырки надо?* [Том. Пар.]; *А потом* ***сказали****: «Родственникам всем выйти, а призывникам всем построиться»* [Том. Новос.]; ***Думаю****, мне уже скоро туда, зачем я пойду брать* [Том. Новос.].

Размышляя о природе категории авторизации, Т.В. Шмелёва [3] обратила внимание на ее связь с другими модусными категориями, в частности с категориями персуазивности и оценочности. Наряду с этим в диалектном высказывании также обнаружива-

ется «сотрудничество» авторизации с языковыми категориями персонализации, чуждости, с метакатегориями речевых жанров неуверенного («гадательного») предположения [9, 10], воспоминания [11–13], автобиографического рассказа [14]. Как отмечает А.В. Ревякина, «причина взаимовлияния логически вытекает из асимметрии языкового знака: поскольку одна и та же языковая форма может передаваться разными языковыми средствами, постольку в языке возможны сосуществование и активное “сотрудничество” различных категорий» [15. С. 47].

В диалектном высказывании модус авторизации взаимодействует с менее изученным модусом воспоминания.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой понятие «воспоминание» трактуется как «то, что сохранилось в памяти, мысленное воспроизведение этого, возобновление представлений о ком, чем-л.» [16. С. 215]. Таким образом, смыслом коммуникативной ситуации является «извлечение из памяти и вербализация информации о каких-либо событиях, имевших место в прошлом» [13. С. 169]. Воспоминание представляет собой «один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [11. С. 101].

Причины обращения говорящего в прошлое, по словам А. Вежбицкой, – «говорю это, потому что хочу представить заново некоторые вещи, которые случились в моей жизни» [17. С. 106]. В своей речи информанты, носители традиционной народной культуры, воспроизводят то, что сохранилось в памяти, как бы «отступают в прошлое», повествуя о давно прошедших событиях. Диалектоносители затрагивают множество тем, связанных с прошедшими событиями жизни семьи, села, с глобальными, масштабными, социальными перипетиями страны (война, политика), с устройством быта и труда, с взаимоотношениями между людьми: *М**о**лодежь у нас была хорошая* [Том. Пар.]; *У нас сапожники здесь тоже были* [Том. Пар.]; *Я ездила, когда война была, я ездила на коровах* [Том. Пар.]. В центр повествования попадают циклично повторяющиеся события, организующие сельскую жизнь: покос, молотьба, рыболовство, сбор урожая и т.д.: *А ешо, когда в школе учились, колоски ходили собирать, лен дергали, картошку копали… это… колхозную ходили, турнепс дергали* [Том. Пар.]; *Пестики рвали* [Том. Пар.]. Память диалектоносителей воспроизводит как значительные факты жизни, так и незначительные события, например: *Уже сам**о**го нету 47 лет, как он в земле. Я соврала, 44, 47* [лет] *мы вот тут живем, 48-й пошел, вот в этой гнилушке я живу* [Том. Пар.]; *Пестики рвали. Вот счас дак я и не вспомню даже, помню, что вот така головка у них, а сами тоненькие стебли у них* [Том. Пар.]. Восстанавливая события по памяти, говорящий часто воспроизводит в своей речи чужие реплики или даже целые диалоги: *А потом командир подошел, говорит: «Всем отойти»* [Том. Новос.]; *А этот в рупор кричит, капитан: «Освободите борт, освободите борт, освободите борт!»* [Том. Новос.]; *Нина мне говорит: «Ты мне пришли сколько-нибудь свёклы»* [Том. Нест.]; *Ну, приехали, тут к однем заехали и говорит: «У нас вот из армии Алексей пришел, может, говорит, девчонка кака тут путная у вас есть». А они сразу показали. Говорят: «А у Веруси есть, говорят, девчонка, те-то, говорит, замуж вышли, а одна ешо, говорит, Нинка есть, посмотрите, говорит, хочете»* [Том. Пар.].

«Отступ назад во времени» чаще всего обеспечивается формами прошедшего времени, а также наречиями с временной семантикой *тогда, раньше*: *Полотенца **раньше ткали*** [Том. Пар.]; ***Тогда было** очень много рыбы* [Том. Пар.]; ***Раньше**-то **была** хорошая рыба* [Том. Новос.]; *Семья у моей мамы **была раньше** 42 человека* [Том. Новос.]. Они задают вектор ретроспекции, указывая на события прошлого.

Проблема изучения статуса воспоминания, его места и роли в семантической и коммуникативной организации высказывания требует внимания исследователей. Так, к понятию воспоминания в жанроведческом аспекте обращались Л.Г. Гынгазова [13], Т.А. Демешкина [11, 14], С.В. Волошина [14], Н.В. Лагута [12], Я.В. Мызникова [18], которые определяли воспоминание как речевой жанр, имеющий ретроспективную направленность.

С нашей точки зрения, место речевого жанра в целом в системе модусных категорий достаточно четко определено в трудах Т.В. Шмелёвой [3, 19]. По мнению автора, речевой жанр является одним из смыслов метааспектов модуса, обеспечивающих «осмысление высказывания относительно условий и условностей общения» [3. С. 30]. Тем самым подчеркивается модусный характер речевого жанра воспоминания. О воспоминании как о модусе, который обеспечивает временной сдвиг, рассуждает Е.В. Падучева: «Отступ назад во времени обеспечивается модусом воспоминания» [20. С. 397], мало исследованным, широко представленным в мемуарной, исповедальной, художественной литературе. Исследователь соотносит модус воспоминания с модусом знания: модус воспоминания позволяет «оправдать “переключение внимания” адресата на какой-то участок области знания» [Там же. С. 399]. Попытку дать определение модуса воспоминания и представить арсенал средств его выражения предпринимает Н.П. Перфильева [21]. Исследователь, а вслед за ней и Т.И. Кораблина, рассматривают модус воспоминания как необязательную модусную категорию [21, 22], следовательно, вводить или не вводить этот смысл в высказывание, решает его автор. План содержания модуса воспоминания «состоит в том, что говорящий обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти» [21. С. 35]. В высказываниях с модусом воспоминания объективная информация осложняется субъективным отношением говорящего («как я помню»), наблюдается «субъективная сторона процесса интерпретации события, произошедшего когда-то в прошлом» [Там же].

Эксплицитные средства выражения модуса воспоминания – лексико-синтаксические (глаголы *помню*,

помнится в позиции вводных слов, главной части изъяснительной конструкции), иногда в сочетании с грамматическими средствами в виде вопросительных предложений, вставок, неопределенных местоимений, изъяснительной конструкции *когда это было, не помню*. С помощью данных средств выражения говорящий преследует цель высказать собственное видение ситуации, происходившей в прошлом, ввести личностный взгляд на ситуацию, донести точку зрения до адресата и маркировать его внимание на степени погрешности в точности воспроизведения передаваемых событий.

Всё, о чем сообщает информант, попадает в ментальное пространство памяти, поэтому модус воспоминания в диалектном высказывании обслуживается преимущественно посредством слов с семой «память»: предикатами *помнить, вспомнить,* называющими ментальную операцию воспоминания / припоминания, конструкциями со словом *память*: *Я как* ***помню****, был у меня дедушка, была у меня бабушка* [Том. Пар.]; *Я как щас* ***вспомню****, у нас всегда в амбаре была рыба* [Том. Пар.]; *У меня уже, конечно,* ***память*** *не та, вы чё хотели, ну-ка поживи столько и всё это знать-****помнить*** [Том. Пар.]. Основной показатель – глагол *помнить* в форме 1-го лица, единственного числа*: Хотели меня в детдом взять, пришли, говорит, как счас* ***помню****, раньше почему-то печки дымили, говорят, ты вся в саже, а я говорю: «Хоть сажа, а в детдом не пойду»* [Том. Нест.]; *Всё* ***помню****. Вот, честное слово, всё* ***помню*** [Том. Новос.]; *Я* ***помню*** *эту войну: у нас нечего было ни носить, ни кушать* [Том. Новос.]. В высказываниях актуализируется не только такой фактор введения модусной рамки воспоминания, как длина «отступа во времени» / дистанция во времени (*по прошествии многих лет*), но и субъективная позиция диалектоносителя, который испытывает неуверенность в качестве, адекватности воспоминаний: *А* ***кто их знает****, какие там названия, всякие разные названия, я чё-то* ***даже и не помню даже****, названия какие* [Том. Пар.].

«Ситуацию вспоминания» Е.С. Яковлева определяет как «ретроспективное непосредственное восприятие», отмечая, что «если говорящий вспомнил события, он располагает о них характерной информацией» [23. С. 226]. «Характерная информация» получена говорящим путем непосредственного чувственного восприятия, контакта с предметом речи. Сигналом того, что воспоминание для информанта – это «сознание о бывшем воспринятом бытии» (выражение Э. Гуссерля) [24. С. 61] и что говорящий передает информацию, полученную путем непосредственного чувственного восприятия, является наличие слов типа *это*, *что ли, как его (ее)* и др.: *Ну, видят, что парень башковитый, его взяли в эту… как ее… ой, оружьями… поставили сразу, ну, на систему на оружную, чтобы выдавать оружие там этим* [Том. Пар.]; *И этот жених привез со своего лесоучастка две бутылки, что ли* [Том. Новос.]. Образная память диалектоносителя репрезентируется авторизующими предикатами *смотреть, видеть, глядеть*, маркирующими информацию, полученную путем непосредственного наблюдения: *Я* ***видела****, я* ***видела****, со снохой пошли мы, когда его увезли* [Том. Пар.]; *Сели за стол, ну* ***вижу****: парень, вон он у меня на фотокарточке сидит, мы с ним сидим* [Том. Пар.]; *Вот было рыбы!* ***Смотришь****, такие все большие, здоровущие* [Том. Пар.].

Характерным признаком высказываний, в которых осуществляется «ситуация вспоминания», является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации: представителей старшего поколения, близких родственников и т.д.: ***Все*** *мне* ***рассказывали****, что у меня был дедушка как купец* [Том. Пар.]. Показатели авторизации диалектоносители вводят, видимо, с целью создания объективной картины. Средства чужой речи используются в качестве «универсального пограничного маркера своей / чужой речи» [12]. В нашем материале используются глаголы достаточно широкой семантики – *говорить, сказать, рассказывать*. Глагол *говорить* часто употребляется для обозначения источника информации, представленного обобщенно или неопределенно: ***Раньше****-то* ***была*** *хорошая рыба. Но где-то и сейчас,* ***говорят****, только перекрыли, не знаю, правда-нет* [Том. Нест.]. Перенося прошлое в ситуацию общения, диалектоноситель и его собеседники как бы становятся свидетелями происходившего, при этом авторизационные показатели предшествуют передаче чужой речи: ***Мать*** *мене* ***звонит****: «Нина, срочно в больницу»* [Том. Пар.]; *А* ***мама*** *мне* ***говорит****: «Иди-ка ты к тетке Анисье, позови ее, пускай она ему живот посмотрит»* [Том. Пар.]; ***Маруся Хренова*** *мне* ***говорит****: «Иди туда, в кухню, говорит, чисти стерлядок»* [Том. Пар.].

Цитирование и самоцитирование при воспоминании диалектоносителя создают эффект достоверности, фактической точности: *Я скажу: «Мама, ты вот неправильно-то слово говоришь». Она мне говорит: «Валектинэ, нас ране, бывало, отец грамоте не учил»* [Том. Пар.]; *Милиция пришла: «Бабушка, где у тебя было?». Я говорю: «Вон там вот». Батюшке сказала. А он говорит: «Считай, что ты его* [лук] *Господу Богу подарила». Я говорю: «Ну, ничё себе»* [Том. Пар.]. Анализ материала позволяет, таким образом, согласиться с мыслью Н.П. Перфильевой о том, что «модусные смыслы авторизации и воспоминания пересекаются с модусом персуазивности, который “отвечает” за квалификацию информации со стороны ее достоверности, но не объективную, а с точки зрения говорящего, иначе говоря, персуазивность есть уверенность или неуверенность говорящего в достоверности излагаемой им информации» [3. С. 37]. В связи с этим можно говорить о разной степени припоминания. Говорящий может предъявлять свои воспоминания как точные, фотографически отражая события прошлого: *Я помню, как война начиналась, девочки, истинный Бог помню* [Том. Новос.]. В других случаях воспоминания диалектоносителя неточны, что обусловлено свойствами памяти (говорящий вспоминает давно прошедшие, стершиеся в памяти события): *Да я уж это и забыла, какие сказки там бывают, кто ее знает. Теперь уже все это забыто. Сказок я чё-то не помню. Может, и были сказки* [Том. Пар.]. В этом случае средством выражения модуса воспоминания является показатель *не помню*: *А я уже чё-то* ***не помню****,* ***то ли*** *нам платили за это, не платили* [Том.

Пар.]; *Чё-то я* ***не помню*** *ничё* [Том. Пар.]; *Сказок я чё-то* ***не помню*** [Том. Пар.]; *Я сама лично с одной женщиной увозили в Томск продавали* [масло], *теперь* ***не помню****, почем килограмм* [Том. Пар.]; *Папа у меня погиб в 44-м году, в октябре месяце,* ***не помню****, какого числа* [Том. Новос.]; ***А кто их знает****, какие там названия, всякие разные названия, я чё-то даже и* ***не помню*** *даже, названия какие* [Том. Пар.]. Компонент «память» синтезирует комплекс субъективных смыслов, в первую очередь, авторизационных и персуазивных [11. С. 102]. Сигналами сомнения в достоверности информации в говорах чаще всего выступают маркёры *кажется, наверно, может быть, что ли* и др. Говорящий, вспоминая что-либо непосредственно относящееся к описываемым событиям, допускает неточности, признается о том, что многое забылось, что объяснимо возрастом информантов и нелегкой прожитой жизнью: *Я уже все* ***перезабыла*** [Том. Пар.]; *Бабушка у меня прожила 115 лет, это* ***как говорят****, но* ***может быть****, неправда, это* ***я точно не знаю*** [Том. Пар.]; [А у вас здесь сочиняли песни?]. *Да чё-то уж* ***не помню****.* ***Поди****, и сочиняли* [Том. Пар.]; *Доярской я проработала* ***то ли*** *года четыре,* ***чё ли****,* ***не помню*** [Том. Пар.]; *Память у меня хорошая была. Щас уже не то стало,* ***забываю*** *многое* [Том. Пар.]. В данных высказываниях актуализируется временная дистанция (давность событий), а также субъективная позиция говорящего, который испытывает сомнения в качестве воспоминаний. На осуществленность припоминания указывают паузы между частями высказывания, неопределенные наречия *как-то, где-то*, модальные слова и частицы со значением сомнения, недостоверности *вроде, либо как, кажется, однако, что ли*: *Сколько-то уж, много чё-то, ну вообщем, человек 10,* ***чё ли****, было.* ***Перезабыла*** *уже, сколько их тут было* [сестер] [Том. Пар.]; *Нету никакой ни мази, никого не было, не брали, а* ***как-то*** *чё-то* ***забыла*** *уже, как кусали, не кусали* [Том. Нест.]. Диалектоноситель проявляет осторожность, употребляя модальные слова и частицы как извинение за ненадежность, неточность информации, что обусловлено дистанцией во времени, особенностями языковой личности (ее возрастом, типом личности и т.д.). Лексемы *по-моему, мне кажется* являются одновременно маркёрами источника информации и передают семантику предположения, сомнения говорящего в достоверности передаваемой информации: *Верётна отдавала Татьяне,* ***по-моему, помню*** [Том. Пар.]; *У меня дедушка был, его раскулачили. У него было,* ***по-моему****, три сына и три дочери* [Том. Пар.]. Причины такой неуверенности кроются в том, что диалектоноситель припоминает события давно прошедшие, уже стершиеся в памяти.

Таким образом, отметим, что в системе модусных смыслов модусы авторизации и воспоминания могут взаимодействовать друг с другом, с другими модусами, в частности с категорией персуазивности, при этом средства выражения сосуществующих модусных смыслов пересекаются, становятся комплексными. Компонент «память» является характерным для диалектного высказывания и влечет за собой проявление субъективных смыслов, в том числе авторизационных и персуазивных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Демешкина Т.А.* Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (15). С. 31–32.
2. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
3. *Шмелёва Т.В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988. 54 с.
4. *Етко А.Г.* Категория авторизации: основные аспекты категориальной семантики // Acta Linguistica. Sofia, 2007. № 2. Vol. 1. P. 3–9.
5. *Гричин С.В.* Авторизация в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2003. 19 с.
6. *Демешкина Т.А.* Специфика проявления категории авторизации в диалектной речи // Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки: генезис, функционирование, тенденции развития : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н.Г. Ильинской. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. С. 33–40.
7. *Демешкина Т.А.* Маркеры авторизации в диалектной речи // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке». Тамбов, 2013. С. 25–28. Ч. 8.
8. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во РАН, 2004. 544 с.
9. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
10. *Воронова Е.С.* Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 18–21.
11. *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
12. *Лагута Н.В.* О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. Формы существования современного русского языка / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск : АмГУ, 2005. С. 82–96.
13. *Гынгазова Л.Г.* О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 167–174.
14. *Волошина С.В., Демешкина Т.А.* Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
15. *Ревякина А.В.* Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2006. Ч. 2. С. 47–50.
16. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1.
17. *Вежбицкая А.* Жанры речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–112.
18. *Мызникова Я.В.* Коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание» // XLIII Международная филологическая конференция. Тезисы. СПб., 2014. С. 256–257.
19. *Шмелёва Т.В.* Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде науч. докл. … д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.
20. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. 480 с.
21. *Перфильева Н.П.* Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск, 2013. С. 24–33.

22. *Кораблина Т.И.* Модус «Воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. 2013. № 2. С. 139–144.
23. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. 343 с.
24. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1 : Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. 102 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2014 г.

MODUSES OF AUTHORIZATION AND RECOLLECTION IN DIALECTAL SENTENCE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 22-27. DOI: 10.17223/15617793/389/3

Latfulina Zulfiya R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lazur811@rambler.ru

Keywords: modus; modus meanings; authorization; persuasion; recollection; dialectal sentence; dialectal speech.

The paper deals with the analysis of the modus meanings of authorization and recollection in the dialectal sentence. The paper makes an attempt to analyze the interaction of the modus qualifying category of authorization and the modus of recollection in dialectal speech. Sources of the material for this article are audio recordings of speech of Siberian old residents made by the author in July 2014 as a result of the dialectal expedition of thePhilological Faculty of Tomsk State University in the villages of Parabelsky District of Tomsk Oblast. The category of authorization is presented as a modus qualifying category which indicates the author or the source of information or the way of this information receiving. The most frequent indicators of the category of authorization in the dialectal sentence are verbs of speaking *to say, to tell, to grumble*, expressions *in my opinion, it seems*, verbs with the semantics of visual and auditory perception *to see, to look, to hear*, the mental predicate *to think*. As a result of the research, the connection between the category of authorization and the modus of recollection in the dialectal sentence is established. Recollection is "one of the most important components of dialectal speech communication" [Demeshkina 2000]. Recollection is "a means of preservation and transmission of the most significant cognitive, cultural, aesthetic and social information" [Demeshkina 2000]. "Stepping back in time" [Paducheva 1996] is provided by the modus of recollection. Perfilieva N. P. makes an attempt to define the modus of recollection [Perfilieva 2013]. The author examines the modus of recollection as an optional modus category. The content of this category is that the speaker refers to the events that they witnessed in the past, and focuses the addressee's attention on the degree of error in the accuracy of information reproduction [Perfilieva 2013]. The modus of recollection is expressed by words with the seme "memory", constructions with the word "memory": *remember, recollect* and others. The memory of the speaker is represented by authorizing predicates *to look, to see* that mark information obtained by direct observation. The component "memory" synthesizes the complex of subjective meanings, primarily, authorization and persuasion [Demeshkina 2000]. Signals of doubts about the accuracy of the information are the indicators *it seems, probably* and others. Thus, we note that most relevant and frequent categories in the semantics of the dialectal sentence are the moduses of authorization and recollection. They actively interact with each other and with other modus categories.

REFERENCES

1. Demeshkina T.A. Lexicographic studies of Tomsk Dialect School. Results and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 3 (15), pp. 31-37. (In Russian).
2. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.
3. Shmeleva T.V. *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: text of lectures on modern Russian language]. Krasnoyarsk, 1988. 54 p.
4. Etko A.G. Kategoriya avtorizatsii: osnovnye aspekty kategorial'noy semantiki [Category of authorization: basic aspects of categorical semantics]. *Acta Linguistica*, 2007, no. 2, vol. 1, pp. 3-9.
5. Grichin S.V. *Avtorizatsiya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Authorization in the scientific style of modern Russian. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2003. 19 p.
6. Demeshkina T.A. [Specifics of the category of authorization in dialect speech]. *Severnorusskie govory ot Arkhangel'ska do Kamchatki: genezis, funktsionirovanie, tendentsii razvitiya: sb. nauch. tr. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Northern Russian dialects from Archangelsk to Kamchatka: Genesis, operation, development trends: Proc. of I International Scientific and Practical Conference]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2013, pp. 33-40. (In Russian).
7. Demeshkina T.A. [Markers of authorization in dialect speech]. *Materialy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauka i obrazovanie v XXI veke*" [Proceedings of the international correspondence scientific-practical conference "Science and education in the 21st century"]. Tambov, 2013, pt. 8, pp. 25-28. (In Russian).
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yaz*yka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: RAS Publ., 2004. 544 p.
9. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 576 p.
10. Voronova E.S. The speech genre of assumption in dialect communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 18-21. (In Russian).
11. Demeshkina T.A. *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [Theory of dialect speech. Aspects of semantics]. Tomsk: ITSU Publ., 2000. 190 p.
12. Laguta N.V. *O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya)* [On the speech genre of memories (based on the Russian dialects of Amur region)]. In: Oglezneva E.A., Arkhipova N.G. (eds.) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh. Vyp. Formy sushchestvovaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Word: Folklore dialectological almanac. Forms of existence of the modern Russian language]. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2005, pp. 82-96.
13. Gyngazova L.G. [On the speech genre of memories (based on the language of the person)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki: Materialy Vseros. nauch. konf. "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka"* [Topical directions of functional linguistics: Proc. of Scientific Conference "The language situation in Russia in the late 20th century"]. Tomsk: TSU Publ., 2001, pp. 167-174. (In Russian).
14. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. World modelling potential of speech genre in dialect speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14-20. (In Russian).
15. Revyakina A.V. [Interaction of the category of persuasiveness with other modus categories]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 80-letiyu professora P.P. Shuby): materialy III Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch.* [Russian language: the system and functioning (On the 80th anniversary of Professor P.P. Shuba): Proceedings of the III International Scientific Conference. In 2 parts]. Minsk, 2006, pt. 2, pp. 47-50. (In Russian).

16. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. 2nd edition. Moscow, 1981–1984. Vol. 1.
17. Wierzbicka A. *Zhanry rechi* [Speech genres]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov, 1997, pp. 99-112.
18. Myznikova Ya.V. [Communicative features of speech genre "story-memoir"]. *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Tezisy* [XLIII International Philological Conference. Abstracts]. SPb., 2014, pp. 256-257.
19. Shmeleva T.V. *Sub"ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya*: dis. v vide nauch. dokl. d-ra filol. nauk [Subjective aspects of the Russian utterance. Philology Dr. Diss. Report]. Moscow, 1995. 35 p.
20. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and aspect in the Russian language. The semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1996. 480 p.
21. Perfil'eva N.P. *Modus vospominaniya: mezhdu istinoy i lozh'yu (na materiale memuarnoy literatury)* [Modus of memories: between truth and falsehood (based on the memoirs)]. In: Tripol'skaya T.A. (ed.) *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs* [Discourse of lies and lies as a discourse]. Novosibirsk, 2013, pp. 24-33.
22. Korablina T.I. Modus "Vospominanie": status i vzaimodeystvie s drugimi modusnymi kategoriyami (na materiale rasskazov E. Grishkovtsa) [Modus of "memories": status and interaction with other modus categories (based on stories by Grishkovets)]. *Filologiya i chelovek,* 2013, no. 2, pp. 139-144.
23. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 343 p.
24. Husserl E. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1994. Vol. 1, 102 p.

Received: 19 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 28–37 DOI: 10.17223/15617793/389/4

УДК 81'27

Н.А. Мишанкина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС «ТОМСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-70010 «Лингвистический корпус “Томский региональный текст”: концепция и структура».

Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию концепции текстового корпуса, отражающего специфику варианта русского языка, функционирующего на территории Томского региона. В качестве теоретико-методологической базы рассматриваются работы, посвященные проблеме регионалекта – регионального варианта общенационального языка, реализованные и предлагаемые исследовательские проекты, посвященные этой проблематике. Концепция текстового корпуса должна отражать определенные параметры лингвистического портретирования региона, позволяющие отразить его геополитическую, демографическую, лингвоанропологическую специфику.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; лингвистический корпус; региональная лингвистика; регионалект; Томский регион; полиэтничность; архивные материалы.

И.А. Бодуэн де Куртене еще в XIX в. настаивал на значимости включения в эмпирическую базу лингвистики разнообразных фактов проявления языковой деятельности. Известный лингвист писал о необходимости изучения живых языков «во всем их разнообразии»: как в форме книжно-письменного языка, так и в виде разговорной речи всех социальных страт. Кроме того, по мнению И.А. Бодуэна де Куртене, формирование объективной модели языка невозможно и без обращения к диахроническому аспекту и поэтому необходимо вовлекать в поле исследования памятники языка – как тексты официальные (литературные и исторические тексты), так и тексты, фиксирующие формы повседневной жизни: «С этой точки зрения и в настоящее время важным материалом для языковедения служат, например, письма лиц, не знающих правил правописания и вообще неграмотных и необразованных, непосредственных» [1. С. 23, 24].

Обоснованность этой исследовательской стратегии, сформированной более века назад, подтверждается целым рядом теоретических и прикладных проблем современной лингвистики, в определенном смысле отвлекшейся от исследования процессов, протекающих в речевой деятельности. Кризис дедуктивных структуралистских моделей описания языка, связанный с решением проблем алгоритмического представления и формализации языковых структур, повлек за собой в конце XX в. смену исследовательской парадигмы и породил целый ряд новых направлений лингвистики, решающих задачу описания реального функционирования языка. При этом практически для всех этих направлений принципиальным стало обращение к языковому факту в его функционировании. Именно эта необходимость в живом эмпирическом лингвистическом материале актуализировала проблему его фиксации и хранения. Решение фундаментальной задачи описания общенационального языка как живого, с учетом различных функциональных аспектов, сложно, но осуществимо на современном этапе развития науки. И современная лингвистика активно начинает использовать разработанные к концу XX в. информатикой и кибернетикой технологий сбора, хранения и представления информации, в нашем случае – эмпирического языкового материала, релевантного для построения функциональной модели языка. Наиболее оптимальными и эффективными в этом аспекте представляются технологии создания лингвистических корпусов, аккумулирующие технологии баз данных и информационного поиска.

Создание информационно-справочных систем лингвистического типа, дающих возможность применения методов автоматизированной обработки языковых данных, статистических и количественных методов, – одно из активно развивающихся направлений современной лингвистики, так как подобные ресурсы позволяют решить ряд исследовательских проблем, связанных с репрезентативностью и верифицируемостью лингвистических исследований, описанием языка, основанном на его реальном функционировании и статистических данных, фиксацией различных хронологических и социально-исторических, социально-культурных состояний языка. В настоящее время успешно реализуются проекты, представляющие национальные языки в целом. Примером таких успешных реализаций выступают Британский национальный корпус (http://www.natcorp.ox.ac.uk, http://sara.natcorp.ox.ac.uk) – 100 млн словоупотреблений, Банк английского языка (http://www.collins. co.uk/books.aspx?group=153, http://www.collins.co.uk/Corpus/ CorpusSearch.aspx) – 524 млн словоупотреблений, Венгерский национальный корпус (http://corpus. nytud.hu/mnsz) – 100 млн словоупотреблений, Национальный корпус словенского языка (http://www.fida. net/eng) – более 100 млн словоупотреблений, Польский национальный корпус (http://korpus.ia.uni. lodz.pl) – 93 млн словоупотреблений, Словацкий национальный корпус (http://korpus.juls.savba.sk) – 180 млн словоупотреблений, Хорватский национальный корпус (http://www.hnk.ffzg.hr) – 53 млн словоупотреблений и другие ресурсы [2].

Российские лингвисты уже в течение более чем десяти лет реализуют собственный проект – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [3], разработанный значительным коллективом ученых-лингвистов из разных регионов России и специалистами поисковой системы Яндекс (Yandex). На настоящий момент НКРЯ представляет собой открытый ресурс, объединяющий систему подкорпусов. В его

состав входит основной корпус текстов, представляющий современный русский литературный язык в его письменной форме. В этом корпусе представлены художественно-эстетический, публицистический, научный (в том числе дидактический), религиозный, официально-деловой дискурсы, а также бытовые тексты. Одновременно организована работа с отдельными подкорпусами: газетным корпусом (корпус современных СМИ), корпусом диалектных, поэтических текстов, корпусом устной речи, корпусом мультимедийным, параллельных текстов и др. Спектр эмпирического материала, представленного в НКРЯ, широк, но не является исчерпывающим. Можно говорить о том, что до сих пор не решена проблема представления в НКРЯ и в целом, в национальных корпусах, региональных вариантов общенационального языка, отличающихся социальной и территориальной спецификой.

В связи с этим перед российскими лингвистами остро встает проблема определения теоретико-методологических обоснований и поиска концептуальных решений для создания лингвистических корпусов, представляющих региональные варианты русского языка. Именно эта проблема является ключевой и для данной статьи.

В работах, посвященных проблемам культурного регионализма, язык рассматривается как отдельный параметр региональной идентичности [4]. Однако следует отметить при этом, что лингвистика, исследующая язык регионов, как отдельное направление лингвистических исследований находится на этапе становления, что отражается отчасти и в неопределенности его номинации. Ряд исследовательских проектов, представленных в сети Интернет, обозначает данное направление как «региональная лингвистика» (например, названия ряда научно-исследовательских лабораторий включает эту номинацию: научно-исследовательская лаборатория «Региональная лингвистика» (Волгоградский государственный педагогический университет)). Используется оно и в работе Л.М. Шипановской [5]. Иной термин – «лингвистическая регионалистика» – предлагается в работе Т.В. Шмелёвой [6], так как предыдущая номинация неоднозначна и может быть проинтерпретирована как «лингвистика региона». А.А. Ворожбитова и А.С. Зубцов вводят термин «линговрегионология», который «в отличие от термина “региональная лингвистика”, номинирует научное направление, исследующее не “язык в регионе”, а “регион в языке”, т.е. объектом исследования при таком подходе являются особенности самого конкретного региона как индивидуальной дискурсивной сущности, зафиксированные в тех или иных языковых фактах» [7. С. 20]. Еще один термин – «лингворегионоведение» предлагается в работе Т.Ф. Новиковой [8].

Таким образом, можно убедиться, что становление данного направления только начинается. Несмотря на его новизну, базовой для него предметной областью можно считать «особенности и вариации в языке, обусловленные этнической картиной региона, территориальными особенностями языка, особенностями его использования различными социальными группами, а также в зависимости от целей и условий коммуникации» [Там же. С. 39]. Исходя из того, что термин «региональная лингвистика» хронологически является более ранним и имеет большее распространение, именно он будет использоваться в данной работе как основной.

Региональная лингвистика зарождается на стыке классической диалектологии и исследований языка города (W. Labow, В.И. Беликов, А.С. Герд, Е.В. Ерофеева, В.Т. Клоков, В.В. Колесов, О.Б. Сиротинина, Б.Я. Шарифуллин, А.А. Юнаковская и др.). В частности, В.Т. Клоков [9] отмечает, что изучение французских региолектов начиналось с исследования языка городов, представляющих региональные варианты, противопоставленные диалектам. В работах, посвященных языку города, отмечается, что он представляет собой вариант общенационального языка, обладающий специфическими чертами, отмечаются его сложность и многоаспектность организации, связанные как с лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами [10].

Впервые интерес к языку города возникает в 20-х гг. XX в.: профессор Б.А. Ларин [11] в своем докладе 1926 г. обозначил программу намечавшихся исследований. Однако вновь к данной проблематике русские исследователи обращаются только в 70-е гг. по следам работ, выполненных зарубежными лингвистами, в силу социальных, политических и исторических причин.

На современном этапе развития данного направления социолингвистики можно говорить о существовании различных векторов исследований. В работах У. Лабова, О.Б. Сиротининой, Б.А. Ларина, А.А. Юнаковской язык города рассматривается с точки зрения близости к нормам литературного языка и на этом основании выявляются типы речевой культуры. Б.А. Ларин говорит о существовании высокого книжного языка города и его «низовых диалектов» [12. С. 196], О.Б. Сиротинина [13] проводит дифференциацию носителей языка города с точки зрения их речевой культуры. А.А. Юнаковская [14] дает развернутое описание структуры языка города с точки зрения речевой культуры ее носителей, выделяя: 1) элитарную, или книжную, городскую культуру; 2) массовую городскую культуру, которая также неоднородна (нейтральная, общепонятная для носителей среднелитературной культуры – интерсоциальная, переходная для носителей просторечия, молодежного жаргона, полудиалекта, повышающих свой уровень образованности – массовая просторечная культура – массовая молодежная культура для носителей литературно-речевой культуры и фамильярно-разговорной системы); 3) «полудиалектную» культуру; 4) городскую субкультуру; 5) замкнутую культуру воровского арго. Таким образом, можно убедиться, что уже в данных работах одной из базовых идей является идея социальной неоднородности языка города. А если принять во внимание тот факт, что каждый город представляет собой уникальную социальную и этническую систему, то, соответственно, язык любого города представляет собой уникальный вариант общенационального языка. Эта специфика отмечается в работе А.С. Герда,

предложившего для «вариантов национального языка, реализующихся в речи жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» новый термин – регионолект [15. С. 20].

Еще один вектор исследований решает задачи сопоставительного анализа языка разных городов. Например, сопоставление языков Петербурга и Москвы в лексическом аспекте проводит В.И. Беликов [16], выявляя значительные различия в составе лексических единиц. Он отмечает при этом, что подобная работа должна быть системной и последовательной, в то время как в данный период времени «в частном порядке делают это и лингвисты, но вместо того, чтобы всерьез взяться за скрупулезный лексикографический анализ, они почему-то склонны всего лишь “нащупывать разницу”, считая все различия малосущественными для лингвистической науки» [Там же. С. 23]. В данной работе напрямую ставится вопрос о том, что различия в языке разных городов обусловлены регионально. Очень активно данная проблематика разрабатывается представителями Пермской социолингвистической школы [17] и рядом представителей других региональных школ [18, 19]. Очевидно, что сопоставительные исследования в области лингвистической регионалистики нуждаются в серьезной эмпирической базе, и лингвисты предлагают различные варианты решения проблемы. Свидетельством того, что проблема существования регионолектов (в значении, предложенном А.С. Гердом) актуальна, являются новые проекты, позволяющие аккумулировать эмпирические факты существования региональных различий. В частности, корпорация ABBYY Lingvo реализует сетевой проект «Языки города», направленный на сбор фактов региональной вариативности лексических единиц (http://community.lingvo.ru/goroda). Целью проекта является создание переводного словаря, учитывающего региональную вариативность ABBYY Lingvo X3 Medved Edition [20].

Полиэтническая структура городского языка попадает в фокус исследовательского интереса в работах Е.В. Ерофеевой [21] и Б.Я. Шарифуллина: «Сложность и многоуровневость (многовариантность) городского языка обусловлены прежде всего вариативностью самой структуры современного провинциального города, разнородностью городского населения по социальным, возрастным, профессиональным и этническим признакам, по своему происхождению и длительности “городского стажа”, по степени владения литературным языком и т.п.» [22]. Полиэтническая структура того или иного региона обусловлена географическими и историческими условиями его развития и также представляет собой уникальное явление, определяющее специфику языковой ситуации. Языковая ситуация, в свою очередь, определяет такое явление, как локальная окрашенность языка города, которую отмечали А.И. Соболевский, А.И. Томсон, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, Н.М. Каринский и другие лингвисты. Лингвистическая окрашенность языка городов, в свою очередь, является показателем лингвистической окрашенности языка, функционирующего в регионе.

В ряде работ исследователей современного состояния диалектов остро рефлексируется проблема их разрушения и появления новой формы существования языка, занимающей промежуточное положение между диалектом и общенациональным языком. Трансформацию традиционной модели, в которой существует оппозиция «литературный язык – диалект», отмечают и германские диалектологи разных школ, используя термины «полудиалект» (Halbmundart) или «письменный диалект» (Schriftdialekt). Исследователи в области русской диалектологии, в частности Л.И. Баранникова, также отмечают расширение функционирования диалекта и, по сути, трансформацию его в региональный язык. Подобные процессы отмечают и другие диалектологи, например в трудах В.Г. Орловой, Р.И. Аванесова употребляется термин «объединение диалектов» [23. С. 30].

Отечественные исследования региональных вариантов функционирования языка позволяют говорить о том, что в настоящее время накоплен значительный лингвистический материал, отражающий специфику лингвокультурного состояния регионов. Первыми исследованиями в этой области стали работы, посвященные проблемам существования диалектов в европейских языках. В статье «Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции)», опубликованной в 1982 г., отмечается, что проблема разграничения диалекта и регионального языка ранее была поставлена только в германской филологии. К французскому языку в аспекте его диалектных форм романисты обращаются только в 70-е гг. XX в. Статус французских диалектов изменялся в ходе исторического развития: «Во французском языке расцвет диалектов отмечен периодом конца XII – начала XIV в. В последующие периоды наблюдается деградация диалектов, их перерождение до уровня патуа – термин, которым обозначаются разрозненные реликты диалектов, наблюдающиеся повсеместно на территории современной Франции. При этом степень их сохранности и функционирования различна. Само собой разумеется, что в последней четверти XX в. речь не может идти о “диалектах”, явлении, в целом свойственном другой исторической формации, от которой в силу различных условий непосредственных свидетельств (записей) диалектной речи не осталось вовсе или остались единичные свидетельства. Мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик “региона”. Это проблема номер один языковой ситуации современной Франции» [23. С. 29]. Размышляя об изменении традиционных форм существования языка, автор обращается к системе терминов, маркирующих эту динамику, в частности к термину «регионолект». Однако в данной работе он имеет несколько иное значение, предложенное германскими исследователями: «В литературе вопроса все чаще термин “региональный язык” дублируется терминами “регионолект”, “региональные говоры”, “регионализм”, “региональные черты” (последние иногда называются провинциализмами)» [Там же. С. 30]. Констатируя терминологическую синонимию, автор рассуждает о понятийной

нетождественности названных терминов: региональные черты, регионализмы – отдельные специфические черты местной разговорной речи, они могут не входить в систему региональных говоров или языка, в отличие от первых, термины «региональный говор», «региолект», «региональный язык» предполагают системность и представляют собой «самостоятельные лингвистические единства», которые могут быть реконструированы. Вместе с тем единство это незаконченное и неустойчивое. Понимание термина «региолект» во французском языкознании неоднозначно (см. подробнее обзор, представленный в работе), и значительное число исследователей предлагают рассматривать региональный язык, прежде всего, как вариант общенационального (и / или литературного) языка на отдельной территории. При этом данная форма может не представлять собой отдельной лингвистической системы и может варьироваться в зависимости от территории распространения, но является устойчивым вариантом национального языка более крупным, нежели отдельный говор. М.А. Бородина [23] отмечает, что региолект является звеном в цепочке языковых состояний.

Приведем вслед за М.А. Бородиной параметры, на основании которых та или иная форма существования языка может быть квалифицирована как региолект. Первый – территориальный, связанный с тем, что региональный язык, как правило, распространен на большей территории, нежели диалект. Длительность существования региолекта – второй значимый критерий. В французском языке «региональные формы речи как потенциальные системы появляются в начале XIX в. в результате французской буржуазной революции, прекратившей феодальную замкнутость. В XX в. эти потенциальные системы превращаются в реальные региональные системы» [Там же. С. 32]. Третий критерий связан с характеристикой уровней языка. Для французского языка характерным является большая выраженность региональных черт на уровне текста – в синтаксических и стилистических особенностях, в том числе и фразеологических. Соотношение с литературным языком – еще один критерий: в отличие от диалекта, последовательно противопоставленного литературному языку, региолект соотносится с ним в значительно большей степени. Критерий формы реализации (устная / письменная) дополняет предыдущий и позволяет говорить о промежуточности региолекта: диалект реализуется только в устной форме, в то время как региолект имеет разновидности, реализованные в письменной форме. Кроме этого, автор указывает на такие свойства регионального языка, как: 1) меньшая изученность; 2) сложность картографирования, обусловленная недостаточной ясностью общей характеристики региолекта как теоретического объекта.

В работе В.Т. Клокова [9] основной причиной достаточно позднего обращения французского языкознания к исследованию региолектов называется определенный лингвистический «снобизм», противопоставлявший парижскую «культурную» речь как образцовую другим формам существования французского языка. Вторая причина (и в этом авторская позиция совпадает с позицией М.А. Бородиной) – слабая определяемость региолекта с позиций структурной лингвистики [Там же. С. 6]. Однако уже к 1980-м гг. региолектология заменяет в европейской зоне диалектологические исследования. Французское языкознание к настоящему времени имеет значительный опыт исследования региональных вариантов: с середины 80-х последовательно разрабатываются методология и терминологический аппарат теории региональной вариативности. Был выработан ряд подходов к их изучению. Базовыми являются нормативный и дескриптивный. Нормативный подход предполагает выявление специфики региолекта путем сопоставления с нормами французского языка. Дескриптивный предполагает описание регионального варианта как единой системы вне какого-либо сопоставления. Данные подходы не исключают, а дополняют друг друга и «отражают научное понимание региональных вариантов французского языка как специфических образований в общей системе французского языка, фактически отличающейся слабой гомогенностью» [Там же. С. 17]. Кроме выявленных ранее свойств региолекта В.Т. Клоков отмечает, что на формирование региолекта оказывает влияние ситуация билингвизма и / или диглоссии. Второе важное свойство – «горизонтальное» (территориальное) варьирование региолекта в сельской местности и «вертикальное» (социальное) в городе [Там же. С. 47].

Проблематика, связанная с исследованием французских региолектов, получает дальнейшее развитие в работе А.А. Сидорова «Региолекты в общенациональном французском языке: перспективы на современном этапе развития» [24]. Анализ гастрономических регионализмов позволяет автору сделать ряд новых выводов: наиболее последовательно региональные языки реализуются в сфере бытового общения. На их функционирование оказывает влияние целый ряд социальных факторов, связанных с условиями общения, уровнем социальной активности говорящих, степенью официальности общения [Там же. С. 125].

Названное направление получает активное развитие и на материале русского языка. В последнее десятилетие появляются работы, посвященные региолектам русского языка. Анализ показывает, что в исследовательское поле попадает как русский язык диаспор, проживающих не территориях других государств, так и собственно региональные варианты русского языка. В частности, в работе Е.А. Оглезневой [25] исследуется состояние русского языка в восточном зарубежье (в Харбине). В.И. Теркулов [26] обсуждает проблему языковой интерференции в ситуациях билингвизма (русский и украинский языки). Эта проблематика становится объектом исследования и белорусских ученых (см. работы Л.В. Рычковой).

Кроме описания вариантов русского языка, функционирующих в иноязычной среде, появляются целостные проекты, направленные на исследование отдельных региональных вариантов русского языка, хотя следует отметить, что таковые пока единичны. К числу реализованных исследований можно отнести исследование О.Н. Иванищевой «Социолингвистический порт-

рет приграничного северного региона» [27], диссертационное исследование Ю.А. Резвухиной «Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века» [28], статью Е.А. Оглезневой «Дальневосточный регионалект русского языка как региональный вариант русского национального языка» [29].

Все три проекта объединяет понимание того, что специфику функционирующего в определенном регионе России русского языка обусловливают исторические, социокультурые особенности развития данного региона. О.Н. Иванищева ставит своей целью «определить аспекты комплексного социолингвистического изучения функционирования языков и языковых вариантов в Баренцевом регионе как особом этноязыковом пространстве с целью разработки социолингвистической составляющей модели “разнообразия северов” [27. С. 3]. В работе в научный оборот вводится новое понятие – «региональная языковая личность» – как компонент социолингвистического портрета региона или среды, выполняющей функцию консолидации отдельных языковых личностей. Автор исследует полиэтничность как региональный феномен и выявляет социолингвистические параметры регионального билингвизма.

Таким образом, в качестве исходного звена в изучении лингвистической специфики региона автор избирает речевую деятельность жителей региона, что представляется вполне оправданным, так как именно в речевой деятельности, тесно связанной с различными экстралингвистическими факторами, происходит трансформация общенационального языка, приводящая к формированию регионального варианта.

Работа Ю.А. Резвухиной посвящена другому аспекту исследования региональной специфики: исследуя архивные материалы, автор вводит в научный оборот ранее не известные лингвистические факты, характерные для региональной деловой документации 20-х – начала 30-х гг. XX в. в аспекте региональной лингвистики. Несмотря на то что фокус исследовательского интереса сосредоточен на лексическом компоненте ограниченного временного периода, автору удается сделать выводы о существовании колымского регионалекта. Отдельные регионализмы были зафиксированы в более ранних работах (см. обзор в работе), но их последовательное описание позволило говорить о наличии системной организации региональной лексики, отличающейся «достаточно разветвленной внутренней структурой со сложившимися синонимическими, антонимическими и деривационными связями» [28. С. 7]. Кроме того, региональные особенности проявляются и на других языковых уровнях, хотя наиболее полно они реализуются в лексике. Колымский регионалект, по мнению Ю.А. Резвухиной, возникает как «результат сложного продолжительного взаимодействия русского литературного языка, старожильческих говоров территории, языков аборигенного населения и языков Азиатско-Тихоокеанского региона» [Там же. С. 8].

В статье Е.А. Оглезневой [29] предпринимается попытка описания дальневосточного регионалекта русского языка как регионального варианта общенационального языка с точки зрения его системной организации. Автор представляет специфику речи Дальнего Востока, сопоставляя ее с русским литературным языком и другими региональными вариантами. Специфичность дальневосточного регионалекта обусловлена диалектным влиянием, промыслово-хозяйственной деятельностью в регионе и, соответственно, языковыми подсистемами, обслуживающими эти виды деятельности, геополитическим положением, определяющим языковые контакты и, соответственно, интерференционные процессы. Названные факторы являются определяющими для формирования иных регионалектов и приводились в других работах. Однако Е.А. Оглезнева обращает внимание на еще один фактор, связанный с «возможностями самой языковой системы, ведущими к своеобразной, своеобычной реализации, что проявляется, например, в лексических новообразованиях» [Там же. С. 23]. Автор обнаруживает региональную специфику речи дальневосточников на различных языковых уровнях, что позволяет говорить о системности и единстве этого образования, дает возможность квалифицировать его как вариант языка.

Проекты, связанные с исследованием регионалектов, предлагаются и другими исследователями. В публикации Л.А. Шипановской представлен проект коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья» [5], направленный на выявление языкового своеобразия региона. Региональная проблематика начинает активно внедряться в образовательные программы [8]. Более широкий спектр задач, связанных с исследованием регионального словотворчества, ставит перед собой научно-исследовательская лаборатория «Филологическая регионалистика “Курское слово» [30]. Исследованию региональной языковой картины мира посвящена конференция «Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира», результаты которой нашли отражение в сборнике научных трудов [31].

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках современной социолингвистики уже оформилось и активно развивается такое направление, как региональная лингвистика, объектом которой является новая форма существования общенационального языка – регионалект. Исследование этой формы существования языка требует значительного объема эмпирических фактов, которые могут быть получены только с применением новых технологических решений – на основе полнотекстовых баз данных и лингвистических корпусов.

Томский регион, как и другие регионы России, обладает целым рядом специфических черт, сформировавшихся в силу исторических и культурных условий его развития. Специфика заселения региона тесно связана с историческими процессами. Во-первых, до появления на этой территории русскоязычного населения в XVI–XVII в. здесь проживали представители автохтонных этносов (коренное тюркское население: сибирские татары, чулымские тюрки), малочисленные народы Севера (селькупы, ханты, эвенки, эвены, манси, коряки, кеты, нанайцы). В настоящее время «большая часть коренного населения Томской области сосредоточена в шести районах компактного про-

живания: Александровском (ханты), Верхнекетском (селькупы, эвенки), Каргасокском (селькупы и ханты), Колпашевском (селькупы и ханты), Парабельском (селькупы) и Тегульдетском (чулымцы)» [32]. Во-вторых, в сибирском (Томском) регионе обосновались представители этносов, переселившиеся сюда в результате сложных миграционных процессов под влиянием экономических, политических, военных, религиозных и иных факторов, возникших в разное историческое время. В связи с интенсивным освоением Сибири Томская губерния стала одним из центров переселенческого движения в XIX в., в это время отмечается мощный приток мигрантов из разных частей России и соседних, в частности, на данной территории появляются евреи, поляки, немцы, эстонцы, латыши, украинцы и представители других этносов. В Государственном архиве Томской области хранятся документы Томского переселенческого управления, Томской казенной палаты, Томского губернского управления, Томского губернского управления земледелия и государственных имуществ и других организаций, связанных с процессом переселения [33]. В-третьих, еще одна волна переселения связана с массовой насильственной депортацией в 30-е гг. XX в., когда на территорию Томской губернии переселялись жители Прибалтики, поволжские немцы, поляки и др. Процессы естественной миграции вновь актуализируются в настоящее время в связи с экономическими и политическими процессами, происходящими на территории бывшего СССР. Можно говорить о существовании целого ряда национальных диаспор (армянская, чеченская и др.), также вносящих свой вклад в формирование этнокультурной специфики Томской области [34].

Все названные процессы обусловили синтетический характер сибирского культурного пространства, в настоящее время территорию Томской области населяют представители более 120 национальностей: русские (88%), татары (1,6%), украинцы (1,1%), немцы (0,8%), чуваши (0,38%), узбеки (0,4%), белорусы (0,3%), азербайджанцы (0,4%), армяне (0,26%), башкиры (0,15%), мордва (0,1%), удмурты (0,1%), молдаване (0,09%), а также коренные малочисленные народы Севера: селькупы, эвенки, ханты, кеты. На территории Томской области официально зарегистрированы: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Колта куп», Региональная общественная организация Азербайджанский национально-культурный центр «Азери», Центр украинской культуры «Джерело», Центр польской культуры «Дом польский», Национально-культурная автономия корейцев, Томское региональное отделение «Союза армян России», Польский национальный центр «Белый орел», Томская региональная национально-культурная автономия российских немцев, Томская региональная национально-культурная автономия греков, Томская региональная еврейская национально-культурная автономия, Национально-культурная автономия белорусов г. Томска, Томская городская национально-культурная автономия «Кыргызстан», Томская национально-культурная автономия «Узбекистан», Центр казахской культуры «Бирлик», Местная общественная организация Бурятская национально-культурная автономия г. Томска «ГЭСЭР», Местная таджикская национально-культурная автономия города Томска, Томская национально-культурная автономия «Томская Полония», Центр удмуртской культуры Чаинского района, Томская национально-культурная автономия татар «Туган Иль». Статус государственных учреждений имеют Российско-немецкий дом и Областной центр татарской культуры [34].

Одним из значимых компонентов культуры и сохранения национально-культурной идентичности является язык, его культурная значимость подтверждается общественным пониманием необходимости изучения национальных языков. В.Н. Стрелецкий [4] отмечает, что наряду с региональным самосознанием, специфической поселенческой структурой, специфической культурой природопользования, индикатором региональной идентичности является местная языковая (лингводиалектная) система. Авторы работы «Этнокультурное образование в Томской области» отмечают, что «проблема обучения нерусского, иноэтничного контингента учащихся и их адаптации в социокультурную среду сибирского региона являлась насущной для Томской области (губернии) начиная с середины XIX века... В конце XIX века актуализировался вопрос о создании национальных школ для обучения детей коренных жителей (томские татары, селькупы, кеты и др.) и пришлого нерусского населения (евреи, поляки, немцы, эстонцы, латыши, украинцы и др.)… Первоочередной задачей для сибирского региона явилась разработка программ и учебников по русскому языку, адаптированных для нерусского населения, а также букварей на родном языке для коренных народов. После войны в Томске, при Томском государственном педагогическом институте А.П. Дульзоном была основана научная школа комплексного изучения языков, культуры, истории народов Сибири. В 1970–1980-е гг. учеными создаются учебники для коренных народов Севера, методические пособия по изучению языка и культуры селькупов, ханты, кетов, чулымцев, усовершенствуются словари языков коренных малочисленных народов Сибири» [32].

Таким образом, можно говорить о языковой специфичности Томского региона, тесно связанной как с геополитическими, историческими процессами заселения этой территории представителями различных этносов, так и смешанным, разнодиалектным составом русскоязычного населения. Сказанное выше ставит перед нами ряд задач, связанных с решением общетеоретических и прикладных проблем описания специфики и форм регионального существования русского языка на территории Томской области. Региональный вариант русского языка в Томском регионе никогда не становился объектом отдельного лингвистического описания, поэтому предлагаемый проект направлен на его системное комплексное изучение.

Ранее учеными Томского государственного университета предпринимались попытки создания информационных ресурсов локального характера. В качестве примера одного такого ресурса может быть названа база данных «Среднеобский фольклор» [35],

созданная исследовательским коллективом в рамках реализации проекта Томского МИОН. Названный ресурс представляет собой полнотекстовую базу данных, содержащую информацию и материалы одной из специфических форм народной культуры Сибири – среднеобского фольклора. Данный проект вводит в научный оборот новый материал – сибирский русский фольклор, зафиксированный фрагментарно даже по сравнению с сибирским фольклором малых народов, решает проблему публикации этих уникальных записей, ранее еще не изданных и не доступных для ученых, занимающихся исследованиями в области антропологии, этнографии, культурологии, лингвистики, истории и др. Сибирского региона. Однако названный ресурс содержит ограниченное количество текстов народной культуры жителей Сибирского и Алтайского регионов, в том числе Среднего Приобья, собранных студентами и сотрудниками Томского государственного университета с 60-х гг. XX в. текстов. Архив записей хранится на филологическом факультете ТГУ в виде рукописных тетрадей. Эти тексты позволяют составить представление о специфике среднеобского фольклора, но, к сожалению, данный ресурс не отражает лингвистической специфики региона.

Кроме этого, в поле зрения исследователей попадали языки этнических сообществ, проживающих на данной территории (см. работы ученых лаборатории «Языки народов Сибири» Томского государственного педагогического университета), диалектная форма общенационального языка (среднеобский диалект) (см. работы Томской диалектологической школы), отдельные дискурсы (просторечная лексика, язык СМИ и т.п.), однако комплексного описания специфики языка региона предпринято не было. За пределами исследовательского внимания остался ряд вопросов (например, существование русского языка в полиэтнической ситуации, ситуации билингвизма, при которой всегда возможны трансформации языка на различных уровнях за счет интерференции языковых структур).

Полагаем, что при создании лингвистического корпуса, отражающего специфику регионального варианта русского языка, необходимо учесть все эти аспекты. Концептуальное проектирование такого ресурса требует разработки системных принципов лингвоантропологического портретирования региона. Мы полагаем, что оно должно включать следующие параметры описания:

1. Формы и способы существования русского языка в условиях полиэтничности: в местах проживания коренных народов Сибири (селькупы, ханты, томские татары, чулымцы, эвенки); в местах компактного поселения добровольно или насильственно перемещенных представителей иных этнических сообществ (поляки, немцы, эстонцы и др.); в условиях современных диаспор (армянская, чеченская и др.). Этот параметр предусматривает описания геополитических условий региона, социально-исторические условия его заселения и их связь с языковой ситуацией. Полагаем, что необходимо исследовать демографические и социальные факторы в динамике языковой ситуации Томского региона, определить положение и статус языков коренного населения и переселенцев, лингвоантропологическую и культурологическую специфику функционирования русского языка в этнокультурной среде, в ситуации взаимодействия языков. Языковая ситуация, характерная для полиэтничного состава региона, неизбежно влечет за собой билингвизм, предопределяющий, в свою очередь, лингвистическую интерференцию на территориях использования разных языков.

2. Специфика региональной полидискурсивности русского языка: виды дискурсов, функционирующих в регионе, и способы их взаимодействия; варьирование дискурсов в аспекте их региональной составляющей, определяющей способы и формы реализации языка в отдельных дискурсивных сферах (медиа, литературно-художественный, устно-разговорный, эпистолярный, юридический и др.) как в «вертикальном» (социальном) изменении, так и в «горизонтальном» (территориальном). В частности, ряд исследований [36] показывает, что текстовое воплощение определенных дискурсов на территориях региона, в том числе в городе и сельской местности, обладает спецификой.

3. Историческая динамика языка, обусловленная историко-культурным развитием региона: становление отдельных институциональных и личностно-ориентированных дискурсивных областей, представленных в архивных документах. Лингвистические особенности текстов архивных документов Государственного архива Томской области еще не были описаны в социокультурном и дискурсивном аспектах как органическая часть языка региона. Вместе с тем проведенные ранее исследования и лексикографические работы [37], выполненные на материале памятников, созданных в районе формирования среднеобских говоров – в Томском, Кетском, Нарымском и Кузнецком острогах, позволяют сделать вывод о региональной специфике лексического пласта.

Полагаем, что названные параметры описания варианта русского языка, функционирующего на территории Томского региона, являются значимыми для различных областей современной лингвистики (региональная лингвистика, диалектология, социолингвистика, этнолингвистика, лингвистическая антропология), так как направлены на решение методологических и собственно описательных задач и, в первую очередь, на формирование реальной модели функционирования регионального варианта языка. Без их учета не может быть решена задача формирования репрезентативной структуры лингвистического корпуса томских текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб., 1871. Сайт «Научное наследие России». URL: http://books.e-heritage.ru/book/10075814
2. *Захаров В.П.* Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие. СПб., 2005.
3. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru

4. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. Вып. № 14. Электронная библиотека «Киберленинка». URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-regionalizm-suschnost-ponyatiya-problemy-izucheniya-i-sistema-indikatorov
5. *Шипановская Л.М.* О проекте коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья», посвященной проблемам региональной лингвистики. Благовещенск, 2012.
6. *Шмелева Т.В.* Диалекты и язык города // Русские народные говоры: история и современное состояние : тез. докл. межвуз. конф. Новгород, 1997. С. 103–104.
7. *Ворожбитова А.А., Зубцов А.С.* Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования. М. : Флинта, 2014.
8. *Новикова Т.Ф.* Лингворегионоведение. Ч. 1 : Программа и программно-методические материалы. Белгород : Изд-во БелГУ, 2010.
9. *Клоков В.Т.* Особенности регионализации французской речи во Франции. Ч. II // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 43–48.
10. *Labow W.* The social stratification of English in New York City. Washington, 1966. 203 p.
11. *Колесов В.В.* Язык города. М. : Высш. шк., 1991.
12. *Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977.
13. *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
14. *Юнаковская А.А.* Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы). URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html
15. *Герд А.С.* Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании : тез. докл. междунар. конф. / Ин-т языкозн. РАН. М. : Рус. словари, 1998. С. 20, 21.
16. *Беликов В.И.* Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3 : Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 23–38.
17. *Доценко Т.И., Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И.* Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 144, 155.
18. *Петрова Е.А.* Язык и речь как составная часть городской культуры. URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-12.pdf
19. *Федянина О.Н.* Некодифицированная лексика языка города Кирова: на материале просторечия и жаргона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2010. URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-12.pdf
20. *Проект* «Языки городов» // Портал ABBYY Lingvo. URL: http://community.lingvo.ru/goroda
21. *Ерофеева Е.В.* Языковая ситуация современного города и методы ее исследования // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 5. С. 16–23.
22. *Шарифуллин Б.Я.* Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск, 1997. Вып. 5. С. 8–26. Русский филологический портал. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-97.htm
23. *Бородина М.А.* Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29–38.
24. *Сидоров А.А.* Региолекты в общенациональном французском языке: перспективы на современном этапе развития // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 123–128.
25. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материалах русской речи в Харбине). Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2009.
26. *Теркулов В.И.* Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 2 (28). С. 117–120.
27. *Иванищева О.Н.* Социолингвистический портрет приграничного северного региона. Мурманск, 2008.
28. *Резвухина Ю.А.* Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века : дис. … канд. филол. наук. Магадан, 2014.
29. *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20–37.
30. *Сайт* научно-исследовательской лаборатории «Филологическая регионалистика “Курское слово”». URL: http://kursksu.ru/labs/information/kursk_word
31. *Симашко Т.В.* Научно-практическая конференция «Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. Вып. № 3. С. 169–171.
32. *Этнокультурное* образование в Томской области: стратегия и межведомственная программа / под ред. О.В. Горских, З.С. Камалетдиновой, Т.В. Хахалкиной. Томск : РЦРО, 2010.
33. *Сайт* Государственного архива Томской области. URL: http://pereselenie.gato.tomica.ru/index.html
34. *Сайт* Департамента по культуре Томской области. URL: http://depculture.tomsk.gov.ru/ru/culture
35. *База* данных «Среднеобский фольклор». URL: http://mion.tsu.ru/sobase
36. *Орлова О.В.* Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 232–236.
37. *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2014 г.

LINGUISTIC CORPUS “TOMSK REGIONAL TEXT”: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUND OF THE PROJECT

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 28-37. DOI: 10.17223/15617793/389/4
Mishankina Natalya A. Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mishankina@ido.tsu.ru, n1999@rambler.ru
Keywords: corpus linguistics; linguistic corpus; regional linguistics; regiolect; Tomsk region; multi-ethnicity; archival materials.

Modern linguistics actively solves the fundamental problem of describing the internal nomenclature using the technology computer science developed in data collection, information storage and display, i.e. the technology of linguistic corpus creation, storage technology of databases and data recovery. Currently, projects of national language representation in general are successfully implemented. The Russian National Corpus was created by a big team of linguists and specialists of Yandex search engine. The range of empirical data presented in the Corpus is broad, but not exhaustive: the problem of representation of regional variants of the national language, different social and territorial features has not been solved. In this regard, Russian linguists face an urgent problem of finding the theoretical and methodological grounds and conceptual solutions for creating linguistic corpuses representing regional variants of the Russian language. Domestic studies of the regional variations of language functioning suggest

that currently there has been collected a significant linguistic material on the specifics of the linguocultural state of the regions. Regional linguistics originates at the junction of the classical studies of dialectology and the language of the city. A number of researchers of the current dialect state consider the acute problem of dialect destruction and the emergence of a new form of language which occupies an intermediate position between the dialect and the national language: the regiolect; the latter becomes the object of regional linguistics. The study of this form of language involves considerable empirical evidence which can be obtained only with the hepl of novel technical solutions based on full-text databases and linguistic corpuses. Tomsk Oblast, like other regions of Russia, has a number of specific features that have emerged due to the historical and cultural conditions of its development which determined the synthetic nature of the Siberian cultural space. Now the territory of Tomsk Oblast is inhabited by representatives of more than 120 nationalities. One of the significant elements of culture and preservation of the national and cultural identity is language; its cultural significance is confirmed by the public understanding of the need to study the national languages. The linguistic specificity of Tomsk Oblast is closely related to the geopolitical and historical processes of this territory's settlement by representatives of various ethnic groups, as well as to the mixed and varied composition of dialects of the Russian population. The regional version of the Russian language in Tomsk Oblast has never become a subject of a separate linguistic description, so the proposed project aims at a comprehensive study of its system. The conceptual design of the linguistic corpus reflecting the specificity of the regional variant of the Russian language calls for the evolution of the system principles of the linguistic-anthropological portraiture of the region.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay I.A. *Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke* [Some general notes about linguistics and language]. St. Petersburg, 1871. Available at: http://books.e-heritage.ru/book/10075814.
2. Zakharov V.P. *Korpusnaya lingvistika: ucheb.-metod. posobie* [Corpus Linguistics: a manual]. St. Petersburg, 2005. 48 p.
3. Russian National Corpus. Available at: http://ruscorpora.ru. (In Russian).
4. Streletskiy V.N. Kul'turnyy regionalizm: sushchnost' ponyatiya, problemy izucheniya i sistema indikatorov [Cultural regionalism: the essence of concepts, problems of study and the system of indicators]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2012, no. 14. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-regionalizm-suschnost-ponyatiya-problemy-izucheniya-i-sistema-indikatorov.
5. Shipanovskaya L.M. *O proekte kollektivnoy monografii "Lingvisticheskiy portret Priamur'ya", posvyashchennoy problemam regional'noy lingvistiki* [A project of the monograph "The linguistic portrait of the Amur Region" on the problems of regional linguistics]. Blagoveshchensk, 2010.
6. Shmeleva T.V. [Dialects and language of the city]. *Russkie narodnye govory: istoriya i sovremennoe sostoyanie.* [Russian folk dialects: history and current status]. Novgorod, 1997, pp. 103-104.
7. Vorozhbitova A.A., Zubtsov A.S. *Diskursivnoe prostranstvo Sochinskogo regiona kak ob"ekt lingvoritoricheskogo issledovani*ya [Discursive space of Sochi region as an object of linguistic rhetoric study]. Moscow: Flinta Publ., 2014. 204 p.
8. Novikova T.F. *Lingvoregionovedenie. Ch. 1: Programma i programmno-metodicheskie materialy* [Linguistic region studies. Part 1: Programs and training materials]. Belgorod: BelSU Publ., 2010.
9. Klokov V.T. Osobennosti regionalizatsii frantsuzskoy rechi vo Frantsii. Ch. II [Features of French speech regionalization in France. Part II]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2010, vol. 10, issue 2, pp. 43-48.
10. Labow W. *The social stratification of English in New York City*. Washington, 1966. 203 p.
11. Kolesov V.V. *Yazyk goroda* [Language of the city]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991. 192 p.
12. Larin B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977.
13. Sirotinina O.B. *Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoy kul'tury* [Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture]. Ekaterinburg, 1996.
14. Yunakovskaya A.A. *Sotsial'naya differentsiatsiya yazyka goroda (problemy i perspektivy)* [Social differentiation of the language of the city (problems and prospects)]. Available at: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html.
15. Gerd A.S. [Dialect – regiolect – colloquialism]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: tez. dokl. mezhdunar. konf.* [Russian language in its functioning. Abstracts of International Conference Reports]. Moscow, 1998, pp. 20-21. (In Russian).
16. Belikov V.I. *Sravnenie Peterburga s Moskvoy i drugie soobrazheniya po sotsial'noy leksikografii* [Comparison of Petersburg to Moscow and other considerations on social lexicography]. In: *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Moscow, 2004. Issue 3, pp. 23-38.
17. Dotsenko T.I., Erofeeva E.V., Erofeeva T.I. Perm School of Sociolinguistics: theoretical and methodological foundations. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya,* 2010. Vyp. 2 (8), pp. 144-155. (In Russian).
18. Petrova E.A. *Yazyk i rech' kak sostavnaya chast' gorodskoy kul'tury* [Language and speech as part of urban culture]. Available at: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-12.pdf.
19. Fedyanina O.N. *Nekodifitsirovannaya leksika yazyka goroda Kirova: na materiale prostorechiya i zhargona*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Uncodified vocabulary in Kirov: on the material colloquialisms and slang. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Available at: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-12.pdf.
20. ABBYY Lingvo. Proekt "Yazyki gorodov" [The project "Languages of cities"]. Available at: http://community.lingvo.ru/goroda.
21. Erofeeva E.V. Social component of lexical connotation. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya,* 2009, issue 5, pp. 16-23. (In Russian).
22. Sharifullin B.Ya. *Yazyk sovremennogo sibirskogo goroda* [The language of a modern Siberian city]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of verbal communication]. Krasnoyarsk, 1997. Issue 5, pp. 8-26. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-97.htm.
23. Borodina M.A. Dialekty ili regional'nye yazyki? (K probleme yazykovoy situatsii v sovremennoy Frantsii) [Dialects or regional languages? (On the problem of the language situation in modern France)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1982, no. 5, pp. 29-38.
24. Sidorov A.A. Regiolekty v obshchenatsional'nom frantsuzskom yazyke: perspektivy na sovremennom etape razvitiya [Regiolects in the nationwide French: perspectives on the current stage of development]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2012, no. 2 (42), pp. 123-128.
25. Oglezneva E.A. *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materialakh russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the eastern countries (on materials of Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2009. 505 p.
26. Terkulov V.I. Regiolekt ili natsional'nyy variant: k postanovke problemy [Regiolect or national variant: on the problem]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2012, no. 2 (28), pp. 117-120.
27. Ivanishcheva O.N. *Sotsiolingvisticheskiy portret prigranichnogo severnogo regiona* [Sociolinguistic picture of the frontier northern region]. Murmansk, 2008.
28. Rezvukhina Yu.A. *Kolymskaya regional'naya leksika 20-kh – nachala 30-kh godov XX veka*. Dis. kand. filol. nauk [Kolyma regional vocabulary of the 1920s – early 1930s. Philology Cand. Diss.]. Magadan, 2014.

29. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyy variant russkogo natsional'nogo yazyka [Far Eastern regiolect of the Russian language as a regional version of the Russian national language]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh*, 2013, no. 10, pp. 20–37.
30. Sayt nauchno-issledovatel'skoy laboratorii "Filologicheskaya regionalistika "Kurskoe slovo"" [The site of the research laboratory "Philological regionalism. Kursk word"]. Available at: http://kursksu.ru/labs/ information/kursk_word. (In Russian).
31. Simashko T.V. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Yazyk i kul'tura Russkogo Severa: k voprosu o regional'noy yazykovoy kartine mira" [Scientific and Practical Conference "Language and Culture of the Russian North: on the regional language picture of the world"]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences*, 2014, no. 3, pp. 169-171.
32. Gorskikh O.V., Kamaletdinova Z.S., Khakhalkina T.V. (eds.) *Etnokul'turnoe obrazovanie v Tomskoy oblasti: strategiya i mezhvedomstvennaya programma* [Ethnic and cultural education in Tomsk Oblast: strategy and interagency program]. Tomsk: RtsRO Publ., 2010.
33. The website of the State Archive of Tomsk Region. Available at: http://pereselenie.gato.tomica.ru/index.html. (In Russian).
34. The website of the Department of Culture of Tomsk Region. Available at: http://depculture.tomsk.gov.ru/ru/culture. (In Russian).
35. Database "Middle Ob folklore". Available at: http://mion.tsu.ru/sobase. (In Russian).
36. Orlova O.V. Specificity of realization of media concept oil in the discourse of the small print press of the Tomsk Region (on the newspaper example the Narymsky Bulletin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, issue 1, pp. 232-236. (In Russian).
37. Palagina V.V., Zakharova L.A. (eds.) *Slovar' narodno-razgovornoy rechi g. Tomska XVII – nachala XVIII veka* [Dictionary of colloquial speech of Tomsk in the 17th – early 18th centuries]. Tomsk: TSU Publ., 2002.

Received: 20 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45 DOI: 10.17223/15617793/389/5

УДК 82.091

А.А. Хаминова, Н.Н. Зильберман

ТЕОРИЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта государственного задания № 2111 «Прикладная гуманитаристика: актуализация практически ориентированных подходов в исследовании культуры».

В современной гуманитарной науке все бо́льшую популярность приобретает теория интермедиальности. Это связано с ее соответствием вызовам цифровой культуры, предлагающей новые виды медиа и каналы их взаимодействия, и тенденциям развития современной гуманитарной науки, привлекающей возможности информационных технологий и стремящейся к междисциплинарным подходам в решении вопросов. Определяется ее современное состояние, выделяются основные проблемы и векторы развития.

Ключевые слова: интермедиальность; медиа; цифровая культура.

Теория интермедиальности является актуальным научным направлением, привлекающим в последние годы все большее число исследователей. Об этом свидетельствуют многочисленные отраслевые конференции (Rethinking Intermediality in the Digital Age, 2013), сборники статей (Comparative Literature and Culture, 2011, 2013) и монографии (Intermediality and Storytelling, 2011), а также специализированные центры (The Centre for Intermediality in Performance), непосредственно посвященные данной теме. Такой интерес вполне закономерен, ведь интермедиальность отвечает основным тенденциям современной гуманитаристики: стремление к междисциплинарности; высокий интерес к проблемам медиа на фоне активного развития цифровой культуры; поиски свежих методологических подходов, соответствующих новым культурным реалиям. Действительно, интермедиальный взгляд позволяет системно представить сложные процессы межсемиотических корреляций, так как концентрирует внимание не только на участниках коммуникации (будь то искусство, наука или культура в целом), но и на механизмах их взаимодействия, а также его последствиях.

Тем не менее при всех бесспорных достоинствах теории можно констатировать наличие в ней ряда «зыбких» мест, которые, несмотря на достаточно серьезные наработки, до сих пор не получили окончательного решения и существенно замедляют темпы развития теории. В частности, на данный момент не существует единого мнения о понятийном аппарате интермедиальности, в связи с этим наблюдается подвижность видотипологических границ, охватывающих самые различные явления (от языков искусства до политтехнологий) и принципы их взаимодействия (мультимодальность, конвергенция и интеграция медиа, синтез, скрещивание и др.). В свою очередь, разомкнутость интермедиальности в широкий спектр гуманитарных дисциплин (теория коммуникаций и культурные исследования, философия, теории литературы и музыки, истории искусств, исследования кино, и т.д.) затрудняет выработку универсальной методики анализа интермедиальности. Как отмечает Юрген Мюллер [1], в настоящее время интермедиальные исследования не обладают последовательной системой, которая позволила бы охватить все примеры сочетания медиа.

Таким образом, сегодня сформировалась достаточно неоднозначная ситуация, когда, с одной стороны, не вызывает сомнений перспективность данной теории в изучении медиа и современной культуры, а с другой – возлагаемые на нее ожидания не всегда получают должного подтверждения (ср. Мюллер). Например, Ирина Раджевски говорит о двойственности гетерогенных (совмещающих несколько значений) концепций интермедиальности, которые могут быть как продуктивными, так и вводить в заблуждение, что неоднократно приводило к недоразумениям и неопределенности [2. С. 45]. Вместе с тем игнорирование этой научной дисциплины, ее возможностей, накопленного ею материала выглядит, по образному сравнению И. Борисовой, «примерно так же, как если бы мы решились не замечать, скажем, физику или химию, изучая проблемы экологии окружающей среды» [3]. В этом отношении возникшие противоречия указывают не на хрупкость теории, а наоборот, на необходимость дальнейших разработок в этой области, предполагающих в том числе и поиск новых нетривиальных подходов к решению данных вопросов, позволяющих вывести интермедиальность на новый уровень понимания.

В рамках данной статьи предполагается дать анализ существующих точек зрения по ключевым вопросам интермедиальности (терминологии, истории, типологии и проблематики) с целью определения ее современного состояния и перспектив будущего развития, а также установления места российских исследований в общем интермедиальном контексте. Тем более что в отечественную науку, имеющую богатые традиции в области компаративистских и структурно-семиотических исследований (А. Михайлов, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др.), теория интермедиальности пришла не так давно (начиная с 2000-х гг.) и пока не получила столь широкого распространения, как за рубежом.

Вопрос терминологии является одним из ключевых в представленном перечне, так как определяет суть явления. В самом общем смысле под интермедиальностью сегодня понимают особый тип отношений, возникающих между медиа. Но в виду многозначности как самого понятия «медиа», так и приставки «интер» принципы и объекты такого взаимодействия в

различных исследовательских подходах отличаются. Так, интермедиальность аккумулирует в себе два ключевых значения латинской приставки «интер» (inter): «между» («среди») [4] и «взаимно» (ср. интерактивность, интерференция), обозначая такой механизм взаимодействия медиа, при котором контактирующие медиа не просто соединяются в едином синтетичном пространстве (например, театр как соединение музыки, изображения, пластики и действа), но включаются друг в друга, пересекая границы, оказывая обязательное взаимное влияние, видоизменяя и трансформируя друг друга [5]. Такой подход определяет сферу интермедиальных «интересов», обращающихся и к технологическим аспектам соотношения медиа (например, интермедиальный нарратив в литературе), и к проблемам рецепции (художественный диалог или восприятие медиа социумом).

Многозначность характерна и для корня «медиа». Как отмечает Алексей Тимашков, специфических значений у слова медиа (от лат. medium – середина, нечто среднее, промежуточное, посредствующее [6]) большое количество, достаточно обратиться к свободной энциклопедии «Википедия». Например, в немецком варианте насчитывается десять значений этого слова в разных научных дисциплинах, а в новом словаре Брокгауза – одиннадцать. Аналогичная картина наблюдается и в англоязычных культурах, где понятие «медиа» также высоко востребовано [7]. Так, в исследованиях журналистики и теории коммуникации «медиа» означает средства коммуникации; в физике, химии и биологии – особую среду; в технике – техническое средство; в оккультизме и парапсихологии – посредника между мирами и т.д.

Теория интермедиальности, в свою очередь, использует данное понятие в трех основных значениях: во-первых, медиа *как коммуникативный канал, способ передачи информации;* во-вторых, *как средства массовой информации* в их связи с техногенными процессами в современной коммуникации; в-третьих, *как знаковая система, код*. В ряде интермедиальных исследований медиа также означает *среду*, в пространстве которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды. По сути, представленные определения не противоречат, а скорее дополняют друг друга, поэтому интермедиальность аккумулирует в себе сразу несколько значений со смещением акцентов в ту или иную сторону. Например, Н.А. Кузьмина [8] предлагает закрепить следующее значение интермедиальности, учитывающее сразу все три точки зрения на медиа: взаимодействие знаковых систем (языков) разных искусств, создающих целостность художественно-эстетического произведения – фильма, музыкального произведения, комикса и др.

Об интермедиальности как особом типе внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанном на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств, говорит и Н.В. Тишунина, выделяя помимо узкого и более широкий смысл интермедиальности – «создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного “метаязыка” культуры)». Кроме того, исследователь конкретизирует определение интермедиальности, делая упор на форме коммуникативного посредничества, где интермедиальность выступает в качестве «специфической формы диалога культур, осуществляемой посредством взаимодействия художественных референций. Подобными художественными референциями являются художественные образы или стилистические приёмы, имеющие для каждой конкретной эпохи знаковый характер» [9].

В европейской науке интермедиальность также определяется через три значения «медиа». В более конкретном смысле под интермедиальностью подразумевают сочетание и адаптацию отдельных материальных средств представления и воспроизводства информации (иногда называемые мультимедиа), например звуковое и слайд-шоу или аудио- и видеоканалы телевидения. Кроме того, интермедиальность обозначает коммуникацию посредством сразу нескольких сенсорных модальностей, например музыки и движущихся изображений. Наконец, интермедиальность описывает взаимосвязи медиа как общественных институтов, задействуя также технологические и экономические термины, такие как конвергенция и конгломерат [10].

В целом тенденция к использованию широкого понимания медиа в рамках интермедиальных исследований восходит к концепции «медиа», сформулированной теоретиком и идеологом современной медиакультуры канадским ученым и публицистом Гербертом Маршаллом Маклюэном [11], охватывающим этот термин фактически во всей своей полноте: это и устная речь, и письмо, и книга, и транспортные средства (велосипед, автомобиль, самолет), и средства массовой коммуникации (кино, радио, телевидение), и игры, и многое другое. Объединяет все это многообразие то, что медиа в данном случае рассматривается как продолжение человеческого тела или мысли, расширяющие его возможности в коммуникации с окружающим миром (как природном, так и социальном).

Влияние идей М. Маклюэна на становление и развитие теории интермедиальности неоднократно отмечалось исследователями. Так, Алексей Тимашков говорит о двух ключевых тезисах концепции Маклюэна, которые нашли непосредственное развитие в теории интермедиальности: это идеи импликации и гибридизации медиа. В первом случае канадский ученый развивал мысль об эволюции медиа как смене «холодных» (давно существующих) и «горячих» (недавно появившихся) медиа, при которой каждый новый медиум в процессе развития общества «охлаждается» и оказывается имплицирован в новые медиа, более «горячие», чем данный. Такой подход дает возможность систематизировать существующие медиа, а также определить принцип взаимодействия между медиа, когда медиум как таковой оказывается вехой в эволюции человека, а его содержанием становится другой медиум. Во втором ученый говорил о гибридизации как способе порождения новой формы в результате взаимодействия двух медиа. Именно изучение этих процессов дает возможность более глубокого понимания медиа [7]. Ирина Борисова, в свою очередь, выстраивая генеалогическую линию интермеди-

альности, маркирует именем Маклюэна определенный этап в эволюции теории. Его яркие работы, посвященные коммуникации, вывели проблематику интермедиальности из сферы истории искусств [3].

В рамках изучения интермедиальности проблемы этимологии неразрывно связаны с вопросами генезиса интермедиальности как феномена и как концепции в целом. Эта тема становилась объектом внимания отдельных работ (Тишунина, Тимашков, Мюллер, Шретер), а также в составе исследований и других интермедиальных проблем (Борисова, Сидорова, Раджевски, Вульф и др). Во многом это связано со становящейся природой явления, требующего обязательного объяснения. По этому поводу Ирина Раджевски выдвигает предположение о необходимости обязательной выработки и представления своего собственного пути в изучении интермедиальности и включения его в общий научный контекст [2. С. 45].

На принципиальную важность исторического пути в изучении интермедиальности указывает и немецкий исследователь Юрген Мюлер. В формировании медиа историографии ученый видит перспективу для будущего развития интермедиальности. Нельзя забывать, что понятие интермедиальности разворачивается в социально-историческом контексте. Да, с одной стороны, интермедиальность тесно связана с определенной художественной, материальной, медиальной и коммуникативной формой деятельности, но с другой – порождение смыслов в результате этих действий всегда ориентировано на определенную историческую аудиторию. Исторический подход должен сочетать различные средства медиа археологии, сетевой культуры и технологий; включать функциональные аспекты и принимать во внимание тот факт, что интермедиальные процессы развивают тенденцию повышения уровня сложности [1].

Точкой отсчета истории интермедиальности как самостоятельного научного направления принято считать 50–60-е гг. XX в. Несмотря на то что «медиальность» характерна для широкого спектра научных дисциплин, идея интермедиальности зародилась в русле литературно-культурологических штудий. Как отмечает И. Борисова, предыстория интермедиальности как науки полностью подведомственна истории эстетики: вопросы соотношений искусств, их воздействия друг на друга и возможностей взаимного семантического обмена имманентны всей истории искусств, но именно в XX в. появились научные работы, обращающиеся с позиций широкого культурологического сознания к вопросу различения специфики искусств и их общности и к проблемам текста в тексте (или искусства в искусстве) и опытам взаимодействия различных языков [3].

Исследовательница приводит наиболее яркие из них. Например, важную роль в развитии интермедиальной теории сыграли работы Оскара Вальцеля [12] о «взаимном освещении искусств», в которых он опирался на концепцию Г. Вёльфлина и развивал идеи общности литературы и живописи. В музыкально-литературной области значительным явлением оказались монография 1948 г. Кельвина С. Брауна «Музыка и литература. Сравнение искусств» [13] и его дальнейшие исследования, в которых он рассматривал общие (структурные и жанровые) элементы двух искусств с тем, чтобы обнаружить музыкальный слой в литературе. В дальнейшем эти идеи получили развитие в концепциях Теодора Адорно [14], Жиля Делеза и Феликса Гваттари [15]. О становлении собственно интермедиального научного дискурса, его отделения от компаративистической науки Борисова говорит в связи с монографией Стивана П. Шера о немецкой литературе (1968 г.) [16].

Позже Альберт Гир (1995 г.) развил идею С.П. Шера, в частности в аспекте типологической проблемы интермедиальности [17], положив в основу классификации представления о соотношении элементов в семиотическом треугольнике: «мелодика» стиха, визуальная поэзия функционально соотносились с означающим («внешним элементом»), в структурных параллелях актуализировалось значение – сигнификат, в экфрасисе означаемое – денотат, или референт [16]. Это позволило усилить теоретико-методологические основания интермедиальности и более четко обозначить границы интермедиальной проблематики. Стоит отметить, что на сегодняшний день даный подход не утратил своей актуальности и привлекает многих исследователей как в России (Борисова, Сидорова), так и за рубежом (Вульф).

Мнения в отечественной и европейской науке сходятся и в вопросе интертекстуальных «корней» интермедиальности. Расширяя диалогический принцип Бахтина, авторы концепции интертекстуальности выдвинули предположение, что интертекстуальность является свойством любого дискурса: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Отрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагментов социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку до текста и вокруг него существует язык» [18. С. 218]. Само явление интертекстуальности заставило исследователей сосредоточить внимание прежде всего на специфике внутритекстовых связей, соответствующих представлениям о «полиглотизме» любой культуры (термин Лотмана) любого художественного произведения [9]. Культура в принципе полиглотична, и тексты ее всегда реализуются в пространстве как минимум двух семиотических систем [19].

Инициированная зарубежными учеными идея интермедиальности органично включается в отечественную парадигму исследований проблемы взаимодействия искусств. Вопросы межпредметных связей в пространстве литературного текста поднимались отечественными литературоведами на протяжении всего XX в. Одной из первых работ можно считать статью М.П. Алексеева «Тургенев и музыка» (1918 г.), которая заложила новое направление в изучении взаимодействия искусств в контексте компаративистики. В сборнике «Русская литература и зарубежное искусство», подготовленном Ленинградским отделением РАН в 1986 г., эта идея вновь подтвердила свою акту-

альность, но наряду с термином «взаимодействие искусств» прозвучал термин «синтез», указывающий на новый уровень осмысления проблемы. При этом вопросы взаимодействия искусств рассматривались в сборнике прежде всего через тематические реминисценции, возникающие в литературном произведении в связи с восприятием и переживанием другого вида искусства [9].

Особую веху в этой теме составили идеи М.С. Кагана, предложившего в книге «Морфология искусства» (1972 г.) системный подход к изучению искусства, и Ю.М. Лотмана, говорящего о «полиглотизме» любой культуры и любого художественного произведения. Так, М.С. Каган намечает выход к пониманию целостного мира искусства не как к замкнутой структуре, но как к разомкнутой системе, достаточно разветвленной, коррелирующей внутри себя на разных смысловых уровнях. Как отмечает Г.В. Тишунина, этот подход выводит исследователя к проблеме художественных коммуникаций, к необходимости выявления «координационных и субординационных связей между уровнями художественно-творческой деятельности, дабы постигнуть законы внутренней организованности мира искусств» [20]. Подмеченные же Ю.М. Лотманом многослойность и семиотическая неоднородность художественных текстов, их способность вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с «читательской» аудиторией, обнаруживают их способность не только передавать, но и трансформировать, а главное – генерировать новые сообщения [19].

По сути, интермедиальность образовалась на пересечении двух понятийных областей (см. Тишунину, Раджевски) – «интертекстуальности» и «взаимодействия искусств» (interart). Такое положение наделяет интермедиальность несомненным преимуществом: наличие серьезного методологического и теоретического задела. Но оно также является и камнем преткновения для ее будущего развития, так как вызывает большое количество вопросов, в первую очередь, вопросов соотношения с существующими понятиями и явлениями. По мнению Д. Мюллера, ключевым отличием интермедиальности от интертекстуальности является преодоление ею ограничения интертекстуальности, сосредоточенной главным образом на изучении сугубо «литературной» среды. Это позволяет осуществлять дифференцированный анализ взаимодействий и интерференций *между* различными медиа, а также обогатить исследование такими аспектами, как изучение материальности и социальной функции этих процессов [1].

В ряде подходов интермедиальность представляет собой явление межсемиотической интертекстуальности, когда текст одного искусства, включаясь в художественное пространство другого, практически теряет свою самостоятельность, начиная жить по законам новой среды [21]. В этой связи интермедиальность не может быть сведена только к «проблеме источников и влияний»; здесь следует говорить скорее о своеобразной модификации различных языковых структур и образований, включающихся в новый языковой и смысловой контекст. Таким образом, в интермедиальности наблюдается не просто диалог искусств, а их перевод. Перевод здесь понимается не буквально, а как метафора, обозначающая процесс интерпретации, в пределах которой заключено множество отличных друг от друга текстов. Традиционное понимание перевода, распространяемое на тождественные языки (сформированные в рамках одной семиотической системы), предполагает трансформацию исходного текста в соответствии с заданными правилами, т.е. создание некоего эквивалента этого текста. В то же время семиотический перевод устанавливает между художественными языками отношения «условной эквивалентности» и предполагает возвращение не к исходному, а к новому тексту, что соответствует механизму творческого мышления [19. С. 398].

Такой принцип взаимоотношений текстов уже не вмещается в рамки интертекстуальности, что требует его обоснованного выделения в самостоятельную область интерференций как явления гетероморфного порядка [22. С. 10]. Как раз для разведения внутри- и межсемиотических типов связей в художественном произведении и был введен в 1983 г. немецким литературоведом О. Хансен-Леве в статье «Проблема корреляции словесного и изобразительного искусств на примере русского модерна» [23] термин «интремедиальность». Прочно войдя в современный литературоведческий и культурологический тезаурус, интермедиальность органично включилась в парадигму «текстуальных» (интер-, мета-, пара-, гипер-, архи-) отношений, выстроенную Ж. Жанеттом [24], обозначив новый этап осмысления проблемы взаимодействия искусств.

В рамках других концепций интермедиальность (intermedia) полностью заменяет собой понятие «взаимодействие искусств (interart)», причем не только в отношении современных видов искусства, вызванных бурным развитие цифровых технологий (кино, цифровая графика, медиаперфомансы), но и традиционных (живописи, музыки, литературы и театра). По заявлению Клауса Клувера [25], интермедиальность следует рассматривать как всеобъемлющий феномен, который включает в себя все отношения, темы и вопросы, традиционно рассматриваемые в рамках проблемы взаимодействия искусств. Это касается таких трансмедиальных явлений, как нарративность, пародия, подразумевание читателя / слушателя / зрителя, а также интермедиальные аспекты интертекстуальности, присущие отдельным текстам, – и неизбежно интермедиальный характер каждого медиа. Вместе с тем, как показывает практика, такая замена не всегда оправдана, и к интремедиальности относят подчас совершенно противоположные явления.

Достаточно ярко эти противоречия прослеживаются на примере интермедиальных дискурсов, предложенных Й. Шретером (Schroter) в статье «Интермедиальность» (2011 г.), в их применении к проблеме взаимодействия искусств. Так, интермедиальность рассматривается, во-первых, как *синтез медиа*, результатом которого становится возникновение некоего единства по типу модели в рамках вагнеровской концепции Gesamtkunstwerk. Такой подход предполагает выделение «мономедийных» форм как результата

дифференциации в обществе и эстетике. Во-вторых, *трансмедиальная интермедиальность*, под которой понимается соотношение проявлений одного и того же нарратива в разных медиа (например, воплощение одного и того же сюжета средствами различных видов искусства). В-третьих, *трансформационная интермедиальность,* описывающая ситуации репрезентации одного медиума другим, т.е. перевода с одной знаковой системы в другую своеобразную трансформацию информации при переходе в другой медиум. Наконец, *онтологическая интермедиальность* подразумевает наличие неких общих черт у различных медиа, например музыкальности поэзии или театральности прозы, обусловленных свойствами этих медиа и свидетельствующих об их системном характере [26].

На наш взгляд, в данной типологии представлен ряд форм взаимодействия искусств, тесно переплетающихся с интермедиальностью, но по сути такими не являющихся. Как уже было сказано, мы считаем, что в основе интермедиальности лежит именно ситуация межсемиотического перевода и последующего диалога искусств. В интермедиальности контактирующие искусства имеют различный статус, они функционально и семантически неравны (трансформационная интермедиальность). Как отмечает И.Е. Борисова, совмещенные в интермедиальном дискурсе искусства нацелены на интерпретационные отношения: *текст* стремится обнаружить в своем (иносемиотическом) *претексте* нечто иное, неявное в нем самом [21. С. 11].

В этой связи ситуация синтеза искусств, предполагающая их равноправие, имеет коренные отличия от интермедиальности, что просит закономерного разведения этих двух явлений. При интермедиальности мы имеем дело с *результатом* процесса. В синтезе искусств мы непосредственно *переживаем* этот процесс. Здесь очень важен «посыл» художника, обращающегося к опыту другого вида искусства. В стремлении создать емкий и объемно-чувственный образ мастер обращается к приему синестезии. Например, в творчестве Н.В. Гоголя синестезия становится миромоделирующей категорией художественного мира писателя [27]. В то же время диалог художников посредством включения и интерпретации произведений искусства будет уже интермедиальным.

О генетическом родстве этих двух явлений, восходящих к общей идее взаимодействия искусств, свидетельствует также тот факт, что в литературных произведениях явление интермедиальности часто сосуществует наравне с явлением синестезии. Их тесное переплетение в структуре художественных образов приводит к достаточно спорным ситуациям, когда, например, образ архитектуры как «застывшей в пластике музыки» (Шеллинг) рассматривается и как пример синестезии (Б.М. Галеев), и как интермедиальный образ (И.Е. Борисова). Это еще раз подтверждает необходимость разграничения понятия интермедиальности и синтеза искусств (синестезии), сравнительно-сопоставительное изучение которых может составить перспективу интермедиальных и синестезийных исследований.

Также достаточно тонкой является грань между интермедиальностью и соотношением одного и того же нарратива в различных медиа (трансмедиальность). Здесь интермедиальным будет не столько соотношение различных семиотических «высказываний» об одном явлении (если в этом не было сознательного авторского замысла и высказывание не является переложением другого высказывания о денотате), сколько сам подход к включению различных медиа в ситуацию интермедиального взаимодействия, при котором языки искусств вступают в тексте интерпретатора в сложные системы соотношений, перевода и диалога. В случае онтологической интермедиальности речь идет не о взаимодействии искусств, а об особенностях конкретного искусства, восходящих к представлениям о монолитности искусства прошлого.

В целом обозначенные Шретером типы представляют не столько разновидности интермедиальности, сколько взаимосвязанные между собой формы взаимодействия искусств: синтез искусств (как форма мульти- и мономедийности) и интермедиальность (как взаимодействия языков и текстов искусств). То есть более правомерным видится не замен, а включение интермедиальности в общую проблему «взаимодействие искусств». С опорой на типологию интермедиальности У. Вульфа [28], базирующуюся в том числе на концепциях С.П. Шера и А. Гира, можно предложить классификацию интермедиальности рис. 1.

Стоит отметить, что универсальной классификации интермедиальности на данный момент не создано, существующие ориентированы главным образом на выявление особенностей взаимодействия литературы и других видов искусства. Как отмечает И. Борисова, свойством подлинной интермедиальности может обладать преимущественно словесный текст. «Изящные искусства» являются самодовлеющими дискурсами. Есть только один дискурс, который может довлеть любому другому, который вбирает в себя картину мира и способен к ее описанию, – дискурс самовозрастающего Логоса. Интермедиальность, предполагающая неравенство «голосов», может осуществляться в полной мере только в вербальном тексте, функционирующем как воспринимающая и передающая инстанция [21].

Действительно, литературно-культурологический блок является наиболее крупным в сфере интермедиальных исследований, особенно это характерно для российской науки, владеющей обширным эмпирическим материалом для анализа (эстетика романтизма, художественные эксперименты Серебряного века, современное искусство Постмодерна). Вместе с тем сегодня наблюдается тенденция ухода от изучения исключительно внутритекстовых взаимодействий традиционных медиа (музыки, литературы, живописи) к изучению взаимодействия новых медиа (Martens [28]), а также взаимодействия медиа и социума. Например, Рональд Соэтэр, Джон Бургоньон и Крис Руттен [29] рассматривают интермедиальность как средство преодоления поляризации «новых» и «старых» медиа на пути к формированию новой грамматики и эстетики цифровых медиа и выбирают в качестве объекта исследования компьютерные видеоигры как единство риторики и видеоряда [30].

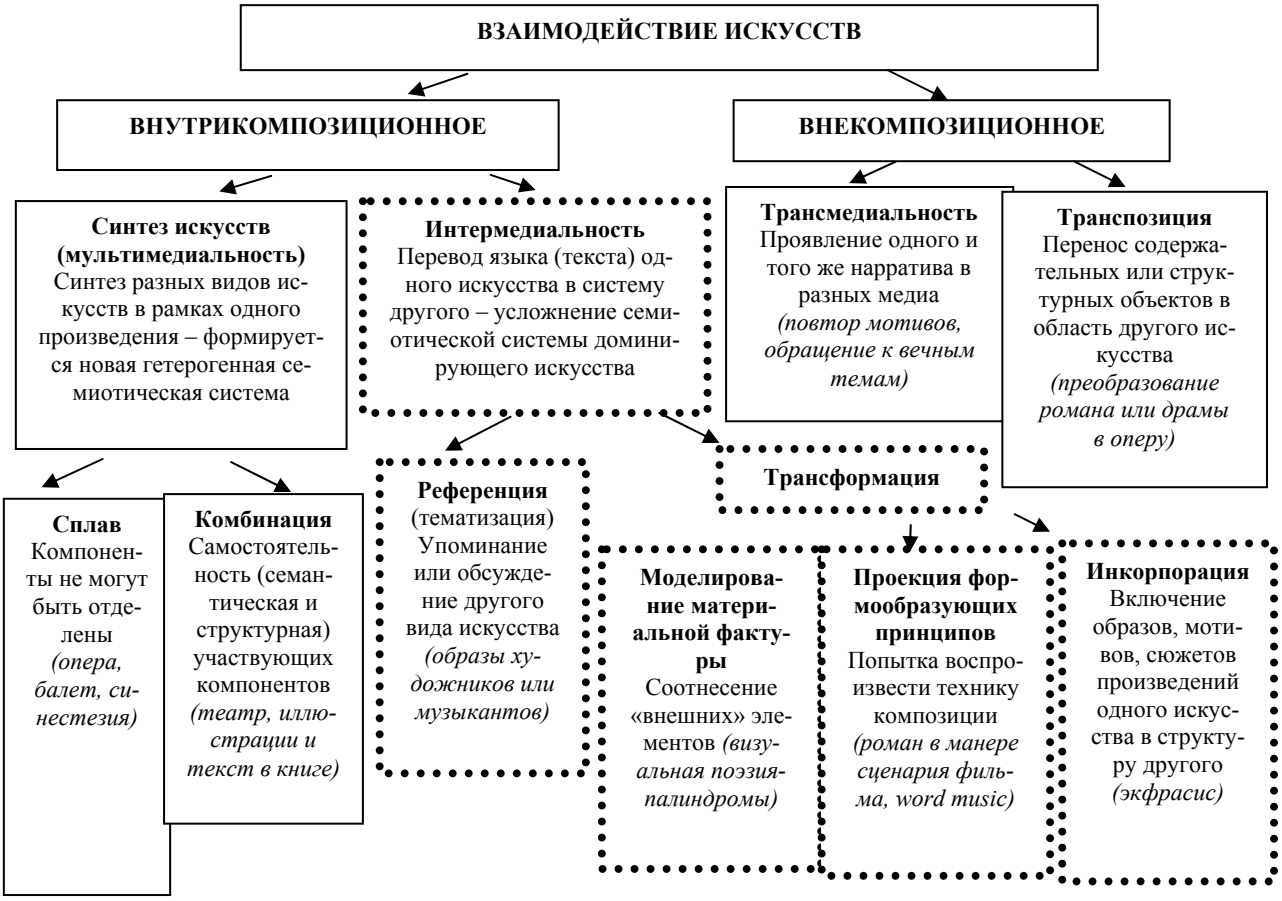

Рис. 1. Классификация интермедиальности

Объяснение «интермедиальности» через изменение взаимодействия «горизонтов» (термин Хиггинса [30]) создания и восприятия текста предлагается в статье Ипшиты Чанда [31] «Интермедиальное прочтение мультипликационного фильма Нины Палей “Сита поет Блюз”», что позволит исследовать возможности построения стратегии прочтения интермедиального текста. Стивен Тотоши [32] использует понятие интермедиальности в изучении вопросов взаимодействия человека и медиа, в частности в аспекте отражения культурных медиакодов в сознании студентов. Влияние интермедиальности на интерсубъективные компоненты произведений искусства рассматриваются Родо Юнгенфельд [33]. В рамках этой концепции искусство предстает средой, определяющей восприятие включенного в него искусства.

Таким образом, интермедиальность понимается как онтологическое свойство современной мультимодальной культуры в ее связи с образованием и обществом, погруженным в цифровое пространство.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что сегодня в гуманитарной науке остается актуальным широкий подход к пониманию интермедиальности и ее роли в решении вопросов медиакоммуникаций. Многозначность понятия «медиа», также высоко востребованного современной наукой, определило доминирование трех ключевых векторов в изучении интермедиальности: медиатехнологическая, культурно-эстетическая и социально-коммуникативная.

Кроме того, заложенный в нее потенциал не позволяет определить данную теорию прерогативой какой-то одной научной дисциплины. Но вместе с тем наблюдается тенденция все большего отказа от поиска универсальных методик изучения интермедиальных явлений в сторону усиления специализации, т.е. формирования собственного терминологического аппарата и методологических принципов в рамках различных научных направлений. В этом отношении для отечественных исследователей открываются широкие перспективы, так как в России интермедиальность представлена главным образом литературоведческими работами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jurgen E. Muller*. Intermediality and Media Historiography in the Digital Era // Acta univ. sapientiae, film and media studies. 2010. Vol. 2. P. 15–38.
2. *Irina O. Rajewsky.* Intermediary, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermedialites. 2005. Vol. 6. P. 43–64.
3. *Борисова И.* Zeno is here: В защиту интермедиальности (Рец. на кн.: Слово и музыка. М., 2002) // НЛО. 2004. № 65. URL: magazines.russ.ru/nlo/2004/65/boris37.html (дата обращения: 03.10.2014).
4. *Анатомия* терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого : учеб. словарь-справочник. М., 2007.

5. *Chiel Kattenbelt.* Intermediality in Theatre and Performance: Definitions, Perceptions and Medial Relationships // Culture, language and representation. 2008. Vol. 4. P. 19–29.
6. *Неретина С.* Латинский словарь средневековых философских терминов, 1998.
7. *Тимашков А.Ю.* К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 3 : Культурная динамика. СПб., 2008. С. 112–119.
8. *Кузьмина Н.А.* Интермедиальность современной лирической книги: закономерность или стратегия? // Поликодовая коммуникация: лингвокультурные и дидактические аспекты : сб. науч. ст. СПб., 2011.
9. *Тишунина Н.В.* Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века // К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы междунар. науч. конф. Сер. «Symposium». СПб., 2001. Вып. 12. С. 149–154.
10. *Klaus Bruhn Jensen.* Intermediality. The International Encyclopedia of Communication. URL: http://www.blackwellreference.com/public/ tocnode?id=g9781405131995_yr2013_chunk_g978140513199514_ss60-1 (дата обращения: 03.10.2014).
11. *Маклюэн М.* Понимание медиа. Внешнее расширение человека. Москва ; Жуковский : Канон-пресс-Ц, 2003.
12. *Вальцель О.* Экспрессионизм и импрессионизм. Л., 1927.
13. *Brown C.S.* Music and Literature: A Comparison of the Arts. Athens (Georgia), 1963
14. *Адорно Т.В.* Философия новой музыки. М. : Логос, 2001.
15. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998.
16. *Scher S.P.* Notes Toward a Theory of Music // Comparative Literature. 1970. Vol. XXII, № 2.
17. *Gier A.* Musik in der Literatur: Einflüsse und Analogien // Literatur intermedial: Musik – Malerei – Photographie – Film / ed. Peter V. Zima. Darmstadt : WissenschaftlicheBuchgesellschaft, 1995. P. 61–92.
18. *Барт Р.* Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение : энциклопедический справочник / под ред. И.П. Ильина и Е.А. Цургановой. М., 1996.
19. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992.
20. *Каган М.С.* Морфология искусства. Л., 1972.
21. *Борисова И.Е.* Интермедиальный аспект взаимодействия музыки и литературы в русском романтизме : дис. … канд. культурологии. СПб., 2000.
22. *Сидорова А.Г.* Интермедиальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка) : дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
23. *Hansen-Love A.* Intermedialiat undIntertextualiat : Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // Wiener Slawistisher Almanack. Sbd. 11. Wien, 1983. P. 291–360.
24. *Жанетт Ж.* Фигуры. М., 1998. Т. 2. С. 337–339.
25. *Claus Clüver.* Intermediality and Interarts Studies // Changing Borders: Contemporary Positions in Intermediality / eds. by Jens Arvidson, Mikael Askander, Jørgen Bruhn, Heidrun Führer. Lund : Intermedia Studies Press. 2007. P. 19–37.
26. *Jens Schroter.* Discourses and Models of Intermediary // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, is. 3. URL: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/3 (дата обращения: 03.10.2014).
27. *Савинова А.Г.* Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010.
28. *Martens Gunther.* Literature, Digital Humanities, and the Age of the Encyclopedia // Comparative Literature and Culture. 2013. Vol. 15, is. 3. URL: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.2241 (дата обращения: 03.10.2014)
29. *Soetaert Ronald, Bourgonjon Jeroen, Rutten Kris.* Video Games as Equipment for Living // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, is. 3. URL: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1794 (дата обращения: 03.10.2014).
30. *Higgins Dick.* Intermedia // Something Else Newsletter. 1966.
31. *Chanda Ipshita.* An Intermedial Reading of Paley's Sita Sings the Blues // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, is. 3. URL: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1798 (дата обращения: 03.10.2014).
32. *Steven Totosy de Zepetnek.* A Case Study of (Inter)medial Participation // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, is. 3. URL: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/25 (дата обращения: 03.10.2014).
33. *Jungenfeld Rodo von.* Intersubjectivity and Intermediality in the Work of Serra // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, is. 3. URL: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1810 (дата обращения: 03.10.2014).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 октября 2014 г.

THE THEORY OF INTERMEDIALITY IN THE CONTEXT OF MODERN HUMANITIES

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 38-45. DOI: 10.17223/15617793/389/5
Haminova Anastasya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fenix098@mail.ru
Zilberman Nadezhda N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zilberman@ido.tsu.ru
Keywords: intermediality; media; digital culture.

The theory of intermediality is a relevant scientific field attracting an increasing number of researchers in recent years. Such interest is quite natural, because intermediality meets the basic tendencies of modern humanities: the pursuit of interdisciplinarity; high interest in the problems of the media against the background of the active development of digital culture; search for fresh methodological approaches that are appropriate to the new cultural realities. Nevertheless, for all the indisputable merits of the theory, we can say that it contains a number of “fleeting” places that, despite the rather serious developments, so far have not received a final solution and significantly slow down the pace of development of the theory. In particular, at the moment there is no consensus on the conceptual framework of intermediality, in connection with the observed mobility of the typological borders covering a wide variety of conditions (from language arts to political strategies) and the principles of their interaction (multimodality, media convergence and integration, synthesis, crossing, etc.). In turn, intermediality is open to a wide range of the humanities (the theory of communications and cultural studies, philosophy, literature and music theory, art history, film studies, etc.), which makes it difficult to develop a universal method of intermediality analysis. In this paper, the existing points of view on key issues of intermediality (terminology, history, typology and perspectives) are analyzed in order to determine its current state and prospects for the future and establish the place of Russian studies in the general intermedial context. It is particularly significant since domestic science, with its rich tradition in the field of comparative and structural semiotic research (A. Mikhailov, Bakhtin, Lotman, Ilyin et al.), learnt about the theory of intermediality not so long ago (since the 2000s), so the theory is not so widespread in Russia as abroad. It is concluded that a broad approach to the understanding of intermediality and its role in addressing issues of the media continues to be relevant in the humanities today. The ambiguity of the concept “media” highly sought after by modern science has identified three key vectors in the study of intermediality: media technological, cultural-aesthetic and social-communicative. In addition, the potential

inherent in it is not to determine this theory as the prerogative of any single discipline. At the same time, there is a growing trend of no search for universal methods of studying intermedial phenomena towards increased specialization, i.e the formation of terminology and methodological principles particularly for various scientific fields. In this respect, broad prospects open up for domestic researchers since intermediality is mainly represented by works on literary criticism in Russia.

REFERENCES

1. Jurgen E. Muller. Intermediality and Media Historiography in the Digital Era. *Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies*, 2010, vol. 2, pp. 15-38.
2. Rajewsky I.O. Intermediary, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermedialites*, 2005, vol. 6, pp. 43-64.
3. Irina Borisova. Zeno is here: V zashchitu intermedial'nosti (Rets. na kn.: Slovo i muzyka. M., 2002) [Zeno is here: In Defense of intermedia (Book Review: Word and Music. Moscow, 2002)]. *NLO*, 2004, no. 65. Available at: magazines.russ.ru/nlo/2004/65/boris37.html. (Accessed: 03rd October 2014).
4. *Anatomiya terminov. 400 slovoobrazovatel'nykh elementov iz latyni i grecheskogo: uchebnyy slovar'-spravochnik* [Anatomy of terms. 400 word-building elements of Latin and Greek: learner's dictionary]. Moscow: NTs ENAS. Bykov A.A. Publ., 2007.
5. Chiel Kattenbelt. Intermediality in Theatre and Performance: Definitions, Perceptions and Media Relationships. *Culture, Language and Representation*, 2008, vol. 4, pp. 19-29.
6. Neretina S. *Latinskiy slovar' srednevekovykh filosofskikh terminov* [Latin Dictionary of medieval philosophical terms]. 1998. Available at: http://terme.ru/dictionary/525.
7. Timashkov A.Yu. *K istorii ponyatiya intermedial'nosti v rossiyskoy i zarubezhnoy nauke* [On the history of the concept of intermediality in Russian and foreign science]. In: *Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Fundamental problems of cultural studies]. St. Petersburg, 2008. Vol. 3, pp. 112-119.
8. Kuz'mina N.A. Intermedial'nost' sovremennoy liricheskoy knigi: zakonomernost' ili strategiya? [Intermediality of a modern lyrical book: pattern or strategy?]. In: *Polikodovaya kommunikatsiya: lingvokul'turnye i didakticheskie aspekty* [Polycode communication: linguistic and cultural and didactic aspects]. St. Petersburg, 2011.
9. Tishunina N.V. [The methodology of the humanities in the future of the 21st century]. *K 80-letiyu professora Moiseya Samoylovicha Kagana: materialy Mezhdunar. nauch. konf. 18 maya 2001 g. Ser. "Symposium"* [On the 80th anniversary of Professor Moses Samoilovich Kagan: Proc. of International Scientific Conf. May 18, 2001, Series "Symposium"]. St. Petersburg, 2001. Issue 12, pp. 149-154.
10. Klaus Bruhn Jensen. *Intermediality. The International Encyclopedia of Communication*. Available at: http://www.blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781405131995_yr2013_chunk_g978140513199514_ss60-1. (Accessed: 03rd October 2014).
11. McLuhan M. *Ponimanie media. Vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding Media. External expansion of man]. Translated from English. Moscow; Zhukovskiy: Kanon-press-Ts Publ., 2003. 464 p.
12. Walzel O. *Ekspressionizm i impressionizm* [Expressionism and impressionism]. Leningrad, 1927.
13. Brown S.S. *Music and Literature: A Comparison of the Arts*. Athens (Georgia), 1963.
14. Adorno T.V. *Filosofiya novoy muzyki* [Philosophy of New Music]. Translated from German. Moscow: Logos Publ., 2001. 352 p.
15. Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 288 p.
16. Scher S.P. Notes Toward a Theory of Music. *Comparative Literature,* 1970, vol. XXII, no. 2.
17. Gier A. *Musik in der Literatur: Einflüsse und Analogie*n. In: Zima P.V. (ed.) *Literatur intermedial: Musik – Malerei – Photographie – Film*. Darmstadt: WissenschaftlicheBuchgesellschaft, 1995, pp. 61-92.
18. Barthes R. *Intertekstual'nost'* [Intertextuality]. In: Il'in I.P., Tsurganova E.A. (eds.) *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Modern foreign literature: An encyclopedic reference]. Moscow: Intrada-INION Publ., 1996.
19. Lotman Yu.*M. Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles. In 3 vols.]. Tallin: Aleksandra Publ., 1992. Vol. 1.
20. Kagan M.S. *Morfologiya iskusstva* [Morphology of art]. Leningrad: Iskusstvo Publ., 1972. 440 p.
21. Borisova I.E. *Intermedial'nyy aspekt vzaimodeystviya muzyki i literatury v russkom romantizme*. Dis. kand. kul'turologii [Intermedial aspect of the interaction of music and literature in Russian Romanticism. Culturology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2000.
22. Sidorova A.G. *Intermedial'naya poetika sovremennoy otechestvennoy prozy (literatura, zhivopis', muzyka)*. Dis. kand. filol. nauk [Intermedial poetics of modern domestic prose (literature, painting, music). Philology Cand. Diss.]. Barnaul, 2006.
23. Hansen-Love A. Intermedialiat und Intertextualiat: Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne. *Wiener Slawistisher Almanack*, 1983, Sbd. 11, pp. 291-360.
24. Genette G. *Figury* [Figures]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. Vol. 2, pp. 337-339.
25. Clüver C. *Intermediality and Interarts Studies*. In: Arvidson J., Askander M., Bruhn J., Führer H. (eds.) *Changing Borders: Contemporary Positions in Intermediality*. Lund: Intermedia Studies Press. 2007, pp. 19-37.
26. Schroter J. Discourses and Models of Intermediality. *Comparative Literature and Culture,* 2011, vol. 13, issue 3. Available at: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/3. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.1790
27. Savinova A.G. *Sinesteziya kak svoeobrazie miromodelirovaniya i osobennost' stilya prozy N.V. Gogolya*. Dis. kand. filol. nauk [Synesthesia as a feature of world modeling and of prose style of N.V. Gogol. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2010.
28. Martens G. Literature, Digital Humanities, and the Age of the Encyclopedia. *Comparative Literature and Culture,* 2013, vol. 15, issue 3. Available at: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.2241. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.2241
29. Soetaert R., Bourgonjon J., Rutten K. Video Games as Equipment for Living. *Comparative Literature and Culture*, 2011, vol. 13, issue 3. Available at: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1794. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.1794
30. Higgins D. *Intermedia*. Something Else Newsletter. 1966.
31. Chanda I. An Intermedial Reading of Paley's Sita Sings the Blues. *Comparative Literature and Culture*, 2011, vol. 13, issue 3. Available at: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1798. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.1798
32. Totosy de Zepetnek S. A Case Study of (Inter)medial Participation. *Comparative Literature and Culture*, 2011, vol. 13, issue 3. Available at: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/25. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.1811
33. Jungenfeld R. von. Intersubjectivity and Intermediality in the Work of Serra. *Comparative Literature and Culture*, 2011, vol. 13, issue 3. Available at: http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1810. (Accessed: 03rd October 2014). DOI: 10.7771/1481-4374.1810

Received: 9 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 46–55 DOI: 10.17223/15617793/389/6

УДК 82.091

Н.В. Хомук

РОМАН И.Т. КАЛАШНИКОВА «ДОЧЬ КУПЦА ЖОЛОБОВА» И СИБИРСКОЕ БАРОККО. СТАТЬЯ 2

Государственное задание на выполнение НИР № 2059 «Изучение историко-культурного наследия России (Сибирский аспект)».

В аспекте поэтики барокко анализируется роман И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова»: сюжетостроение, мировоззренческие константы, художественная антропология, система соответствий и вертикальных связей мотивов и образов, композиционная структура.

Ключевые слова: Калашников; Сибирь; «Дочь купца Жолобова»; роман; барокко; поэтика.

В романе И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» в полной мере выражено исключительно кризисное состояние мира, в котором «ведущая сюжетообразующая роль принадлежит скорее не инициации, но противоположному мифологическому комплексу мотивов – “инкарнации” <…> субъект “инкарнации” чаще всего враждебная, губительная сила, разрывающая стабильно замкнутый круг жизни» [1. С. 115]. Кризис, связанный с тотальным подавлением человека, характерен именно для барокко. Д.С. Лихачёв писал: «Ценность человеческой личности самой по себе падает в барокко. На место отдельной человеческой личности на первый план выдвигается в барокко масса, толпа. Отдельный человек деспотически подчиняется в барокко интересам множества. <…> Появляется культ жестокости и силы» [2. С. 239]. «Люди пронзают друг друга копьями, рубят мечами, секут косами. Часты изображения раненых, терзаемых, обессиленных старостью» [Там же. С. 240]. Все это имеет отношение к сюжету романа, в котором изображаются сцены насилия и смерти. Разбойники привязывают на морозе к дереву Жолобова и готовы его пытать; выразительна картина бедствия людей с завода Неудачина при нападении разбойников, атаман Буза хочет поглумиться над дочерью хозяина, который, промахиваясь в разбойника, убивает свою дочь; с хохотом убивает шаманка сбежавшего пленного, с не смягчаемой жесткостью изображается сражение с разбойниками, во время которого смертельно раненая шаманка падает в огонь и в нем сгорает; жестоко пытают в застенках Жолобова («Опять была пытка, опять кровь лилась рекою» [3. С. 133]); сгорает заживо внутренним огнем ревизор Крылов, разбойники отрубают ноги Груздеву – примеры слишком многочисленны. Автор в пассаже о луне говорит об извечных преступлениях человечества; о готовности к злодействам:

«Печальное светило ночи. Не оттого ли покрыт вечною бледностию и глубокою думою твой неизменный образ; что ты есть всегдашний зритель самой мрачной стороны рода человеческого? Пред взором твоим гнусное коварство сплетает сети для погубления добродетели, поднимает ужасное чело свое лютое убийство, руководимое жаждою богатства или ложной чести. Ты, единый безмолвный свидетель, внимаешь стонам умирающего под ударами злодея, видишь страшную картину тщетных молений и зверского неутолимого ожесточения. Ты, неизбежный созерцатель самых тайных деяний человеческих, видишь, как гнусный разврат, утопающий в море пороков и преступлений, увлекает за собою в бездну страстей неопытную невинность и погубляет её навсегда. Ты, о вечный очевидец истории человечества, зришь с недосягаемой высоты своей, как пороки и злодеяния, переливаясь из семейства в семейство, из народа в народ, из века в век, терзают и ничтожат бедное поколение людей» [3. 104, 105].

В сюжете появляются и моральные жертвы: Наталья, потерявшая отца, живет в качестве будущей невесты в доме виновника его гибели Груздева; Сибиркин, имеющий виды на Орину, чернит ее исподтишка в глазах соседей; сыновний долг перед умирающей матерью вынуждает Алексея согласиться жениться на Орине.

В барокко раскрываются тотально отчуждающая природа мира (человеку остаются религиозный резиньяции) и отчуждающая природа Я, лишенного самоидентичности.

Идея божьего промысла не противостоит бедствиям как психологическая идея личности, а по принципу барочного «переворачивания» (изнанки или «складки») выражается в самих этих бедствиях. Сюжет у Калашникова строится во многом по притчевой и агиографической моделям. Земное и есть прямая форма трансцендентного (а для романтиков они разнятся). Наличествует тайна провиденциального, благодаря чему порядок всегда нарушается, логикой сюжета поддерживается ожидание разрушения, перехода краткого благополучия в свою противоположность.

Через роман проходит череда смертей самого различного характера. В одной лишь 10-й главе третьей части – смерть Еремея Хабарова, смерть Орины, смерть ее матери Власьевны. Такая чрезмерная перенасыщенность смертей и их «простота», доходящая порой почти до механистического принципа сюжета, переводят трагизм в барочный закон жизни как сцены. Так, сцена смерти ревизора Крылова напоминает смерть Ирода в барочном вертепе, описание которого приводят Калашников в «Записках иркутского жителя»[1]. В изображении смерти, окрашенной мистической экзальтацией (смерть Жолобова, Крылова), заостряется контраст символического и натуралистического, низменного и возвышенного. Показанное часто присоединяет готовое назидание и тяготеет к притче. Для заострения эмоционального воздействия на чита-

теля автор использует немотивированно резкую смену настроения. В повествовании смешиваются рационализм и мистицизм, смеховое и трагическое; эксплицируется тема греха и наказания.

В прямых резиньяциях героев автор показывает, «как спасительна для невинных страдальцев, даже в самых жутких условиях, вера в монарха и в бога» [5. С. 216]. В начале романа, рассказывая дочери свой провиденциальный сон о смерти, Жолобов резюмирует: «Есть на все череда – пора жить и пора умереть. Я думаю, едва ли не само провидение открывает мне, что и моя пора наступила» [3. С. 16]. Но ближе к барочному мирочувствию вывод купца Неудачина, своеобразного «двойника» Жолобова[2]: «В жизни что шаг, то горе. Зато радость перед горем, а горе перед радостью. Всего лучше – полагаться на бога – хоть горюй, хоть не горюй, а то, что угодно его воле, будет...» [Там же. С. 61]. В связи с таким соседством горя и радости бросается в глаза, что автор часто соединяет сцены праздника и смерти: чаепитие на берегу Ушаковки и мрачные предсказания от лица юродивой Аксиньи смерти Жолобова; сговор в доме Жолобовых и начавшееся землетрясение; 10-я глава III части начинается с благовеста, а заканчивается смертью Хабаровых (старика Еремея, Орины, ее матери Власьевны). Порой сцены смерти и праздника контрастно соположены в соседних главах: 1-я гл. II ч. – бедствия людей и 2-я гл. II ч. – праздник бурят. В контрастном соотношении этих двух тем возникает парадоксальная контаминация архаических (языческих) представлений и христианских. Следует прибавить, что при сильном увлечении Калашникова в юности поэзией Державина, через державинскую рецепцию («Где стол был яств, там гроб стоит») этот архетип получает в романе барочные коннотации. Постоянно эксплицируются идеи бренности (барочная тема Vanitas). Так, например, Наталья, дочь Жолобова, смотрит на цветочки: «Им цвесть недолго, – подумала она. – Придет зима, и этих цветочков не будет! Так отцветают и люди» [Там же. С. 136].

При скорбном утверждении подчинения человека мрачным законам увядания, преходящести и смерти, барокко неоднозначно соотносит «неисповедимые пути Господни», случайность и волю человека. Парадоксальность этого соотношения остро ставит вопрос о судьбе. Вопрос о свободе воли крайне осложнен, решается почти отрицательно в барокко. Человеческая личность изолирована, всё преходяще (Vanitas – суета сует). Разочарование в череде искушений мира приводит героя к идее аскетизма (религиозная мораль). Вещественные обстоятельства определяют жизнь человека, противостоят ему, подчиняют его себе. Жизненный путь – чередование взлетов и падений, удач и неудач. Герой как бы ввергнут в мир. Личность погружена в стихию трагических переживаний. Все положения героя неустойчивые и поэтому слегка не настоящие.

В романе из зависимости человека от внешних сил вытекает общая проблема соотношения судьбы и личной воли. И если последняя в просветительски-романтическом ключе выражалась в деятельности, культе разума или страсти, то в барокко она противоречиво сливается с судьбой, отчуждающей человека в результатах его поступков от самого себя, она отягощена для него несвободой его личной вины. Например, Неудачин случайно убивает дочь, один охотник чуть не убил другого; гибель Орины и случайна, и в то же время происходит из-за произвола власти, вторгающейся к Хабаровым, и является результатом действий самой Орины (а также по художественной логике в отношении любящей его девушки Алексей несет долю вины, делающей Орину сюжетно «обреченной»). Гибель Жолобова – результат воли злодеев (обстоятельств), и, одновременно, он ее сам избирает, отказываясь от побега. Через наложение подобных жизненных перипетий разных людей открывается их «заведомая общность устроения и судьбы» [7. С. 131]. В романе персонажи разного плана уравниваются тем, что отражают общий сюжет судьбы и связанной с ним проблемы теодицеи. Такое прямолинейно-дидактическое указание призвано прошить расползающийся материал.

В сюжете в основном действуют только отрицательные энергии личного инициативного целеполагания и противоборства обстоятельствам. Это, безусловно, видно на примере действий отрицательных персонажей, которые все оказываются в конце концов наказаны. Но именно барочная специфика отражается в спасительных мерах купца Неудачина: противостоя грабежу разбойников и стремясь спасти свою дочь, он ее случайно убивает; спасая Наталью от надругательства ревизора Крылова, прячет ее больную в укромном месте и пытается переправить, но в самый последний момент Наталья схвачена и привезена к губителю ее отца Груздеву. В таком повороте двойственной по результатам барочно-плутовской инициативы фамилия Неудачин становится знаковой[3]. Также характерна линия «Алексей – Орина», подразумевающая то, что «благими намерениями дорога в ад вымощена». Коровин – дважды жертва в одних и тех же обстоятельствах наказания разбойниками (7-я гл. I ч. и 12-я гл. III ч.), но роль его в каждом из этих случаев различна. В контексте отношения к диктату внешних обстоятельств можно выделить несколько общих групп персонажей, отличающихся характером своей активности: 1) религиозные стоики (пиетизм, барочное смирение перед судьбой); 2) волюнтаристы (это полюс отрицательных персонажей, терпящих в конце концов наказание: Буза, Крылов, Груздев, Стукаленко и пр.); 3) промежуточный тип представляет собой Неудачин (отчасти Алесей и Наталья как пассивные варианты).

Двойственное выражение темы судьбы ведет к использованию автором категории «чудесного», которое может быть отнесено к случаю, предприимчивости (воли) человека и к божьему промыслу. Барочное «чудо» включает в себя эти категории в их нераздельности. Два раза Наталья спасена чудесным образом (оба раза упомянут монастырь). В романе происходят неожиданные «чудесные» встречи: старухи Исаковны с давно пропавшим мужем, Алексея с матерью. Постоянны провиденциальные мотивы, но одновременно и комическое их выражение: Брагин думает о предопределении смерти охотника от 40-го медведя, а затем

сталкивается с ним; Стукаленко, прежде чем расписаться под приговором Жолобову, подбрасывает алтын три раза и пр. Чудесное может быть по барочному двойственно: оно претендует на выражение высшей воли и в то же время не исключает авантюрно-плутовскую подготовку. Характерен эпизод спасения Натальи от происков рвущегося к ней Крылова: лик Божьей матери на стене – знак божьей воли, но гвоздь, который Наталья выдергивает из той же стены и заколачивает им дверь – знак ее воли (мотив «стены» создает барочно-парадоксальное соответствие этих овеществленных средств спасения). И тут из подпола, как из преисподней, напугав Наталью, является Неудачин. Метафизическое разыгрывается в этих же прозаических формах жизни. Отсюда закономерен момент травестирования, сценичности и объяснения «закулисного» (сначала используются резкие средства, чтобы поразить читателя, а затем следует объяснение, как в случае удивительной смерти Крылова, неожиданного появления Неудачина и пр.). Нужно особо подчеркнуть, что в таком раскрытии «барочной машинерии» чудесного важную роль играют материальные составляющие.

Человек находится между духовным и материальным, всегда получает косвенное значение через что-то, что в принципе всегда предстает по отношению к нему как внешняя величина (перед нами барочная экстериоризация, в отличие от символической интериоризации в романтизме). Это простой смертный, не Герой. Высока степень зависимости человека от окружающего[4]. Личность конкретизируется через отражение в окружающем – через сходство-различие с другими людьми, вещами, различными культурными архетипами. К системе барочных по своей природе архетипов относятся: архетип кающегося грешника (Груздев, Крылов, разбойник Коровин), блудного сына (Алесей, муж Исаковны[5]), самозванца (Пирушкин[6]). В романе культурно-идеологически актуализируется тема Дон-Жуана в барочном обнаженно-жестоком ключе через тип грешника, преследующего невинную жертву и попирающего все божеские законы (история атамана Бузы и шаманки, Бузы и дочери Неудачина, Натальи и Крылова). В «Дочери купца Жолобова» очень много дублирования отдельных мотивов, сюжетов и образов, в отличие от следующей за ним «Камчадалки». Каждый отдельный образ несет в себе драматичное сопряжение и напряжение взаимоисключающих начал – универсальность (архетипичность) и жизненно-конкретную индивидуальность облика в его «земности» и слабости.

Любящие разъединены и пассивно терпят волю обстоятельств, силы и обмана. При бедности характера, простоте психологических реакций такие герои изначально лишены возможности психологической борьбы, стоицизма и пр. Хотя последние выражаются косвенно через резкую репрезентативно-притчевую природу отдельных событий, в которых побеждает высшее начало жизни[7], связываемое с телеологичностью при внешнем хаосе жизни и бесправии личности, смертях и горе.

Все герои Калашникова – своего рода «недотепы», ибо оказываются на границе между двумя типами мира: миром, волю которого пассивно принимают положительные герои (идеологом чего является Жолобов, для которого это мир готового теологического смысла), и миром изначально «никаким», чисто объектным, который они создают своей прагматической активностью («робинзоны» сибирского пространства) и который складывается как вереница случайностей. А «недотепы» оказываются в промежуточно-колеблющемся положении между двумя этими типологическими сторонами мира, оказываются в результате не-у-местными ни для того, ни для другого мира; они опираются на индивидуальный выбор, которому нет основания. Иронический вариант этого – медвежатник Брагин, который в схватке с 40-м медведем тоже оказывается в роли «недотепы». И даже Пирушкин, в котором сошлись абсурд государства и произвольные прихоти личности, тотально потерявшей самоидентичность.

Тип человека барокко с его философией особенно полно отразился в фигуре Неудачина[8]. Это фигура, колеблющаяся на границе мира «правильных» (которым помогает само Провидение) и «неправильных» (которых Провидение наказывает). Плутовской герой, помощник, резонер со своей философией, носитель не менее важной, чем у резонера Жолобова, барочной авторефлексии романа, поэтому не случайно его фигура вновь появляется и даже возвышается в финале. И если апокриф Жолобову провозглашается устами Алексея, то название как целостное свое завершение роман получает от лица Неудачина: «–Вот так-то лучше, чем бога гневить пустыми слезами! На своем веку и так довольно поплакали! Кабы кто описал все ваши похождения... Жаль, что я не горазд, а то сам бы принялся!.. – А как бы вы назвали ваше сочинение? – шутя спросил Алексея. – Как бы назвал? Не в названье дело. Разумеется, не назвал бы “Марфида-царевна”, а просто: “Дочь купца Жолобова”» [3. С. 25]. Персонаж не просто выстоял перед обстоятельствами, но и перевел их в план *словесной истории*. Тем самым персонажу передаются полномочия автора, но в барочном его понимании как Автора, оспаривающего роль Бога как Художника Вселенной. И это не является неожиданным, а подготавливается наращиванием симфонической системы разных персонажей как носителей всего разнообразия слова о мире, *слова-знания* в самых разнообразных его жанровых субстратах и отдельности собственной «картины мира»[9]. Но охватывается это поле всякого *слова-знания* общим барочным принципом *мир-книга*.

Для образа того или иного героя романа важно все широкое людское поле сюжета, с которым он вступает в динамичное взаимодействие и через которое (захватывая его через боковые векторы случайных контактов с разными людьми) получает полноту своего вхождения в *целое* духовного и национального содержания. Многие фигуры, обрисованные Калашниковым, именно колоритны и не только внешне-характерологически, но и с учетом микроличностных интенций (которые могут промелькнуть в отдельной фразе): «Лица, играющие в нем самые неважные роли, так сказать, статисты, фигуранты, имеют свою физиономию и служат к украшению целого» [8. С. 255].

Потенциал коллективного национально-культурного единства в романе выражается через архетип праздника. Пир – это материальное изобилие, единство с рождающими силами бытия, на пиру ведется беседа, которая рождает свою «кулинарию» представлений о мире, т.е. праздник – это кульминация жизненных начал. Но празднично-коллективные эпизоды всегда несут в романе диссонанс грядущей беды. Во время благодушного чаепития отца и дочери Жолобовых с Алексеем на берегу Ушаковки появляется сумасшедшая Аксинья, вещающая, что это поминки; на сговор в доме Жолобова является Скрыпушкин, знающий о будущем наказании жениха-Алексея, затем праздник нарушает землетрясение; вечернее трапезничанье разбойников с их песнями включает в себя жуткий рассказ их атамана о его преступлениях; праздник бурят окружен главами, в которых господствуют смерть и разрушение; рубка капусты, как праздничное коллективное мероприятие, сопровождается грустной историей старухи Исаковны; подобный диссонанс страдающего индивида в кругу празднующего коллектива отражен в насмешливом отвержении подружками Орины во время гуляний на лугу; праздник тунгусов отличается от предыдущего праздника бурят какофонией хвастовства каждого, завершается глумливым наказанием провинившегося в воровстве сотоварища; помпезный праздник собственному самодурству и вседозволенности творит Пирушкин, разбрасывая деньги в толпу, в которой чуть не зашиблась жадная старуха Сенотрусиха и т.д. Выстраивается парадигма репрезентативных вариантов архетипа в сюжете с вертикальными замысловатыми соотражениями между ними: параллелизм, перевернутое сходство, контраст и пр. Но важен диссонанс отдельного и всеобщего, когда отдельное, не вырастая до личностного противостояния общему, связано с ним и одновременно тяготеет к отрыву.

В раскрытии народного мира Калашников следует традиции смехового «низового» демократического барокко. Многие сцены, в которых изображаются канцелярия, суд, делопроизводство, жестокость начальников, ориентируются на сатирическую повесть и комедию XVIII в. Но характеристика через социально-просветительскую сатиру (критика представителей власти, учреждений) предстает крайне недостаточной для состояния мира в романе.

К минусам относили «нарочитость юмора фарсовых сцен» у Калашникова [5. С. 219]. Это касается «комических сражений» брата и сестры Груздевых. Калашников к высокому драматическому мотиву часто присоединяет его травестированный инвариант. Например, это пародийные «священнодействия», связанные со святыми образáми, под которыми прячется жена Груздева, а затем роняет на голову мужу икону, или к которым делают какой-нибудь «приклад» в качестве взятки воеводше (тем самым начальница травестируется как Богоматерь). Удар же Груздеву по голове травестирует гром как небесное наказание. Сказочно-фольклорным олицетворением такой травестии «грома» становится охотник Сергей Громило, о котором слагается быличка, после которой он сам является на авансцену (слово «вызывает» героя) и при сражении с разбойниками ударяет их головами. Калашников многообразно варьирует травестию «героики» в широком спектре ценностной тональности: от однозначного пародийного переворачивания (образ воеводши, перед которой робеет ее муж: «Что будешь делать? Дух-то бы и бодр, да плоть немощна» [3. С. 172]) до более мягкого соединения героики с народным юмором. Например, в сцене воинского рассказа стариков Хабаровых – старого Еремея и его сына 80-летнего Прокопия (который назван «малюткой» [Там же. С. 148] – высокая история смыкается с интермедией, поскольку воспроизводится не только словом но и действием в бытовом пространстве рассказывания, во время которого, забывшись, Еремей ударяет вошедшего Сибиркина костылем[10]. Калашников удивительно верно и органично передает специфику народного «негромкого» героизма через образ охотника Брагина. Главным средством здесь является юмор. Например, мрачная тема смерти в романе оттеняется здоровым отношением к ней простого народа (как ворчит жена Брагина: «черт тебе дал эту проклятую охоту, того и смотри, что без головы придешь!») [3. С. 41]. Народный язык второстепенных персонажей отличается особой точностью и выразительностью[11], чему способствует фамильярное начало (например, как поддевает в своих речах Еремей воеводшу[12]). В целом эпическая полнота романа питаема всем богатством народной культуры и с ее «карнавальным» содержанием (М. Бахтин), но самое главное – ее мирочувствием, складывающимся суммарно из емкого и точного абриса отдельных, порой мельком появившихся персонажей.

Юмористическое не противоположно драматическому, их связывает общая проблема самоопределения человека перед миром как тотальной угрозой при отсутствии поддерживающих его начал. Это позволяет не только эмоционально-контрастно противопоставлять драматическое и смеховое, но и уравнивать их по логике барочного соответствия.

Автор также иронически разыгрывает через прозаический материал и демократических персонажей «готовые» формы культуры, ее высоких стилей (ситуации, роли, лексика). Когда младший Груздев подкрадывается к спящей Наталье в огороде, это травестия искушения Евы в Эдеме с иронической трансформацией элементов рококо. Маланья, бросающаяся на младшего Груздева, названа «Агрусом» [Там же. С. 136], что является барочной игрой словом, поскольку подразумевается «Аргус» (неусыпный страж), а «Агрус» – это по-украински «крыжовник» (в контексте «сада» – травестия «плода»). Подобная игра именами отражает рокально-театральную тему представления: воеводша «как Астрея» [Там же. С. 171]; «посреди разрушения сидел пригорюнившись бедный Прокопий, как Марий на развалинах Карфагенских» [Там же. С. 200]; шаманка названа «Сивиллой» [Там же. С. 78]; сваха Саввишна расточает «фиал своего гнева» [Там же. С. 130].

Принципиально мнение, что «художественная манера Калашникова лишена цельности. Нет у него и стилевого единства» [Там же]. Для манеры писателя характерны «сочетание простоты и выспренности» [5.

С. 221], «трескучий пафос» [5. С. 222]. Ходульная литературность оттеняется тут же просторечием, точностью детали и пр. Как кажется, важен сам этот контраст, а не наличие литературности и стилевых просчетов. Но язык романа «все-таки он слишком неровен, чтобы считать его замечательным» [Там же. С. 224]. Эклектика (ослабление эстетической целостности) способствует «разноречию», резкой стилевой неоднородности. В романе можно выделить религиозно-этическую дидактику; романтически возвышенную речь; демократически-смеховое снижение; рационально-просветительскую риторику. Это в последующих романах будет приглушаться и затухать. «Разноязычие», по мнению Ю.М. Лотмана, – общая черта повествования в барокко и реализме: «разноязычие» (термин М.М. Бахтина) «характерно для всех форм повествования барокко, а монологичность – и для поэтического, и для прозаического повествования романтизма (интересно, что в этом случае барокко структурно сближается с реализмом, вопреки вошедшему в обыкновение типологическому объединению его с романтизмом)» [9. С. 411]. Можно выделить такие повествовательные слои в романе: сентиментально-книжный, этнографический, комически-прозаический. При этом по-барочному все «дискурсы» проверяются на повествовательность. Однако ни одно повествование не вбирает грани других дискурсов, они соседствуют по принципу «россыпи», «разброса», как бы не ведая друг о друге. Поэтому у них нет никакого диалогизма.

Это связано со смысловыми границами личности, которая является важным скрепляющим звеном романа. В барокко «эту ситуацию личности, в которой она еще только ждет себя, можно было передавать в самых разных жанровых стилистических преломлениях – в самых разных модусах, которые, как можно думать, простираются от трагичного до чисто игрового и как бы формального» [7. С. 140].

Слово предания, научное слово и т.д. – в этих видах слова «своя» степень удостоверения аутентичности, компенсирующая «развал» риторической системы прежней культуры в начале XIX в. Автор обращается к жанрово-словесным субстратам с повышенной иллокутивностью и перформативностью: молитва, проклятие, предание, авторский комментарий, убеждающий в реальной основе тех или иных случаев, реалий и пр., историческая ремарка, – важен приоритет слова над реальностью, его миротворящая и нормализующая роль. Неожиданно найденная мать Алексея отыскивается не по воле случая, а по воле самого рассказа, она ознаменована им, как воплощается Сергей Громило в рассказе и тут же оказывается в реальности. Слово автора опирается на предание, т.е. слово, побеждающее реальность (подзаголовок «роман, извлеченный из иркутских преданий»).

Повествование насыщают пословицы, легенды, народные песни, произведения обрядовой поэзии. Народные песни выполняют не только формально-декоративную роль: песня старухи Исаковны, сменяющая ее грустную историю о потере мужа в дальних краях, отзывается грустью Натальи о сосланном Алексее. Создается опосредованная связь индивидов через мир народной культуры, народного слова. В романе приводятся песни: Аксиньи, русского Брагина и бурята Батурина, разбойников, шаманки; поют девушки на празднике «капустки». У Калашникова «текст в тексте» в своем опредмеченном варианте влияет на природу слова произведения романа. Это сакральное слово молитвы, гадания, заклинания или вбирающее в себе ритуально-перформативный заряд. Сила такого слова во всей его перформативной действенности отражена в гневном ответе Натальи на приставания Крылова – палача ее отца; это слово получает сакрально-наказующие коннотации вследствие натуралистически-символической смерти ревизора, происходящей тут, на глазах окружающих.

Большое внимание уделяется слову записанному, через что оно получает коннотации сверхвременного увековечивания, летописности, удостоверяясь как слово предания. В святцах Жолобовым делается запись о чудесном спасении Натальи; рассуждениям верхнеудинского воеводы о Чингисхане предпослано авторское примечание: «Повествование о Чингисхане взято из превосходной статьи “Тень Чингисхана”, напечатанной в “Вестнике Европы” (1822. № О.17), сочиненной П.А. Словцовым» [3. С. 207]; в финале название, получаемое всей историей «Дочь купца Жолобова», соотносится с лубочным своим инвариантом – сказкой «Марфида Царевна». Но, разумеется, подобные формы «увековечивания», перевода слова в разряд слова предания, имеют в романе и травестированные варианты. Так, Скрыпушкин, как и прочие, после судилища над Жолобовым «расчеркнул под журналом свое бессмертное имя» [3. С. 111] – употребление определения «бессмертное» здесь глубоко саркастично. Далее следует авторский пассаж о суде, после которого автор обращается к высокочтимой им фигуре Сперанского, однако, отказываясь вписать (назвать) его имя, которое впишет история: «Пусть она внесет сие незабвенное имя в свои нетленные скрижали» [Там же]. В перекличке с ситуацией подписи Скрыпушкина эта концовка создает барочное перевернутое соответствие, парадоксальное по своей сути: предосудительное деяние персонажа «увековечено» его записанным именем, а великий деятель остается анонимным, хотя опосредованно «увековечен» через «скрижали истории».

Мотив «летописи» создает особый подтекст для более прозаического мотива «бумаги», отражаемого в разнообразных авантюрных событиях кражи и подлога: Запекалкин крадет бумаги из ящика Алексея (4-я гл. I ч.); идет разбирательство, кто взял деньги из ящика (5-я гл. I ч.) ; Груздев крадет бумажник Крылова (4-я гл. III ч); написанное Груздевым подложное письмо Алексею привозит Сибиркин (7-я гл. III ч.); при кончине Груздева ищут деньги, и бумажку с вопросом, где они, съедает Груздев. Тема кражи и обмана, связанная с вещественно-сниженным мотивом бумаги, укрупняется как именно «греховное деяние» через более общий для романа «высокий» статус «бумаги-свитка» как формы увековечивания слова.

Таким образом, через общее поле персонажей, с их самыми разнообразными связями между собой, и самое главное, через выражение каждым из них, нахо-

дящимся в контексте целого, той или иной интенции «русского мира» в его пространственной и временной эпической составляющей создается широкий сюжетно-событийный и культурно-ценностный контекст для становления личности, личности самой по себе «полой» как характер, но через связи с общим получающей перспективу роста и обогащения.

Модификацию барочной анаграмматичности можно увидеть в соответствии трехчастности заглавия романа – «Дочь купца Жолобова» – трем частям композиции. Триада названия акцентирует последовательность уровней: «дочь» – семейно-родовой, «купца» – социально-инициативный, «Жолобова» – личностно-кореллятивный уровень, вбирающий все предыдущие, но выражающий самоценность личности в потенциированности ее опыта как *знания*. В отличие от купца Жолобова и его дочери Натальи, главный герой Алексей имеет косвенное отношение к целостности, задаваемой заглавием. Эта барочная асимметрия статусов главных героев, располагающихся на одном уровне сюжетного действия, включает и иное соответствие: Наталья (дочь) и купец Жолобов – это метонимические составляющие линии Алексея, которая без них, сама по себе выглядит полуанонимной, открыто-релятивной. И поэтому как только герой реально отрывается от этих императивов самоидентичности, он сразу встречается с наиболее «барочным» персонажем – Неудачиным (подобно Наталье, отрывающейся от отца). А после его жизнь опирается на тех (семья Хабаровых), которые один за другим сойдут со сцены сюжета, выражая принцип не императива, а преходящести. После этого императив потенцированной личности в ее просветительском ключе выражает для Алексея верхнеудинский воевода, который, однако, в романе принципиально «не получает» имени, что свидетельствует об обобщенно-риторическом содержании его образа. При реальном отрыве открывается метонимичность «дочери», «купца», «Жолобова» для линии Алексея, который «взрастает» через уровни: сентиментально-идиллический уровень семьи («дочь»), социально-инициативный уровень борющейся личности («купец») и личностно-потенциированный уровень *знания* личности («Жолобов»), прошедшей свой «лабиринт» опыта.

В барокко, как писал А.В. Михайлов: «личность, которая мучается здесь над своим ускользающим от нее самоудостоверением, как бы совпадает с устроением и композицией произведения, которое своим бытием передает, или “шифрует”, ее бытие. Вместе с произведением личность подвергается действию тех закономерностей вертикально-горизонтального складывания смысла целого, о чем уже достаточно говорилось. Вот эти закономерности и становятся своеобразным испытанием личности, ее подлинности; в этих испытаниях она и доказывает свою конечную самотождественность. Личность обязана приобщиться к устроению целого, которое, как история, в свою очередь причастно к структуре *знания*» [7. С. 141].

К «устроению целого», о котором пишет исследователь, относится содержательность структурных (вертикальных) связей художественных элементов (образов, мотивов и пр.), которая не подчинена связям каузально-событийным (горизонтальным), и даже преобладает над ними. К этому относится, прежде всего, принцип разнообразных повторов в художественной структуре «Дочери купца Жолобова». Например, повторы ситуации с различными персонажами на коротком пространстве текста. Одна глава сцепляется с другой тем или иным сходным мотивом (параллельно-контрастного плана), а причинно-следственная линия сюжета вторична. Так, обвиняющий преступника таинственный голос слышит Буза в лесу; Наталья, думая, что погибла, слышит: «Не надо отчаиваться!» – шепнул позади ее неизвестный голос» [3. С. 114], и хоть позже выясняется, что это голос Неудачина, однако сама декорация сцены (подпол, свет), таинственная неожиданность этого оклика не снимают его сакраментального колорита; Крылов, заносящий шпагу над Жолобовым, слышит позади себя: «Изверг! – вдруг раздался в тюрьме неизвестный голос. – Остановись!» [Там же. С. 119]. В целом можно констатировать, что мотив голоса, заставляющего трепетать, обретающего сакраментальный характер, объединяет всю вторую часть (к нему относится и образ шаманки, наказывающей разбойников). Или, например, параллельно в 9-й главе III части происходят два выяснения обмана: обман с письмами, открывающийся Алексею через Парфенко, и эпизод разоблачения «обмана» перед небом клянущегося в невиновности вора-тунгуса. Или ситуация гибели / спасения в море: гибель Орины, которую вынесло в море (10-я гл. III ч.), и почти такая же ситуация в следующей 11-й главе у вернеудинского воеводы и Алексея, но уже разрешающаяся «чудесным» спасением. В одной главе через общий мотив сополагаются мотивно и ситуативно (но в зеркально-перевернутом виде): атаман Коровин, расчувствовавшийся при известии о сыне Васютке и из-за этого погибающий (наказываемый) своими разбойниками («детушками» своего отца-атамана); испускающий дух Груздев, «обшариваемый» своим сыном, о чем уже упоминалось (в обоих случаях сын – косвенная причина гибели). Возможны и менее значимые повторы: в 4-й главе I части Запекалкин крадет из ящика Алексея казенные бумаги; а в следующей, 5-й главе, из ящика крадутся деньги.

Повторяются для персонажей общие (архетипические) роли: наставник, вестник, жертва, властитель и пр. Архетипический подтекст редуцирует «характер» как источник роли для персонажа. Старуха Антроповна – вестник наказания Хабаровым, как прежде сумасшедшая Аксинья – Жолобовым, или выступающий в роли тайного «вестника» Скрыпушкин, являющийся к Жолобову на свадебный сговор, или слепец Митя, предупреждающий Жолобова об опасности. По роли «властителя» князь Гантимуров (праздник тунгусов) получает соответствие Пирушкину (сцена выхода из церкви). Кратко укажем на «карнавализационность» этих двух коллективных сцен, которые и стихийны, и театрально организованы властителем как их действительным и одновременно мнимым центром. Через другие мотивы (сверхзнания и суда) соответствие этих сцен можно расширить, присоединив к ним сцену в суде, где в роли властителя – ревизор Крылов, наказывающий не только Жолобова, но и

губернатора, выгоняющий его вон из присутствия: в последнем случает один «центр» вытесняет другой, что привносит коннотации мнимости центра как такового. Что касается «сверхзнания», то оно травестируется через Скрыпушкина, подбрасывающего монету (подписывать ему или не подписывать). У тунгуса, приносящего клятву в своей невиновности перед небом, тут же из кармана вытягивают кусок припрятанной им ткани. «Сверхзнание» совершает барочное «сальто-мортале» от высшего (сакрального) к низшему (монета, ткань), причем последнее, сохраняя свое низшее предметное значение казуса, тем не менее, несет семантику следствия высшего знания. Монеты (мирская благодать) разбрасывает в толпу Пирушкин, выходя из церкви, в которой он сам отслужил молебен (высшая благодать). Мнимая торжественность власти, окончательно травестируемая Пирушкиным, связана с ее замещением истинной власти божьего суда. Параллельные пары брат / сестра выстраиваются через перевернутое соответствие младших Груздевых и Орины с Алексеем, которые «жили как родные и не называли иначе друг друга, как братом и сестрою» [3. С. 167]. По барочному принципу «обратного» соответствия соотносятся ситуации «испрашивания разрешения на брак»: воеводша является за этим к Хабаровым, не столько «испрашивая», сколько утверждая свое решение, а Неудачин (с Алексеем) приходит к игуменье в монастырь, в котором дала обет Наталья. В обоих случаях личное (свобода выбора) входит в противоречие с внешне регламентированным (с властью – в лице воеводши, с церквью – в лице игуменьи). В обоих случаях представительницы этой силы «нисходят» со своей высоты: карикатурно – воеводша, а игуменья – человечески и истинно по-христиански.

Главная героиня романа Наталья Жолобова три раза «умирает» и «воскресает»: 1) после увоза разбойниками Алексей думает, что она погибла, а после Жолобов сообщает ему, что она жива; 2) возник пожар дома, в котором находилась Наталья, и ревизор Крылов, терзаемый совестью грешника, думает, что она погибла, а после Груздев сообщает ему, что она жива; 3) при исчезновении Натальи из дома Груздева Алексей думает, что она погибла, Неудачин сообщает ему, что она жива. Но параллельно этой линии «мнимых» смертей героини троекратно вводится смерть трех девушек (своеобразных вариантов Натальи): первая упоминается во 2-й главе (Алексей обвиняет сваху в загубленной при замужестве сосватанной ею девушки); ко второму случаю относится гибель дочери Неудачина Натальи (двойник по имени); а третий случай – гибель утонувшей Орины (по роли невесты она – двойник Натальи, про которую также думают, что она утонула).

Произведение в барокко включает в свою структуру тайный принцип как знак внутренней тайны бытия, который может быть скрыт от читателя. Композиция «Дочери купца Жолобова» внешне выглядит аморфной, полицентрической, расслаивающейся на отдельные эпизоды и сцены, нанизываемые по принципу случайности[13]. Но тем не менее она заслуживает того, чтобы проникнуть в ее скрытую упорядоченность.

С первого взгляда заметно, что деление сюжета на большие событийно-тематические блоки не соответствует делению романа на три части. Так, большой эпизод с разбойниками, начинаясь в конце первой части (захват Жолобова, увоз Натальи) продолжается во второй части. Он состоит из шести глав (7–9-я гл. в I ч. и 1–3-я во II ч.). Далее следует блок глав истории ареста и гибели Жолобова, состоящий из четырех глав и почти целиком умещающийся во второй части. Однако глава, повествующая о гибели Жолобова под пытками, не завершает, как можно бы предполагать, эту вторую часть, а переносится в третью и становится ее началом (1-я гл. III ч.).

В связи с этим расхождением событийно-тематического деления и деления формально-композиционного предполагается скрытый содержательный принцип структуры, который должен коррелировать логику последовательности содержания и логику последовательности композиции. Представим в общем виде последовательность блоков содержания с указанием количества глав:

– экспозиция, имеющая чисто бытовой характер (идиллия и ее разрушение) – первые шесть глав первой части;

– разбойники – следующие шесть глав;

– арест и смерть Жолобова – четыре главы;

– наталья у Груздевых – три главы;

– Нерчинск, жизнь Алексея – семь глав;

– разбойники – 12-я глава III части;

– эпилог-восстановление – финальная 13-я глава III части.

Можно заметить принцип асимметричной рамки, создающейся через соответствие. Так, первым шести главам идиллии и ее разрушения соответствует последняя 13-я глава, где идиллия восстанавливается[14]. А следующим, «вторым» шести главам соответствует 12-я глава, в которой вновь возникают разбойники (но если в начале – это беспричинная сила смерти и разрушения, то в конце – в определенной степени справедливое возмездие Запекалкину и Груздеву). Следующая рамка (или внутренний круг) касается соответствия внутри основного содержательного ядра романа. Четыре главы ареста и смерти Жолобова в сумме с последующими тремя главами, посвященными жизни Натальи у Груздевых, количественно соответствуют семи «нерчинским» главам жизни Алексея. Общая тема – это судьба трех главных героев романа, но если с первыми (Жолобов, Наталья) связана деструкция (смерть, исчезновение), то с третьим – определенное укоренение в жизни. Зеркальность поддерживается даже на микроуровне реализации мотивов: Наталья теряет отца – Алексей находит мать; Неудачин выступает для Натальи в роли отца и спасителя, подобную, но все же иную роль играет для Алексея верхнеудинский воевода; в одном блоке начальник (ревизор Крылов) испытывает определенные муки совести и его карает смерть, в другом – Пирушкин процветает и «празднично» творит свое самоуправство. Примеры таких «внутренних» скреп этой барочной зеркальности многочисленны[15].

Каков смысл принципа композиционного деления? Оно связано с более отвлеченными (тяготеющими к

притче) темами. Бросается в глаза проходящий через всю первую часть мотив предсказания (сон Жолобова, вещания сумасшедшей Аксиньи, камлание шаманки, даже опасения охотника Брагина о его «40-м медведе»). Вторую часть составляет внутреннее соответствие истории двух героев-дублеров «купцов» и «отцов» – Неудачина и Жолобова, каждый из которых по-своему переживает ситуацию «страданий Иова». Третья часть (Наталья в семье Груздевых и Алексей в семье Хабаровых) объединяется ситуацией «блудного сына / дочери». Зеркальные соответствия в ней подтверждаются драматичным расхождением с волей родителя: перед нависшей смертью Наталья просит Жолобова бежать, а он отказывается, мать берет клятву перед своей смертью с Алексея жениться на Орине, о «падении» с ним которой распустил слух Сибиркин. К разряду мотивов соответствия могут быть отнесены мотив «брака-отступничества» (Натальи – с мл. Груздевым и Алексея – с Ориной), мотив покидания пристанища, угроза смерти, мотив посыльного (Аксинья / любовник воеводши) и пр. Тема «блуждания» задает все более усиливающуюся тенденцию расходящихся линий-путей персонажей с их самостоятельной направленностью и с «проклевывающимся» субстратом биографической их отдельности (даже второстепенных персонажей). В целом, если схематизировать содержательно-тематические акценты каждой части, то общая (притчевая) логика их последовательности такова: 1) предсказание – 2) страдание / разрушение – 3) блуждание / восстановление.

Действуют две логики – логика трагического конца (императивно-драматическая) и логика возможного уже циклически-релятивистского возобновления: Жолобова заменяет Неудачин, стремление Алексея к «высокому» соединению с Натальей готово подмениться релятивистски-бытовым союзом с Ориной, и то и другое – результат обстоятельств; младший Хабаров готов жениться на сестре Сибиркина, это как инвариант снятой женитьба Сибиркина, который спивается, т.е. меняется местами с Прокопием Хабаровым.

Экспликация христианских идеологем (императивов) характерна лишь для первой и второй частей, третья часть создает им своеобразный барочно-релятивный противовес построения судьбы в блужданиях, ошибках, любви и вере. Но своеобразный синтез этих двух стратегий провозглашается в финале игуменьей монастыря, снимающей обет (внешний императив) с Натальи, когда она воспротивилась вернуться к Алексею: «Между мною и тобою уже лежит пропасть: я обещала быть невестою Христа и должна разорвать все земные привязанности». Игуменья ей отвечает (и в этом ответе подчеркнуты барочные условия путей человека): «Дочь моя! Ты за минуту видела, сколь мало можно человеку надеяться на свою твердость, когда в душе его не погасли еще мирские привязанности. <…> Ты дашь страшные клятвы – и невольно будешь нарушать их своими мечтаниями. Ты сделаешься клятвопреступницею и, как я сказала уже тебе, погубишь себя навсегда. <…> Но горе тому, стократно горе, кто, не излечив своего сердца от болезней света, дерзнет осквернить собою сие святилище самоотвержения, мира и любви божественной! – Итак, мне не суждено спасти свою душу! – Дочь моя! Пути спасения бесконечно различны» [3. С. 222].

Разумеется, черты барокко, проявляющиеся на всех уровнях поэтики романа И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова», не ведут к выводу о реставрировании культурно-исторического стиля барокко, а свидетельствуют о его модификации в сложном и неоднородном художественном контексте переходного периода культуры, в котором все категории «стиля» не могут сохранять свою четкость. Это актуализирует необходимость теоретического осмысления более широких процессов в культуре, которые не может репрезентировать отдельно взятое произведение или творчество отдельного писателя в его ориентации на барокко (В.Т. Нарежный, И.Т. Калашников, Н.В. Гоголь). Но все же анализ культурно-содержательной тенденции стиля на примере наиболее репрезентативных произведений необходим для более объемного виденья проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Когда приближалась смерть к Ироду, придворный докладывал ему: “Ваше Величество, скоро смерть будет!”. Ирод бесился, вскакивал с трона, махал во все стороны скипетром, но смерть, в виде скелета с косою, медленно, но неотвратимо приближалась, сопровождаемая пением:

“Кто тя может убежати, смертный час!
Ни цари-монархи,
Ниже патриархи!..
Красоту природну,
Юность благородну –
– Все сечет смерть!”

Наконец, смерть приближается, подсекает Ирода. Вдруг ад растворяется, выскакивает дьявол и утаскивает Ирода в ад (это значит его душу), потом еще раз выскакивает, с ракетой, прилепленной к животу: вот тут-то была страшная минута для детей, потому что дьяволенок все вертится около свечки, наконец ракета загорается и лопается, как лопнуло величие Ирода…» [4. С. 204, 205].

[2] Жолобов и Неудачин – купцы, это исключительно важно для историко-культурного контекста Сибири XVIII–XIX в. Раскрывая этот контекст в связи с иркутским барокко, Елена Зубрий писала, что «глубокая вера в неизмеримые возможности человека выдвинула из среды иркутского купечества людей незаурядных, личностей смелых и ярких» [6. С. 9].

[3] Не случайно в романе Калашникова «Изгнанники» один из главных героев, наиболее достойный, наделяется автором фамилией Неволя.

[4] Барокко интересует то, что связывает индивида с людьми. В этом стиле берется обобщенный образ человека. Достигнутая в романтизме духовная устремленность личности в романе Калашникова редуцируется народно-демократическими и христианскими началами до средней этической меры. Все герои – не личности, не характеры. Чувства Натальи и Алексея бледнее, чем у героев Н.М. Карамзина. Потеряв дочь при таких трагических обстоятельствах, Неудачин после ни разу о ней не вспоминает, на психологический абрис образа это никак не влияет. И, видимо, такая психологическая редукция необходима для художественного мира, устроенного именно таким образом.

[5] Рифмологическая перекличка имен Кремнев / Коренев, ставит барочный акцент на этом соответствии общей «роли» двух совершенно различных персонажей.

[6] Пирушкин узурпирует полномочия церковные и государственные (самозванство и произвол). Это образ, выражающий перспективный для литературы архетип «сумасшедшего короля», юродствующего властителя. У И.Т. Калашникова назревает тот конфликт, который найдет отражение у Н.А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо», – подыгрывание подчиненных спятившему тирану. Роман и поэму связывает единая эпическая традиция; общее в них: многогеройность и отношение всех к общей сюжетной ситуации, соотношение в персонаже родового и проклевывающегося личностного сознания, тема песен, богатырства и пр.

[7] Ю.С. Постнов констатировал: «Несмотря ни на что, жизнь побеждает! – так можно определить лейтмотив романов Калашникова» [5. С. 214].

[8] Неудачин говорит: «В жизни у меня было множество случаев: иногда, бывало, совсем пропадаешь, ан вдруг придет помощь, откуда и на ум не вспадало!» [3. С. 220].

[9] Даже разбойники ведут беседу о чудесности бытия, его строении: «Странно, братцы, – сказал четвертый разбойник. – Как там выросли эти сосны? Ведь взглянешь вниз, так, кажись, сажен сто глубины, словно какой провал подле самого утеса, а на дне деревья. Чудо, подумаешь.

– Эх, брат, – подхватил пятый, – у бога ведь чудес много. Всего не растолкуешь. Ну, вот хоть это скажи... Чай, тебе и самому случалось замечать? Отчего, когда сильный ветер, так валы меньше, а когда ветер меньше, так валы больше?

– А мне случалось видеть, – говорил шестой разбойник, – что иногда совершенная тишь, около берегов не колыхнет, а посредине моря волны так и ходят, словно полоса какая.

Нет, вот что скажите, – подхватил седьмой, – куда вода девается? Ведь шутка ли, сколько рек, больших и маленьких, впадают в это море, а вытекает-то из него, кажись, одна Ангара, да и та, брат, ведь ужасть как мелка в верховье» [Там же. С. 81]. Подобные потоки рассуждений и вопрошаний, задействующие различные сведения (в том числе и авторские комментарии), соответствуют установке барочного произведения на ученость, понимаемую специфически – как свод разного.

[10] В романе часто возникают барочные пары: отец и сын Хабаровы, пары старушек – Антроповна и Сенотрусиха, Лукерья Савишна и Хавронья Пахомовна, двое слепых. Эти пары связаны с традицией интермедии, однако в сниженном виде переживают коллизии, имеющие отношение к основным идейным проблемами сюжета.

[11] Диалоги «отличаются естественностью, живостью и отчасти индивидуализацией языка» [5. С. 222, 223] «язык сочен, драматургичен, насыщен действием» [Там же. С. 223].

[12] Слова воеводши «Заклохчут по-куриному!» [3. С. 182] в адрес Хабаровых, несут отпечаток барочного «остроумия», которое, разумеется, никак не связано с «умом» воеводши, а возникает из всей ситуации. Курица, которую воеводша заставила Хабаровых отдать себе, становится ее экстраординарным личным «достижением» (мерой), поскольку, как она резюмирует, «…нельзя же было курицу – прости господи! – приложить к образу» [Там же. С. 174], т.е. получить как взятку обычным (ритуальным) способом. Через неоднократный повтор этой перипетии («Что ее нелегкая несет! Не куриц ли опять пересчитывать?» [Там же. С. 170]) «курица» превращается в комическую метонимию суетной воеводши с ее произволом. Упоминание «сюжета курицы» при навязывании воеводшей своего права решать судьбу Орины связывает эти два сюжета в парадоксальное соседство. Угроза в адрес Хабаровых: «Заклохчут по-куриному!» [Там же. С. 182] создает побарочному остроумную зеркальность через взаимоуподобление сталкивающихся сторон «куриной» метонимии.

[13] М.К. Азадовский отмечал, что романы Калашникова «напоминают не столько романы В. Скотта, сколько старую авантюрную **повесть»** [10. С. 172]. Это не противоречит стремлению барочного сюжетостроения «нанизывать на одну нить далекие друг от друга вещи» [7. С. 124].

[14] Побочный сигнал связи 12-й главы с началом эксплицируется автором: «Запекалкин сделался в сию минуту почти полоумным. Он посинел и дрожал как лист, готовый, подобно змее, ужалить и умертвить ближнего своего втайне, он подобно ей и свертывался, так сказать, в клубок, когда видел над собою грозу. Мы уже знаем, в какое он пришел положение при нападении на него Доброкваскина; чего же не можно было ожидать от него теперь?» [3. С. 216]. А нападение Доброкваскина на Запекалкина произошло в самом начале романа.

[15] Можно указать «поперечные» соответствия глав одинакового числового порядка в разных частях с определенными общими для них мотивами: демонические персонажи в четвертых главах: I ч. – Груздев–Запекалкин; II ч. – Митя – о проделках нечистого; III ч. – смерть ревизора. Шестые главы каждой части включают мотив катаклизма: I ч. – землетрясение; II ч. – пожар в доме; III ч. – рассказ Еремея, – в такой очередности обнаруживается определенная «вертикаль» катаклизма: природа, социум, история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тюпа В.И.* Между архаикой и авангардом // Классика и современность. М., 1991. С. 109–120.
2. *Лихачев Д.С.* Избранные работы : в 3 т. Л. : Худ. лит., 1987. Т. 1. 656 с.
3. *Калашников И.Т.* Дочь купца Жолобова. Романы, повесть. Иркутск, 1985. 637 с.
4. *Калашников И.Т.* Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. Т. 123. Июль, август, сентябрь. С. 187–251, 384–409, 609–646.
5. *Постнов Ю.С.* Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1970. 404 с.
6. *Зубрий Е.* К читателю // Иркутское барокко = Irkutsk Baroque : альбом-кат. / [авт. вступ. ст., сост. кат. и прил. Т.А. Крючкова; вступ. слово Е.А. Зубрий]. М. : РА «Сорек», 1993. С. 7–11.
7. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение исторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры : учеб. пособие по культурологии. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.
8. *Литературные* прибавления к Русскому Инвалиду. 1832. № 32.
9. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 847 с.
10. *Азадовский М.К.* Литература сибирская // Сибирская советская энциклопедия : в 6 (4) т. Новосибирск, 1932. Т. 3. 805 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 сентября 2014 г.

I.T. KALASHNIKOV'S NOVEL *THE DAUGHTER OF THE MERCHANT ZHOLOBOV* AND THE SIBERIAN BAROQUE. ARTICLE 2

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 46-55. DOI: 10.17223/15617793/389/6

Khomuk Nikolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: homuk1@yandex.ru

Keywords: I.T. Kalashnikov; Siberia; *The Daughter of the Merchant Zholobov*; novel; Baroque; poetics.

The Baroque reveals the totally alienating nature of the world (people are left with religious resignation) and the alienating nature of the I that is devoid of self-identity. People depend on the environment and are humiliated. The novel describes scenes of violence, death, moral sacrifice. The image of death, with some mystical exaltation (deaths of Zholobov and Krylov), sharpens the contrast of the symbolic and the naturalistic, the low and the high. The narrative mixes rationalism and mysticism, laughter and tragedy, explicates the theme of sin and punishment, the idea of temporality (the Baroque topic of *Vanitas*). People's dependence on the external forces causes the general problem of the correlation of fate and personal will. The dual expression of the theme of fate makes the author use the category "wonderful" which can be attributed to the case, to the person's wil and to God's providence. In the novel, different characters are equal when they reflect the overall plot of fate and the related problem of theodicy. In the context of the atti-

tude to the dictates of external circumstances several general groups of characters can be classified differing in the nature of their activity: 1. Religious Stoics (pietism, Baroque resignation to fate); 2. Voluntaryists (negative characters who suffer punishment in the end: Buza, Krylov, Gruzdev, Stukalenko and others); 3. Neudachin, the intermediate type (partly Alesey and Natalia as passive variants). The person is singled out through the reflection in the environment: through similarity and difference with other people, things, various cultural archetypes. Archetypes that are Baroque in nature include: the archetype of the repentant sinner (Gruzdev, Krylov, robber Korovin), the prodigal son (Alesey, Isakovna's husband), the pretender (Pirushkin). In *The Daughter of the Merchant Zholobov* the theme of Don Juan is culturally and ideologically actualized in the Baroque exposingly brutal way through the type of a sinner who is haunting an innocent victim and tramples all divine laws. For each separate character all the people in the plot are important; the character dynamically interacts with them and thus enters the *whole* of the spiritual and national content. When describing the folk world, Kalashnikov follows the tradition of the comic "low" democratic Baroque. The weakening of the aesthetic integrity promotes "heteroglossia" and sharp stylistic heterogeneity, which is a common feature of the narrative in the Baroque and in realism. The author uses genre-verbal substrates with high illocutionarity and performativity: prayer, curse, legend, author's comment (which proves the real basis of certain cases, reality etc.), historical remark. The priority of words over reality, their pacifying and normalizing role are important. The content of the structural (vertical) connections between the artistic elements (images, motifs, etc.) is significant; it is not subject to cause-and-event relations (horizontal), it even prevails over them. This includes, first and foremost, the principle of various repetitions in the artistic structure of the novel. The composition of the novel, externally amorphous at first glance, has a secret principle of internal order.

REFERENCES

1. Tyupa V.I. *Mezhdu arkhaikoy i avangardom* [Between the archaic and the avant-garde]. In: *Klassika i sovremennost'* [Classics and modernity]. Moscow, 1991, pp. 109-120.
2. Likhachev D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 1, 656 p.
3. Kalashnikov I.T. *Doch' kuptsa Zholobova. Romany, povest'* [The Daughter of the Merchant Zholobov. Novels, novella]. Irkutsk, 1985. 637 p.
4. Kalashnikov I.T. Zapiski irkutskogo zhitelya [Notes of Irkutsk inhabitant]. *Russkaya starina*, 1905, vol. 123, July, August, September, pp. 187-251, 384-409, 609-646.
5. Postnov Yu.S. *Russkaya literatura Sibiri pervoy poloviny XIX v.* [Russian literature of Siberia of the first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1970. 404 p.
6. Zubriy E. *K chitatelyu* [To the reader]. In: Kryuchkova T.A. *Irkutsk Baroque*. Moscow: Sorek Publ., 1993, pp. 7-11.
7. Mikhaylov A.V. *Yazyki kul'tury: uchebnoe posobie po kul'turolo*gi [Culture Languages: Tutorial on cultural studies]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 112-175.
8. *Literaturnye pribavleniya k Russkomu Invalidu,* 1832, no. 32.
9. Lotman Yu.M. *Pushkin*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 847 p. (In Russian).
10. Azadovskiy M.K. *Literatura sibirskaya* [Siberian Literature]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 6 (4) t.* [Siberian Soviet Encyclopedia. In 6 (4) vols.]. Novosibirsk, 1932. Vol. 3, 805 p.

Received: 18 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 56–63 DOI: 10.17223/15617793/389/7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 124.5

Е.В. Агафонова

СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ МОРАЛЬНЫХ (*О*)СУЖДЕНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Ррассматривается проблема аргументации в моральной теории. Показано, что осуждение или вина, приписываемые субъекту ответственности, зависят от принципов, выбранных в обществе в качестве базовых основ морали. Предполагается, что нормативная аргументация напрямую связана с процедурой интерпретации – мотивов, действий, ситуации, норм, правил и принципов. В результате интерпретации может меняться характер и степень осуждения как на общенормативном уровне, так и в области специализированных юридических практик.

Ключевые слова: мораль; моральная ответственность; интерпретация; аргументация; осуждение; нормативность; юридический дискурс.

В статье «Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений» [1] выдвинуто предположение, что любой разговор о морали и поиске критериев добродетели следует начинать с определения субъекта моральной компетенции. Проблемы приписывания ответственности, вменения вины или заслуженное поощрение всегда предполагают некоего *Кто*, стоящего за тем или иным действием. В то же время действие, выносимое на суд морали, должно быть нами определено еще как моральное, неморальное или же аморальное. Это требование атрибуции действия кому-либо, а также идентификация самого действователя и его мотивов, могут оказаться проблемой.

Такой же проблемой может стать и подведение действия под категорию моральности, а самой сложной задачей – поиск критериев морали, которые могли бы служить базой для моральной аргументации. Весомость моральных (а также правовых) аргументов может оказаться под вопросом, если есть сомнения в правильной интерпретации действия или поступка. То есть аргумент может утратить свою силу, если дается неверное толкование происходящего: ошибочно толкуются мотивы или неверно понимается ситуация.

В связи с этим нами предполагается, что интерпретация действия как морального, т.е. определение соответствующих мотивов действующего, напрямую связана с процедурой аргументации, т.е. того, на чем строится обоснование действий. Дело в том, что традиционно интерпретация связывается с проблемой понимания, тогда как аргументацию считают соперничающей операцией и относят к объяснению, что помещает их в различные области обсуждения. Нам же следует показать, что поиск критериев или оснований морали, необходимый для аргументации как в теории, так и в повседневной практике, напрямую связан с интерпретацией действия, подпадающего под существующие правила, нормы и критерии. И наоборот, интерпретация как самого действия, так и его оснований требует аргументации как апелляции к принципам, на основании которых мы судим о поведении. Мы попробуем рассмотреть аргументацию и интерпретацию как две взаимосвязанные и взаимозависимые процедуры при вынесении морального суждения / осуждения.

В данном случае предлагается сосредоточиться на самом действии: рассмотреть его, с одной стороны, как публичное (помещенное в исторический, культурный, социальный контекст) событие, с другой стороны, обратиться к его внутренним интенциям и мотивам, определяющим его моральность. Во втором случае мы обращаемся непосредственно к действователю, тому, кто является ответственным за свои поступки, кто обозначает себя в качестве виновника в конкретном случае, или же просто того, кто рассказывает о своей жизни. На том и другом уровне в качестве некой базы для обсуждения мы имеем пересечение и совпадение интересов аналитической философии, феноменологии и герменевтики.

Кроме того, это может вновь вернуть нас к анализу действия, берущему начало от аристотелевской идеи фронезиса (греч. φρόνησις) и его практического силлогизма. Аристотель действительно был первым, кто подробно занялся описанием понятий «предпочтительный выбор» и «обдумывание» действия, а также обратил внимание на согласованность поступков с рассуждениями. Преднамеренность действия, решение, которое принимается сознательно, – это основные позиции действующего и выбирающего. Исход действия Аристотель полагает в зависимости от выбора действователя и позиции, которую он займет. Правда, в рассуждении Аристотеля нет пояснений того, что вообще представляют собой человеческие действия (или действия, которые «зависят от нас»), т.е. не совсем понятно, отличает ли он их от принципа, внутренне присущего любому физическому движению. Обращаясь к сфере причинности, он пишет: «В самом деле, причинами принято считать природу, необходимость, случай, а кроме того, ум и все, что исходит от человека» [2. EN, III, 5, 1112 a]. Скорее, его отличие человеческого действия от физического

явления заключено именно в преднамеренности и сознательном решении, благодаря чему субъект конституирует себя как субъекта нравственного.

По-видимому, простое возвращение к Аристотелю невозможно, так как его философия действия построена на основе философии природы. Хотя сегодня мы также можем встретить мнение исследователей по этике, направленное на поиск параллелей между моральной и теоретической аргументацией, между объяснением фактов и моральным оправданием действия. Попытки наделить суждения в этике объективным значением часто приводят к необходимости трактовать утверждения морали как истинные или ложные и уподобить нормативные высказывания дескриптивным. «В этике, как и в науке, непроверяемые и противоречивые свидетельства личного опыта (чувства или эмоции) заменяются суждениями, нацеленными на универсальность и беспристрастность, – суждениями о “подлинной ценности”, “подлинном цвете”, “подлинной форме” объекта, раньше чем форма, цвет или ценность будут приписаны на основе только непосредственного опыта» [3. С. 125].

Мы не будем сейчас включаться в полемику скептиков и когнитивистов в отношении морали. Спор о значении и истинности моральных суждений ценен для нас только в том плане, что кажется разумным предположить некоторую объективную значимость морали в нашей социальной практике и непроизвольность нашего морального выбора. Мы в повседневной практике сохраняем некоторую убежденность, что мораль не может быть лишь результатом наших субъективных предпочтений, даже если не способны привести более или менее основательных аргументов.

Далее следует говорить скорее об инициативе и вмешательстве действующего в ход вещей в мире, о его ввязывании в события и привнесение изменений своим «я должен» и «я могу». Аргументация и критика в области морали могут служить изменению не только суждений, но и образа действия. Представление действующего и его окружения о том, что он в силах совершить, и о возможных результатах вмешательства позволяет соотнести «Я» со всей совокупностью совершенных им поступков (будь они мыслями, действиями или речами), т.е. приписать субъекту определенные действия. При этом субъект совершаемого действия всегда оказывается как бы перед «судом», где ему будут приписана ответственность и вынесен вердикт. «Чувство вины и долга выводят за пределы того, что частным образом затрагивает отдельного человека в той или иной ситуации. Если бы чувственные реакции, направленные в определенных ситуациях против отдельных лиц, не были связаны с *неличностным* протестом, который обращается против нарушения общих поведенческих ожиданий и норм, они были бы лишены морального характера» [4. С. 76]. Моральный поступок есть, таким образом, результат межличностных отношений, в которые мы включены, это один из способов самоопределения Я по отношению к Другому.

Можно сказать, что определение действия как морального и приписание ответственности есть часть повседневной практики общения. П.Ф. Стросон в работе «Свобода и ресентимент», изданной в Лондоне в 1974 г., утверждает: «Обязанность человека участвовать в обыденных межличностных отношениях, думаю, слишком основательна и слишком глубоко укоренена, чтобы мы всерьез размышляли о том, что какое-нибудь всеобщее теоретическое убеждение сможет настолько изменить наш мир, что в нем больше не будет каких бы то ни было межличностных отношений, как мы их обычно понимаем…» [5]. Еще один исследователь в области этики А. Макинтайр утверждает, что моральная философия тесно пересекается с областью социальных наук и отказ от рассмотрения социальных аспектов морали означает решительный отказ от моральной философии. «Потому что моральная философия предлагает, явно или неявно, по крайней мере, частичный концептуальный анализ отношения субъекта к его резонам, мотивам, намерениям и действиям и тем самым предполагает, что эти концепции могут быть воплощены в реальном социальном мире. Даже Кант, который, судя по всему, иногда ограничивал мораль внутренней сферой ноуменального, делал противоположные выводы в своих сочинениях по праву, истории и политике» [6. С. 35].

Безусловно, вменение вины или одобрение, негодование и благодарность не должны рассматриваться как исходные пункты или основания морального действия (ориентация на реакцию окружения или страх наказания скорее характеризуют действие легальное, что Кант не относил к морали вообще), но они все же могут являться сопутствующими элементами действия, а лучше сказать, результатом интерпретации социального действия. Поль Рикер в одном из эссе своей книги «Справедливое», сопоставляя истину и справедливость, пишет: «…в истории существуют ситуации, когда необходимо понимать не осуждая или одновременно понимать и осуждать…» [7. С. 200]. Он, конечно, не настаивает на отождествлении истинностного измерения рефлексии и бдительности, основанной на требовании справедливости, но говорит об их пересечении. «Рефлексия о действии и его изнанке, претерпевании, не может не накладываться на моральные суждения в ситуации, когда воздействие активной стороны на пассивную связано с нанесением ущерба и причинением вреда, и в силу этого должно оказываться предметом неусыпной бдительности морального суждения».

Немаловажную роль играет аргументация, которую приводит действующий в свое оправдание, или на которую опираются те, кто берет на себя ответственность «судить» о моральности поступка и нравственности действующего субъекта. Когда С. Тулмин пишет о способе обоснования нормативных предложений и форме аргументации, приводимой нами и критериях весомости оснований, он задается вопросом: «Какого рода аргументы и доводы достаточны для нас, чтобы высказаться в поддержку того или иного морального решения?» [3. С. 64]. В данном случае аргументация также не может являться частью самого морального действия, но она становится необходима, когда действие выносится за рамки частного события и становится публичным (даже в момент самообъяснения, когда субъект пытается оправдать дей-

ствие перед самим собой). Аргументация действующего как некая «речь-оправдание» эксплицирует те принципы, которые считаются в обществе общепринятыми и принимаются в качестве моральных оснований. Аргументация служит местом связывания Я и окружения (ближними и отдаленными другими) и одновременно отсылает к универсализирующим принципам, которые делают возможным достижение согласия в моральных дискуссиях. Аргументация является социальным действием, поскольку направлена на собеседника-оппонента и предполагает его ответную реакцию. Аргументативные средства нацелены, в первую очередь, на продолжение коммуникации и достижение взаимопонимания. Это акт коммуникации, вовлекающий обе стороны дискуссии в активную полемику и предполагающий понимание точки зрения оппонента и интерпретацию его позиции. Предполагается, что моральная герменевтика, в свете продолжающейся дискуссии концепций, также представляет коммуникацию и требует обращения к интерпретации и аргументации в их взаимном обращении. Взаимодополнительность этих двух операций может прослеживаться и на так называемом прогрессивном пути, когда действие подводится под определенную норму, а сама норма сводится к основополагающему принципу (движение «вверх» от морали обязательств к основам этики), а также на регрессивном пути от принципа к норме и ее осуществлению (движение «вниз», где этика распределяется между различными областями своего применения). В любом случае нам требуется интерпретация не только действия, но и норм, и самих принципов, в рамках которых мы говорим о правильности поступка. Также можно заметить, что осуществленное действие требует аргументации как оправдания через ту же нормативность и правильность, которые, как предполагается, релевантны данному случаю.

Обращение к феномену аргументации в первую очередь определено тем интересом, который вызвали перспективы рассуждения, обоснования и убеждения в гуманитарных науках. К середине XX в. теория аргументации становится самостоятельной дисциплиной. Интерес к исследованию коммуникативной силы языка спровоцировал всплеск новых идей в аргументационной теории, неудовлетворенной средствами формальной логики: это «новая риторика», разработанная Х. Перельманом и Л. Олбрехт-Тытекой, теория речевых актов Д. Остина и Д. Серля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, прагмадиалектическая теория аргументации амстердамской школы. В различных трактовках аргументации можно выделить как минимум две общие черты. Это, во-первых, «адресованность» и «авторство» аргументации, которые противопоставлены «безликому» и «безадресному» доказательству. Во-вторых, подчеркивается «нежесткий», «невынуждающий» характер аргументации, что отличает ее, с одной стороны, от «механического» доказательства, с другой стороны, от вербальных способов воздействия, не допускающих несогласия (данные черты можно проследить в работах брюссельского исследователя Х. Перельмана и пенсильванского – Г. Джонстона). То есть аргументация, конечно, связана с логическим доказательством, но гораздо шире его, так как последнее по преимуществу безлично и монологично. В аргументации же большую роль играют волевые и эмоциональные факторы, нравственные установки, привычки, социальные позиции дискутирующих. «Аргументация всегда адресуется лицом, называемым оратором, независимо от того, является ли он говорящим или пишущим, аудитории слушателей или читателей. Ее цели – достижение или усиление приверженности аудитории некоторому тезису, согласие с которым надеется получить оратор» [8. С. 18]. С точки зрения Джонстона фигура адресата не может быть пассивной в дискуссии и также имеет важное значение, поскольку под воздействием аргументов есть риск изменить мнение, поведение, взгляды. Не принять рациональную аргументацию для него – это все равно, что «закрыть для нее свой разум»: «...подлинная аргументация может иметь место только тогда, когда респондент не является ни бесстрастным, ни пассивным по отношению к тому, что говорит аргументатор. Она может иметь место только тогда, когда респондент сам заинтересован в результате аргументации, т.е. когда респондент подвергает себя риску» [9. С. 4].

Коммуникативный характер аргументации и разумность собеседников выделяются в качестве основного пункта и в более поздних разработках теории. Так, современные представители амстердамской школы Франс ван Еемерен и Роб Гроотендорст считают, что «важной характеристикой аргументации является то, что она всегда является специфичной точкой зрения или взглядом на определенную проблему. Говорящий или пишущий защищает эту точку зрения с помощью аргументации, обращаясь к слушателю или читателю, который сомневается в ее приемлемости или имеет другую точку зрения. Аргументация направлена на убеждение слушателя или читателя в приемлемости своего взгляда». Далее они пишут: «Когда кто-то прибегает к аргументации, этот человек делает неявное обращение к разумности: он или она молчаливо предполагает, что слушатель или читатель будет выступать в качестве разумного критика при оценке аргументации. В противном случае не было бы никакого смысла в продвижении аргументов» [10. С. 2].

Мы можем позаимствовать обобщенное определение понятия аргументации у Еемерена и Гроотендорста для наших дальнейших целей. Они пишут: «Аргументация является вербальной, социальной и рассудочной деятельностью, направленной на убеждение или разумную критику приемлемости чьей-либо точки зрения, путем выдвижения совокупности пропозиций, обосновывающих или опровергающих положения, выраженные в данной позиции. <…> В принципе, аргументация – это речевая деятельность, которая осуществляется с помощью использования языка, это социальная активность, которая, как правило, направлена на других людей, и это рациональная деятельность, которая по большей части базируется на основе интеллектуальных соображений» [10. С. 1, 2].

Итак, большинство исследователей в области аргументации сходятся во мнении, что данная теория не

ограничивается сферой формальной логики и ее следует также развивать в форме «неформальной» (или, как еще говорят, «информальной») логики. Так, в области морально-практичеких вопросов вряд ли можно достичь согласия лишь при помощи дедуктивных выводов и эмпирических демонстраций. Напимер, Ю. Хабермас утверждает: «В той мере, в какой аргументы обладают принудительной силой на основе отношений логического следования, они не влекут за собой ничего субстанциально нового; а той мере, в какой они обладают субстанциальным содержанием, они покоятся на опытах и потребностях, которые могут быть по-разному интерпретированы в свете меняющихся теорий, в свете меняющихся дескриптивных систем, и потому не обнаруживают какого-либо предельного основания. <…> В практическом дискурсе требуется соответствующий связующий принцип» [4. С. 99].

Итак, моральная аргументация, во-первых, требует введения некоего морального принципа, который будет играть ту же роль, что и индуктивный принцип опытных наук. И вопрос тогда в том, возможен ли вообще такой принцип в сфере этики? Во-вторых, когда дело касается отдельных поступков, которые еще только требуют моральной оценки в сопоставлении с принципом, то мы попадаем в сферу мотивов, намерений и обстоятельств. А это уже отсылает нас к необходимости интерпретации поступка. И в той мере, в какой поступок, в том числе и моральный, отсылает нас к мотивам, мы возвращаемся к довольно старой теме соотношения понимания и объяснения в философском споре о методологиях гуманитарных и естественных наук. Мы не будем сейчас разбирать вопросы о том, может ли мотив рассматриваться как причина совершенного действия, каково место причинности и разумности в морали, а также вопрос о том, является ли этика наукой. Эти вопросы вызвали уже достаточное количество споров и оставили массу нерешенных проблем. Мы будем исходить из положения, что вопрос о рациональности морали хоть и остается непроясненным до конца, но все же большинство исследователей в области этики сходятся в установке об осмысленности и разумности нормативного поведения.

Итак, в повседневной жизни мы часто прибегаем к процедурам аргументации и интерпретации, когда сталкиваемся с ситуациями, которые еще только должны быть определены как моральные, легальные, преступные, аморальные или вовсе нейтральные. Одновременно с этим в области исследований по этике мы встречаемся с теориями, где нормативный дискурс требует апелляции к аргументам (к общим универсальным принципам или основаниям), а также к интерпретации самих принципов и правил морали. Именно в этом, по мнению Макинтайра, аналитической моральной философией был сделан существенный вклад: были предприняты попытки выдвинуть рациональные принципы и предоставить аргументацию, к которым можно было бы апеллировать сторонам, участвующим в конфликте [6. С. 333].

Безусловно, разработка и выдвижение аргументационных основ этики дело рук не только аналитических философов. Каждая концепция морали формулирует и в дальнейшем опирается на те или иные принципы, нормы, правила, которые используются для подтверждения и убедительности своих тезисов. Ю. Хабермас утверждает: «Если бы моральные суждения не смели выдвигать притязания на всеобщую значимость, теория морального развития, с ее намерением указать всеобщие пути этого развития, с самого начала была бы обречена на неудачу» [4. С. 180].

Таким образом, если предположить, что наши моральные суждения есть всего лишь выражение чувств и установок, то любая рациональная аргументация сводится к декларации субъективной позиции и предпочтений говорящего. А любая апелляция к значимому рациональному оправданию и отсылка к объективным надличностным моральным стандартам невозможна в силу отсутствия таковых. В этом смысле, если эмотивизм как теорию значения признать верным, то все моральные разногласия и дебаты как в теориях, так в и жизненной практике окажутся неразрешимыми и незавершенными. Существование в этике, а в частности в аналитической моральной философии, множества течений, несовместимых с эмотивизмом, скорее говорит о неудаче данного направления, хотя и демонстрирует, что эмотивизм все же не сошел со сцены. Во всем разнообразии подходов и направлений в этике иногда прослеживается общая тенденция в их попытке показать, что само понятие рациональности уже дает моральной философии некоторое основание и право для отказа от эмотивистских представлений (мы можем говорить в данном случае, например, о подходах Хэйра, Роллза, Донегана и др.). Проблема в том, что авторы данных подходов не могут прийти к согласию по поводу понятия «рациональность» и о том, какой характер должна носить рациональность в морали. И все же мы можем утверждать, что эмотивизм не является продуктивной теорией в рамках разговора о морали, и будем исходить из предположения, что в моральных суждениях выражаются не только случайные чувственные установки и предпочтения субъективного характера. Требуется как минимум принять, что какая-либо значимая норма могла бы найти одобрение со стороны задействованных лиц, если бы они принимали участие в практической дискуссии. Хороший аргумент есть такой аргумент, который может быть не только понят, но и принят как приемлемый и правдоподобный заинтересованными сторонами. Достижение консенсуса относительно того или иного правила есть процедура, необходимая для идентификации действия и, следовательно, неотделимая от интерпретации. При этом интерпретация требуется при толковании как принципа, на котором основывается моральное (*о*)суждение, так и самого действия, его мотивов, которые еще только нужно определить как моральные, *не*моральные либо *а*моральные.

В данном случае мы не беремся определить, какой из принципов этики является наиболее весомым при ведении моральной дискуссии, а только хотим показать, что апелляция, например, к идеям «достоинства», «уважения», «справедливости», «блага» и т.д. еще требует интерпретации этих идей и согласия по поводу их трактовки. Ошибки трактовок и конфликты по поводу интерпретаций в области, регулируемой

нормами взаимодействия, как раз и возникают в связи с нарушением нормативного согласия. Интерсубъективное признание и согласие возможны при обращении к принципу, который имеет наиболее обобщенную и формальную природу. При этом предполагается, что участники дискуссии, с одной стороны, рациональны и действия их более или менее осмысленны (с другой стороны, как мы уже рассматривали, само понятие рациональности тоже является предметом непрекращающихся дискуссий). Формальность формулировок и их отвлеченность от конкретного содержания должны в некотором смысле обеспечить большую степень согласия в отношении основных принципов. Но, тем не менее, сколь бы отвлеченно не звучал принцип, это не исключает необходимости дополнительного прояснения. Например, кантовский иператив «относись к другом как цели самой по себе и никогда как к средству» не проясняет того, что значит «цель сама по себе», и также требует интерпретации. А принципы «пользы» и «результативности» консеквенциализма и утилитаризма вообще не выдерживают никакой критики, несмотря на бесконечно приводимые примеры действенности этих принципов в конкретных ситуациях. Таким образом, то, что используется в этике в качестве универсализирующего принципа, на который опираются для обоснования действия или нормы, само еще должно быть обосновано в качестве такового.

И если мы подняли тему морального осуждения, аргументации и интерпретации, то кажется уместным использование примеров из стратегий, применяемых специалистами в юридическом дискурсе. Так, например Роберт Алексии и Мануэль Атьенс трактуют юридическую аргументацию как особый случай общей нормативной практической дискуссии. И тогда именно из практической аргументации мы исходим как из некоего основания, но сами юридические случаи могут выступить более конкретизирующим примером в определенной ситуации принятия решений. Если бы юридическая аргументация не имела в качестве своего горизонта общий нормативный дискурс, то идея рациональной аргументации не имела бы смысла. Юридическая практика в качестве прикладного применения этики, может рассматриваться не просто как практический пример, но и служить сферой углубления и расширения проблематики моральной теории за счет так называемых hard cases (трудных случаев).

Например, если говорить о правилах и принципах, вполне уместно привести различение, которое делает Р. Дворкин, говоря о теории права. В данном случае «судебное предприятие» нас будет интересовать в том плане, что hard cases в судебном разбирательстве заставляют обратиться к более широкому этико-политическому горизонту, рассматривающему дело в историческом развертывании. Дворкин, проводя различение правил и принципов в одной из глав своей книги «О правах всерьез» («Taking Rights Seriously»), утверждает, что основной характеристикой правил служит их однозначность. Решению же трудных дел чаще способствуют принципы. Они не определяются своей генеалогией, т.е. не зависят всецело от того, что было их источником (обычай, власть, прецедент), но идентифицируются по свойственной им нормативной силе. «Обе системы положений указывают на конкретные решения по поводу правовых обязательств в отдельных случаях, но они отличаются по характеру того, как они направляют. Правила применяются бескомпромиссно. Если имеются факты, предусмотренные правилом, то либо правило имеет силу, и в этом случае решение по поводу фактов будет принято, или правило не имеет силы, и в этом случае не вносится никаких решении. <…> Но это не тот путь <…> каким действуют принципы <…>. Даже в случаях, наподобие ситуации с правилами, правовые последствия, на наступают автоматически, даже если все предусмотренные условия будут выполнены <…>. Принципы имеют измерение, которого не имеют правила – их весомость или важность. Когда принципы пересекаются <…> тот, кто призван разрешить конфликт, должен учитывать относительный вес каждого <…>. Правила не имеют такого измерения» [11. С. 24f]. Именно различие правил и принципов вносит существенный вклад в герменевтическую теорию принятия судебных решений. Устоявшейся системой правил право как политическое предприятие не исчерпывается. Правовая практика, опирающаяся на аргументацию как на свою сильную юридическую сторону, приобретает интерпретативный характер, каждый раз решение принимается заново, взвешивается и оценивается. Именно этико-политический характер принципов исключает их однозначность.

Вообще, применение правила в юридической практике является довольно сложной процедурой квалификации: с одной стороны, это интерпретация фактов, с другой стороны, интерпретация норм, которые взаимно друг друга обусловливают. В качестве результата такой операции утверждается, что какое-либо преступное поведение (которое, кстати, еще только должно быть квалифицировано как таковое) подпадает под ту или иную норму, которая квалифицируется как нарушенная. Здесь вопрос может заключаться в следующем: действительно ли возможно распутать все нити личной истории подсудимого, выявить подлинные мотивы и последовательность событий и действий? Тот или иной способ «прочтения» его личности и последовательности фактов помещает случай под то или иное правило. Пересмотр дела, выявление новых фактов, событий личной жизни обвиняемого ведут к необходимости применить иное правило. Определить, что «a» является частным случаем «D», означает подвести его под определенное правило. Правда, сторонники аргументации иногда высказываются за введение дополнительных правил. Так, Р. Алекси высказывается в этом отношении: «Когда есть сомнение в вопросе о том, является ли “a” случаем “T” или “M”, то необходимо изобрести правило, решающее этот вопрос» [12. С. 226]. Действительно правило универсализации не имело бы смысла, если бы не существовало способа убедиться в том, что «a», «b» и «c» представляют частные случаи «D». Таким образом, интерпретация тесно вплетена в процедуру аргументации уже на уровне «внутреннего оправдания» (термин, введенный Алексии и означающий логиче-

скую связность вывода), когда одновременно необходима интерпретация и нормы, применяемой к случаю, и случая, подпадающего под эту норму, для построения так называемого юридического силлогизма.

Интересно, что в повседневной жизни, когда мы предъявляем кому-то свои претензии или обвиняем в нарушении моральной нормы, мы действуем приблизительно также. Обида или гнев как реакция на оскорбление могут утихнуть, когда нам становятся известны новые факты из жизни обидчика. Переистолкование его поведения ведет к отнесению его поступка или действия к иной норме. К тому же следует убедиться, что мы имеем общие установки в отношении правил и принципов, что требует обсуждения аргументов, подтверждающих учиненную несправедливость. П.Ф. Стросон в работе «Свобода и рессантимент» приводит некоторые наблюдения относительно морального осуждения и оправдания. Так, например, он описывает ситуацию: «Если кто случайно наступает на мою руку, пытаясь помочь мне, боль может быть не менее острой, чем если бы он наступил на нее в презрительном игнорировании моего существования или со злобным желанием ранить меня». Или «если кто-то совершает действия, которые помогают мне в том, в чем я заинтересован, и выгода была бы мной получена в любом случае, то это одно; но если он намеревался действовать так, чтобы помочь мне, потому что это было выражением его благосклонности по отношению ко мне, то было бы разумным чувствовать благодарность, которую я не должен чувствовать вообще, если бы помощь была случайной, непреднамеренной или даже из жалости, была некоторым планом действия, совершенным с другой целью» [5]. Ориентация на мотивы действующего в данном случае помогает прояснить ситуацию, изменяет чувства пострадавшего и влияет на общее мнение. Но доступ к мотивам не представляется возможным, если мы не обращается к речи-оправданию или извинению осуждаемого, или не узнаем какие-либо факты его жизни.

Таким образом, переинтерпретация действия возможна только при условии совместной коммуникативной практики, в которую вовлечены пострадавший и обидчик. Причем предполагается, что упрекам обиженного отвечают угрызения совести совершившего несправедливость и признание того, что в лице потерпевшего ущемляется, в то же время, некое неличностое или надличностное право. То есть отсылка к некоторым универсальным нормативным ожиданиям необходима в качестве аргументационного основания взаимодействия индивидов. Возмущение, одобрение или какая-либо иная чувственная реакция в рамках отдельной ситуации возможны только тогда, когда предполагаются общие принципы морального характера, разделяемые участниками. И только претензия на всеобщую значимость придает частному интересу, индивидуальной воле или норме достоинство морального авторитета [Там же].

Таким образом, в качестве результата нами утверждается, что аргументация и интерпретация накладываются друг на друга там, где мы имеем пересечение восходящего и нисходящего путей в этике. То есть там, где говорится о переходе от случая к норме или принципу, и там, где речь идет о применении нормы к определенному случаю. Как правило, второй вариант («нисходящий») чаще встречается при построении моральных теорий и разработке всевозможных этических систем. В этом случае требуются определение и обоснование универсального принципа в качестве основного морального аргумента. Именно в этом видится непосредственная задача этики – разработка формальных принципов морали и построение рациональной аргументации. Безусловно, это не исключает интерпретации самих принципов и достижения консенсуса в отношении его толкования и применения.

Если же речь идет о «восхождении» от случая к общему принципу, здесь скорее мы сталкиваемся с областью прикладных этик, задача которых видится в прояснении и уточнении принципов при столкновении с единичным случаем или ситуацией. Тогда основная задача – это определение того, подпадает ли случай под определенную норму. Или можно сказать, что при построении аргументации проблема в том, чтобы «подыскать» правило, под которое подпадает некий факт, предположительно правильно описанный. При этом интерпретации подвергается и сам факт, и релевантный ему принцип. То есть интерпретация оказывается плотно вплетенной в процедуру аргументации уже на уровне логической связности между предпосылками и заключением, а сила аргументации напрямую оказывается связана с верным толкованием как фактов, так и принципов.

Помимо обращения к этическим теориям, в которых утверждаются принципы и разрабатывается моральная аргументация, тесная связь аргументации и интерпретации наблюдается в области повседневной практики, связанной с коммуникацией и взаимопониманием. Здесь моральное *о*суждение опирается на понимание и интерпретацию мотивов и намерений того, кто совершает несправедливое деяние. От верной интерпретации здесь зависят определение субъекта моральной ответственности и приписание вины. Изменение нашего взгляда на ситуацию, как правило, может быть связано с новой интерпретацией фактов и аргументов. Это возможно, если сохраняется некоторая убежденность, что в совместной жизненной практике мы разделяем наши взгляды на то, что считать приемлемым или неприемлемым в сообществе, и опираемся на нормы, которые предположительно не являются произвольными. Именно социальный и коммуникативный характер морали предполагает не только формальное доказательство правоты, но и аргументацию, нацеленную на достижение согласия и взаимопонимания сторон, что само по себе не исключает рациональную критику аргументов и выдвижение альтернативных доводов. Достижение же консенсуса в отношении моральных норм невозможно без предварительной процедуры интерпретации принципов морали, как например, прояснение того, что мы имеем в виду под понятиями «долг», «справедливость», «благо», «нравственная личность» и т.д.

Таким образом, аргументация в моральном дискурсе имеет смысл, если имеется некоторая договоренность об основных правилах и принципах. Не-

писаный характер морали требует консенсуса на уровнях не только теоретическом и прикладном, полагается, что соглашение должно быть принято также и на уровне повседневных практик. Характер моральных разногласий, как правило, связан с апелляцией к различным принципам, которые должны служить основанием для вынесения моральных суждений.

Помимо этого, одни и те же принципы могут быть по-разному истолкованы. Прояснение и толкование принципов – это дело теорий этики, в которых сегодня также нет согласия по поводу базовых установок. Тогда начинать надо не с интерпретации действия как морального или неморального, а рассмотреть характер самих принципов, используемых при аргументации. Возможно, некоторые принципы, утверждаемые в тех или иных теориях, вообще не имеют никакого отношения к морали и ее целям. К тому же во многих современных концепциях субъект моральной ответственности рассматривается как изолированный от окружения и увлеченный собственными интересами. То есть упускается главный момент – коммуникативная основа морали, ее укорененность в повседневной практике, обыденных установках и интуициях. С учетом этого предполагается, что есть необходимость пересмотреть и сопоставить имеющиеся концепции с целью прояснения их основных принципов и определения возможности их совмещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафонова Е.В., Тарабанов Н.А., Кручинин Э.А.* Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 48–56. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1031&article_id=10401 (дата обращения: 21.09.14).
2. *Аристотель.* Никомахова этика. М. : ЭКСМО-Пресс, 1997. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt (дата обращения: 21.09.14).
3. *Toulmin St.E.* An examination of the place of reason in ethics. Cambridge at the university press, 1953.
4. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.
5. *Strawson P.F.* Freedom and resentment // The Determinism and freedom philosophy website. URL: http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm (дата обращения: 21.09.14).
6. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академ. проект, 2000.
7. *Рикер П.* Справедливое. М. : Гнозис ; Логос, 2005.
8. *Perelman Ch.* The idea of justice and the problem of argument. London, 1970.
9. *Johnstone H.* Validity and rhetoric in philosophical argument. An outlook transition. Pensylvania, 1973.
10. *Eemeren F.H. van, Grootendorsta R.* Systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach. Cambridge university press, 2004.
11. *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. London : Duckworth, 1978.
12. *Alexy R.* A Theory of Legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. Oxford : Clarendon Press, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 9 октября 2014 г.

REASONING AND INTERPRETATION IN MAKING MORAL JUDGMENTS

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 56-63. DOI: 10.17223/15617793/389/7

Agafonova Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agaton1810@gmail.com

Keywords: morality; moral responsibility; interpretation; reasoning; condemnation; normativity; legal discourse.

The problem of attributing responsibility, imputation of guilt or encouragement always involves a subject who performs an action. The requirement for the attribution of an action to someone, the identification of the actor and its motivation can be a problem. Definition of the action in terms of morality can also be a problem, but the most difficult task is the search for the criteria of morality as such. It is assumed that the interpretation of an action and the definition of a subject are directly related to the procedure of reasoning. Conversely, the search for the criteria of morality, norms, grounds for reasoning depends on the interpretation of actions and situations. The action can be regarded, on the one hand, as a public event and, on the other hand, it is a list of motives, intentions, goals. Moral philosophy, thus, closely overlaps with the area of social sciences. Moral reasoning is part of the daily communication practice. Reasoning is believed to aim primarily at the continuation of communication and mutual understanding, which suggests agreement on general principles and rules. The communicative nature of reasoning and interlocutors' rationality stand out as the main characteristics of discussion. It is further argued that reasoning and interpretation overlap one another at the crossing of the ascending and descending ways in ethics, that is in the transition from a case to the rule or principle, or in the application of the rule to a particular case. As a rule, the second option (descending) prevails in the construction of moral theories and development of various ethic systems. In this case, the definition and justification of the universal principle as the main moral reason is the immediate task of ethics. This certainly does not preclude the interpretation of the principles themselves and development of a consensus on its interpretation and application. When talking about the ascending from an individual case to the general principle, we face applied ethics. The task of applied ethics is in the clarification and refinement of the normative principles when they come into conflict with a separate incident or situation. Their task is to determine whether the case is covered by a certain rule. We can also say that the problem of the construction of reasoning is to "find" a rule covering a fact which, theoretically, is correctly described. In this case, the fact and the relevant principle must be interpreted. Interpretation is tightly woven into the process of reasoning at the level of logical connection between the premises and the conclusion. In the daily practice moral condemnation is based on the understanding and interpretation of the motives and intentions of the subject who has committed an unjust act. The new interpretation of the facts and arguments that the "condemned" adduces in their own defense can change our view on the situation. In this case, we need some assurance that we are in common practical life where our views on what is acceptable or not acceptable in the community always coincide. We rely on the rules that, supposedly, are not arbitrary. It is the social and communicative nature of morality that involves not only the formal proof of correctness, but also the reasoning aimed at achieving agreement and understanding.

REFERENCES

1. Agafonova E.V., Tarabanov N.A., Kruchinin E.A. The problem of the subject of moral competence: the nature of moral identity as the basis of decision-making. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univeriteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 48-56. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1031&article_id=10401. (Accessed: 21st September 2014). (In Russian).
2. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 1997. Available at: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt. (Accessed: 21st September 2014).
3. Toulmin St.E. *An examination of the place of reason in ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1953.
4. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 p.
5. Strawson P.F. *Freedom and resentment*. The Determinism and freedom philosophy website. Available at: http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm (Accessed: 21st September 2014).
6. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies of moral theory]. Translated from English. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2000. 384 p.
7. Ricoeur P. *Spravedlivoe* [Justice]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos Publ., 2005. 304 p.
8. Perelman Ch. *The idea of justice and the problem of argument*. London: Routledge & Kegan Paul, 1970.
9. Johnstone H. *Validity and rhetoric in philosophical argument. An outlook transition*. Pennsylvania, 1973.
10. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. *Systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
11. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1978.
12. Alexy R. *A Theory of Legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Received: 9 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 64–67 DOI: 10.17223/15617793/389/8

УДК 1.16.165.1

М.В. Гончаренко

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА И ОСНОВАНИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО УМОЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Сформулирована аргументация: аналитическая деятельность познающего субъекта возможна в случае актуализации конкретных форм действительности, условием чего является субъектная сопричастность этой действительности. Дискурс, формирующийся в результате процесса познания, представляет синкретическую модель, архитектоника которой предопределяется онтологией этого дискурса. Синонимизация проблемы предельного обоснования и проблемы логических предпосылок демонстрирует лишь невозможность дальнейшего следования.

Ключевые слова: субъектно-объектные отношения; форма; факт; экзистенциал; дискурс.

Проблема рационального и эмпирического в истории философии актуализировалась неоднократно, определение приоритетности данных факторов всегда зависело от исторически актуальной в данный момент парадигмы. Поэтому не было ничего необычного и в однозначности выбора позитивистской философии второй половины XIX в., который, в свою очередь, и предопределил первый кризис позитивизма. Приведём в этой связи следующее рассуждение Вл. Соловьёва: «В противоположность этому (имеются в виду частные науки. – *М.Г.*) всеобщая наука должна иметь в виду то, что обязательно содержится во всяком опыте, или то, что лежит в основании всего существующего; <…> предмет её необходим и всеобщ безусловно, все её истины представляют внутреннюю необходимость, обязательную для всякого факта и ни от какого факта не зависящую <…> Такая всеобщая наука есть рациональная философия, то есть систематическое умозрение <…> содержащее в себе истины, безусловно всеобщие и необходимые, истины, предполагаемые всяким частным опытом и всякой частной наукой» [1. С. 778, 779]. Итак, необходимость и всеобщность «систематического умозрения» указывает, во-первых, на принципиальную невозможность приоритетности вышеприведённых факторов, во-вторых, на иррациональную природу рациональной философии, так как основания всеобщности рационализма могут быть определены не иначе как посредством религиозного начала: «Оба эти фактора (явления опыта и понятия. – *М.Г.*) нашего познания сами по себе, в своей отвлечённости <…> получают <…> своё истинное значение от третьего, религиозного начала» [Там же. С. 796]. Другими словами, аналитическая деятельность познающего субъекта возможна в случае *актуализации* конкретных форм действительности, обязательным условием чего является субъектная сопричастность этой действительности. Таким образом, систематическое умозрение, сопричастное всеобщим истинам, как рациональная философия, обладает единственным основанием: религиозным началом, опровержение которого, с точки зрения концепции фальсификационизма, не может являться фактором, опровергающим как возможность иррационального основания рациональной философии в частности, так и правомерность концепции целостного знания всеединства в целом. Для подтверждения приведённого вывода воспользуемся историческим примером, внимание на который обратил известный физик В.Л. Гинзбург: «Система Птолемея была, по сути дела, канонизирована церковью и пронизывала всё мировоззрение эпохи; в качестве примера можно указать на то, что “Божественная комедия” Данте (1265–1321) и в особенности её третья часть “Рай” построены по схеме Птолемеевой системы» [2. С. 306]. Следовательно, геоцентрическая система Птолемея как пример научной картины мира и описание Рая Данте как пример художественно-поэтической картины мира имеют общую схему, основанием которой является систематическое умозрение, не обладающее рациональностью, но обусловливающее ее. Парадоксальность данной схемы столь же очевидна, сколь и безвыходна для нас с точки зрения финитности нашего бытия (бытия познающего субъекта). Таким образом, парадоксальность данной проблемы (*иррациональность рациональности*) пребывает в одном ряду с парадоксальностью антиреализма реализма Платона и парадоксальностью феномена времени, описанного Бл. Августином так: «Как же так выходит, что это я знаю (“что есть время”. – *М.Г.*), а что такое само время – не знаю?» [3. С. 208].

Формирование научных представлений (конец XIX – начало XX в.) на основании *изъятия* границ между объектом и субъектом познания является попыткой преодоления позитивистского «тупика» парадоксальности, и точкой отсчёта этого преодоления, безусловно, являются в том числе концепция феноменологии восприятия и концепция всеединства как варианты моделей систематического умозрения.

В очередной раз столкнувшись с проблемой «объективного» знания, научная традиция прибегла к попытке обоснования определённого положения вещей посредством утверждения следующего: «Из структуры теории нельзя узнать, в какой мере она отображает природу; для этого нужна другая теория, непосредственно описывающая природу» [4. С. 79]. При этом дурная бесконечность рассматривается как атрибут прогресса: не имеет значения, что «теорию» и «природу» в каждом конкретном случае необходимо соотносить определённым образом, главное в том, чтобы это было возможно для познающего субъекта. Озадаченность наступает одновременно с осознанием очередной парадоксальной ситуации – невозможности утверждения посредством приведённого алгоритма

той самой «объективности», которой обусловлена вся деятельность *рационального* субъекта познания.

Таким образом, проблема онтологии дискурса – это во многом проблема систематического умозрения. Именно поэтому Вл. Соловьёв аргументирует тождество эмпирико-рационального постулирования (некоторого положения дел) и «ничто»: «То единое, которое есть вместе с тем и всё или содержит в себе всё, что оно существует для нас не как пустая форма только или способ воззрения нашего разума, а в своей собственной безусловной действительности или как истинное сущее» [1. С. 796]. Другими словами, истинное сущее актуально для познающего субъекта не исключительно в аспекте эмпирико-рационального, но последний как раз и возможен как одно из проявлений истинного сущего. Таким образом, дискурс, формирующийся в результате процесса познания, представляет собой определённую синкретическую модель, архитектоника которой предопределяется онтологией этого дискурса.

Возвращаясь к вопросу об экстраполяции знания, возможной на основании феномена «экзистенциала», необходимо отметить следующее. Во-первых, дефектность субъектно-объектных отношений, аргументированная М. Хайдеггером, указывает как на определённого вида взаимодействие, одним из результатов которого является дискурсивная природа (возможного / конституируемого) знания, так и на то, что субъектно-объектное несовпадение и с миром, и с присутствием [5. С. 60] является констатацией некоторого апофатического аспекта конституируемого знания в смысле невозможности получения того, что изначально надо было получить. Во-вторых, форма, с точки зрения вопроса её *понимания / выявления*, приобретает в интерпретации Ж. Деррида феноменологии Э. Гуссерля такие атрибуты [6. С. 198], которые могут свидетельствовать в пользу экзистенциальности дискурса как одного из необходимых оснований онтологии дискурса[1]. Поэтому достаточно важно определиться с аргументацией невозможности рационализации выбора целей в контексте анализа онтологии дискурса.

Итак, в связи с проблемой рационализации целей обратим внимание на утверждение К.-О. Апеля [7. С. 274, 275], в котором констатируется априорная необходимость «критического рационализма» в границе идеи недогматического разума [Там же. С. 275]. Важно отметить, что К.-О. Апель указывает на *отличие* между ценностным аспектом и практическим аспектом деятельности (возможно, в связи с реализацией того или иного плана), но, тем не менее, при этом de facto обнаруживается некоторое *общее* основание, как указывалось выше, – основание невозможности рационального выбора целей как в моральном, так и в практическом измерениях. Из этого следует контекстуальность *рационализации* целеполагания. Другими словами, ни один из типов известного нам дискурса *не обладает* внеконтекстуальной реальностью, т.е. онтология дискурса, конституирующая ретенциально-протенциальный ряд, получающий выражение в предложениях, теориях и т.д., в конечном итоге «отказывает» субъекту познания в *ознакомлении* как со средствами, так и с целями, структурирующими определённым образом его же собственный ретенциально-протенциальный континуальный ряд.

Достаточно интересным с этой точки зрения может быть следующее рассуждение М. Хайдеггера в отношении *упорядочивающего* принципа: «Подлинный принцип порядка имеет своё особое предметное содержание, через упорядочивание никогда не обнаружимое, но в нём уже предполагаемое. Так, для упорядочения образов мира потребна эксплицитная идея мира вообще» [5. С. 52]. Сказать, что, скорее всего, данный тезис М. Хайдеггера утверждает следующее: *не обнаружимое* конституирует *обнаружимое*, означает не сказать ничего, потому что это никак не помогает эксплицировать возможную взаимообусловленность *не обнаружимого* и *обнаружимого*. Дело в том, что смысл концептуального каркаса определяется как минимум каким-то конкретным аспектом *мира*, и если учитывать предложенное М. Хайдеггером «…“мир” сам есть конститутив присутствия» [Там же. С. 52], то следует признать, что «эксплицитная идея мира» – это «термин», определяющий фактическую возможность того или иного концептуального каркаса[2], который собственно и конституирует *обнаружимое*.

Если вернуться в связи с этим к ранее рассмотренному принципу априорности коммуникативного сообщества[3], то целесообразным представляется признать не только то, что понимание *осуществимо* «в духе *трансцендентальной рефлексии*» [7. С. 307], но и то, что данное осуществление всегда фактуально, т.е. трансцендентальная рефлексия артикулирует исключительно какой-то конкретный проблемный континуум (для наглядности можно сослаться на историю, в ходе изучения которой историкам и филологам так и не удалось «повстречаться» с языком, не имеющим денотатов). В этом контексте утверждения М. Хайдеггера относительно эмпиричности факта присутствия [5. С. 56] также отсылают нас к проблеме актуальности вариативного контекстуального множества (как того или иного концептуального каркаса) в пределах единого онто-эпистемологического *поля*: «Понятие фактичности заключает в себе: бытие-в-мире “внутримирного” сущего, именно так, что это сущее может понимать себя как сопряжённое в своём “историческом пути” с бытием сущего, встречного ему внутри его собственного мира» [Там же]. И именно по этой причине попытки «синонимизации» проблемы предельного обоснования и проблемы логических предпосылок [7. С. 308] выглядят несуразно, так как смешение / наложение различных срезов / оснований элементов, конституирующих дискурс, гарантирует исключительно невозможность дальнейшего следования.

Что же это означает с точки зрения возможности концептуального каркаса и с точки зрения понимания / выявления формы (в том числе и концептуального каркаса)? Принимая во внимание фактор *приоритетности* метафизики субъекта познания, можно констатировать следующее: эмпиричность факта присутствия, заявленная М. Хайдеггером, может указывать, прежде всего, на субъектно-объектное «взаимодействие», в результате чего структурируется некоторая фактичность (конкретика факта), которую мы и определяем как *знание*, процесс конституирования

которого разворачивается в дискурсе. Здесь, правда, возникает ещё одна проблема, связанная с таким понятием М. Хайдеггера, как «имение окружающего мира»: «…выражение “человек имеет свой окружающий мир” до тех пор онтологически ничего не говорит, пока это “имеет” остаётся неопределённым. “Имение” по своей возможности фундировано в экзистенциальном устройстве б ы т и я – в. Сущее по сути этим способом, присутствие может эксплицитно открывать встречное сущее окружающего мира <…> *иметь* “мир”. Онтически тривиальные слова “иметь окружающий мир” онтологически проблема» [5. С. 57, 58].

Таким образом, проблема сводится в общих чертах к тому, что онтическая тривиальность указанного утверждения приобретает онтологический характер в аналитическом контексте дискурсивности факта. То есть онто-эпистемологический анализ факта как феномена, утверждающего определённое положение вещей, указывает не только на артикулированность того или иного сегмента **сущего** (как онтический аспект), но и на *принадлежность* данного сущего к ткани **бытия**, что и обусловливает актуальность данного сущего как «имения» для субъекта познания. Следовательно, данная онтологическая проблема («имение окружающего мира»), проявляющая себя посредством вышеописанной трансформации и имеющая отношение к онтологии дискурса, структурно может быть представлена в виде контекстуально «разворачивающейся» импликации того или иного типа дискурса (от бытового до теоретического), основания структурирования которого, естественно, исключены в рамках самого этого дискурса.

Для разъяснения сформулированного выше обратимся к интерпретации различных слоёв метафоры в контексте феноменологии у Ж. Деррида: «Метафора “слоя” <…> включает два скрытых следствия – с одной стороны, желание-сказать основано на чём-то, отличном от него самого <…> усилие, направленное на изоляцию логического “слоя” выражения, сталкивается *сначала не с трудностями своей темы*, а с трудностями своего *высказывания*. Дискурс о *логическом* <…> дискурса застревает в игре метафор» [6. С. 190].

Очевидно, невозможность тождества между основанием желания-сказать и самим высказываемым – это некий «люфт», тем не менее, позволяющий конституирование необходимого смысла. Поэтому анализ логических оснований дискурса (вне метафоры) в каком-то смысле напоминает именно то, что Ж. Деррида называет «высказыванием», которое, соответственно, никак не может способствовать выявлению того, что Ж. Деррида определяет как основание желания-сказать. Возможно, «разворачивающаяся» импликация дискурса как онтологическая проблема отчасти может быть «выраженной» как раз посредством метафоризации. Недоверие к метафоре, очевидно, связано с тем, что субъект познания не уверен в самой возможности «объединения» (хотя бы в *какой-то* форме) того, что **надо сказать**, и того, что **будет сказано** / высказано. Следовательно, учитывая недоверие к метафоре, можно констатировать необходимость в её использовании.

Нельзя в этой связи без внимания оставить утверждение Ж. Деррида, касающееся соотношения дискурсивного и недискурсивного, которое упорядочивается системой конкретного текста [6. С. 191]. Дело в том, что данное утверждение, сделанное в контексте аналитики феноменологии Э. Гуссерля, по сути, отсылает нас к известному утверждению Л. Витгенштейна о не-тождестве бессмыслицы и отсутствия смысла: «Эта текстура тем более оказывается нераспутываемой, что вся она является значащей – *невыразительные нити не остаются без значения*» [6. С. 191], т.е. невыразительное имеет значение, а следовательно, обладает и *каким-то* смыслом. Значит, помимо этого, данное утверждение может быть распространено на любой вид дискурса – любая теория в известном смысле также многослойна, именно поэтому периодически она *пересматривается* «в пользу» новой теории, элиминируя старые проблемы посредством формулирования новой проблемы [8. С. 27], хотя текстура или семантическое поле теории при этом и может сохранять преемственность.

В виду сказанного возникает естественный вопрос по поводу возможных отношений метафоры, позволяющей *высказать* то, что изначально не-совсем предполагалось желанием-сказать, и смыслом элементов, конституирующих дискурс (в том числе и дискурс теоретического знания). Сам Ж. Деррида в этом случае апеллирует к понятию логоса[4], фактически указывая этим на актуальность феномена интерсубъективности, значимость которого с точки зрения априори коммуникативного сообщества сложно переоценить. Но, тем не менее, по Ж. Деррида, среда **логического** выражения упраздняется посредством смысла, что может констатировать приоритетность понятийно-категориального аспекта для субъекта познания, т.е. значение логического конституирования не исключается вообще, а наделяется неприоритетностью значимости в аспекте смыслообразования текстуры или дискурса. Таким образом, *выявляемая* форма *предполагает* смысл.

Возвращаясь к проблеме экзистенциальности дискурса, нельзя игнорировать предположение Ж. Деррида, связанное с независимым постоянством понятий[5], так как роль и значение данных «понятий», *первично* конституирующих текст / дискурс, безусловно, имеют отношение как к пресуппозиции, так и к экзистенциалу, во многом преодолевающему в дискурсе / **тексте** дефектность субъектно-объектных отношений, ибо, как отмечалось выше, ни субъект, ни объект не совпадают ни с миром, ни с присутствием [5. С. 60]. Возможно, именно такое положение дел имел в виду К.-О. Апель, ссылаясь на следующее: «У А. Тарского всё ещё имеется *сформулированная на естественном языке* гипотеза о том, что <…> “сама возможность выражения «истинное предложение», гармонирующее с законами логики и с духом обыденного языка, представляется весьма сомнительной” <…>» [7. С. 311].

Таким образом, пытаясь, с точки зрения возможности предельного обоснования теоретических систем, прояснить порядок следования и взаимоопределённости таких дискурсивных конституэнт, как форма (дискурса), экзистенциал (дискурса), факт / фактичность (дискурса), необходимо отметить: вопрос о «согласованности» с действительностью касается всех типов дискурсов и, соответственно, знаний, в них представленных. Учиты-

вая «эмпиричность» факта и субъектно-объектную *неуместную* дихотомию, по М. Хайдеггеру[6], можно предположить, что экзистенциал как «бытийное присутствие» является одновременно как принципом возможной тематизации сущего (и эмпиричности факта, и теоретических представлений, и догматов, и т.д.), так и способом возможной трансформации сущего посредством трансформации исключительно его смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Причём речь идёт не только о научном дискурсе, как на это указывал в связи с феноменологией Э. Гуссерля Ж. Деррида [6. С. 201], это имеет прямое отношение ко всем типам дискурса.

[2] Здесь следует ещё раз отметить, что концептуальный каркас, являясь атрибутом дискурса как такового, актуален исключительно для любого типа дискурса, так как смысл концептуального каркаса, обусловленный каким-то аспектом мира, может иметь отношение и к теоретическому, и к религиозному, и к мифологическому, и к бытовому дискурсам. Следовательно, таковы условия *возможности* дискурса. Может быть, именно поэтому, рассуждая о значении онтологии для позитивных наук, М. Хайдеггер сделал следующее заключение: «Она (онтология. – *М.Г.*) сама для себя имеет самостоятельное назначение, раз уж вопрос о бытии за рамками ознакомления с сущим остаётся стимулом всякого научного искания» [5. С. 52].

[3] Данный принцип очень хорошо иллюстрирует следующий вывод К.-О. Апеля: «…нечто принципиально не может быть обосновано в силу того, что оно служит условием возможности любого обоснования» [7. С. 307].

[4] «Это недоверие к метафоре проявляется в тот момент, когда необходимым становится новое усложнение анализа…» [6. С. 190].

[5] «Если, в частности, существует независимая история и независимое постоянство понятий – в том виде, в каком они уже вписаны в единственное желание-сказать (если только предположить, что его можно отделить от истории языка и означающих), тогда эти понятия всегда старше смысла и они в свою очередь конституируют определённый текст» [6. С. 197].

[6] «Это внимающее удержание высказывания о… само есть способ бытия-в-мире и не должно интерпретироваться как “процесс”, через который субъект добывает себе представления о чём-то, остающиеся в качестве так усвоенных на хранение “внутри”, так что относительно их потом при случае может возникнуть вопрос, как они “согласуются” с действительностью» [5. С. 62].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьёв В.* Критика отвлечённых начал // Философское начало цельного знания. Минск : Харвест, 1999. 912 с.
2. *Гинзбург В.Л.* Гелиоцентрическая система и общая теория относительности // Эйнштейн и философские проблемы физики XX в. М. : Наука, 1979.
3. *Августин А.* Исповедь. М. : АСТ, 2003. 440 с.
4. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М. : АСТ, 2009. 378 с.
5. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Академ. проект, 2011. 460 с.
6. *Деррида Ж.* Поля философии. М. : Академ. Проект, 2012. 376 с.
7. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
8. *Поппер К.* Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. М. : ЛКИ, 2008. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 сентября 2014 г.

EXISTENTIALITY OF DISCOURSE AND FOUNDATION OF SYSTEMATIC SPECULATION IN THE CONTEXT OF FUNDAMENTAL ONTOLOGY AND THE POSTMODERN TRADITION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 64-67. DOI: 10.17223/15617793/389/8

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: subject-object relationship; form; fact; existential; discourse.

The arguments are formulated: the analytical activity of the cognizer is possible in the case of updating specific forms of reality, a condition of which is subjective connection with this reality. Discourse formed as a result of the cognitive process is a syncretic model, architectonics of which is predetermined by the ontology of this discourse. On this basis, an assumption is made that none of the known types of discourse have extra-contextual reality, that is the ontology of discourse that constitutes the retential-protential series expressed in proposals, theories, etc. finally “refuses” to familiarize the subject of cognition with both the means and the goals which somehow structure their own retential-protential continual series. The synonymization of the problems of limit substantiation and of logic prerequisites only shows the impossibility of further following. The onto-epistemological analysis of the fact as a phenomenon claiming a certain state of things indicates not only the articulation of a segment of things (as an ontic aspect), but also the identity of things in the objective reality, which determines the relevance of things in existence as a “have” for the cognizer. Therefore, this ontological problem (“having the world’’) which proves itself through the above transformation and is relevant to the ontology of discourse can be structurally represented as a contextually “unfolding” implication of any type of discourse (from everyday life to theoretical). Naturally, the bases of discourse structuring are excluded within this discourse. Distrust to the metaphor is obviously due to the fact that the cognizer is not confident in the possibility of “unification” (at least in any form) of what must be said and what will be said / expressed. Considering distrust to the metaphor, it is possible to state the need in its use. Considering the “empiricalness” of the fact and the subject-object inappropriate dichotomy, according to M. Heidegger, we can assume that the existential as “existential presence” is both the principle of the possible thematization of things (empiricalness of facts, theoretical concepts, dogmas, etc.) and the way of possible transformation of things by transforming their meanings solely.

REFERENCES

1. Solovyov V. *Filosofskiye nachala tsel’nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Minsk: Kharvest Publ., 1999. 912 p.
2. Ginzburg V.L. *Geliotsentricheskaya sistema i obshchaya teoriya otnositel’nosti* [Heliocentric system and the general theory of relativity]. In: *Eynshteyn i filosofskie problemy fiziki XX v.* [Einstein and philosophical problems of physics of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 1979.
3. Augustine A. *Ispoved’* [Confessions]. Moscow: AST Publ., 2003. 440 p.
4. Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a free society]. Moscow: AST Publ., 2009. 378 p.
5. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2011. 460 p.
6. Derrida J. *Polya filosofii* [Philosophy fields]. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2012. 376 p.
7. Apel K.-O. *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Moscow: Logos Publ., 2001. 344 p.
8. Popper K. *Znanie i psikhofizicheskaya problema. V zashchitu vzaimodeystviya* [Knowledge and psychophysical problem. In defense of interaction]. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p.

Received: 26 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 68–72 DOI: 10.17223/15617793/389/9

УДК 316

О.В. Каштанова

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА «ОДИНОЧЕСТВО»

В настоящее время интерес к феномену социального одиночества вполне естествен. Его можно считать серьезной социальной проблемой, способной повлиять на уровень межличностных отношений в обществе и на саму сущность человека. Многие используют данное понятие, но мало кто задумывается об особенностях его возникновения и возможностях использования. Следовательно, актуальным считается выяснение специфики его появления и анализ особенностей его употребления в языках разных народов и со схожими по смыслу словами и выражениями.

Ключевые слова: одиночество; одиночный; единичный; единомыслие; затворничество.

Каждый, слыша слово «одиночество», знает, о чем идет речь, или, по крайней мере, думает, что знает. Одно поколение передает это слово другому как некий символ, ценность и образ которого никто не оспаривает и не ставит под сомнение. Если один произносит слово «одиночество», а другой его слышит, то они сразу понимают друг друга. Естественным в данном случае считается вопрос о степени их единодушия при его обсуждении и трактовке.

Одиночество нельзя видеть и осязать, воспринимать органами чувств. Не стоит понимать его и как некое явление, одинаково представленное в любую историческую эпоху, для которого можно применять равнозначные понятия и определения. Следовательно, об одиночестве нельзя сказать, что оно существует и является действительным в той мере, в какой это можно сказать об одиноко проживающих людях, отнесенных обывателями к данной категории лишь по признаку наличия или отсутствия кого-либо рядом. Допущение «вольностей» в понимании данного явления отражается в последующем на неправильной трактовке понятия одиночества и схожих с ним понятий и выражений, что приводит к еще большему искажению смысла и неверному познанию сути данного явления. Избежать подобного возможно лишь в процессе определения истинного его значения, которое, несомненно, будет способствовать всестороннему рассмотрению его сути и особенностей. Для этого обратимся к толковым словарям и проведем терминологический анализ слова «одиночество».

Согласно словообразовательному словарю под редакцией А.Н. Тихонова [1. С. 318, 319] в основе образования существительного «одиночество» лежит местоимение «один».

«Один» впервые встречается в греческом и латинском языках, символизирует первичную цельность, основу и источник жизни. В представлении пифагорейцев означает первичный пункт любого исчисления, первоначальную сущность, нечто неделимое, из которого произошло все сущее. Впоследствии в различных философских учениях оно стало обозначать основополагающие элементы бытия.

В данных языках упоминаемое местоимение легло в основу образования прилагательных «одинокий» и «одиночный», стало причиной появления слов и выражений, призванных описать их специфичность и отличие при употреблении в речи.

В латинском и греческом языках [2. С. 442; 3. С. 12] слово «одиночный» используют для характеристики отдельно стоящих, единичных, единственных в своем роде, исключительных предметов и людей, тогда как «одинокий» – для описания покинутых, пустынных и безлюдных мест, необщительных и склонных к одиночеству людей.

«Одиночество» образовано ввиду языковых изменений, в ходе которых данные прилагательные преобразовались в существительные, характеризующие не столько самого человека, сколько степень его близости с другими. Так, в латинском языке одиночество – это состояние запустения, опустошенности, в греческом – отлучения, изоляции. Следовательно, всестороннее описание одиночества не может быть отделено от познания специфичности слов «один», «одинокий», «одиночный». Их понимание вошло в обиход и прочно закрепилось в языках разных народов. К примеру, во французском языке слова «одинокий» и «одиночный» выражаются словами «solitaire» и «unique», а «одиночество» – словом «solitude», в немецком соответственно словами «einsam», «single» и «einsamkeit», в испанском – словами «solitario», «solo» и «soledad», в шведском – «ensam», «single» и «ensamhet» и т.д. Таким образом, в европейских языках «одинокий» и «одиночество» имеют единую основу и выражают общий смысл, тогда как «одиночный» стоит в стороне и лишь косвенно может быть отнесено в предложенную для изучения группу слов.

В.В. Виноградов [4. С. 29] считает, что «одиночество» появилось в древнерусском письменном языке XI–XII вв. под влиянием старославянских моделей и упоминается в произведениях того времени [5].

Общая схема образования слов в русском языке такова: «один» – «одинехонек», «одинешенек», «одиночный», «одинокий». Последнее, в свою очередь, служит основой образования существительных «одиночка» и «одиночество».

Сопоставим и охарактеризуем слова «одинокий», «одиночество» и «одиночка». И.И. Срезневский утверждает, что «одиночество» есть синоним «уединения» [6. С. 614–616]. Позднее к этому утверждению приходят и другие исследователи. При переводе «Повести временных лет» вместо слова «одиночество» они употребляют понятия «затворничество» и «монашество» [7].

В документах XV–XVII вв. [8] встречаются слова «одиначение», «одиначество» (в значении «проживание в одиночестве, без семьи и близких, без помощников»), «одинакий», «одинецъ», «одинцовый», «одинчик», «одиный», «одиначитися», «одинако»,

«одиначный» (в значении: одиночный, отдельный, не разделенный на части; стоящий особняком; бессемейный), «одинокий», «одиночный», «одиночество». «Одиначество» и «одиночество», «одинакий» и «одинокий» понимаются как синонимы. К примеру, в «Соборном уложении царя Василия Шуйского о крестьянах и холопах» слово «одинакий» используется в значении одиночного, находящегося отдельно от других, одинокого, бессемейного, живущего бобылем, без детей [9. С. 589].

В словарях XI–XIX вв. «одиночество» представлено как «состояние одинокого, бессемейного, удаленного от общества человека; состояние приобретенное, не полученное при рождении» [10. С. 277–284; 11. С. 618; 12. С. 216].

Исключение составляют некоторые летописные сборники, в которых слова «одиначество» и «одиначиться» употребляются в значении «согласие», «соглашение», «единение», «союз», а «одиный» как «общий», «единый», «составляющий одно целое», «нераздельный» [6. С. 8].

Подобное несоответствие можно встретить и в ряде источников более позднего периода, в которых нашли отражение стилистические изменения. Начиная с 1847 г. употребляемые слова «одинакий», «одиначка», «одиначный» стали признаваться общелитературными и их значения обособились от «одинокий», «одиночка», «одиночный», «одинехонек», «одинешенек», «одиночествовать», «одиночиться». Трактовка понятий «одиночество» и «одиначество» стала различаться. Последнее начало употребляться в значении «единомыслия»; «взаимного соглашения, замысла», тогда как «одиночество» – как состояние одинокого, проживающего или находящегося отдельно от других.

В толковом словаре В.И. Даля [13. С. 1229–1231] одинокий охарактеризован как обособленный и живущий уединенно человек, прячущийся от людей. Он намеренно ищет одиночества, живет одиноковато, т.е. скучновато, безлюдно. Состояние одинакого человека – общность, тогда как одинокого – отдельность, одиночность, обособленность, скрытость и разрозненность.

В словарях под редакцией Д.Н. Ушакова [14. С. 761, 762], С.А. Кузнецова [15. С. 700, 701], Д.В. Дмитриева и В.В. Лопатина [16. С. 746–748; 17. С. 321] одинокий – человек, отчуждающий себя от общества и от общественных интересов, отделенный от других, чуждый им, изолированный и замкнутый.

Постепенно к анализу слов «одиночество» и «одинокий» добавилось сопоставление их значений со смыслом других понятий. Синонимами стали признаваться «одиночество» и «отчуждение» – встречается в толковых словарях под ред. В.И. Даля, С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Д. Н. Ушакова, З.Е. Александровой и Т.Ф. Ефремовой; «одиночество» и «уединение» – в словарях под ред. Н.К. Абрамова, К.В. Габучана, С.А. Кузнецова, В.В. Лопатина, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.; «одиночество» и «сиротливость», «сиротство» – в словаре З.Е. Александровой; «одиночество» и «отшельничество», «затворничество» – в толково-понятийном словаре А.А. Шушкова; «одиночество», «одиночная камера», «изоляция» – в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.; «одинокий», «одиный», «единый» и «единение» – в словообразовательных словарях А.Н. Тихонова, Г.П. Цыганенко; «одиночество», «одинокий», «одиночный» и «одиночка» – в словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой.

В толковом словаре под ред. Л.И. Скворцова [18. С. 518] также даются определения вышеназванных слов, утверждается, что их не нужно объединять в единое целое, а стоит разводить и использовать отдельно. «Одиночный», «одинокий», «одинокость» и «одиночка» – понятия, характеризующие что-либо, свойственное одному или предназначенное для одного; что-либо отдельное, обособленное. Их значения, хотя и предполагают отсутствие кого-либо рядом, но не способны передать эмоциональный аспект утраты, всего того, что может пережить одинокий.

Следовательно, необходимо выявить саму возможность передачи данными словами подобных аспектов. Для этого обратимся к междисциплинарным словарям (утверждения получены в ходе анализа статей, размещенных в российских философских, психологических, социологических и педагогических словарях. Основной критерий отбора – наличие термина в издании. Выборку составили 412 словарей и энциклопедических изданий. Лишь в 21-м словаре дается определение слова «одиночество») и выделен ряд определений «одиночества», трактовка которых, как правило, осуществляется в рамках психологического, социального и философского дискурсов. Отметим при этом тот факт, что при его формулировке авторы в какой-то степени подвергаются:

– стереотипному восприятию действительности (например, в рамках психологического дискурса описание одиночества, как правило, связано с внутриличностными переживаниями и состоянием неудовлетворенности);

– влиянию направления исследования (например, в социологии одиночество часто характеризуется в рамках «дисбаланса», возникающего при межличностном и межгрупповом взаимодействии);

– соблазну субъективной оценки и описания одиночества (как это часто происходит в ряде работ, в которых описание рассматриваемого явления основывается отчасти и на личном субъективном опыте, зачастую негативном, что не дозволительно) и т.д.

Так, психологический дискурс повествует не сколько о самом одиночестве, сколько о неких возможных серьезных психологических отклонениях, способных возникнуть ввиду ограничения, а в ряде случаев и лишения человека значимых связей и отношений, дискомфорта и эмоциональных переживаний, полного погружения в самого себя. Среди определений выделим такие, как:

1. Состояние человека, возникающее ввиду вынужденной внешней и внутренней отдаленности от других людей, долгой и практически абсолютной социально-коммуникативной изоляции [19]. Последняя есть нехватка полноценного, доверительного общения ввиду нарушения, разрыва или отсутствия значимых социальных связей и отношений личности.

2. Обездоленность личности ввиду возникшего жизненного дискомфорта [20. С. 423, 424].

3. Субъективное, сугубо индивидуальное чувство [21] полной погруженности в самого себя, эмоциональное переживание. Сопровождается осознанием неудовлетворения субъективно значимой потребности в общении со значимыми другими, способной привести к отчуждению и серьезным психическим отклонениям.

4. Деструктивная форма самовосприятия, способствующая построению одиноким человеком различного рода барьеров и интерпретации своего существующего положения как катастрофы [22. С. 867, 868].

5. Акт самосознания индивида, в ходе которого он осознает, чувствует и оценивает состояние собственной неудовлетворенности, вызывающее у него возмущение и интерпретируемое им как одиночество.

Философский дискурс представляет одиночество как естественный, осознанный выбор [23. С. 88, 89; 24. С. 183], необходимый человеку для познания собственной независимости, для выполнения серьезной работы. Обладание им важно настолько, что при утрате заменяется лишь страданием.

В социальном плане рассуждения об одиночестве сводятся к анализу социальных условий, при которых разрушение социальных связей и отношений приводит к осознанию разобщенности, протесту, «бегству от действительности» и «внутренней эмиграции»:

1. Естественное следствие негативных социальных потрясений, состояние, предполагающее отдаленность от других, но не всегда физическую отдельность от них. В данном контексте рассматриваемое понятие как бы условно «отделяется» от терминов «одиночка» и «одинокий» [25. С. 320].

2. Следствие влияния социальных преобразований как на общество в целом, так и на отдельного человека в конкретный исторический промежуток времени, под влиянием определенных социальных условий. Состояние, принявшее на индивидуальном уровне форму физической отстраненности, а в ряде случаев – изоляции с элементами морального дискомфорта и тягостных переживаний.

3. Социальное явление, характеризующее частоту и интенсивность социального взаимодействия, «крепость» социальных связей человека с другими членами общества.

4. Ощущение человека, явление социального порядка и проблема, получившая широкое распространение в современном мире. Оно существенно изменило систему социальных связей, заменив непосредственное общение людей различного рода суррогатами (например, опосредованным общением через Интернет).

5. Оно есть результат отсутствия доступного круга общения и чувства общности [26], значимых дружеских и любовных связей; наличия каких-либо физических недостатков, инвалидности [23. С. 88, 89].

Подводя итог всему сказанному выше, отметим следующее. Анализ представленных в словарях характеристик, как самого одиночества, так и схожих понятий, позволил понять специфичность изучаемого явления и ту суть, которую оно в себе несет. Несомненно, все наши рассуждения об одиночестве сводятся преимущественно к логическим обобщениям. Однако именно последние, а также наблюдение за подобными людьми, их действиями и поступками позволили автору сформулировать определение, которое в дальнейшем может быть успешно апробировано на практике. В частности, на наш взгляд, социальное одиночество есть своеобразный социальный регулятор, воспроизводимый обществом для поддержания некоторого постоянства либо изменчивости отношений в обществе, способствующий прогрессивному или регрессивному развитию в определенное время и на некотором пространстве. Вследствие сказанного одиноким в обществе становится человек, чьи взгляды и поведение идут вразрез с общепринятыми убеждениями. У него возникают «проблемы» в отношениях между людьми (недоверие к людям, отсутствие чувства общности, значимых дружеских и любовных связей), приводящие к двойственному состоянию осознанного выбора и вынужденного пребывания вне желаемого социального окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихонов А.Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. М. : Культура и традиции, 1996. 576 с.
2. *Сальнова А.В.* Греческо-русский и русско-греческий словарь. М. : Рус. яз., 2000. 586 с.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1976. 1096 с.
4. *Виноградов В.В.* История слов / РАН. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М. : РАН, 1999. 1139 с.
5. *Повесть* временных лет / под ред. В.И. Адриановой-Перетц. М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1950. Ч. 2. 405 с.
6. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1902. Т. 2. 1802 с.
7. *Библиотека* литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 1 : XI–XII века. URL: http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid= 4863 (дата обращения: 11.01.2013).
8. *Летопись* по Воскресенскому списку. Продолжение. Т. 8 // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб. : Типография Э. Праца, 1859. 312 с.
9. *Соборное* уложение царя Василия Шуйского о крестьянах и холопах // Памятники русского права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 633 с.
10. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / под ред. Г.Я. Романова. М. : Наука, 1987. Вып. 12. 386 с.
11. *Словарь* Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. 639 с.
12. *Словарь* Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 4. 770 с.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М. : Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. Ч. 2. 1351 с.
14. *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 : Л – Ояловеть / под ред. Д.Н. Ушакова ; сост. В.В. Виноградов и др. М. : Астрель: АСТ, 2000. 1040 с.
15. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1534 с.

16. *Толковый* словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель: АСТ, 2003. 1582 с.
17. *Лопатин В.В.* Малый толковый словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1993. 704 с.
18. *Скворцов Л.И.* Большой толковый словарь правильной русской речи. М. : Оникс ; Мир и образование, 2009. 1101 с.
19. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры: Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. 937 с.
20. *Психологический* словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. М. : ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
21. *Психология* общения : энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. М. : Когито-Центр, 2011. URL: http://vocabulary.ru/dictionary/1095 (дата обращения: 10.01.2013).
22. *Психологическая* энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
23. *Словарь-справочник* по социальной геронтологии. Самара : Самар. ун-т, 2003. 208 с.
24. *Рассел Б.* Философский словарь разума, материи, морали / пер. с англ. К. : Port-Royal, 1996. 368 с.
25. *Курицына О.В.* Социальный аспект одиночества // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 320–324.
26. *Медведева Е.С.* Словарь терминов по теории социальной работы. URL: http://voluntary.ru /dictionary/853 (дата обращения: 10.01.2013).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 20 ноября 2014 г.

THE TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE WORD "LONELINESS"

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 68-72. DOI: 10.17223/15617793/389/9

Kashtanova Olga B. Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: olgak2002@rambler.ru

Keywords: lonely; single; singular; shared vision; retreat.

The paper presents a terminological analysis of the word "loneliness". The period and place of the first mention of the word in the Russian language are identified. Documents of the 11th – 17th centuries and dictionaries of the Russian language of the 11th – 19th centuries are analyzed; the peculiarities of the use of words "odinachestvo" and "loneliness" and changes in their meanings since 1847 are described. 412 dictionaries on psychology, sociology, philosophy and pedagogy were analyzed. Only 5 % of the dictionaries showed interest in the interpretation of the word "loneliness". The differences in the definitions of the word "loneliness" by sciences were studied. Interpretation of the phenomenon under study is presented in historical and chronological order and the philosophical and psychological approaches to loneliness are analyzed. The categories "lonely person" and "individualist" were classified and compared. Interdisciplinary dictionaries distinguish the following definitions of "loneliness": 1. A human condition that occurs due to a forced internal and external distance from other people, long and almost absolute social and communicative isolation. The latter is the lack of a full-fledged, trusted communication due to the breach, break or lack of important social connections and relationships of a person. 2. A feeling of a person, a social phenomenon and a common problem in the world today. It has changed the system of social relations replacing direct communication between people by different kinds of surrogates (e.g., mediated communication via the Internet). 3. A form of conscious or unconscious protest, "escape from reality" and "inner emigration". It is a result of the lack of an accessible range of communication and a sense of community, significant friendships and love affairs, the presence of any physical defects, disability. 4. A natural, conscious choice necessary for the person to learn independence, to carry out serious work. Having the choice is so important that its loss is only replaced by suffering. 5. A person's deprivation due to the discomfort of living. 6. A subjective, purely personal feeling of complete immersion in oneself, an emotional experience accompanied by the awareness of dissatisfaction with the subjectively significant need in communication with significant others that can lead to alienation and serious mental disorders. 7. A natural consequence of the negative social upheaval, a state which implies separation from others, but not always physical. In this context the notion is conditionally "separated" from the terms "individualist" and "lonely". 8. A consequence of the influence of social change on society as a whole and on the individual in a particular historical period, under the influence of certain social conditions. A state expressed in the physical form of alienation on an individual level and, in some cases, in the insulation withe elements of moral discomfort and painful experiences. 9. A social phenomenon that characterizes the frequency and intensity of social interaction, "strength" of social ties with other members of human society. 10. An act of self-consciousness of the individual in the course of which s/he is aware, feels and assesses the state of their own dissatisfaction, which causes outrage interpreted as loneliness.

REFERENCES

1. Tikhonov A.N. *Shkol'nyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [School derivational dictionary of the Russian language]. Moscow: Kul'tura i traditsii Publ., 1996. 576 p.
2. Sal'nova A.V. *Grechesko-russkiy i russko-grecheskiy slovar'* [Greek-Russian and Russian-Greek dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 2000. 586 p.
3. Dvoretskiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1976. 1096 p.
4. Vinogradov V.V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: RAS Publ., 1999. 1139 p.
5. Adrianova-Peretts V.I. (ed.) *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1950. Pt. 2, 405 p.
6. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionaryof the ancient Russian language from the written monuments]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1902. Vol. 2, 1802 p.
7. Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. (eds.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus Literature]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1997. Vol. 1. Available at: http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid= 4863. (Accessed: 11th January 2013).
8. *Letopis' po Voskresenskomu spisku. Prodolzhenie* [Annals of the Resurrection list. Continued]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa Publ., 1859. Vol. 8, 312 p.
9. *Sobornoe ulozhenie tsarya Vasiliya Shuyskogo o krest'yanakh i kholopakh* [Council Code of Tsar Vasily Shuysky on the peasants and slaves]. In: Cherepnin L.V. (ed.) *Pamyatniki russkogo prava perioda ukrepleniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv.* [Monuments of Russian law of the period of strengthening of the Russian centralized state in the 15th-17th centuries]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit. Publ., 1956. 633 p.
10. Romanov G.Ya. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th-17th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1987. Issue 12, 386 p.
11. *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1793. Pt. 4, 639 p.
12. *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy* [Dictionary of the Russian Academy in the alphabetical order]. St. Petersburg, 1822. Pt. 4, 770 p.

13. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivago velikorusskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov Publ., 1865. Pt. 2, 1351 p.
14. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Moscow: Astrel': AST Publ., 2000. 1040 p.
15. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1534 p.
16. Dmitriev D.V. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: Astrel': AST Publ., 2003. 1582 p.
17. Lopatin V.V. *Malyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Small Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1993. 704 p.
18. Skvortsov L.I. *Bol'shoy tolkovyy slovar' pravil'noy russkoy rechi* [Great Dictionary of the correct Russian speech]. Moscow: Oniks; Mir i obrazovanie Publ., 2009. 1101 p.
19. Bezrukova V.S. *Osnovy dukhovnoy kul'tury: Entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga* [Basics of Spiritual Culture: Encyclopedic Dictionary of the teacher]. Ekaterinburg, 2000. 937 p.
20. Gurevich P.S. (ed.) *Psikhologicheskiy slovar'* [Dictionary of Psychology]. Moscow: OLMA Media Grupp, OLMA PRESS Obrazovanie Publ., 2007. 800 p.
21. Bodalev A.A. (ed.) *Psikhologiya obshcheniya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Psychology of communication: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2011. Available at: http://vocabulary.ru/dictionary/1095. (Accessed: 10th January 2013).
22. Korsini R., Auerbakh A. (eds.) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological encyclopedia]. St. Petersburg: Piter Publ., 2006. 1096 p.
23. *Slovar'-spravochnik po sotsial'noy gerontologii* [Dictionary of Social Gerontology]. Samara: Samara University Publ., 2003. 208 p.
24. Russel B. *Filosofskiy slovar' razuma, materii, morali* [Philosophical dictionary of reason, matter and moral]. Translated from English. Kiev: Port-Royal Publ., 1996. 368 p.
25. Kuritsyna O.V. Sotsial'nyy aspekt odinochestva [The social aspect of loneliness]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2010, no. 3, pp. 320-324.
26. Medvedeva E.S. *Slovar' terminov po teorii sotsial'noy raboty* [Glossary of social work theory]. Available at: http://voluntary.ru /dictionary/853. (Accessed: 10th January 2013).

Received: 20 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81 DOI: 10.17223/15617793/389/10

УДК 001.89

Г.В. Можаева, П.Н. Можаева-Ренья, В.А. Сербин

ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ИНФРАСТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-03-00659 «Гуманитарные науки в эпоху цифровых технологий: от отраслевой информатики к цифровым гуманитарным наукам».

Представлены результаты анализа организационных форм и инфраструктуры исследований в области цифровой гуманитаристики в ведущих мировых центрах. Для представления результатов модельно применены прикладные методы цифровых гуманитарных наук. Анализ проведен по 323 структурам «Digital Humanities». Для каждого центра составлено описание, включающее название, краткое описание деятельности, дату создания, адрес, имя и контакты руководителя, ссылку на веб-сайт центра. Описаны основные инструменты создания интерактивной карты «Мировые центры Digital Humanities». Выявлены основные направления деятельности исследованных центров.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика; инфраструктура исследований; интерактивная карта; центры цифровых гуманитарных наук.

Информационная эпоха предъявляет новые требования к системе гуманитарного знания и оказывает значительное влияние на гуманитарные науки, расширяя доступ к материалам для исследования, обеспечивая ученым широкие возможности для сотрудничества, открывая целый ряд новых исследовательских методов. Одним из стремительно развивающихся направлений гуманитарных наук в последнее десятилетие стала «цифровая гуманитаристика» («цифровые гуманитарные науки», «Digital Humanities»), которая представляет собой междисциплинарную область исследований, объединяющую методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных и социокультурных исследованиях и образовании. Это междисциплинарное направление в развитии гуманитарных наук, участники которого представляют собой новое поколение исследователей в социально-гуманитарной сфере, которое объединяет специалистов в области гуманитарных и социальных наук, одновременно способных применять методы, понятия и технологии информатики.

Наряду с термином «Digital Humanities» широкое распространение получил ряд терминов, также отражающих современный этап развития гуманитарных наук: e-Humanities, e-Science, e-History, гуманитарная информатика и др. При этом в новых смыслах все большее значение имеет гуманитарное содержание знания, а не только компьютерные технологии, которые ранее отражались в терминах «Computing in the Humanities», «Humanities Computing» и составляли основу развития так называемых отраслевых информатик, в рамках которых нарабатывался опыт применения компьютерных технологий в различных отраслях гуманитарного знания.

«Digital Humanities» устраняет перекос в сторону прикладных исследований, основанных на практическом применении информационных технологий в социально-гуманитарных науках, в сторону предпочтения логики средств перед логикой содержания гуманитарных исследований, что было необходимо на начальном этапе информатизации в гуманитарных науках, способствовало развитию самих гуманитарных наук и наблюдалось в развитии любой «отраслевой» информатики.

«Digital Humanities» – это естественное продолжение и расширение традиционной сферы гуманитарных наук, а не замена или отказ от традиционных гуманитарных запросов. По мнению специалистов Калифорнийского университета UCLA, цифровые гуманитарные науки интерпретируют культурное и социальное влияние основных компонентов новой информационной эпохи – новых медиа- и информационных технологий, а также создают и применяют эти технологии, чтобы ответить на традиционные и рожденные новой эпохой культурные, социальные, исторические и филологические вопросы. «Роль гуманитариев крайне важна в этот исторический момент, так как наше культурное наследие мигрировало в цифровые форматы и наше отношение к знаниям, культурному материалу, технологии и обществу радикально изменилось» [1].

Встретить «Digital Humanities» сегодня можно практически во всех ведущих университетах США, Канады, Австралии, Голландии, Великобритании и др. Приведем лишь некоторые примеры.

В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA – University of California, Los Angeles) функционируют шесть ключевых центров и институтов поддержки «Digital Humanities»: Центр цифровых гуманитарных наук (Center for Digital Humanities), Академический технологический сервисный центр (Academic Technology Services), Эмпирический технологический центр (the Experiential Technologies Center), Институт цифровой науки и образования (the Institute for Digital Research and Education), Библиотека Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (the UCLA Library), Лаборатория цифрового культурного наследия (the Ahamanson Laboratory for Digital Cultural Heritage) [2].

Одним из международных лидеров применения технологий в искусстве, гуманитарных и социальных науках является факультет цифровых гуманитарных наук (The Department of Digital Humanities) в Школе искусств и гуманитарных наук Королевского колле-

джа в Лондоне (The School of Arts and Humanities at King's College London) [3]. Факультет входит в Центр электронных исследований (The Centre for e-Research), ориентируется на изучение возможностей вычислительных методов для искусства и гуманитарных наук с целью проектирования и построения специализированных приложений (например, для поиска и сбора информации из интернет-изданий) и осуществляет подготовку по различным магистерским программам в области цифровой культуры и общества, а также по программе PhD, считающейся первой в своем роде программой в мире в области «Digital Humanities».

Цифровая сеть гуманитарных наук в Кэмбридже (The Cambridge Digital Humanities Network) создана в мае 2011 г. как объединение исследователей, заинтересованных не только в использовании цифровых инструментов, но и в изучении результатов их применения, влияния на трансформацию процессов познания в области гуманитарных и социальных наук. Участники сети полагают, что распространение цифровых технологий открывает новые области исследования и порождает такие вопросы, которые нарушают традиционные дисциплинарные границы [4]. Сеть утверждена в качестве стратегической Комитетом по исследовательской политике университета.

Наиболее крупным мировым центром цифровых гуманитарных наук является австралийская ассоциация The Australasian Association for Digital Humanities Inc (aaDH), объединяющая организации Великобритании, Японии, Европы, США и Канады и организованная на базе Австралийского национального университета (Australian National University). Главная цель ассоциации – создание площадки для совместной работы единомышленников в области «Digital Humanities», для усиления и развития данного направления. Ассоциация организует различные мероприятия (конференции, симпозиумы, школы в области «Digital Humanities»), оказывает финансовую поддержку студентам и молодым ученым, курирует выпуск специализированных изданий на региональном, национальном и международном уровнях [5].

Стремительное развитие «Digital Humanities» сопровождается появлением многочисленных научно-образовательных структур, которые позиционируют свое отношение к этому направлению и требуют систематизации в целях понимания особенностей и перспектив развития как «Digital Humanities», так и гуманитарных наук в целом. Одновременно растет количество исследований, посвященных различным аспектам развития цифровых гуманитарных наук, наблюдается консолидация и самоорганизация исследователей в рамках «Digital Humanities», «идет выработка общих принципов, методов, научного цифрового инструментария» [6. С. 14–16].

Движение в этом направлении наблюдается и в России. Так, в рамках Ассоциации «История и компьютер» (АИК) обозначился устойчивый интерес российских исследователей к новому направлению, что отразилось, в частности, в программе недавней Международной конференции «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы» (Москва, 3–5 октября 2014 г.), в рамках которой проблемы и перспективы «Digital Humanities» обсуждались на пленарном заседании в докладе профессора К. Шурера (Лестерский ун-т, Великобритания) «История и компьютер или цифровая гуманитаристика? Какой путь в будущее?» [7], во время Круглого стола «Digital Humanities: дискуссионные вопросы», на секции «Методологические проблемы исторической информатики».

Это происходит не случайно, поскольку многие из перспективных для цифровых гуманитарных наук исследовательские траектории уже получили развитие как в рамках АИК, так и в ряде российских университетов. В Национальном исследовательском Томском государственном университете, например, ведутся исследования в области гуманитарной и исторической информатики, компьютерной лингвистики, электронного книгоиздания, создания и сохранности цифровых документов, реконструкции археологических памятников и др., результаты которых могут внести существенный вклад в развитие не только данного направления, но и гуманитарных наук в целом.

Как и всякое новое направление, «Digital Humanities» привлекает к себе внимание многих современных исследователей, которые все чаще говорят об особенностях и перспективах развития цифровых гуманитарных наук.

Анализ современного состояния междисциплинарной области «Digital humanities» в своей работе «Дискуссии вокруг Digital Humanities» сделал профессор отделения «Информационные технологии в историко-культурных исследованиях» Кельнского университета (Германия) Манфред Таллер, увидевший «опасности» в развитии цифровых гуманитарных наук: акцент на инфраструктуру исследований в ущерб аналитическим методам и инструментам; сужение возможностей «Digital Humanities» до применения информационных технологий в отдельных областях гуманитарных наук; угроза, исходящая от надвигающейся «мобильной революции», которая может привести к «повторению разрушительного процесса, происходившего в ходе ПК- и интернет-революций»; потенциальная возможность для «Digital Humanities» «сыграть более активную роль не только в восприятии технологий, но и в их развитии» [8. С. 5–13].

М. Таллер условно разделил сферу «Digital Humanities» на основные области, связанные, в том числе, с 1) анализом текста посредством применения различных компьютерных средств от индексирования до формализованного определения авторского стиля; 2) использованием текстов или образов для получения новой информации («фактов») и дальнейшего анализа совокупности этих «фактов» (базы данных, методы статистического анализа, географические информационные системы, геопространственное моделирование и др.) в истории, антропологии, археологии, истории искусства, где рассматриваются социальные явления или материальные объекты; 3) нетекстовыми ресурсами, включая оцифровку больших коллекций изображений, управление ими, использование трехмерных моделей артефактов, визуализацию поиско-

вых запросов в базах данных. Отвечая на вопрос, являются ли «Digital Humanities» просто потребителями разработок в сфере технологий или они способны влиять на дальнейшее развитие самих технологий, М. Таллер отмечает важность того, «чтобы концептуальные решения об использовании новых технологий в гуманитарных науках определялись концепциями гуманитарных наук» [8. С. 5–13].

Своеобразной попыткой системно изложить представление о содержании, проблемах и перспективах развития цифровых гуманитарных наук стал «Манифест Digital Humanities», опубликованный в мае 2010 г. Марин Дакос, профессором истории, директором Центра открытых электронных изданий (Франция). В Манифесте подчеркивается, что цифровые методы исследований имеют значение для всех гуманитарных наук и опираются на научные парадигмы, накопленные каждой из соответствующих научных дисциплин, используя инструменты и перспективы, открывшиеся благодаря цифровым технологиям. «Цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинарны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук». По мнению авторов Манифеста, курсы по «Digital Humanities» должны быть включены в учебные программы по гуманитарным и общественным специальностям, литературе и искусству [9].

На исследование современных тенденций развития гуманитарных наук, объединяемых «Digital Humanities», направлен поддержанный в 2014 г. РГНФ проект «Гуманитарные науки в эпоху цифровых технологий: от отраслевой информатики к цифровым гуманитарным наукам».

«Digital Humanities» рассматривается в работе как междисциплинарная область исследований, объединяющая методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий в гуманитарных науках и образовании.

Основные задачи проекта состоят в изучении организационных форм и инфраструктуры исследований в области «Digital Humanities» в ведущих мировых центрах, анализе ключевых направлений в развитии «Digital Humanities», выявлении новых инструментов, исследовательских методов и технологий как основы расширения гуманитарных наук, определении вектора развития «Digital Humanities».

В настоящее время завершен сбор эмпирического материала, проведена его верификация, изучены организационные формы и инфраструктура исследований в области «Digital Humanities» в ведущих мировых центрах.

Поиск информации о центрах «Digital Humanities» проводился в сети Интернет, где сегодня размещены сотни специализированных веб-страниц, аккаунтов в социальных сетях и социальных медиа, посвященных «Digital Humanities», ряд специальных статей, книг, периодических изданий (например, журналы «Digital Humanities» Quarterly» [10], «Journal of Digital Humanities» [11]), серии публикаций, объединенные в исследовательские проекты (например, издания проекта Мичиганского университета [12]). На сайте ««Digital Humanities» Now» публикуются подробные обзоры и новости проектов и ресурсов в стиле «Digital Humanities» [13]. В крупнейших мировых исследовательских центрах проходят дни цифровых гуманитарных наук, международные конференции и симпозиумы, посвященные обсуждению проблем «Digital Humanities» (например, Digital Resources in the Humanities and Arts (DRHA) – серия ежегодных конференций, в которых участвуют разработчики, распространители, пользователи электронных ресурсов социально-гуманитарного характера).

На основе предварительного анализа литературы было сформулировано несколько поисковых запросов для поиска информации в сети Интернет: Digital Humanities, Humanities Computing, Humanités digitales, Humanités numériques, Humanistisk Informatik, Humanidades Digitales, Computing in the Humanities, Digital Culture, Internet Studies, Information Studies, eHistory, eHumanities, eScience, гуманитарная информатика, Social Robotics. В результате обработки более 1500 результатов поисковых запросов в сети Интернет и данных из опубликованных в печати исследовательских работ были отобраны 323 научно-образовательные структуры (далее – структуры), работающие в различных гуманитарных направлениях, позиционирующие свою принадлежность к области «Digital Humanities» и отразившие это позиционирование в материалах сети Интернет.

Полученные в результате информационного поиска данные обработаны с помощью контент-анализа и статистических методов и систематизированы. Проведенный анализ исходных эмпирических данных позволил выявить организационные формы научно-образовательных центров, работающих в области «Digital Humanities», определить инфраструктуру исследований в области «Digital Humanities» в ведущих мировых центрах, локализовать эти центры в пространстве, привязав их к карте мира.

Результаты анализа информации показали, что наиболее распространенной организационной формой является центр (center, centre) (114 структур, что составляет 35% от общего количества); 49 структур носят название лабораторий (lab, laboratory) (15%); 43 и 17 структур относят себя к институтам (institute) и департаментам (кафедрам, факультетам) (chair, department, faculty), что составляет 14 и 5% соответственно. Группами (group) и школами (school) считают себя по 4% от общего числа (13 и 12 структур соответственно); 3% (10 структур) называют себя инициативами. Все структуры с иными названиями, насчитывающими менее 10 представителей, были отнесены нами в категорию «другие организационные формы», которая составила 20%. Сюда отнесены такие структуры, как библиотека, проект, ассоциация, сеть, фонд, архив, студия, платформа, сервис, офис, коллаборация, секция, общество, консорциум и др.

Большинство рассматриваемых структур поддерживают междисциплинарные исследования в своем учебном заведении, продвигают применение цифровых технологий для гуманитарных исследований,

консультируют и оказывают техническую помощь гуманитариям, регулярно проводят семинары и мастер-классы по тематикам «Digital Humanities». Это отражается и в организационных формах: значительная часть работающих в области «Digital Humanities» научно-образовательных структур представлена современными формами, типичными для организационной структуры междисциплинарных исследований, – центрами, лабораториями, группами, школами и др.

Поскольку одной из задач исследования было формирование справочного списка исследовательских центров, лабораторий и других учреждений, занимающихся проблематикой цифровых гуманитарных наук, для оптимизации отображения этого списка было решено создать интерактивную карту «Мировые центры “Digital Humanities”», на которой были бы размещены метки, указывающие на конкретные центры, и справочная информация. Создание интерактивной карты позволяет решить несколько проблем, связанных с представлением результатов работы. Во-первых, на карте, вне зависимости от количества объектов, легче идентифицировать страну и регион, в котором располагается исследовательский центр. Во-вторых, просматривая такую карту, можно сразу обнаружить географические точки концентрации исследовательских центров. В-третьих, пользователю такой карты легче найти интересующий его центр по географическим критериям и получить справку о нем.

Одним из классических примеров, демонстрирующих эвристический потенциал визуализации геоданных, является работа английского врача Джона Сноу. В середине XIX в. в Лондоне началась эпидемия холеры, распространение которой пытались объяснить при помощи теории миазмов – отравленного воздуха, заражающего людей. Дж. Сноу решил выяснить, как в одном из районов Лондона происходило заражение холерой. Собрав данные о заболевших и погибших, он перенес их на карту, отметив дома, где были зафиксированы смерти заболевших. Оказалось, что эпицентром заражения был колодец, и Джон Сноу пришел к выводу о том, что источником заражения является не отравленный миазмами воздух, а вода. В пользу гипотезы врача говорило и то, что работники пивоварни, находившейся в очаге заболевания, практически не заражались холерой, так как у них были собственный источник воды и пиво, в котором бактерии погибали в процессе брожения [14]. Опыт Джона Сноу показывает, что визуализация данных в научном исследовании позволяет прийти к принципиально новым выводам, невозможным при обращении к традиционной текстовой форме представления информации.

Для реализации нашей задачи был выбран открытый картографический онлайн сервис «Google Maps Engine» (https://mapsengine.google.com/map/?hl=ru), который сегодня переходит к названию «Google My Maps». Основным конкурентом «Google Maps Engine» в России является картографический сервис «Яндекс», который обладает некоторыми преимуществами в точности адресов и справок по российским организациям.

Выделим несколько общих причин, по которым для создания прототипа карты «Мировые центры “Digital Humanities”» нами был выбран сервис от Google:

1) интеграция с сервисом «Google Drive», позволяющая изменять источник данных в облаке, используя браузер;

2) интеграция с мобильным приложением «Мои карты», позволяющим частично редактировать и просматривать карту на мобильном устройстве под управлением «Android»;

3) в «Google Maps» хранится достаточно подробная справочная информация о зарубежных вузах и других образовательных учреждениях, что позволяет уточнять данные, размещаемые на карте;

4) загрузка данных в «Google Maps Engine» осуществляется из .kml, .csv или .xls файлов. Инструмент для работы с картами от Яндекс также поддерживает импорт из файла .kml или .xml, но для использования этой возможности необходимо работать с API (application programming interface) «Яндекс карт», в то время как Google позволяет использовать графический интерфейс для загрузки и редактирования данных интерактивной карты;

5) карты «Google Maps Engine» могут быть использованы в бесплатном приложении «Google Earth» (трехмерной модели Земли), что в перспективе позволит создать трехмерную карту центров «Digital Humanities».

Сервис «Google Maps Engine» работает в двух версиях – бесплатной («Lite») и платной («Pro»). В июне 2014 г., когда нами осуществлялись основные работы по созданию прототипа карты «Мировые центры «Digital Humanities»», версия Lite позволяла создать три слоя с данными и разместить в общей сумме 500 объектов на карте и до 100 объектов, загруженных из таблицы с данными. Платная версия позволяет создать до 10 слоев и разместить до 2 000 объектов, в ней также увеличен максимум загружаемых объектов из таблицы [15]. Поскольку нам нужно было разместить на карте 323 центра, был сделан выбор в пользу платной версии «Google Maps Engine Pro» («My Maps Pro»).

Перед началом работы по созданию интерактивной карты нами был подготовлен набор текстовых документов, содержащих необходимые данные о центрах «Digital Humanities», включая название центра, адрес, описание деятельности, краткую информацию о руководителе, адрес веб-сайта, контактную информацию, дату создания.

Для использования этих данных на справочной странице интерактивной карты необходимо было внести их в одну таблицу с колонками, названия которых соответствовали бы типу данных:

– название центра;
– краткое описание деятельности;
– руководитель;
– дата создания;
– адрес;
– контакты;
– сайт.

Таблица сразу создавалась в формате google spreadsheet для последующей конвертации в .kml файл, используемый как источник данных для карты. Наш предварительный опыт показал, что при создании таблицы в Microsoft Excel и ее последующем экс-

порте в .kml могут возникать ошибки в форматировании текста в ячейках. KML (keyhole markup language) – язык разметки на основе XML для представления трёхмерных геоданных в программе «Google Earth» и сервисе «Google Maps Engine» («My Maps») [16]. В файле .kml хранятся координаты объектов, указывается тип отображаемого графического ярлыка, текст, выводящийся как справка, и другие данные. Ручное редактирование файла в формате kml также позволяет рисовать на карте многоугольники, что было важно для размещения информации на карте.

Объединение всех данных в одну таблицу заняло большую часть времени при создании интерактивной карты. По завершении этого этапа таблица импортировалась как источник данных. В «Google Maps Engine» к одному слою можно привязать только один файл с данными. Указав файл, необходимо выбрать два источника – адрес или координаты и название объекта. В нашем случае были использованы колонки «Адрес» и «Название центра». Данные из других ячеек таблицы в этом формате карты подгружаются автоматически и отображаются во всплывающем окне после щелчка мышью по объекту карты (таблица).

Пример заполнения информационной карточки для объекта на интерактивной карте «Мировые центры «Digital Humanities»»

Название центра	The Department of «Digital Humanities» (King's College London)
Краткое описание деятельности	The Department of «Digital Humanities» is an international leader in the application of technology in the arts and humanities, and in the social sciences. The Department is dedicated to furthering the possibilities of computing for arts and humanities scholarship and, in collaboration with local, national and international research partners across the disciplines, to design and build applications which implement these possibilities, in particular those which produce online research publications. The Department of «Digital Humanities» offers a number of different programmes at postgraduate level. The Department also includes the Centre for e-Research which focuses on digital libraries and archives
Руководитель	Trudi Darby (Director of Administration)
Дата создания	Early 1970s
Адрес	Department of «Digital Humanities» 2nd Floor, 26-29 Drury Lane King's College London Strand Campus London WC2B 5RL
Контакты	Tel: + 44 (0)20 7848 2931 Email: digitalhumanities@kcl.ac.uk
Сайт	http://www.kcl.ac.uk/artshums/depts/ddh/index.aspx

При необходимости исходный файл с данными можно разделить на несколько файлов по какому-либо критерию. Эта работа должна проводиться вручную, так как в таблице нет формализованных данных, по которым можно было бы создать сортировку. Например, можно выделить в отдельную колонку страны, потом регионы и на основе этого разделения создать несколько слоев, поочередное отображение которых поможет визуализировать концентрацию исследовательских центров «Digital Humanities» по странам или регионам.

Картографический сервис от «Google» предлагает несколько способов отображения данных на интерактивной карте. По умолчанию на карте отобразится указанное количество ярлыков. Разработчик карты может оформить цвет и тип ярлыка, в версии «Pro» можно использовать пользовательские ярлыки. Описанные инструменты редактирования внешнего вида ярлыков функционально никак не влияют на карту, но позволяют визуально акцентировать внимание пользователей на каких-то выбранных объектах.

Используемый сервис также предлагает частично автоматизированную обработку данных на карте. Например, можно использовать данные из одного столбца для создания диапазона значений. В нашей работе таким образом можно использовать сведения о дате основания исследовательского центра и задать на диапазон дат диапазон оттенков одного или нескольких цветов. Пример подобного оформления представлен на рис. 1, где светло-синим цветом отмечены центры, основанные в период до 1947 г., в дальнейшем возраст исследовательских центров ассоциируется с насыщенностью цвета. Белым отмечены объекты, у которых не указан год основания.

В силу того что информация о дате основания некоторых центров отсутствует, на карте отображается много белых ярлыков. Такой способ визуализации нельзя назвать выигрышным. В перспективе планируется классифицировать все 323 центра по географическому критерию и по направлению деятельности. Внеся эти данные в дополнительные столбцы таблицы, можно будет автоматически выделить типы исследовательских центров «Digital Humanities» и отобразить их на карте. На текущий момент карта центров «Digital Humanities» отображается в стандартном режиме, на ней отмечены все центры без какой-либо классификации.

С работающей версией прототипа интерактивной карты «Мировые центры “Digital Humanities”», позволяющей визуализировать инфраструктуру цифровых гуманитарных наук в мире, можно ознакомиться на сайте кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета: http://huminf.tsu.ru/nir/dh/map.htm (рис. 2).

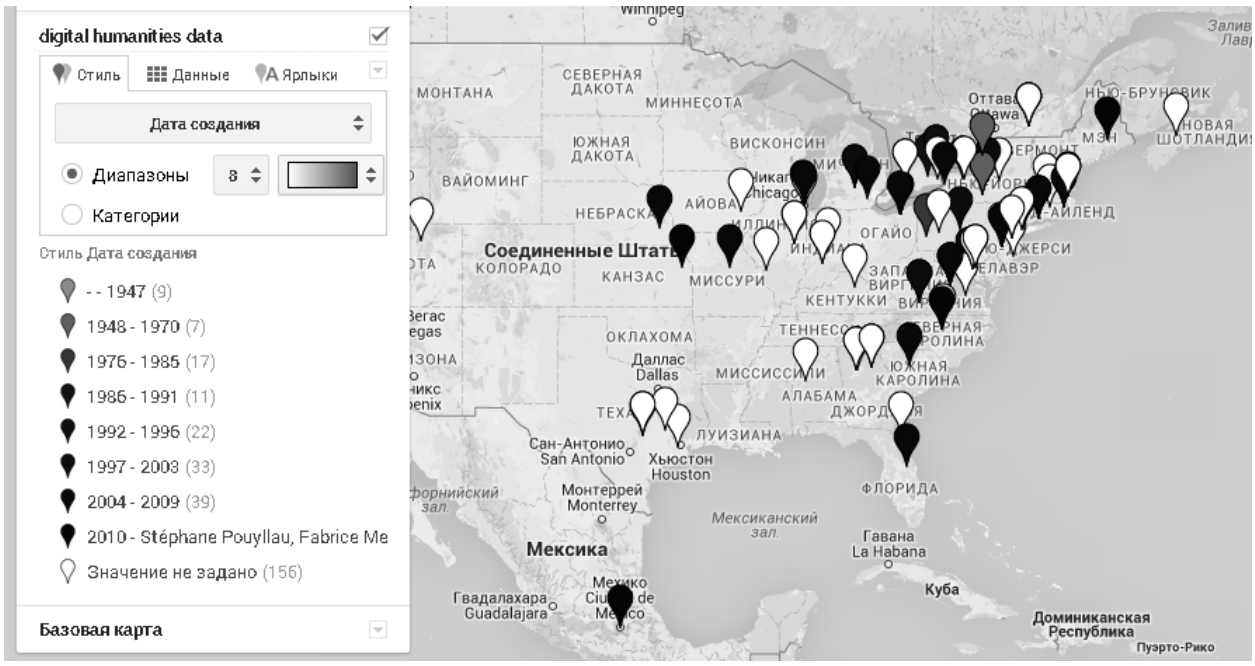

Рис. 1. Создание диапазонов значений по «Дате создания»

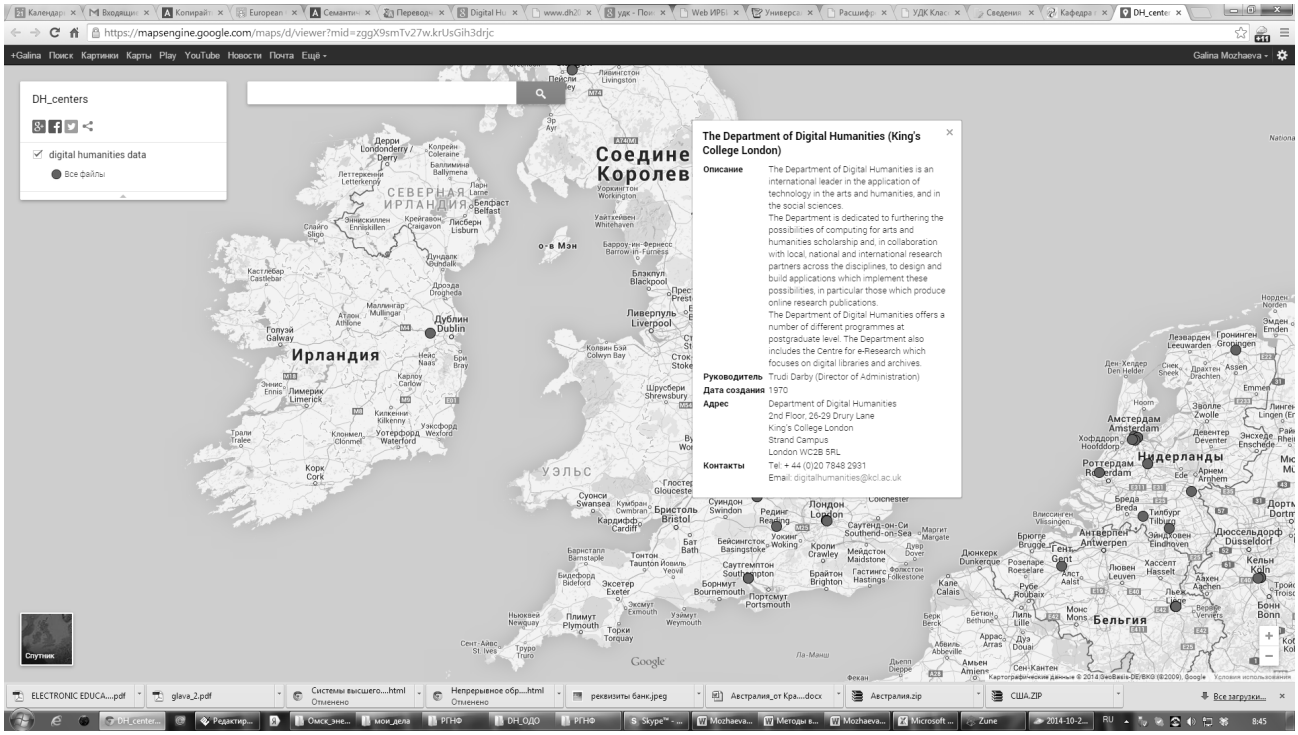

Рис. 2. Прототип интерактивной карты «Мировые центры “Digital Humanities”»

В ходе создания прототипа интерактивной карты «Мировые центры “Digital Humanities”» возникло несколько проблемных ситуаций, решение которых осложнило работу. Попытаемся описать причины возникновения каждой из них и возможные пути их предупреждения.

Во-первых, внесенные в таблицу адреса не всегда обнаруживаются картографическим сервисом «Google». Если в адресе присутствовали чрезмерно подробные указания местоположения центра, то «Google» не находил их автоматически. Проблема решается сокращением адреса до дома, улицы и страны. Дополнительные сведения о местоположении можно разместить в другой колонке, не используемой как источник адресов.

Во-вторых, существует проблема, связанная с геокодированием адресов – процедурой трансформации адреса, заданного символами, в координаты (широту и долготу). При использовании адресов из таблицы «Google Maps Engine» самостоятельно производит эту операцию, и ярлыки, ассоциируемые с объектами на карте, отображаются в нужных местах карты. Если же необходимо экспортировать данные в .kml файл, который потом можно использовать в «Google Earth» и дру-

гих приложениях, то координат в нем указано не будет, следовательно, стороннее приложение не сможет отобразить эти объекты на карте. Проблема решается использованием стороннего сервиса геокодирования.

В-третьих, в «Google Maps Engine» отсутствует возможность манипуляции объектами на карте с внесением последующих изменений в таблицу с данными. Например, нельзя выделить на карте все объекты в США и выгрузить таблицу с ними в отдельный файл. Это является не столько проблемой, сколько структурным и функциональным недостатком инструмента.

Результаты анализа и обработки эмпирических данных показали, что выделенные для анализа структуры, позиционирующие свою принадлежность к области «Digital Humanities», географически распределены следующим образом:

– в Европе – 152 структуры, в том числе по странам: Австрия (3), Бельгия (6), Болгария (1), Босния и Герцеговина (1), Великобритания (23), Венгрия (1), Германия (20), Греция (5), Дания (8), Ирландия (3), Испания (5), Италия (9), Литва (2), Нидерланды (13), Норвегия (4), Португалия (5), Россия (3), Сербия (3), Словения (1), Финляндия (1), Франция (27), Швейцария (4), Швеция (4);

– в Азии – 16 структур, в том числе по странам: Израиль (2), Индия (1), Кипр (1), Китай (4), Сингапур (3), Япония (5);

– в Северной Америке – 134 структур, в том числе по странам: Канада (18), Мексика (1), США (115);

– в Южной Америке – 9 структур, в том числе по странам: Аргентина (2), Бразилия (7);

– в Австралии и Океания – 12 структур, в том числе по странам: Австралия (9), Новая Зеландия (3).

Выделенные в результате первичной обработки данных структуры «Digital Humanities» различаются как по своей организационной форме, так и по основным направлениям научно-образовательной деятельности.

Среди перспективных направлений в развитии цифровых гуманитарных наук прослеживаются следующие:

– создание и исследование цифровых архивов и коллекций;

– сбор и анализ данных, их визуализация, моделирование, проектирование баз данных;

– использование цифровых технологий в гуманитарных исследованиях для обработки больших массивов исходных данных;

– 3D-моделирование культурных объектов;

– цифровые способы визуализации пространственно-временных данных, позволяющие представить самые разные процессы (например, архитектурную историю города, движения этносов, исторические интерьеры);

– чтение и анализ текста в цифровом мире, который существенно меняется в связи с появлением гипертекста, расслоением линейной структуры текста, появлением новых лексических, стилистических, концептуальных форм;

– новые формы накопления и трансляции знания, организации академического сообщества, образовательной среды (образовательные программы и курсы в сфере «Digital Humanities»);

– взаимодействие человека и компьютера (робота), влияние цифровых технологий на человека;

– создание онлайн ресурсов, сервисов и платформ;

– разработка и внедрение новых цифровых инструментов, методов и моделей в гуманитарных исследованиях;

– виртуальная реальность, киберкультура, киберпсихология;

– искусственный интеллект, интеллектуальные системы и интеллект человека, машинное обучение;

– мультимедийные системы и технологии, цифровые СМИ;

– цифровая документация, оцифровка документов;

– виртуальные исследовательские среды и сообщества;

– цифровая история, цифровое наследие, историческая информатика;

– цифровые игры и др.

Охватывая различные темы, от создания баз данных до реконструкции исторических интерьеров, 3D-моделирования крупных культурных объектов, визуализации пространственно-временных данных и др., «Digital Humanities» включают:

1) использование цифровых технологий в гуманитарных исследованиях, прежде всего, для обработки больших массивов данных: от анализа древних рукописей («digital paleography») до изучения литературных произведений и документов различных исторических эпох («distant reading» или «digital reading»);

2) «исследование особенностей новой эпохи, социокультурных последствий цифровых технологий, критический анализ их возможностей и ограничений». И здесь «Digital Humanities» тесно пересекаются с гуманитарной информатикой, не просто применяющей методы и средства информатики в гуманитарных исследованиях, но изучающей закономерности возникновения и развития информации в обществе, философию и методологию информационного общества, информатизацию как социальное явление;

3) работу с «культурным наследием: “digital art”», новые медиа, создание цифровых библиотек, архивов, баз данных культурного наследия и музейных коллекций, цифровые реконструкции, требующие совместных усилий гуманитариев и специалистов по цифровым технологиям» [17].

Конечно, развитие «Digital Humanities» не означает необходимости отказа исследователей от традиционных методов изучения гуманитарных наук и массового перехода на цифровые технологии. Однако сегодня невозможно развивать гуманитарные науки, игнорируя господство информационных технологий в мире. Овладение цифровыми инструментами и методами позволяет исследователям расширить исследовательскую базу в области гуманитарных наук. При этом, если сегодня вычислительная техника и информатика имеют важное значение для гуманитариев, которые осваивают новую инструментальную базу и информационную среду, то уже в ближайшее время начнется обратный процесс, когда гуманитарии вне-

сут существенный вклад в развитие вычислительной техники и информатики.

Проводимое исследование показывает, что цифровые гуманитарные науки можно рассматривать как естественное продолжение и расширение традиционной сферы гуманитарных наук, а не замену или отказ от традиционных гуманитарных запросов.

В дальнейшем нами будет продолжен сбор информации, что позволит расширить представление о распространении центров «Digital Humanities» в мире и дополнить список анализируемых центров, будет проведен анализ ключевых направлений в развитии цифровых гуманитарных наук, что позволит определить место «Digital Humanities» среди многочисленных вариантов идентификации гуманитарных наук, развивающихся в условиях информационного общества и / или на основе информационно-коммуникационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *What* Is DH? URL: http://www.cdh.ucla.edu/about/what-is.html (дата обращения: 05.10.2014).
2. *«Digital Humanities»* in UCLA. URL: http://www.cdh.ucla.edu/about/what-is.html (дата обращения: 05.10.2014).
3. *The Department* of «Digital Humanities» in the School of Arts and Humanities at King's College London. URL: http://www.kcl.ac.uk/artshums/depts/ddh/index.aspx (дата обращения: 05.10.2014).
4. *The Cambridge* «Digital Humanities» Network. URL: www.digitalhumanities.cam.ac.uk (дата обращения: 05.10.2014).
5. *The Australasian* Association for «Digital Humanities». URL: http://aa-dh.org/ (дата обращения: 05.10.2014).
6. *Володин А.Ю.* «Digital Humanities»: междисциплинарность в цифровую эпоху // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 42. Материалы XIV конференции АИК. Октябрь 2014 г. М., 2014. С. 14–16.
7. *Шурер К.* «History and Computing or «Digital Humanities»? Which way to the future?» («История и компьютер или цифровая гуманитаристика? Какой путь в будущее?») // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 42. Материалы XIV конференции АИК. Октябрь 2014 г. М., 2014. С. 4–8.
8. *Таллер М.* Дискуссии вокруг «Digital Humanities» // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13.
9. *Манифест* «Digital Humanities». URL: http://tcp.hypotheses.org/501 (дата обращения: 05.10.2014).
10. *«Digital Humanities»* Quarterly. URL: http://digitalhumanities.org/dhq/ (дата обращения: 05.10.2014).
11. *Journal* of «Digital Humanities». URL: http://journalofdigitalhumanities.org/about/ (дата обращения: 05.10.2014).
12. *Володин А.Ю.* Гуманитарные науки в контексте цифровых вызовов (обзор изданий проекта Мичиганского университета) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. № 6 (4). 2013. Барнаул, 2014. С. 99–102.
13. *«Digital Humanities»* Now (Discover the Best of «Digital Humanities» Scholarship). URL: http://digitalhumanitiesnow.org/ (дата обращения: 05.10.2014).
14. *Simon Rogers.* John Snow's data journalism: the cholera map that changed the world. // The Guardian Data Blog. URL: http://www.theguardian.com/news/datablog/2013/mar/15/john-snow-cholera-map (дата обращения: 05.10.2014).
15. *Что такое* Мои Карты Pro? URL: http://support.google.com/mymaps/answer/3370982?hl=ru (дата обращения: 05.10.2014).
16. *Язык* разметки Keyhole. Google Developer. URL: http://developers.google.com/kml/?hl=ru (дата обращения: 05.10.2014).
17. *Международная* научно-практическая конференция «Науки о культуре в перспективе “Digital Humanities”». URL: http://www.herzendigitalhumanities.ru (дата обращения: 05.10.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 14 ноября 2014 г.

DIGITAL HUMANITIES: ORGANIZATIONAL FORMS AND INFRASTRUCTURE RESEARCH

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 73-81. DOI: 10.17223/15617793/389/10

Mozhaeva Galina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mozhaeva@ido.tsu.ru
Mozhaeva Renha Polina N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polyamozhaeva@gmail.com
Serbin Vsevolod A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: serbin@ido.tsu.ru

Keywords: Digital Humanities; research infrastructure; interactive map; Digital Humanities centers.

Modern information environment imposes new requirements on the system of the humanitarian knowledge and has a significant impact on the humanities, providing scientists with ample opportunities for cooperation, opening a whole range of new research methods. The article examines Digital Humanities as one of the promising directions of development of the humanities in the digital age. Digital humanities development clearly shows that computerization helps new synthesis of humanities and natural sciences, helps to overcome their alienation from each other. Digital Humanities are considered in the project as an interdisciplinary field of research that combines methods and practice of humanitarian, social and computational sciences to explore the possibilities of the application and interpretation of new digital and information-communicational technologies in the humanities and education. The article presents the results of the analysis of the 323 world centers of Digital Humanities identified during the study. The analysis revealed the organizational forms of research and education centers working in Digital Humanities, defined the infrastructure of research in the field of Digital Humanities at the world’s leading centers, localized these centers on the world map. Most of the structures support interdisciplinary research in their university, promote the use of digital technologies in humanities research, advise and provide technical assistance to the humanities, regularly conduct seminars and workshops on the topics of Digital Humanities. This is reflected in the organizational forms: a significant part of research and educational institutions working in the field of Digital Humanities are represented by the modern form typical of the organizational structure of interdisciplinary research: centers, laboratories, groups, schools and others. Applied methods of Digital Humanities are used as a model to represent the results. The description for each Digital Humanities Center includes its name, a brief description of the activity, creation date, address, manager’s name and contacts, a link to the site. The purpose and basic tools for creating interactive maps “World Centers of Digital Humanities”, methods of result presentation in Google Maps Engine, difficulties arising in the course of work and ways to overcome them are described. The results of the research allow to determine the place of Digital Humanities among numerous options of identification of humanities developing in the conditions of information society and / or on the basis of ICT (e-Humanities, e-Science, e-History, humanitarian informatics, etc.).
This article is written with the support of RGNF grant no. 14-03-00659 “Humanities in the Digital Age: From Branch Informatics to Digital Humanities”.

REFERENCES

1. What Is DH? Available at: http://www.cdh.ucla.edu/about/what-is.html. (Accessed: 05th October 2014).
2. Digital Humanities in UCLA. Available at: http://www.cdh.ucla.edu/about/what-is.html. (Accessed: 05th October 2014).
3. The Department of Digital Humanities in the School of Arts and Humanities at King's College London. Available at: http://www.kcl.ac.uk/artshums/depts/ddh/index.aspx. (Accessed: 05th October 2014).
4. The Cambridge Digital Humanities Network. Available at: www.digitalhumanities.cam.ac.uk. (Accessed: 05th October 2014).
5. The Australasian Association for Digital Humanities. Available at: http://aa-dh.org/. (Accessed: 05th October 2014).
6. Volodin A.Yu. [Digital Humanities: interdisciplinarity in the digital age]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter", no. 42. Materialy XIV konferentsii AIK. Oktyabr' 2014* [Newsletter of the Association "History and Computer", no. 42. Proceedings of the XIV AIC Conference. October 2014]. Moscow, 2014, pp. 14-16. (In Russian).
7. Shurer K. History and Computing or Digital Humanities? Which way to the future? *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter", no. 42. Materialy XIV konferentsii AIK. Oktyabr' 2014* [Newsletter of the Association "History and Computer", no. 42. Proceedings of the XIV AIC Conference. October 2014]. Moscow, 2014, pp. 4-8. (In Russian).
8. Thaller M. Controversies around the Digital Humanities. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii – Historical Information Science. Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education*, 2012, no. 1, pp. 5-13. (In Russian).
9. Manifesto for the Digital Humanities. Available at: http://tcp.hypotheses.org/501. (Accessed: 05th October 2014). (In Russian).
10. *Digital Humanities Quarterly*. Available at: http://digitalhumanities.org/dhq/. (Accessed: 05th October 2014).
11. *Journal of Digital Humanities*. Available at: http://journalofdigitalhumanities.org/about/. (Accessed: 05th October 2014).
12. Volodin A.Yu. Gumanitarnye nauki v kontekste tsifrovykh vyzovov (obzor izdaniy proekta Michiganskogo universiteta) [Humanities in the context of digital challenges (Overview of publications of the University of Michigan project)]. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii – Historical Information Science. Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education*, 2013, no. 6 (4), pp. 99-102.
13. *Digital Humanities Now (Discover the Best of Digital Humanities Scholarship)*. Available at: http://digitalhumanitiesnow.org/. (Accessed: 05th October 2014).
14. Simon Rogers. John Snow's data journalism: the cholera map that changed the world. *The Guardian Data Blog*. Available at: http://www.theguardian.com/news/datablog/2013/mar/15/john-snow-cholera-map. (Accessed: 05th October 2014).
15. Chto takoe Moi Karty Pro? [What is the My Maps Pro?]. Available at: http://support.google.com/mymaps/answer/3370982?hl=ru. (Accessed: 05th October 2014).
16. Yazyk razmetki Keyhole [Markup Language Keyhole]. Google Developer. Available at: http://developers.google.com/kml/?hl=ru. (Accessed: 05th October 2014).
17. International scientific and practical conference "The science of culture in the future of Digital Humanities". Available at: http://www.herzendigitalhumanities.ru/. (Accessed: 05th October 2014). (In Russian).

Received: 14 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 82–85 DOI: 10.17223/15617793/389/11

УДК 314(045)

А.В. Пилюшенко

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Раскрывается понимание здорового образа жизни как единства общих и индивидуальных характеристик жизнедеятельности посредством рассмотрения его субъектно-объектного содержания. Определена необходимость преодоления текущей повседневности в воспроизводстве здорового образа жизни. Выявлена роль индивидуальных личностно-детерминированных форм поведения как основы воспроизводства здорового образа жизни. Предложено понимание здорового образа жизни как индивидуально сформированной личностно-ориентированной модели поведения.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; общее; индивидуальное; условия; деятельность; повседневность.

Образ жизни каждого конкретного человека представляет собой диалектическое единство общего и индивидуального. Рассмотрение образа жизни на предмет выявления общих и индивидуальных черт наиболее наглядно с позиций его субъектно-объектного содержания. Общее в образе жизни человека связано с его объективной стороной: макро- и микросоциальной средой, особенностями биологической природы человека, различными экономическими, политическими, культурными факторами. Индивидуальное в образе жизни связано с особенными характеристиками человека, спецификой его внутреннего мира. Рассматривая субъективную составляющую образа жизни, можно выделить наличие индивидуально опосредованных форм поведения, выявить их роль в реализации здорового образа жизни.

Обращаясь к дефиниции образа жизни, можно выделить две важнейших его составляющих – собственно деятельность человека и условия, в которых она протекает. Так, под образом жизни понимается философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы, в том числе класса и нации, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни, определяющими ее [1].

Условия жизнедеятельности в совокупности представляют собой объективную среду, в которую погружены человек и его деятельность. Роль объективной среды в жизнедеятельности человека определяется степенью её вовлеченности в процесс реализации потребностей человека. Д.А. Изуткин указывает: «В образе жизни надо учитывать определенное соотношение собственно деятельности и ее условий. К условиям жизнедеятельности относится, прежде всего, вещно-внешняя среда (различные постройки, транспортные средства, бытовая обстановка и т.д.). Однако более непосредственно образ жизни связан с социальной средой, т.е. с теми общественными и материальными отношениями, которые определяют те или иные способы жизнедеятельности людей в различных сферах» [2. С. 196].

Объективная среда представляет собой окружающий мир: природный, социальный. Она едина для всех и образует условия жизнедеятельности. Условия жизнедеятельности формируют объективную составляющую образа жизни. Однако условия жизнедеятельности и объективная составляющая образа жизни не тождественны. Объективная сторона образа жизни представляет собой условия жизнедеятельности, которые оказываются вовлеченными в сам процесс деятельности человека. То есть если условия вообще обладают всеобщностью, они едины, то, будучи вовлеченными в процесс жизнедеятельности, в совокупности принимают более частные черты.

Так, человек всегда ограничен конкретными условиями, он не может в своей жизнедеятельности соприкасаться со всем многообразием окружающей его среды и при этом включать их в объективный компонент своего образа жизни. Человек, проживая в конкретных жилищно-бытовых и природно-климатических условиях, осуществляя трудовую деятельность в определенной производственной среде, обладая определенным набором социальных коммуникаций, очерчивает круг условий, вовлеченных в его жизнедеятельность. При этом данные условия приобретают свои неповторимые черты, поскольку, будучи объективным компонентом образа жизни конкретного человека, принадлежат только ему. Однако даже частные проявления объективной среды, вовлеченные в образ жизни различных людей, имеют одну основу, и в этом плане определяют его общее содержание.

Именно объективная составляющая образа жизни, объективная среда жизнедеятельности вообще опосредует общие, наиболее типичные формы поведения. Так, социальные и правовые нормы, традиции и обычаи, особенности природной среды обитания обусловливают необходимость определенного типа поведения, определяют границы его свободной творческой деятельности, включая как по трафарету типичные формы поведения в образ жизни каждого человека. Данные формы поведения обусловлены биологической природой человека, его духовной жизни, особенностями социального развития, чаще всего они определены потребностями человека и общества.

Однако все общие формы поведения, обусловленные внешней средой, выражаясь в действии конкретного человека, приобретают неповторимые черты. Так, В.И. Толстых указывает: «Хотя образ жизни зависит от условий жизнедеятельности, вбирает в себя и отражает общие типологические черты данного социума, “порядка жизни”, он не может быть сведен к совокупности обстоятельств и синтезу неких “родственных” признаков (научная и эвристическая ценность такой “собирательной” характеристики весьма относительна)» [3. С. 129].

Появление этих черт связано с интересами, предпочтениями, индивидуальными характеристиками человека, его возможностями. Даже наиболее типичное для человека действие – прием пищи, обусловленное необходимостью реализации потребностей организма, определенное его природой, приобретает множество вариаций. Процесс наложения индивидуальных характеристик на наиболее типичные формы поведения непрерывен. Изменения мировоззрения человека, отдельных его взглядов, интересов, предпочтений, изменение социального статуса, жизненной ситуации – все это отражается на системе поведения человека, поскольку изменяются индивидуально опосредованные черты.

Движение, развитие – неотъемлемый атрибут жизни человека, оно обусловлено сущностью жизни, способностью человека интеллектуально и духовно развиваться, утрачивать и формировать новые интересы, цели, пересматривать жизненные ценности. Такие изменения провоцируют изменение индивидуальной специфики в деятельности человека. Одним из возможных вариантов данного процесса является реализация здорового образа жизни, т.е. дополнение общих форм поведения такими индивидуальными чертами, которые превращают действие человека в элемент здорового образа жизни. Как указывает Г.М. Мелюхин, «здоровый образ жизни воплощает грань образа жизни, органически присущую обществу и направленную на заботу о людях» [4. С. 108]. Действительно, здоровый образа жизни как грань образа жизни, особая концепция жизнедеятельности человека, предполагает выбор, отражающий особенности его внутреннего мира, интересов, целей, ценностей, жизненных обстоятельств, которые в совокупности образуют уникальный ландшафт деятельности.

Исследование вопросов, связанных с реализацией здорового образа жизни предполагает рассмотрение понятия «здоровье». Ведь именно здоровье является если не единственной, то основной целью построения особой концепции жизнедеятельности – здорового образа жизни. Что такое здоровье? С одной стороны, данный вопрос является простым, каждому человеку интуитивно понятно, что есть здоровье. Однако в современной медицине, философии, социологии нет единой дефиниции здоровья. Обилие дисциплин, изучающих вопросы здоровья и болезни, приводит к тому, что в рамках различных подходов формулируются различные определения данной категории, поразному наполняя их содержанием. В.П. Бабинцев указывает, что «давать дефиницию здоровья кажется целесообразным исходя из задач этого определения (например, с целью выявления возможностей человека, или соответствия норме, или соответствия желаемого состояния реальному и пр.) и учитывая комплексный характер этого явления» [5. С. 64].

Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как состояние физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. С учетом того, что данное определение раскрывает всю широту и сложность понятия здоровья, его сложную структуру и многогранность, ее использование при рассмотрении вопросов воспроизводства здорового образа жизни является допустимым.

Здоровье как причина воспроизводства здорового образа жизни обладает определенным ценностным содержанием. Это содержание может быть раскрыто в двух аспектах. Во-первых, переживание опыта болезни, ощущение недомогания раскрывает ценность здоровья как чувство физического комфорта. Во-вторых, ценность здоровья определяется ценностью жизни человека, которая вытекает из осознания человеком неизбежности смерти. Особый смысл осознания человеком своей смертности подчеркивал М. Хайдеггер, рассматривая его как основание подлинного бытия: «Смерть как ковчег Ничто хранит в себе сущность бытия» [6. С. 324]. Осознание неизбежности смерти – один из основных стимулов, побуждающих человека к деятельности, придающий жизни человека определенную закономерность, целостность, логичность и осмысленность бытия. Именно осознание смертности раскрывает ценность жизни, наделяет бытие человека особым смыслом, позволяя человеку творить историю своей жизни. Способом творения истории жизни человека является деятельность.

Деятельность человека – непрерывный процесс, представляющий собой постоянное взаимодействие общего и индивидуального. Каждое действие человека представляет собой диалектическое единство общих и индивидуальных черт. В жизни человека, в каждом его действии проявляется его индивидуальность, особенности его ценностного мира, внутренней организации. Это отражает свободу человеческой деятельности. И в этой свободе человеком может быть выбрана определенная линия поведения, в том числе и воспроизводство здорового образа жизни.

Таким образом, можно утверждать, что здоровый образ жизни – продукт индивидуального выбора. Общие формы поведения, детерминированные внешними факторами, не могут формировать здоровый образ жизни, они выступают основой для его формирования посредством включения в образ жизни индивидуальных черт. Однако без этой основы реализация здорового образа жизни невозможна.

Нельзя отрицать влияние внешних факторов, влияние объективной составляющей на здоровье человека. Круг детерминаций здоровья очень широк, в том числе и в аспекте деятельности человека, но не каждое воздействие в рамках отношений «образ жизни – здоровье» можно рассматривать как элемент здорового образа жизни. Однако осознание негативного воздействия внешних факторов на здоровье человека, и их устранение, в рамках возможностей человека составляет важное направление деятельности в рамках реализации здорового образа жизни.

Наличие мировоззрения, системы ценностей, жизненных целей, обеспечивающих и опосредующих включение действий по укреплению и сохранению здоровья в жизнедеятельность человека, определяет дополнение общих форм поведения индивидуальными характеристиками, которые в совокупности и будут формировать здоровый образ жизни. Так, общая форма поведения – прием пищи – воплощается в конкретное действие, отражающее индивидуальные

предпочтения, интересы, ценностный мир человека. Человек определяет, что он употребит в пищу, в каком количестве и когда он это сделает. Такая общая форма поведения, как передвижение, присутствующая в образе жизни каждого человека, может воплотиться в пешеходную прогулку или езду на велосипеде, езду на автомобиле или в общественном транспорте. Таким образом, человек наделяет каждое действие, посредством включения индивидуальных форм, качественным в отношении здоровья содержанием. Даже выполняя свои производственные функции, человек может внести действия, способствующие сохранению здоровья: периодическая гимнастика на рабочем месте, тщательное соблюдение требований безопасности, использование защитных средств, создание позитивных социальных коммуникаций – круг возможных вариаций очень широк. Особое пространство для творчества предлагает наличие свободного времени в жизни человека, где действия человека в большей степени индивидуализированы. Правильная организация досуга, исключение пассивных форм отдыха, или, более того, имеющих прямое негативное влияние на здоровье являются одними из наиболее важных направлений здорового образа жизни, и образуют индивидуальные личностно детерминированные действия в общей линии поведения.

И индивидуальным действиям, и общим формам поведения в рамках образа жизни присуща повседневность. В аспекте рассмотрения вопросов воспроизводства здорового образа жизни проблема повседневности приобретает всю большую социальную значимость. Здоровый образ жизни неразрывно связан с феноменом повседневности, поскольку в большей степени затрагивает аспекты жизнедеятельности, повторяющиеся изо дня в день. И это вполне логично: образ жизни, в принципе, складывается в повседневности, выстраивается на ней. Справедливо можно отметить, что повседневность является атрибутом образа жизни, так как очевидно, что отдельные нерегулярные действия, эпизодически включающиеся в жизнедеятельность человека, не могут носить типичный характер. А именно типичность является одним из важнейших критериев образа жизни.

Повседневность как атрибут образа жизни придает ему некоторую инертность. Набор повседневных ритуалов настолько сильно занимает человека, что порой сам человек начинает зависеть от нее, становится рабом повседневности. Повседневность таким образом клиширует образ мыслей человека, все больше ограничивая свободу, пространство для творчества. Человек ограничивает себя узким кругом действий, событий и не допускает новые формы деятельности в свою жизнь. М. Хайдеггер указывает: «Конечно, дело выглядит так, словно в наших повседневных заботах мы привязаны именно к тому или иному конкретному сущему, словно бы затеряны в том или ином круге сущего» [6. С. 20]. Возможно, именно эта зависимость человека от повседневности, деятельность в определенном «круге сущего» является одной из причин сложности воспроизводства здорового образа жизни. Включение новых форм деятельности в образ жизни, требует преодоления текущей повседневности и последующего формирования новой.

Всегда ли воспроизводство здорового образа жизни связано с первичным преодолением текущей повседневности? Наиболее показательно дает ответ на этот вопрос медицинская статистика, отмечая в структуре заболеваемости и смертности доминирующий тип патологии, связанный с образом жизни. Обилие нездоровых форм жизнедеятельности в современном обществе приводит к тому, что образ жизни подавляющего большинства людей требует коррекции, а значит, преодоления текущей повседневности.

Появляется вопрос, как сделать этот процесс менее болезненным и сложным? Освободится от повседневности человек не может, однако, раздвигая ее границы, он способен оставить пространство для творчества и свободы, выражать свою индивидуальность, придавая своей жизнедеятельности уникальные, неповторимые черты.

Вариации в поведении людей в рамках одной и той же общей поведенческой формы могут значительно отличаться друг от друга. Это определяет неповторимость образа жизни каждого человека, его индивидуальные черты.

При этом индивидуальные черты образа жизни являются тем, что наполняет его содержанием, характеристиками. Общие формы поведения вносят в образ жизни лишь структуру, они бескачественны. Именно индивидуальные отличия образа жизни, его особенности, наполняют его качественными характеристиками. Так и оценка образа жизни, в аспекте его влияния на здоровье человека, будет производиться с позиций его индивидуального содержания. Это определяет огромное значение индивидуальных личностно-детерминированных форм поведения в реализации здорового образа жизни.

Однако, рассматривая наиболее типичные предписания в рамках здорового образа жизни, можно выявить их общий характер, ограниченность узким набором форм поведения. Данная ситуация определяет здоровый образ жизни как шаблонный режим поведения, сводит все многообразие индивидуальных характеристик образа жизни к узкому набору однообразных действий. Это значительно усложняет процесс его реализации. Возможность реализовывать разнообразные формы поведения, создавать свой индивидуальный стиль жизни не должна утрачиваться в процессе воспроизводства здорового образа жизни.

Здоровый образ жизни не может быть ограничен набором конкретных предписаний, сводиться к узкому кругу действий. В этом случае его реализация лишает человека нужной ему свободы. Здоровый образ жизни должен представлять не единую концепцию жизнедеятельности, он должен иметь многовариантность реализации, возможность индивидуально трактоваться и воспроизводиться и в этом плане становиться естественной формой поведения каждого конкретного человека.

Здоровый образ жизни, прежде всего, – это особая философия жизнедеятельности. Он предполагает знание фундаментальных основ взаимодействия образа жизни и здоровья, духовную и физическую работу

человека над собой, посредством которой человек сохраняет и укрепляет здоровье. При этом такая работа может приобретать самые разные формы, поскольку круг детерминаций здоровья очень широк. Однако стоит выделить два основных направления данной работы: нивелирование негативно влияющих на здоровье внешних факторов (работа по преобразованию объективной стороны образа жизни), включение позитивно влияющих на здоровье видов деятельности (работа по преобразованию субъективной стороны образа жизни).

Здоровый образ жизни как философия жизнедеятельности предполагает формулировку лишь направления деятельности человека по сохранению и укреплению здоровья. Конкретные формы здорового образа жизни должны выражаться в индивидуально сформированной личностно-ориентированной модели поведения.

С помощью индивидуального подхода возможно построение адаптированного под особенности конкретного человека концепции здорового образа жизни

Именно таким образом здоровый образ жизни не ограничивает свободу человека, а предоставляет ее, дает возможность реализации тех уникальных индивидуальных форм поведения, которыми наполнена жизнедеятельность каждого конкретного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философский* словарь. Электронные толковые словари. URL: http://www.slovar.plib.ru/dictionaryld39/870.html
2. *Изуткин Д.А.* Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья : дис. … д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2005. 356 с.
3. *Новая* философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина, Г.Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
4. *Мелюхин Г.М.* Аксиологический аспект здорового образа жизни // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 103–109.
5. *Бабинцев В.П., Колпина Л.В.* Проблема формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» // Научные ведомости. 2008. № 12 (52). С. 63–71.
6. *Хайдеггер М.* Бытие и время: статьи и выступления / под ред. В.Г. Голобокова ; пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Республика. 447 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 сентября 2014 г.

INDIVIDUAL FORM OF ACTION AS A BASIS FOR HEALTHY LIFESTYLE IMPLEMENTATION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 82-85. DOI: 10.17223/15617793/389/11

Pilyushenko Alexandra V. Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Che-pi@yandex.ru

Keywords: healthy lifestyle; overall; individual; conditions; activities; everyday life.

Lifestyle of each person is a dialectical unity of the general and the individual. Defining the general and the individual in lifestyle is most clear in the consideration of a healthy lifestyle in terms of the subject-object content. Relevance of research on healthy lifestyles through the prism of the categories “general” – “individual” is due to the need to determine the role of man in the reproduction of a healthy lifestyle in the context of increased morbidity associated with lifestyle factors and the lack of popularity of a healthy lifestyle at the stage of its implementation. In the article, when discussing healthy lifestyle in terms of its content, the two most important of its components are stated: human activities and the environment in which they takes place. The objective component of lifestyle, objective living environment, mediates general, most common forms of behavior. Nevertheless, all of the common forms of behavior acquire unique features in a separate action of a person. It happens due to the influence of personal interests, goals, values, rights and inner world. The process of individualization of the most typical forms of behavior is continuous. One of the possible variants of this process is leading a healthy lifestyle, that is supplementing common behavior with individual traits that make human action an element of a healthy lifestyle. This explains the important role of individual forms of behavior within the reproduction of a healthy lifestyle. The article describes the phenomenon of everyday life as an attribute of life. An integral part of a healthy lifestyle is the primary overcoming of everyday life. The article emphasizes the unique character of the unique lifestyle of each person as their most important attribute. In this regard, regular behavior corresponding to the traditional understanding of a healthy lifestyle is atypical for a person. This determines the complexity of leading a healthy lifestyle. As a result, the following conclusions are drawn: 1. A healthy lifestyle should have diverse forms of implementation, an ability to be interpreted and practiced individually. 2. A healthy lifestyle is primarily a special philosophy of life. It assumes knowledge of the fundamentals of interaction of lifestyle and health, spiritual and physical self-improvement, which helps a person protect and improve health. 3. A healthy lifestyle as a life philosophy involves formulating human activities on the preservation and improvement of health. Specific forms of healthy lifestyles should be expressed in individual person-oriented behaviors.

REFERENCES

1. *Filosofskiy slovar’. Elektronnye tolkovye slovari* [Philosophical Dictionary. Electronic dictionaries]. Available at: http://www.slovar.plib.ru/dictionaryld39/870.html.
2. Izutkin D.A. *Kontseptual’nye osnovy vzaimosvyazi obraza zhizni i zdorov’ya*. Dis. d-ra filos. nauk [Conceptual bases of the relationship of lifestyle and health. Philosophy Dr. Diss.]. N. Novgorod, 2005. 356 p.
3. Stepin V.S., Semigin G.Yu. (eds.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Encyclopedia of Philosophy]. In 4 vols. Moscow: Mysl’ Publ., 2010. Vol. 3, 692 p.
4. Melyukhin G.M. Axiological aspect of healthy life-style in the formation of a personality. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 103-109. (In Russian).
5. Babintsev V.P., Kolpina L.V. Problema formirovaniya kategorial’nogo apparata ponyatiya “sotsial’noe zdorov’e” [The problem of the formation of the categorical apparatus of the concept “social health”]. *Nauchnye vedomosti*, 2008, no. 12 (52), pp. 63-71.
6. Heidegger M. *Bytie i vremya: stat’i i vystupleniya* [Being and Time: articles and speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p.

Received: 18 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 86–91 DOI: 10.17223/15617793/389/12

УДК 261,8

О.Т. Усачева

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СОСТАВЕ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ: УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЗИЦИИ ПО ВОПРОСАМ ДИАКОНИИ

Русская Православная Церковь как член Всемирного Совета Церквей уже более полувека эффективно участвует в различных направлениях его деятельности, включая диаконию, понимаемую как служение христианской любви к ближнему (к каждому человеку), милосердие и благотворительность. Однако эта составляющая работы РПЦ в ВСЦ до сих пор мало освещена. В статье представлены философский контекст православного понимания диаконии, краткий обзор событий, наиболее значимых для понимания характера и направлений диаконии РПЦ в составе ВСЦ в различные периоды. Материал изложен в хронологическом порядке.

Ключевые слова: диакония; Русская Православная Церковь; Всемирный Совет Церквей; универсализм православной ментальности; экуменическое содружество; религиозный синкретизм.

Введение

Многочисленные злободневные проблемы современного социума, будучи результатом искажения духовной основы человеческой природы, имеют глубокие нравственные корни. Недостаток христианской любви внутри самого человека говорит об образовавшейся неполноценности образа Божия, заложенного в каждом из нас Творцом. Врачевание этого духовного недуга и есть диакония, трактуемая как служение христианской любви к ближнему (к каждому человеку).

Русская Православная Церковь (РПЦ), являясь хранительницей Истины Священного Писания и Предания Древней Апостольской Церкви, имеет многовековую практику служения милосердия, благотворительности, т.е. диаконии. Развивая ее новые формы, РПЦ использует и свой более чем 50-летний опыт работы в составе Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). За это время авторитет РПЦ среди членов ВСЦ значительно возрос. Однако диаконическая составляющая ее деятельности в этой международной экуменической организации до сих пор мало освещена.

Цель настоящей работы – с опорой на философский контекст православного понимания диаконии представить краткий обзор событий, наиболее значимых для понимания характера и направлений диаконии РПЦ в составе ВСЦ в различные периоды, включая ее участие в IX Генеральной Ассамблеи ВСЦ (2006, Порту-Алегри, Бразилия).

Началом статьи станет этимологический разбор ключевого понятия «диакония», чтобы читатели оценили заслугу древнегреческой философии и литературы в создании и исполнении в качестве жизненных принципов высоких нравственных идеалов поведения в социуме, среди которых обычной нормой были филантропия, гостеприимство.

О существовании глубинной связи между древнегреческой и православной позициями в понимании диаконии. В источниках греческой античной литературы использованы понятия «служитель при языческих храмах», «при трапезе» [1. С. 571]. В произведениях Фукидида, Платона, Демосфена, Эскина термин «диакония» употреблялся для обозначения таких понятий, как исполнение долга служения, благотворительность. Грекоязычный синоним последнего из названных понятий – «филантропия» (philen ton anthropon – любить человека), которая начиналась как «теоцентрическая концепция». Эсхил впервые использовал это понятие, описывая подвиг жертвенной любви, проявленной полубогом Прометеем во имя человека.

В досократовской философии, в учении Пифагора справедливость и равенство причислялись к категориям божественного происхождения. Социальному равенству Пифагор придавал особое значение. Платон пишет, что причину зла мы должны искать не в Боге. Аристотель добавляет: «Если бы все люди соперничали друг с другом в нравственном благородстве и стремились совершать благороднейшие дела, было бы полностью достигнуто общее благо, а люди тоже смогли бы наслаждаться величайшим из благ, так как величайшим благом является добродетель» [2]. Аристотель настаивал на идее радостно дающего. По мнению этого философа, необходимо искоренять бедность, потому что она представляет собой угрозу существованию демократического государства и дает основу для социальных бунтов. Во времена Гомера, Афин Солона и Платона, Спарты было запрещено профессиональное попрошайничество. Тем не менее бедность принималась как факт жизни, а милостыня – как ее облегчение. Греки требовали проклятия тех, кто не дал воды жаждущему, огня – нуждающемуся в нем или не указал дороги сбившемуся с пути страннику.

Именно в свете нравственной и интеллектуальной истории дохристианского эллинизма древние христианские авторы, апологеты и Отцы Церкви, такие как философ и мученик Иустин, Климент Александрийский, Василий Кесарийский, Синезий Киренский, а также схоласт Сократ, не только не отвергали, но принимали и поощряли изучение наследия древнегреческой мысли.

Святитель Василий Великий призывал своих учеников изучать этику Гомера, полную нравственных поучений. В «Одиссее» Гомер призывает принимать всякого странника. В классических греческих городах-государствах, будь то Афины, Фивы или далекий Акрагас, различные формы диаконии были обычной жизненной практикой. Благотворительность в виде бескорыстной любви, милостыни, податей без ожидания возврата, жалости и заботы о сиротах, вдовах, престарелых, гостеприимства, питания страждущих практиковалась широко, проявлялась щедро.

Из сказанного следует вывод о том, что в жизни древнегреческого мира слово «диакония» означало исполнение долга культового служения и многочисленные этические проявления в каждодневной практике. Акцентировалось внимание на идеальных формах служения: подвиге жертвенной любви, развивалась потребность в духовности, религиозных основах бытия. Даже социальное равенство, понимаемое необходимым для поддержания государственного порядка, греческие философы причисляли к божественным категориям. Святые Отцы Церкви были уверены, что греческая философия является Божиим орудием для вселенского обращения к христианству. Мученик Иустин (ок. 110–165) объясняет: «Христос есть Логос, и каждый род человеческий причастен к Нему, а жившие с Логосом суть христиане, даже если их считают безбожниками». В 13-й главе своей второй «Апологии» мученик Иустин говорит о Платоне как о «почти идентичном истине в Библии» [2]. Святой Иоанн Лествичник говорил о филантропии как о крыльях молитвы, помогающих ей быть услышанной свыше. Святитель Иоанн Златоуст, который составил чинопоследование евхаристической литургии, обычно совершаемой православными, подчеркивал значение филантропии и служения. Христиане должны находить для них время вне рамок богослужения, в общественных местах, на алтаре сердца своего ближнего. Святитель обращает внимание на фундаментальное единство веры, богослужения, повседневной жизни и служения ближнему. Таким образом, приношение на «втором алтаре» дополняет богослужение, совершаемое на Святой Трапезе [3].

Православное понимание смысла христианского единства и диаконии. Отсюда следует православное понимание диаконии как непрекращающейся литургии, являющейся источником и вершиной всей социальной деятельности.

Именно столь высокое значение диаконии сохраняет РПЦ в своем служении, в том числе и в этой сфере деятельности ВСЦ. Так как в составе этого Совета представители протестантской конфессии имеют численное преимущество, рассмотрим принципиальные отличия православного толкования от предлагаемого протестантством «христианского единства», «диаконии».

Современный западный экуменизм зародился в недрах протестантских деноминаций в результате либерализации церкви и свободного толкования Священного Писания, отрицания Церковного Предания, образования многочисленных деноминаций. Именно недостаток церковности, объединяющей Истины стал главной причиной зарождения современного экуменизма на Западе. Протестантские миссионеры ставили перед собой задачу евангелизации всего мира, скорее принимавшую форму прозелитизма, что вместо создания молитвенной христианской среды, по свидетельству историков западного экуменизма, приводило к провалу миссии, секуляризации общества и упадку веры [4. С. 1].

Как известно, социальная деятельность занимает главенствующую позицию в жизни общин. Напомним наставления основоположника немецкого протестантизма Мартина Лютера в его сочинении «О свободе христианина» (1520): «Для тебя голодные, жаждущие, нагие, плененные, больные, странники – это души твоих собственных детей». Эпоха развитого капитализма не уменьшила числа обездоленных и страждущих. В XIX в. в Западной Европе ввиду возросшего числа социальных проблем протестанты открывают так называемую домашнюю миссию, занимавшуюся подготовкой дьаконов, диаконисс, которые должны были, во-первых, исполнять обязанности по уходу за престарелыми и больными, в том числе эпилептиками, людьми с ограниченными возможностями, а во-вторых, осуществлять учительские функции в своих приходах [5. С. 277]. В это же время развитие общественной благотворительности приводит к созданию нерелигиозной организации «Красный Крест». Одновременно возникает идея подготовки новой категории социальных работников. Выдающийся немецкий социолог М. Вебер говорит о секуляризации американской жизни в XX в. Он отмечает явное превосходство протестантов над другими предпринимателями, чему способствовали рационализм, в разной степени характерный для различных протестантских общин, и свободное понимание вероучения и его законов [6. С. 89].

Уже начиная с XVIII в. шло «превращение церковной жизни и проповеди в придаток социальной деятельности, связанной с задачами и функциями благотворительными», «придаток, сохранивший церковную форму, но совершенно лишенный по существу всякого религиозного содержания» [7. С. 340]. В результате протестантская идеология приводит к целому ряду отрицательных явлений и процессов, наблюдаемых в обществе: 1) потере духовности и обмирщению, т.е. развитию секуляризации; 2) прозелитизму; 3) росту в математической прогрессии числа новых общин и сект с различными принципами и идеологическими установками, что явно не способствует христианскому единству; 4) появлению в соответствии со вселенскими планами протестантского миссионерства идеи создания сначала новой экклезиологии и затем на ее основе церковного единения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. социальная деятельность становится центром жизни религиозных протестантских общин ценою потери духовности. Отсюда позднее придет упрощенное понимание диаконии – не как высокодуховной деятельности, непрекращающейся литургии, а как просто партнерской взаимопомощи.

Известно, что ВСЦ создавался как институт Христианского милосердия, который должен был обладать разработанными принципами скоординированных и надежных действий по оказанию необходимой помощи. Развитие его уже на стадии формирования имело диаконическую направленность, проявленную как в ведущей роли Департамента межцерковной помощи и восстановления в структуре Совета, так и в главенствующих задачах, стоящих перед Всемирным Советом Церквей.

Под оказанием помощи в ВСЦ подразумевалось направление от одной или нескольких церквей любой христианской традиции в одной части мира в адрес церкви в любом уголке мира, любой удаленности от

помогающих сторон независимо от конфессиональной принадлежности. При этом координационная роль в программах и проектах такой межцерковной поддержки принадлежала Совету. Христианское служение здесь понималось как оказание партнерской помощи нуждающимся. Таков был разработанный и принятый образец межцерковной помощи, являвший собой деятельность диаконического профиля.

Православные Церкви дали свое определение экуменической роли ВСЦ, который должен быть «платформой для продолжения богословского диалога о христианском единстве, возможностью для межцерковной помощи и сотрудничества в трудах для мира и справедливости» [8. С. 17].

Православная Церковь является продолжением Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Имея вселенский характер, Церковь существует в виде Поместных Православных Церквей. В решении III Всеправославного предсоборного совещания (1986, Шамбези, Швейцария) сказано: «Миссией и долгом Православной Церкви является преподание во всей полноте содержащейся в Святом Писании и Святом Предании Истины, которая и сообщает Церкви ее универсальный характер» [9. С. 357]. Поэтому социальное служение миру РПЦ могла вести лишь при условии сохранения верности такой позиции. Святоотеческое понимание диаконии как непрекращающейся литургии, являющейся источником и вершиной всей социальной деятельности. Такое понимание этого поприща сохранила и сегодня несет РПЦ.

Лидеры западного экуменизма ради выполнения своих планов стремились к внешнему церковному объединению христианских конфессий. Целый комплекс причин препятствовал православным вступать в контакты с экуменическим движением: отсутствие догматической основы единения, поиск компромиссов для формального единения – предпочтение земного ускорения небесному спасению [10. С. 69–71].

Одним из факторов, позволивших РПЦ вступить в ряды ВСЦ, стало принятие в июле 1950 г. на сессии ЦК ВСЦ в Торонто декларации (получившей неофициальное название «Торонтская декларация»): «Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей», в котором было указано, что ВСЦ не является и никогда не будет церковью [11. С. 666].

Впервые РПЦ выступила как полноправный член ВСЦ на III Генеральной Ассамблее ВСЦ (1961, Нью-Дели, Индия). Русскую делегацию в составе 17 человек возглавил архиепископ Никодим. Вслед за РПЦ в это содружество церквей вступили Румынская, Болгарская, Польская, а затем и другие Поместные Православные Церкви. С самого начала представители РПЦ активно участвовали во всех мероприятиях ВСЦ, в заседаниях ЦК ВСЦ, в проводимых в его рамках встречах представителей Поместных Православных и древних Восточных (нехалкидонских) Церквей.

Укрепление позиций Русской Православной Церкви по диаконии во Всемирном Совете Церквей. С 1970 г. на заседаниях ЦК ВСЦ ставился вопрос о необходимости предоставления Православным Церквям возможности более активно участвовать в деятельности ВСЦ, в том числе в диаконии. С этой целью была проведена консультация руководителей ВСЦ с участием представителей Поместных Православных Церквей. В ходе консультации было высказано предложение об изменение структуры ВСЦ и процедурных правил, так как православные по причине их меньшинства в ВСЦ были фактически лишены возможности влиять на процессы принятия решений. В этом же году была создана Комиссия ВСЦ по вопросам участия церквей в развитии различных направлений его деятельности. Ряд заседаний этой комиссии, по предложению РПЦ, был проведен в СССР. Так, в апреле 1975 г. встреча, посвященная подготовке к V Генеральной Ассамблее ВСЦ, проходила в Ленинградской Духовной Академии и Семинарии. В итоговом коммюнике участники этой встречи подтвердили, что «служение ближнему рассматривается как заповедь Христова, как существенный элемент в миссии Церкви и как путь к сотрудничеству с иными религиями и идеологиями» [12. С. 6]. В июне 1975 г. 6-е заседании комиссии проходило в Московской Духовной Академии в г. Загорске (ныне г. Сергеев Посад). В выступлении митрополита Тульского и Белевского Ювеналия, председателя Отдела внешних церковных сношений (с августа 2000 г. – Отдел внешних церковных связей) Московского Патриархата, было заявлено: «Мы считаем, что, стремясь к вожделенному единству в вере, христиане должны деятельно служить утверждению в человеческом обществе мира и справедливости» [13. С. 8].

При участии представителей РПЦ, известных православных богословов принимались важные документы и обращения ВСЦ. В качестве примера можно привести 29-е заседание ЦК ВСЦ (1976, Женева, Швейцария). В его работе принимали участие: один из президентов ВСЦ митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, члены ЦК ВСЦ митрополит Тульский и Белевский Ювеналий, епископ Выборгский Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси), протопресвитер проф. В. Боровой и другие представители РПЦ в ВСЦ. В ходе совещания был принят документ «Современные обязанности церквей по отношению к беженцам», относящийся к одному из важных аспектов диаконического поприща. Была одобрена Программа по борьбе с расизмом. На этом заседании выступили авторитетные православные богословы: проф. Н. Заболоцкий прочитал доклад «Общинный дух и соборность», проф. А. Осипов выступил с сообщением на тему «Экуменизм Православия», протоиерей проф. Н. Гундяев представил комментарий к докладу «Литургия и духовность», сделанному иеромонахом Афанасием Евтичем, представителем Сербской православной школы. На Межправославной консультации по диаконии на Новом Валааме в сентябре 1977 г. в контексте общего экуменического свидетельства православия было заявлено, что в каждой культуре евхаристическая динамика ведет к «литургии после литургии», т.е. к литургическому использованию материального мира, преображению человеческих объединений в социуме в кинонию (общение, сопричастие и полнота жизни в Боге). Понятия «макро- и микродиакония» были сформулированы на консультации, посвященной церковному

служению, проведенной в 1978 г. в Православной академии на Крите. Микродиаконией названы «конкретные меры, предпринятые Церквями, как средство против критических ситуаций, в которых оказались отдельные люди или группы людей» [14. С. 20]. Макродиакония объединила деятельность миссии диаконической направленности с функциями Комитета по социальной справедливости и свободе, включая контакты и взаимодействие с представителями руководящих органов правительственной власти. Результаты 29-го заседания ЦК ВСЦ, межправославных консультаций стали предпосылкой принятия на VI Ассамблее в Ванкувере (1983 г.) определения диаконии как «литургии после литургии».

Вклад РПЦ в диаконическую деятельность ВСЦ не раз получал высокую оценку. Так, в 1985 г. в Женеве состоялось заседание круглого стола по вопросам межцерковной помощи эфиопскому народу, пострадавшему от засухи, в налаживании нормальной жизни. Представитель Эфиопской церкви выразил благодарность РПЦ за оказанную помощь народу Эфиопии [15. С. 25].

В ноябре 1986 г. в Ларнаке (Кипр) проходила консультация по межцерковной помощи, помощи беженцам и служению миру. Среди 300 ее участников были также делегаты от церквей Советского Союза и представители экуменического актива этих церквей. В совместном коммюнике участники консультации высказали принципиальное одобрение деятельности ВСЦ по реализации различных программных единиц, его шагов к достижению единства убеждений и общности целей христиан. Была выражена надежда на активизацию борьбы с расизмом, гонкой вооружений, милитаризацией. В коммюнике была подчеркнута важность для ВСЦ служения миру и справедливости, решения экономических проблем. Была показана вопиющая непропорциональность ежедневных мировых расходов. Так, в частности, в условиях длительного и углубляющегося экономического кризиса в США почти 2 миллиарда долларов тратится на вооружение. Было подчеркнуто, что гонка вооружений, девальвация, финансовый кризис – все это ставит под угрозу международную безопасность

РПЦ активно участвовала в работе 1-й Всемирной конференции ВСЦ «Справедливость, мир и целостность творения» (1986, Глион, Швейцария), на которой обсуждались вопросы принятия церквями взаимных обязательств по обеспечению справедливости и существования в мире на основе христианских заповедей. В состав делегации РПЦ входили зам. председателя Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата протопресвитер В. Боровой, ректор Ленинградской Духовной Академии и Семинарии, протоиерей Н. Гундяев и сотрудник ОВЦС священник Г. Глушик. На конференции был принят ряд важных документов, среди которых – «заявление о задолженности стран третьего мира», в котором ставилась задача разработки конкретных мер по решению названой проблемы [16. С. 27].

Специальной комиссией по православному участию в ВСЦ, созданной в 2000 г. по инициативе РПЦ, в соответствии с решением, приняты на VIII Генеральной Ассамблее (1998, Хараре, Зимбабве), был разработан ряд положений. В них провозглашался принцип консенсуса в принятии решений, который позволяет учитывать мнение всех церквей – членов ВСЦ путем проведения специальных консенсуальных процедур (а не по большинству голосов). Одобрение этих положений дало возможность делегации РПЦ принять деятельное участие в работе IX Генеральной Ассамблеи ВСЦ (2006, Порту-Алегри, Бразилия). В состав делегации РПЦ, возглавляемой епископом Венским и Австрийским Илларионом, вошли 21 человек – клирики и миряне из России, а также из епархий и приходов Московского Патриархата в дальнем зарубежье. Пленарное заседание IX Ассамблеи было посвящено обсуждению вопросов экономической справедливости. Представитель РПЦ протоиерей В. Чаплин рассказал собравшимся о «нравственных принципах и правилах хозяйствования», принятых в 2004 г. Всемирным Русским Народным Собором. Он передал мнение РПЦ о необходимости создания новых международных экономических структур под управлением представителей разных народов [17. С. 67].

Заключение

Сегодня положительные результаты деятельности Православных Церквей как членов ВСЦ и их роль в экуменическом движении вполне очевидны. Этот вывод подтверждается и в итоговых материалах Специальной комиссии по вопросу об участии Православных Церквей в работе ВСЦ: «Позиция Православных Церквей будет иметь решающее значение в процессе принятия различных документов» [18. С. 138].

ВСЦ служит хорошей трибуной для свидетельства об Истине Православия во всем мире, дает возможность узнавать о происходящем в христианском сообществе, ибо Православию не безразлична судьба сотворенного Богом земного мира. Безусловно, не могут не настораживать проявления крайнего либерализма в деятельности ВСЦ, но пока, как отмечает Патриарх Кирилл, «РПЦ вместе с другими Православными Церквами удавалось удержать Всемирный Совет Церквей от соскальзывания в опасную сторону. Однако в любой момент мы должны быть готовы к решительным шагам, в том числе связанным с приостановкой нашего членства» [18. С. 441]. Что касается высказываний некоторых религиозных и светских деятелей вообще о выходе РПЦ из состава ВСЦ, то, по его мнению, высказанному 30 августа 2006 г., это «лишь подорвет позиции православия в мире» [Там же. С. 440].

Четко сформулирована и позиция РПЦ в отношении будущего экуменического диалога: он возможен лишь при условии сохранения какой-либо общей основы для его реализации. Если же сознательно разрушится сама возможность его ведения, тогда и не оправдано продолжение диалога [Там же. С. 432]. В сфере социального служения как составляющей диаконии, по словам Патриарха Кирилла, препятствий между РПЦ и ВСЦ сегодня не существует [Там же. С. 428].

Хотелось бы также отметить, что РПЦ продвигает православную диаконию не только путем деятельности в ВСЦ, но и через взаимодействие с другими эку-

меническими организациями и церквами, участвуя в совместных конференциях, круглых столах, публикациях, финансовой межцерковной поддержке нуждающихся, а также в многочисленных мероприятиях, проводимых на основе двусторонних отношений РПЦ с другими Православными Церквами. В своей диаконической деятельности РПЦ учитывает опыт социальной работы, проводимой инославными общинами, и исходит из многовековых православных традиций милосердия и благотворительности, построенных с использованием наследия древнегреческой мысли. В святоотеческой традиции, в значительной части современной библейской науки христианство понимается как исполнение, а не полное вытеснение сознания и опыта древнего мира – исполнение иудейских мессианских ожиданий и исполнение эллинских поисков богоявления. Корни милосердия – в христианском духе любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Диакон Желтов М.* Диакон. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. С. 571.
2. *Прот., проф., д-р Деметриос Константелос.* Истоки христианской православной диаконии: Христианская православная благотворительность в церковной истории. URL: http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Constantelos_ru.htm
3. *Ион Бриа.* Литургия после литургии. URL: http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Bria_ru.htm
4. *A History* of the Ecumenical Movement. 1517–1948, edited by Ruth Rouse and Stephen Charles Neill. Third edition. WCC, Geneva, 2004. 838 p.
5. *Dictionary* of the ecumenical movement / ed N. Lossky. Geneva : WCC publications, 1991. 1196 p.
6. *Вебер М.* Избранные сочинения. М. : Прогресс, 1990. 797 с.
7. *Протоиерей Максим Козлов.* Д.П. Огицкий «Западное христианство: взгляд с Востока». М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 395 с.
8. *Консультация* представителей Православных Церквей с руководством ВСЦ, 19 июня 1981 года // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 1981. № 8. 28 с.
9. *Православная* Церковь и экуменическое движение. Решение Третьего Предсоборного всеправославного совещания. Православие и экуменизм. Документы и мтериалы, 1902–1998. М. : Изд-во МФТИ, 1999. 496 с.
10. *Православие* и современность. Речь митрополита Крутицкого и Коломенского Николая на торжественном акте в Московской Духовной Академии. 13 мая 1958 г. // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 6. 79 с.
11. *Спиранская Е.С.* Всемирный Совет Церквей. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. 752 с.
12. *Коммюнике* представителей Всемирного Совета Церквей и делегатов от церквей – членов ВСЦ из СССР на встрече в Ленинграде по подготовке Пятой Ассамблеи ВСЦ // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 1975. № 5. 23 с.
13. *Коммюнике* заседания Комиссии Всемирного Совета Церквей в развитии // Информационный бюллетень № 6 от 30 июня 1975 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 119034, Москва Г-34, ул. Рылеева, 18/2. 21 с.
14. *An Orthodox* Approach to Diakonia: Consultation on Church and Service, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978. Geneva : World Council of Churches, 1980. 24 p.
15. *Заседания* в ВСЦ по вопросам помощи Эфиопии // Информационный бюллетень № 1 от 14 января 1986 года. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 113191, Москва, Даниловский вал, 22, Даниловский монастырь, ОВЦС. 39 с.
16. *Консультация* по программе «Справедливость, мир и целостность творения» ВСЦ // Информационный бюллетень от 26 декабря, № 11, 1986. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 113191, Москва. Даниловский вал. 22, Данилов монастырь. ОВЦС. 44 с.
17. *Состоялась* IX Генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей. Информационный бюллетень № 2, февраль 2006 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных Связей Московского Патриархата. 115191, Москва, Даниловский вал, 22, Свято-Данилов монастырь, ОВЦС МП. 134 с.
18. *Иларион (Алфеев).* Патриарх Кирилл: жизнь и миросозерцание. М. : Эксмо, 2009. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 9 октября 2014 г.

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A MEMBER OF THE WORLD COUNCIL OF CHURCHES: STRENGTHENING THE ORTHODOX POSITION ON ISSUES OF DIAKONIA

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 86-91. DOI: 10.17223/15617793/389/12

Usacheva Olga T. Sts Cyril and Methodius' Church Post-Graduate and Doctoral School (Moscow, Russian Federation). E-mail: lektorij@mail.ru

Keywords: diakonia; Russian Orthodox Church; the World Council of Churches; Orthodox mentality universalism; ecumenical fellowship; religious syncretism.

According to the historians of the West ecumenism, the formation of the World Council of Churches (WCC) was the result of the activity of the protestant missionary and western ecumenical movements aimed at achieving Christian unity. The ideologists of the WCC at the stage of its formation had a goal to create the world Institute of Mercy to render comprehensive help to the needs, both material and spiritual. The Russian Orthodox Church (ROC) has centuries-old practice of the Ministry of Mercy and Charity, or diakonia. St. John Crysostom put into the forefront the fundamental unity of faith, worship, life and service. Hence, for the Orthodox Church diakonia is an ongoing liturgy which is the source and top of social life. The article begins with an etymological analysis of the key concept "diakonia'', which helps to evaluate the merit of ancient Greek philosophy and literature in the creation and performance of high moral ideals of conduct in society as vital principles, among which a usual norm was philanthropy and hospitality. As a member of the WCC, the Russian Orthodox Church is effectively involved in various fields of activity, including diakonia for more than half a century. For the first time, the ROC acted as a full member of the WCC at the third General Assembly of the WCC (1961, New Delhi, India). The contribution of the Russian Orthodox Church in diakonical work of the WCC received high estimation. However, this component of its participation in the WCC is still poorly described. The purpose of the article is to provide a brief overview of the events that are most important for understanding the nature and direction of the Russian Church activities as part of the WCC in different periods, including its participation in the IX General Assembly of the WCC (2006, Porto Alegre, Brazil). The article discusses the concepts "Cristian unity" and "diakonia" in terms of the ROC and the fundamental differences between their Orthodox and Protestant interpretation; there are more representatives of the latter in the WCC. Steps are considered that the ROC made in

order to expand and strengthen the position of the Orthodox Church in the WCC. At the start of the membership in this ecumenical organization the Russian Orthodox Church was outnumbered. Despite that, the ROC, both at the beginning and throughout its activities as part of the WCC, managed to defend the Orthodox understanding of the highly spiritual essence of diakonia as a liturgy after a liturgy. The ROC caused the adoption of Orthodox proposals in the WCC to address structural and organizational issues claimed to adequately account for the views of the Orthodox Church. From the outset, the ROC representatives actively participated in all activities of the WCC, in the meetings of the Central Committee of the WCC, in the meetings of representatives of the local Orthodox and ancient Oriental (non-Chalcedonian) Churches. The ROC positions on a number of critical issues, its contribution to the development of the WCC were announced at ecumenical meetings of different levels. The article focuses on the participation of the Russian Orthodox Church in the assemblies of the WCC, most significant conferences, meetings, consultations. The material is presented in chronological order. The WCC is a good platform for the witness to the Truth of Orthodoxy. It gives an opportunity to learn about the events in the Christian community, to work towards peace and justice. At the Plenary Session of the IX Assembly that discussed the issues of economic justice, the ROC voiced its opinion on the need to create new international economic structures under control of representatives of different nations. The conclusion of the article is that in the sphere of social service (diakonia) obstacles between the ROC and the WCC do not exist today. The article is the author's brief presentation of a research on diakonia in the WCC and the Russian Orthodox Church participation in this activity.

REFERENCES

1. *Diakon* Zheltov M. Deacon [Deacon]. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2006. Vol. XII, 571 p.
2. Demetrios Konstantelos. *Istoki khristianskoy pravoslavnoy diakonii: Khristianskaya pravoslavnaya blagotvoritel'nost' v tserkovnoy istorii* [The origins of the Christian Orthodox diakonia: Christian Orthodox charity in church history]. Available at: http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Constantelos_ru.htm.
3. Ion Bria. *Liturgiya posle liturgii* [Liturgy after the liturgy]. Available at: http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Bria_ru.htm.
4. Rouse R., Neill S.Ch. (eds.) *A History of the Ecumenical Movement. 1517–1948.* Third edition. Geneva: WCC, 2004. 838 p.
5. Lossky N. (ed.) *Dictionary of the ecumenical movement*. Geneva: WCC, 1991. 1196 p.
6. Weber M. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1990. 797 p.
7. Archpriest Maksim Kozlov, Ogitskiy D.P. *Zapadnoe khristianstvo: vzglyad s Vostoka* [Western Christianity: a view from the East]. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2009. 395 p.
8. Konsul'tatsiya predstaviteley Pravoslavnykh Tserkvey s rukovodstvom VSTs, 19 iyunya 1981 goda [Consultation of the representatives of the Orthodox Churches with the leadership of the WCC, June 19, 1981]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 1981, no. 8, 28 p.
9. *Pravoslavnaya Tserkov' i ekumenicheskoe dvizhenie. Reshenie Tret'ego Predsobornogo vsepravoslavnogo soveshchaniya. Pravoslavie i ekumenizm. Dokumenty i materialy, 1902–1998* [Orthodox Church and the ecumenical movement. Third Pre-Conciliar Pan-Orthodox decision meeting. Orthodoxy and Ecumenism. Documents and amterials, 1902-1998]. Moscow: Izd-vo MFTI Publ., 1999. 496 p.
10. Pravoslavie i sovremennost'. Rech' mitropolita Krutitskogo i Kolomenskogo Nikolaya na torzhestvennom akte v Moskovskoy Dukhovnoy Akademii. 13 maya 1958 g. [Christianity and modernity. Speech of Metropolitan Nicholas at the solemn act of the Moscow Theological Academy. May 13, 1958]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, 1958, no. 6, 79 p.
11. Spiranskaya E.C. *Vsemirnyy Sovet Tserkvey. Pravoslavnaya entsiklopediya* [The World Council of Churches. Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2005. Vol. IX, 752 p.
12. Kommyunike predstaviteley Vsemirnogo Soveta Tserkvey i delegatov ot tserkvey – chlenov VSTs iz SSSR na vstreche v Leningrade po podgotovke Pyatoy Assamblei VSTs [Communiqué of the representatives of the World Council of Churches and the delegates from the churches-WCC members of the USSR in Leningrad at the meeting on the preparation of the Fifth Assembly of the WCC]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 1975, no. 5. 23 p.
13. Kommyunike zasedaniya Komissii Vsemirnogo Soveta Tserkvey v razvitii [Communiqué of the meeting of the Commission of the World Council of Churches in the development]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 1975, no. 6, 21 p.
14. *An Orthodox Approach to Diakonia: Consultation on Church and Service, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978*. Geneva: World Council of Churches, 1980. 24 p.
15. Zasedaniya v VSTs po voprosam pomoshchi Efiopii [Meetings of the WCC on aid to Ethiopia]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 1986, no. 1, 39 p.
16. Konsul'tatsiya po programme "Spravedlivost', mir i tselostnost' tvoreniya" VSTs [WCC consultation on the program "Justice, peace and integrity of creation"]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 1986, no. 11, 44 p.
17. Sostoyalas' IX General'naya assambleya Vsemirnogo Soveta Tserkvey [The IX General Assembly of the World Council of Churches]. *Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata* [Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate], 2006, no. 2, 134 p.
18. Ilarion (Alfeev). *Patriarkh Kirill: zhizn' i mirosozertsanie* [Patriarch Kirill: life and world view]. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 560 p.

Received: 9 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 92–97 DOI: 10.17223/15617793/389/13

УДК 141.1

И.В. Черникова, А.А. Карташова

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

Выделены основные отличия информационного общества от общества знаний. Показано, что в информационном обществе знание было прерогативой научной деятельности, а в обществе знания стало источником инноваций. Выявлены различия между социальным конструктивизмом и конструкционизмом. Доказано, что социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности. Обосновано, что конструктивистская дидактика повлияла на формирование новой личностно-ориентированной образовательной парадигмы.

Ключевые слова: образовательная парадигма; социальный конструктивизм; информационное общество; общество знаний; личностно-ориентированное образование; реальность.

Современное общество вступило на новый этап своего развития. Общество, основанное на знании, пришло на смену информационному обществу. Впервые термин «общество знания» был использован в 1966 г. американским политологом Р. Лэйном в качестве аргумента в пользу экспертной поддержки процесса принятия социально значимых политических решений [1. С. 9]. Д. Белл в работе «Конец идеологии», а затем и в работе «Грядущее постиндустриальное общество» предложил иной уровень концептуализации, указав на конституирующую роль информации-знания в становлении качественно новой социальной системы [2. С. 165].

Н. Штер уже в начале 1990-х гг. предложил новую версию концепции «общества знания». В отличие от Белла, он акцентирует роль знания как предпосылки социального действия. Штера интересовали уже не столько технологические аспекты, сколько содержание знания, влияние новых медиа на положение индивида, а также возникающие в связи с этим проблемы солидарности и власти. Штер показал, что усиливающееся проникновение знания на все уровни социальной организации приводит к растущему спросу на квалифицированных специалистов. При этом развитие знания может быть основой как для новых форм неравенства и социальных конфликтов, так и для социальной солидарности.

Человек, накопивший мощную базу знаний и технологическую силу, сегодня несет очень большую ответственность за неадекватное ее применение. Важнейшими составляющими общества знаний являются «нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии. Их связь в западной литературе обозначается термином NBIC-конвергенции». Специальные программы социального развития на основе NBIC-технологий были приняты в Америке и в Европе. Цель этих программ – улучшение качества жизни, в частности реформирование образования на основе мегатехнологий. Обсуждается проблема: как трансформировать обучение из процесса передачи информации в умение хорошо думать, как трансформировать систему образования, ориентируясь на фундаментальные когнитивные процессы? Достижения когнитивных технологий связаны с осознанием ключевой роли самоорганизации в процессах обучения, принятия решений, распознавания образов. Кроме того, в сетевом обществе, каким является общество знания, при решении глобальных проблем знание становится все более социально, этически и политически ориентированным. При возрастании рисков особенно важно именно адекватное применение знания, управления знанием. Разрабатываемые программы образования строятся на достижениях когнитивной науки в понимании природы мышления [3. С. 114].

В официальном документе Федерального министерства образования и науки Германии выражена концепция технологического детерминизма: «Благодаря информационным технологиям, каждые пять лет происходит удвоение глобального знания; только половина этого знания оказывается востребованной и, следовательно, имеющей ценность. Ежедневно на свет появляются 20 000 публикаций по всему миру, а мир никогда прежде не имел такого количества научных работников, производящих знание. Знание может рассматриваться как единственный ресурс, который способен воспроизводиться бесконечно» [4].

В последнее время проводятся также интенсивные исследования перехода информационного и постиндустриального общества, анализ которого был характерен для работ 1960–1970-х гг., к так называемому обществу знания, прежде всего в аспекте социологии и экономики знаний, которые начинают играть все бо́льшую роль наряду с материальными ценностями [5. С. 587]. Развитие самого общества в обществе знания оказывается все более зависимым от производства новых знаний. В отличие от информационного общества, роль знания теперь не является прерогативой лишь научной деятельности. Использование знания рассматривается как усиление способности общества к практическому действию, как источник инноваций. Изменяются требования к науке: теперь она должна предоставлять обществу не только общие знания о природе вещей, но и знания, помогающие решению конкретных социальных, экономических, экологических и иных проблем [6. С. 110].

Сегодня много пишут и дискутируют о необходимости каталогизации имеющихся знаний, осуществления интерфейса между наукой и общественностью, отмечают, что «междисциплинарность» информационного общества сменяется «трансдисциплинарностью» общества знаний. Трансдисциплинарные исследования – это качественно новый этап интегрированности науки в общество. Приставка «транс» (от

лат. trans – сквозь, через) указывает на новый тип производства знаний. Если междисциплинарность – это внутринаучный феномен, то трансдисциплинарность фиксирует такие «познавательные ситуации, в которых по разным причинам научный разум вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным миром» [7. С. 17]. Главное – выявить пробелы в знании, чтобы определить социальный заказ науке и технике.

«Если в информационном обществе возникла надежда с помощью всех благ компьютерной революции стать более информированным, чем раньше, узнавать быстрее и полнее все, что происходит в мире, в культуре, в науке и технике, то сегодня эта надежда рухнула под напором избыточной и часто фальсифицированной информации» [6. С. 111]. И действительно, все, а не только отдельные философы, поняли, что знают определенно только то, что на самом деле ничего не знают. Мы не знаем, какие природные катаклизмы и техногенные катастрофы могут ожидать человечество в будущем и как с ними бороться, какие принимать лекарства, а какие нет, что принесет с собой внедрение тех или иных конкретных наукоемких технологий в смысле их негативных и даже позитивных последствий и т.п. Средства массовой информации подогревают в нас чувство неустойчивости настоящего, неуверенности в будущем и постоянного тревожного ожидания возможной катастрофы.

Конечная цель производства знаний заключается в том, чтобы сделать их полезными обществу и доступными его членам, а не только узкому кругу носителей власти. В тоталитарном обществе информация (или знания) распределяется сверху вниз и строго дозированно. В демократической системе рыночного хозяйства знания рассматриваются как товар. Поэтому большое значение приобретает организация рекламы, сбыта инноваций, анализ рынка и т.п. Демократический порядок знания (плюрализм, свобода слова, печати и т.д.) должен быть законодательно защищен. Например, патентное право призвано защитить собственность изобретателей на их изобретения.

Важной особенностью информационного общества являются производство и использование информации с помощью интеллектуальных технологий, базирующихся на компьютерной обработке информации, что приводит к росту значения в этом обществе теоретического знания и науки. Однако следует учитывать, что информатизированное индустриальное общество детерминировано рыночной экономикой [8. С. 10–28].

В имеющихся характеристиках общества знания фиксируется неоднозначная, даже противоречивая ситуация. С одной стороны, общество знания трактуется как производное от информационного общества, когда в центр внимания попадают вновь возникающие возможности производства и доступности информации, которые обеспечивают новые информационные и коммуникационные технологии. С другой стороны, общество знания должно быть рассмотрено с учетом возникающих при этом рисков, что требует сделать больший упор на обсуждении последствий возрастающей зависимости социальной практики от научного знания. На наш взгляд, эта проблема получает перспективное решение в контексте современных социальных технологий, важнейшим аспектом которых являются образовательные технологии. В обществе знаний имеем дело с социальной распределенностью форм производства знаний. Философские проекты исследования знания, представленные дискриптивистской и нормативистской программами социальной эпистемологии, трактуют знание как субстрат, образующий социальную реальность. Знание рассматривается как конституирующий элемент в структуре социальной реальности, а не только как продукт познавательной деятельности [9].

Методология такого рода исследований разрабатывается в социальном конструктивизме. Цель конструктивизма состоит в исследовании процесса конструирования знаний индивидом, социальным сообществом, наукой. К данному направлению относят генетическую эпистемологию Ж. Пиаже, личностный конструктивизм Дж. Келли, теорию категоризации Дж. Брунера, феноменологическую социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорию социальных систем Н. Лумана. Теории, положившие начало направлению конструктивизма: феноменологическая социология А. Шюца, символический интеракционизм Дж. Мида, а также культурно-историческая психология Л.С. Выготского.

Термин «конструктивизм» впервые начал использоваться Ж. Пиаже в конце 1960-х гг. и приобрёл распространение в 1980-е гг. для обозначения теоретических и методологических схем, акцентирующих роль прошлого опыта, категоризации, установок и схем в процессе восприятия, роль языка, дискурсов и других культурных практик в построении картины мира, роль социальных, исторических и культурных факторов в производстве научных знаний. Ж. Пиаже на материале экспериментальных исследований показал, что познание предполагает редукцию нового опытного материала к уже существующим сенсомоторным и концептуальным структурам, сложившимся у человека в онтогенезе [10. С. 330–334].

Конструктивизм трактует познание как конструирование, а реальность – как продукт познавательной деятельности. В конструктивистских схемах познания информация является продуктом отношения между субъектом и объектом, а не содержится в объекте и не извлекается из него в процессе познания. Определяющее значение имеют исходные установки, практический опыт, средства познания наблюдателя.

Важно заметить, что в конструктивизме признается возможность более и менее адекватного соответствия знаний реальности и, как следствие, возможность более и менее подлинных знаний, теорий, интерпретаций. Абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены довольствоваться рядом последовательных приближений к нему [11. С. 25]. «Существуют разные способы истолкования мира. Одни из них, бесспорно, лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясным и точ-

ным предсказаниям в отношении большего числа событий» [12. С. 112].

В исследованиях можно встретить два термина, близких по смыслу: «социальный конструктивизм» и «социальный конструкционизм». Социальный конструкционизм – термин и концепция, предложенная Б. Латуром, рассматривается как одна из конструктивистских схем познания. Термин «социальный конструктивизм» традиционно используется в исследованиях по психологии, педагогике и образованию.

В работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» сформулированы основные идеи социального конструкционизма как исследовательской программы, направленной на изучение того, как общепринятая в той или иной культуре реальность формируется в результате социальных взаимодействий, включая значения, классификации, ценности, социальные институты, воспринимаемые как части «объективного» миропорядка [13. С. 70–74].

Социальные конструкционисты считают, что реальность конструируется не индивидом, а обществом: любые ментальные конструкции выступают как продукт коммуникации и совместной деятельности людей. Таким образом, подчёркиваются относительность любой теории, неполнота и дополнительность разных точек зрения.

Американский психолог К.Дж. Герген видит задачу наук и образования не в описании реального мира, а в конструировании новых форм отношений и поведения. Он критикует «изобразительную» концепцию языка науки, согласно которой язык функционирует как карта или картина мира, показывая, что речь учёного всегда утверждает определённые ценности и отношения, служит достижению какого-то эффекта. Методы, разработанные социальным конструктивизмом, доказывают, что реальность социально конструируется, и философия знания должна анализировать процессы, посредством которых это происходит. Ее ключевые термины – «реальность» и «знание». «Реальность» можно определить как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а «знание» – как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками [13. С. 80].

Понимание реальности у обычного человека, философа и социолога разное. Философ в силу своей профессии вынужден ничего не принимать на веру и стремиться к достижению максимальной ясности в отношении предельного статуса того, что рядовой человек считает «реальностью» и «знанием».

Согласно нашей точке зрения социология знания должна изучать все то, что считается в обществе «знанием», невзирая на обоснованность или необоснованность самого «знания». И поскольку всякое человеческое «знание» развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит и в результате чего «знание» становится само собой разумеющейся «реальностью» для рядового человека. Знанию присуща человекоразмерность, т.е. естественный порядок, несмотря на наличие искусственного. Это относится как к традиционному обществу с присущим ему преобладанием традиции над инновацией, так и к обществу современному, где инновация преобладает над традицией. В связи с этим в образовании особое внимание уделяется личности, ее особенностям и уникальным качествам. Именно эти уникальные способности являются основной движущей силой инновационного общества. Так начинает складываться личностно-ориентированная образовательная парадигма.

При всем многообразии выражения личности, в общем понимании «личность» рассматривается как «участник историко-эволюционного процесса, выступающий носителем социальных ролей и обладающий возможностью выбора жизненного пути, в ходе которого он преобразует природу, общество и самого себя» [14. С. 134]. В образовании «личностно-ориентированный подход» включает в себя, в первую очередь, создание некоторой системы педагогических условий, способствующих становлению личности.

Конструирование в процессе обучения определяется как «средство углубления и расширения полученных теоретических знаний и развития творческих способностей, изобретательских интересов и склонностей учащихся» [15. С. 127]. Показательно, что «конструкция» может пониматься как некоторая общая система, включающая взаимосвязанные и взаимозависимые части и системы [16]. Применительно к процессу образования конструкция есть единая целостная система с равноправными подсистемами-субъектами «учитель» и «ученик».

Идеи личностного подхода прослеживаются в гуманном обучении и воспитании ребенка, они отражены в воззрениях Конфуция, М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо и других мыслителей. Личностно-ориентированный подход возник как противопоставление устоям авторитарного обучения и воспитания. В его основе лежит стремление учитывать индивидуальность каждого ученика.

В философии конструктивизма учитывается активность и индивидуальный опыт обучаемого. Зародившись в трудах Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Дж. Дьюи, Г. Гарднера, идеи конструктивистской дидактики получили воплощение во многих авторских методиках саморазвития и «свободного воспитания» (М. Монтессори, Р. Штейнер, С. Френе и др.). Определяющей сущностной характеристикой личностно-ориентированного обучения и конструктивистской дидактики являются деятельностный подход и опора на активность обучаемого. Теории А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурия, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева и других исследователей об определяющем значении деятельности самого ребенка в его психическом развитии очень близки конструкционизму и конструктивизму.

Идеи личностного подхода (К.А. Абульханова, И.С. Кон, А.В. Мудрик, А.Б. Орлов, В.В. Давыдов, Я.Л. Коломинский, А.В. Петровский, И.С. Якиманская и др.), идеи развивающего обучения (М.И. Махмутов, П.И. Пидкасистый, И.Я. Лернер, Ш.А. Амонашвили и др.) также находят отражение в технологиях обучения, разрабатываемых в свете педагогики конструктивизма. Характеризуя социальный кон-

структивизм, Е.С. Полат отмечает, что «это направление “выросло” из важнейших ценностей гуманистической психологии и педагогики, которые являются антиподом традиционной, авторитарной педагогики» [17. С. 16].

Традиционно личностно-ориентированный подход рассматривается в рамках развивающего обучения и предполагает максимальный учет индивидуальности учащегося – неповторимого своеобразия каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития в течение жизни [18. С. 9]. И.С. Якиманская справедливо подчеркивает, что «индивидуальность – обобщенная характеристика особенностей человека, устойчивое проявление которых… определяет индивидуальный стиль деятельности как личностное образование» [Там же. С. 19]. Личностно-ориентированный подход предполагает «последовательное отношение педагога к воспитаннику как к личности, как к самосознательному ответственному субъекту собственного развития и как к объекту воспитательного взаимодействия». Цель и задачи личностно-ориентированного обучения заключаются в оказании помощи воспитаннику осознать себя личностью, «в выявлении, раскрытии его возможностей, становлении самосознания, в осуществлении личностно значимых и общественно приемлемых самоопределения, самореализации и самоутверждения» [13. С. 134].

Роль учителя в организации развивающего обучения – создание условий, способствующих раскрытию личности каждого учащегося. В систему принципов, отражающих современные представления об организации личностно-ориентированного обучения, входят следующие положения: обучение не самоцель, а средство развития способностей и задатков учащегося, средство его развития; каждый учащийся уникален и индивидуален; учащийся – субъект учебно-воспитательного процесса; опора в обучении на субъектный опыт обучаемого; предоставление учащемуся свободы выбора содержания (в соответствии с учебными программами), средств и способов изучения учебного материала, организации учебной работы; обеспечение положительного эмоционального контакта в системах «учитель – ученик» и «ученик – ученик» на основе сотрудничества, сотворчества, мотивации достижения успеха; учет ценности мнения и учебных достижений каждого участника учебно-воспитательного процесса и толерантное отношение к ним; оценка учебных достижений не только на соответствие образовательным стандартам, но и как этапов индивидуального личностного роста каждого учащегося.

Таким образом, реализация личностно-ориентированного подхода в обучении делает возможным развитие личности каждого учащегося с максимально полным учетом его индивидуальных особенностей. Такую же цель максимально возможного развития личности и индивидуальности преследует и конструктивистская дидактика.

Конструктивизм отвергает идеи теории объективизма и инструкционизма, рассматривающих процесс обучения как передачу знаний от знающего к незнающему. При этом радикальный конструктивизм в качестве основных тезисов признает положение о том, что процесс восприятия не отражает никакой действительности и человек создает (конструирует) свою относительную и субъективную реальность, учение – полностью самоорганизуемый и самоуправляемый процесс, педагогическое воздействие извне в приобретении знаний не является определяющим и эффективным. Более гибко понимается механизм познания в рамках прагматического (диалектического) конструктивизма, делающего попытку связать конструкции и инструкции, самоуправляемое познание с обучением. Конструктивистская дидактика сегодня рассматривается преимущественно в рамках прагматического конструктивизма.

Конструктивизму близки положения конструкционизма. Родоначальники конструкционизма С. Пейперт (Seymour Papert), А. Кей (Alan Kay) к идее активной деятельностной позиции личности, главенствующей в прагматическом конструктивизме, добавляют идею «личностно значимого» знания, подчеркивая, что наиболее эффективны знания, наделенные личностным смыслом.

Концептуальные положения конструктивизма образования суть целенаправленное саморазвитие и «самосроительство» личности в ходе ее активного взаимодействия с обществом и окружающей средой в течение всей жизни человека, активность личности в учении и неэффективность передачи знаний обучаемому в готовом виде, значимость знаний, наделенных личностным смыслом, необходимость создания условий для саморегулируемого познания, сотрудничество и «мягкое» управлении учением со стороны педагога и др. Конструктивизм рассматривает позицию обучаемого как активную, самоуправляемую, построенную преимущественно на собственной конструктивной активности, лишь ситуативно управляемую извне учителем [19. С. 27]. Современный взгляд зарубежных исследователей и методистов на организационные аспекты педагогического процесса выражается в том, что учитель создает условия для саморазвития учащегося, оказывая ему помощь в случае необходимости, но не дает готовых знаний, моделей, алгоритмов и способов решения задач. Деятельность учителя направлена на формирование самостоятельности каждого учащегося посредством управления самоконструированием ими своего опыта [20. С. 30].

Систему основных принципов конструктивизма образования составляют следующие положения (по Е.С. Полат, М.А. Чошанову): познавательная деятельность представляет собой активный процесс конструирования учащимся своего нового знания на основе сформированного ранее опыта; познание немыслимо без мотивации и осознания цели познания; процесс познания конкретного явления идет одновременно с осмыслением системы явлений. Как следствие, проектирование содержания обучения ведется с опорой на обобщенные концепции, системные знания и интегративные умения; основой формирования опыта служит интеллектуальная деятельность учащегося, что предполагает педагогическое стимулирование его умственной деятельности

(поощрение мышления вслух, высказывания предположений, гипотез и др.); процесс познания основан и эффективен в условиях коммуникации и социальной активности учащегося; познавательная деятельность взаимосвязана с реальной жизнью учащегося; познавательная деятельность требует времени и многократного переосмысления усвоенного; обучение основано на создании условий (выбор методов, форм обучения, средств оценки), подчеркивающих интеллектуальное достоинство каждого учащегося, особую ценность его точки зрения, персонального подхода к решению проблемы, уникального видения ситуации, индивидуального стиля мышления.

Подводя итог, отметим, что переход от информационного общества к обществу знаний привел к изменению образовательной парадигмы. Анализ основных положений конструктивистской дидактики показывает перспективы применения конструктивистской методологии в формировании новой личностно-ориентированной образовательной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krings B.* The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions // Enterprise & work innovation studies. Monte de Caparica. 2006. № 2. P. 9–20.
2. *Крингс Б.* Социологическая перспектива общества, основанного на знании: предложения, факты и точки зрения // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. М. : ИНИОН, 2010. С. 164–169.
3. *Черникова Д.В., Черникова И.В.* Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 114–119.
4. *Bittlingmeyer U.H.* Wissensgesellschaft als Wille und Vorstellung. Konstanz : UVK, 2005.
5. *Юдин Б.Г.* Знание как социальный ресурс // Вестник РАН. 2006. Т. 46, вып. 7. С. 587–595.
6. *Горохов В.Г.* Научно-техническая политика в обществе знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. М. : ИНИОН, 2010. С. 109–133.
7. *Кияшенко Л.* Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–24.
8. *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. М. : ИНИОН, 2008. № 2. С. 10–28.
9. *Черникова И.В., Черникова Д.В.* Концепция знания в обществе знаний и в технонауке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2. С. 114–121.
10. *Пиаже Ж.* Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М. : Прогресс, 1984. С. 325–334.
11. *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск : БГУ, 2003. 232 с.
12. *Касавин И.Т.* Социальная теория познания. М. : УРАО, 2001. 174 с.
13. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
14. *Педагогические* технологии дистанционного обучения. М. : Академия, 2006. С. 131–135.
15. *Педагогический* энциклопедический. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.
16. *Большой* Энциклопедический словарь. URL: http://www.slovopedia.com/2/202/234073.html
17. *Дятлов С.А.* Информационная парадигма социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 1995. № 3–4. С. 17–30.
18. *Якиманская И.С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М. : Октябрь, 1996. 96 с.
19. *Чошанов М.А.* Процесс непрерывного конструирования и реорганизации // Директор школы. 2000. № 4. С. 56–62.
20. *Dubs R.* Lehrerverhalten. Ein Beitrag zur Interaktion zwischen Lehrenden und Lernenden im Unter-richt. Schriftenreihe für Wirtschaftspädagogik. Zürich : SKV, 1995. 400 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 октября 2014 г.

FORMATION OF A NEW EDUCATIONAL PARADIGM IN THE TRANSITION FROM THE INFORMATION SOCIETY TO THE KNOWLEDGE SOCIETY

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 92-97. DOI: 10.17223/15617793/389/13

Chernikova Irina V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Kartashova Anna A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: anianaumova@mail.ru

Keywords: educational paradigm; social constructivism; information society; knowledge society; personality oriented education; reality.

The article is devoted to one of the key problems of modern education: search and study of ways to create a new educational paradigm in connection with the transition from the information society to the knowledge society. The authors proved the possibility and efficiency of social constructivism methodology application in the emerging personality-oriented educational paradigm. To achieve these goals, the authors used the following methods: social constructionism and epistemological constructivism. The role of knowledge in modern society is changing. It can be the basis both for the development of new forms of inequality, social conflict and for social solidarity. Due to the ongoing development of powerful information, people have managed to accumulate a strong knowledge base and technological strength, so today they should bear a greater responsibility for the improper use of it. The paper highlights the main differences between the information society and the knowledge society. It is shown that in the information society, knowledge was the prerogative of scientific activity, and in the knowledge society it has become a source of innovation. Changing the educational paradigm is associated with the transformation of the educational process of the transfer of information to the ability to think well. Achievements of cognitive technology are related to the recognition of the key role of self-organization in learning, decision-making, pattern recognition. Also, the change of the educational paradigm changes science requirements: it must now provide the public not only with general knowledge of the nature of things, but also with the knowledge that helps address specific social, economic, environmental and other issues. The differences between social constructivism and constructionism are described. It is proved that the sociology of knowledge is concerned with the analysis of the social construction of reality. It is proved that the constructivist didactics influenced the formation of a new personality-oriented educational paradigm.

REFERENCES

1. Krings B. The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions. *Enterprise & work innovation studies*, 2006, no. 2, pp. 9-20.
2. Krings B. *Sotsiologicheskaya perspektiva obshchestva, osnovannogo na znanii: predlozheniya, fakty i tochki zreniya* [The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions]. In: *Kontseptsiya "obshchestva znaniya" v sovremennoy sotsial'noy teori*i [The concept of "knowledge society" in modern social theory]. Moscow: INION Publ., 2010, pp. 164-169.
3. Chernikova D.V., Chernikova I.V. Rasshirenie chelovecheskikh vozmozhnostey: kognitivnye tekhnologii i ikh riski [Expansion of human capabilities: cognitive technologies and their risks]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 114-119.
4. Bittlingmeyer U.H. Wissensgesellschaft als Wille und Vorstellung. Konstanz: UVK, 2005.
5. Yudin B.G. Knowledge as a Social Resource. *Vestnik RAN – Knowledge as a Social Resource*, 2006, vol. 76, 7, pp. 587-595. (In Russian).
6. Gorokhov V.G. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v obshchestve znaniya* [Science and technology policy in the knowledge society]. In: *Kontseptsiya "obshchestva znaniya" v sovremennoy sotsial'noy teori*i [The concept of "knowledge society" in modern social theory]. Moscow: INION Publ., 2010, pp. 109-133.
7. Pirozhkov V.V. Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- i kognitivnykh tekhnologiy: vyzov filosofii. Materialy kruglogo stola [Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy. Proceedings of the round table]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2012, no. 12, pp. 3-24.
8. Bekhmann G. Concepts of information society and the social role of information. *Politicheskaya nauka*, 2008, no. 2, pp. 10-28. (In Russian).
9. Chernikova I.V., Chernikova D.V. Knowledge concepts in the knowledge society and in technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014, no. 2, pp. 114-121. (In Russian).
10. Piaget J. *Geneticheskiy aspekt yazyka i myshleniya* [Genetic aspects of language and thought]. In: *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress Publ., 1984, pp. 325-334.
11. Gergen K.J. *Sotsial'nyy konstruktsionizm: znanie i praktika* [Social constructionism: knowledge and practice]. Minsk: BSU Publ., 2003. 232 p.
12. Kasavin I.T. *Sotsial'naya teoriya poznaniya* [Social epistemology]. Moscow: URAO Publ., 2001. 174 p.
13. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p.
14. *Pedagogicheskie tekhnologii distantsionnogo obucheniya* [Pedagogical distance learning technologies]. Moscow: Akademiya Publ., 2006, pp. 131-135.
15. *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Teaching encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2003. 528 p.
16. *Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar'* [Big Encyclopedic Dictionary]. Available at: http://www.slovopedia.com/2/202/234073.html.
17. Dyatlov S.A. Information paradigm of socio-economic development. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, 1995, no. 3-4, pp. 17-30.
18. Yakimanskaya I.S. *Lichnostno orientirovannoe obuchenie v sovremennoy shkole* [Personally oriented training in the modern school]. Moscow: Oktyabr' Publ., 1996. 96 p.
19. Choshanov M.A. Protsess nepreryvnogo konstruirovaniya i reorganizatsii [The process of continuous construction and reorganization]. *Direktor shkoly,* 2000, no. 4, pp. 56-62.
20. Dubs R. *Lehrerverhalten. Ein Beitrag zur Interaktion zwischen Lehrenden und Lernenden im Unter-richt. Schriftenreihe für Wirtschaftspädagogik*. Zürich: SKV, 1995. 400 p.

Received: 10 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 98–101 DOI: 10.17223/15617793/389/14

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7:304.4

А.В. Бокова

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И НАУЧНЫЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта государственного задания «Прикладная гуманитаристика: актуализация практически ориентированных подходов в исследовании культуры», код проекта 2111.

Рассматривается научный и административный подходы к определению понятия «креативные индустрии». По мнению автора, перспективным является научный подход, который предлагает рассматривать креативные индустрии как сложные сетевые структуры. Этот подход позволяет выявить способы существования и развития креативных индустрий, а также сформулировать наиболее эффективные пути формирования культурной политики по отношению к ним.

Ключевые слова: креативные индустрии; культурная политика; сетевые структуры.

Креативные индустрии как особая сфера культуры стали предметом теоретического осмысления совсем недавно. В конце XX в. значимость культурного потенциала и творческого труда была обоснована с помощью экономических показателей. Все творческие виды деятельности и обслуживающие их производства объединены в экономический сектор, который назван «креативные индустрии». Этот термин быстро распространился благодаря тому, что вошел в риторику чиновников и административного аппарата. В начале XXI в. понятие «креативные индустрии» вошло в научный дискурс. Как в административных документах, так и в научных исследованиях встречаются два понятия: «креативные индустрии» и «культурные индустрии».

Например, в австралийской модели [1] культурные индустрии включают все виды творческой деятельности, в том числе государственные и субсидируемые организации, а креативные индустрии – коммерческие организации, организации индивидуальных предпринимателей и бизнес-проекты в сфере искусства и культуры. В концепции креативной Британии [2, 3] эти понятия отождествляются. Также креативные и культурные индустрии упоминаются как одна из основ различных типов постиндустриальной экономики, таких как культурная экономика, экономика знаний, экономика впечатлений, экономика переживаний и т.д. Ученые Квинслендского технологического университета предлагают рассматривать креативные индустрии как социальные сетевые рынки. В данной статье внимание концентрируется именно на креативных индустриях, которые находятся вне поля субсидируемого сектора, являются достаточно самостоятельными в принятии решений и способствуют развитию творческого труда в современных социально-экономических условиях.

В 2013 г. по результатам очередного мониторинга NESTA [4] выяснилось, что Великобритания теряет статус лидера в секторе креативных индустрий и уступает позиции Германии, Китаю, США. На заре популяризации идеи о креативных индустриях в качестве универсальности было предложено делать акцент на тех отраслях культуры, которые наиболее развиты на территории. С одной стороны, это предполагало индивидуальный подход, с другой – полностью нивелировало общность и цельность концепции.

В результате анализа креативных индустрий разных стран выявляется, что классификации построены на различных основаниях. Это не позволяет идентифицировать их, проводить сравнительный анализ, вырабатывать универсальные инструменты развития, а также формировать механизмы культурной политики и формы поддержки. Причина заключается в понятии «креативные индустрии» и в его содержательном аспекте, для определения которого предлагается рассмотреть административный и научный подходы.

Административный подход к определению понятия изучен на материалах правительства Австралии [1, 5] и Великобритании [2, 3, 6], где принято решение поддерживать творческую деятельность и развивать культурную политику в этом направлении в 1994 и 1997 гг. соответственно. Проследить эволюцию понятия «креативные индустрии» возможно с помощью сравнительного анализа двух австралийских документов: «Creative nation: Commonwealth cultural policy» (1994) [1] и «Building a Creative Innovation Economy» (2008) [5]. Если в 1994 г. к «культурным индустриям» были отнесены все возможные виды деятельности в сфере культуры, искусства и творчества, то в 2008 г. творческий сектор разделен на «культурные индустрии», к которым относится субсидируемый сектор, и «креативные индустрии», включающие коммерческие виды творческой деятельности. Австралийское правительство декларирует важность культурной политики и культурных индустрий, развитие которых строится на формировании комплексных отраслевых стратегий, поддержке культурных организаций, создании рабочих мест. Достижение успешных результатов возможно посредством создания условий для эффективной работы культурных организаций в рыночной среде и их поддержки, повышения объемов культурного экспорта и развития новых технологий, обеспечения защиты интеллектуальной собственности.

В Великобритании понятие «креативные индустрии» было введено в 1997 г. Основной критерий креативных индустрий – это экономический эффект, возможность коммерциализации. Такой подход объ-

ясняется тем, что концепция развития креативных индустрий возникла в разгар глобализации мировой экономики, в результате которой произошел кризис промышленных территорий в Европе. С целью выхода из кризиса было предложено рассматривать развитие креативных индустрий как стратегическое направление экономики в Великобритании на политическом и государственном уровне. Департамент по вопросам культуры, медиа и спорта сформулировал определение «креативных индустрий» как совокупности отраслей, которые «имеют свое происхождение в индивидуальном творчестве, мастерстве и таланте, и которые имеют потенциал для богатства и создания новых рабочих мест, путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [6]. В таком виде понятие транслировалось в течение 15 лет. Великобритания, в связи с нарастающей конкуренцией, пришла к необходимости актуализировать концепцию, пересмотреть критерии оценки и способы формирования статистических данных.

Методология административного подхода – это картирование. Особенность такого типа исследования заключается в жесткой привязке к территории. Основным источником информации являются статистика и социологические опросы, которые формируют картину о вкладе креативных индустрий в местную экономику, количестве людей, занятых в данном секторе, а также формулируют проблемы и представление о точках роста. Базовым фактором развития является уровень урбанизации. Таким образом, с помощью картирования может быть получена информация о конкретной территориальной единице. Минус подобных исследований заключается в том, что статистические данные недостаточно полные, так как статистика не учитывает таких важных показателей для креативных индустрий, как творческий труд, творческие специальности, нематериальные результаты и социокультурное влияние. Социологические исследования носят субъективный характер.

Административный подход к содержательному определению креативных индустрий характеризуется отраслевой направленностью, так как основным критерием является экономический потенциал творческой деятельности или творческого продукта. Все виды деятельности отнесены к отраслям, по которым далее происходят формирование статистических данных и построение итоговой картины по сектору. Отрасли, отнесенные к креативным индустриям, существовали и ранее и продолжают существовать в том же виде. В этой связи встает вопрос о целесообразности их объединения в креативные индустрии, если для качественно нового развития нет предпосылок. Отраслевой подход является поверхностным. Постановка вопроса о характере рынка, который координирует индустрию, придает смысл выделению креативных индустрий как уникального сектора экономики. Безусловно, продукт, предлагаемый креативными индустриями, помимо утилитарного, имеет и символическое значение, которое и делает его особенным. Акт выбора потребителя зависит не только от определенного набора стимулов, описанных в традиционной теории потребительского спроса, но и от других стимулов, таких как вкус, цена, популярность, культура.

Методология научного подхода – это критический и системный анализ. Критический подход представлен в работе философов франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно [7], где культуриндустрией названа сфера досуга и развлечений, которая сегодня составляет часть креативных индустрий. Также в работе Вальтера Беньямина [8] рассматриваются предпосылки, которые привели к возможности массового тиражирования произведений искусства и потери ценности этих произведений. Критический подход был характерен для исследователей середины XX в., когда изменения в связи с массовым тиражированием не только начали происходить в культуре, но и стали необратимыми. На сегодняшний день гораздо более актуален вопрос о том, как с этим жить. Понимание сути, структуры и содержания креативных индустрий дает возможность прогнозировать результаты деятельности, формулировать принципы культурной политики и адекватно управлять процессами.

Ученые Квинслендского технологического университета представляют собственную позицию по определению креативных индустрий, которая основывается на организации способов производства и потребления и формулируется следующим образом: «Креативные индустрии представляют собой набор видов экономической деятельности, которые включают создание и поддержание социальных сетевых рынков и генерации стоимости, индексации выбора через производство и потребление в этих сетях» [9]. В частности, Джон Хартли [10] предлагает рассматривать креативные индустрии как социальные сетевые рынки, которые представляют собой группу отдельных агентов, принимающих решение о производстве и потреблении, основанные на действиях других агентов сети. В действительности, такой подход дает возможность рассмотреть структуру отдельной креативной индустрии и сформировать модель сетевой структуры, в рамках которой она существует. Определение строится не с позиций художественной или творческой новизны в социальном контексте, а с точки зрения индивидуального выбора в контексте сложной сетевой структуры.

Джейсон Поттс и Стюарт Каннингем [11] предлагают четыре модели креативных индустрий, которые сформулированы в зависимости от экономической ценности. Первая модель – креативные индустрии – нуждающиеся в субсидиях и постоянной или периодической финансовой поддержке. Вторая модель – креативные индустрии, подчиненные стандартной индустриальной политике, имеющие потенциал создания промышленного или производственного предприятия. Третья модель – креативные индустрии, в которых есть потенциал высокого темпа роста и, соответственно, инвестиционная привлекательность. Четвертая модель – креативные индустрии, основанные на знании и имеющие потенциал стать акторами инновационной политики. Таким образом, сектор креативных индустрий анализируется и сегментируется по характеру производства продукта, финансирования, исходного ресурса, инновационного потенциала.

В совокупности все четыре модели представляют полный охват всего сектора креативных индустрий. В данном случае модель представляет собой не вариативный подход к развитию, а разделение на четыре сегмента. Для каждого из них необходима собственная модель культурной политики.

Научный подход наиболее полно и системно рассматривает креативные индустрии, в том числе их структуру и содержание. В понятии необходимо учитывать следующие составляющие: креативность как способность генерации новых и инновационных идей, креатив как способность к творчеству, производственный потенциал, способность установления качественных и стабильных связей, экономический потенциал, символическая ценность, способность к развитию и масштабированию, возможность создания элитарного или эксклюзивного. В статье «Is creation an industry? A constructive critique of the economics of the cultural and creative industries» Алан Фриман [12] рассуждает об экономических основаниях, позволяющих отнести культурные и креативные индустрии к сектору экономики. Одно из оснований – это творческий труд как экономический фактор, который является основополагающим для креативных индустрий. Это важный критерий отличия креативных индустрий от некреативных, имеющий социально-экономическое влияние.

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что благодаря активной экспансии идеи о креативных индустриях в европейские и азиатские страны, Великобритания создала основание для научной и политической интенсификации, направленной на осмысление творческой деятельности как ключевого фактора социоэкономического развития. Доминирующий аспект в административном подходе – это экономический потенциал, в научном подходе – жизненный процесс. Главное отличие этих подходов связано с пониманием того, что собой представляют креативные индустрии. И в этом смысле научный подход является наиболее адекватным, поскольку изучение способов жизнедеятельности и взаимодействия с внешним миром позволяет прогнозировать и разрабатывать принципы культурной политики с целью повысить эффективность, уровень, качество и статус, которые оказывают непосредственное влияние на экономический потенциал. Поверхностный взгляд на способы существования некоторых крупных представителей креативных индустрий, например издательства, продюсерские центры или телевизионные компании, позволяет предположить наличие некой универсальной схемы взаимодействия как внутри индустрии, так и с внешним миром. Креативные индустрии включают субъектов творческой деятельности, посредников, производителей и производственные системы, а также получателей конечного продукта или услуги. Между этими субъектами выстраиваются взаимосвязи различного типа, которые способствуют жизнедеятельности креативных индустрий и появлению новых творческих продуктов и услуг.

Началом креативной индустрии является субъект творческой деятельности, вокруг которого кооперируются другие субъекты, имеющие возможность извлекать прибыль из результатов этой деятельности. Наличие действующих субъектов и взаимосвязей между ними дает возможность предположить, что креативные индустрии существуют по законам сетевых структур. А поскольку при рассмотрении любой креативной индустрии фиксируется наличие разного уровня субъектов и разные типы связей между ними, то можно предположить, что эти сетевые структуры являются сложными. В продолжение данного исследования планируется рассмотреть креативные индустрии как сложные сетевые структуры. Предпосылкой к формированию данной позиции является кластерный подход к развитию креативных индустрий и актуализация новых практик нетворкинга в творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Creative* nation: Commonwealth cultural policy // Commonwealth Department of Communications and the Arts. Australia[Canberra], 1994. 102 p. URL: http://www.pandora.nla.gov.au/pan/21336/200310110000/www.nla.gov.au/creative.nation/contents.html (дата обращения: 06.02.2014).
2. *Creative* Industries Mapping Documents 2001 / The Department of Culture Media and Sport. 2001. 21 p. URL: http:// www.culture.gov.uk (дата обращения: 06.02.2014).
3. *The Creative* Britain Strategy / The Department of Culture Media and Sport. 2008. 79 p. URL: http://www.agcas.org.uk/assets/download?file=567&parent=253 (дата обращения: 06.02.2014).
4. *Bakhshi H., Freeman A., Higgs P.* Dynamic mapping of the UK's creative industries. 2013. 78 p. URL: http://www.nesta.org.uk (дата обращения: 06.02.2014).
5. *Building* a Creative Innovation Economy / The Cultural Ministers Council Creative Economy Roundtable. 2008. 57 p. URL: http://www.cmc.gov.au (дата обращения: 06.02.2014).
6. *Creative* Industries Task Force Report / The Department of Culture Media and Sport. 1998. URL: http://www.culture.gov.uk (дата обращения: 06.02.2014).
7. *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. 215 с.
8. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под ред. Ю.А. Здорового. М. : Медиум, 1996. С. 66–91.
9. *Potts J., Cunningham S., Hartley J., Ormerod P.* Social network markets: A new definition of the creative industries // Journal of Cultural Economics. 2008. URL: http://www.cultural-science.org/FeastPapers2008/JasonPotts1Bp.pdf (дата обращения: 06.02.2014).
10. *Hartley J.* From the Consciousness Industry to Creative Industries: Consumer-created content, social network markets and the growth of knowledge. Oxford, 2008. 26 p. URL: http://www.cultural-science.org/FeastPapers2008/JohnHartleyBp1.pdf (дата обращения: 06.02.2014).
11. *Potts J., Cunningham S.* Four models of the creative industries // Cultural Science. 2008. URL: http://www.cultural-science.org/FeastPapers2008/StuartCunninghamBp.pdf (дата обращения: 06.02.2014).
12. *Freeman A.* Is creation an industry? A constructive critique of the economics of the cultural and creative industries // London Metropolitan University. 2012. 21 p. URL: http://www.papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2074338 (дата обращения: 06.02.2014).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 15 октября 2014 г.

CREATIVE INDUSTRIES: ADMINISTRATIVE AND ACADEMIC APPROACHES TO THE DEFINITION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 98-101. DOI: 10.17223/15617793/389/14

Bokova Anna V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avbokova@gmail.com

Keywords: creative industries; administrative approach; scientific approach; cultural policy; network structures.

The article reviewed scientific and administrative approaches to the definition of creative industries. The main criterion of the administrative approach is economic potential in the creative work or creative product. According to QUT scientists, creative industries are based on the arrangement of production and consumption. Creative industries are characterized as economical branches which exist as the social network markets. The scientific approach examines the structure and content of creative industries. Bases of creative activity as a key factor of social and economic progress study have been laid in Great Britain. In the administrative approach economic potential is prevalent and in the scientific approach vital action dominates. The main difference between these approaches is connected with the understanding of creative industries. The scientific approach is more relevant, because the research of life activity ways and interactions with the external world allows to develop principles of cultural policy for increasing the efficiency, level and quality of a life. In the definition of creative industries, it is necessary to consider the following components: creativity as an ability to generate innovative ideas, creativity as an ability to be creative, productive capacity, the ability to establish high-quality and stable relations, economic potential, symbolic value, possibility of creating something elite or exclusive. Analysis of such prominent creative industries as publishing companies, producing centers, television broadcasters suggests the existence of a universal structure of interactions not only inside, but also outside the industry. Creative industries include creative work subjects, agents, producers and production systems and consumers of creative products and services. Between these subjects interrelations of various types are built; they help the creative industries to live and new creative products and services to appear. The basis of creative industries is creative work subject with different subjects around it, they co-operate and get an opportunity to gain profits. Availability of actors and interactions between them let us suggest that creative industries exist as network structures. There are different types of subjects and different types of interactions between them in any creative industry. That is why we can suppose that these network structures are complicated. Further in this research, the author plans to examine creative industries as complicated network structures. Background for this position is the cluster approach to the development of creative industries and actualization of new networking practices in creative work.

REFERENCES

1. Commonwealth Department of Communications and the Arts. *Creative nation: Commonwealth cultural policy*. Australia [Canberra], 1994. 102 p. Available at: http://www.pandora.nla.gov.au/pan/21336/200310110000/www.nla.gov.au/creative.nation/contents.html. (Accessed: 06th February 2014).
2. The Department of Culture Media and Sport. *Creative Industries Mapping Documents 2001*. 21 p. Available at: http://www.culture.gov.uk. (Accessed: 06th February 2014).
3. The Department of Culture Media and Sport. *The Creative Britain Strategy*, 2008. 79 p. Available at: http://www.agcas.org.uk/assets/download?file= 567&parent=253. (Accessed: 06th February 2014).
4. Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. *Dynamic mapping of the UK's creative industries*, 2013. 78 p. Available at: http://www.nesta.org.uk. (Accessed: 06th February 2014).
5. The Cultural Ministers Council Creative Economy Roundtable. *Building a Creative Innovation Economy*, 2008. 57 p. Available at: www.cmc.gov.au. (Accessed: 06th February 2014).
6. The Department of Culture Media and Sport. *Creative Industries Task Force Report*, 1998. Available at: http://www.culture.gov.uk. (Accessed: 06th February 2014).
7. Horkheimer M., Adorno T.V. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow; St. Petersburg: Medium, Yuventa Publ., 1997. 215 p.
8. Benjamin B. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected essays]. Moscow: Medium Publ., 1996, pp. 66-91.
9. Potts J., Cunningham S., Hartley J., Ormerod P. Social network markets: A new definition of the creative industries. *Journal of Cultural Economics*, 2008. Available at: http://www.cultural-science.org/FeastPapers2008/JasonPotts1Bp.pdf. (Accessed: 06th February 2014).
10. Hartley J. *From the Consciousness Industry to Creative Industries: Consumer-created content, social network markets and the growth of knowledge*. Oxford, 2008. 26 p. Available at: http://cultural-science.org/FeastPapers2008/JohnHartleyBp1.pdf. (Accessed: 06th February 2014).
11. Potts J., Cunningham S. Four models of the creative industries. *Cultural Science*, 2008. Available at: http://www.cultural-science.org/FeastPapers2008/ StuartCunninghamBp.pdf. (Accessed: 06th February 2014).
12. Freeman A. *Is creation an industry? A constructive critique of the economics of the cultural and creative industries*. London Metropolitan University, 2012. 21 p. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2074338 (Accessed: 06th February 2014).

Received: 15 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 102–107 DOI: 10.17223/15617793/389/15

УДК 940.5 (471.13)+069

Д.В. Ерошевская

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «МОСКОВСКО-СИБИРСКИЙ ТРАКТ» БОЛЬШЕУКОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматривается история и деятельность историко-культурного музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт». В результате исследования были охарактеризованы основные виды деятельности музея и состояние его материально-технической базы. Автором сделан вывод о значении музея в культурной и туристической жизни региона.
Ключевые слова: музей-заповедник; Большеуковский район; Московско-Сибирский тракт.

Большеуковский район – одно из старейших административных образований на северо-западе Омской области. Площадь района составляет 9,5 тыс. кв. км (6,8% территории Омской области). Центр района с. Большие Уки находится на расстоянии 290 км от г. Омска.

Историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» существует с 1991 г., когда исполнительным комитетом районного совета народных депутатов было принято решение о создании Большеуковского историко-краеведческого музея.

В результате изучения источниковой базы был получен материал, анализ которого позволяет заключить, что наряду с традиционными видами деятельности, которые осуществлял музей на протяжении всей своей истории развития, в последние годы заметным явлением в его работе становится туристическая направленность. Данное обстоятельство связано с тем, что по территории Большеуковского района проходит участок Московско-Сибирского тракта, являющийся памятником истории и дорожного строительства XVIII в. Это была самая длинная дорога в мире, по которой не только перевозили каторжан и ссыльных, но и использовали ее как наиболее короткий почтовый и торговый путь, связывающий окраины государства с центром. По Московско-Сибирскому тракту на каторгу через Большеуковский район в свое время проследовали декабристы: С.Г. Волконский, С.П. Трубецкой, А.З. Муравьев, Е.П. Оболенский и др. На данный момент на территории России имеется два музея, посвященных Московско-Сибирскому тракту. Один был открыт в 1990-х гг. в Удмуртии в п. Дебессы, другой – в Больших Уках, где сохранился исторический участок тракта от д. Становка до д. Форпост.

Целью нашего исследования является изучение истории и деятельности историко-культурного музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» в период с 2006 по 2013 г. включительно. В рамках данного исследования мы обращаемся к характеристике видов музейной деятельности, состоянию материально-технической базы, проблемным вопросам, с которыми сталкивался музей в изучаемые годы, а также отмечаем возможности и степень развития туризма в регионе. Принятые хронологические рамки обусловлены тем, что в 2006 г. на базе Большеуковского историко-краеведческого музея был образован Музей истории Московско-Сибирского тракта, который, претерпев некоторые изменения в названии и статусе в 2013 г., осуществляет свою деятельность и в настоящее время.

Исследование базируется на следующих видах источников: годовые отчеты музея с 2006 по 2013 г., материалы местной печати (газета «Луч» в 2000-е гг.), а также официальный сайт музея [1]. В настоящее время указанные виды источников являются единственными по истории и деятельности музея. Это отмечает и его директор с 1997 г. Евгений Петрович Зензин – местный краевед, бывший директор Форпостской средней школы, создатель музея истории с. Форпост Большеуковского района [2]. В связи со сложившейся ситуацией попытка воссоздания краткой истории и деятельности историко-культурного музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» представляется весьма актуальной и значимой с практической точки зрения.

В связи с вступлением в действие Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Большеуковский историко-краеведческий музей с 1 января 2006 г. получил новый статус и наименование – межпоселенческое учреждение культуры «Музей истории Московско-Сибирского тракта» [3].

Проанализировав имеющиеся источники, мы пришли к выводу, что в исследуемые годы музей сотрудничал с районным архивом, комитетом государственной статистики, комитетом по молодежной политике, Советом ветеранов, школами района, администрациями сельских поселений и другими организациями.

В 2012 г. в Музее истории Московско-Сибирского тракта (далее МИМСТ) была создана научно-историческая библиотека, основу которой составили книги из личных библиотек А.Н. Красноперова, Г.Е. Давыдова, В.Э. Берзина, З.К. Морозовой, В.Н. Сергиенко. Библиотеке было присвоено имя местной писательницы А.С. Кожемякиной.

Очередные изменения в статусе и названии музея в Больших Уках произошли в апреле 2013 г., после чего он стал именоваться «Историко-культурным музеем-заповедником “Московско-Сибирский тракт”» [4]. В результате проведенных преобразований началась работа с администрацией Становского сельского поселения Большеуковского района по передаче ряда объектов историко-культурного наследия в состав музея-заповедника. Совместно с предпринимателем К.П. Новиковым велись работы по созданию туристической базы в с. Становка. Еще больше активизировалась работа по установке мемориальных досок и памятных знаков в населенных пунктах Большеуковского района для воссоздания исторической атмосферы.

Например, устанавливали верстовые столбы на участке Московско-Сибирского тракта от д. Становка до д. Форпост, информационные щиты и другое. На месте существовавшей ранее притрактовой деревни Аёвский Волок в 2013 г. был установлен поклонный крест с иконой Святителя Николая.

В процессе изучения отчетной документации МИМСТ был проанализирован материал по штатному расписанию музея, который позволил нам сделать вывод о том, что количество сотрудников в исследуемые годы постепенно увеличивалось. В разное время появлялись ставки заведующего отделом природы, хранителя фондов, художника-оформителя, дизайнера, а также обслуживающего персонала (3 человека). В настоящее время основной персонал музея (научные сотрудники и экскурсоводы) составляет 8 человек. Штатная численность охраны музея составляет 4 единицы. Все сотрудники музея проходят проверку на принадлежность к криминальным структурам. Полученные данные свидетельствуют о том, что в музее имеется достаточно широкий круг специалистов для реализации различных видов музейной деятельности.

Характеризуя состояние материально-технической базы и проблемных вопросов, с которыми сталкивался музей в исследуемые годы, можно отметить, что еще с октября 2004 г. он разместился в новом здании, в котором находится и сегодня. Это двухэтажное каменное здание бывшего банно-прачечного комбината общей площадью 1200 кв. м, которое в 2000 г. было передано под историко-культурный центр. Здесь планировалось разместить музей, картинную галерею, библиотеку и иные учреждения. Изначально музей занял часть помещений общей площадью 203 кв. м, из них 77 кв. м использовались под экспозиции, а остальные требовали проведения ремонтных работ. Необходимо было приобрести выставочные витрины для создания экспозиций, а также офисное оборудование, оргтехнику для организации рабочих мест сотрудников [3].

В рамках Областной инвестиционной программы по реконструкции культурно-исторического центра с 15 марта 2006 г. по 30 октября 2007 г. осуществлялись ремонтные работы в музее, в результате которых были подготовлены 9 выставочных залов, 4 кабинета для сотрудников, 3 хранилища [5], а уже 30 октября 2007 г. прошла официальная церемония открытия историко-культурного центра. С этого момента музей начал осуществлять в полном объеме все виды деятельности. К тому же, как отмечено в отчетной документации, с 2007 г. музей в Больших Уках начал позиционировать себя как туристический объект [6].

В новом здании музея была введена сторожевая круглосуточная охрана, установлен телефон. Музейные хранилища были оборудованы вентиляционной системой, установлены железные двери; появилось хранилище для особо ценных предметов. Для новых поступлений было оборудовано специальное помещение – «изолятор». В целях ограничения проезда автотранспорта на территорию музея был установлен шлагбаум, проведены работы по освещению прилегающей территории [7]. Общая площадь музея в настоящий момент составляет 866,2 кв. м, из них экспозиционная – 375,3 кв. м, фондовая – 32,7 кв. м [8]. В 2011 г. в музее установлено видеонаблюдение, появился доступ к сети Интернет, официальный сайт и заведена электронная почта. В шести выставочных залах установлена аудиосистема. В картинной галерее при музее был установлен телевизор, что позволило сотрудникам проводить занятия с использованием мультимедийных презентаций.

Для характеристики деятельности, которую осуществлял музей в исследуемые годы, нами были обозначены отдельные ее виды. Наиболее важной из них является фондовая деятельность, которая включает работу по комплектованию, а также учету и хранению фондов.

Число предметов в 2006 г. составляло 3 445 единиц хранения основного фонда и 727 научно-вспомогательного, а в 2013 г. – 5 111 и 2 326 единиц соответственно. В основном это предметы живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства, быта и этнографии, нумизматики, археологии, редкие книги и другие предметы. Фонды пополняются в основном за счет дарений местными жителями. Например, местный художник и поэт Г.Е. Давыдов подарил музею несколько своих картин, а сельчане приносили предметы быта и декоративно-прикладного искусства. В исследуемые годы пополнились коллекция грампластинок, коллекция фотографий и документов о первом редакторе районной газеты и об участниках Великой Отечественной войны. Сотрудники музея неоднократно организовывали Дни дарений; продолжали формировать гербарий травянистой растительности Большеуковского района и фиксировать на фото растения, занесенные в Красную книгу Омской области. Большую роль в комплектовании фондов сыграли экспедиции сотрудников музея и деятельность краеведческого кружка «Наследие» под руководством Е.П. Зензина.

Комплектование музейных фондов носит плановый характер и подчиняется формированию собраний музейных предметов для конкретных выставок и экспозиций.

В целях осуществления учета музейных предметов составляются акты приема, ведутся картотека, книги поступлений. С 2008 г. начали составлять акты выдачи предметов для экспонирования. В этом же году была проведена сверка музейных фондов. С 2010 г. предметы начали вносить в Генеральный электронный каталог. В 2013 г. таких предметов было 689, 621 из которых были оцифрованы.

В хранилищах соблюдается температурно-влажностный режим. Денежные знаки разного достоинства и прочие ценности хранятся в двух металлических шкафах, запирающихся на внутренние замки.

Пополнялся и фонд библиотеки, который в настоящее время насчитывает более 3000 единиц и располагается в отдельном помещении. Ведется учет книжного фонда, имеется систематический каталог, заведены формуляры читателей.

Важным направлением деятельности музея является научно-исследовательская работа.

Проанализировав имеющиеся материалы, мы можем заключить, что основными объектами для изучения были местный фольклор, материальная и духов-

ная культура жителей Большеуковского района, поиск имен участников Великой Отечественной войны, погибших на фронте и не вошедших в Книгу Памяти Омской области. Для этих целей в музее была заведена Книга Памяти Большеуковского района, которая в настоящее время существует в электронном варианте. Создана база данных о тружениках тыла. Исследовали и историю исчезнувших деревень, в результате чего организовывались экспедиции в соответствующие населенные пункты. Сотрудниками музея были подготовлены статьи о них в «Энциклопедию исчезнувших деревень и сел Большеуковского района». Организовывались энтомологические экспедиции под руководством заведующего отделом природы В.Ю. Теплоухова. А в 2013 г. совместно с Омским отделением Русского географического общества была организована экспедиция «Сибирские тракты» с целью исследования участков Московско-Сибирского тракта на территории Большеуковского района.

Активная научно-исследовательская работа по истории Московско-Сибирского тракта проводится и членами музейного кружка «Наследие», которые с результатами своих исследований неоднократно занимали призовые места в различных конкурсах, форумах [9].

В результате совместной деятельности МИМСТ и районной библиотеки ежегодно издается календарь памятных дат района. Сотрудниками музея постоянно публикуются в средствах массовой информации материалы, популяризирующие культурно-историческое наследие Большеуковского района. В 2008 г. была подготовлена обзорная статья по истории Большеуковского района для регионального издания «Энциклопедический словарь Омской области». В 2011 г. было подготовлено приложение к книге «Солдаты Победы», посвященное 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны, в котором уделено внимание и советско-финской войне 1939–1940 гг., участию в ней большеуковцев.

МИМСТ принял участие в социологическом исследовании, проведенном Научно-исследовательским институтом информационных технологий социальной сферы и лабораторией музееведения Кемеровского государственного университета культуры и искусств совместно с Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение». Основной целью исследования являлось изучение современного состояния информатизации этнографических музеев Западной Сибири и степени доступности этнокультурного наследия региона для широких слоев населения посредством информационно-коммуникационных технологий. По результатам исследования музей в Больших Уках вошел в десятку лидеров [10].

Еще одним важным видом деятельности, основанном на фондовой и научно-исследовательской, является экспозиционная деятельность.

В 2006 г. в музее действовали экспозиции: «Здесь великое былое словно дышит в забытьи», «Из бабушкиного сундука», «Память сердца говорит» [11]. Анализ имеющихся источников позволяет сделать вывод о том, что на протяжении всего исследуемого промежутка времени музей придавал большое значение патриотическому воспитанию и изучению истории родного края. Также в музее проводились выставки картин местных художников и работ местных мастеров декоративно-прикладного искусства.

Предметы этнографии районных музеев Омской области, в том числе и из Большеуковского музея, выставлялись в Омском историко-краеведческом музее на выставке «Ремесла Омской области». На областной сельскохозяйственной губернаторской ярмарке МИМСТ выставлял работы местных художников.

В осуществлении экспозиционной работы МИМСТ также сотрудничает с различными местными учреждениями и организациями. Например, совместно с Центральной районной библиотекой были оформлены выставки: «Омичи за единство», «Выполняя волю народа».

Ежегодно создавались выставки к наиболее значимым историческим и праздничным датам района, области, страны, в оформлении которых экспозиционеры использовали материалы о земляках. Музей на своих площадях размещал и передвижные выставки. Например, в 2007 г. это была передвижная выставка «Достоевский в Омске» из Омского государственного литературного музея им. Ф.М. Достоевского и др.

В 2008 г. в музее открылась новая экспозиция музея «Сибирская почтовая станция» и был оформлен «Мемориал краеведов», где представлены портреты известных людей, стоявших у истоков местного краеведения: М.И. Рассказова, А.М. Берзина, Е.Е. Комарицина, Л.М. Левендеева, Р.М. Широкова, В.И. Тиханова, Т.И. Гермони, Ф.К. Расташанского. Они были выполнены художниками музея Б.П. Рокиным и Ю.А. Киккасом. В этом же году сотрудники музея приняли участие в отраслевой выставке «Сибирская агропромышленная неделя», на которой были представлены туризм и культура Болышеуковского района, основные отрасли производства – льноводство, животноводство, зерновое и лесное хозяйство, деревообрабатывающая промышленность. Выставка Большеуковского района стала призером среди северных районов Омской области.

К 65-летию Великой Победы была перестроена экспозиция в зале Боевой Славы, работали многочисленные выставки на военную тематику. Создавались выставки в картинной галерее при МИМСТ. Чаще всего это были выставки работ местных художников.

В 2011 г. музею исполнилось 20 лет со дня образования. К юбилею был подготовлен ряд экспозиций и выставок, посвященных истории становления и развития музея: «Память места», «Страницы истории» и др.

Сотрудникам МИМСТ в 2012 г. на экспозиции были созданы фрагмент военно-оборонительного укрепления XVIII в. «Зудиловский форпост» и новая экспозиция, посвященная 430-летию покорения Сибири Ермаком. Частично были реконструированы экспозиции по археологии и этнографии.

Музей в Больших Уках в 2013 г. стал участником региональных проектов «Сибириада», «Покров над Омском», а в международный День музеев в Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля он представил выставку «Сибирские каторжники».

Сотрудники музея оказывают помощь в создании экспозиций сельским и школьным музеям, например, в 2013 г. помогали сельскому общественному «Музею истории с. Становка».

С учетом наиболее значимых исторических и праздничных дат в разные годы создавались выставки, посвященные государственным и профессиональным праздникам: Дню защитников Отечества, Дню Победы, Дню защиты детей, Дню работника дорожного хозяйства, Дню медицинского работника и др. Ежегодно в конце октября в музее открывались выставки, посвященные памяти жертв политических репрессий.

В настоящее время в музее работают портретная галерея краеведов «Соль земли», зал природы, где представлена авторская энтомологическая коллекция В.Ю. Теплоухова, экспозиция по древней истории края, диорама «Московско-Сибирский тракт», выставка православных икон в домовой часовне в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», исторический комплекс «Ушедшая эпоха», этнографическая выставка «Русская изба» и выставка-продажа предметов декоративно-прикладного искусства мастеров Н.К. Кольч, Д.Б. Фрихерта, Ю.Ф. Клещенка, Г.Т. Бизиной и многих других.

На основе обозначенных выше видов деятельности строится и культурно-образовательная деятельность. За годы существования музея здесь тоже сложились свои традиции.

Согласно изученным материалам, ежегодно в МИМСТ растет посещаемость и количество проводимых экскурсий. Общее количество посещений музея в 2013 г. составило 7 538. Среди посетителей музея были граждане 11 стран и 28 российских регионов, но основные посетители музея – это дошкольники и школьники. Музей проводит встречи с интересными людьми. Совместно с районным Домом культуры организуются мероприятия, посвященные государственным и профессиональным праздникам, юбилейным датам различных организаций района, краеведческие викторины для школьников, мероприятия на «Праздники села», праздничные мероприятия, посвященные юбилеям сел района и международной акции «Ночь музеев». Ежегодно сотрудники МИМСТ для местных школьников читают лекции с учетом программ регионального компонента «Историко-культурное наследие Омского Прииртышья» и «Основы православной культуры». Проходят занятия по отдельным темам истории, литературы, окружающего мира, географии.

Совместно с Центральной районной библиотекой в 2009 г. подготовлены мероприятия, посвященные жизни и творчеству А.П. Чехова, С.А. Есенина, а с Детской районной библиотекой – мероприятия, посвященные памяти местного художника А.Б. Рыбина. В 2010 г. творчество мастеров декоративно-прикладного искусства музей представлял на районной Покровской ярмарке.

Начиная с 2010 г. ежегодно 1 сентября на музейной площадке сотрудники проводят мероприятие, посвященное покровителям домашних животных Святым Флору и Лавру.

МИМСТ участвует и в грантовых проектах, например, в 2012 г. музей подготовил проект по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию «Московско-Сибирский тракт – связующая нить времен» и стал обладателем гранта правительства Омской области.

Помимо вышеобозначенных видов деятельности историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» в настоящее время развивает на своей территории туристическую деятельность. Как упоминалось ранее, начиная с 2007 г. музей в Больших Уках начал позиционировать себя как место с большими перспективами для развития туризма.

В рамках этого направления своей деятельности МИМСТ в 2010 г. принял участие в региональной выставке-фестивале «Омская культура: известные имена и неизвестные факты», которая позволила презентовать проект музея, направленный на развитие туристической деятельности.

В г. Омске на территории памятника природы «Птичья гавань» установлен указатель расстояний до основных туристических объектов региона, в том числе и до Большеуковского района.

В самом музее-заповеднике «Московско-Сибирский тракт» оформлена выставка, посвященная рекреационным ресурсам Большеуковского района, в которой отражены основные виды туризма – культурно-познавательный, охотничье-рыболовный, паломнический. Например, музей в Больших Уках вошел в паломнический маршрут Омской митрополии в результате сотрудничества с православным центром «Фавор». Большеуковский район неоднократно являлся местом проведения различных туров любителей экстремального туризма на квадроциклах по маршруту исчезнувших деревень.

Проанализировав имеющиеся источники, становится понятным, что сотрудники музея участвуют в семинарах, круглых столах и конференциях, на которых представляют свои доклады о возможностях развития туризма в регионе. Например, международная научно-практическая конференция «II Манякинские чтения: уникальный туристско-рекреационный потенциал музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» («Золотое кольцо Прииртышья») как элемент устойчивого развития региона», состоявшаяся в г. Омске в апреле 2013 г. и направленная на развитие сельского туризма в Омской области. Идею развития туризма в Большеуковском районе поддержали губернатор Омской области В.И. Назаров, ректор Российского государственного торгово-экономического университета Сергей Бабурин и др.

Тема развития туризма в Большеуковском районе неоднократно освещалась на страницах газет «Аргументы и факты», «Омская трибуна», «Четверг», «Тюкалинский вестник», «Луч», «Тарское Прииртышье», «Знамя труда», «Вперед», «Российская газета», в журналах «Сельская новь», «Неизвестная Сибирь». Например, в газете «Комсомольская правда» имеется статья, в которой музей в Больших Уках был назван одним из пяти чудес Омской области. Тема развития туризма освещалась и на международной выставке в Германии, где региональное Министерство по моло-

дежной политике, туризму и спорту, представляя Омскую область, в разделе «Туризм сельских поселений» презентовало музей в Больших Уках и туристический маршрут по Московско-Сибирскому тракту.

В фонде музея имеется несколько видеофильмов о самом музее, о Московско-Сибирском тракте, музей в Больших Уках не раз являлся объектом внимания радио и телевидения. Все это местные власти и дирекция музея рассматривают как рекламу, которая должна положительно сказаться на развитии туризма в регионе. Например, документальный фильм А. Бакаева и Е. Севастьянова «Сибирское царство. Скрытая история» состоит из четырех историй, одна из которых посвящена Московско-Сибирскому тракту. Съемки велись в Большеуковском музее и на участке дороги между селами Становка и Форпост. В июне 2012 г. на «Радио России» прозвучала передача о музее в Больших Уках и необычном туристическом маршруте по Московско-Сибирскому тракту. Также сюжет о Большеуковском музее был представлен на 12-м телеканале, а в 2013 г. – на центральном телевидении Китая в рамках съемок фильма «Великий чайный путь».

Вопросы развития туризма и музейного дела на территории Большеуковского района рассматривались на расширенном заседании коллегии Большеуковского района, на районном Совете депутатов в 2013 г. Итогом этой деятельности явилось решение об утверждении в районном бюджете подпрограммы «Развитие туризма» в рамках районной программы «Социально-экономическое развитие Большеуковского района».

В настоящее время в Больших Уках разработан и действует туристический маршрут, участникам которого предлагают исторические реконструкции на участке старой дороги, катание на лошадях и др. Участок сохранившегося Московско-Сибирского тракта привлекает внимание не только организованных групп, но и отдельных туристов. В с. Становка открыта небольшая туристическая база «Острог». Действует общественный музей, проведен ремонт имеющихся памятников, установлены памятные знаки и информационные щиты. Жители села и работники местных учреждений культуры являются участниками исторических реконструкций. В д. Форпост выстроен фрагмент старинного острога XVIII в. – «Зудиловский форпост» и имеется зал, посвященный декабристам.

Подводя итоги, можно заключить, что историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» в настоящее время не только осуществляет все виды музейной деятельности и является центром сосредоточения культуры в селе и в районе в целом, но и в последние годы развивает новое направление в своей деятельности – туризм.

Стоит отметить, что рост культурной составляющей в жизни современного человека способствует повсеместному распространению культурного туризма, в котором музеи занимают позиции содержательных доминант [12]. Они предлагают широкой публике комплекс объектов показа, создают культурные программы и различные мероприятия для туристов, что мы видим в последние годы в деятельности музея в Больших Уках. Во-первых, это создание диорамы «Московско-Сибирский тракт» и фрагмента военно-оборонительного укрепления XVIII в. «Зудиловский форпост», во-вторых, установка верстовых столбов на участке Московско-Сибирского тракта от д. Становка до д. Форпост для воссоздания исторической обстановки места, в-третьих, на тракте туристы могут стать участниками исторической реконструкции, т.е. переодеться в одежду каторжников, надеть кандалы и пройти по историческому пути, прокатиться на лошади и т.д. В сельской местности это особенно актуально ввиду того, что музеи здесь нередко являются единственными обладателями элементов инфраструктуры приема и являются главной имиджевой составляющей района.

Музей в Больших Уках, на наш взгляд, активно начал развивать туризм в последние годы, свидетельство тому большой интерес к музею людей из различных стран, например Германии, Украины, Казахстана, Белоруссии, Эстонии, Австралии и др. О музее снимают документальные фильмы, ему посвящают радиопередачи, он является объектом внимания телевидения, как местного, так из других регионов России и стран мира. Несмотря на данные обстоятельства, основными посетителями музея по-прежнему являются школьники, соответственно и деятельность музея в большей степени ориентирована на эту категорию, а содержание его работ больше напоминает деятельность краеведческого музея. Попытки музея позиционировать себя как содержательную доминанту культурного туризма начиная с 2007 г. выражаются создании отдельных частей экспозиции на соответствующую тематику, участии музейных сотрудников в конференциях по проблемам развития туризма. Поэтому туризм как новое направление в деятельности музея находится в начальной стадии развития. Музею еще предстоит проделать большую работу по исследованию самого Московско-Сибирского тракта, расширению экспозиции музея на соответствующую тему, созданию и реализации крупномасштабной культурной программы для туристов. Необходимо проводить работы по благоустройству исторических сел Становка и Форпост, где располагаются основные экскурсионно-туристические объекты, важно благоустроить дорогу в эти населенные пункты, организовать охрану памятников истории и культуры, расположенных в туристической зоне [4]. Все это музей в Больших Уках в настоящее время пытается реализовать, используя возможности государственно-частных партнерств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИКМЗМСТ – историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт».
МИМСТ – Музей истории Московско-Сибирского тракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Музей-заповедник* «Московско-Сибирский тракт». URL: http://muzeitrakt.ucoz.net/ (дата обращения: 10.05.2014).
2. *Киреева Е.* Вас встречает музей // Луч. 1997. 12 мая.
3. *Годовой* отчет Музея истории Московско-Сибирского тракта за 2006 г. // Научный архив МИМСТ.
4. *Годовой* отчет историко-культурного музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» за 2013 г. // Научный архив ИКМЗМСТ.
5. *Пояркова Л.* В Больших Уках событие // Луч. 2007. 26 окт.
6. *Годовой* отчет Музея истории Московско-Сибирского тракта за 2007 г. // Научный архив МИМСТ.
7. *Годовой* отчет Музея истории Московско-Сибирского тракта за 2008 г. // Научный архив МИМСТ.
8. *Годовой* отчет Музея истории Московско-Сибирского тракта за 2010 г. // Научный архив МИМСТ.
9. *Зотов А.* Знай наших! // Луч. 2006. 23 июня.
10. *Годовой* отчет Музея истории Московско-Сибирского тракта за 2011 г. // Научный архив МИМСТ.
11. *Пояркова Л.* Здесь великое былое словно дышит в забытьи // Луч. 2007. 19 янв.
12. *Культура* и искусство Омской области в 2012 году : сб. Омск, 2012.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 6 октября 2014 г.

THE HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE "THE MOSCOW-SIBERIAN ROUTE" OF BOLSHEUKOVSKY MUNICIPAL DISTRICT OF OMSK OBLAST

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 102-107. DOI: 10.17223/15617793/389/15

Eroshevskaya Daria V. Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: sima59510@mail.ru

Keywords: museum-reserve; Bolsheukovsky municipal district; Moscow-Siberian route.

The article is devoted to the study of a district museum's history and activities. The author described a wide range of sources most of which had not been published earlier. A number of agencies and organizations which cooperated with the museum-reserve were characterized on the basis of the data obtained. The analysis of the staff schedule showed the quantitative and qualitative changes that happened in recent years and had a positive impact on the work of the museum in Bolshie Uki. The material about the current state of the material-technical base was presented and the problematic issues that influenced the museum in the course of its historical development were characterized. Most of the article is a description of the main museum activities: scientific stock work, research, exhibition, cultural and educational. On the basis of the reviewed source base, the author states that along with the traditional activities that were carried out by the museum throughout its history the tourist orientation has become a noticeable phenomenon in its work in recent years. This circumstance is due to the fact that a section of the Moscow-Siberian route, which is a monument of history and road construction of the 18th century, is in the territory of Bolsheukovsky District. It was the longest road in the world that was used not only for transportation of convicts and exiles, but also as the shortest postal and trade route that linked the remote areas of the state and the center. This topic is gradually reflected in all kinds of museum work. The author comes to a conclusion that the historical and cultural museum-reserve "The Moscow-Siberian Route" performs all basic types of museum activities: it is the center of culture concentration in the village and the district as a whole and it develops tourism, a new direction in its activities in recent years. It is noted that the growth of the cultural component in modern life contributes to the widespread dissemination of cultural tourism in which museums are crucial for they offer exhibits, create cultural programs and various activities for tourists, which has been reflected in the activities of the museum-reserve in Bolshie Uki in recent years.

REFERENCES

1. Muzey-zapovednik "Moskovsko-Sibirskiy trakt" [Museum "Moscow-Siberian route"]. Available at: http://muzeitrakt.ucoz.net/. (Accessed: 10th May 2014).
2. Kireeva E. Vas vstrechaet muzey [Museum greets you]. *Luch*, 1997. 12 May.
3. Godovoy otchet Muzeya istorii Moskovsko-Sibirskogo trakta za 2006 g. [Annual Report of the Museum of History of the Moscow-Siberian route]. Scientific Archive of MIMST.
4. Godovoy otchet istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika "Moskovsko-Sibirskiy trakt" za 2013 g. [Annual Report of Historical and Cultural Museum "Moscow-Siberian route" for 2013]. Scientific Archive of IKMZMST.
5. Poyarkova L. V Bol'shikh Ukakh sobytie [Bolshie Uki host an event]. *Luch*, 2007. 26 October.
6. Godovoy otchet Muzeya istorii Moskovsko-Sibirskogo trakta za 2007 g. [Annual Report of Historical and Cultural Museum "Moscow-Siberian route" for 2007]. Scientific Archive of MIMST.
7. Godovoy otchet Muzeya istorii Moskovsko-Sibirskogo trakta za 2008 g. [Annual Report of Historical and Cultural Museum "Moscow-Siberian route" for 2008]. Scientific Archive of MIMST.
8. Godovoy otchet Muzeya istorii Moskovsko-Sibirskogo trakta za 2010 g. [Annual Report of Historical and Cultural Museum "Moscow-Siberian route" for 2010]. Scientific Archive of MIMST.
9. Zotov A. Znay nashikh! [Know us!]. *Luch*, 2006. 23 June.
10. Godovoy otchet Muzeya istorii Moskovsko-Sibirskogo trakta za 2011 g. [Annual Report of Historical and Cultural Museum "Moscow-Siberian route" for 2011]. Scientific Archive of MIMST.
11. Poyarkova L. Zdes' velikoe byloe slovno dyshit v zabyt'i [Here the former great is as if breathing in a trance]. *Luch*, 2007. 19 January.
12. *Kul'tura i iskusstvo Omskoy oblasti v 2012 godu : sbornik* [Culture and Art of the Omsk region in 2012: a collection].

Received: 6 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 108–111 DOI: 10.17223/15617793/389/16

УДК 32

Л.А. Коробейникова

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГУМАНИЗМА

Представлен анализ основных направлений современного теоретизирования по проблеме гуманизма, показывающий изменения дискурса по рассматриваемой проблеме в направлении перехода от антропоцентристской парадигмы классического гуманизма к гуманизму нового типа, ориентированному на утверждение гармонии человека и природы, человека и его тела (экологический гуманизм, демократический гуманизм, академический гуманизм и др.). Показано, что основная цель нового гуманизма – реинтеграция человека в природу.

Ключевые слова: культура; цивилизация; новоевропейские культурные ценности; гуманизм.

Переходя к анализу нового типа гуманизма, необходимо отметить неопределенность постановки этой проблемы, исследования по которой чаще всего ведутся как критика результатов непредвиденного развития научно-технического прогресса, в связи с чем новый гуманизм оказывается вариантом преодоления кризисной ситуации. В попытках обосновать переход от ренессансного гуманизма к гуманизму нового типа, получающему разные названия: «экологический гуманизм» (Х. Сколимовски, И. Пригожин и др.), «демократический гуманизм» (Г.Г. Дилигенский, В.А. Лекторский), «академический гуманизм» (П. Мур, И. Бэббит и др.) и т.д., проявляется общая для конца XX – начала XXI в. тенденция к отказу от антропоцентризма в мировоззрении.

Изменения, последовавшие в эпоху седьмой энергетической революции, имеют большие последствия. Принципы старого гуманизма заключаются в его ориентации на человека. Однако сейчас, когда человеческое тело исключено из производительных сил, «кажется очень трудным следовать этому принципу» [1. С. 242]. Человечество вступает в эпоху новой Реформации, которой предстоит решить судьбы гуманизма и цивилизации в целом. Выработанные нормы не могут быть отброшены, но предстоит их новое прочтение, введение в новые социокультурные и идеологические контексты. Онтологические основания нового гуманизма обнаруживаются уже сейчас – в виде связи его судеб с судьбами всего окружающего человека мира. Поиски нового гуманизма, при всей пестроте разрабатываемых альтернатив, ведутся по двум вполне традиционным направлениям: сциентистскому и антисциентистскому, которые отличаются друг от друга набором средств и методов исследования.

Внутри первого направления можно выделить несколько вариантов решения проблемы: техницистский – «мегамашина» (Л. Мэмфорд), теория «коммунитаризма» и «гуманизации техники» (Э. Фромм), компьютеризация управления (Р. Гароди), освобождение от разделения труда (О. Тоффлер); структуралистский – «демократический гуманизм» (К. Леви-Стросс); синтез естественного (природного и человеческого) – «академический гуманизм» (П. Мур, И. Беббит и др.), «экологический гуманизм»; «научный гуманизм» (физикалисты, И. Пригожин). Техницистский вариант гуманизма противостоит традиционному гуманизму в оценке человека как структурного элемента, ввергнутого в социальный процесс в чисто служебной функции. Альтернатива, созданная в рамках техницистской мысли Л. Мэмфордом, – всеохватывающая индустриально-политическая «мегамашина». С точки зрения Э. Фромма, ценностные аспекты человеческого существования могут приобрести существенную значимость в жизни каждого индивида и на базе научно-технической революции при том условии, что грядущее технотронное общество будет опираться на гуманизированную технику. Осуществление гуманистического коммунитаризма требует введения гуманистического планирования, гуманизации управления через соучастие людей в принятии решений, гуманизации потребления и ценностей. Предпочтение техники гуманистическим целям составит сущность гуманизации техники. Альтернатива Р. Гароди – внедрение гуманных отношений между людьми с помощью компьютеризации управления, ведущего к гуманизации производства.

О. Тоффлер мыслит регуманизацию человека как освобождение от закрепощающего разделения труда. Представители структуралистской антропологии выдвигают проблему универсального гуманизма, понимаемого как построение общего людского дома, как проблема перепроверки всего уже построенного, причем с опорой на фундамент, на действительно общее для всех обитателей этого дома. Универсальный гуманизм, или «новый гуманизм», не существует в виде уже найденного решения человеческих проблем, это задача, которая стоит перед антропологией; решающий жизненный эксперимент; психологическая готовность и теоретическая способность принятия Другого путем переосмысления самого себя. Ученый-гуманист должен углубить свое исследование общего фундамента человеческой культуры, пока не обнаружит такие уровни, относительно которых он сможет с уверенностью сказать: это наше общее достояние.

Историко-теоретические доказательства в защиту тезиса о возможности «нового гуманизма» приводит К. Леви-Стросс, вычленяя три последовательных этапа становления гуманизма. Начальный этап – конец Средневековья и Возрождение, эпоха открытия Античности. Человеческий космос ограничивался пределами Средиземноморья. Второй этап – эпоха Просвещения, которая вписывает в свою картину мира Индию и Китай и начинает высказывать (Руссо, Дидро) догадки и возможности открытия в будущем неведомых отдаленных цивилизаций. Третий, нынешний этап гуманизма связан с интересом к немногим уцелевшим под натиском европейской цивилизации «примитивным обществам». Экстенсивный этап раз-

вития гуманизма на этом завершается, поскольку не остается больше неизвестных обществ, которые нужно было бы описывать и изучать, хотя возможности развития гуманизма вглубь далеко не исчерпаны. Эти три этапа отличаются друг от друга, во-первых, объектом – пространственным охватом; во-вторых, набором средств и приемов исследования, в-третьих, широтой социального охвата. Вопрос обоснования универсального гуманизма с точки зрения структуралистской антропологии связан с вопросом с возможности сверхрационализма – нового единства чувственного и рационального.

Более конкретно сверхрационализм предстает в структурной антропологии К. Леви-Стросса как переосмысление мыслительного фундамента европейской цивилизации с позиций первобытной логики в ее общечеловеческих потенциях. Под поверхностью явлений обнаруживается бессознательно функционирующая структурированность. В особенности эта логика чувственных качеств четко проявляется в мифологическом мышлении, наиболее свободном и спонтанном. Для решения задач нового гуманизма нужны усилия естественных и гуманитарных наук. Свою концепцию гуманизма, рассмотренную как третья форма после «аристократического» и «буржуазного» гуманизма, К. Леви-Стросс представляет как «демократический» гуманизм, который противостоит предшествующим, созданным для привилегированных, исходя из привилегированных цивилизаций. Этот самый широкий, «обобщенный» гуманизм, охватывающий все человечество и призывающий к примирению человека и природы, основывается на структурной этнологии, изучающей «непривилегированные цивилизации» с помощью методов и техник всех наук, поставленных на службу познания человека. Он ориентирован против эгоцентризма и разрушительных тенденций современного «цивилизованного» человека, так как требует исходить не из себя, а ставить мир выше жизни, жизнь – выше человека, а уважение к другим существам – выше любви к собственной персоне. Реинтеграция человека в природу имеет своей оборотной стороной новую форму гуманизма, в которой совершается переворачивание привычной иерархии ценностей: природа становится выше человека. Последнее нужно понимать не буквально, а как практический ориентир, противопоставляемый другим ориентирам. Это борьба против разрушительного воздействия на природу современной цивилизации, против истребления нецивилизованных народов, в основе чего лежит, по мнению К. Леви-Стросса, тенденция к общему выравниванию.

В целом структуралистская философия отвергает трансцендентальный гуманизм. В концепции структурализма развенчивается и историческое бытие, и историческое познание. Опора на трех китов субъективизма – историю, субъекта, самосознание – погружает современную философию в «антропологический сон». Для того чтобы пробудить мысль, К. Леви-Стросс предлагает «антропологическое сомнение» как решающий жизненный эксперимент; Ж. Лакан ищет уровня закона, уровня символических закономерностей, определяющих сознание и поведение человека; М. Фуко вычленяет ряд сменяющих друг друга «эпистем» или «дискурсивных формаций». На месте интериоризованной истории как способа бытия и мысли воцаряется глубинная структура, на месте сознания – бессознательное, на месте субъекта – язык, что и определяет поиски нового гуманизма.

Среди предлагаемых вариантов синтеза природного и человеческого можно выделить «академический гуманизм» (П. Мур, И. Бэббит, Н. Форстер, Дж. Эллиот, С. Коллинз). Представители этого направления к силам, противодействующим гуманизму, относят науку, «романтизм», «гуманитаризм», распространяющий «романтизм» на социологию и анализ религии. П. Мур считает, что условием восстановления утраченных ценностей является возврат к адекватной трактовке природы человека, признанию того, что его жизнь протекает на двух уровнях: природном и человеческом. Признание этого дуализма составит философию гуманизма, в отличие от традиционной философии натурализма. В новый гуманизм вводятся религиозные ценности (мистического и персоналистского толка).

Новый гуманизм исходит из несотворенности мира. Для гуманистического возрождения, по мнению Г.М. Джоунса, важно избежать материализма и атеизма и взять за основу присущее человеку чувство достоинства. Разноликий и многовариантный экологический гуманизм отличает переориентацию от человека на природу. Антропоцентризм как основная характеристика традиционного гуманизма в нем преодолевается. Новый, научный гуманизм предлагают физикалисты. Р. Рорти считает, что ментальная онтология столь же архаична, как и онтология средневекового человека, который объяснял болезнь воздействием «ведьм». И подобно тому, как язык ведьм был заменен языком современной медицины, язык алхимии – химией, астрологии – астрономией, менталистский язык будет заменен языком науки [2]. Преодоление дегуманизации естественнонаучного знания и выросшей на этой почве контраверзы сциентизма и гуманизма осуществляется благодаря осознанию включенности человека как субъекта познания в само тело научного знания. Уже Кант сформулировал идею принципиальной зависимости содержания научного знания от установок и предпосылок субъекта познания, проведя различие между «вещью в себе» и явлением [3. С. 102]. Открытия современной науки раскрывают реальную перспективу гуманизации всей сферы науки и техники и возвещают зарождение «третьей культуры» (по определению И. Пригожина), сущность которой заключалась бы в следующем: будучи «гуманной культурой», она стала бы поддерживать постоянную связь с культурой науки. Речь идет о такой науке, которая, в отличие от классической, «монолитической» науки, будет проводить различие между разными уровнями описания исследуемого предмета. Эта новая наука больше уже не является религией прогресса, а становится формой гуманизма, переносящего во Вселенную, развивающуюся во времени, существование которой доказано А. Эйнштейном и современной астрофизикой. Она становится произведением творческих способностей человека и

тем самым преодолевает упрощенные концепции XIX в. В новой науке И. Пригожин видит решение не только энергетических и демографических проблем, но и проблем морали и гуманизма в современном мире. Основание для этого он усматривает в новых открытиях естественных наук, прежде всего в открытиях, подтверждающих возникновение порядка из хаоса посредством «флуктуации», равно как и в других открытиях, необратимость потока времени и тем самым «сближающих Ньютона с Бергсоном и устанавливающих союз с природой» [4. С. 222, 223]. В «Философии нестабильности» И. Пригожин подчеркивает, что универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией. Вырисовываются контуры нового гуманизма, к которому ведет идея нестабильности. Основные постулаты, выдвинутые в связи с необходимостью перехода к новому типу гуманизма: единство науки и гуманистических ценностей, необходимость ставить гуманистические цели выше исследовательских, регулирование научных исследований исходя из гуманистических ценностей. Если раньше гуманистические представления были связаны с культом знаний, возвеличиванием разума, то теперь возникают формы антисциентистского, иррационального гуманизма, аппелирующего к подсознанию. Проблематика ряда направлений (феноменологии, экзистенциализма, персонализма и др.) концентрируется вокруг поисков нового гуманизма [5].

Д. Ласки так определяет отличительные черты «феноменологической праксеологии», составляющей базу нового гуманизма: укорененность в широком эволюционном понимании жизненного процесса человека, восходящая далее к высшим проявлениям человеческого духа и культуры; стимулирование исследований в психологии, психиатрии, медицине, социологии; стремление к объединению теории и практики на новом уровне. Цели современной феноменологии заключаются в новом обосновании наук о человеке средствами феноменологического анализа; в новом обосновании этики и ценностей; в осмыслении интерсубъективных отношений как первоосновы жизненного мира. В смещении проблематики феноменологии к проблематике человеческого тела также проявляется интенция, направленная на поиски нового гуманизма.

Своеобразную трактовку гуманизма предлагает Ж.-П. Сартр. Человеческая природа, с его точки зрения, ни добра, ни зла, она прежде всего свободна. Человеческая истина – это результат свободного выбора, человек выбирает сам, полностью принимая последствия своего деяния, не имея надежной опоры ни вне, ни внутри себя. У человека нет иного выхода, кроме утверждения своей «человеческой» истины, кроме мужественного противостояния «нечеловеческому» миру. Подлинно человеческим может быть лишь спонтанный и немотивированный протест против всякой социальности. Французские персоналисты в своей концепции гуманизма обращаются к понятию трагического, пытаясь использовать его для обоснования нового гуманизма. Одной из центральных тем «трагического гуманизма» является вопрос о расширении возможности человека и человечества, имеющий глубокое общественно-историческое содержание. В «личностной» философии трагическое, наряду с такими понятиями, как истина, красота, благо, призвано характеризовать изначальную сущность человека и человечества. Человеческая личность является исходным моментом в понимании всех философских проблем, при этом человек рассматривается как существо по природе эстетическое. Трагизм предопределен «онтологической сущностью» человека. Основания для трагедии усматриваются везде: дихотомия индивид и личность; стремление личности к внутренней устойчивости и ее открытость миру, другим, богу; интериоризация и экстериоризация как моменты жизнедеятельности; индивидуалистические и коллективистские установки; жизнь и смерть; имманентное и трансцендентное и т.д. Возникновение трагедии связывается с распадом первоначальной целостности божественного и человеческого, в связи с чем феномен трагического составляет «фундаментальную структуру Вселенной» (М. Шелер). Трагедия, понимаемая как поле напряжения, созданное отношением бога и человека, сегодня, как никогда ранее, призывает к революции, коль скоро сама ситуация сознания революционна. «В необходимости возрождения и бога, и человека – сущность трагического гуманизма».

Теория гуманизма Г. Маркузе ориентирована на изменение установок личности. Путь гуманизации личности лежит в модификации молчания и эмоциональной семантики. В процессе формирования нового гуманизма особую роль играет искусство, так как оно поворачивает нас к точке зрения, с помощью которой мы можем занять нашу собственную гуманистическую позицию [6. С. 13]. В культуре идеология и практика молчаливого созерцания и прикосновения служат альтернативой социальному активизму, научному мировоззрению, опирающимся на познание социальной действительности и направленным на ее изменение. Совместное выражение чувств как реализация идеала осознанной людской общности является характерным признаком абстрактно-гуманистической концепции Г. Маркузе.

В процессе формирования нового гуманизма происходит отказ от традиционной антропологической ориентированности гуманизма, свидетельствующий о кардинальных сдвигах в существующей картине мира. В мировоззрении складывается интенция, направленная на понимание мироздания как единства человека и других людей, человека и универсума, что становится важным фактором, способствующим «окончанию эпохи культурной раздробленности цивилизации» (И. Пригожин).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Varagnac A.* Anthrology and Energology // The Concept and the Dynamics of Culture. Paris : Mountoun publishers. The Hague, 1977.
2. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.

3. *Швыров В.С.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6.
4. *Наука* и будущее. Борьба идей. М. : Наука, 1990.
5. *Феноменология* и ее роль в современной философии (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 43–85.
6. *Berek P.* Human Position: the Arts in a liberal Education // Mount Holyoke L XXV. N.V. : Alumnae Quarterly Fall, 1991. № 3.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 октября 2014 г.

MODERN CONCEPTS OF HUMANISM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 108-111. DOI: 10.17223/15617793/389/16
Korobeynikova Larisa A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru
Keywords: culture; civilization; new European cultural values; humanism.

The paper presents the main trends of discourse on contemporary humanism. The principles of classical humanism were focused on the human being. Various concepts of contemporary humanism express one common feature: refusal from the anthropocentric orientation of classical humanism. New humanism is concerned with the search of an adequate place of the human being in nature. Various interpretations of recent humanism can fit (in a certain extent) into a conceptual frame which includes the following main concepts: technocratic humanism (L. Mamford), communitarian humanism (R. Garodi), democratic humanism (P. Moor), ecological humanism (R. Park), etc. Technocratic humanism creates an alternative to traditional humanism by evaluating the human being as a structural element included in the social process in an auxiliary function. According to E. Fromm, new humanism is possible only when the society of the future is built on humanized technology. Humanist communitarianism requires humanization of planning, consumption, values. An alternative, created by R. Garodi, is concerned with the formation of humanist relations between people on the base of computerization of administration which leads to humanization of production. Representatives of structuralist anthropology support the idea of universal humanism in the form of building a common humankind house. Universal humanism does not exist in the form of ready decisions of human problems, it is rather the aim of anthropology, a crucial life experiment, psychological readiness to accept the Other and to understand the Other through rethinking of the Self. Theorists of academic humanism support the idea of the dual existence of human being: natural and human. This dualism creates the philosophy of new humanism as an alternative to the traditional philosophical naturalism of classical humanism. Search of new humanism creates a variety of alternatives: anthropological doubt (K. Levi-Strauss); conformity to symbolic laws (J. Lacan); episteme or discursive formations (M. Foucault). Profound structures replace the traditional historical structures; unconsciousness replaces consciousness; language replaces the subject. Some theorists define the new stage of humanism as the Renaissance of humanism. K. Levi-Strauss rejected transcendental humanism. He classifies three historical stages of humanism: i) humanism of late Middle Ages and early Renaissance; ii) humanism at the time of Enlightenment; iii) democratic humanism in modern times. Democratic humanism presents an alternative to the previous stages of humanism, because democratic humanism is not humanism for the elite, but for people and, broader, for the humankind. New humanism is oriented against the egoism and egocentric orientation of a civilized human being.

REFERENCES

1. Varagnac A. *Anthrology and Energology*. In: *The Concept and the Dynamics of Culture*. Paris: Mountoun publishers. The Hague, 1977.
2. Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 1997. 320 p.
3. Shvyrov V.S. Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury [Rationality as the value of culture]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 6.
4. Batalov E.Ya. (ed.) *Nauka i budushchee. Bor'ba idey* [Science and the Future. Battle of ideas]. Moscow: Nauka Publ., 1990.
5. Fenomenologiya i ee rol' v sovremennoy filosofii (Materialy kruglogo stola) [Phenomenology and its role in modern philosophy (Proceedings of the round table)]. *Voprosy filosofii*, 1998, no. 12, pp. 43-85.
6. Berek P. Human Position: the Arts in a liberal Education. *Mount Holyoke L XXV. N.V.: Alumnae Quarterly Fall*, 1991, no. 3.

Received: 22 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 112–117 DOI: 10.17223/15617793/389/17

УДК 008+130.2+7.01+304.2+176.8

Е.Н. Савельева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ: НА ПУТИ К «ПРОФИЛАКТИКЕ» ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА

В настоящее время особую актуальность представляет разработка эффективной методологической программы поиска критериев порнографического изображения. Сферой повышенного внимания становится отсутствие целостной концепции анализа такого феномена, как детская порнография. В рамках данной статьи автор освещает ряд причин, «дезориентирующих» процедуру культурологической экспертизы подобных материалов. Предлагаются методологические ориентиры, повышающие эффективность выявления признаков порнографии с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: детская порнография; признаки порнографии; национально-культурная идентичность; культурологическая экспертиза; отечественная культура; культура детства.

Актуальность формирования эффективной методологической программы поиска критериев порнографического изображения сегодня становится все более очевидной. Стремительно меняющаяся социокультурная реальность постсоветского времени, замещающего этические, морально-нравственные, духовные ценности и традиции советской эпохи на прогрессивные либеральные установки западноевропейского толка, продолжает свое развитие и самоопределение. Однако очевидная несогласованность отечественного менталитета, обусловленного национально-культурной идентичностью и привнесенных культурных образцов (экономических, социальных, психологических, эстетических и т.д.), реанимирует проблему специфики «собственного пути».

Особое место в идентификационной модели отечественной культуры занимают изобразительные нормы и традиции, представляющие сферу половых отношений. Вместе с тем сегодня сложно говорить о наличии культурно-обусловленных границ репрезентации данных взаимоотношений в пространстве искусства и массовой культуры. Среди причин подобной неопределенности можно указать на «кризис идентичности», имеющий глобальный характер и не миновавший Россию. Однако мы полагаем, что не следует надеяться на жизнеспособность базовых принципов отечественной национально-культурной идентичности – более эффективна в сложившихся социокультурных обстоятельствах их актуализация. Данный подход имеет прямое отношение к проблемному полю феномена распространения порнографии. Экспертная практика демонстрирует недостаток опоры как на мировой опыт (приводящий к заимствованию чуждых форм свободы выражения), так и на отечественные сиюминутные представления (скоротечные и неустойчивые в основаниях). Учет требований времени, с одной стороны, и поддержка национально-культурной преемственности – с другой, должны лечь в основу методологических принципов выявления порнографических признаков в изобразительном искусстве и массовой культуре. Именно эта позиция становится идейным ориентиром, определяющим ход наших рассуждений.

В рамках данной статьи мы обращается к такому срезу общей проблемы распространения порнографии, как феномен «детской порнографии» (порнографическое изображение несовершеннолетних). Отсутствие сложившихся методологических основ анализа подобных материалов отрицательно сказывается на практике культурологической (искусствоведческой) экспертизы. Сегодня ее принципы находятся в стадии формирования, самоопределения и поиска своего места среди других видов экспертной деятельности [1]. Эти поиски сопровождаются дискуссиями, столкновением различных точек зрения, оценок и мнений. Определенную упорядоченность в междисциплинарную разноголосицу подходов (судебно-медицинского, психологического, сексологического и пр.) вносит, к примеру, маркировка предметной области каждой экспертизы, в том числе искусствоведческой [2]. В свою очередь, в нашем исследовании представлена попытка осветить ряд причин, затрудняющих процедуру культурологической экспертизы порнографических материалов. Также намечаются ориентиры, повышающие эффективность выявления признаков порнографического изображения несовершеннолетних детей.

В настоящее время проблема нормативности границ пристойного / непристойного остается предметом острейших дискуссий и поводом для активных исследований гуманитарных дисциплин. Но целостной, сложившейся концепции пока не выработано. Между тем теоретические затруднения в данной сфере имеют крайне негативные последствия. Известно, что результатом размытости самого понятийного аппарата и отсутствия критериев порнографического изображения являются как «правовой беспредел» (безосновательные обвинения), так и попустительство.

Сегодня в качестве общепринятого используется определение порнографии (с греч. pornos – грязь, porneia – шлюха, porno – неприличный, grafire – писать) как крайней непристойности, циничности в изображении чего-нибудь, связанного с половыми отношениями; как неприличное изображение сексуальных отношений [3. С. 327]. При этом непристойное и циничное поведение либо отношение к чему-нибудь характеризуются как пренебрежение к нормам нравственности и благопристойности. Попытка более-менее четко очертить сферу порнографического изображения приводит к ее демаркации с эротикой. Так, И. Кон рассматривает эротику как сексуальные чувства, фантазии и переживания, а также все то, что их

стимулирует [3. С. 332]. Трудности же концептуализации возникают практически на каждом шагу, в том числе при осмыслении особенностей изобразительных решений чувственной сферы бытия человека.

Теоретики подчеркивают, что предметом изображения как порнографии, так и эротики является сфера сексуальных отношений, сексуальный акт как таковой [4. С. 99]. На этом их родство заканчивается, и принципиальную идентификационную силу приобретают художественно-эстетические категории. Признание эротики частью искусства позволяет оценивать характеристики, относящиеся к сфере эстетики: черты стиля, особенности знаковых систем и художественного решения. Эротическое изображение рассматривается как особый способ трактовки половых отношений – предлагающее «физическую, натуральную сторону человеческой любви, которая, тем не менее, не является самоцелью отражения, а является его духом, смыслом, основной пружиной развития сюжета» [Там же]. К признакам эротики, как правило, относят акцентуацию психологии, личностных особенностей людей, вступающих в сексуальные отношения; изображение сексуальности как продолжения взаимоотношений, их важную, но не единственную составляющую. Порнографическое же изображение в искусствоведческом дискурсе получает характеристики принципиальной эстетической недостаточности: отсутствие художественной образности, натурализм, превалирование формы над содержанием, деиндивидуализация и депсихологизация образов и т.п. «Порнография не создает художественных образов действительности, а лишь демонстрирует ее сексуальную сферу в подчеркнуто грубой и примитивной манере, выявляя не эмоционально-чувственную, а утилитарно-техническую сторону этой сферы» [Там же. С. 132]. К признакам порнографического изображения относят аналитичность, однозначность, изображение секса как самоцели, отсутствие личностных смыслов сексуального поведения, нарушение культурных норм, ориентацию на стимуляцию сексуального возбуждения, натуралистически подробную фиксацию сцен полового акта, демонстрацию гениталий в процессе сексуального контакта вне художественной или просветительской цели и т.д. [5]. В целом культурологическая экспертиза порнографических материалов, нацеленная на определение историко-культурной и художественно-эстетической ценности объекта, а также на обозначение возможных социальных эффектов, – опирается на перечисленный ряд признаков [6]. Однако их использование в качестве опорных критериев не является гарантией однозначности в решении вопроса художественной ценности.

В первую очередь, не стоит забывать, что эстетические традиции исторически подвижны. Во-вторых, мы обращаемся к современному художественному пространству, сформированному на базе модернистского и постмодернистского мышления. Практически весь спектр сегодняшней аудиовизуальной, медийной, массовой продукции реализует и укореняет традиции искусства, некогда выстроенного на кардинальном разрушении классической эстетической парадигмы, стремящегося к эпатажу, отказывающегося от любых изобразительных норм и правил, включающего в свою сферу табуированные аспекты. Затруднения искусствознания в вопросах определения критериев произведения искусства XX–XXI вв. в равной степени имеют отношение к вопросам классификации эротического / порнографического содержания. Натуралистичность демонстрации гениталий или полового акта не всегда может решаться однозначно с позиции противоправности и переводиться в сферу юридических санкций. Так, если материалы, имеющие отношение к порноиндустрии оцениваются однозначно, то примеры подлинного искусства (Нагиса Осима, Ларс фон Триер и другие авторы, активно нарушающие границы дозволенного) могут иметь дискуссионный характер. Таким образом, мы подчеркиваем, что анализ особенностей изобразительных решений с целью выявления порнографических признаков в рамках современной художественной культуры не является процедурой, результатом которой неизменно окажется однозначный и очевидный ответ. Причиной затруднений эксперта так или иначе становится эстетический релятивизм.

Включение в определение порнографии такой дефиниции, как пренебрежение к нормам благопристойности и нравственности, в свою очередь, не вносит ясности. Господствующие нормы нравственности и благопристойности не могут рассматриваться вне историко-культурного контекста, вне ценностной системы данной национально-культурной идентичности. Составляющими нравственного чувства являются индивидуальные ценности, включая стереотипы массового мышления, основанные на существующих традициях, обычаях, религиозных постулатах и иных факторах формирования особенностей социальной психики [4. С. 69]. Сексуальная норма, в свою очередь, понятие относительное. И. Кон подчеркивает, что понятие нормы употребляется в моральном смысле, обозначая такое поведение, которое считается правильным в свете существующей системы нравственности. На контекстуальность господствующих норм благопристойности косвенно указывает ретроспективный анализ художественной культуры, демонстрирующий сложный процесс, включающий и периоды жесткого табуирования и определенной свободы выражения тех или иных аспектов половых взаимоотношений. Можно ли надеяться на четкость представлений о пристойном и непристойном в современной культуре – плюралистичной, мозаичной, неустойчивой в своих основаниях, пережившей опыт ироничного постмодернистского сознания, игриво относившегося к любым традиционным ценностям? «Игра со смыслами» является распространенным приемом современной визуальной культуры, допускающей нарушения культурно-исторических норм. В рамках подобного допущения исследуемые материалы могут содержать ироничную дискредитацию представлений любого рода (религиозных, политических, этических, эстетических и т.д.).

Наряду с рисками потенциальной неопределенности анализа порнографии, в общем проблемном поле все же обнаруживается локальное пространство с очевидными характеристиками данного явления. Так, если

с морально-нравственным и эстетическим релятивизмом порноизображений приходится либо неторопливо бороться, либо мириться (поспевая за европейскими либеральными ценностями), то ситуация кардинально меняется на территории «детской порнографии». Однако идентификации ее признаков мешают разнообразные причины, «дезориентирующие» культурологическую экспертизу порнографии с участием несовершеннолетних. Среди таковых мы отмечаем: во-первых, неудовлетворительный ряд закрепленных законодательно дефиниций, характеризующих феномен «детской порнографии»; во-вторых, отсутствие внутренней возрастной классификации несовершеннолетия, четко выделяющей возраст детства.

Определение порнографического изображения несовершеннолетних, предложенное в Комментариях к статье 242.1 Уголовного кодекса, имеет важное значение, поскольку регламентирует экспертизу порнографии. Согласно УК таковыми признаются материалы, содержащие «непристойное, циничное изображение половой жизни несовершеннолетних с акцентированием контакта половых органов», а также «сексуальные извращения, сексуальные контакты, сексуальные манипуляции, извращенное стимулирование непристойного» [7].

Однако заметим, что указанная формулировка предполагает оценку «непристойного, циничного изображения половой жизни несовершеннолетних» применительно ко всей возрастной шкале несовершеннолетия (несовершеннолетними, в соответствии со статьей 87. УК РФ, признаются лица от 14 лет и не достигнувшие 18-летия). Но анализ соответствия нормам благопристойности в системе сексуальных отношений не может быть юридически равноценен по отношению, например, к изображению, включающему 17-летнего несовершеннолетнего либо включающему 10-летнего ребенка. Если в первом случае (так или иначе) легитимен уровень обсуждения половой жизни в категориях пристойного / непристойного, то во втором – это обсуждение категорически неприемлемо. Детские изображения как таковые, безусловно, могут рассматриваться с позиции пристойное / непристойное, но в принципиально иной системе – в системе несексуальной сферы отношений. Анализ уровня непристойности изображения «половой жизни несовершеннолетних» детей априорно предполагает допущение таковой жизни. Очевидно, необходима граница в пределах возрастной шкалы несовершеннолетия, ниже которой любой формат включения изображения ребенка в качестве эротико-сексуального объекта правомерно квалифицировать как порнографическое и выше которой правомерен собственно анализ несоответствия репрезентативным нормам половых отношений.

Серьезность проблемы в том, что приведенная выше формулировка критериев порнографического изображения несовершеннолетних, не соотнесенная должным образом с внутренней возрастной градацией несовершеннолетия, оставляет лазейку (как показывает практика) для распространения особого рода «закамуфлированной» детской порнографии. Это опасный, на наш взгляд, пласт порнографии, не содержащий обозначенный в статье 242 Уголовного кодекса набор характеристик и, соответственно, ускользающий от юридических санкций. Исправить ситуацию возможно при строгом выведении за нормативные и правовые рамки тех художественно-образных систем, смыслы которых выстраиваются на основе сексуально-эротических означающих с участием локальной категории несовершеннолетних. Для этого необходимо дополнительно обозначить границу, ниже которой уголовно наказуемы не только материалы, содержащие порнографические признаки, прописанные в УК, но и те материалы, в которых используются изображения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта.

На что можно опереться для определения возрастной границы, за которой неприемлемо включение ребенка в изобразительную систему сексуального дискурса? Например, на возраст сексуального согласия. В российском законодательстве возраст сексуального согласия установлен на уровне 16 лет (начиная с которого человек способен дать осознанное / информированное согласие на половые отношения с другим лицом). Лица, не достигшие 16-летия, обладают половой неприкосновенностью, что закреплено в Уголовном кодексе. Выше же границы 16-летия – в том случае, когда демонстрируются признаки половой, психологической и социальной зрелости, обусловливающие половую свободу, – ее осуществление потенциально возможно в не противоречащих законодательству формах. Другим ориентиром может выступать брачный возраст. Так, брачный возраст, установленный в Семейном кодексе РФ на уровне 18 лет, не совпадает с возрастом согласия, однако его планка опускается до 16-летия при наличии уважительных причин и допускается вступление в брак до достижения 16 лет с учетом особых обстоятельств [8]. Кроме того, с целью повышения эффективности уголовно-правовой защиты права несовершеннолетних на половую неприкосновенность введена внутренняя дифференциация несовершеннолетия: малолетние-несовершеннолетние (не достигшие 14 лет) и несовершеннолетние (не достигшие 18 лет). В свою очередь, с позиции анатомо-физиологических или морфологических возрастных характеристик (в рамках судебно-медицинской экспертизы) принято различать период детства – от рождения до 14 лет [9]. Дальше следует молодой возраст – от 15 до 24 лет. Таким образом, искомая нами граница может быть установлена на уровне 14 лет – возраста детства / малолетнего-несовершеннолетнего, ниже которой анализ порнографического содержания требует опоры на гораздо больший набор означающих элементов, нежели перечисленный в упомянутой статье УК, и сам факт использования изображения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта желательно квалифицировать как порнографию.

Фиксируя данный возраст детства, культурологическая экспертиза (учитывающая медицинскую и законодательно-правовую классификацию) расставляет собственные, важные в методологическом плане акценты. Дело в том, что этот период целиком структурируется ценностями и нормами (в том числе изобра-

зительными) культуры детства. Соответственно, мы можем укрепить свои позиции, настаивая на табуировании попыток включения изображений ребенка в изобразительную систему с сексуально-эротическими коннотациями.

Под «культурой детства» понимается совокупность устоявшихся, оформленных в традиции религиозно-этических, правовых, художественно-эстетических норм, образцов и реальных практик поведения взрослого сообщества по отношению к детству [10]. При этом принято разводить культуру детства (рассматриваемую в контексте конкретной исторической эпохи) и субкультуру детства – как поле социальных взаимодействий самих детей. История развития культуры детства, институализация ее форм, юридически-правовое закрепление нормативных составляющих и т.п. требуют отдельного обращения, не входящего в планы данной работы. Однако стоит обратить внимание на оправданно жесткое выведение за пределы культуры детства сексуально-половых отношений, что получило воплощение в законодательных положениях охраны детства от сексуальных посягательств, от информации подобного рода и т.п. Таким образом, наш «узкоспециализированный» интерес акцентирует чужеродность сексуально-эротических значений по отношению к художественным традициям культуры детства.

Далее наметим ряд положений, нацеленных на «профилактику» этической и эстетической неопределенности в данной области анализа. Введение указанных ограничений до 14-летия обусловливает формулировку следующего вопроса: что могут представлять собой означающие элементы (не обнаруживающие внешние явные признаки порнографии согласно статье УК), наличие которых, тем не менее, дает право квалифицировать порнографическое содержание? Речь идет о явлении, которое мы предлагаем обозначить как «закамуфлированная» детская порнография, отличающаяся использованием легитимных приемов выразительности, соответствующих культурным нормам, но несущая при этом сексуально-эротическое содержание. Итак, каким образом возможно формирование подобной художественно-образной системы?

Наиболее распространенным примером «закамуфлированной» детской порнографии, как показывает практика, является использование изображения обнаженного (подчеркнем, с явно видимыми гениталиями) ребенка в возрасте до 14 лет. Речь, безусловно, идет не о любой демонстрации нагого детского тела, а о тех случаях, когда изображение намеренно эротизируется / сексуализируется. Как правило, с этой целью используется широко распространенная в художественной культуре и имеющая давнюю историческую традицию форма демонстрации обнаженной натуры, а именно ее расположение в эстетически организованной среде. Среди таковых: традиционные приемы заполнения фона (вьющиеся растения, цветы, геометрические вертикальные формы, драпировки, светотеневые контрасты); классическая постановка фигур, создающая равновесную композицию; театрализованные позы и т.п. Основным содержанием в этом случае является чувственная выразительность человеческого тела. Это приемлемо для совершеннолетнего и недопустимо для ребенка, психофизиологический топос которого укоренен в культуре детства, исключающей сферы сексуально-чувственной выразительности.

Следует подчеркнуть, что основными составляющими изобразительной эстетики обнаженного тела являются его целостность, анатомическая полноценность, гармония пропорций, красота и т.п., включая чувственные, сексуально-эротические элементы, характеризующие телесность совершеннолетнего человека. Если же мы зададимся вопросом, каковы слагаемые эстетической художественной выразительности детского обнаженного тела, то вполне очевидно, что она представлена принципиально иными составляющими и не может быть тождественна параметрам взрослого человека. Основными эстетическими ценностями в случае демонстрации ребенка являются непосредственность движений (эффект ситуации «схваченной врасплох»), выражение лица и правдивость образа, вне каких-либо чувственных, эротических контекстов. В случае же статичной постановочной демонстрации обнаженность несовершеннолетнего должна иметь веские основания, оправдывающие его наготу. Культурным нормам и традиции отечественной фотографии соответствует репрезентация, как правило, одетого ребенка либо обнаженного новорожденного в позе, (желательно) скрывающей гениталии [11]. В отечественной художественной традиции существует табу (культурный запрет) на детскую наготу как объект чувственного любования.

На основании вышеуказанного любые примеры присвоения репрезентационной модели обнаженной натуры взрослого человека (допускающей сексуально-эротические элементы, включая видимость гениталий) несовершеннолетнему ребенку следует рассматривать с позиции порнографического содержания. Позирующий ребенок в этом случае как объект съемки оказывается помещен в чуждую художественно-образную систему. И у нас нет гарантий, что данная художественно-символическая процедура осуществлена автором с чистотой эстетических намерений. Более того, мы настаиваем, что подобные используемые художественные приемы являются способом перевода порнографического по характеру изображения несовершеннолетних в легитимную (допустимую культурными нормами) форму эстетической демонстрации. Что, собственно, и оказывается сутью камуфлирования. Основной же целью подобных материалов является демонстрация наготы, что потенциально может способствовать стимулированию непристойных действий по отношению к ребенку.

Другие, не менее опасные приемы камуфлирования порнографического содержания – это те случаи, когда изображение ребенка включается в сексуально-эротическую систему, выстроенную метафорически при отсутствии каких-либо прямых репрезентативных признаков порнографии (циничной демонстрации полового акта, акцентирования контакта половых органов и т.п.) в основе художественно-образного ряда смыслы сексуального характера. Такое возможно, к примеру, при коллажном совмещении детского изображения с объектами, либо обладающими сексуаль-

ными значениями (фалосообразные элементы), либо имеющими к ним прямое отношение (гениталии). Тем самым ребенок оказывается включен в смысловую систему порнографического характера, не будучи «участником» процесса. Непосредственный показ полового акта заменен на его отвлеченную, условно-метафорическую демонстрацию, благодаря «механическому» коллажному приему.

Подводя итоги, подчеркнем наиболее принципиальные моменты. Риски неопределенности результатов культурологического анализа порнографических материалов обусловлены самим характером исследуемого объекта, эстетическим и ценностно-нормативным релятивизмом современной отечественной культуры, а также недостаточной проработанности ряда дефиниций феномена порнографии, закрепленного в законодательстве. Эта ситуация порождает феномен «закамуфлированной» детской порнографии, маскирующей сексуальные смыслы нормативными репрезентативными приемами. Однако некоторые положения способны сыграть роль устойчивых оснований для методологических ориентиров культурологической экспертизы в данной области. Среди таковых нам видится необходимость дифференцированного анализа по отношению к возрастным группам до и после 14-летия. В этом случае по отношению к группе несовершеннолетия (14–18 лет) применим анализ в категориях соответствия / несоответствия нормам и традициям репрезентации сексуальной сферы. Но любой формат (аудио, видео, фото) изображений ребенка (до 14 лет), включенного в художественно-образную систему сексуальных значений, следует квалифицировать как порнографический. Идентификация же подобной «закамуфлированной порнографии», как показывает практика, возможна посредством искусствоведческого анализа используемых приемов выразительности.

К сожалению, на данном этапе в российском законодательстве ни позирование обнаженных несовершеннолетних детей, ни включение детских изображений в образно-метафорические системы сексуального характера не квалифицируются как порнографические. Остается надеяться, что тенденция реанимации отечественной национально-культурной идентичности, предусматривающей чрезвычайно бережное отношение к культуре детства, будет способствовать формированию подобных защитных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Садохин А.П.* Теоретико-методологические ресурсы культурологической эксепертизы // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11
2. *Шухнин М.Н., Яковлев А.Н.* Комплексная экспертиза в расследовании изготовления и распространения детской порнографии // КриминалистЪ. 2008. № 1. С. 59–62.
3. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М. : Медицина, 1989. 339 с.
4. *Гитин В.Г., Скорняков Е.И.* Феномен порнографии. Опыт неформального исследования. Харьков : Торсинг, 2002. 432 с.
5. *Приказ* Минкультуры России от 05.03.2001 г. № 192. Об утверждении Руководства по возрастной классификации аудиовизуальных произведений. URL: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/vg-pravila/l5b.htm
6. *Лазарь А.Е.* Культуроведческая экспертиза порнографии. URL: http://www.cneat.ru/porno.htm
7. *Статья* 242.1. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Комментарий к статье 242.1 УК РФ. URL: http://www.ukrf.net/s242.html
8. *Семейный* кодекс Российской Федерации (СК РФ). URL: http://www.consultant.ru/popular/family/20_4.html#p112/
9. *Судебно-медицинская* экспертиза установления возраста. URL: http://thersaint.ucoz.net/news/sudebno_medicinskaja_ehkspertiza_ ustanovleni-ja_vozrasta
10. *Майорова-Щеглова С.Н.* Детство: противоречия и диалог культур. URL: chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbdfmadadm/http://www.childsoc.ru/do
11. *Тема* ребенка в истории фотографии. URL: http://makal47.ru/istoriya-fotografii/tema-rebenka-v-istorii-fotografii

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 октября 2014 г.

TOPICAL ISSUES OF CULTURAL EXAMINATION OF CHILD PORNOGRAPHY: TOWARDS “PREVENTION” OF ETHICAL AND AESTHETIC RELATIVISM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 112-117. DOI: 10.17223/15617793/389/17

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtsu@yandez.ru

Keywords: child pornography; signs of pornography; national-cultural identity; cultural examination; domestic culture; culture of childhood.

Currently, of particular relevance is the development of an effective methodological program of pornographic image criteria search. The absence of a holistic concept that would help identify pornographic signs has negative social and cultural consequences. Such theoretical difficulties concern such local areas as pornography involving minors (the so-called “child pornography’’). In this article the author draws attention to the lack of an established methodological basis of the analysis of such materials. This adversely affects the practice of cultural examination. An attempt is made to highlight a number of reasons complicating the procedure of cultural examination of pornographic materials. However, the targets are planned to improve the efficiency of detecting signs of pornographic images of minors. First of all, it is aesthetic and moral relativism that characterizes modern culture. It is emphasized that the analysis of features of graphic solutions to identify pornographic signs does not give a clear and obvious results within contemporary art and culture. In turn, the prevailing standards of morality and decency cannot be considered outside of the historical-cultural context, outside the value system of the national-cultural identity. Aesthetic and ethical relativism is a major cause of the expert’s problems. In case of cultural examination of child pornography, one can avoid such relativism. But the effectiveness of finding the signs of pornographic content involving minors is complicated by legislative causes. These include, firstly, the inadequate number of legislated definitions that characterize the phenomenon of “child pornography” and, secondly, the absence of the internal classification of the minority which distinguishes the age of childhood. Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation words the criteria of pornographic images of minors, but it is not correlated properly with the internal age gradation of minority and leaves a loophole (as

experience shows) for distributing a special kind of "camouflaged" child pornography. Thus, the article provides arguments for the revision of the wording of the criteria of child pornography and for the need in the boundaries within the age scale immediately below which any format of using the image of the child as an erotic-sexual object is to be legitimately classified as pornographic, and above which the analysis of discrepancy with the representative norms of sexual relations is legitimate. In the end, a number of provisions aimed at addressing the ethical and aesthetic uncertainty in this analysis are planned.

REFERENCES

1. Sadokhin A.P. Theoretical and Methodological Resources of Cultural Expertise. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*, 2012, no. 3(9). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11. (In Russian).
2. Shukhnin M.N., Yakovlev A.N. Kompleksnaya ekspertiza v rassledovanii izgotovleniya i rasprostraneniya detskoy pornografii [Comprehensive examination in investigating the production and distribution of child pornography]. *Kriminalist",* 2008, no. 1, pp. 59-62.
3. Kon I.S. *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Meditsina Publ., 1989. 339 p.
4. Gitin V.G., Skornyakov E.I. *Fenomen pornografii. Opyt neformal'nogo issledovaniya* [The phenomenon of pornography. Experience of an informal study]. Kharkov : Torsing Publ., 2002. 432 p.
5. Prikaz Minkul'tury Rossii ot 05.03.2001 g, no. 192. Ob utverzhdenii Rukovodstva po vozrastnoy klassifikatsii audiovizual'nykh proizvedeniy [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of 05.03.2001, no. 192. On Approval of Guidelines for Age Classification of Audiovisual Works]. Available at: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/vg-pravila/l5b.htm.
6. Lazar' A.E. *Kul'turovedcheskaya ekspertiza pornografii* [Cultural examination of pornography]. Available at: http://www.cneat.ru/porno.htm.
7. Stat'ya 242.1. Izgotovlenie i oborot materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnikh. Kommentariy k stat'e 242.1 UK RF [Article 242.1. Production and distribution of materials or objects with pornographic images of minors. Commentary on Article 242.1 of the RF Criminal Code]. Available at: http://www.ukrf.net/s242.html
8. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [The Family Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/popular/family/20_4.html#p112/.
9. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza ustanovleniya vozrasta* [Forensic examination to establish age]. Available at: http://thersaint.ucoz.net/news/sudebno_medicinskaja_ ehk-spertiza_ustanovlenija_vozrasta.
10. Mayorova-Shcheglova S.N. *Detstvo: protivorechiya i dialog kul'tur* [Childhood: contradictions and dialogue of cultures]. Available at: http://www.childsoc.ru/do.
11. *Tema rebenka v istorii fotografii* [The theme of the child in the history of photography]. Available at: http://makal47.ru/istoriya-fotografii/tema-rebenka-v-istorii-fotografii.

Received: 22 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 118–122 DOI: 10.17223/15617793/389/18

УДК 069

И.А. Сизова

ОБЩЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ (1960–1980-е гг.)

Период начальной истории общественных музеев на территории Томской области полностью совпадает с общегосударственными тенденциями. В период «развитого социализма» в Томской области было создано пять общественных музеев. В статье представлено авторское видение типологии общественных музеев.

Ключевые слова: общественный музей; народный музей; Томская область.

Музейная сеть страны складывалась из государственных музеев Министерства культуры и его местных подразделений, государственных музеев системы Академии наук СССР и Министерства высшего и среднего специального образования и так называемых общественных музеев. В 1960–1970-е гг. она переживала бурный рост, так называемый музейный взрыв [1. С. 143], или музейный бум, именно за счет роста общественных музеев [2. С. 27; 3. С. 157; 4. С. 9]. Музейная сеть Томской области имела те же тенденции, хотя первые общественные музеи в Томской области были открыты еще в 1950-х гг.: историко-краеведческий музей в томской школе № 7 (позднее – школа № 12) и краеведческий музей в с. Кривошеино.

Массовое создание общественных музеев в стране началось, по мнению ряда авторов [1. С. 147–148; 4. С. 10; 5. С. 253], после 1959 г., когда Министерством культуры РСФСР был положительно оценен опыт Пермской области по созданию общественных (тогда они назывались народными) музеев. Стоит отметить, что пермские общественные музеи стали известны всей стране благодаря активной организационной и информационной поддержке со стороны местных партийных и советских органов. В других регионах к концу 1950-х гг. также возникали общественные музеи [6. С. 245; 7; 8. С. 221–222; 9; 10; 11. С. 44], но информация о них не была так широко распространена в силу отсутствия поддержки со стороны местных властей.

Деятельность по созданию общественных музеев активизировалась после принятия в мае 1964 г. Постановления ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Значительное место в Постановлении уделялось упорядочению музейной сети (уточнение классификации музеев по профилям и типам, объединение однотипных музеев, существующих в одних городах / регионах), выдвигалась задача создания единой системы музеев. Был определен порядок открытия новых музеев, новый музей разрешалось открывать лишь в тех случаях, когда это действительно было необходимо и имелись в наличии экспозиционные помещения и подлинные ценные материалы. Кроме того, Постановлением ставились следующие задачи укрепления связи музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, учебными заведениями, научными и творческими обществами, расширения всех форм музейной работы, особенно на селе, расширения краеведческого движения [12].

Ответом на партийное постановление стало разработанное Министерством культуры СССР Типовое положение о народном музее, принятие которого в 1965 г. вызвало создание сети общественных музеев. После издания Типового положения о музее, работающем на общественных началах, утвержденного Министерством культуры СССР по согласованию с ВЦСПС 12 апреля 1978 г. [13], создание общественных музеев еще более активизировалось.

Для усовершенствования деятельности общественных музеев с целью создания из них действительно резерва для сети государственных музеев в 1980 г. было решено присваивать наиболее достойным из них почетное звание «Народный музей» [14]. Звание присваивалось в результате ходатайства местных (республиканских или областных) органов культуры и должно было подтверждаться через каждые 5 лет.

Общественные музеи и сегодня составляют мощнейший пласт музейной сети страны. На современном этапе это негосударственная музейная сеть, включающая музеи школ, предприятий, училищ, техникумов, университетов, различных организаций и др. В.Е. Туманов, один из ведущих исследователей общественных музеев, в 1985 г. предложил подразделять музеи на 3 группы:

1) музеи, создаваемые по инициативе советских и партийных органов, отделов культуры районных и городских исполкомов и работающие под их непосредственным руководством;

2) музеи промышленных предприятий, различных учреждений или организаций, колхозов, совхозов, научных учреждений и средних и высших профессиональных учебных заведений, создаваемые по инициативе профсоюзных организаций, научных или учебных советов и т.д.;

3) школьные музеи [1. С. 147, 148; 15. С. 44].

На наш взгляд, более органичной представляется следующая группировка общественных музеев:

1) общественные музеи, создаваемые по инициативе общественности при поддержке вышестоящих инстанций в лице советских и партийных органов, отделов культуры районных и городских исполкомов;

2) музеи предприятий, колхозов и организаций, создаваемые по инициативе активистов-сотрудников или профсоюзных организаций;

3) музеи учебных учреждений (школ, училищ, техникумов, университетов), создаваемые по инициативе представителей педагогических коллективов.

Рассмотрим каждую группу общественных музеев, созданных в Томской области в период с начала 1960-х до середины 1980-х гг.

Музеев, созданных по инициативе краеведов-энтузиастов и поддержанных местными советскими и партийными органами, а также отделами культуры, до 1990-х гг. было открыто немного.

Так, в 1969 г. был открыт уникальный художественный музей – Чаинская картинная галерея, – не имеющий до сих пор аналогов в Томской области [16]. Открытие галереи было предложено местной интеллигенцией, художниками, общественностью, так как идея создания в Томской области художественного музея зрела уже давно, однако все упиралось в отсутствие помещения. В результате по инициативе художников Я.Я. Панова и А.Н. Либерова было предложено в одном из помещений строившегося Дома культуры в с. Подгорном открыть картинную галерею. Идею поддержали местные власти в лице председателя райисполкома Я.Ф. Коробенко, первого секретаря райкома КПСС Н.М. Лысанова и заведующего отделом культуры Чаинского райисполкома А.К. Лызенко. В результате совместных усилий 15 января 1969 г. состоялось торжественное открытие галереи. Уже на первой выставке были представлены работы 25 художников из 11 городов страны: Томска, Москвы, Казани, Рязани, Свердловска, Омска, Красноярска и др. Сейчас картинная галерея имеет более 500 живописных и графических работ. Галерея до 1984 г. являлась общественным музеем и находилась в структуре районного Дома культуры. В мае 1984 г. ей было присвоено почетное звание «Народный музей» (свидетельство Министерства культуры РСФСР № 148 от 18 мая 1984 г. [17]). А через 10 лет галерея стала филиалом Томского областного художественного музея [18, 19].

По такому же сценарию развивались события и в Асиновском районе, где по инициативе местных краеведов Геннадия Ивановича Игнатова, Василия Тимофеевича Кеменова и других было решено создать музей. Их почин был поддержан районной администрацией. В результате 1 декабря 1985 г. в с. Новокусково был создан небольшой литературный музей, посвященный творчеству известного местного писателя Г.М. Маркова. Основой литературного музея послужили коллекции самого писателя, а также местных краеведов Г.И. Игнатова и Н.Г. Шатохиной – краеведа и собирателя старины. Первая выставка была посвящена героям литературных произведений Г.М. Маркова и их местным прототипам [20]. После открытия в 1989 г. Асиновского краеведческого музея Литературный музей в с. Новокусково стал его филиалом [21]. Из-за отсутствия финансирования музей был закрыт в 2000 г., а его фонды переданы в Асиновский краеведческий музей. В 2004 г. дом семьи Марковых в Новокусково сгорел [22].

В 1982 г. в с. Белый Яр Верхнекетского района в Доме пионеров открылся краеведческий музей. Первая попытка создать подобный музей была предпринята за 10 лет до этого. Так, в одной из комнат районной детской библиотеки в 1972 г. были выставлены экспонаты, связанные с историей района, его людьми и их работой в периоды становления советской власти, Великой Отечественной войны и послевоенного устройства. Отдельное место было отведено экспонатам, освещавшим жизнь и деятельность Я.М. Свердлова в Томской области, приведены протоколы его допросов, фотографии дома в с. Максимкин Яр, где Свердлов отбывал ссылку. Музейная комната содержала и материалы, посвященные местному населению – селькупам, их традициям, нравам, быту. Кроме этого, в музее имелось значительное количество археологических и палеонтологических экспонатов, найденных в период поисково-туристских походов. Инициаторами музея были заместитель заведующего отдела пропаганды и агитации Верхнекетского райкома КПСС К.А. Галанова, заведующая районной детской библиотекой М.А. Дубонос, сотрудники архива, школы и многие другие [23]. Из-за сложной ситуации с помещениями музей был законсервирован и восстановлен лишь в 1982 г. благодаря позиции заведующего отделом пропаганды райкома партии Ю.К. Рыжикова. Директором музея была назначена К.А. Галанова, стоявшая у истоков создания музея. Экспозиция вновь открытого музея включала предметы, составлявшие основу первого музея Верхнекетья. К ним добавились предметы, документы и фотографии, характеризующие судьбы белоярцев-участников Великой Отечественной войны, а также историю строительства железной дороги Асино – Белый Яр, развитие народного хозяйства района [24].

В конце 1980-х гг. музей переживал не самые лучшие времена: при условии расширения площадей в музее отсутствовало освещение, а также были утеряны уникальные предметы (эвенкийский костюм, вещи из дома Свердлова в с. Максимкин Яр), получение новых, в частности от промышленных предприятий, требовало финансовых затрат [25] (хотя еще в 1958 г. по распоряжению Совета министров РСФСР предприятия были обязаны предоставлять в музеи образцы продукции, модели и макеты на безвозмездной основе [5. С. 251]).

В 1990-х гг. музей расширил свои помещения на базе районного Дома творчества юных (бывший Дом пионеров) и стал не только центром школьной жизни, где проводились различные исторические, краеведческие и экологические мероприятия, но и настоящим центром культуры Верхнекетского района [26; 27. С. 22].

Несколько особняком в этом ряду стоит комната-музей истории и боевой славы 348-й дивизии, располагавшаяся на территории закрытого городского поселения Томск-7. Идея создания такого музея возникла в 1971 г. (к этому времен история дивизии насчитывала уже без малого 20 лет). Главной целью комнаты-музея стало воспитание гордости за свою дивизию и патриотизма. Для экспозиции было выделено специальное помещение площадью 96 кв.м, она состояла из разделов, повествующих о разных сторонах жизни военнослужащих войсковых частей, размещенных на территории Томск-7. История и современность, будни и боевая служба, ветераны и молодежь, достойные быть образцом для подражания, – вот то, о чем рассказывали и рассказывают экспонаты выставки и что является неотъемлемой частью воспитательной работы с личным составом.

Кроме этого, следует отметить музей истории Томской комсомольской организации, созданный по инициативе Ленинского райисполкома Томска, выделившего для этого здание по ул. К. Макса, 18. В инициативную группу в 1976 г. вошел П.А. Липухин, который активно взялся за работу.

Музей был открыт 28 октября 1978 г. [28–30]. В ноябре 1978 г. Ленинский райком КПСС и Совет депутатов трудящихся наградили грамотой П.А. Липухина «за активную работу по созданию музея истории томской комсомольской организации» [29. Л. 85]. До 1980 г. Павел Афанасьевич был директором музея, после – экскурсоводом. С 1980 г. он занялся созданием нового музея – музея истории Томского речного порта. Музей истории Томской комсомольской организации просуществовал до конца 1980-х гг., когда подобные музеи начали закрывать.

В результате в период с середины 1960-х до конца 1980-х гг. на территории Томской области было открыто 4 общественных музея и 1 комната-музей. Данные учреждения были инициированы общественностью и поддержаны партийными органами, чему способствовали в том числе постановления ЦК КПСС от 1964 и 1982 гг. [12] и Совета министров РСФСР от 1983 г. [31]. Все перечисленные общественные музеи были различных профилей: в Томске – историко-революционного, в Подгорном районе – искусствоведческого, в Асиновском – литературного, в Верхнекетском – историко-краевед-ческого, в Томске-7 (совр. Северск) – военно-исторического профилей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Туманов В.Е.* Общественные музеи // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе. М., 1985. С. 143–152.
2. *Егоров Ю.С.* Развитие музейной сети в условиях зрелого социализма // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе. М., 1985. С. 22–39.
3. *Решетников Н.И.* Школьные музеи // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе. М., 1985. С. 152–161.
4. *Общественные* музеи в системе музеев РСФСР // Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М., 1980. С. 9.
5. *Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII – нач. XX в.). 1985. С. 226–298.
6. *Труевцева О.Н.* Общественные музеи Алтая: история становления и развития // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С. 244–251.
7. *Казаев И.В., Кисилева Л.В.* Музейная сеть Нижегородской области // Нижегородский музей. 2000.
8. *Сальникова И.В.* Музейная сеть Новосибирской области: новации и традиции // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002. С. 221–224.
9. *Хрусталева Л.М., Эдельман И.С.* Музеи Красноярска: история, развитие, потенциал // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. Новосибирск, 2010. С. 96–105.
10. *Будюкина Н.Н.* Проблемы сохранения и актуализации историко-культурного наследия региона (на примере негосударственных музеев Тамбовской области) // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций. М., 2010. С. 403–407.
11. *Поправко Е.А.* Музейное дело в Приморском крае (1941–1985 гг.). Владивосток, 2006. С. 44–73.
12. *Постановление* ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1986. С. 416–417.
13. *Типовое* положение о музеях РСФСР, работающих на общественных началах // Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М., 1980. С. 95–101.
14. *Актуальные* вопросы деятельности общественных музеев / под ред. А.Б. Закс и Л.Е. Янбых. М., 1980. 103 с.
15. *Хохлов В.В.* Общественные музеи в СССР // Museum International. 1985. № 1. С. 43–46.
16. *Веснина Т.* Нечаянная радость // Томский вестник. Томск. 2009. 3 нояб.
17. *Пенькова Н.В.* Единственные и неповторимые // Земля Чаинская: Сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорного. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 289.
18. *Дмитриенко Н.М.* Подгорное // Энциклопедия Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 583.
19. *Амельянчик Н.А.* Панов Яков Яковлевич // Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 552.
20. *Из опыта* работы Асиновского краеведческого музея с детьми // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея : сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 278.
21. *Колеров О.* Сохранить историю, сохранить память! // Причулымская правда. Асино, 1989. 28 июня.
22. *Георгий* Мокеевич Марков: Библиографический указатель. Томск, 2006. С. 20.
23. *Любовский Г.* Белоярский «арсенал» // Красное знамя. Томск. 1973. 24 февр.
24. *Ларионов М.* Переступи порог музея // Заря Севера. Белый Яр. 1982. 30 дек.
25. *Коновалова Н.* Музей при лучине? // Заря Севера. Белый Яр. 1987. 14 нояб.
26. *Коновалова Н.* Времен связующая нить // Заря Севера. Белый Яр. 1997. 17 мая.
27. *Школьный* комплексный краеведческий музей Верхнекетского районного Дома творчества юных // Мы нашу память сохраним. Томск, 2006. С. 22.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 5655. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
29. ГАТО. Ф. Р-1641. Оп. 1. Д. 101. Л. 81–85.
30. *Зайцев С.* От истории к современности // Молодой ленинец. Томск. 1978. 2 нояб.
31. *Постановление* Совета министров РСФСР от 11 февраля 1983 г. № 77 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11459.htm (дата обращения: 18.10.2014).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 30 октября 2014 г.

PUBLIC MUSEUMS OF TOMSK OBLAST: THE EARLY HISTORY (1960–1980S)

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 118-122. DOI: 10.17223/15617793/389/18

Sizova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sizova_i@mail.ru

Keywords: public museum; National Museum; Tomsk Oblast.

The museum network of the country in the 1960-80s included the state museums of the Ministry of Culture and their local departments, the state museums of the Academy of Sciences of the USSR and the Ministry of Higher and Vocational Secondary Education, as well as public museums. In the 1960-70s the museum network experienced a rapid growth due to public museums. Establishment of public museums became more intensive after the resolution of the Central Committee of the Communist Party of the USSR "On the greater role of museums in the communist education of the working people" of May 1964. The resolution defined the procedure of opening new museums. A new museum could be opened only under the following conditions: when it was really needed, when the room and authentic valuable exhibits for future museums were available. Furthermore, the resolution included the tasks of strengthening links between the museums and industrial and agricultural enterprises, educational institutions, scientific and creative organizations; expansion of local history movement and all forms of museum work, especially in the villages. In 1980 it was decided to assign the honorary title of "National Museum" to the most worthy public museums in order to improve their work and to create a reserve for state museums on their bases. This title was awarded by the application of the local (republican or regional) authorities of culture and was to be confirmed every 5 years. The author grouped public museums as following in the paper: 1) public museums established by the initiative of society with the support of the authorities such as Soviet and Party organizations, as well as local culture departments of district and city executive committees; 2) museums of enterprises, collective farms and organizations established by the initiative of employees or trade unions; 3) museums of educational institutions (schools, colleges, vocational schools, universities) established by the initiative of teaching staff representatives. The period of the early history of public museums in Tomsk Oblast completely coincides with national trends. In this period four public museums and one room-museum were open in the oblast. These institutions were initiated by society and supported by the party. The resolutions of the Central Committee of the CPSU of 1964 and 1982 and of the Council of Ministers of the RSFSR of 1983 encouraged this process. All public museums were of different types: for example, Tomsk had a museum of historical and revolutionary character, Podgorny District had a museum of art, Asino District had a literary museum, Verkhneketskiy District had a local history museum, Tomsk-7 (now Seversk) had a museum of military and historical character.

REFERENCES

1. Tumanov V.E. *Obshchestvennye muzei* [Public museums]. In: *Muzeynoe delo v SSSR. Muzeynaya set' i problemy ee sovershenstvovaniya na sovremennom etape* [Museums in the USSR. The museum network and problems of its improvement at the present stage]. Moscow, 1985, pp. 143-152.
2. Egorov Yu.S. *Razvitie muzeynoy seti v usloviyakh zrelogo sotsializma* [The development of the museum network in the conditions of mature socialism]. In: *Muzeynoe delo v SSSR. Muzeynaya set' i problemy ee sovershenstvovaniya na sovremennom etape* [Museums in the USSR. The museum network and problems of its improvement at the present stage]. Moscow, 1985, pp. 22-39.
3. Reshetnikov N.I. *Shkol'nye muzei* [School museums]. In: *Muzeynoe delo v SSSR. Muzeynaya set' i problemy ee sovershenstvovaniya na sovremennom etape* [Museums in the USSR. The museum network and problems of its improvement at the present stage]. Moscow, 1985, pp. 152-161.
4. *Obshchestvennye muzei v sisteme muzeev RSFSR* [Public museums in the museum system of the RSFSR]. In: Zaks A.B., Yanbykh L.E. (eds.) *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti obshchestvennykh muzeev* [Topical issues of public museums]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1980, p. 9.
5. Zlatoustova V.I. *Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (1945–1985 gg.)* [The state policy in the field of museology (1945-1985)]. In: *Muzey i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (XVIII – nach. XX vv.)* [Museum and power. The state policy in the field of museology (17th – early 20th centuries.)]. Moscow, 1991, pp. 226-298.
6. Truevtseva O.N. Obshchestvennye muzei Altaya: istoriya stanovleniya i razvitiya [Public museums of Altai: history and development]. *Altayskiy sbornik*, 1995, issue 16, pp. 244-251.
7. Kazaev I.V., Kisileva L.V. *Muzeynaya set' Nizhegorodskoy oblasti* [The museum network of Nizhny Novgorod Oblast]. Nizhegorodskiy muzey, 2000.
8. Sal'nikova I.V. *Muzeynaya set' Novosibirskoy oblasti: novatsii i traditsii* [The museum network of Novosibirsk Oblast: innovation and tradition]. In: Chernyak E.I. (ed.) *Muzeynye fondy i ekspozitsii v nauchno-obrazovatel'nom protsesse* [Museum funds and expositions in the scientific and educational process]. Tomsk: TSU Publ., 2002, pp. 221-224.
9. Khrustaleva L.M., Edel'man I.S. Muzei Krasnoyarska: istoriya, razvitie, potentsial [Krasnoyarsk Museum: history, development, potential]. In: Shcherbin N.M. (ed.) *Nauchno-istoricheskiy i kul'turno-obrazovatel'nyy potentsial sibirskikh muzeev* [Scientific and historical, cultural and educational potential of the Siberian museums]. Novosibirsk, 2010, pp. 96-105.
10. Budyukina N.N. *Problemy sokhraneniya i aktualizatsii istoriko-kul'turnogo naslediya regiona (na primere negosudarstvennykh muzeev Tambovskoy oblasti)* [Problems of preservation and actualization of the historical and cultural heritage of the region (by example of non-state museums of Tambov Oblast)]. In: *Nasledie v epokhu sotsiokul'turnykh transformatsiy* [Heritage in the era of social and cultural transformations]. Moscow, 2010, pp. 403-407.
11. Popravko E.A. *Muzeynoe delo v Primorskom krae (1941–1985 gg.)* [Museology in Primorsky Krai (1941-1985)]. Vladivostok, 2006, pp. 44-73.
12. Postanovlenie TsK KPSS "O povyshenii roli muzeev v kommunisticheskom vospitanii trudyashchikhsya" [Resolution of the Central Committee of the CPSU "On the greater role of museums in the communist education of the working people"]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s" ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums]. Moscow, 1986. Vol. 10, pp. 416-417.
13. *Tipovoe polozhenie o muzeyakh RSFSR, rabotayushchikh na obshchestvennykh nachalakh* [Model Regulations for the museums of the RSFSR working voluntarily]. In: Zaks A.B., Yanbykh L.E. (eds.) *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti obshchestvennykh muzeev* [Topical issues of public museums]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1980, pp. 95-101.
14. Zaks A.B., Yanbykh L.E. (eds.) *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti obshchestvennykh muzeev* [Topical issues of public museums]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1980. 103 p.
15. Khokhlov V.V. Obshchestvennye muzei v SSSR [Public museums in the USSR]. *Museum International*, 1985, no. 1, pp. 43-46.
16. Vesnina T. Nechayannaya radost' [Unexpected Joy]. *Tomskiy vestnik*, 2009, 3 November.
17. Pen'kova N.V. *Edinstvennye i nepovtorimye* [One and only]. In: *Zemlya Chainskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 100-letiyu s. Podgornogo* [Chainskaya Land: Collection of popular science essays on the 100th anniversary of Podgornoye Village]. Tomsk: TSU Publ., 2001, p. 289.
18. Dmitrienko N.M. *Podgornoe* [Podgornoye Village]. In: *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Tomsk Oblast Encyclopedia]. Tomsk: TSU Publ., 2009. Vol. 2, p. 583.
19. Amel'yanchik N.A. *Panov Yakov Yakovlevich*. In: *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Tomsk Oblast Encyclopedia]. Tomsk: TSU Publ., 2009. Vol. 2, p. 552. (In Russian).
20. *Iz opyta raboty Asinovskogo kraevedcheskogo muzeya s det'mi* [From the experience of Asino regional museum with children]. In: Yakovlev Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob" edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya: sb. statey* [Proceedings of Tomsk State United

Historical and Architectural Museum: collection of artiles]. Tomsk: TSU Publ., 1996. Vol. IX, p. 278.
21. Kolerov O. Sokhranit' istoriyu, sokhranit' pamyat'! [To save history, to save the memory!]. *Prichulymskaya pravda*, 1989, 28 June.
22. *Georgiy Mokeevich Markov: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Georgiy Markov: Bibliographical Index]. Tomsk, 2006, p. 20.
23. Lyubovskiy G. Beloyarskiy "arsenal" [Bely Yar "arsenal"]. *Krasnoe znamya*, 1973. 24 February.
24. Larionov M. Perestupi porog muzeya [Cross the threshold of the museum]. *Zarya Severa*, 1982. 30 December.
25. Konovalova N. Muzey pri luchine? [Museum in the rushlight?]. *Zarya Severa*, 1987. 14 November.
26. Konovalova N. Vremen svyazuyushchaya nit' [The thread that connects times]. *Zarya Severa,*1997. 17 May.
27. *Shkol'nyy kompleksnyy kraevedcheskiy muzey Verkhneketskogo rayonnogo Doma tvorchestva yunykh* [The school complex regional museum of Verkhneketsky District House of Youth Creativity]. In: *My nashu pamyat' sokhranim* [We will keep our memories]. Tomsk, 2006, p. 22.
28. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5655. List 1. File 10. Page 5.
29. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-1641. List 1.File 101. Pages 81-85.
30. Zaytsev S. Ot istorii k sovremennosti [From history to modernity]. *Molodoy leninets*, 1978, 2 November.
31. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 11 fevralya 1983 g, no. 77 "O merakh po dal'neyshemu uluchsheniyu raboty muzeev v RSFSR" [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR from February 11, 1983 no. 77 "On measures to further improve the work of museums in the RSFSR"]. In: *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [Library of regulatory legal acts of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11459.htm. (Accessed: 18th October 2014).

Received: 30 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 123–127 DOI: 10.17223/15617793/389/19

ИСТОРИЯ

УДК 35(091)

А.Е. Андреев

ТВЕРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: СТИЛЬ РАБОТЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Со второй половины XIX в. до 1917 г. в Тверской губернии служили семь губернаторов. Каждый из них оказывал определенное влияние на губернию, зачастую зависевшее от наличия опыта и личных качеств этих должностных лиц. Рассматриваются биографии, а также влияние личностей тверских губернаторов на исполнение властных полномочий и взаимоотношения с местными общественными институтами и органами самоуправления, которое было значительным ввиду несовершенства законодательной базы рассматриваемого периода.

Ключевые слова: губернаторы; земства; биографии; администрация; местное управление.

Губернатор был центральной фигурой в управлении Тверской губернией и по своему статусу являлся единственным и полномочным представителем центральной власти. На губернаторе замыкались все нити управления губернией, что делало его ответственным за все происходящее в ней. Полномочия губернаторов строго ограничивались действующим законодательством, систематически направляемыми губернаторам циркулярами и предписаниями по линии МВД. Высшие должностные лица губернии могли по-разному трактовать их и применять на практике, используя наиболее мягкие или, наоборот, жесткие меры, в зависимости от личных качеств и собственной субъективной оценки происходивших событий. Для более полного понимания происходивших событий и откликов на них рассмотрим основные личные черты и профессиональные качества губернаторов, руководивших губернией в рассматриваемый период.

С 1868 по 1917 г. в Тверской губернии служили семь губернаторов. За исключением А.Н. Сомова, прослужившего 22 года, что является своеобразным рекордом не только в Тверской губернии, но и во всей Российской империи, и Н.Г. Бюнтинга, бывшего губернатором в течение 11 лет, средний срок службы других пяти губернаторов составлял 3 года, что соответствовало тенденциям конца XIX – начала XX в. [1. С. 135].

По сословному происхождению все тверские губернаторы принадлежали к потомственному дворянству. Некоторые в период управления губернией имели придворные звания, следовательно, были в непосредственных отношениях с императорским двором: Н.Д. Голицын был пожалован званием камер-юнкера, А.А. Ширинский-Шихматов и Н.Г. Бюнтинг являлись гофмейстерами, а П.Д. Ахлестышев и П.А. Слепцов – камергерами Двора Его Императорского Величества. Все, о ком сохранилась информация, были крупными земельными собственниками (кроме Н.Д. Голицына, не имеющего имения).

Средний возраст губернаторов на момент вступления в должность составлял 43 года, все имели высшее образование (А.Н. Сомов – военное, другие – гражданское). До вступления в управление Тверской губернией пять из семи губернаторов получили подобный опыт работы в других губерниях Российской империи, лишь А.А. Ширинский-Шихматов служил ранее прокурором и управляющим канцелярией Московской синодальной конторы. Личность губернатора вносила существенные коррективы в объективные условия его служебного функционирования. Постараемся перечислить наиболее характерные для каждого тверского губернатора принципы управления, способы решения возникавших конфликтов, отношение к службе и другие проявления индивидуальных качеств.

Афанасий Николаевич Сомов был назначен губернатором 31 марта 1868 г. По свидетельствам современников, А.Н. Сомов «панически боялся своего министра» Д.А. Толстого и чрезвычайно дорожил его мнением. Предписания, поступавшие от вышестоящих инстанций, он стремился исполнять как можно скорее и аккуратнее. Если «бумага» страдала недоговоренностью, двусмысленностью или оставляла простор для личной инициативы, губернатор «затруднялся привести ее в исполнение... прося разъяснения смысла некоторых выражений... и точного указания, как приступить к делу» [2. С. 27]. С этой целью Сомов не ленился лишний раз съездить в Петербург для личной аудиенции. Отбирая претендентов на должность, на первое место он ставил лояльность. Во вторую очередь учитывались личные обстоятельства: материальные затруднения, необходимость дать образование детям. Далее он обращал внимание на нравственные и деловые качества претендента. Политическая благонадёжность тоже имела значение [3. Л. 102, 137], но для В.И. Покровского, относившегося к неблагонадёжным, было сделано исключение. Секретарь Тверского губернского статистического комитета В.И. Покровский состоял под негласным надзором полиции. Несмотря на это, тверской губернатор А.Н. Сомов не только принял его на службу, но и постоянно включал в списки на представление к очередному чину и на награды. В 1886 г. А.Н. Сомов представил Покровского к ордену св. Анны третьей степени «за отлично усердную и ревностную службу» [2. С. 29].

Заслугой Афанасия Николаевича являлось то, что он не чинил земству препятствий в подборе служащих. Земские структуры были укомплектованы прекрасно образованными, квалифицированными кадрами, среди которых выделялись В.И. Покровский, Д.И. Рихтер, М.П. Литвинов, В.И. Яковенко и др.

Многие из них не были безупречны в политическом отношении. Возможность получить работу в земстве, наличие в Твери кружка близких по взглядам и интересам людей – все это привлекало в город людей, которым запрещалось проживание в столицах: И.И. Петрункевича, В.А. Гольцева, В.В. Лесевича, А.И. Эртеля, Г.А. Мачтета, М.В. Девеля и других. В результате в Твери образовалась целая колония активной, прогрессивно настроенной интеллигенции, которая оказывала серьезное влияние на местную общественную жизнь. По мнению И.И. Петрункевича, подобное было возможно только потому, что губернская администрация во главе с Сомовым «держала себя довольно спокойно» и не проявляла чрезмерной агрессивности по отношению к политическим поднадзорным. Конечно, отношения между администрацией и земством даже в этот период не стоит идеализировать. Сами земцы оценивали их достаточно трезво и не сомневались, что, «если Сомову из Петербурга пришлют предписание всех нас повесить, то он ни минуты не задумается» [2. С. 30–32].

В мае 1890 г. Павла Дмитриевича Ахлестышева назначили тверским губернатором. В отличие от своего предшественника, он придерживался крайне консервативных взглядов, отличался неспособностью к компромиссам, неуживчивым и резким характером. В подчиненных он ценил прежде всего благонадежность и исполнительность. Такие качества, как профессионализм и знание дела, не были для него главными даже в таких сферах деятельности, как медицина и образование. 12 июня вступив в управление губернией и принимая начальников частей управления военного и гражданского ведомств, он сразу же обратил внимание на местную полицию [4. С. 5]. В ходе ревизий 1890–1891 гг. губернатор нашёл деятельность тверской полиции крайне неудовлетворительной. Итогом проверки стало обновление руководства уездных полицейских почти наполовину. На эти должности Ахлестышев предпочитал брать бывших военных, обладающих соответствующей его требованиям степенью благонадежности, дисциплинированностью, исполнительностью и военной выправкой. При формировании состава нижних чинов полиции (урядников, городовых) губернатор также рекомендовал отдавать предпочтение лицам, отслужившим в армии [2. С. 32]. Столь же оперативно губернатор развернул наступление и на земство, «приведение которого» в «спокойное состояние» было одним из условий назначения Ахлестышева на этот пост. Стремление любыми средствами навести «порядок» в Тверской губернии привело П.Д. Ахлестышева к конфликту с местным дворянством. Поводом стал отказ в утверждении нескольких десятков человек в звании попечителей народных училищ. На заседании Тверского дворянского депутатского собрания 16 декабря 1895 г. было решено довести до сведения министра внутренних дел о «ненормальных отношениях», сложившихся между губернатором и местным обществом. Несмотря на то, что заявление тверского дворянства так и не было рассмотрено в МВД, 1 ноября 1897 г. П.Д. Ахлестышев оставил службу и в дальнейшем оставался причисленным к своему министерству, не занимая никаких должностей [Там же. С. 35]. Необходимо отметить, что экс-губернатор отказался от прощального обеда. Эти деньги, около 2 500 руб., были потрачены на учреждение стипендии его имени в одном учебном заведении.

Не смог бесконфликтно управлять Тверской губернией и сменивший Ахлестышева князь Николай Дмитриевич Голицын. 7 ноября 1897 г. он стал тверским губернатором. В отличие от своего предшественника, по отзывам современников, Голицын был и более опытным губернатором, и более гибким человеком. По его инициативе в Твери в 1898 г. была организована школа полицейских урядников (по примеру Калуги), где повышали квалификацию нижние полицейские чины. Были ужесточены требования к исполнению своих обязанностей, знанию законов и инструкций чиновниками, вскрыты и сделаны попытки пресечения злоупотреблений, существовавших в тверской полиции [Там же. С. 38]. Но уже в 1899 г. произошёл конфликт Н.Д. Голицына с местным обществом, в результате которого губернатор приостановил деятельность местного дворянского общества, что стало известно далеко за пределами губернии. Весьма сложно складывались отношения губернатора и с тверским земством. Они характеризовались ростом протестов на доходные и расходные статьи земского бюджета, фиксацией земского обложения местной администрацией, ограничением публичности заседаний редакционной комиссии и земских собраний, неутверждением либерально настроенных земских гласных на должности председателей и членов управ и другими радикальными мерами, данными губернатору законодательством. Конфликт между губернатором и земством достиг своего апогея к 1903 г. С 23 октября по 20 ноября 1903 г. была организована правительственная ревизия земских учреждений Тверской губернии. По итогам ревизии последовало высочайшее повеление, предоставившее министру внутренних дел и тверскому губернатору особые полномочия, которыми князь Голицын уже не воспользовался [Там же. С. 39]. В 1903 г. он покинул Тверскую губернию, став тайным советником и сенатором.

Очередной тверской губернатор Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, несмотря на особые полномочия, предоставленные в отношении земства, также не смог разрешить конфликт. В 1903 г. он успешно готовил торжества по случаю открытия мощей Серафима Саровского, и должность губернатора стала для него своеобразной наградой от императора [5. С. 258]. 12 декабря 1903 г. последовал указ о назначении А.А. Ширинского-Шихматова тверским губернатором. По отношению к земству губернатор действовал на основании «Высочайшего повеления», подписанного Николаем II в январе 1904 г. Права Тверского губернского и Новоторжского уездного земств были существенно ограничены, их управы расформированы, а выборные члены заменены назначенными от МВД [6. С. 105]. Не имея опыта работы в губернской администрации, Ширинский-Шихматов применил ряд ограничений, что перевело конфликт на другой уровень, и возникшая социальная напряжённость уже не могла быть им остановлена репрессивными мерами. Кончилось тем, что после ряда мелочных придирок, протестов и попыток наладить

работу с земством к осени 1904 г. губернатор представил новому министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому такой список лиц, предназначенных к увольнению и высылке из губернии, что министр отказался дать ход проекту губернатора, и Ширинский-Шихматов вынужден был подать в отставку [2. С. 43].

Другую причину ухода А.А. Ширинского-Шихматова с поста тверского губернатора привёл в воспоминаниях С.Ю. Витте. Он писал, что, так как Ширинский-Шихматов «потребовал от священников, чтобы они ему аттестовали политическую благонадёжность населения, то князь Мирский, будучи министром внутренних дел после Плеве, его уволил, хотя и не без неудовольствия со стороны Его Величества. Как только князь Ширинский приехал в Петербург, государь его принял, спокойно выслушал всякие инсинуации на князя Мирского и назначил вопреки обыденным правилам сенатором» [5. С. 258]. Как и П.Д. Ахлестышев, Алексей Александрович отказался от прощального обеда. Вместо этого ему поднесли икону Святителя Алексея Митрополита Московского, а оставшиеся от подписки на обед средства поступили в пользу местного управления Красного Креста [7. С. 2, 3].

Осенью 1904 г. Сергею Дмитриевичу Урусову было предложено на выбор два губернаторских места – в Харькове и Твери. Урусов выбрал Тверскую губернию, несмотря на то что работа в ней, судя по описанным выше событиям, усложнялась активным тверским земством, находившимся в конфронтации местной власти. Предварительно Сергей Дмитриевич изучил материалы ревизии земства 1903 г., протоколы заседаний Тверского губернского по земским и городским делам присутствия и документы канцелярии губернатора. В итоге им были сделаны выводы о необоснованности исключительных мер, предпринятых по отношению к тверскому земству. Последовало сообщение министру внутренних дел о необходимости их отмены. Убедить Николая II в необходимости отмены недавнего распоряжения Урусову удалось при личной встрече с императором 3 декабря 1903 г. в Царском селе. В конце декабря 1904 г. Тверское губернское и Новоторжское уездное земства вновь получили право избирать членов управ, а выбранных либеральных деятелей В.Д. фон Дервиза, Н.К. Милюкова, Б.Н. Тица губернатор и министр внутренних дел А.Г. Булыгин утвердили в должности.

Все шаги тверского губернатора быстро становились известны местному обществу, что ускоряло процесс нормализации отношений земства и администрации. Сближение властей и либерально настроенных земских деятелей, особенно из числа дворян, происходило на фоне растущих волнений в рабочей и крестьянской среде. Зимой 1905 г. в Тверской губернии прошла первая волна забастовок, которая с успехом была остановлена благодаря личному вмешательству губернатора, имеющего опыт прекращения конфликтов мирными путями. Однако все чаще рабочие и крестьянские выступления требовали привлечения войск, что рассматривалось Урусовым как «обязанность, составляющая неприятную сторону губернаторской службы» [2. С. 46]. В рабочие дни С.Д. Урусов в половине девятого утра начинал приём посетителей. В час приходил правитель канцелярии, а в два часа Урусов уже председательствовал в одном из присутствий, не менее четырёх раз в неделю, а иногда и ежедневно. После нескольких визитов с восьми часов вечера губернатор садился за бумаги. С.Д. Урусов считал важными свои объезды губернии, «так как дела и вся переписка, проходящая ежедневно перед его глазами, оживают и приобретают реальное значение» [8. С. 49, 50].

24 мая 1905 г. тверской губернатор С.Д. Урусов отправил в Петербург прошение об отставке «по домашним обстоятельствам», но реальную причину своего ухода он объяснил в письме министру внутренних дел. Князь Урусов считал, что товарищу министра внутренних дел Д.Ф. Трепову были излишне предоставлены особые полномочия в руководстве деятельностью губернаторов [2. С. 48]. 10 июня 1905 г. С.Д. Урусов был освобождён от должности губернатора. На заседании Тверской городской думы ему вручили прощальный адрес и сообщили о решении назвать в его честь новый городской сквер и учредить две стипендии его имени [Там же. С. 48, 49].

Следующим тверским губернатором был назначен Павел Александрович Слепцов 27 июня 1905 г. Период службы губернатора был настолько короток (9 месяцев), что выявить его отношение к исполнению обязанностей проблематично. Важными событиями периода губернаторства П.А. Слепова можно считать подавление восстания 12–17 декабря 1905 г. (всё-таки не повлекшее жертв противоборствующих сторон) и разъяснение крестьянам прав и свобод Манифеста от 17 октября. Кроме этого, история запечатлела ещё один яркий момент в жизни Тверской губернии, относящийся к периоду службы П.А. Слепцова. Так, 17 октября 1905 г., когда в Твери еще не было известно о царском манифесте, служащие губернского земства собрались в здании управы для обсуждения экономических и правовых вопросов. Губернатор Слепцов был поставлен в известность о проведении этого собрания. Вечером того же дня толпа черносотенцев напала на здание управы. Вмешательство губернатора, прибывшего на место происшествия, ограничилось обращением с речью к толпе, в которой он убеждал собравшихся разойтись по домам и прекратить беспорядки. После отъезда губернатора толпа продолжила разгром здания. В результате здание управы серьезно пострадало, многие земские деятели были избиты, некоторые получили тяжелые ранения. Виновницей эксцесса земство сочло местную администрацию и потребовало привлечь губернатора к уголовной ответственности, а также предъявило ему иск на сумму убытков – 37 219 руб. 98 коп.

Октябрьские события в Твери получили широкую огласку: «имя Слепцова стало предметом самых обидных инсинуаций. Чего только не говорили про него». В феврале 1906 г. Слепцов приехал в Петербург, чтобы организовать защиту своего «дела» в Сенате. Его лицейский товарищ Г.И. Гильшер вспоминал, что «выглядел он спокойным. Рассказал об испытанных им волнениях, о постигшей его нервной болезни, о постоянных угрозах, о полной невозможности чем-нибудь обезопасить себя, и на мой вопрос, не

рассчитывает ли он перейти в другую губернию, спокойно ответил, что теперь уже нет надобности, что оппозиционные представители земства и городского управления даже из крайне левых поняли его и относятся к нему теперь хорошо, бойкотируют же его учительницы и акушерки, но это его мало трогает» [Там же. С. 53, 54]. В середине марта 1906 г. П.А. Слепцов был предупрежден о готовящемся на него покушении. Была установлена усиленная охрана дворца, некоторых посетителей даже осматривали, после восьми часов вечера во дворец нельзя было проникнуть, не зная особого пароля. 25 марта 1906 г. около трех часов дня Слепцов возвращался во дворец после открытия чрезвычайного губернского земского собрания, которое проходило в здании дворянского собрания. На повороте с Миллионной улицы к дворцу под губернаторский экипаж была брошена бомба. Убийство губернатора, несмотря на сокрытие от следствия преступником данных о себе, записали на свой счёт местные социалисты-революционеры. При отпевании П.А. Слепцова священник церкви Симеона Столпника И.Г. Соколов сказал: «Можно смыть следы твоей крови со стен здания... возможно закрасить их, но кровавое пятно, которое смерть твоя положила на нас, будет постоянно лежать на нашей душе, на нашем сердце, на нашей совести тяжелым камнем» [2. С. 55], а «архиепископ Алексий предложил водрузить на месте убиения крест» [9. С. 2].

Последним в дореволюционной России высшим лицом Тверской губернии был назначен 15 апреля 1906 г. Николай Георгиевич Бюнтинг [2. С. 55, 56]. Как писал о нём в своих воспоминаниях за 1908 г. В.Ф. Джунковский, это был человек, «прекрасно разбирающийся во всех вопросах, по всему видно было в нём опытного губернатора с практическим жизненным опытом» [10. С. 339]. Очевидно, за годы службы в Тверской губернии Н.Г. Бюнтинг наиболее ярко выразил себя как личность, являясь почетным членом: Тверской ученой архивной комиссии (с 1907 г.), Тверского благотворительного общества «Доброхотная копейка» (с 1910 г.), Тверского православного братства святого благоверного князя Михаила Ярославича (с 1911 г.). Вся семья губернатора была православного вероисповедания и глубоко верующей.

Как человек высоконравственный губернатор тяжело нес бремя государственной ответственности. Он не один раз еще до начала войны 1914 г. безуспешно ходатайствовал об освобождении от должности губернатора и назначении в Правительствующий Сенат. Весь период от начала Первой мировой войны до Февральской революции он исполнял обязанности тверского губернатора, делая всё возможное для добросовестного и эффективного исполнения своих полномочий, что в тяжелейших условиях кризиса было проблематично. Последнее прошение датировано Н.Г. Бюнтингом 7 февраля 1917 г., за несколько дней до гибели [2. С. 58, 59].

После февральских событий в Петрограде, 2 марта 1917 г. солдаты частей, расквартированных в Желтиковых казармах, побили и обезоружили офицеров, ранили генерала Рутковского и устроили демонстрацию вместе с фабричными рабочими. Н.Г. Бюнтинг был схвачен за своим рабочим столом в знаменитом Путевом дворце. В этот же день он был убит у здания гауптвахты, а его тело было затоптано ногами разъярённой толпы [Там же. С. 55]. Убийство Н.Г. Бюнтинга было фактом исключительной жестокости, поскольку в основном отстранённые от должности губернаторы подвергались арестам.

Завершая анализ влияния личности и образа жизни губернаторов на исполнение служебных обязанностей, можно отметить следующее. От личных качеств губернаторов зависели отношения с местным обществом, что было немаловажным фактором в исполнении служебных обязанностей после Великих реформ. Недостаточная подготовка к губернаторской службе и личная неуравновешенность приводили к затяжным конфликтам, результатом которых были социальные взрывы. Контрреформы Александра III предоставили высшим должностным лицам широкие полномочия по отношению к земским учреждениям и общественным организациям. Показательна в этом отношении деятельность тверских губернаторов П.Д. Ахлестышева, Н.Д. Голицына и А.А. Ширинского-Шихматова, вступавших в противоборство с дворянством и земством, за которым следовали их отставки либо переводы по ведомству МВД. В других случаях политика компромиссов, например, А.Н. Сомова, С.Д. Урусова и Н.Г. Бюнтинга, давала самые положительные результаты. Благодаря продуктивной работе земства улучшалось благополучие населения, что можно смело записать в заслуги этих губернаторов. Должность губернатора являлась олицетворением верховной власти в сознании большинства населения, вероятно, именно поэтому последние служившие до революции февраля 1917 г. в Твери губернаторы погибли: Павел Александрович Слепцов – в результате покушения в 1906 г. и Николай Георгиевич Бюнтинг – от рук восставших солдат в 1917 г. Погибли они практически на одном месте, где, к сожалению, до настоящего времени не установлено памятной стелы или креста. На заседании Тверского губернского временного исполнительного Комитета 6 марта 1917 г. пунктом 5 было решено: «сообщить Исполнительному Комитету Государственной Думы, что Тверской исполнительный комитет принял на себя обязанности по управлению губернией и в восстановлении должности губернатора, хотя бы и видоизмененной, не нуждается» [11. С. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Изд-во МГПГУ, 2001. 358 с.
2. *Дмитриева Г.Н., Середа В.Н.* Тверские губернаторы. Тверь : Област. книж.-журнал. изд-во, 1996. 80 с.
3. *Государственный* архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14613.
4. *Тверские* губернские ведомости. 1890. № 44. Часть неофициальная.
5. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М. : Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 576 с.
6. *Платов В.С.* Революционное движение в Тверской губернии (конец XIX – начало XX в.). Калинин: Калинин. книж. изд-во, 1959. 242 с.
7. *Тверские* губернские ведомости. 1904. № 83. Часть неофициальная.

8. *Урусов С.Д.* Записки губернатора. М. : Изд-во Саблина, 1907. 377 с.
9. *Тверские* губернские ведомости. 1906. № 26. Часть официальная.
10. *Джунковский П.Ф.* Воспоминания. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 733 с.
11. *Вестник* Тверского губернского временного исполнительного комитета. 9.03.1917. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июля 2014 г.

TVER GOVERNORS AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES: STYLE OF WORK AND WAY OF LIFE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 123-127. DOI: 10.17223/15617793/389/19

Andreev Aleksey E. Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: aae@list.ru

Keywords: governors; zemstvo; biography; administration; local governance.

During the considered period (1880-1917) the governor was a high-ranking official of the Ministry of Internal Affairs in the territory of Tver Province and was the only plenipotentiary of the central power. Powers of governors were regulated by existing legislation, their actions were guided by the circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs. Actually, governors had an opportunity to put legal acts into force at discretion, depending on personal qualities and value judgment of the occurring events. Results of the analysis of the main personal and professional qualities of the governors heading the province during the considered period are reflected in the article. It is revealed that the relations with local society which influenced the performance official duties after Great reforms depended on personal qualities of the highest officials. Often, insufficient training for execution of duties and personal unbalance led to long conflicts which resulted in social fallouts. Granting of large powers to the highest officials in relation to territorial establishments and public organizations became a result of the policy of Alexander III concerning local governments. Governors used the acquired opportunities in different ways. The activities of Tver governors P.D. Akhlestyshev, N.D. Golitsyn and A.A. Shirinskiy-Shikhmatov is indicative in this regard. They confronted the nobility and the zemstvo which resulted in their resignations or transfer to a different department of the Ministry of Internal Affairs. In other cases, the policy of compromise by, for example, A.N. Somov, S.D. Urusov and N.G. Byunting gave the most positive results. During their administration, due to the productive work of the zemstvo the wellbeing of the population improved, which was a merit of the governors. The position of the governor was a representation of the Supreme power in the consciousness of the majority of the population. It is probably the reason why the last governors serving before the revolution of February 1917 in Tver perished: Pavel Aleksandrovich Sleptsov was killed in an attempted assasination in 1906 and Nikolay Georgiyevich Byunting was killed by the rebel soldiers in 1917. They were killed almost in the same place which is still unmarked by a memorable stele or a cross. At the meeting of Tver Province Temporary Executive Committee on March 6, 1917, by point 5 it was decided “to report to the Executive State Duma Committee that Tver Executive Committee takes the administration duties in the province and does not need the position of the governor, modified or not”. With adoption of this decision the governorship institute in Tver Province ceased to exist for more than 80 years.

REFERENCES

1. Lysenko L.M. *Gubernatory i general gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and governors general of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Izd-vo MGPGU Publ., 2001. 358 p.
2. Dmitrieva G.N., Sereda V.N. *Tverskie gubernatory* [Tver governors]. Tver: Oblast. knizh.-zhurnal. Izd-vo Publ., 1996. 80 p.
3. State Archive of Tver Region. Fund 56. List 1. File 14613.
4. *Tverskie gubernskie vedomosti*, 1890, no. 44.
5. Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Skif Aleks Publ., 1994. Vol. 2, 576 p.
6. Platov V.S. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Tverskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [The revolutionary movement in the Tver province (late 19th – early 20th centuries)]. Kalinin: Kalinin. knizh. Izd-vo Publ., 1959. 242 p.
7. *Tverskie gubernskie vedomosti,* 1904, no. 83.
8. Urusov S.D. *Zapiski gubernatora* [Notes of the governor]. Moscow: Izd-vo Sablina Publ., 1907. 377 p.
9. *Tverskie gubernskie vedomosti*, 1906, no. 26.
10. Dzhunkovskiy P.F. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1997. Vol. 1, 733 p.
11. *Vestnik Tverskogo gubernskogo vremennogo ispolnitel'nogo komiteta*, March 3, 1917, no. 3.

Received: 13 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 128–132 DOI: 10.17223/15617793/389/20

УДК 94(430).022

А.С. Ануфриева

МОЛИТВА ГОСУДАРЯ: РОЛЬ КОРОЛЯ В БИТВЕ ПРИ БИРТЕНЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИУТПРАНДА КРЕМОНСКОГО

Статья посвящена проблеме описания средневековых политических ритуалов в нарративных источниках Оттоновской эпохи. Лиутпранд Кремонский, один из выдающихся сочинителей X в., нередко описывал сцены символической репрезентации власти, «сконструированные» им самим и не происходившие в действительности. Его описание одного из эпизодов герцогского восстания 938–939 гг., – битвы при Биртене – являет собой характерный пример этого подхода. Автор живописует выразительную сцену молитвы властителя на поле боя, представляя ее как своеобразный политический ритуал, легитимационный акт, при помощи которого утверждается власть едва утвердившейся на престоле Саксонской династии.

Ключевые слова: репрезентация власти; политические ритуалы; Священное копье; Оттон I; Лиутпранд Кремонский; Видукинд Корвейский.

Изучая средневековые политические ритуалы по их описаниям в нарративных источниках, историк часто имеет дело не с достоверным отображением реальности, а скорее с ситуациями, «сочиненными», смоделированными средневековыми авторами. С помощью описания «выдуманного» ритуала хронист или историограф мог решить множество задач: дать «правильную» интерпретацию неоднозначному событию, представить второстепенный исторический эпизод в качестве ключевого, – словом, так или иначе сместить акценты, «скорректировать» реальность в соответствии со своими политическими воззрениями.

Проблема субъективного искажения реальных событий в произведениях средневековых сочинителей стала предметом одной из ключевых дискуссий, развернувшихся в последние десятилетия среди медиевистов, исследующих политические ритуалы. Французский историк Ф. Бюк в своей вызвавшей широкий резонанс монографии «Опасности ритуала» [1] выразил сомнение в том, что на основе подобных тенденциозных описаний возможно достоверно реконструировать символические сцены, происходившие в действительности.

Многие исследователи [2. С. 149; 3. С. 203] признали справедливым этот тезис, однако попытались предложить своего рода «противоядие», задавшись вопросом: если субъективность средневековых сочинителей мешает изучать ритуалы, запечатленные в их текстах, то почему бы не превратить в объект исследования сами эти «текстовые практики»? Историк имеет возможность рассматривать данные описания не столько как запечатление «подлинных событий», сколько как элемент «литературной реальности», конструируемой сочинителем в соответствии с его воззрениями и задачами (один из примеров подобного «конструирования» ранее был рассмотрен в работе [4]). Благодаря этому возможно изучить, как тот или иной автор в своем произведении представлял образ властителя или интерпретировал политические события, какие составляющие ритуала считал ключевыми.

Одним из наиболее интересных авторов, прибегавших к такого рода «литературному конструированию» символических сцен, был Лиутпранд Кремонский (ок. 920–972 гг.), историограф эпохи Оттона I (912–973 гг., король Восточно-Франкского королевства с 936 г., император Римской империи с 962 г.). Лиутпранд – талантливый сочинитель, выделявшийся среди своих современников на Латинском Западе незаурядными познаниями в античной литературе и Священном писании, тонко владевший латынью и писавший на греческом (подробнее о стилистических и языковых особенностях сочинений Лиутпранда см.: [5; 6. С. 213–220]). Знатный лангобард, попав в немилость у итальянского монарха и бежав ко двору Оттона, он стремился заслужить благосклонность нового покровителя и в своем сочинении превозносил могущество государя-сакса.

Важной задачей Лиутпранда было показать превосходство Оттона над его многочисленными соперниками в борьбе за власть. Один из приемов, которые использовал для этого историограф, – описание эффектной публичной символической сцены, в которой покровитель Лиутпранда представал бы могущественным властителем, по божественному соизволению одерживающим верх над противниками. Яркий пример такого рода – сцена молитвы Оттона I во время битвы при Биртене 939 г., выразительно описанная в крупнейшем историческом сочинении Лиутпранда – «Антаподосисе». Битва при Биртене – один из эпизодов герцогского восстания 938–939 гг., которое возглавили герцог Франконии Эберхард, герцог Лотарингии Гизельберт и младший брат Оттона Генрих, заявивший о своих правах на престол.

В ходе столкновения, произошедшего у местечка Биртен на берегу Рейна, армия Оттона одержала верх над войсками восставших, однако сражение не поставило точку в мятеже, – военное противостояние Оттона с Генрихом, Эберхардом и Гизельбертом продолжилось [7. С. 120–126]. Тем не менее ученые нередко оценивают биртенское сражение как «решающую битву» [8. С. 77], окончательно утвердившую власть Оттона. Возможно, именно выразительная символическая сцена, описанная Лиутпрандом, повлияла на историков, считающих этот эпизод столь важным.

Чтобы отчетливее представить особенности авторского подхода Лиутпранда, интересно сравнить описание битвы при Биртене в «Антаподосисе» с версией другого прославленного оттоновского историографа – Видукинда Корвейского, монаха, выходца из саксонской аристократии, который в своем сочинении «Деяния саксов» также посвятил этому сражению обширное отступление.

Канва событий у обоих авторов одна и та же. Небольшая часть войска Оттона, успевшая переправиться через Рейн, столкнулась на другом берегу с вражеской армией, в то время как основные силы и сам король были лишены возможности пересечь реку и оказать им помощь. Тем не менее воинам Оттона удалось победить противников, во много раз превосходивших их по численности.

Отличия подходов историографов проявляются и в ряде деталей, и в том, как объясняются ими причины неожиданной победы.

Так, согласно версии «Антаподосиса», увидев, с каким воодушевлением горстка его воинов на другом берегу бросилась атаковать противника, «король счел, что подобная их решительность явилась не без божественного вдохновения; и поскольку он не мог из-за разделявшей их реки помочь им, присутствуя телесно, то, вспомнив, что народ Божий, сражаясь с амаликитянами, победил благодаря молитвам Моисея, раба Господня, тотчас же сошёл с коня и, проливая слёзы, стал вместе со всем народом молиться перед приносящими победу гвоздями, которыми были прибиты [к кресту] руки Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, и которые теперь вложены в его [Священное] копьё. Насколько сильна, – согласно изречению блаженного Иакова, – оказалась молитва праведного мужа, ясно показал исход дела. Ведь во время молитвы ни один из его людей не был убит, тогда как все враги обратились в бегство; причем некоторые из них не знали, почему они бежали, поскольку не могли видеть преследовавших врагов из-за их малочисленности» [7. С. 117, 118].

Дарованная Богом победа, по «Антаподосису», – результат молитвы короля перед Священным копьем, личная заслуга Оттона, который, будучи лишен возможности «телесного присутствия» на битве, духовно пребывал вместе со своими воинами. Исход сражения в интерпретации Лиутпранда не оставляет сомнений: произошло чудо, Божественное вмешательство в события. Ни одного убитого среди сторонников Оттона, крупная армия в панике бежит от горстки воинов.

По версии Видукинда, Оттон, лишенный других возможностей помочь своим сторонникам, также оказал им поддержку через молитву, «смиренно простирая руки к Богу» [9. С. 70]. Но основное внимание этот автор уделяет событиям на другом берегу, где разворачивалось сражение.

Его повествование изобилует подробностями, касающимися хода битвы, маневров и военных хитростей. Видукинд упоминает, что два войска были разделены прудом, и это позволило воинам Оттона атаковать противников с флангов. Кроме того, по словам историографа, некоторые из войска короля, «немного владевшие» наречием своих противников, притворялись «своими» и на родном языке врагов призывали их к бегству. Те, по совету мнимых «соратников», бросались в отступление.

Результаты битвы у Видукинда несколько «правдоподобней», чем в «Антаподосисе»: «В этот день многие из наших были ранены, а некоторые и убиты <...>. А враги все или были перебиты, или взяты в плен, или бежали; поклажа и весь скарб врагов был разделен между победителями». Урон, понесенный противником, безусловно, тяжелей, чем у союзников Оттона, однако и у победителей потери весьма значительны [9. С. 70].

Словом, взгляд Видукинда на битву при Биртене заметно отличается от версии Лиутпранда. Историограф-сакс куда подробнее, чем сочинитель-лангобард, описал военные действия. Он проанализировал ход сражения и даже нашел некоторые «рациональные» объяснения чудесной победы: водная преграда между двумя армиями, облегчившая нападение воинам Оттона, и военная хитрость, которая ввела в заблуждение врагов. Предваряющая сражение молитва короля, безусловно, деталь весьма важная и для Видукинда. Однако она оказывает на ход битвы не столь сильное влияние, как в версии автора «Антаподосиса»; красноречивое тому свидетельство – как по-разному два историографа оценивают боевые потери.

Исследователи, сопоставляющие два эти описания, чаще всего приходят к выводу: Лиутпранд писал прежде всего о «чуде», Видукинд же – о военной хитрости, «ruse de guerre» [10. С. 122; 11. С. 84]. Однако при этом повествование о сражении у обоих авторов открывается одной и той же сценой: молитвой Оттона на противоположном берегу реки. Чем же отличаются подходы двух историографов к описанию этой сцены, учитывая, что в версии Лиутпранда молитва оказалась куда более «чудодейственной»?

В процитированном пассаже из «Антаподосиса» можно выделить три основных составляющих, из которых складывается, по выражению Джованни Изабеллы, «механизм запуска чуда» [11. С. 81]: молитва короля, соучастие в молитве «всего народа» (“omnis populus”) и чудесные свойства реликвии, перед которой молился государь, – Священного копья (а точнее, вложенных в него гвоздей из Креста Господня).

Видукинд, не приводя иных деталей, ограничивается упоминанием молитвенного жеста – простертых рук короля (о простертых руках как «раннем молитвенном жесте», наиболее распространенном по меньшей мере вплоть до XII в.: [12. С. 102]). У Лиутпранда описание сцены обращения короля к Господу содержит больше подробностей: Оттон сошел с коня, а затем молился вместе с народом, проливая слезы перед драгоценной реликвией.

Лиутпранду, перед которым стояла непростая задача восхвалить Оттона за победу в битве, в которой тот не принимал участия, было необходимо подчеркнуть мотив единства короля с народом (этой же цели служит уподобление Оттона ветхозаветному пророку Моисею, чья молитва поддержала израильтян во время сражения с амаликитянами). Кроме того, упоминание о множестве свидетелей символического акта – прием, позволявший Лиутпранду представить весь эпизод именно в качестве ритуала, совершенного публично, в подобающей торжественной обстановке. Причем сочинитель предельно расширяет круг свидетелей: часть войска, не успевшая переправиться через Рейн, олицетворяет для него «весь народ», единодушно присоединяющийся к молитве короля.

Центральным объектом, вокруг которого выстраивается вся сцена, описанная Лиутпрандом, становится Священное копье, в котором заключены гвозди из Креста Господня. Молитву Оттона перед реликвией,

содержащей гвозди распятия, можно рассматривать как вариант сцены поклонения государя-полководца кресту на поле битвы. Такой ритуал запечатлен, помимо сочинения Лиутпранда, в ряде более ранних и более поздних источников. Истоки этого ритуала можно отыскать еще в позднеантичной традиции – выразительная сцена поклонения государя кресту на поле боя описана, в частности, в сирийском «Романе о Юлиане» (соответствующие фрагменты романа в переводе на русский см.: [13. С. 11, 12]).

Священное копье в восприятии Лиутпранда фактически и являет собой крест; историограф подчеркивает, что свою молитву Оттон совершал «перед приносящими победу гвоздями» [7. С. 117], вложенными в копье. Приравнивание гвоздей распятия к кресту вполне закономерно: понимание части как воплощения целого лежит в основе почитания реликвий. Представление же о том, что Животворящий крест с его чудесной спасительной силой воплощают собой и «древо креста», и «железо креста», восходит еще к Амвросию Медиоланскому [14. С. 37, 38].

Хольгер Кляйн анализирует в своей работе пассаж Панегирика Генриху IV Бенцо из Альбы, содержащий пример использования государем на поле боя силы крестного древа [15. С. 295, 296]. Речь идет об эпохе Лиутпранда, более того, о человеке, с которым тому довелось познакомиться лично в ходе своего второго посольства в Константинополь, – византийском императоре Никифоре Фоке. Бенцо рассказывает, что, осаждая захваченную сарацинами Антиохию, Никифор дважды в неделю обходил город с процессией, впереди которой проносили частицу древа креста.

Как и Лиутпранд в повествовании о битве при Биртене, Бенцо прямо указывает на библейский прообраз описываемой им сцены: падение Иерихона, описанное в книге Иисуса Навина. Ветхозаветное и евангельское предания в обоих случаях причудливо переплетены: «сюжет» символического действа подсказан Ветхим заветом, однако центральным сакральным объектом оказывается новозаветная реликвия св. Креста.

Показательно также, что подобная ветхозаветная отсылка у Бенцо восходит именно к византийской традиции, истории Никифора Фоки. Это дополнительно подтверждает, что подход Лиутпранда к «конструированию» биртенского эпизода был родственным византийским описаниям подобных сцен. Однако принципиальнее всего именно типологическое сходство двух символических сцен: Оттон в сочинении Лиутпранда и Никифор в византийском предании, к которому отсылает Бенцо, поклоняются частице св. Креста в надежде на чудесную помощь Господа в нелегком военном предприятии. Налицо очень сходное восприятие этой святыни, что отчасти созвучно заключению Х. Кляйна о «растущем интересе к военному и церемониальному использованию реликвий Страстей Христовых на Западе» [15. С. 296], – интересе, который, по мнению ученого, в эту эпоху происходил именно из подражания византийским образцам.

В самом деле, есть основания говорить о такого рода общем «интересе» византийцев эпохи Лиутпранда и их западноевропейских современников к реликвиям св. Креста. Однако стоит отметить: если в эпизоде с осадой Никифором Антиохии речь идет именно о «древе креста», то в Священном копье Оттона были заключены гвозди.

М.А. Бойцов высказывает точку зрения, что некогда Амвросий Медиоланский был вынужден обосновывать идею почитания «железа креста» именно как альтернативу уже сложившейся «иерусалимской традиции», где в качестве объекта поклонения воспринималось Крестное древо [14. С. 15, 16]. Можно предположить, что в эпоху Лиутпранда ситуация была во многом схожей. Обладание «древом креста» оставалось прерогативой византийских императоров. Соответственно, для Людольфингов, также желавших владеть реликвиями Страстей Христовых, «железо креста», как некогда и для Амвросия, представляло собой удобную альтернативу.

Ориентируясь, по существу, на ту же систему представлений о военной и церемониальной ценности реликвий св. Креста, что и византийцы, властители-саксы при этом должны были обзаводиться своими собственными святынями, не уступавшими по силе. А вместе с тем возникала и необходимость доказывать подлинность и «действенность» этих святынь.

В сцене, описанной Лиутпрандом, в центре оказывается новый, «оттоновский» символический объект – Священное копье, одновременно и реликвия, и инсигния династии Людольфингов. Любопытно, что Видукинд нашел для той же святыни более «логичное» применение: во время битвы с венграми при Лехе 955 г. король «поднял щит и Священное копье и первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца» [9. С. 108]. Копье, пусть и копье драгоценное, священное, оставалось в его представлении прежде всего оружием. Историографу-саксу, по-видимому, не могло прийти в голову «сконструировать» ритуал столь замысловатый, как описанное у Лиутпранда поклонение копью – вместилищу реликвий Страстей Христовых.

Особенности композиции «Антаподосиса» показывают, сколь значимо было для Лиутпранда появление этой реликвии именно в данном эпизоде. Сразу за главой, описывающей битву, следует подробное отступление, где историограф рассказывает, как отец Оттона завладел этой святыней [7. С. 118, 119]. Таким образом, история обретения Священного копья Саксонской династией, в нарушение хронологии повествования, в «Антаподосисе» композиционно связана именно со сценой биртенской молитвы Оттона.

Отсылку к временам Генриха I можно интерпретировать как напоминание о том, что Священное копье – не только святыня и драгоценность, но и инсигния, символ власти государей Саксонской династии, перешедший от отца к сыну. Это дает еще больше оснований воспринимать сцену молитвы короля перед копьем в качестве своеобразного ритуала легитимации власти Оттона.

История обретения Людольфингами Священного копья у двух авторов также различна. По версии «Антаподосиса», Генрих получил реликвию от Рудольфа II Бургундского, тогда как Видукинд упоминает Священное копье в числе инсигний, завещанных Генриху королем Конрадом Франконским и пе-

реданных ему братом короля, герцогом Франконии Эберхардом [9. С. 32, 33; 7. С. 118, 119].

Между тем именно Эберхард, с точки зрения Лиутпранда, являлся основным инициатором мятежа 938-939 гг., побудившим (или даже принудившим) брата Оттона выступить против короля, оспорить его права на престол [7. С. 115, 117]. В конечном же счете в планы Эберхарда, если верить «Антаподосису», и вовсе входило самому присвоить королевскую власть [Там же. С. 116, 117].

Подобные подозрения историографа представляются правдоподобными: учитывая, что претензии Генриха Баварского на королевский статус имели мало оснований, вполне можно было бы ожидать, что Эберхард заявит о собственных правах на трон. Представитель Франконской династии, завещавшей нынешним правителям власть и ее символы, был опасным конкурентом Оттона.

И вот в «Антаподосисе» Священное копье, по версии Видукинда, полученное отцом нынешнего короля из рук Эберхарда-союзника, оказывается оружием, при помощи которого Оттон одерживает победу над Эберхардом-бунтовщиком. А чудо, совершенное его силой, являет красноречивое проявление Божьей воли, высшее подтверждение легитимности власти короля-Людольфинга – и незаконности претензий на власть любых его конкурентов, будь то герцоги-бунтовщики, «порфирородный» брат или представитель предыдущей королевской династии.

Таким образом, описанная Лиутпрандом символическая сцена обретает не только военное, но и политическое, легитимационное значение. Интересно, что Лиутпранд избрал в качестве такого ключевого момента именно битву при Биртене: сражение, которое не поставило точку в истории герцогского мятежа 938–939 гг. и в котором Оттон даже не мог принять непосредственного участия. Парадоксально, но именно эта вынужденно пассивная роль Оттона в Биртенском сражении давала Лиутпранду возможность нарисовать образ благочестивого христианского государя, одерживающего победу не силой оружия, а благодаря помощи Господа.

За несхожими описаниями Лиутпранда и Видукинда угадывается различие их политических позиций. Лиутпранд стремится подчеркнуть статус Оттона как благочестивого властителя, непосредственно поддерживаемого и оберегаемого Господом, значит, его безусловное превосходство над конкурентами в борьбе за престол и главенство над представителями высшей знати. Для этого он описывает сцену молитвы Оттона как ритуал – представляет ее в качестве сцены легитимации. Видукинд же, защищавший интересы аристократии и в значительной степени сочувствовавший заговорщикам [16], не пытается изобразить победу в этом сражении как личный триумф короля. Несхожие подходы Лиутпранда и Видукинда обусловливают и главное различие между их описаниями – рациональное объяснение победы в «Деяниях саксов» и ее «чудесность» в «Антаподосисе».

Моделируя ритуал в литературном произведении, сочинитель получает возможность изобразить его уже не как условное, символическое действо, а в качестве акта, оказывающего непосредственное влияние на реальность. Так король, не сумевший в решающий момент оказаться на поле битвы вместе со своим войском, неожиданно оказывается «королем-чудотворцем», государем на пике своего величия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buc P.* The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton; Oxford, 2001.
2. *Spiegel G.M.* Philippe Buc. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review // American Historical Review. 2003. Vol. 108, № 1. P. 148, 149.
3. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. М., 2009.
4. *Ануфриева А.С.* Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества : тез. докл. XXXII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 5–8.
5. *Koder J., Weber T.* Liutprand von Cremona in Konstantinopel : Untersuchungen zum griechischen Sprachschatz und zu realienkundlichen Aussagen in seinen Werken. Wien, 1980.
6. *Berschin W.* Griechisch-lateinisches Mittelalter. Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues. Bern, 1980.
7. *Liudprandi* Antapodosis // Die Werke Liutprands von Cremona / Hrsg. von J. Becker. Hannover, Leipzig, 1915. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [41]). S. 1–158.
8. *Oberste J.* Heilige und ihre Reliquien in der politischen Kultur der früheren Ottonenzeit // Frühmittelalterliche Studien. 2003. № 37. S. 73–98.
9. *Widukindi* monachi corbeiencis Rerum Gestarum Saxonicarum libri tres / Hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann. Hannover, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [60]).
10. *Leyser K.* Communications and Power in Medieval Europe. The Carolingian and Ottonian Centuries. London, Rio Grande, 1994.
11. *Isabella G.* Modelli di regalità nell'età di Ottone I (Tesi di dottorato in Storia Medievale). Bologna, 2007.
12. *Кулаева С.Б.* Жесты власти – жесты молитвы. Исследование иконографии молитвенной жестикуляции. Казус, 2006. Вып. 8. С. 102–119.
13. *Бумажнов Д.Ф.* Царь на кресте. Легитимность христианского государя в сирийском «Романе о Юлиане» // Микрокосмос. Научно-богословский и церковно-общественный альманах Миссионерского отдела Курской епархии РПЦ. Курск, 2008. Вып. 3. С. 7–23.
14. *Bojcov M.A.* Der Heilige Kranz und der Heilige Pferdezaum des Kaisers Konstantin und des Bischofs Ambrosius // Frühmittelalterliche Studien. 2008. № 42. S. 1–69.
15. *Klein H.A.* Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West // Dumbarton Oaks Papers. 2004. Vol. 58. P. 283–314.
16. *Lintzel M.* Die politische Haltung Widukinds von Korvey // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Berlin, 1961. Bd. 2. S. 316–346.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июля 2014 г.

PRAYER OF RULER: THE ROLE OF KING IN THE BATTLE OF BIRTEN BY LIUTPRAND OF CREMONA

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 128-132. DOI: 10.17223/15617793/389/20

Anufrieva Anastasiya S. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elanskaya91@mail.ru

Keywords: representation of power; political rituals; Holy Lance; Otto I; Liutprand of Cremona; Widukind of Corvey.

The article is devoted to the problem of description of medieval political rituals in the narrative sources of the Ottonian Age. At the time of establishment of the Ottonian Dynasty, German rulers were in need of new symbols and political rituals for legitimation and representation of their royal and imperial power. Among those who elaborated such a "symbolic language" were Ottonian court historiographers and chroniclers; in some cases in their works they depicted the scenes of symbolic representation of power that were "constructed" by themselves and never occurred in reality. An eminent Ottonian writer Liutprand of Cremona was one of the most inventive authors who depicted such "constructed" symbolic scenes. The description of the Battle of Birten (939) in his work "Antapodosis" gives a representative example of this approach. The Battle of Birten was an episode of the confrontation between Otto I and the rebellious German dukes. In the course of the battle a small part of Otto's army faced with the overwhelming enemy forces on one of the banks of the Rhine, while the king himself and the main part of his troops had not crossed the river in time. So, Otto from the other bank could not help his warriors otherwise than by prayer. Nevertheless, in spite of unfavorable circumstances, Otto's army unexpectedly defeated the enemy. Liutprand and another Ottonian writer, Widukind of Corvey, described these events in different ways. If Widukind explained the victory of Otto's adherents by ruses of war and by characteristics of the locality, Liutprand saw the reason in the symbolic actions of Otto during the combat. Liutprand depicted an impressive symbolic scene: getting off the horse and kneeling, the king was praying before the relic of Holy Lance in presence of "all his people". According to Liutprand, it is the royal prayer that caused the Divine intervention in the events and the miraculous victory. Particularly significant for the writer in the context of this symbolic scene was the Holy Lance containing the nails from the Holy Cross. In "Antapodosis" that sacred object was represented as an insignia, as a symbol of the Ottonian power and authority and as a center of the whole scene. The symbolic action described by the writer may be regarded as a version of the ritual of the ruler kneeling down before the Holy Cross in the battlefield. The prayer of the king-warrior before the Holy Cross was a ritual, known since late Antiquity and widespread in the Byzantine Empire in the 10th century. Liutprand, apparently, used the Byzantine example in his narrative and transformed it to create a new symbolic context of the Ottonian power representation. In real, the Battle of Birten was not a crucial episode of the Dukes' rebellion of 938-939, but in Liutprand's description it was represented as a decisive victory of Otto I. So, the "construction" of a ritual helped the writer to create a peculiar ceremonial context and to emphasize an episode of secondary importance.

REFERENCES

1. Buc P. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton; Oxford, 2001.
2. Spiegel G.M., Buc P. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review. *American Historical Review,* 2003, vol. 108, no. 1, pp. 148-149. DOI: 10.1086/533048
3. Boytsov M.A. *Velichie i smirenie* [Greatness and humility]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 550 p.
4. Anufrieva A.S. [Medieval historiography as the "creator" of political ritual: a description of the scene of the will of the royal insignia in "Antapodosis" by Liutprand of Cremona]. *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva : tez. dokl. XXXII Vseros. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Kurbatovskie chteniya"* [Problems of history and culture of medieval society: Proc. of XXXII Proc. All-Russian conference of students, graduate students and young scientists "Kurbatovskie readings"]. St. Petersburg, 2013, pp. 5-8. (In Russian).
5. Koder J., Weber T. *Liutprand von Cremona in Konstantinopel : Untersuchungen zum griechischen Sprachschatz und zu realienkundlichen Aussagen in seinen Werken*. Wien, 1980.
6. Berschin W. *Griechisch-lateinisches Mittelalter. Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues*. Bern, 1980.
7. *Liudprandi Antapodosis. Die Werke Liutprands von Cremona*. Hrsg. von J. Becker. Hannover, Leipzig, 1915. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi), pp. 1-158.
8. Oberste J. Heilige und ihre Reliquien in der politischen Kultur der früheren Ottonenzeit. *Frühmittelalterliche Studien*, 2003, no. 37, pp. 73-98.
9. *Widukindi monachi corbeiencis Rerum Gestarum Saxonicarum libri tres*. Hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann. Hannover, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi).
10. Leyser K. *Communications and Power in Medieval Europe. The Carolingian and Ottonian Centuries*. London, Rio Grande, 1994.
11. Isabella G. *Modelli di regalità nell'età di Ottone I (Tesi di dottorato in Storia Medievale)*. Bologna, 2007.
12. Kulaeva S.B. Zhesty vlasti – zhesty molitvy. Issledovanie ikonografii molitvennoy zhestikulyatsii [Gestures of power – gestures of prayer. Study of the iconography of prayer gesture]. *Kazus*, 2006, issue. 8, pp. 102-119.
13. Bumazhnov D.F. Tsar' na kreste. Legitimnost' khristianskogo gosudarya v siriyskom "Romane o Yuliane" [The king on the cross. The legitimacy of the Christian king in the Syrian "Novel of Julian"]. *Mikrokosmos*, 2008, issue. 3, pp. 7-23.
14. Bojcov M.A. Der Heilige Kranz und der Heilige Pferdezaum des Kaisers Konstantin und des Bischofs Ambrosius. *Frühmittelalterliche Studien*, 2008, no. 42, pp. 1-69.
15. Klein H.A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, pp. 283-314.
16. Lintzel M. *Die politische Haltung Widukinds von Korvey*. In: Lintzel M. *Ausgewählte Schriften*. Berlin, 1961, Bd. 2, pp. 316-346.

Received: 7 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 133–138 DOI: 10.17223/15617793/389/21

УДК 94 (470)

С.Г. Белов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Даётся краткий обзор историографии вопроса. Далее на основе подсчётов, сравнений и анализа статистических данных рассматриваются основные тенденции развития фабрично-заводской промышленности Казанской губернии во второй половине XIX в. (пореформенный период), такие как изменение числа предприятий, численности работающих, объёма продукции, производительности труда, удельного веса различных отраслей промышленного производства, появление и прекращение деятельности некоторых типов предприятий. Также предпринимается попытка выявить факторы, определившие данные тенденции.

Ключевые слова: промышленность; Казанская губерния; реформы; промышленный переворот.

Проведённые в правление императора Александра II масштабные реформы, которые в совокупности принято обозначать как либерально-буржуазные, оказали всеохватывающее влияние на общественную, политическую, экономическую жизнь населения Российской империи в целом и Казанской губернии в частности. Глубокие изменения в пореформенный период произошли и в промышленной сфере. Это обусловило и интерес исследователей к данному периоду, обозначившийся уже в дореволюционное время. Стоит отметить, в частности, капитальные издания под редакциями Д.А. Тимирязева [1], Д.И. Менделеева [2], П.Х. Спасского [3], исследование Ч.М. Иоксимовича [4]. Эти и подобные публикации, носившие в основном описательный характер, наполнены богатым фактическим материалом, но также в них указываются основные факторы развития промышленности, в первую очередь такие как таможенная и налоговая политика, транспортное строительство, рыночная конъюнктура.

Среди обобщающих работ дореволюционного периода следует выделить книгу М.И. Туган-Барановского [5], где делается попытка рассмотреть общие для всей отечественной промышленности тенденции, а её развитие во второй половине XIX в. характеризуется как капиталистическое. Значительную роль в историографии сыграла книга В.И. Ульянова-Ленина «Развитие капитализма в России» [6], в которой процессы в промышленности также раскрывались через призму становления капиталистических отношений. Эта книга примечательна тем, что стала основополагающей в концептуальном и методологическом плане для историков-марксистов советского времени. Основными вопросами, привлекавшими внимание советских учёных, были первоначальное накопление капитала, формирование и положение рабочего класса и буржуазии, соотношение капиталистических и докапиталистических производственных отношений в промышленности, процессы концентрации и монополизации промышленного капитала. Большое внимание уделялось особенностям промышленного переворота в России; развернулась дискуссия о времени его начала и завершения. К числу наиболее заметных работ из этого ряда относятся монографии С.Г. Струмилина [7, 8], В.К. Яцунского [9], П.Г. Рындзюнского [10], А.М. Соловьёвой [11]. В современной историографии, опирающейся на цивилизационный подход, промышленное развитие рассматривается как составная часть глобальных социальных процессов в рамках модернизации, охватывающей все стороны жизни общества, его превращения из традиционного в индустриальное (гражданское) (например, Б.Н. Миронов) [12]. Получили определённое изучение источниковедческие аспекты (Г.Р. Наумова) [13].

Для советских историков был характерен акцент на тотальном отставании промышленности России в развитии по сравнению с европейскими странами, на так называемых пережитках феодализма. В постсоветский период оценки смягчились до «догоняющего» типа развития. На наш взгляд, пришло время говорить не об отставании и «догонянии», а о собственном, обусловленном комплексом объективных факторов пути развития отечественной промышленности. Концептуальные основы этого подхода отражены в труде Л.В. Милова [14].

В региональной историографии в советский период появился ряд работ, посвящённых отдельным отраслям промышленности [15–17]. Исследовалось формирование и положение классов капиталистического общества: пролетариата [18–20], буржуазии [21]. Возрождение рыночных отношений и буржуазии в стране в 1990-х гг. вызвало в первую очередь интерес к истории как предпринимательства в целом, так и отдельных династий, и особенно национального сегмента этого класса, в частности [22–26]. Получили освещение экологические аспекты индустриального развития [27]. В то же время промышленность Казанской губернии рассматриваемого периода как явление комплексно ещё не изучалась.

В данной статье, используя статистические данные, рассматриваются изменения, произошедшие в фабрично-заводской промышленности Казанской губернии в пореформенный период. Поскольку пореформенным периодом принято считать время после начала крестьянской реформы 1861 г., включая время контрреформ, и до середины 1890-х гг., когда наступает эпоха монополистического капитализма, для подсчётов и сравнений нами взяты показатели за предшествующий началу реформ 1860 г. [28. С. 41–43] и показатели завершающего периода 1893 г. [29. С. 3–12]. К тому же этот год был годом, когда промышленность вышла из кризиса, вызванного неурожаем и голодом 1891–1892 гг.

В статистике изучаемого времени под промышленностью понимали «переработку естественных

произведений природы» и подразделяли её на фабрично-заводскую и ремесленную. В понятия «фабрика» и «завод» статистики XIX в. вкладывали иной, нежели сейчас, смысл. Критерии относимых к ним предприятий были несколько размытыми. К числу фабрично-заводских относили предприятия с наёмными работниками и годовым объёмом производства свыше 1 000 руб. Тем не менее имеющиеся статданные позволяют выявить и проследить основные тенденции промышленного развития Казанской губернии.

За рассматриваемый хронологический отрезок времени число предприятий, которые статистика учитывала как фабрики и заводы, сократилось с 382 до 180, т.е. более чем в 2 раза. В то же время численность занятых на фабрично-заводских предприятиях увеличилась с 7 358 до 10 083 человек, т.е. примерно на 36%. Это явление обычно связывают с процессом концентрации производства, когда на смену множеству мелких приходят более крупные предприятия. Среднегодовой прирост рабочей силы составлял 1,1%. Стоит отметить, что почти таким же он был и в дореформенный период (например, если сравнивать с 1812 г., когда численность рабочих на мануфактурах составляла около 4 600 чел. [30. С. 290]). Доля фабрично-заводских рабочих в общей массе населения губернии также практически не изменилась (в 1860 г. – 0,46%, в 1893 г. – 0,45%). Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что реформы не оказали существенного влияния на рынок труда и численность промышленного пролетариата в Казанской губернии, увеличение которой происходило в основном благодаря естественному приросту населения.

Объёмы промышленного производства в 1860–1893 гг. выросли почти в 3 раза – с 4 млн 283 тыс. до 12 млн 765 тыс. руб. Даже с учётом инфляции, которая за рассматриваемый период составила около 40% [2. С. 12], темпы роста объёмов производства практически пятикратно превышали темпы роста рабочей силы. Значит, этот рост был достигнут за счёт увеличения производительности труда. Действительно, если в 1860 г. она составила в среднем 582 руб. на человека, то в 1893 г. достигла 1 266 руб., увеличившись более чем в 2 раза, а с учётом инфляции – на 78%. Понятно, что подобный рост мог происходить только путём внедрения принципиально новой техники и технологий использования более прогрессивных форм организации производства.

Теперь рассмотрим происходившие изменения в отраслевом разрезе.

В статистике второй половины XIX в. предприятия подразделялись по признаку используемого ими сырья – на перерабатывающие животные, растительные, ископаемые и смешанные продукты. Мы будем использовать современное деление – по продукции.

В начале рассматриваемого периода лёгкая промышленность Казанской губернии была представлена предприятиями по выделке кож и меха и производству тканей. Кожевенных заведений разного рода (козловых, яловочных, опойковых, барановых и пр.) в общей сложности насчитывалось 101. На них было занято 862 человека, а объём производства составил 1 млн 85,7 тыс. руб. Ещё на 5 овчинных и мерлушковых заведениях работало 150 человек и было выпущено продукции на 39 050 руб.

Текстильное производство включало 33 предприятия – суконные, китаечные, кумачные, бумагопрядильные, кулеткацкие, канатные, ваточные, красильные, войлочные – с 2 364 работающими. Ими было произведено продукции на общую сумму 495,6 тыс. руб.

Особую отрасль составляли заводы по производству мыла и свечей (сальных, восковых, стеариновых) и связанные с ними предприятия (салотопенные, воскобойные и воскобелильные, поташные). Всего насчитывалось 95 подобных заведений с 1 029 работниками и общим объёмом производства 1 млн 140,8 тыс. руб.

В пищевой промышленности преобладало производство алкогольных напитков. 12 винокуренных и водочных заводов с 443 работниками дали продукции на 775 тыс. руб. Ещё на 56,8 тыс. руб. продукции выпустили 10 пивоваренных и солодовенных заводов с 58 рабочими.

Также к пищевой промышленности относилось 10 крупяных, 15 маслобойных предприятий, альбуминный и крахмалопаточный заводы. На них было занято 219 работников, объём производства составил 213 тыс. руб.

Металлообработкой занимались 4 завода (колокольный, чугунно- и меднолитейные, механический) с 1114 рабочими и 195,5 тыс. руб. продукции.

В промышленности строительных материалов доминировали кирпичные и стекольные заведения. На 32 кирпичных заводах работали 497 человек и было выпущено изделий на 101 тыс. руб. На 2 стекольных фабриках численность работников составила 439 человек, объём продукции – 93,2 тыс. руб. В 20 известковых и 6 алебастровых заведениях числилось 72 работника, стоимость произведённой продукции составила 4 110 руб.

В состав химической промышленности входили 1 собственно химическое заведение, 7 клеевых и 1 смоляной заводы. На них работали 41 человек, было получено продукции на 11 тыс. 750 руб.

Ряд небольших предприятий не относился к определённым отраслям: 18 гончарно-горшечных (25 человек, 2 780 руб.) заведений, каретная (40 человек, 9 625 руб.), 4 спичечные (5 человек, 2 400 руб.) фабрики.

Таким образом, к началу реформ отраслевая структура фабрично-заводской промышленности Казанской губернии по вкладу в общий объём продукции имела следующий вид: 26,6% приходилось на долю предприятий, связанных с выработкой мыла и свечей; 24,5% – на предприятия по выделке кож; 24,4% – на пищевые предприятия; 11,6% – на текстильную промышленность; по 4,6% – на промышленность строительных материалов и металломеханическую промышленность.

По количеству занятых отраслевая структура имела другой вид: 32,1% составила доля текстильной промышленности; 15,1% – металло-механической промышленности; 14% – свечно-мыловаренной промышленности; 13,6% – промышленности строительных материалов; 11,7% – кожевенной; 9,8% – пищевой.

Несовпадение отраслевой структуры по объёмам продукции и по количеству занятых свидетельствует

о том, что в различных отраслях годовая производительность труда работников очень сильно отличалась. Наибольшей она была в водочно-винокуренном производстве (1 749,4 руб.), кожевенной (1 259,5 руб.) и свечно-мыловаренной (1 108 руб.) промышленности; наименьшей – в текстильной (209 руб.), строительной (203 руб.), металлообрабатывающей (175 руб.) отраслях. Ещё более значительно варьировалась производительность труда между отдельными предприятиями губернии. Самой большой она была на альбуминном заводе (4315,8 руб.), наименьшей – на алебастровом (63,3 руб.).

Сопоставление величины предприятия с производительностью труда показывает, что степень концентрации производства не влияла на данный показатель. Можно предположить, что наименьшая производительность труда была на предприятиях с сезонным характером работы.

К концу пореформенного периода в отраслевой структуре фабрично-заводской промышленности Казанской губернии произошли весомые изменения. Прекратили существование одни типы предприятий и появился целый ряд других.

Значительно выросли объёмы продукции и количество работников в пищевой промышленности – до 5 млн 872 тыс. руб. и 2 056 человек соответственно. В отрасли числились 73 предприятия. Стоит особо отметить, что 40% продукции отрасли дали 4 новые крупные паровые мельницы, появившиеся именно в пореформенный период (при этом на них работало лишь 20% занятых в отрасли работников). Ещё свыше 30% продукции дали крупные водяные мельницы-крупчатки, которых также не было в статистике 1860 г., около 18% – водочно-винокуренные заводы, 6% – крупо- и зерносушильни, более 5% – пиво-медоваренные и связанные с ними предприятия. Оставшийся незначительный объём приходился на кондитерские, крахмало-паточные, табачные, дрожжевое, квасное, макаронное, пряничное, хлебопекарное и минеральных вод предприятия.

Масштабный рост произошёл в мыловаренно-стеариновом и свечном производстве. При том, что количество предприятий в отрасли сократилось до 14, число рабочих на них достигло 1 679 человек, а объём продукции – 4 млн руб. Подавляющая часть прироста была получена за счёт казанского стеариново-мыловаренного, глицеринового и химического завода братьев Крестовниковых (1 600 рабочих, 3,8 млн руб.). За пореформенный период число работающих на нём увеличилось в 8 раз, а выпуск продукции более чем в 10 раз. Полностью прекратили существование заводы, выпускавшие вышедшие из употребления сальные свечи, и поташные заводы, так как вместо поташа при изготовлении мыла стали применять соду [27. С. 49].

В значительной степени развивалась текстильная промышленность, представленная 22 предприятиями. Примечательно, что число рабочих в ней – 2 885 человек – по сравнению с 1860 г. практически не изменилось, а объём производства вырос более чем в 2 раза – до 1 млн 8 тыс. руб. Ключевую роль в отрасли стало играть предприятие, возникшее именно в пореформенный период, – открытая в 1865 г. льнопрядильная фабрика И.И. Алафузова. На её долю приходилось 67% занятых и 50% продукции ткацкой отрасли губернии. На индустриальные формы работы перешло ранее представленное главным образом кустарями войлочное производство, число предприятий в котором увеличилось с 2 до 10, а работников – с 4 до 200. Стоит обратить внимание на закрытие в рассматриваемое 30-летие всех местных суконных фабрик. Они принадлежали дворянам и были основаны на принудительном труде приписных и помещичьих крестьян. Их кризис начался ещё в предреформенный период. В новых условиях они окончательно проиграли конкуренцию современным предприятиям других областей страны. Также с 5 до 1 сократилось количество канатных предприятий, объём их производства уменьшился в 3 раза. Это было связано с резким сокращением числа парусных судов и судов на бурлацкой тяге, которые были заменены пароходами [18. С. 44].

Наблюдалось резкое падение значения кожевенной промышленности. Продолжали работать лишь 16 кожевенных заводов. Число работников сократилось до 385 человек (более чем в 2 раза), объём выделки кож – до 636,5 тыс. руб. (почти в 2 раза). Кризис в этой отрасли был связан с изменением рыночной конъюнктуры. Во-первых, местные предприятия в этот период лишились преимуществ выхода на китайский рынок козлового сафьяна из-за развития морского сообщения и прекращения торговли через слободу Кяхту в Сибири; во-вторых, резко возросла конкуренция со стороны бурно развивавшихся кожевенных заводов Вятки, Перми и Нижнего Новгорода [17. С. 16].

В то же время увеличились масштабы выделки меховых изделий: теперь на 7 овчинно-мерлушковых и скорняжных предприятиях работали 604 человека и выпускалось продукции на 257,5 тыс. руб.

В некоторой мере наблюдался рост в металлообрабатывающей промышленности. Здесь возникли 4 новых механических и инструментальных, 1 металлургический завод, рессорное заведение, число предприятий достигло 10, работников – 891, стоимость произведённой продукции – 365 тыс. руб. При сокращении числа занятых в отрасли объём производства возрос почти в 2 раза.

В промышленности строительных материалов возникли такие новые предприятия, как асфальтовый и мозаично-цементный заводы. Масштабы же кирпичного производства многократно понизились. Всего в данной отрасли работали 10 предприятий и 717 человек, было выпущено изделий на сумму 167,4 тыс. руб. Наибольший удельный вес приходился на стекольные фабрики (614 рабочих, 110 тыс. руб.).

Можно сказать, что в этот период начинает складываться довольно крупная деревообрабатывающая отрасль. В первую очередь благодаря 12 новым мощным лесопилкам, на которых наряду с водяными использовались и паровые двигатели. При 407 рабочих они дали продукции на 186,2 тыс. руб. Меньшую роль играли 3 спичечных (157 работников, 98 тыс. руб.), 2 паркетных (85 работников, 28,3 тыс. руб.), 2 бочарных (35 работников, 22,8 тыс. руб.) фабрики.

Также в пореформенный период в губернии зародилась такая обязанная возникновением научно-

техническому прогрессу отрасль, как нефтехимическая, включавшая газовый (32 человека, 30,5 тыс. руб.) и нефтеперегонный (15 человек, 31 тыс. руб.) заводы.

Не относились к определённой отрасли три экипажные фабрики (ранее была лишь 1 каретная) с 34 рабочими и объёмом продукции 33,7 тыс. руб.

Таким образом, к концу пореформенного периода отраслевая структура фабрично-заводской промышленности Казанской губернии претерпела серьёзные изменения. Благодаря переводу переработки зерна на индустриальные методы работы на первое место по вкладу в общий объём продукции вышла пищевая промышленность – на её долю приходилось 46%; 31,3% дали предприятия, связанные с выработкой мыла и свечей. Таким образом, именно эти две отрасли стали определять лицо промышленности губернии. Ещё 7,9% дала текстильная промышленность; 4,9% – кожевенная, терявшая своё значение в экономической жизни губернии; 2,9% – металло-механическая; 2,6% – лесопильно-деревообрабатывающая, 2% – меховая, 1,3% – строительных материалов.

По количеству занятых отрасли распределялись иным образом: 28,6% составила доля текстильной промышленности; 20,8% – пищевой; 16,6% – свечно-мыловаренной; 8,9% – металло-механической; 7,1% – промышленности строительных материалов; 6,7% – лесопильно-деревообрабатывающей; 6% – меховой; 3,8% – кожевенной.

Несовпадение отраслевых структур по объёмам продукции и по количеству занятых свидетельствует о том, что в различных отраслях годовая производительность труда работников продолжала различаться довольно сильно, иногда в разы. В пищевой промышленности производительность труда составляла 2 856 руб. в год на одного рабочего, но при этом на паровых мельницах она достигала 5 715 руб.; в мыловаренной и свечной промышленности – 2 382 руб., кожевенной – 1 653 руб., нефтехимической – 1 308 руб. 50 коп., меховой – 426 руб., металло-механической – 410 руб., текстильной – 349 руб.; лесопильно-деревообрабатывающей – 347 руб.; строительных материалов – 233 руб. 50 коп.

Среди отдельных типов предприятий по производительности труда лидировали салотопенные (10 тыс. руб.) и воскосвечные (6 708 руб. 60 коп.) заводы. Самой маленькой она оказалась на кулеткацких и мочально-прядильных фабриках (60 руб. 56 коп.). Размер предприятия и степень концентрации производства по-прежнему не влияли на величину производительности труда.

Таким образом, сравнительный анализ статистических данных показал, что фабрично-заводская промышленность Казанской губернии в пореформенный период развивалась по интенсивному пути. Не произошло, как можно было ожидать, резкого притока в промышленность крестьян. Вероятно, это связано с тем, что большинство крестьян губернии были государственными, и отмена крепостного права сильно не повлияла на их положение. Доля промышленного пролетариата по отношению к населению губернии на протяжении рассматриваемого периода продолжала оставаться мизерной (меньше 0,5%).

В то же время рост объёмов производства многократно превышал рост трудовых ресурсов, занятых в промышленности. Это свидетельствует о том, что он был достигнут за счёт увеличения производительности труда, организационно-структурных и технико-технологических изменений. В пореформенный период наблюдался масштабный рост ассигнований, направлявшихся в промышленность, т.е. произошли активизация предпринимательской деятельности, ускорение темпов накопления капитала. Из предприятий, имевшихся в губернии к началу 1890-х гг., более 75% были основаны в пореформенный период [20. С. 22]. Львиная доля прироста объёмов продукции была получена за счёт крупных предприятий, главным образом новых (паровые мельницы, фабрика Алафузова, завод Крестовниковых). Большую роль сыграло то, что на индустриальные рельсы перешло мукомольное производство (что было бы невозможно без роста объёмов хлебной торговли). Усиливалась концентрация производства. В то же время продолжали действовать, занимая свою нишу на рынке, малые и средние предприятия. Более того, на некоторых из них производительность труда была выше, чем на аналогичных крупных (например, в производстве свечей и мыла).

Резкий рост производительности труда авторитетные исследователи считают одним из главных признаков промышленного переворота [9. С. 125]. В пореформенный период в Казанской губернии он ускорился. Новые предприятия строились с использованием передовых достижений, на действующих – внедрялись современные оборудование и методы производства. С углублением научно-технического прогресса возникали новые отрасли (например, нефтепереработка), а некоторые виды предприятий исчезали. В то же время основной удельный вес производства по-прежнему приходился на предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, по большей части местного (также стоит отметить высокий уровень внутригубернской кооперации между предприятиями). Доля отраслей тяжёлой индустрии, например машиностроения, оставалась низкой. Металлообрабатывающие предприятия занимались обслуживанием парового судоходства и производством сельскохозяйственных орудий. Промышленное оборудование было в основной массе привозным.

Подводя окончательный итог, можно сказать, что в период реформ и контрреформ фабрично-заводская промышленность Казанской губернии, несмотря на упадок отдельных отраслей, в целом активно и позитивно развивалась как в количественном, так и в качественном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Историко-статистический* обзор промышленности России / под ред. [с предисл.] Д.А. Тимирязева. СПб., 1883–1886. Т. 1, 2.
2. *Фабрично-заводская* промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1893. 752 с.

3. *История* торговли и промышленности в России. Т. 3 : Мануфактурная промышленность / под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1914. 382 с.
4. *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. 660 с.
5. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование / перепечатано с 3-го издания. М., 1922. 446 с.
6. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1971. Т. 3. 791 с.
7. *Струмилин С.Г.* Промышленный переворот в России. М., 1944. 475 с.
8. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. 495 с.
9. *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. 302 с.
10. *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978. 298 с.
11. *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. 274 с.
12. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 2003.
13. *Наумова Г.Р.* Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998. 263 с.
14. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. 576 с.
15. *Залкинд Г.М.* Очерк истории горнозаводской промышленности Татарстана (XVII–XIX вв.). Казань, 1930. 30 с.
16. *Ключевич А.С.* Из истории материальной культуры и народного хозяйства России: моющие средства, переработка жиров с древнейших времен до 1917 г. Казань, 1971. 496 с.
17. *Трусфус М.А.* Кожевенная промышленность Казанского края. Казань, 1928. 36 с.
18. *Негуляев А.П.* Формирование и революционное движение рабочих-металлистов Казанской губернии (1861–1917 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Казань, 1969 . 212 с.
19. *Файзулина Н.М.* Положение рабочих на предприятиях Казанской губернии в пореформенный период (1861–1890 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1977. 201 с.
20. *Рабочий* класс Татарии (1861–1980 гг.). Казань, 1981. 384 с.
21. *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. 327 с.
22. *Есиева И.В.* Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. 192 с.
23. *Нигамедзинов Ф.Ф.* Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 268 с.
24. *Саетгараев И.И.* Становление и развитие финансового капитала во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. 210 с.
25. *Салихов Р.Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2000. 124 с.
26. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань, 1998. 167 с.
27. *Виноградов А.В.* Казанская губерния в XIX – начале XX в.: экологические и санитарные проблемы промышленного развития : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 219 с.
28. *Памятная* книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 годы. Казань, 1862. 292 с.
29. *Ведомость* о фабриках и заводах Казанской губернии за 1893 год. Казань, 1894. 16 с.
30. *История* Татарии в материалах и документах. М., 1937. 532 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2014 г.

MAIN TRENDS OF THE FACTORY INDUSTRY DEVELOPMENT IN KAZAN PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 133-138. DOI: 10.17223/15617793/389/21
Belov Sergey G. Tatar Encyclopedia Institute of The Republic Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: sgbelou@rambler.ru
Keywords: industry; Kazan Province; reform; industrial revolution.

It was common for Soviet historians to place emphasis on the total developmental lag of Russia's industry compared with European countries, on the so-called "remnants of feudalism''. In the post-Soviet period evaluation softened to the "catch-up" type of development. In our view, the time has come to talk about independent development of national industry determined by objective factors. The conceptual basis of this approach is shown in the work of L.V. Milov. In regional historiography of the Soviet period a number of papers on certain industries, formation and position of capitalist society classes appeared. The revival of market relations in the country in the 1990s caused interest in the history of entrepreneurship, environmental aspects of industrial development. As a phenomenon, the industry of Kazan Province of the period under consideration has not been studied comprehensively. Comparative analysis of the statistical data showed that the factory industry of Kazan Province in the post-reform period developed intensively. The expected big inflow of peasants into the industry did not happen. The share of the industrial proletariat in relation to the population of the province during the period remained tiny (less than 0.5 %). Growth of production repeatedly exceeded the growth of labor resources employed in the industry. The growth was achieved by productivity increase, organizational, structural and technological changes. More than 75 % of the companies functioning in the province by the beginning of the 1890s were founded in the post-reform period. The lion's share of the factory load was obtained at the expense of large enterprises, mainly new (steam mills, Alafuzov factory, Kestovnikov plant). Concentration of production increased. At the same time small and medium enterprises continued to operate, carving out their own niche in the market. Moreover, labor productivity at some of them was higher than at similar large enterprises (for example, in the manufacture of candles and soap). A sharp increase in productivity is considered to be one of the main features of the industrial revolution. With scientific and technological progress new industries were created (for example, oil refining) and some types of enterprises (sebaceous, potash, cable) disappeared. At the same time, the main share of production still accounted for the enterprises that processed agricultural raw materials. The share of branches of heavy industry, for example, engineering, remained low.

REFERENCES

1. Timiryazev D.A. (ed.) *Istoriko-statisticheskiy obzor promyshlennosti Rossii* [Historical and statistical overview of the industry of Russia]. St. Petersburg, 1883-1886. Vol. 1, 2.
2. Mendeleev D.I. (ed.) *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii* [Factory Industry and Trade of Russia]. St. Petersburg, 1893. 752 p.
3. Spasskiy Pkh. (ed.) *Istoriya torgovli i promyshlennosti v Rossii* [The history of trade and industry in Russia]. St. Petersburg, 1914. Vol. 3, 382 p.

4. Ioksimovich Ch.M. *Manufakturnaya promyshlennost' v proshlom i nastoyashchem* [Manufacturing industry in the past and the present]. Moscow, 1915. 660 p.
5. Tugan-Baranovskiy M.I. *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem: Istoriko-ekonomicheskoe issledovanie* [Russian factory in the past and present: Historical and economic research]. Reprint of the third edition. Moscow, 1922. 446 p.
6. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1971. Vol. 3, 791 p.
7. Strumilin S.G. *Promyshlennyy perevorot v Rossii* [The industrial revolution in Russia]. Moscow, 1944. 475 p.
8. Strumilin S.G. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii* [Essays on the economic history of Russia]. Moscow, 1960. 495 p.
9. Yatsunskiy V.K. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv.* [Socio-economic history of Russia in the 18th-19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 302 p.
10. Ryndzyunskiy P.G. *Utverzhdenie kapitalizma v Rossii* [Adoption of capitalism in Russia]. Moscow: Progress Publ., 1978. 298 p.
11. Solov'eva A.M. *Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v.* [The Industrial Revolution in Russia in the 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 274 p.
12. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva : v 2 t.* [Social history of the Russian Empire period (18th – early 20th centuries): genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In 2 volumes]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003.
13. Naumova G.R. *Russkaya fabrika (problemy istochnikovedeniya)* [Russian factory (problems of source studies)]. Moscow: Econ Publ., 1998. 263 p.
14. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 576 p.
15. Zalkind G.M. *Ocherk istorii gornozavodskoy promyshlennosti Tatarstana (XVII–XIX vv.)* [Short history of the mining industry in Tatarstan (17th-19th centuries)]. Kazan, 1930. 30 p.
16. Klyuchevich A.S. *Iz istorii material'noy kul'tury i narodnogo khozyaystva Rossii: moyushchie sredstva, pererabotka zhirov s drevneyshikh vremen do 1917 g.* [From the history and material culture of the Russian economy: detergents, processing of fats from the earliest times to 1917]. Kazan, 1971. 496 p.
17. Trusfus M.A. *Kozhevennaya promyshlennost' Kazanskogo kraya* [Leather industry in Kazan region]. Kazan, 1928. 36 p.
18. Negulyaev A.P. *Formirovanie i revolyutsionnoe dvizhenie rabochikh-metallistov Kazanskoy gubernii (1861–1917 gg.)*. Dis. kand. ist. nauk [Formation and the revolutionary movement of metalworkers in Kazan Province (1861-1917). History Cand. Diss.]. Kazan, 1969. 212 p.
19. Fayzulina N.M. *Polozhenie rabochikh na predpriyatiyakh Kazanskoy gubernii v poreformennyy period (1861–1890 gg.)*. Dis. kand. ist. nauk [The situation of workers in enterprises Kazan province in the post-reform period (1861-1890). History Cand. Diss.]. Kazan, 1977. 201 p.
20. *Rabochiy klass Tatarii (1861–1980 gg.)* [The working class of Tatarstan (1861-1980)]. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1981. 384 p.
21. Khasanov Kh.Kh. *Formirovanie tatarskoy burzhuaznoy natsii* [Formation of Tatar bourgeois nation]. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1977. 327 p.
22. Esieva I.V. *Kupecheskaya dinastiya Ushkovykh (pervaya polovina XIX v. – 1918 g.)* [Ushkovo merchant dynasty (first half of the 19th century – 1918)]. Naberezhnye Chelny, 2007. 192 p.
23. Nigamedzinov F.F. *Tatarskoe kupechestvo Kazanskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX veka)*. Dis. kand. ist. nauk [Tatar merchants in Kazan province (the end of 19th – early 20th centuries). History Cand. Diss.]. Kazan, 2004. 268 p.
24. Saetgaraev I.I. *Stanovlenie i razvitie finansovogo kapitala vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v*. Dis. kand. ist. nauk [Formation and development of financial capital in the second half of 19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Kazan, 2008. 210 p.
25. Salikhov R.R. *Tatarskaya burzhuaziya Kazani i natsional'nye reformy vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Kazan Tatar bourgeoisie and the national reforms of the second half of 19th – early 20th centuries]. Kazan: Master Layn Publ., 2000. 124 p.
26. Sverdlova L.M. *Kupechestvo Kazani: dela i lyudi* [Merchants of Kazan: business and people]. Kazan: Matbugat yorty Publ., 1998. 167 p.
27. Vinogradov A.V. *Kazanskaya guberniya v XIX – nachale XX v.: ekologicheskie i sanitarnye problemy promyshlennogo razvitiya*. Dis. kand. ist. nauk [Kazan province in the 19th – early 20th centuries: environmental and health problems of industrial development. History Cand. Diss.]. Kazan, 2013. 219 p.
28. *Pamyatnaya knizhka Kazanskoy gubernii na 1861 i 1862 gody* [The memorial book of Kazan Province for 1861 and 1862]. Kazan, 1862. 292 p.
29. *Vedomost' o fabrikakh i zavodakh Kazanskoy gubernii za 1893 god* [List of the factories of Kazan Province for 1893]. Kazan, 1894. 16 p.
30. *Istoriya Tatarii v materialakh i dokumentakh* [History of Tatarstan in the materials and documents]. Moscow, 1937. 532 p.

Received: 3 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 139–144 DOI: 10.17223/15617793/389/22

УДК 930.25

А.В. Васильев

ДОКУМЕНТАЦИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Рассматривается один из эпизодов активизировавшегося на рубеже XIX–XX вв. церковного строительства в Сибири – история строительства церкви в дер. Митрофановке Томской губернии. Поднимается проблема изучения консисторской документации о строительстве церквей как единого источникового комплекса. Предложены способы анализа данной документации в рамках исследования православного ландшафта таежной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; консисторская документация; источниковедение.

В Государственном архиве Томской области сохранилось множество дел о строительстве церквей в Томской епархии. Значительная их часть относится к рубежу XIX–XX вв. – времени наиболее интенсивного церковного строительства в Сибири. Массовые переселения, политика правительства по удовлетворению «духовных нужд» переселенцев, сложная этноконфессиональная география региона обусловили весьма богатый и разнообразный состав этих дел.

Цель данной статьи – на примере строительства церкви в дер. Митрофановке Томской губернии изучить познавательные возможности сохранившейся в фондах духовных консисторий документации по церковному строительству. При этом речь пойдет не только о том, в какой мере подобного рода источники отражают объективную сторону церковного строительства и участия крестьян в этом деле, но и о самой этой документации и представленных в ней крестьянских прошениях как о продукте специфических взаимоотношений. Представляется, что такой подход вносит нечто новое в понимание «православного ландшафта» России в целом и Сибири в частности – той сложной и продуктивной сети социальных связей, которая формировалась вокруг сакральных мест официального и народного православия [1].

За последние годы в исторической науке неизмеримо много сделано в реконструкции православного мировоззрения и поведения российского крестьянства. Масштаб усилий соизмерим с задачей: стремлением понять то многовековое упорство, с каким русский крестьянин претворял «царство Божье» на земле. За столь сложным предметом исследования лежат, однако, вполне конкретные источниковедческие проблемы. И, представляется, что логика научного исследования именно сейчас требует возвращения к ним. О насущности этого писал, в частности, влиятельнейший в области изучения российского православия Г. Фриз, призывавший к необходимости возвращения научного нарратива на микроуровень и «историзации» местных архивов. Это должно привести, по мнению Фриза, к отказу от рассмотрения деятельности церкви как «института» и смещению проблематики в сторону понимания тех напряженных взаимоотношений, которые существовали между попытками элиты институализировать православие и множественными реакциями рядовых верующих на них (степень напряженности которых и могут раскрыть лишь местные архивы) [2].

Представляется, что документация о строительстве церквей является именно тем источником, который нуждается в подобной «историзации». Строительство церкви являлось важнейшим элементом приходской жизни и храмовой культуры российских крестьян, а основной массив свидетельств о нем сохранился в консисторских делах. При этом историки и этнографы, работающие с этими источниками, констатируют их ограниченность и неполноту. Так, Н.Д. Зольникова назвала документацию о строительстве церквей «наиболее консервативным» [3. С. 103] типом источников, исходящим от приходской общины.

Речь идет, прежде всего, о высокой степени формализации строительной документации, когда за отшлифовавшимися на протяжении десятилетий бюрократическими процедурами оформления крестьянских прошений терялась их субъективность – основной проблемой их изучения тогда становится растущее на протяжении XVIII–XIX вв. вмешательство властей в приходскую жизнь. Похожим образом дело обстоит и в рамках изучения «народного православия» – пожалуй, ключевой парадигмы изучения православия в среде российских крестьян – так, Л.В. Островская говорила об их тематической односторонности [4. С. 165], в то время как В.Ф. Шевцова, сравнивая историю участия крестьян в церковном строительстве с немым кинематографом, «в котором мы следим за действием, не слыша диалогов», суммировала свои наблюдения следующим образом: «…лишь изредка документы и прошения, относящиеся к строительству или поддержанию приходских церквей, доносят до нас подробно изложенные размышления верующих о значении храма и о смысле, который в нем заложен» [5. С. 98]. В этом смысле изучение делопроизводственной документации в качестве единого целого, понимание ее как продукта диалога крестьянского и внешнего миров во всем многообразии его возможных стратегий и в широком социальном контексте позволяет по-новому взглянуть на религиозное поведение российского общества в позднеимперский период.

Деревня Митрофановка расположена на востоке томско-чулымской тайги по левому притоку Чулыма Кужербаку. Основана она в середине XIX в. переселенцами из Воронежской губернии, существуя внача-

ле как заимка, а затем, после выхода в 1876 г. положения «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давних времен», предоставлявшего самовольным переселенцам право на устройство, – в качестве отдельного населенного пункта. Население деревни росло на протяжении всего рассматриваемого периода за счет вновь прибывавших самовольных переселенцев, поэтому даже в начале XX в. она считалась новопоселенческой [6. С. 50]. К началу 1890-х здесь проживало 340 человек. С этого же времени по соседству происходит образование переселенческих участков и их постепенное заселение. В административном отношении Митрофановка относилась к Ишимской волости, а с 1894 г. – к Ново-Кусковской; в церковном – к Ново-Кусковскому же приходу.

В 1895 г. жители деревни на общинном сходе решили обратиться к губернскому начальнику с ходатайством о выделении средств на строительство церкви. Свою просьбу митрофановцы мотивировали весьма стандартно: они указывали на отдаленность и труднодоступность их приходской церкви. Действительно, храм Казанской иконы Божьей матери в Ново-Кусково располагался на расстоянии в 30 верст, а таежная дорога к нему делалась в распутицу непроездной. В удовлетворении этой просьбы митрофановцам было отказано, но она стала лишь первой в череде подобных; уже через год они будут ходатайствовать по тому же вопросу перед Томской духовной консисторией. Строительство церкви в итоге растянется на десять лет, а отложившиеся материалы составят дело более чем на 150 листах [7]. Причина затягивания проста – в своем желании иметь церковь митрофановцы весьма скромно оценивали собственные возможности: в приговоре от 15 октября 1896 г. они писали, что не в состоянии ни самостоятельно построить церковь, ни даже содержать причт, и просили обеспечить все это за счет казны.

Если следовать некому усредненному порядку дел о строительстве сибирских церквей, реконструируемому исследователями [8. С. 73–76], то случай митрофановцев предстает нетипичным. Прежде всего, это касается финансовой стороны дела. По существующему порядку два условия были необходимы для одобрения церковного строительства: удаленность приходской церкви должна была соотноситься с определенным, весьма высоким, уровнем финансовой состоятельности крестьянского сообщества. Епархиальные чиновники весьма строго оценивали возможности крестьян по строительству и в будущем по содержанию церкви и причта. Так, десятилетием ранее жители расположенной на юге томско-чулымской тайги деревни Александровки были гораздо сдержаннее митрофановцев в своей просьбе выделить около 100 руб. на строительство часовни, но тогда делу не был дан ход [9. С. 24–26]. С этим, вероятно, связана и вторая особенность – за финансовой помощью митрофановцы обращаются к губернским властям, хотя в целом вопрос находился в ведении духовной консистории.

Эти нарушения привычного порядка, разумеется, объясняются спецификой самой ситуации – активизировавшимся на рубеже веков строительством церквей в Сибири, связанным с усиленной колонизацией края. Но это на «глобальном» уровне – более пристальный взгляд показывает нечто другое, а именно смещение привычных диспозиций участников церковной жизни сибирской деревни. Ключевой фигурой на первом этапе «дела» предстает не крестьянская община, а местный чиновник по крестьянским делам Г.С. Томашинский. Данная примечательная категория чиновничьего аппарата играла отнюдь не координирующую роль, как это может показаться вначале: в эпоху своего существования именно эти должностные лица фактически осуществляли церковное строительство в переселенческих поселках в Сибири, ведая в том числе финансовой стороной и непосредственно руководя строительными работами. О Г.С. Томашинском будут вспоминать, например, как о строителе храма в с. Александровке во время его освящения в 1899 г. [10. С. 54–56].

Часто подобные обязанности крестьянских чиновников были связаны и с возможностью злоупотреблений, о чем писал, например, А.А. Кауфман, приводя случаи принуждения крестьян чиновниками писать прошения о строительстве церквей [11. С. 111, 112]. Говорить о таком крайнем варианте в случае с Митрофановкой нельзя: митрофановцы будут активно ратовать за строительство церкви и после упразднения должности чиновника по крестьянским делам в 1898 г. Но с некоторой степенью уверенности можно предполагать, что идея обращения за финансовой помощью была действительно инициирована крестьянским начальником, убедившим митрофановцов в том, что настал удобный момент для претворения в жизнь их надежд на собственную церковь.

Момент действительно был подходящий. Не случайно большинство таежных церквей построено непосредственно в конце 1890-х гг. Фонд имени императора Александра III начал свою работу в 1894 г. со сбора пожертвований и составления списка нуждающихся в церквах сибирских селений. Сведения об этом доставляли те же крестьянские чиновники. В итоговом списке таких поселков, приводимом А.Н. Куломзиным в 1896 г., Митрофановка действительно упоминается, однако лишь в связи с необходимостью строительства церкви в близлежащем пос. Казанском. Предполагалось, что к ней и может быть впоследствии причислена «расположенная в глухой тайге» Митрофановка (интересно, что сама тайга при этом характеризовалась как «населенная множеством сектантов») [12. С. 220]. Хотя к этому времени митрофановцы уже выразили желание иметь свою церковь, А.Н. Куломзин, по-видимому, руководствовался тем фактом, что вблизи Казанского гораздо активнее образовывались и заселялись переселенческие участки. Действительно, церковь в честь Зачатия св. Анны в Казанском была вскоре построена фондом за счет средств, завещанных известным московским благотворителем купцом И.Д. Баевым [13. С. 40]. Рассчитывать на финансовую помощь Комитета Сибирской железной дороги в таких условиях митрофановцы не могли. Именно поэтому, вероятно, Г.С. Томашинский и обратился к губернским властям (по постановлению 1893 г. крестьянские чиновники

имели право ходатайствовать перед губернским советом о выделении средств на удовлетворение общественных потребностей переселенцев) [14. С. 88–91].

Таким образом, контекст строительства уже на первом его этапе предстает достаточно широким. Дальнейшее рассмотрение дела лишь усиливает эту тенденцию на возрастание степени социального взаимодействия, и само оно предстает как продукт сложной сети переговоров.

После отказа губернских властей последовал повторный сход крестьянской общины, решение которого Томашинский отправил уже в духовную консисторию, сопроводив письмом, существенно расширявшим аргументацию в пользу строительства. Повторив сведения об удаленности деревни от приходского центра и многочисленности ее обитателей, Томашевский попытался усилить эти тезисы тем фактом, что Митрофановка «окружена заимками и скитами раскольников, находящих себе приют в глухой чулымской тайге и не раз присылающих в Митрофановку своих начетчиков для совращения православного населения» [7. Л. 1]. Строительство церкви обозначалось как устройство «твердой опоры православия» и «основы для миссионерской деятельности». Отметим, что вблизи от Митрофановки по р. Большой Юксе действительно располагались заимки и скиты старообрядцев белокриницкого согласия, выступая в качестве мощных центров притяжения старообрядцев.

После получения ходатайства крестьян и сообщения Томашинского, консистория приступила к поиску решения, запросив у местного благочинного сведения о деревне и его мнение относительно строительства церкви. В отличие от гражданского чиновника, благочинный Н. Завадовский был настроен гораздо более скептически и описал ситуацию с точки зрения собственного опыта. В своем рапорте он в целом негативно оценивал необходимость строительства: по его мнению, крестьяне сами виноваты в отсутствии сообщения с приходской церковью («по своему обычному упрямству не исправляют в сем месте дорогу»), а самое главное, напомнил консистории, что новый приход будет слишком малочисленным и бедным, чтобы содержать причт, в то время как все вместе прихожане новокусковского прихода не в состоянии содержать свой настоящий причт, и притока населения в Митрофановку и соседние участки не предвидится [Там же. Л. 3]. Об угрозе со стороны старообрядцев он при этом не упоминал.

В распоряжении консистории оказалась совокупность мнений как «за», так и «против». Журнал заседания не содержит ясного ответа, почему решение было принято положительное и за счет каких именно средств должна была быть удовлетворена просьба. Но если сравнивать позицию благочинного и консистории, то можно прийти к выводу, что руководство епархии в гораздо большей степени смогло учесть новые возможности, предоставляемые меняющимся политическим климатом.

Прежде всего, консистория могла рассчитывать на то, что церковное строительство в Сибири оказалось в этот период в центре общероссийской благотворительности. В литературе достаточно исследована роль такой организации, как фонд имени императора Александра III, однако зачастую не учитывается то, что его функционирование было в известной мере обеспечено за счет хорошо налаженной «обратной связи»: благодаря бурному развитию православной публицистики на рубеже XIX–XX вв. информация об удручающем положении православия в Сибири могла найти и находила потенциальных жертвователей. Инициатива здесь принадлежала правительству, а само дело благотворительности находилось под личной опекой императора. Факт этого внимания постоянно подчеркивался епархиальной прессой, как, например, в случае с трогательной заметкой Николая II на докладе А.Н. Куломзина о строительстве трех церквей в томской тайге (в пос. Некрасовском, Казанском и Улановском), гласившей, что император «искренне радуется столь успешному ходу дела» [15. С. 2]. В это время на страницах центральной и местной прессы развернулась активная пропаганда церковного строительства, главный упор в которой делался на специфику местной обстановки – положение православных переселенцев в населенной старообрядцами, ссыльными и равнодушными к вере старожилами Сибири. Так об этом писал, в частности, А.Н. Куломзин, обращаясь к читателям главного православного издания России: «Следует опасаться, как бы переселенцы, попав в Сибирь, не сделали под влиянием местной обстановки шага назад в своем развитии» [16. С. 1737]. Похожим образом и в светской печати приветствовалось строительство церквей в притаежных участках как важнейший шаг на пути колонизации тайги и свидетельство ее успешности: «раскольничьи монастыри и скиты, еще так недавно находящиеся в пустой тайге, теперь оказались в соседстве с поселками» [17. С. 3]. Именно в контексте таких настроений Томашинский и чиновники томской консистории пытались воздействовать на Синод, указывая на желание митрофановских крестьян «оградить себя от влияния расколоучителей, во множестве живущих около них в тайге по заимкам, и таким образом поддержать среди себя православие» [7. Л. 28]. Эта мысль во многом и предопределяла отношение епархиальных властей к строительству приходов в тайге, выступая в качестве основного аргумента в их переписке с Синодом, отвечающим за распределение финансовых потоков.

По мере того, как тянулась переписка между консисторией и Синодом, крестьяне все больше выказывали свою заинтересованность в строительстве. За восемь лет, что прошли с момента их первой просьбы, они показали многообразие различных стратегий поведения. В многочисленных прошениях они ссылались, прежде всего, на трудности с требами: ходатайства полны жалоб на неудобства исполнения необходимых обрядов. Находясь в неведении относительно хода рассмотрения их просьбы, они грозились жаловаться на промедления, что даже однажды вынудило консисторию повторно обратиться в Синод [Там же. Л. 40]. Они также пытались воспользоваться и «политической обстановкой», как они ее понимали: предлагали, например, в 1896 г. назвать церковь в «память священного коронования их Императорского величества Государя и Государыни» во имя Св. Николая

[Там же. Л. 9] (в конечном итоге церковь будет построена в честь св. Митрофания Воронежского). Они постоянно напоминали консистории, что приложат все усилия для заготовки необходимых материалов, если будет разрешена вырубка казенного леса. Была предпринята и попытка сбора средств, давшая вполне осязаемый, но недостаточный результат. Постепенно строительство церкви становилось делом не только одной Митрофановки, к нему подключались и соседние заселяемые участки, на что также ссылались митрофановцы, оговаривая, правда, что новопоселенцы пока не в состоянии активно помочь делу церковного строительства по причине бедности.

Наиболее поразительный факт заключался, однако, не в том, на что ссылались митрофановцы, а в том, о чем они не говорили: несмотря на постоянные отсылки епархиального руководства к жалобам митрофановцев на «раскольническую угрозу», в самих общинных приговорах таких жалоб нет. На фоне того значения, которое этому придавалось епархиальным и синодальным руководством, этот факт показателен. Конечно, не все приговоры отложились в деле (не достает, например, самого первого), и составлялись они по весьма стандартной форме. Но нельзя ли предположить, что включение таких жалоб в общинные приговоры блокировалось лояльными к старообрядчеству крестьянами Митрофановки?

Определенная дифференциация общины по вопросу церковного строительства проходила и по другим основаниям. Если наименьшую активность проявляли переселившиеся крестьяне из соседних с Митрофановкой участков, не готовые пока ни к финансовым пожертвованиям, ни к участию в строительных работах, то во главе большинства инициатив стояла достаточно узкая группа крестьян. От них исходила большая часть пожертвований, и из этой среды же выбирались доверенные и сборщики. С несколько обезличенными и однотипными крестьянскими приговорами контрастирует полное драматизма прошение митрофановских доверенных Макара Потапова и Андрея Синютина, с которым они вышли на имя томского епископа в январе 1903 г. Ключевой мотив этого прошения – это описание положения крестьян Митрофановки, «погибающих без пастыря, заброшенных судьбою в самую глушь лесов и болот» [7. Л. 70]. Как раз здесь и можно увидеть реальное положение дел со старообрядцами, как оно выглядело со стороны «активистов» церковного строительства, не скованных в своем обращении мнением общинного большинства. Для них эта проблема была неотделима от проблемы колонизации региона. Доверенные жаловались на вновь прибывающих переселенцев, среди которых было много представителей «раскольнических сект», которые вместе с миссионерами из «раскольнических монастырей, близлежащих около наших деревень» пытаются пропагандировать свое учение. Характерно, что объектом этой пропаганды доверенные считали представителей неких других старообрядческих согласий (из числа переселенцев), а также «молодое поколение» самой Митрофановки, признавая в то же время самих себя верными православию [Там же. Л. 69]. Насколько эта картина действительно отражает реальность, судить сложно; в этих сентенциях крестьянских доверенных слышится страх не столько перед старообрядцами, сколько в целом перед новыми переселенцами, несущими угрозу их устоявшемуся жизненному укладу. Характерно, что лишь на позднем этапе переговоров с консисторией данный аргумент вообще появляется.

В конечном итоге постоянные прошения крестьян и письма консистории дали свой результат. Указом Синода от 11 июня 1903 г. крестьянам деревни Митрофановки было выделено 3 000 руб. на строительство церкви. Церковь во имя Св. Митрофания Воронежского строилась на деньги, завещанные Н.Н. Варенцовым (сохранились переданные его племянником слухи относительно обстоятельств этого пожертвования) [18. С. 461, 462].

На этом самая напряженная часть истории строительства церкви в Митрофановке закончилась, хотя даже после освящения храма 12 ноября 1906 г. открыть приход не удавалось на протяжении нескольких лет. Выявилась другая проблема – материального обеспечения духовенства. Решить ее за счет средств прихожан было невозможно в условиях бедных и расколотых таежных общин. И только в рамках мероприятий основанного в 1908 г. «Особого совещания о церковных нуждах в переселенческих местностях» появятся возможности для увеличения казенного содержания священников.

В деле строительства церкви в дер. Митрофановке столкнулись интересы многих сторон: переселенцев и старожилов, таежных крестьян и томских чиновников, консистории и Синода. Само «дело» можно адекватно понять, лишь если рассматривать его в качестве единого комплекса, привлекая дополнительные материалы из периодики и законодательства. Взаимосвязанные группы документов рисуют картину плотного социального взаимодействия, а само церковное строительство предстает как ключевой фактор в складывании определенной социальной сети, по которой циркулировала информация, а вместе с ней и финансовые ресурсы. Успешность ее функционирования зависела от многих факторов, среди которых ресурс коммуникации был наиважнейшим. Но одновременно с этим она переформатировала саму традиционную структуру крестьянского общества, налаживая вертикальные связи и уплотняя связи горизонтальные, делая конфессиональное поведение одних крестьян более сознательным и выявляя равнодушие к официальной церкви других.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В.* Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.

2. *Фриз Г.* Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 369–395.

3. *Зольникова Н.Д.* Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (начало XVIII – конец 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 102–116.
4. *Островская Л.В.* Прошения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1982. С. 165–181.
5. *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
6. *Толстов С.И.* Освоение русскими людьми асиновской земли в XVII–XIX вв. // Земля асиновская. Томск, 1995. С. 42–58.
7. *Государственный* архив Томской области. Ф. 170. Оп. 7. Д. 33.
8. *Устьянцева О.Н.* Томская епархия в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.
9. *Бурматов А.* Из деревни Александровки // Томские епархиальные ведомости. 1886. № 7. С. 24–26.
10. Освящение Храма в селении Александровском Томского уезда, благочиния № 3 // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 54–56.
11. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. 443 с.
12. *Список* поселков, нуждающихся в церквях // Куломзин А.Н. Приложения к всеподданнейшему отчету по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.
13. *Сибирские* церкви и школы: к десятилетию Фонда имени императора Александра III. СПб. : Гос. тип., 1904. 119 с.
14. *Сибирские* переселения. Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Новосибирск : Сова, 2006. 263 с.
15. *Высочайшая* отметка // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 24.
16. *Куломзин А.Н.* Строение церквей и школ в Сибири // Прибавления к церковным ведомостям. 1896. №. 47. С. 1735–1740.
17. *Заселение* притаежных мест // Сибирская жизнь. 1899. № 249.
18. *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. М. : НЛО, 1999. 844 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2014 г.

DOCUMENTS ON CONSTRUCTION OF RURAL CHURCHES AS A HISTORICAL SOURCE (TOMSK PROVINCE DATA)

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 139-144. DOI: 10.17223/15617793/389/22
Vasilyev Artem V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art001@sibmail.com
Keywords: Siberia; documents of eparchial consistories; Source criticism.

The article is devoted to a small episode from the history of Church building in the Russian Empire at the turn of the 20th century, namely, the history of construction of a temple in a distant taiga village of Tomsk Province, Mitrofanovka. Narrower, its subject relates to the problem of the cognitive potential of a specific type of sources, documents on the construction of orthodox temples-, preserved in the funds of spiritual consistories. Mass migration from European Russia, the policy of government in the "support of the spiritual needs" of settlers, complicated ethno-confessional geography of the region caused very rich and versatile composition of these documents. So one can talk not only about the extent to which such sources reflect the objective side of Church building and Russian peasants' participation in it, but also about these documents and peasants' appeals they include as a specific product of specific social relations. At the practical level, such an approach also contributes something new to the understanding of the "religious landscape" of Russia and Siberia in particular: the complex and productive social network that emerged around the sacral places of official and popular Orthodoxy. The construction of the temple in the village of Mitrofanovka caused the collision of interests of many parties: settlers and old residents, taiga peasants and Tomsk officials, the Consistory and the Synod. All of them demonstrated different behavior strategies; common, however, was the use of the argument associated with the Old Believers' threat. But if for officials this argument was central, not every peasant appeals, despite their dramatic character, even mentioned the old believers, which should highlight the contradictory nature of the coexistence of the two denominations. The case of Mitrofanovka can be adequately evaluated only as a single whole, by involving additional materials from periodicals and legislation as a context. A coherent group of documents creates a picture of a dense social interaction and Church building seems to be a key factor in the formation of a particular social network, where information and financial resources circulated. The success of its functioning depended on many factors, among which the potential of communication was one of the most important. But at the same time (and in exchange for) this network reshaped the traditional structure of peasant society establishing vertical communication and intensifying horizontal communication, making confessional behavior of some peasants more conscious and revealing indifference to the official Church of others.

REFERENCES

1. Dutchak E.E., Vasil'ev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research*, 2013, no. 1, pp. 79-90. (In Russian).
2. Friz G. Otkryvaya zanovo pravoslavnoe proshloe: mikroistoricheskiy podkhod k religioznoy praktike v Rossii perioda imperii [Reopening the Orthodox past: micro-historical approach to religious practice in the Russian Empire period]. *Nestor*, 2007, no. 11, pp. 369-395.
3. Zol'nikova N.D. *Deloproizvodstvennye materialy o tserkovnom stroitel'stve kak istochnik po istorii prikhodskoy obshchiny Sibiri (nachalo XVIII – konets 60-kh gg. XVIII v.)* [Clerical materials on the church building as a source on the history of the parish community of Siberia (early 18th - late 1860s)]. In: Pokrovskiy N.N., Romodanovskaya E.K. (eds.) *Rukopisnaya traditsiya XVI–XIX vv. na vostoke Rossii (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri)* [Manuscript tradition of the 16th-19th centuries in the east of Russia (Siberian archeography and source studies)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 102-116.
4. Ostrovskaya L.V. *Prosheniya v konsistoriyu i Sinod kak istochnik dlya izucheniya sotsial'noy psikhologii krest'yanstva poreformennoy Sibiri* [Petitions to the consistory and the synod as a source for the study of social psychology of the peasantry in post-reform Siberia]. In: Pokrovskiy N.N., Romodanovskaya E.K. (eds.) *Istochniki po kul'ture i klassovoy bor'be feodal'nogo perioda (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri)* [Sources for culture and the class struggle of the feudal period (Siberian archeography and source studies)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, pp. 165-181.
5. Shevtsova V.F. *Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 488 p.
6. Tolstov S.I. *Osvoenie russkimi lyud'mi asinovskoy zemli v XVII–XIX vv.* [Development of Asino land by the Russian people in the 17th-19th centuries]. In: Yakovlev Ya.A. (ed.) *Zemlya asinovskaya* [Asino land]. Tomsk, 1995, pp. 42–58.
7. The State Archive of Tomsk Region. Fund 170. List 7. File 33.

8. Ust'yantseva O.N. *Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX veka*. Dis. kand. ist. nauk [Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Kemerovo, 2003. 259 p.
9. Burmatov A. Iz derevni Aleksandrovki [From Alexandrovka village]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1886, no. 7, pp. 24-26.
10. Osvyashchenie Khrama v selenii Aleksandrovskom Tomskogo uezda, blagochiniya № 3 [Consecration of the Temple in the village of Alexandrovka of Tomsk uyezd, deanery no. 3]. T*omskie eparkhial'nye vedomosti*, 1899, no. 9, pp. 54-56.
11. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization] St. Petersburg : Tip. tov-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1905. 443 p.
12. Spisok poselkov, nuzhdayushchikhsya v tserkvyakh [List of villages in need of churches]. In: Kulomzin A.N. *Prilozheniya k vsepoddanneyshemu otchetu po poezdke v Sibir' dlya oznakomleniya s polozheniem pereselencheskogo dela* [Supplements to the report on the trip to Siberia to study the situation of resettlement cases]. St. Petersburg, 1896.
13. *Sibirskie tserkvi i shkoly: k desyatiletiyu Fonda imeni imperatora Aleksandra III* [Siberian churches and schools: the tenth anniversary of the Foundation named after Emperor Alexander III]. St. Petersburg : Gos. tip. Publ., 1904. 119 p.
14. Shilovskiy MV. (ed.) *Sibirskie pereseleniya* [Siberian resettlement]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. Issue 2, 263 p.
15. Vysochayshaya otmetka [The highest mark]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1899, no. 24.
16. Kulomzin A.N. Stroenie tserkvey i shkol v Sibiri [The construction of churches and schools in Siberia]. *Pribavleniya k tserkovnym vedomostyam*, 1896, no. 47, pp. 1735-1740.
17. Zaselenie pritaezhnykh mest [Settlement of near-taiga places]. *Sibirskaya zhizn',* 1899, no. 249.
18. Varentsov N.A. *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe* [Heard. Seen. Rethought]. Moscow: NLO Publ., 1999. 844 p.

Received: 10 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 145–148 DOI: 10.17223/15617793/389/23

УДК 37(09)(470.316)

С.Ю. Иерусалимская

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XIX СТОЛЕТИЯ

Рассматривается комплекс источников личного происхождения (дневники, воспоминания, путевые заметки и др.) о народном образовании Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX в., играющий важную роль при изучении истории народного просвещения Российской империи обозначенного периода. Анализируются источники, посвященные разным ступеням народного образования: церковно-приходским школам, гимназиям, высшим учебным заведениям. Внимание автора обращено на дневники и воспоминания высших государственных чиновников, которые были либо инициаторами реформ народного образования, либо воплощали их в жизнь.

Ключевые слова: народное образование; ученики, педагоги; источники личного происхождения; Верхнее Поволжье.

Большую ценность для изучения истории народного образования Верхнего Поволжья XIX в. представляют источники личного происхождения – воспоминания, путевые заметки, дневники. Прежде всего стоит отметить, что основные направления правительственной политики в области просвещения раскрывают воспоминания и дневники министров народного просвещения и других государственных деятелей [1, 2]. Они показывают как мыслилась и осуществлялась основная линия правительственной политики в указанное время. Этими качествами данные источники личного происхождения интересны при раскрытии нашей темы.

Остановимся на характеристике региональных источников личного происхождения. Среди них заслуживают внимания воспоминания о среднем духовном образовании Верхнего Поволжья выпускника Владимирской семинарии С. Архангельского. Предмет его повествования – учебно-воспитательный процесс семинарии, рассматриваемый в непосредственной связи с педагогической деятельностью преподавателей и руководителей семинарий первой половины XIX столетия [3]. Мемуары Н.И. Соловьева и А. Ключарева [4–6] посвящены функционированию Владимирской семинарии в середине XIX в., а о Ярославской семинарии имеются сведения в воспоминаниях А.В. Смирнова. Эти источники раскрывают реформу средней школы духовного ведомства середины XIX столетия, повествуют об учебном процессе, преподавателях и о быте семинаристов.

Неизвестный автор «Дневника бурсака» [7] раскрыл быт и жизнь воспитанников той же Владимирской семинарии во второй половине XIX в., дал оценку деятельности педагогов данного духовного учебного заведения. Интересен взгляд на эти же события с другой стороны – с точки зрения инспектора Владимирской семинарии Евлогия (Георгиевского), который отразил проблемы среднего духовного образования в своих мемуарах [8].

Сохранились записки педагога А.А. Великопольского, в которых он вспоминает о своей работе в качестве преподавателя в Рыбинском уезде на рубеже XIX–XX в. В записках автор рисует свой идеал педагога: «Учитель должен дать методы и приучить детей к самостоятельной работе. Никаких наказаний, ни физических, ни нравственных. Учитель должен всегда говорить правду и личным примером подтверждать свои слова. Меньше запрещений, больше свободы и любви» [9. С. 35]. Мемуарист говорит здесь о тех педагогических принципах, с которыми он собирался приступить к работе в школе, однако реальная действительность нередко вносила в идеальные стремления свои коррективы.

Значительные фрагменты из дневников костромских педагогов XIX в., повествующие обо всех сторонах школьной жизни и учительского быта, проблемах и сложностях тернистого пути учителя, были опубликованы спустя век в качестве одной из частей коллективной монографии [10].

Для сравнения и сопоставления с мемуарными источниками по истории народного образования Верхнего Поволжья XIX столетия в работе были использованы воспоминания и дневники учеников и учителей других регионов Российской империи. Воспоминания выпускников семинарий Н. Гилярова-Платонова, М. Гурьева, С. Сычугова [11–13] показывают различные стороны жизни отечественных учебных духовных заведений первой половины XIX в.

Интересные воспоминания о работе в подмосковной земской школе оставил С. Константинов. Автор рассказывает о своих педагогических приемах, материальных проблемах, с которыми он столкнулся в бытность земским учителем. В воспоминаниях подчеркивается необходимость развития именно земской школы [14].

Обучению в Московском коммерческом училище в 1831–1838 гг. посвящены воспоминания бывшего выпускника данного учебного заведения, подписавшего свои мемуары псевдонимом «С-въ» [15]. Воспоминания написаны ярким, живым языком, интересны в прочтении и содержат в себе массу мелких подробностей, точно и достоверно характеризующих течение учебного процесса в средней школе первой трети XIX столетия. Так, по отзывам мемуариста, в Московском коммерческом училище «…учился только тот, кто хотел; за леность почти никогда не наказывали или наказывали несравненно слабее, чем за самые извинительные шалости. В последнем высшем классе, где по программе следовало бы проходить историю французской литературы, попадались воспитанники, которые не знали… французскую азбуку... По русской словесности задавали нам писать философские рассуждения о бессмертии души, а многие из нас делали грубые ошибки даже в правописании…» [Там же. С. 727].

О сельской школе в российской глубинке конца XIX – начала XX в. рассуждает в своих воспоминаниях В. Флеров. Он указывает на тяжелое материальное положение народной школы в нечерноземной полосе России: теснота, духота и ветхость школьных помещений (96 учеников в одной избе, перемена 20–30 минут, иначе изба не успевала проветриваться), вместе с тем отмечает стремление детей к знаниям и энтузиазм сельской учительницы [16].

О нуждах и лишениях, с которыми приходится сталкиваться сельскому учителю на рубеже XIX–XX вв., упомянул в своих воспоминаниях А. Кушнерев [17]. В особенно тяжелом положении оказывались семейные учителя: «Представьте учителя, имеющего жену и троих детей, и получающего 20 руб. в месяц, следовательно, на 65 копеек в день должны будут существовать пять человек. Семья голодает, глава старается выбиться из нужды, но тщетно; а общество ждет от него упорного труда, нравственного образца». А. Кушнерев приводит пословицу: «Жил честно, целый век трудился и умер гол, как гол родился». Мемуарист сообщает об отсутствии из-за материальной нужды у учителей специальных библиотек [Там же]. Подобные воспоминания о проблемах народной школы были опубликованы в отечественных журналах второй половины XIX – начала XX в. [18. С. 301; 19. С. 34].

Интересен и взгляд на эту проблему с другой стороны – взгляд ученика, а не учителя [20, 21]. Свои ученические впечатления описал Г. Коломин-Мамистов в заметке «Крестьянское детство» [22]: «Я учился три года; читать, писать не умею». Несмотря на слабые знания, показанные на экзаменах по Закону Божьему и арифметике, ему была поставлена высокая оценка «хорошо», читал плохо, но свидетельство об окончании школы получил. Как отмечает мемуарист, дисциплинарные средства воздействия на учеников были традиционные: учителя их били, ругали, даже батюшка. Для сравнения с верхневолжскими материалами мы также использовали ученические мемуарные источники из северо-западного региона Российской империи [23–25].

О годах, проведенных в казанских гимназии и только что открытом университете в начале XIX столетия, детально и подробно рассказал в своих воспоминаниях знаменитый русский писатель С.Т. Аксаков [26]. Он с высоким художественным мастерством описал гимназический и студенческий быт, охарактеризовал педагогов и занятия. Писатель отметил такой интересный момент, как совмещение учебы в средней и высшей школа того времени: «Многие воспитанники, в том числе и я, не выслушавшие полного гимназического курса, продолжали учиться в некоторых высших классах гимназии, слушая в то же время университетские лекции. …Переход из гимназии в университет был вообще для всех мало заметен, особенно для меня и для студентов, продолжавших ходить в некоторые гимназические классы» [Там же. С. 413].

Проблемам высшего образования в столичных университетах посвящён целый ряд специальных сборников воспоминаний [27, 28]. В них приводятся интересные сведения об учебном процессе, преподавательских кадрах, методике обучения. Ценные сведения о Московском университете, с которым был тесно связан ярославский Демидовский лицей, содержатся в воспоминаниях и дневниках профессоров и чиновников данного университета [29, 30]. Интересен дневник представителя либеральной профессуры А.Е. Преснякова [31]. Данные материалы использовались автором в диссертационном исследовании для сравнения и сопоставления с сюжетами по Демидовскому лицею.

Как видно из вышеприведенных мемуарных источников, в развитии всех типов провинциальной школы Центральной России на рубеже веков наблюдались положительные и отрицательные моменты. Эта картина была во многом типична и для Верхнего Поволжья.

В путевых заметках и дневниках, посвященных верхневолжским губерниям XIX в., основной упор делается на духовное наследие края. На страницах этих изданий излагается история городских и духовных училищ; даётся характеристика преподавательских кадров; подчеркивается роль архиепископа Ярославского и Ростовского преосвященного Иоанафана и других архиереев Русской православной церкви в развитии образования; представлено описание школьных зданий [32, 33].

Своеобразным источником о жизни, быте, учении, домашнем обучении, духовных переживаниях учеников, студентов и преподавателей светских и духовных учебных заведений, от начальной до высшей школы, являются литературные произведения выдающихся российских писателей XIX в., таких как А.С. Аксаков («Детские годы Багрова-внука»), А.И. Герцен («Былое и думы»), Н.В. Гоголь («Вий»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание»), А.П. Чехов («Студент», «Учитель словесности», «На подводе», «Вишневый сад») и др. В созданных ими на основе личного опыта и впечатлений художественных произведениях отражены различные сюжеты, связанные с постановкой дела в народном образовании, житейские заботы и моральные искания подрастающего поколения.

Комплекс источников личного происхождения (воспоминания, дневники, путевые заметки) позволяет показать многие стороны региональной школьной жизни, изображает учебный процесс глазами преподавателей и учащихся, раскрывает состояние народного просвещения в Верхнем Поволжье периода XIX столетия. Источники личного происхождения ярко и эмоционально освещают проблемы, тревожившие преподавателей и учеников того времени; рисуют быт сельского учителя; говорят о низкой материальной базе начальных училищ и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Записки* адмирала А.С. Шишкова. СПб., 1868.
2. *Воспоминания* министра народного просвещения графа И.И. Толстого. М., 1999.
3. *Из воспоминаний* о владимирских духовных (приходском и уездном) училищах семинарии 1818–1832 гг. Владимир, 1875.
4. *Соловьев Н.И.* Как нас учили. (Рассказ из духовно-семинарской жизни) // Русская старина. 1899. Т. 100, № 11.
5. *Ключарев А.* Владимирская бурса (по воспоминаниям бывшего бурсака с 1849 г. по 1855 г.) // ВЕВ. 1890. № 21. ч. неоф. С. 713–726.

6. *Смирнов А.В.* В семинарии // Духовная школа. Ярославль, 1893. С. 41–55.
7. *Дневник* бурсака. (Владимирская духовная семинария 60-х гг. XIX века) / под ред. А.А. Ковзуна. Владимир, 2001.
8. *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. По страницам воспоминаний. М., 2006.
9. *Велский (Великопольский) А.[А.]* Записки педагога. СПб., 1909.
10. Строки из учительских дневников // Бердова О.В. Костромское учительство (XVIII – начало XX века) / О.В. Бердова, Е.А. Лушина. Кострома, 2006. С. 173–191.
11. *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания : в 2 т. СПб., 2009.
12. *Гурьев М.* Воспоминания о моем учении // РС. 1909. Т. 139, № 8. С. 357–371.
13. *Сычугов С.И.* Записки бурсака. М. ; Л. : Academia, 1933.
14. *Константинов С.* Два года в земской школе // Русская школа. 1913. № 2. С. 62–89.
15. *С-въ.* Воспоминания о Московском коммерческом училище 1831–1838 годов // Русский вестник. 1861. № 12. С. 719–754.
16. *Флеров В.* Чем мы сильны // Русская школа. 1912. № 2. С. 27–43.
17. *Кушнерев А.* Сельский учитель // Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1912. № 1. С. 81–85.
18. *Записки* покойного учителя // Исторический вестник. 1888. Т. 33, № 8.
19. *Воспоминания* сельской учительницы // Русская школа. 1902. № 5/6.
20. *Гарусов И.Д.* Провинциальные училища 30–40-х гг. (Воспоминания бывшего гимназиста). Русская школа. 1910. Т. 1, № 4.
21. *Куркин С.* Две школы. (Из воспоминаний бывшего ученика) // Вестник воспитания. 1896. № 5. С. 123–128.
22. *Коломин-Мамистов Г.* Крестьянское детство // Русская школа. 1912. № 1. С. 126–149.
23. *Шелгунов В.А.* Мои воспоминания о воскресных школах // Школа взрослых. 1937. № 7. С. 42–44.
24. *Стасова Е.* Как мы старались расширить кругозор учащихся (О работе в вечерне-воскресной школе в Петербурге в 1891–1904 гг.) // Школа взрослых. 1937. № 11. С. 17–19.
25. *Смирнов М.Н.* Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб., 1890.
26. *Аксаков С.Т.* Воспоминания // Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. Л., 1984.
27. *Ленинградский* университет в воспоминаниях современников (1819–1917). Л., 1963. Т. 1.
28. *Московский* университет в воспоминаниях современников М., 1956.
29. *Третьяков А.П.* Императорский Московский университет в 1798–1830 годах в воспоминаниях // Русская старина. 1892. № 7–10.
30. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929.
31. *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004.
32. *Тюменев И.Ф.* От Углича до Рыбинска (Путевые наброски) // Исторический вестник. 1897. № 1. С. 207, 233; № 2. С. 574–605; № 3. С. 995–1000.
33. *Колотилов Л.В.* На велосипеде. СПб., 1898. С. 212–220.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июля 2014 г.

PRIVATE SOURCES ON POPULAR EDUCATION IN THE 19TH-CENTURY UPPER VOLGA REGION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 145-148. DOI: 10.17223/15617793/389/23

Yerusalimskaya Svetlana Yu. Yaroslavl Demidov State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Keywords: popular education; pupils / students; teachers; private sources; the Upper Volga Region.

The paper tells about a complex of private sources (diaries and journals, reminiscences, travel notes and others) on the popular education in the Upper Volga Region at the end of the 19th – early 20th centuries which played an important role in studying the popular education history. The author analyses the sources devoted to the different grades of the popular education: church parish schools, grammar schools, higher educational institutions; her attention is attracted by the diaries and reminiscences of top officials who either initiated reforms of the popular education or implemented them. An important place is given to the teachers' and pupils' reminiscences. The author analyses the notes of A.A. Velikopolsky who worked in Rybinsk uyezd, Yaroslavl Province; he stressed the fact that reality often corrected teachers' ideal ambitions. The author has considered the memoirs of the Vladimir Ecclesiastical Seminary graduates, S. Arkangelsky, N. Solovyov and A. Klucharev who reveal the peculiarities of the educational reforms realization in their institution. Special attention is paid to the heritage of the Yaroslavl Demidov Lyceum faculty. All the authors noted both positive and negative tendencies in the development of Russian popular education. Attention is drawn to the role of the Russian Orthodox Church and bishops (e.g., Joanaphan, the Archbishop of Yaroslavl and Rostov) in the development of ecclesiastical education. The author notes that literary works of the outstanding Russian writers of the 19th century N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov and others are a peculiar source on the life and experiences of pupils, students and teachers of secular and ecclesiastical educational institutions from the elementary school to the higher one. The well-known Russian writer Aksakov's reminiscences about his grammar school and university years are analysed in detail. The complex of private sources (reminiscences, diaries, travel notes and others) makes it possible to show the state of the popular education in the Upper Volga Region in the late 19th – early 20th centuries. It reveals the problems that teachers and students / pupils faced at the time, depicts everyday life, tells about the facilities condition in educational institutions, their prospects etc. Teachers and pupils of various educational institutions left a heritage that allows the researcher to use the comparative method in studying the history of popular education.

REFERENCES

1. *Zapiski admirala A.S. Shishkova* [Notes of Admiral A.S. Shishkov]. St. Petersburg, 1868.
2. *Vospominaniya ministra narodnogo prosveshcheniya grafa I.I. Tolstogo* [Memories of Minister of Education Count I.I. Tolstoy]. Moscow, 1999.
3. *Iz vospominaniy o vladimirskikh dukhovnykh (prikhodskom i uezdnom) uchilishchakh seminarii 1818–1832 gg.* [From the memoirs of Vladimir Theological (parish and county) seminary schools of 1818-1832]. Vladimir, 1875.
4. Solovyov N.I. Kak nas uchili. (Rasskaz iz dukhovno-seminarskoy zhizni) [How we have been taught. (The story of the spiritual seminary life)]. *Russkaya starina*, 1899, vol. 100, no. 11.
5. Klyucharev A. Vladimirskaya bursa (po vospominaniyam byvshego bursaka s 1849 g. po 1855 g.) [Vladimir bursa (memoirs of the former seminarian from 1849 to 1855)]. *Vladimirskie Eparkhal'nye Vedomosti*, 1890, no. 21. pp. 713-726.
6. Smirnov A.V. *V seminarii* [In the seminary]. In: *Dukhovnaya shkola* [Spiritual School]. Yaroslavl, 1893, pp. 41-55.
7. Kovzun A.A. (ed.) *Dnevnik bursaka. (Vladimirskaya dukhovnaya seminariya 60-kh gg. XIX veka)* [Diary of a seminarian. (Vladimir's seminary of the 1860s]. Vladimir, 2001.
8. Mitropolit Evlogiy (Georgievskiy). *Put' moey zhizni. Po stranitsam vospominaniy* [The path of my life. The pages of memories]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya Publ., 2006. 256 p.

9. Velskiy (Velikopol'skiy) A.[A.] *Zapiski pedagoga* [Notes of a teacher]. St. Petersburg, 1909.
10. Berdova O.V., Lushina E.A. *Kostromskoe uchitel'stvo (XVIII – nachalo XX veka)* [Kostroma teachers (18th – early 20th centuries)]. Kostroma, 2006, pp. 173-191.
11. Gilyarov-Platonov N.P. *Iz perezhitogo: Avtobiograficheskie vospominaniya : v 2 t.* [From the experienced: Autobiographical memories. In 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009.
12. Gur'ev M. Vospominaniya o moem uchenii [Memories of my studies]. *Russkaya starina*, 1909, vol. 139, no. 8, pp. 357-371.
13. Sychugov S.I. *Zapiski bursaka* [Notes of a seminarian]. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1933.
14. Konstantinov S. Dva goda v zemskoy shkole [Two years in the County School]. *Russkaya shkola,* 1913, no. 2, pp. 62-89.
15. S-v". Vospominaniya o Moskovskom kommercheskom uchilishche 1831–1838 godov [Memories of Moscow Commercial College in 1831-1838]. *Russkiy vestnik*, 1861, no. 12, pp. 719-754.
16. Flerov V. Chem my sil'ny [Our strengths]. *Russkaya shkola*, 1912, no. 2, pp. 27-43.
17. Kushnerev A. Sel'skiy uchitel' [A rural teacher]. *Pedagogicheskiy vestnik Moskovskogo uchebnogo okruga. Srednyaya i nizshaya shkola*, 1912, no. 1, pp. 81–85.
18. Zapiski pokoynogo uchitelya [Notes of the late teacher]. *Istoricheskiy vestnik*, 1888, vol. 33, no. 8.
19. Vospominaniya sel'skoy uchitel'nitsy [Memories of a rural teacher]. *Russkaya shkola*, 1902, no. 5/6.
20. Garusov I.D. Provintsial'nye uchilishcha 30–40-kh gg. (Vospominaniya byvshego gimnazista) [Provincial school of the '30s-'40s (Memories of the former schoolboy)]. *Russkaya shkola,* 1910, vol. 1, no. 4.
21. Kurkin S. Dve shkoly. (Iz vospominaniy byvshego uchenika) [Two schools. (From the memoirs of a former pupil)]. *Vestnik vospitaniya*, 1896, no. 5, pp. 123-128.
22. Kolomin-Mamistov G. Krest'yanskoe detstvo [Peasant childhood]. *Russkaya shkola*, 1912, no. 1, pp. 126-149.
23. Shelgunov V.A. Moi vospominaniya o voskresnykh shkolakh [My memories of Sunday schools]. *Shkola vzroslykh*, 1937, no. 7, pp. 42-44.
24. Stasova E. Kak my staralis' rasshirit' krugozor uchashchikhsya (O rabote v vecherne-voskresnoy shkole v Peterburge v 1891–1904 gg.) [How we have tried to broaden the horizons of students (Work in the evening and Sunday school in St. Petersburg in 1891-1904)]. *Shkola vzroslykh*, 1937, no. 11, pp. 17-19.
25. Smirnov M.N. *Golos karela. Putevye zametki i karel'skaya poeziya* [The voice of a Karelian. Travel notes and Karelian poetry]. St. Petersburg, 1890.
26. Aksakov S.T. *Detskie gody Bagrova-vnuka. Vospominaniya* [Childhood of Bagrov-grandson. Memories]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1984, pp. 303-444.
27. Mavrodin V.V. (ed.) *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1819–1917)* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries (1819-1917)]. Leningrad: LSU Publ., 1963. Vol. 1.
28. Kovnator R.A. (ed.) *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in the memoirs of contemporaries]. Moscow: MSU Publ., 1956. 483 p.
29. Tret'yakov A.P. Imperatorskiy Moskovskiy universitet v 1798–1830 godakh v vospominaniyakh [Imperial Moscow University of 1798-1830 in the memories]. *Russkaya starina*, 1892, no. 7-10.
30. Chicherin B.N. *Vospominaniya. Moskovskiy universitet* [Memories. Moscow University]. Moscow, 1929.
31. Presnyakov A.E. *Pis'ma i dnevniki. 1889–1927* [Letters and diaries. 1889-1927]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 967 p.
32. Tyumenev I.F. Ot Uglicha do Rybinska (Putevye nabroski) [From Uglich to Rybinsk (travel notes)]. *Istoricheskiy vestnik*, 1897, no. 1-3.
33. Kolotilov L.V. *Na velosipede* [On a bicycle]. St. Petersburg, 1898, pp. 212-220.

Received: 20 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 149–152 DOI: 10.17223/15617793/389/24

УДК 94(571. 1/.5) «XVIII – XX»

С.В. Смокотин

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ТОМСКЕ В XVIII–XX вв.

Период с конца XVIII до начала XX в. был временем активизации городского строительства в Сибири. Наряду с сооружением административных и общественных зданий, особняков и доходных домов, возводились и новые церкви. Важная роль в строительстве церквей принадлежала томскому купечеству. В строительстве и украшении местных церквей принимали участие Петр Михайлов, Степан Валгусов, Алексей Еренев, знаменитый род Кухтериных и другие представители томского торгового класса.

Ключевые слова: купечество; церковь; собор; строительство; иконостас.

Период с конца XVIII до начала XX в. был временем активизации городского строительства в Сибири. Строительству в Томске способствовало то, что с 1775 г. город получил статус уездного, с 1804 г. стал губернским, а с 1834 г. – центром новой епархии в православной церкви России. В 1773 г. был утвержден первый план, регулирующий застройку Томска. Особенно активным строительство каменных зданий было в XIX и начале XX в. Несмотря на это деревянная архитектура еще долго определяла облик Томска. Наряду с сооружением административных и общественных зданий, особняков и доходных домов, возводились и новые церкви. С конца XIX в., в связи с массовым переселением в Сибирь крестьян из южных губерний и европейской части России и ростом численности населения, интенсивно строятся сельские церкви.

Храмовое строительство в дореволюционной России велось частично или полностью за государственный счет и за счет частных пожертвований. В сельской местности обычно инициатором и организатором строительства церкви выступала местная община. Крупные пожертвования поступали от состоятельных лиц: богатых дворян, крупных чиновников, представителей торгового класса. Важная роль в строительстве церквей принадлежала томскому купечеству, и не только в силу имевшихся у него материальных и финансовых возможностей. Для купеческого сословия, сохранявшего некоторые черты патриархального менталитета и традиционного уклада жизни, участие в возведении и украшении храма продолжало оставаться основным видом благотворительной деятельности, мотивация которого была как религиозной, так и социальной.

Участие частных лиц в церковном строительстве заключалось как в его финансировании, так и в последующем благоустройстве храма: создании интерьера и в практике так называемых вкладов (пожертвований в виде икон, церковных книг, облачений и утвари). Зачастую купец становился старостой церкви, возлагал на себя обязанности ее попечителя, а иногда и сам брал подряд на какое-либо церковное строительство или ремонт храма, извлекая из этого выгоду. Архивные документы, старые публикации, а также сохранившиеся до нашего времени церкви Томска хранят историческую память об этих людях. Один из старейших храмов Томска – Богоявленский собор, ставший кафедральным в возрожденной в 1994 г. Томской епархии. Двухэтажная церковь начала строиться в 1777 г. Смотрителями за строительством приходом были избраны священник Иоанн Сапожков, купец Федор Шадрин и мещанин Иван Рочин. В 1784 г. нижний Богоявленский этаж церкви был окончен. Старостой храма был избран купец Николай Панов [1. Л. 3, 4].

Строительство второго этажа церкви затянулось надолго. В 1799 г. духовенство и староста жаловались на строителя купца Григория Зеленцова, забросившего строительные работы, отчего верхний этаж «в недостройке состоит. И хотя на трапезе своды у оной сделаны назад тому два года, но за непокрытием оных тесом от снегова и дожей дрябнут и разваливаются, а в нижней Богоявленской церкви хотя божественная служба и производится, но весма с крайнею опасностию, ибо во святом олтаре и в церкве из сводов кирпичи от размытия сверху дождем падают. А паче во святом олтаре на горнем месте, а и тово опаснее, чтобы вся та церковь вовсе не развалилась и не пала и тем не причинила б людем и церковному имуществу какого повреждения» [2. Л. 2]. Освящен верхний придел в честь пророка Илии лишь в 1817 г. К этому можно добавить, что в те годы случались обвинения строителей в халатности и различных злоупотреблениях. Так, в 1791 г. священник Василий Медведков писал в Томское духовное правление, что купец Петр Шихов, строитель Спасской церкви в селе Спасском, получив сборные книги, не дает по ним никакого отчета и саму церковь строить не спешит, при том «кирпичу тысяч до семнадцати отдал в винокуренной Вороновской завод на сделание в нем печек содержателю оного заводчику Дмитрею Лобанову» [3. Л. 11].

В 1857–1860 г. к нижней церкви Богоявленского собора на средства купцов П. Михайлова и С. Петрова был пристроен Михайло-Архангельский придел. Петр Михайлов, будучи старостой храма, отремонтировал верхнюю церковь пророка Илии [4. С. 34], а также в 1876 г. построил «изящную церковь с иконостасом прекрасной живописи» в селе Чердатском [5. С. 14]. Умерший в 1869 г. крестьянин Иван Васильевич Виноградов завещал 20 тыс. руб. на постройку третьего Сильвестровского придела к Богоявленскому собору, но по предложению его душеприказчика, томского купца Николая Батурина, средства эти были потрачены на строительство отдельного храма в местности, называемой «Пески». Не сохранившаяся до наших дней церковь называлась Сретенской, один ее придел был посвящен святителю Сильвестру [6. Л. 5].

Каменная Казанская церковь Богородице-Алексеевского монастыря построена вместо сгоревшей в 1779 г. третьей по счету деревянной монастырской церкви, возведенной в 1760 г. [7. С. 80], которая строилась после пожара в монастыре, случившегося в 1754 г., при помощи купца Алексея Верхотурова [8. Л. 9]. Новый каменный храм в 80-х гг. XIX в. был отремонтирован за счет томского купца II гильдии Андрея Петровича Карнаухова [9. С. 18].

Одной из достопримечательностей города является Воскресенская церковь, построенная в конце XVIII – начале XIX в., вероятно, по образцу Тобольской Захарьевской церкви (один из престолов которой тоже освящен во имя Воскресения Христова, отчего ее иногда также называли Воскресенской). В 1807 г. ее старостой был купеческий сын Иван Захарьев [10. Л. 3]. Много лет старостой церкви был купец II гильдии Аким Акимович Пилясов [11. Л. 18]. В 1894–1895 гг. верхний этаж был отремонтирован и переделан из холодного в теплый на средства купцов Петра Шумилова и старосты Алексея Кухтерина, были переписаны иконы и устроен новый иконостас [4. С. 34]. Томская Троицкая церковь до революции была единоверческой. Она была построена в 1884 г. для привлечения старообрядцев в Синодальную православную церковь. В 1876–1887 гг. бывший городской голова купец первой гильдии Дмитрий Иванович Тецков устроил в нем придел в честь великомученика Дмитрия Солунского, почитающегося покровителем Сибири [7. С. 121].

На окраине Томска находится однопрестольная каменная Петропавловская церковь. Построена и освящена она была в 1908 г., о чем свидетельствует и памятная доска, найденная в 1990-е гг. рядом с храмом, ныне занимающая почетное место внутри церкви. Церковь была построена для рабочих спичечного завода, принадлежавшего торговому дому «Е.Н. Кухтерин и сыновья». Автором проекта этой церкви был известный архитектор К.К. Лыгин, построивший в Томске немало зданий, часть которых сохранилась до нашего времени. Среди них: общественное собрание, окружной суд, коммерческое училище [12. С. 116]. Сын Евграфа Николаевича, купец II гильдии Александр был церковным старостой и попечителем церковно-приходской школы [13. С. 198]. В склепе церкви в 1911 г. были погребены Алексей Евграфович и Иннокентий Евграфович Кухтерины. В годы советской власти Петропавловская церковь (на Спичфабрике) была закрыта ранее всех городских церквей (в 1920 г.). В 1991 г. в ней снова стали совершаться службы. Евграф Кухтерин также состоял ктитором Воскресенской церкви [14. С. 300]. А.Е. Кухтерин в 1912 г. заново отделал Иверскую часовню, построенную на Базарной площади в 1858–1859 гг. купцом С.П. Петровым [15. С. 934, 935]. Род Кухтериных единственный из купеческих семейств Томска не оказался забытым.

В 1851 г. купец III гильдии Алексей Лаврентьевич Еренев вместе с сыном Иваном Алексеевичем Еневым вознамерились построить каменную одноэтажную церковь для женского монастыря, на земле, приобретенной в Знаменском приходе г. Томска [16. Л. 5, 6]. В 1871 г., после смерти Алексея Еренева, была окончательно построена и освящена трехпрестольная Успенская церковь Иоанно-Предтеченского женского монастыря [17. Л. 3, 4]. В 1865 г. на пожертвования купца Я.И. Петрова (тестя И.А. Еренева) была построена Иннокентьевская церковь [18. С. 67]. В 1881 г. Иван Еренев, купец I гильдии, захотел возвести на собственные средства церковь Богоматери Всех Скорбящих Радости при мужском духовном училище. Проект церкви был рассмотрен губернским архитектором Гоняевым в присутствии строительной комиссии и признан составленным «в техническом отношении правильно» [19. Л. 47]. Несмотря на это проект, предусматривавший строительство пятиглавой церкви с колокольней, был сочтен неудобным, и вместо него в 1885 г. появился двухэтажный корпус, первый этаж которого занимала больница, а второй – церковь Стефана Савваита. Еренев, с 1870 г. состоя почетным блюстителем при духовном училище, активно помогал школе [20. С. 22].

Известным благотворителем был купец I гильдии, томский потомственный почетный гражданин Симен Степанович Валгусов. Имя его неоднократно встречается на страницах Томских епархиальных ведомостей. Его трудами были перестроены Одигитриевская церковь села Зоркальцево, ограда вокруг Знаменского храма, отреставрирована в 1889 г. Преображенская церковь на Басандайке, снесенный в 1929 г. памятник томской архитектуры [21. С. 9].

Наиболее известным из не сохранившихся храмов являлся Троицкий кафедральный собор. В его строительстве, в силу сложившихся в то время обстоятельств затянувшемся более чем на полвека, принимали посильное участие многие видные люди Томска. Среди них и купцы. В 1843 г. в состав первого «Комитета по постройке в Томске кафедрального собора» входили I гильдии купеческий сын Николай Евтихиевич Филимонов, потомственный почетный гражданин, II гильдии купец Александр Михайлович Серебренников и III гильдии купеческий сын Николай Иванович Верещагин [22. С. 41]. Жертвователями на возведение и украшение собора были Андрей Алексеевич Попов (в 1846 г. пожертвовал золотой крест, украшенный 126 бриллиантами, 110 изумрудами и яхонтами, 105 голландскими розами, стоимостью 1 261 руб.) [Там же. С. 48], С.В. Ерлыков, С.Ф. Хромов, известный меценат и покровитель просвещения З.М. Цибульский, Н.И. Верещагин (колокол, по завещанию своей матери Домны Ивановны), С.Е. Сосулин, Е.Д. Бобков, А.С. Родюков, И.П. Свешников, проживавший в Томске нарымский купец А.А. Попов, М.И. Шумилов и др. [Там же. С. 95, 154, 177, 180–183].

В 1883 г. в состав нового комитета из купечества вошли П.В. Михайлов, Ф.Х. Пушников и А.П. Карнаков. Об этой стороне деятельности Петра Васильевича Михайлова, градоначальника Томска, I гильдии купца, известного мецената, строительный комитет в 1889 г. отзывался следующим образом: «…пятилетняя деятельность П.В. Михайлова, по отношению ее к достройке Троицкого кафедрального собора в г. Томске, показала комитету, что невозможное стало воз-

можным и желаемое настоящим <…> он все время был самым ревностным и действительным пособником комитету в его нуждах; и материальные и денежные средства доставлялись им немедленно, благодаря чему комитет ни разу не испытывал в своем деле каких либо затруднений» [22. С. 380].

История остальных томских храмов, уже не существующих, связана с историей местных купеческих родов. Духосошественская церковь на «Песках» – правый Покровский придел, был сооружен на средства купца Петра Ненашева во второй половине XVIII в., левый, Воздвижения, – в в 1841 г. Михаилом Неупокоевым. Преображенская церковь была заложена С.В. Ерлыковым и окончена в 1868 г. Е.И. Королевым [4. С. 34].

Уже упоминавшийся Степан Егорович Сосулин выстроил на даче «Степановка», находившейся тогда в трех верстах от города, красивую церковь, спроектированную Г.Р. Батеньковым [7. С. 22]. В 1851 г. он вступил в должность старосты Благовещенского собора, который заново отремонтировал, вызолотил иконостас и расписал стены [22. С. 177]. На месте также не сохранившейся до наших дней каменной Вознесенской церкви стояла деревянная кладбищенская церковь с тем же названием, освященная в 1787 г. Ее строителем был томский купец Яков Скворцов [23. Л. 5]. Старостой Никольской (Христорождественской) церкви в 1852 г. был купец Матвей Шабалин [24. Л. 15]. При его участии, а также участии священнослужителей церкви в 1856–1857 г. купец Гавриил Игнатьевич Елисеев выстроил для храма новую колокольню, а купцы Евграф и Всеволод Королевы пожертвовали 80 тыс. руб. на строительство нового каменного храма, освященного в 1900 г. [7. С. 27].

Томское купечество также оказывало помощь в строительстве и украшении храмов сельским общинам. Иван Стефанович Вильянов, I гильдии купец, построил в 1882 г. деревянную Троицкую церковь в селе Каргалинском Богородской волости Томского округа [25. Л. 21, 22, 34], купец А.П. Карнаков – Архангельскую церковь в селе Нелюбино [26. С. 12]. Томский купец II гильдии И.Г. Богомолов построил каменный молитвенный дом в деревне Завьяловой Барнаульского округа. Сообщения о строительстве и ремонте купечеством сельских церквей и молитвенных домов, об участии в их украшении также были нередки на страницах местной церковной периодики. Поэтому нельзя не признать тот вклад, который внесло купеческое сословие г. Томска в формирование архитектурного облика города и губернии, ныне, к сожалению, во многом утраченного. В наши дни, когда происходит возвращение традиционных ценностей, нам стоит вспомнить о людях, органично сочетавших деловую хватку и прагматизм с искренней, хотя и народной, простой религиозностью и твердыми семейными устоями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственное* учреждение Тюменской области. Государственный архив Тобольска (ГУТО. ГАТ). Ф. И. 156. Оп. 3. Д. 1115.
2. ГУТО. ГАТ. Ф. И. 156. Оп. 5. Д. 268.
3. ГУТО ГАТ. Ф. И. 156. Оп. 16. Д. 49.
4. *Томские* епархиальные ведомости (ТЕВ). 1899. 15 марта.
5. ТЕВ. 1907. 1 октября.
6. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 232. Оп. 2. Д. 2075.
7. *Безруких О.Е.* Православные храмы Томска. Томск, 2005.
8. ГУТО ГАТО. Ф. И. 156. Оп. 1. Д. 1593.
9. ТЕВ. 1887. 1 февраля.
10. ГУТО ГАТ. Ф.И. 156. Оп. 6. Д. 1148.
11. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 339.
12. *Залесов В.Г.* Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск, 2004.
13. *Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П.* Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XXв). Барнаул, 1995.
14. ТЕВ. 1881. 15 октября.
15. ТЕВ. 1912. 1 сентября.
16. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 868.
17. ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1244.
18. *Бойко В.П., Ситникова Е.В.* Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск, 2008.
19. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1769.
20. ТЕВ. 1885. 1 августа.
21. ТЕВ. 1889. 1 июня.
22. *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 2008.
23. ГУТО ГАТ. Ф. И. 156. Оп. 3. Д. 1738.
24. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 981.
25. ГАТО. Ф.170. Оп. 3. Д. 2852.
26. ТЕВ. 1895. 15 января.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2014 г.

CONTRIBUTION OF THE MERCHANT CLASS TO THE CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES IN TOMSK IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 149-152. DOI: 10.17223/15617793/389/24

Smokotin Stanislav V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smokwa@sibmail.com

Keywords: merchant class; church; cathedral; building construction; iconostasis.

In the article the participation of the merchant class in the construction of the orthodox churches of Tomsk in the late 18th – 20th centuries is considered. Due to their donations, Tomsk still retains the character of an ancient Russian town. The late 18th – early 20th centuries were the time of active urban construction. Along with official and public buildings, mansions and apartment houses, new churches were erected. Since late 19th century, due to a considerable migration of peasantry from the southern and European regions of Russia to Siberia, rural churches were actively built. In pre-revolutionary Russia the building of churches was partially or completely conducted at the State expense and by private benefactions. Rural churches were usually built by the community. The local merchant class made an important contribution to the building of churches. The mentality of Russian merchants, despite their urban surroundings, preserved many traits of the traditional society. Therefore, partaking in the building and decoration of churches remained the main kind of benefaction, which was motivated both religiously and socially. The partaking of individuals in the construction of churches consisted in funding and in the following embellishment of the church: creating the interior and practicing benefactions (icons, books, vestments). Merchants also often became churchwardens. Merchant Pyotr Mikhailov, who was churchwarden for the Epiphany Church, renovated its side altar of Elias the Prophet and built the side altar of Archangel Michael. Merchant Akim Pilyasov was churchwarden for the Resurrection Church and contributed a lot for its embellishment. Father and son Aleksey and Ivan Erenev built the Assumption Church of the nunnery of John the Baptist. Merchant Symeon Valgusov rebuilt the church in the village of Zorkaltsevo and restored the church near the Basandaika River in 1889. In 1908, the firm "Evgraf Kukhterin and Sons" built the Church of Sts Peter and Paul. Many other merchants took part in the construction and improving of local churches. Among them were Nikolay Baturin, Aleksey Verkhoturov, Ivan Zakharyev. Tomsk merchants also took part in building and redecoration of churches for the rural communities. Merchant Ivan Vilyanov built the Trinity Church in the village of Kargalinskoye in 1882. Merchant A. Karnakov built the Archangel Church in the village of Nelyubino. Reports about the construction and decoration of churches in the late 19th – early 20th centuries often appeared in the local press.

REFERENCES

1. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). Fund I. 156. List 3. File 1115.
2. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). Fund I. 156. List 5. File 268.
3. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). Fund I. 156. List 16. File 49.
4. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti,* 1899. 15 marta.
5. Tomskie eparkhial'nye vedomosti, 1907. 1 oktyabrya.
6. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 232. List 2. File 2075.
7. Bezrukikh O.E. *Pravoslavnye khramy Tomska* [Orthodox churches in Tomsk]. Tomsk: GalaPress Publ., 2005. 224 p.
8. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). Fund I. 156. List 1. File 1593.
9. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1887. 1 February.
10. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). FundI. 156. List 6. File 1148.
11. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 2. File 339.
12. Zalesov V.G. Arkhitektory Tomska (XIX – nachalo XX veka). Tomsk, 2004.
13. Dmitrienko N.M., Zinov'ev V.P. *Kupecheskaya sem'ya Kukhterinykh* [The Kukhterins,a merchant family]. In: *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia (18th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University Publ., 1995.
14. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1881. 15 October.
15. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1912. 1 sentyabrya.
16. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 6. List 1. File 868.
17. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 3. File 1244.
18. Boyko V.P., Sitnikova E.V. *Sibirskoe kupechestvo i formirovanie arkhitekturnogo oblika goroda Tomska v XIX – nachale XX v.* [Siberian merchants and the architectural appearance of the city of Tomsk in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: TGASU Publ., 2008. 18 p.
19. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 6. List 1. File 1769.
20. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1885. 1 August.
21. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1889. 1 June.
22. Evtropov K.N. *Istoriya Troitskogo kafedral'nogo sobora v Tomske* [History of the Trinity Cathedral in Tomsk]. Tomsk: D-Print Publ., 2008. 423 p.
23. State Institution of Tyumen Region. Tobolsk State Archives (GUTO GAT). Fund I. 156. List 3. File 1738.
24. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 6. List 1. File 981.
25. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund170. List 3. File 2852.
26. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1895. 15 January.

Received: 14 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 153–157 DOI: 10.17223/15617793/389/25

ПРАВО

УДК 343.985

О.В. Айвазова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

Рассматриваются методологические вопросы криминалистической характеристики преступления как важнейшей категории криминалистики. С позиции закономерностей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений анализируется научная тенденция определения сущности, содержания и назначения криминалистической характеристики преступлений в контексте такого элемента частной криминалистической методики, как обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. С учетом необходимости совершенствования категориального аппарата криминалистики дается соотношение понятия криминалистической характеристики преступления с иными схожими понятиями.

Ключевые слова: криминалистика; структура частной криминалистической методики; криминалистическая характеристика преступлений; преступная деятельность; механизм преступной деятельности.

Генезис понятия «криминалистическая характеристика преступлений» может быть дифференцирован на ряд этапов, характерных для возникновения и дальнейшей научной жизни данного термина. Внедренное в научный криминалистический оборот в 60-е гг. XX в. А.Н. Колесниченко [1. С. 9] и Л.А. Сергеевым [2. С. 4, 5], оно с воодушевлением было принято научной общественностью. Многочисленные последователи данной научной идеи продолжили ее теоретическую разработку, что позволило в дальнейшем отнести криминалистическую характеристику преступлений к категориальному аппарату отечественной криминалистики [3. С. 43–45]. Полагаем, что сам по себе факт введения в понятийную систему криминалистики указанной научной абстракции названными авторами практически одновременно и независимо друг от друга свидетельствует о возникновении определенной научной тенденции. А именно: на определенном этапе развития криминалистического научного знания в коллективном сознании исследователей актуализировалась потребность в системном познании закономерностей преступной деятельности. Этот период хронологически совпал со временем разработки теоретических основ криминалистической методики как раздела криминалистики, осознания самостоятельности и обособленности знаний в сфере расследования отдельных видов и групп преступлений по отношению к криминалистической тактике.

Действительно, с точки зрения законов диалектики именно глубинное научное познание особенностей криминальной деятельности, отражающей механизм совершения преступлений определенной группы, является неотъемлемым условием разработки научно обоснованных, рациональных и эффективных криминалистических рекомендаций по успешному расследованию преступлений. Сам по себе данный тезис о необходимости владения следователем информацией об особенностях совершения преступлений различных категорий и / или о характерных чертах личности типичных преступников, совершающих определенные виды преступлений, для всестороннего и тщательного расследования конкретного преступления, не является новым. Так, еще один из пионеров криминалистики, Ганс Гросс [4], в своем знаменитом труде, наряду с вопросами технико-криминалистического и тактико-криминалистического характера, специально рассматривал особенности совершения отдельных преступлений (убийств и причинения вреда здоровью, краж, мошенничества, поджогов), а также давал подробную характеристику различным приемам преступников и определенным типам подозреваемых, обвиняемых, отличающихся явно выраженными психологическими, социально-демографическими, духовно-нравственными и иными особенностями. На наш взгляд, представляет неподдельный интерес во многом актуальная и в наши дни психолого-криминалистическая характеристика цыган, привлекаемых в качестве подозреваемых или обвиняемых. Предлагаемые Г. Гроссом и иными виднейшими криминалистами рекомендации являлись, несомненно, практически полезными, а в период подготовки и издания указанного труда – без преувеличения, бесценными для судебных следователей. Тем не менее они не имели под собой надлежащей теоретико-методологической платформы, отражающей закономерности преступной деятельности.

Поэтому само по себе признание криминалистической методики расследования отдельных групп в качестве самостоятельного раздела криминалистики и рассмотрение криминалистической характеристики соответствующей группы преступлений в качестве ее неотъемлемого и первоначального элемента были восприняты с энтузиазмом научной общественностью.

Однако в процессе последовавшей далее активной разработки понятия, сущности, содержания и структуры криминалистической характеристики преступления не обошлось без ошибок и заблуждений. Одни авторы придавали преувеличенное значение данному понятию, другие – чрезмерно расширяли его структуру и содержание. Вообще, изначально среди сторонников учения о криминалистической характеристике преступлений единство взглядов ограничивалось лишь общей трактовкой этой абстракции в качестве модели систематизированного отражения преступной деятельности в сфере совершения определенной

группы преступлений. Что же касается структуры ее элементов, их содержания и соотношения между собой, то здесь наблюдалось и наблюдается до настоящего времени сосуществование различных научных позиций, представители которых продолжают между собой предметную научную полемику.

Стремясь охватить этим термином максимально возможный объем информации, отдельные авторы включали в структуру криминалистической характеристики самые различные элементы, что иногда, как констатировал А.Ф. Лубин, напоминало «показательные соревнования» по количеству элементного состава криминалистической характеристики [5. С. 94]. Но при этом далеко не всегда такой подход оказывал положительный эффект. Например, сведения о распространенности и общественной опасности определенной группы преступлений (трактуемые отдельными авторами в качестве элемента криминалистической характеристики преступлений) [6. С. 93–97] носят чисто криминологический характер. Состояние борьбы с преступностью определенного вида может учитываться при разработке криминалистической характеристики определенной группы преступлений лишь частично, точнее сказать – опосредованно. А именно: в криминалистической характеристике должны приводиться как таковые не показатели раскрываемости преступлений определенного вида, а типичные, применяемые виновными способы и приемы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, затрудняющие деятельность дознавателей и следователей. Характеризуя особенности личности типичного преступника применительно к определенной категории преступлений, следует не механически заимствовать положения криминологии, предлагающие криминологическую характеристику аналогичных преступлений (что, к сожалению, нередко наблюдалось в различных научных и учебных опубликованных трудах), а творчески ее перерабатывать с учетом различия предметов научного познания криминалистики и криминологии. Указанные науки, одновременно изучая одни и те же явления – преступность и лиц, совершивших преступления, тем не менее, рассматривают их с точки зрения кардинально различных аспектов.

Так, криминология, исследуя преступность как сложное социальное явление в целом, выявляет типичные причины и условия совершения преступлений в целях разработки мер профилактического характера. Криминалистика тоже изучает закономерности механизма совершения определенной группы преступлений. Но эти знания необходимы для разработки криминалистических рекомендаций по рациональной и эффективной организации расследования, тактически верному моменту для возбуждения уголовного дела или принятия иного процессуального и тактического решения в ходе предварительного расследования, тактических особенностей проведения отдельных следственных действий, типичных для расследования соответствующей категории преступлений.

Таким образом, познание закономерностей противоправной деятельности с точки зрения криминалистики служит необходимым этапом для разработки диалектически обусловленных механизмом преступления рекомендаций по совершенствованию расследования преступлений. Поэтому содержание криминалистического и криминологического изучения преступности не совпадает по ряду признаков. Обстоятельства отдельных групп преступлений интересуют криминалистику постольку, поскольку они отражают способы приготовления, совершения и сокрытия преступлений, характерную следовую картину, указывают на причастность к соответствующему деянию конкретных лиц либо свидетельствуют о типичных психологических, физических, физиологических, демографических, профессиональных и иных чертах личности преступника. Соответственно, и отдельные вышеуказанные особенности личности типичного преступника будут полезны в познавательном отношении не столько сами по себе, сколько в соотношении и во взаимосвязи с другими элементами, характеризующими механизм данного деяния.

Некоторые авторы считают целесообразным включать в структуру криминалистической характеристики преступлений или в структуру частной методики расследования уголовно-правовую характеристику соответствующего вида преступлений [7. С. 514, 515]. В специальной литературе также иногда встречается подход, согласно которому авторы, излагая содержание криминалистической характеристики определенного вида преступления, фактически восполняют его данными уголовно-правового и криминологического характера. Еще одна позиция заключается в расширении содержания и структуры криминалистической характеристики преступлений за счет данных о следственной ситуации, типичных поводов для возбуждения уголовного дела и / или характеристики исходной информации, обстоятельств, подлежащих установлению и т.д. [8. С. 147].

Мы поддерживаем точку зрения о том, что подобный взгляд перегружает, во многом обесценивает криминалистическую характеристику как научную абстракцию, объединяющую в систему именно криминалистически значимые признаки определенной группы преступлений, закономерно связанные между собой. Чрезмерное расширение содержания и структуры криминалистической характеристики преступлений путем компиляции данных из иных разделов криминалистической методики, а особенно за счет сведений, относящихся к другим наукам, а то и вовсе общеизвестных знаний, закономерно способствовало кризису данной дефиниции.

Как известно, наиболее остро и категорично по данному поводу высказался Р.С. Белкин [9], полностью разочаровавшись в научной и практической ценности криминалистической характеристики преступлений. Назвав криминалистическую характеристику преступлений фикцией, «фантомом», он предложил отказаться от ее дальнейшего применения и вернуться вместо нее к указанию в качестве первого структурного элемента частной криминалистической методики специфических особенностей обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о соответствующей категории преступлений [Там же. С. 222, 223].

Незадолго до этого в своем переизданном трехтомном «Курсе криминалистики» [8. С. 146–148] Р.С. Белкин весьма категорично утверждал о невозможности сосуществования в рамках частной криминалистической методики одновременно таких структурных элементов, как криминалистическая характеристика преступлений и перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, склоняясь скорее в пользу криминалистической характеристики преступлений.

Однако, несмотря на бесспорный авторитет профессора Р.С. Белкина в формировании теоретических основ криминалистического знания, большинство исследователей вполне обоснованно не стали отказываться от дальнейшей разработки криминалистической характеристики преступлений как структурного элемента частной криминалистической методики [10. С. 105–108; 11. С. 10–16; 12. С. 19–29; 13. С. 103–111], продолжая рассматривать этот ее элемент в качестве первоначального. Другое дело, что кризис указанной научной абстракции позволил выявить различные, в том числе вышеназванные, заблуждения, являющиеся неизбежными спутниками научного поиска.

Многие авторы в своих публикациях обосновали нецелесообразность замены криминалистической характеристики преступлений перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению) вследствие разной направленности данных понятий [3. С. 43, 44]. Действительно, несмотря на их внешнее сходство, эти понятия опосредуют решение разных теоретико-прикладных задач, поэтому правильнее говорить об их сосуществовании в рамках самостоятельных элементов частной криминалистической методики, а не о преимуществе какого-либо из них перед другим.

Вместе с тем некоторые исследователи, не отрицая научной и практической значимости категории криминалистической характеристики преступлений, предложили все же считать первичным в структуре частной криминалистической методики перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению), по сравнению с криминалистической характеристикой преступлений [14. С. 33–36]. Такой подход, по их мнению, сориентирует следователей, придаст изучению частной криминалистической методики более целенаправленный характер.

Уважая научные взгляды каждого исследователя, все же выразим несогласие с подобной научной позицией. Всякий исследовательский процесс подчиняется общим закономерностям методики и методологии научного познания. Как уже отмечалось, разработка криминалистических рекомендаций организационного и тактического характера подчиняется диалектическим законам. Результаты познания закономерностей механизма того или иного вида преступления на основе выявленных статистических показателей (характеризующих конкретные элементы механизма преступления) и зависимостей между ними аккумулируются в криминалистической характеристике преступлений. Воплощенные в форме криминалистической характеристики закономерности преступной деятельности являются одним из действенных информационных источников не только в отношении восполнения неизвестных на определенный момент сведений по уголовному делу (материалам проверки сообщения о преступлении), но и при планировании расследования, выборе тактически эффективных средств воздействия на следственную ситуацию в целом или на отдельные ее элементы в частности (например, выбор тактически эффективных приемов допроса с учетом раскрытых в криминалистической характеристике криминалистически значимых особенностей личности подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего по конкретным категориям уголовных дел).

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению), на наш взгляд, является одним из элементов, носящих скорее организационный характер. Ибо данный перечень, напрямую способствуя всестороннему и полному расследованию преступления, служит информационной основой для планирования расследования, а именно выбора следственных действий (в том числе серии следственных действий, объединенных в рамках тактической комбинации), постановки тактических задач, определения допустимых и эффективных тактических приемов по их разрешению. Поэтому полагаем гносеологически необходимым расположение в структуре частной криминалистической методики перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (установлению), после криминалистической характеристики преступлений.

Пытаясь преодолеть кризис категории «криминалистическая характеристика преступлений», некоторые авторы пошли по пути её замены другими понятиями, а именно механизм преступления, информационная (криминалистическая) модель преступления (А.М. Кустов, В.Я. Колдин и др.). Вместе с тем предметный анализ соотношения предлагаемых исследователями вышеуказанных понятий со ставшим за десятилетия привычным понятием криминалистической характеристики преступления показывает, что содержательно эти понятия изучают в аналогичном аспекте одну и ту же группу явлений, т.е. совпадают. Весьма наглядно и подробно это представлено в цикле работ С.И. Коновалова [15; 16. С. 72–121].

На наш взгляд, это совпадение наиболее очевидно при сопоставлении сущности и содержания понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «информационная модель преступлений». Несколько иным представляется соотношение понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступлений»: имея сходство в содержательном аспекте, понятия «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступлений» являются разноплановыми, образно говоря, олицетворяющими «две стороны одной медали». Механизм преступления отражает динамический характер преступной деятельности; систематизированные результаты его научного познания в завершенном и более статичном состоянии представлены в форме криминалистической характеристики преступления.

Таким образом, мы считаем возможным поддержать мнение о том, что целесообразна не смена проанализированных выше понятий (криминалистической характеристики преступления, механизма преступления, обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию), информационной модели преступле-

ния), поскольку это – экстенсивный путь, а более продуктивное использование их научных потенциалов. Для обозначения результатов комплексного изучения выявленных закономерностей противоправной деятельности целесообразно употреблять традиционный термин «криминалистическая характеристика преступления», систематизировано и с учетом коррелятивных зависимостей отражающий закономерности совершения определенной группы преступлений. Кроме того, в целях предотвращения дальнейшего «размывания» и научного «обесценивания» понятия криминалистической характеристики преступлений посредством компиляции данных из иных областей знаний, следует принять за основу предложение раскрывать все элементы этой научной абстракции «в аспекте оставляемых следов» [16. С. 53].

В порядке уточнения данной, в целом верной, рекомендации отметим, что поскольку особенности оставляемых следов (особенности механизма следообразования) большинством авторов вполне правомерно признаются в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений, то понятие «следы» необходимо трактовать не в узком технико-криминалистическом, а в широком смысле, как любые изменения, связанные с актом преступной деятельности. Соответственно, при конструировании всех элементов криминалистической характеристики и при рассмотрении собственно одного из элементов следует конкретизировать эту рекомендацию. Это позволит предотвратить терминологическую путаницу, которая может возникнуть при одновременном употреблении понятий «особенности оставляемых следов» в широком и в узком смыслах.

Кроме того, не вполне вписывается в пожелание рассматривать «в аспекте оставляемых следов» содержание элементов, характеризующих особенности личности типичных преступников и потерпевших. Следует учитывать, что криминалистически значимые особенности личности предполагают систематизированное изложение психологических, демографических, социальных, профессиональных и иных свойств, присущих личности виновных и потерпевших, однако не всегда те или иные свойства непосредственно и напрямую проявляются в конкретном акте совершенного преступления. Представляется, что каждый элемент криминалистической характеристики преступлений следует раскрывать не «в аспекте оставляемых следов», а с точки зрения совокупности признаков, факторов, особенностей, значимых для установления всех обстоятельств преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с.
2. *Сергеев Л.А.* Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. 16 с.
3. *Головин А.Ю.* Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 43–55.
4. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
5. *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород : НЮИ МВД России, 1997. 336 с.
6. *Герасимов И.Ф.* Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы науч.-практ. конф. М., 1976. С. 93–97.
7. *Шурухнов Н.Г.* Криминалистика : учеб. М. : Эксмо, 2005. 718 с.
8. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 480 с.
9. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА (Изд-я группа НОРМА – ИНФРА*М), 2001. 240 с.
10. *Варданян А.В., Мельникова О.В.* Криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота немаркированной алкогольной продукции // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 4. С. 105–108.
11. *Варданян А.В., Гнетнев И.Г.* Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2. С. 10–16.
12. *Коновалов С.И.* Проблемы определения системообразующего критерия при формировании структуры криминалистической характеристики преступлений // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвуз. сб. науч. тр. Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2007. Вып. 6. С. 19–29.
13. *Бондаренко Ю.А., Коновалов С.И.* Анализ некоторых элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с пожарами // Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи: материалы Всероссийского «круглого стола». Ростов н/Д : ДЮИ, 2011. С. 103–111.
14. *Фирсов Е.П.* Типовая структура методик расследования отдельных видов преступления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М. : Спарк, 2003. Вып. 1 (5). С. 30–36.
15. *Коновалов С.И.* Историко-логический анализ развития понятий криминалистической характеристики и механизма преступлений // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». Тула, 2001. Вып. 4. С. 156–162.
16. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д : Изд-во РЮИ, 2001. 207 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 ноября 2014 г.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CRIMES AS SYSTEMATIC REFLECTION OF CRIMINAL ACTIVITY MECHANISM: RESULTS OF SCIENTIFIC DEBATES

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 153-157. DOI: 10.17223/15617793/389/25

Ayvazova Olga V. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rosotv-on-Don, Russian Federation). E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Keywords: criminology; private structure of forensic techniques; criminological characteristics of crimes; criminal activity; mechanism of criminal activity.

Genesis and elaboration of the category "criminalistic characteristic of crimes" pass some stages which reflect introduction of this notion into the scientific form: active elaboration of the concept of criminalistic characteristic of a crime, crisis of this study, post-crisis period. However, the overstated significance of this characteristic given by some authors along with a range of theoretical and methodological errors contributed to the elaboration of this scientific notion in an extensive way, which includes compilation of knowledge from law-related fields (in particular, criminal law and criminology, despite the fact that the content of criminalistic, criminal and criminological aspects do not coincide in some features). The result of this action is a proposal to replace the criminalistic characteristic of a crime by a number of circumstances which should be proven in the structure of particular criminalistic methods. This replacement is not correct because of different meanings of these notions. There are some critical remarks over the intention to place a range of circumstances which should be proven (established) in the structure of particular criminalistic methods, whereas it does not consider dialectical rules which are the basis of perception of the logical nature of a crime. It is inappropriate to replace the notion "criminalistic characteristic of a crime" with such notions as "mechanism of a crime", "informational (criminalistic) form of a crime" and so on. It is necessary not to replace the notions but to use their scientific potential in a more productive way. In order to prevent further scientific depreciation of the notion "criminalistic characteristics of a crime" it is essential to take the already existing approach as the scientific basis which consists in revealing of all its elements "in the aspects of given traces". The notion "traces" should be interpreted in its broad meaning as any changes related to the act of criminal activity. Consequently, every element of the criminalistic characteristic of a crime should be revealed in the aggregate of features, facts, particularities significant for establishment of all circumstances of a crime.

REFERENCES

1. Kolesnichenko A.N. *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* . Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Scientific and legal basis for the investigation of certain types of crimes. Abstract of Law Dr. Diss.]. Kharkov, 1967. 28 p.
2. Sergeev L.A. *Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy, sovershaemykh pri proizvodstve stroitel'nykh rabot* . Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Investigation and prevention of thefts committed in the production of construction works. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 1966. 16 p.
3. Golovin A.Yu. Forensic characteristics of crime as a category of modern criminalistics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki,* 2012, no. 1-2, pp. 43-55. (In Russian).
4. Gross G. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki* [Guidelines for forensic investigators as a system of criminology]. Moscow: LeksEst Publ., 2002. 1088 p.
5. Lubin A.F. *Mekhanizm prestupnoy deyatel'nosti. Metodologiya kriminalisticheskogo issledovaniya* [The mechanism of criminal activity. The methodology of forensic investigation]. N. Novgorod : NYuI MVD Rossii Publ., 1997. 336 p.
6. Gerasimov I.F. [Criminological characteristics of crimes in the technique of investigation]. *Metodika rassledovaniya prestupleniy (obshchie polozheniya) : materialy nauch.-prakt. konf.* [Methods of investigation of crimes (general): Proc. of the scientific and practical conference]. Moscow, 1976, pp. 93-97. (In Russian).
7. Shurukhnov N.G. *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 718 p.
8. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki : v 3 t.* [Criminology course. In 3 vols.]. Moscow: Yurist" Publ., 1997. Vol. 3, 480 p.
9. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Forensic science: problems of today. Topical issues of Russian criminology]. Moscow: NORMA Publ., 2001. 240 p.
10. Vardanyan A.V., Mel'nikova O.V. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota nemarkirovannoy alkogol'noy produktsii [Forensic characterization of crimes in trafficking unmarked alcoholic beverages]. *Yurist" -Pravoved",* 2008, no. 4, pp. 105-108.
11. Vardanyan A.V., Gnetnev I.G. Concept, the meaning and structure of forensic characterization of crimes against life and health committed by persons with mental disorders not excluding responsibilities. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2013, no. 2-2, pp. 10-16. (In Russian).
12. Konovalov S.I. *Problemy opredeleniya sistemoobrazuyushchego kriteriya pri formirovanii struktury kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy* [The problem of determining the system criterion in forming the structure of forensic characteristics of crimes]. In: *Problemy kriminalisticheskoy nauki, sledstvennoy i ekspertnoy praktiki* [Problems of forensic science, investigation and expert practice]. Omsk : Izd-vo Omsk. akad. MVD Rossii Publ., 2007. Issue 6, pp. 19-29.
13. Bondarenko Yu.A., Konovalov S.I. *Analiz nekotorykh elementov kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, svyazannykh s pozharami* [Analysis of some elements of criminological characteristics of crimes related to fires]. In: *Antiobshchestvennyy obraz zhizni i prestupnost' molodezhi: materialy Vserossiyskogo "kruglogo stola"* [Anti-social lifestyle and youth crime: Proceedings of the All-Russian "round table"]. Rostov-on-Don: DyuI Publ., 2011, pp. 103-111.
14. Firsov E.P. Tipovaya struktura metodik rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniya [The typical structure of methods of investigation of certain types of crimes]. *Vestnik kriminalistiki*, 2003, no. 1 (5), pp. 30-36.
15. Konovalov S.I. Istoriko-logicheskiy analiz razvitiya ponyatiy kriminalisticheskoy kharakteristiki i mekhanizma prestupleniy [Historical and logical analysis of the concepts of criminological characteristics and mechanism of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sovremennye problemy zakonodatel'stva Rossii, yuridicheskikh nauk i pravookhranitel'noy deyatel'nosti"*, 2001, no. 4, pp. 156-162.
16. Konovalov S.I. *Teoretiko-metodologicheskie problemy kriminalistiki* [Theoretical and methodological problems of criminology]. Rostov-on-Don: Izd-vo RyuI Publ., 2001. 207 p.

Received: 7 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 158–161 DOI: 10.17223/15617793/389/26

УДК 343.98

О.И. Андреева

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Показано криминалистическое значение психофизиологического исследования с использованием полиграфа в выявлении идеальных следов преступления. Рассматриваются особенности и порядок проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Обозначены этапы психофизиологического исследования и раскрыто их содержание. Кроме того, рассмотрены проблемы, возникающие при производстве психофизиологического исследования, влияющие на достоверность полученных результатов.

Ключевые слова: психофизиологическое исследование; этапы психофизиологического исследования; полиграф; идеальные следы.

Следствием развития науки, искусства, техники и ремесла является возникновение новых направлений исследования, нацеленных на выявление идеальных следов преступления.

Разработка и внедрение в практику новых исследований порождают ряд проблем, связанных с их осуществлением. Одним из таких исследований является психофизиологическое исследование с использованием полиграфа.

Нормативное закрепление психофизиологическое исследование получило в приказе МВД России от 12 сентября 1995 г. № 353 «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел», Инструкции «О порядке применения полиграфа при опросе граждан», утвержденной Генеральной прокуратурой, ФСБ и МВД РФ и зарегистрированной 28 декабря 1994 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации, а также в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Дальнейшую конкретизацию вопросы использования полиграфа получили в письме Генеральной прокуратуры России № 28-15-05 от 14 февраля 2006 г. «Обобщение практики использования возможностей полиграфа при расследовании преступлений» и др.

Несмотря на длительный срок и повсеместное использование психофизиологического исследования для получения криминалистически значимой для уголовного дела информации, остаются нерешенными вопросы о юридической природе психофизиологического исследования, его роли в уголовном судопроизводстве, а также значении для расследования преступлений.

По мнению Ю.И. Холодного [1. С. 26], с использованием полиграфа осуществляется судебно-психофизиологическая экспертиза. На взгляд А.Р. Белкина [2. С. 16], психофизиологическое исследование на полиграфе не может считаться экспертизой. К такому же выводу пришел Экспертно-консульта-тивный совет при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, согласно заключения которого использованием полиграфа в качестве средства получения доказательств в уголовном судопроизводстве недопустимо и противоречит Конституции РФ [3]. Психофизиологическое исследование памяти как метод криминалистической диагностики рассматривает А.Ю. Николаев [4. С. 16, 17]. В научной литературе можно встретить предложение об использовании полиграфа в качестве технического средства фиксации психофизиологии лица, дающего показание [5. С. 121, 122]. Новое следственное действие – проверку показаний на полиграфе – предлагает предусмотреть В.А. Семенцов [6. С. 136–138].

Различна и практика использования в уголовном судопроизводстве результатов психофизиологического исследования на полиграфе. Так, в соответствии с апелляционным определением Верховного Суда РФ от 29.01.2014 № 66-АПУ13-85СП «психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей». В кассационном определении Верховного Суда РФ от 26.05.2011 № 81-О11-49 указано, что «имеющиеся в деле заключения “специалиста с правом работы с полиграфными устройствами при опросе граждан” К., которые судом расценены как “заключения эксперта”, не могут быть признаны таковыми, поскольку не отвечают требованиям, предъявляемым законом к заключению эксперта». В то же время кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 72-011-3 психофизиологическое исследование (в определении – экспертиза) с использованием полиграфа фактически было признано допустимым доказательством по делу.

Между тем стоит поддержать Н.Н. Апостолову в том, что «полиграф если и может использоваться в уголовном судопроизводстве, то только в качестве технического средства фиксации психофизиологического состояния дающего показания лица, аналогично фонограмме, аудио- или видеозаписи допроса. И ни в коем случае – как научно-техническое средство для проведения экспертного исследования» [7. С. 65].

В этой связи имеют практическое значение тактические особенности проведения психофизиологического исследования на полиграфе.

При производстве психофизиологического исследования полиграфолог интерпретирует психофизиологические реакции опрашиваемого лица на те или иные воздействия и выносит суждение о наличии в памяти человека идеальных следов какого-либо события или его фрагментов, что позволяет следователю

сохранять уверенность в правильности выдвижения версии. Как следствие, применение полиграфа должно допускаться только с добровольного согласия допрашиваемого и после предварительной консультации с адвокатом.

Тактической особенностью психофизиологического исследования является то, что передача информации от полиграфолога должна вызывать наиболее сильную эмоциональную реакцию испытуемого на определенные вопросы, подлежащие однозначному объяснению. С точки зрения достоверности и надежности результатов применения полиграфа тактический аспект оказывается решающим. По своей природе, как указывает О.В. Белюшина [8. С. 28], такое воздействие могут оказывать не только слово или изображение, но и схожие с воздействием действия следователя (например, его приближение к тому или иному предмету во время следственного действия). Проблема в данном случае состоит в правильной формулировке вопросов и точном анализе психофизиологических реакций на эти вопросы. При этом является важным строгое соблюдение методик проведения психофизиологического исследования и правил оценки полученных результатов. В этой связи стоит сказать, что в литературе отмечается отсутствие «единого научно-методического подхода к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, профессиональной подготовке и специализации полиграфологов» [9. С. 11].

Кроме постановки вопросов полиграфологом, большое значение имеет и сама процедура исследования, так как достоверность результатов психофизиологического исследования в значительной степени зависит от созданных оператором конкретных условий. Важно вызвать у опрашиваемого осознание невозможности ввести в заблуждение полиграфолога. В связи с этим психофизиологическое исследование с использованием полиграфа состоит из нескольких этапов.

Первый этап – это предтестовая беседа, которая считается обязательным компонентом процедуры проверки на полиграфе. Во время беседы опрашиваемого знакомят с деталями предстоящего исследования, с ним обсуждаются вопросы, правила его поведения во время тестирования, одновременно создается необходимая атмосфера психологического контакта. Беседа призвана успокоить невиновного или вызвать напряженность у человека, собирающегося скрыть правду. Необходимо учитывать психологическое состояние лица, подлежащего опросу, особенности его поведения. Наблюдение за поведенческими реакциями опрашиваемого перед началом опроса на полиграфе и в момент его проведения могут в значительной мере способствовать успешному выявлению скрываемой информации.

Между тем следует учитывать отмеченные в практике случаи, когда из-за психического перевозбуждения, вызванного длительными допросами, необоснованными обвинениями или иными негативными воздействиями, лица, подвергнутые исследованию с помощью полиграфа, оговаривали себя, а позднее выяснялась их непричастность к преступлениям [10. С. 28]. Кроме того, в литературе отмечается, что «помимо специально подготовленных лиц, полиграф с легкостью “обходят” социопаты, в ряде случаев несовершеннолетние и пожилые лица, патологические лгуны, профессиональные актеры, лица с признаками маниакально-депрессивного синдрома или шизофрении» [11. С. 14].

Второй этап заключается в проведении стимулирующего теста, необходимого для демонстрации опрашиваемому работы полиграфа и возможности с помощью него определить скрываемую информацию. Цель стимулирующего теста – убедить проверяемого в точности показаний прибора, дифференцировать его реакции на различные вопросы во время испытания.

Третий этап – непосредственное проведение тестирования в строго определенной последовательности и в соответствии с научно-обоснованными методиками, описанными в научной литературе, апробированными в исследовательской практике.

Завершающий этап состоит в оглашении результатов исследования опрашиваемому. При этом, на наш взгляд, в случае сомнений в искренности опрашиваемого следователь может провести тактическую комбинацию, состоящую из последующего допроса и, по возможности, очной ставки, направленной на его признание или сообщение дополнительной информации.

Во многом теоретическое осмысление тактической и уголовно-процессуальной сторон методики психофизиологического исследования и ее результатов должно строиться на учете природы идеальных следов. При этом следует иметь в виду вероятностную взаимосвязь между психическими и физиологическими явлениями.

В криминалистике устоялось мнение, что идеальные следы, в сравнении с материально фиксированными, обладают тремя отличиями, а именно:

– идеальные следы недоступны для их непосредственного исследования;

– доступ к исследованию идеальных следов возможен только после его материализации (осуществляется человеком, владеющим этим следом, путем его устной или письменной речи либо двигательной активности (рисунка, схемы);

– материализованные идеальные следы более информативны, поскольку способны отражать такие характеристики (обстоятельства) событий внешнего мира, которые не могут быть отражены в материально фиксированных следах [12. С. 206].

На наш взгляд, идеальные следы подвергаются постоянному видоизменению. Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа позволяет исследовать и объективировать идеальные следы. Как отмечается в специальной литературе, при этом необходимо учитывать: условия и обстоятельства восприятия, запоминания и воспроизведения человеком события внешнего мира; физическое и эмоциональное состояние человека, его культурные и национальные особенности; возможность умышленного искажения идеальных следов при их

материализации, обусловленное мотивами или интересами человека [13. С. 296]. Между тем полагаем, что искажаются не идеальные следы: они остаются в памяти лица, что позволяет затем, проводя допрос, используя тактическую комбинацию (операцию), получить правдивые показания, склонив лицо к сотрудничеству со следствием.

На основании изложенного, следует поддержать утверждение А.Р. Белкина о том, что «нет нужды отрицать возможности полиграфа в деле получения ориентирующей информации, пусть не являющейся доказательством, однако способной принести пользу при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий и т.п.» [2. С. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Холодный Ю.И.* Методические средства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 26–32.
2. *Белкин А.Р.* Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или Еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 14–20.
3. URL: http://expert-council.narod.ru/olderfiles/1/Zakljuchenie_skan.pdf
4. *Николаев А.Ю.* Писихофизиологическое исследование памяти как метод криминалистической диагностики // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 14–17.
5. *Винницкий Л.В., Шинкевич Н.Е.* Криминалистическая виктимология. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2005.
6. *Семенцов В.А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132–138.
7. *Апостолова Н.Н.* Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 64–66.
8. *Белюшина О.В.* Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа // Вестник полиграфолога. 2008. № 5. С. 24–29.
9. *Холодный Ю.И.* Совершенствование методического обеспечения криминалистических исследований с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. № 1. С. 10–12.
10. *Холодный Ю.И.* Методические средства судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 26–32.
11. *Кубанцев С.П.* Полиграф: законодательная регламентация и перспективы использования // Адвокат. 2013. № 9. С. 33–38.
12. *Холодный Ю.И.* Опрос с использование полиграфа и психическое отражение // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2001. Вып. 18. С. 205–209.
13. *Холодный Ю.И., Подшибякин А.С.* Криминалистическая полиграфология – новое направление в криминалистике, занимающееся исследованием «идеальных следов» // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21.07.2002 г. : сб. материалов к 200-летию МВД России. Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2002. С. 290–299.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2014 г.

THE PROBLEMS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH: A CRIMINOLOGICAL ASPECT

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 158-161. DOI: 10.17223/15617793/389/26

Andreeva Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Keywords: psychophysiological research; stages of psychophysiological research; polygraph; ideal traces.

The development and promotion of new research result in new problems. Psychophysiological research with the use of a polygraph is one of such examples. It has been commonly used for a long time and its purpose is to obtain criminalistic information which is significant for the criminal case. However, the problems of legal nature of psychophysiological research, its role in criminal procedure and legal immunity of people under interrogation have not been resolved yet. A polygraph can be used in criminal procedure as technical equipment for the fixation of the psychophysiological state of a testifying person to obtain some information necessary for the planning of investigation, setting out and examining investigative leads. Thus, the tactical peculiarities of psychophysiological research are of practical importance. The polygraph interprets psychophysiological reactions of a testifying person to different impacts and states the presence of ideal traces of a definite event or its elements in the memory of a person. This enables the investigator to be sure in the correctness of their lead. The polygraph can be used only on the voluntary consent of the person under interrogation and after a consultation with their lawyer. It has been noted that the procedure of research is as important as the questions asked by a polygraphist. Psychophysiological research with the use of a polygraph consists of several stages: a pre-test conversation; a stimulating test; testing in a strict sequence and in accordance with scientifically proved methods which are described in scientific literature and officially accepted; announcement of test results to the person under examination. Both the theoretical analysis and the analysis of the criminal procedural aspect of psychophysiological research and its results should be made taking into account the nature of ideal traces. It is necessary to bear in mind the possible relationship between psychic and physiological phenomena. Ideal traces are always changing. Psychophysiological research with the help of a polygraph enables us to examine and objectify ideal traces.

REFERENCES

1. Kholodnyy Yu.I. Improvement of methods support of forensic science studies with application of polygraph. *Yuridicheskaya psikhologiya,* 2014, no. 2, pp. 26-32. (In Russian).
2. Belkin A.R. Dopustimost', dostovernost', protsessual'naya prigodnost', ili Eshche raz o roli poligrafa v ugolovnom sudoproizvodstve [Admissibility, reliability, procedural suitability or once again on the role of the polygraph in criminal proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo,* 2013, no. 2, pp. 14-20.
3. Available at: http://expert-council.narod.ru/olderfiles/1/Zakljuchenie_skan.pdf.
4. Nikolaev A.Yu. Pisikhofiziologicheskoe issledovanie pamyati kak metod kriminalisticheskoy diagnostiki [Psychophysiological memory research as a method of forensic diagnostics]. *Yuridicheskaya psikhologiya*, 2011, no. 4, pp. 14-17.
5. Vinnitskiy L.V., Shinkevich N.E. *Kriminalisticheskaya viktimologiya* [Forensic victimology]. Chelyabinsk : Poligraf-Master Publ., 2005. 564 p.
6. Sementsov V.A. New investigation activity - examination of evidence using polygraph. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2010, no. 5, pp. 132-138. (In Russian).

7. Apostolova N.N. Primenenie poligrafa v ugolovnom sudoproizvodstve [The use of polygraph in criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya,* 2012, no. 6, pp. 64-66.
8. Belyushina O.V. Psikhofiziologicheskaya ekspertiza s ispol'zovaniem poligrafa [Psychophysiological examination using polygraph]. *Vestnik poligrafologa*, 2008, no. 5, pp. 24-29.
9. Kholodnyy Yu.I. Improvement of methods support of forensic science studies with application of polygraph. *Yuridicheskaya psikhologiya,* 2014, no. 2, pp. 26-32. (In Russian).
10. Kholodnyy Yu.I. Methodological means of judicial-psychophysiology expert evaluation with application of polygraph. *Yuridicheskaya psikhologiya,* 2014, no. 2, pp. 26-32. (In Russian).
11. Kubantsev S.P. Polygraph: legal regulation and prospects of use. *Advokat*, 2013, no. 9, pp. 33-38. (In Russian).
12. Kholodnyy Yu.I. Opros s ispol'zovaniem poligrafa i psikhicheskoe otrazhenie [Interrogation with the use of polygraph and psychological reflection]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. Seriya "Yurisprudentsiya"*, 2001, no. 18, pp. 205-209.
13. Kholodnyy Yu.I., Podshibyakin A.S. *Kriminalisticheskaya poligrafologiya – novoe napravlenie v kriminalistike, zanimayushcheesya issledovaniem "ideal'nykh sledov"* [Forensic polygraphology as a new direction in criminology which conducts research of "perfect traces"]. In: *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Vtoroy Vserossiyskiy "kruglyy stol", 20-21.07.2002 g.* [Forensics: current issues of theory and practice. Second All-Russian "round table", 20-21.07.2002]. Rostov-on-Don : RYuI MVD Rossii Publ., 2002, pp. 290-299.

Received: 1 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 162–165 DOI: 10.17223/15617793/389/27

УДК 343.132

Г.А. Варданян

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕМКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ОБОРОТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Рассматривается вопрос о тактико-криминалистическом значении выемки по уголовным делам о производстве и обороте фальсифицированных лекарственных средств. Анализируются следственные ситуации, при которых осуществление данного следственного действия является наиболее продуктивным. Исследуются предпосылки включения выемки в тактические комбинации и операции. Делается вывод о необходимости более активно реализовывать тактический потенциал выемки по указанной категории дел.

Ключевые слова: расследование преступлений; фальсифицированные лекарственные средства; следственные действия; выемка; тактико-криминалистические комбинации и операции.

В современных условиях продолжают сохранять огромную актуальность, массовую распространенность и высокую латентность преступления в сфере подпольного производства, хранения, перевозки и сбыта фальсифицированных лекарственных средств. На эту глобальную проблему, а также на характерные черты данной разновидности преступности мы уже обращали специальное внимание в предыдущих публикациях [1, 2]. Общественная опасность данных деяний усиливается вследствие причастности к их совершению должностных лиц и иных ответственных сотрудников легальных лечебных или фармацевтических предприятий. Вопреки своим служебным обязанностям и морально-этическим принципам эти лица активно предпринимают различные меры по переводу в незаконный оборот сильнодействующих препаратов и их субстанций, препаратов с истекшим сроком употребления [3], а равно по оптовому сбыту изготовленных в теневых условиях фальсификатов.

Организованный характер преступной деятельности в сфере теневого фармацевтического бизнеса, попытки оказания виновными серьезного противодействия расследованию, не всегда высокая надежность показаний как доказательств актуализируют потребность в обращении к тактико-криминалистическому потенциалу следственных действий, связанных с отысканием материально-фиксированных отображений доказательственной информации. Традиционно к указанной категории следственных действий относятся обыск, выемка, осмотр, следственный эксперимент и т.д. Эти следственные действия практически лишены субъективизма, элементы которого неизбежно присутствуют при даче показаний различными проходящими по делу лицами. Независимо от его причин – добросовестное заблуждение, ошибки в восприятии, забывание точных обстоятельств события с течением времени, сознательное умолчание или заведомая ложь, – такие показания в любом случае искажают объективные обстоятельства. Особенно часто эта ситуация возникает в ходе дачи показаний подозреваемыми, обвиняемыми, состоявшими в организованной группе (преступном сообществе), специализировавшейся на производстве и обороте фальсификатов медицинских препаратов, и занимающими в процессе расследования различные позиции по отношению к выдвигаемому подозрению или предъявленному обвинению: отказ от дачи показаний или запирательство – в одних случаях, попытки переложить вину на соучастников – в других, иные варианты искажения информации – в третьих. Указанная типичная ситуация, характерная для расследования уголовных дел о преступлениях названной категории, требует критического переосмысления изложенной в показаниях информации, в том числе путем ее проверки с помощью других следственных действий. В данном контексте особую значимость приобретают, прежде всего, следственные действия, направленные на отыскание материально-фиксированного отображения доказательственной информации.

Продолжая исследование в данном направлении и разрабатывая частную криминалистическую методику расследования преступлений, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, в рамках настоящей научной статьи обратимся к тактико-криминалистическому потенциалу выемки, уголовно-процессуальная регламентация которой дана в ст. 183 УПК РФ. В соответствии с нормой названной статьи, выемка есть следственное действие, направленное на изъятие предметов и документов, имеющих значение для расследования по уголовному делу. Необходимым процессуальным условием для принятия решения о производстве выемки является наличие точной информации о том, где и у кого находятся соответствующие объекты. Кроме того, поскольку в ч. 1 ст. 183 УПК РФ говорится об «определенных предметах и документах», то точная информация должна быть и в отношении конкретных объектов, подлежащих изъятию, а не «вообще» следов преступной деятельности. Законодатель в ч. 2 ст. 183 УПК РФ определяет, что порядок производства выемки в целом сходен с порядком производства обыска. Общность тактико-криминалистической природы этих следственных действий признается криминалистическим научным сообществом; не случайно в большинстве трудов учебного и учебно-методического характера тактика производства этих следственных действий рассматривается в рамках единой главы [4]. А именно: схожими следует признать мероприятия по приготовлению к проведению этих следственных действий; процесс непосредственного изъятия интересующих следствие предметов и документов (применительно к обыску такое изъятие возмож-

но либо в момент добровольной выдачи искомого лицом, в помещении которого назначен обыск, либо после нахождения искомого субъектами обыска); фиксацию результатов следственных действий.

В то же время, в отличие от выемки, обыск обладает явно выраженным поисковым характером. Диапазон объектов, в отношении которых следователь вправе организовать принудительное вскрытие при отказе обыскиваемого добровольно предоставить их для исследования, весьма широк: от входной двери до сейфов либо иного технически сложного оборудования. При обыске в максимальной степени ограничиваются конституционные права человека на личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища, во-первых, путем принудительного, независимо от желания обыскиваемого, проникновения на его территорию; во-вторых, путем активных поисковых действий в месте обыска, обследования любых предметов интерьера, предназначенных либо специально не предназначенных для хранения каких-либо объектов; в-третьих, высокой вероятностью узнавания и разглашения участниками обыска особенностей личной жизни обыскиваемого; в-четвертых, вероятностью случайного повреждения технологически сложных конструкций, в которых, по обоснованным предположениям следователя, могут находиться искомые объекты; в-пятых, принудительным, независимо от желания обыскиваемого, изъятием обнаруженных предметов и документов, имеющих, по мнению следователя, значение для дела.

Несмотря на то что проведение обыска предполагает использование значительного числа разнообразных тактических приемов по сравнению с выемкой, а на рабочем этапе производства выемки у следователя отсутствует возможность совершать действия поисковой направленности, будет ошибочным недооценивать тактический потенциал выемки в целях получения доказательственной информации, необходимой для успешного расследования производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств.

Другое дело, что, учитывая различия в тактической природе обыска и выемки, следует более тщательно подходить к вопросу их выбора в зависимости от условий конкретной следственной ситуации. Например, необходимо планировать производство обыска (а не выемки) практически в любом случае обоснованного предположения о наличии необходимых для расследования предметов или документов на территории, принадлежащей подозреваемым (обвиняемым). Таким образом, обыск целесообразно назначать во всех ситуациях, имеющих признаки конфликтности. Причем конфликт может протекать как в явной форме (лицо открыто отказывается взаимодействовать с субъектом расследования, сообщать информацию, имеющую отношение к расследованию), так и в скрытой (лицо прямо не выражает желания противодействовать, но имеются точные сведения или обоснованные предположения о негативной позиции данного лица по отношению к осуществляемому предварительному расследованию).

Помимо вышеперечисленных уголовно-процессуальных условий, предусмотренных ч. 1 ст. 183 УПК РФ, производство выемки эффективно в ситуациях, не характеризующихся конфликтным характером. Например, выемку (а не обыск) целесообразно проводить у физических лиц, официальным путем приобретших фальсификаты в аптечных или лечебно-профилактических учреждениях (в целях изъятия ненадлежащих лекарственных средств); в лечебно-профилактических учреждениях (с целью изъятия историй болезни и иных медицинских документов, отражающих врачебное назначение определенных препаратов) и т.д.

Вместе с тем было бы ошибочным утверждение, в соответствии с которым проведение выемки не требует подготовки в силу того, что это следственное действие рекомендуется проводить в ситуациях, характеризующихся минимальной степенью конфликтности либо вовсе бесконфликтных. По своей процессуальной сущности выемка – следственное действие, производимое как добровольно, так и принудительно. Если лицо, владеющее интересующими следствие предметами или документами, отказывается их добровольно выдать, то выемка производится принудительно, вопреки мнению и желанию данного лица. Однако не следует забывать, что лицо не обязательно будет выражать подобный отказ открыто. Под различными благовидными предлогами оно может уклоняться от выдачи предметов или документов, избегать контактов со следователем, казалось бы, по внешне уважительным причинам: уход в отпуск, выезд в командировку, занятость текущей производственно-хозяйственной деятельностью. Особенно это характерно для лиц – сотрудников фармацевтических или лечебно-профилактических учреждений, в ведении которых находятся документация, отражающая поступление и дальнейшее движение медикаментов, а также непосредственно сами медикаменты. В подобных случаях значение подготовительных мероприятий к производству выемки существенно возрастает.

Подготовительные мероприятия к производству выемки по делам о преступлениях в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств необходимо осуществлять в следующих направлениях. Как уже было сказано, проведение выемки целесообразно при необходимости изъятия определенных предметов или документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и у кого они находятся. Вместе с тем в ходе расследования по уголовному делу иногда возникают ситуации, при которых следователю неизвестны какие-либо индивидуальные признаки отыскиваемых предметов или документов, в отношении которых планируется выемка. Применительно к анализируемой категории уголовных дел в качестве примера возможно указать на неполноту информации о наименованиях находящихся в аптечном или стационарном лечебном заведении препаратов, имеющих признаки подделки; их сериях (партиях), правообладателях, торговую марку которых имитировали виновные, и т.п. В подобных случаях следует с помощью других следственных действий, а также с привлечением оперативных источников информации уточнить характеристики объектов, подлежащих изъятию в связи с расследованием по уголовному делу, во избежание не только изъятия многочис-

ленных объектов, не имеющих отношения к расследованию, но и необоснованного нарушения законной экономической, производственно-хозяйственной, лечебной или иной деятельности учреждения, предприятия, организации.

Изученные нами эмпирические источники по делам о преступлениях указанной категории позволили выделить наиболее типичные объекты, изымаемые путем проведения выемки: 1) разрешительная, правоустанавливающая и иная документация, отражающая наличие прав на ведение соответствующей предпринимательской или иной финансово-хозяйственной деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя; 2) документация, подтверждающая источники изготовления фармацевтических препаратов и их поступление на реализацию; 3) компьютерная и иная офисная техника, отражающая переписку участников гражданско-правовых отношений в сфере фармацевтического рынка и / или составление ими гражданско-правовых документов; 4) исходные субстанции и иные ингредиенты или оборудование для изготовления и расфасовки фальсифицированных лекарственных препаратов (при отсутствии оснований для производства обыска).

Определение точного места нахождения предметов или документов, имеющих значение для установления обстоятельств преступления, а также лица, ответственного за сохранность этих предметов или документов, осуществляется в рамках подготовки к проведению выемки. Это необходимо в целях предотвращения срыва данного следственного действия в ситуациях оказания завуалированного противодействия расследованию, имитации заинтересованными лицами «сложного документооборота или товарооборота». Законодатель прямо не говорит об источниках поступления к следователю информации о наименовании и местонахождении изымаемых предметов и документов. Это вызывает в теории и на практике разногласия в трактовке допустимости данных источников, а именно: любые ли источники информации приемлемы для констатации наличия оснований для производства выемки, либо только процессуальные?

На наш взгляд, положения ч. 1 ст. 183 УПК РФ необходимо трактовать в системном ключе: ст. 1 УПК РФ указывает, что порядок уголовного судопроизводства определяется исключительно уголовно-процессуальным законом. Поэтому юридически значимые источники информации, требующие производства выемки, также могут быть только процессуальными. Однако это не означает, что ими могут быть исключительно результаты следственных действий, ибо это будет способствовать, во-первых, «неповоротливости» процесса и «волоките» расследования; во-вторых, утрате с течением времени важной доказательственной информации. Поскольку процессуальным законом признается такое обстоятельство, как «результаты оперативно-розыскной деятельности», а также их высокий потенциал в доказывании [5. С. 61–64], то источником информации, обусловливающей принятие решения о производстве выемки, могут являться и результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные следователю в установленном порядке.

Результативность выемки по делам о преступлениях, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, обеспечивается и тактически верным выбором времени для проведения данного следственного действия. Как уже отмечалось, выемка может проводиться добровольно либо принудительно. В последнем случае для достижения цели следственного действия необходимо обеспечить внезапное производство выемки для лица, в ведении которого находятся необходимые для расследования предметы и документы, с учетом его местонахождения на рабочем месте. Выбор места производства выемки осуществляется и с учетом наличия у следователя достоверной информации о доступности для фактического изъятия необходимых предметов и документов (в случае если лицо откажется выдать их добровольно).

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, позволил выделить типичные места выемки: а) места жительства или иного постоянного пребывания лиц, которые приобрели лекарственные средства, имеющие признаки подделки, для личного употребления или для употребления их близкими лицами; б) аптечные учреждения, склады, лечебно-профилактические заведения, являвшиеся добросовестными участниками фармацевтического бизнеса, руководители которых не знали о теневом происхождении лекарственных средств, находившихся у них на реализации; в) типографии и иные места, являвшиеся добросовестными участниками гражданско-правовых отношений, где изготавливались упаковки, инструкции для фальсифицированных препаратов, потребительская тара либо иные сопутствующие материалы; г) учреждения правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, имеющих в ведении разрешительную, правоустанавливающую и иную документацию, значимую для установления обстоятельств преступной деятельности; д) места жительства или иного постоянного пребывания родственников лиц, причастных к теневому фармацевтическому бизнесу (при отсутствии оснований для производства обыска).

Резюмируя изложенное, отметим, что результаты производства выемки по делам о производстве и обороте фальсифицированных лекарственных средств, при условии тактически правильного использования потенциала данного следственного действия, являются весьма эффективным средством доказывания. Усеченный, по сравнению с обыском, арсенал тактических приемов проведения выемки обусловлен преимущественным выбором этого следственного действия в ситуациях, характеризующихся минимальной степенью конфликтогенности, чем достигается процессуальная экономия. Вместе с тем тенденции преступности в сфере подпольного фармацевтического бизнеса требуют тактически гибко использовать криминалистический потенциал выемки. А именно: подобно обыску, выемка в ряде рассмотренных в настоящей статье случаев, являясь частью тактической

комбинации по разоблачению организованной преступной деятельности, должна носить внезапный характер для лица, в ведении которого находятся необходимые для расследования документы и предметы. Это требует более тщательного подхода к выбору места и времени производства выемки, ориентированному не только на факт пребывания и доступности для изъятия конкретных объектов по определенному адресу в присутствии соответствующего ответственного лица, но и на предполагаемые (или состоявшиеся) результаты иных следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи, планируя оперативно-тактическую комбинацию как серию взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, необходимо активнее обращаться к тактическому потенциалу выемки, в том числе путем параллельного ее проведения в различных местах в сочетании с одновременным производством обысков у соучастников, входящих в организованную преступную группу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варданян Г.А.* Современные тенденции совершения преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных лекарственных средств // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 1. С. 118–121.
2. *Варданян Г.А.* Производство и оборот фальсифицированных лекарственных препаратов как глобальная проблема современного общества // Философия права. 2012. № 4. С. 120–123.
3. *Варданян А.В., Айвазова О.В.* Теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 4 (53). С. 28–31.
4. *Криминалистика* : учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. М. : Юристъ, 1999. С. 431–445.
5. *Варданян А.В.* Результаты оперативно-розыскной деятельности как источники доказательственной информации по уголовному делу // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 61–64.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 ноября 2014 г.

SPECIAL ASPECTS OF SEIZURE IN CRIMINAL CASES CONCERNED WITH PRODUCTION AND TRAFFIC OF FORGED PHARMACEUTICALS

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 162-165. DOI: 10.17223/15617793/389/27

Vardanyan Galina A. Chief Bureau for Medical and Social Expertise of Rostov Oblast (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: avazdanyan@yandex.ru

Keywords: investigation of crimes; counterfeit medicines; investigations; seizure; tactical and forensic combinations and operations.

Organized character of criminal activity in the sphere of illegal pharmaceutical business, attempts to resist the investigation, questionable reliability of testimony as evidence actualize the necessity to address to the tactical and criminalistic potential of investigatory actions related to the physically fixed reflection of evidence, in which seizure has significant meaning. Analysis of grounds and conditions of search and seizure shows the unity of tactical and criminalistic nature of search and seizure, that is why it is requested to decide what type of the named investigatory actions should be used. Although search is proposed to use greater variety of tactical techniques in comparison with seizure, it is erroneous to underestimate the tactical potential of seizure for getting evidence on the criminal case of a given category. Research of empiric resources allowed to separate most common places for seizure and typical objects in this type of cases. In the condition of tactically right use of seizure, realization of this investigatory action is a highly effective measure of evidence in cases of producing and traffic of forged pharmaceuticals. Reduced range of tactical techniques of seizure is based on the primary choice of this investigatory action in situations characterized with a minimal degree of conflicts, the result of this action is procedural economy. Similar to search, seizure is a part of the tactical technique on disclosure of criminal activity, it should have a sudden character for a person who has documents and objects important for investigation. It is essential to use a more detailed concept to choose the place, time and other conditions of seizure. When planning efficient tactical combination as a complex of related and interdependent investigatory actions and measures, it is essential to use the tactical potential of seizure, including parallel and simultaneous seizure in different places together with search of houses of accomplices who are members of an organized criminal group engaged in producing and traffic of forged pharmaceuticals.

REFERENCES

1. Vardanyan G.A. Sovremennye tendentsii soversheniya prestupleniy, svyazannykh s oborotom fal'sifitsirovannykh lekarstvennykh sredstv [Modern trends in the commission of offenses related to trafficking in counterfeit medicines]. *Yurist"-Pravoved"*, 2013, no. 1, pp. 118-121.
2. Vardanyan G.A. Production and turn of the forged medicines as a global problem of modern society. *Filosofiya prava*, 2012, no. 4, pp. 120-123. (In Russian).
3. Vardanyan A.V., Ayvazova O.V. Teoreticheskie osnovy kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, svyazannykh s oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v uchrezhdeniyakh sistemy zdravookhraneniya [Theoretical foundations of criminological characteristics of crimes related to trafficking narcotic drugs and psychotropic substances in health care]. *Yurist"-Pravoved",* 2012, no. 4 (53), pp. 28-31.
4. Yablokov N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Yurist" Publ., 1999, pp. 431-445.
5. Vardanyan A.V. Rezul'taty operativno-rozysknoy deyatel'nosti kak istochniki dokazatel'stvennoy informatsii po ugolovnomu delu [The results of operational and investigative activities as sources of evidentiary information on the criminal case]. *Yurist"-Pravoved",* 2010, no. 6, pp. 61-64.

Received: 7 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 166–170 DOI: 10.17223/15617793/389/28

УДК 347.1

В.В. Груздев

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ОБЯЗАННОГО ЛИЦА

Статья посвящена проблеме возражения обязанного лица в гражданско-правовых отношениях. Предлагается рассматривать такое возражение в качестве дебиторского правомочия, входящего в содержание самой юридической обязанности.

Ключевые слова: гражданско-правовое возражение; гражданско-правовая обязанность; дебиторское правомочие; кредиторская обязанность.

«В споре рождается истина» – этот расхожий афоризм как нельзя точно демонстрирует стремление человеческого сознания к критическому осмыслению действительности, следствием чего становится ее адекватное восприятие. Не является исключением и юридическая реальность, характеризующаяся отнюдь не редким столкновением интересов участников правового отношения с последующим разрешением спорных ситуаций, в том числе при содействии правоприменительного органа. В условиях гражданско-правового конфликта диалектический закон единства и борьбы противоположностей находит проявление в выдвижении управомоченным лицом требования об исполнении противостоящей субъективному праву обязанности и возражении на это требование обязанного лица. Только взятые в совокупности указанные требование и возражение позволяют в полной мере учесть интересы субъектов юридической связи в определении подлежащих реализации прав и обязанностей.

В сравнении с субъективным правом юридическая обязанность как в общетеоретическом, так и в отраслевом плане исследована весьма скудно. Вопрос о возражении обязанного лица на требование обладателя субъективного права является частным случаем данной малоизученной проблематики. Как справедливо подчеркивается в литературе, «слабая разработка общего учения о возражениях представляется серьезным пробелом в современной цивилистике» [1. С. 134].

В русском языке термин «возражение» означает довод, мнение против чего-нибудь, выражение несогласия с чем-нибудь [2. С. 116]. М.А. Рожкова высказала сожаление по поводу употребления в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту статьи – ГК РФ) подобного значения данного термина [3. С. 303, сн. 2].

Между тем попытка полного отказа от использования в законодательной практике определенного слова в значении, отличном от общеупотребительного («бытового», по выражению М.А. Рожковой), изначально обречена на неудачу, так как российские нормативные правовые акты издаются на официальном, русском языке.

Другое дело – наполнение словарного значения тем или иным правовым содержанием. Для решения указанной задачи требуется раскрытие существа явления, отображаемого соответствующим понятием в конкретной юридико-практической ситуации.

Так, в приведенных М.А. Рожковой примерах (п. 2 ст. 621, ст. 999, п. 3 ст. 1008 ГК РФ) правовые последствия связываются не собственно с возражениями, а с отсутствием таковых, т.е. с молчанием, выражающим юридически значимую волю субъекта принять оферту, представленную конклюдентными действиями арендатора или отчетом комиссионера (агента).

В настоящем исследовании речь пойдет о возражениях обязанного лица, являющихся обоснованием его воздержания от исполнения своей юридической обязанности. Говоря короче, о реализации возможности не исполнять обязанность.

Следует согласиться с тем, что возражение как заявление (довод, несогласие) обязанного лица выдвигается на основании принадлежащего ему возражения как признаваемой и защищаемой объективным правом возможности [1. С. 151, 152]. Следовательно, принципиальное значение приобретает вопрос о правовой квалификации означенной возможности.

В цивилистике сложились два основных подхода к решению данного вопроса: одни авторы наделяют возможность возражать качествами самостоятельного субъективного права [4. С. 924, сн. 1], другие – относят ее к какому-либо иному известному юридическому явлению, например секундарному праву [5. С. 394], охранительному праву, функциональным назначением которого является защита не снабженных исковой защитой прав [1. С. 155], и т.д.

Вместе с тем всем приведенным взглядам присущ один серьезный недостаток – их авторы не обращают должного внимания на то обстоятельство, что речь идет о возможности именно обязанного лица. А ведь данное обстоятельство наводит на мысль, что возможность возражать является составной частью, элементом самой юридической обязанности, относясь, таким образом, к роду так называемых дебиторских прав – принадлежащих обязанному лицу правомочий на определенное поведение, которые он осуществляет по собственному усмотрению. Другими словами, по логике вещей обязанному лицу возможность возражать сообщает не что иное, как лежащая на нем юридическая обязанность.

Дебиторские правомочия, составляя содержание различных юридических обязанностей, многочисленны. Это правомочия на: досрочное исполнение обязательства; выбор исполнения в альтернативном обязательстве или замену исполнения в факультативном обязательстве; возложение исполнения обязательства на третье лицо; исполнение обязательства внесением денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса или суда в случае просрочки кредитора; уменьшение размера ответственности в случаях, когда кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причинен-

ных неисполнением или ненадлежащим исполнением либо не принял разумных мер к их уменьшению; выдачу кредитором расписки в надлежащем исполнении обязательства и т.д.

Как видно, дебиторское правомочие входит в состав юридической обязанности либо с начала ее существования (например, правомочие на досрочное исполнение обязательства), либо появляется позднее при наступлении определенного обстоятельства (например, правомочие на исполнение обязательства внесением денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса или суда в случае просрочки кредитора).

Дебиторское правомочие на возражение позволяет субъекту юридической обязанности возражать против ее исполнения, причем не только посредством словесного (устного или письменного) заявления, но и конклюдентным поведением (за исключением возражений, применяемых судом ope exceptionis, о чем будет сказано ниже). В частности, обязанное лицо может возражать одним воздержанием от исполнения. Ведь при отсутствии возражений обязанность была бы исполнена. Здесь вполне уместна аналогия с «голосованием ногами», когда избиратели выражают свое несогласие с баллотирующимися кандидатами путем простого игнорирования выборов. А вот после фактического исполнения обязанности словесное несогласие утрачивает всякий смысл (как в известной поговорке «после драки кулаками не машут»)[1]. В свете изложенного представляется ошибочным ограничение М.А. Рожковой понятия возражения только заявлением обязанного лица [3. С. 304].

Поскольку сутью правомочия на возражение является возможность не согласиться в любой форме (как путем заявления, так и посредством пассивного поведения) с исполнением, постольку указанное правомочие с полным основанием можно обобщенно именовать также дебиторским правомочием на отрицание исполнения юридической обязанности.

Правомочие на возражение не является защитительной возможностью, возникающей в момент нарушения или оспаривания субъективного права (охраняемого законом интереса). Поэтому реализацию указанного правомочия ошибочно рассматривать в качестве гражданско-правовой защиты. Напротив, возражение парализует возможность принудительного осуществления субъективного права, свидетельствуя, таким образом, об отсутствии оснований для гражданско-правовой защиты противостоящего возражающему субъекта – управомоченного (заинтересованного) лица. В этой связи утверждение о том, что возражение есть второстепенная после иска форма защиты права [6. С. 247], справедливо лишь в отношении возражения как средства процессуальной защиты обязанного лица в суде.

Дебиторское правомочие на отрицание исполнения с начала существования обязательственного правоотношения входит в содержание «несозревшей» обязанности (отрицание исполнения «несозревшей» обязанности).

«Несозревшей» является обязанность, которая еще может быть не исполнена либо же не может быть исполнена, так как не наступил срок, условие исполнения, другое обстоятельство, приводящее к необходимости или допустимости исполнения (например, кредитором до предъявления требования к субсидиарному должнику не предъявлено требование к основному должнику).

Однако подавляющее большинство возражений связано с дебиторскими правомочиями, которые появляются в составе юридической обязанности уже после ее возникновения.

Так, обязанное лицо получает возможность возражать при злоупотреблении субъективным правом, корреспондирующим соответствующей юридической обязанности, а также при истечении срока исковой давности (в последнем случае речь идет об отрицании исполнения «перезревшей» обязанности).

«Перезревшей» является противостоящая субъективному праву с истекшим сроком исковой давности обязанность, которая уже может не исполняться обязанным лицом. О наличии у обязанного лица дебиторского правомочия на отрицание исполнения «перезревшей» обязанности по тем или иным мотивам может заявить и управомоченное лицо (осознанно, например, желая, чтобы суд внес ясность в содержание спорного правоотношения, или неосознанно, например, ходатайствуя о восстановлении пропущенного срока при отсутствии к тому действительных оснований). В подобных случаях обязанное лицо возражает своим конклюдентным поведением, иначе бы оно до вынесения решения об отказе в иске исполнило свою обязанность, несмотря на заявление истца об истечении исковой давности. Установление же судом оснований для восстановления срока исковой давности означает, что дебиторское правомочие на отрицание исполнения в составе юридической обязанности не возникло.

Отрицание исполнения может явиться и следствием несовершения управомоченным лицом необходимых для принятия исполнения действий, а именно неисполнения кредиторской обязанности (п. 1 ст. 406 ГК РФ).

Кредиторская обязанность входит в состав относительного субъективного права, которому противостоит юридическая обязанность должника. Неисполнение кредиторской обязанности влечет два основных последствия: 1) неисполнение юридической обязанности должником не может быть признано нарушением субъективного права, в состав которого входит неисполненная кредиторская обязанность, и 2) появление в составе юридической обязанности должника дебиторского правомочия на отрицание исполнения. Кроме того, если должнику просрочкой кредитора причиняются убытки, имеет место еще одно последствие неисполнения кредиторской обязанности – самостоятельное нарушение права лица, выступающего должником в регулятивном правоотношении, но становящегося кредитором в охранительном обязательстве. И если даже должник не исполняет свою обязанность, в принципе располагая такой возможностью (например, зная от третьих лиц о счете для зачисления денежных средств, который по условиям договора должен назвать кредитор), он не может считаться нарушившим право кредитора, поскольку последний по существу уклоняется от принятия исполнения (в

приведенном примере именно кредитор в конечном счете выбирает счет, который вполне может отличаться от известного должнику).

По мнению В.В. Кулакова, «для уяснения того, является ли обязанность юридической или кредиторской, в каждом конкретном случае необходимо проанализировать структуру обязательства на наличие особых обязанностей, за неисполнение которых наступают определенные последствия» [7].

Однако при таком подходе о сущности явления предлагается судить по его последствиями, а не наоборот, что свидетельствует о недопустимом преобладании формального в методологии исследования.

Кроме того, к кредиторским обязанностям иногда неоправданно относят юридические обязанности лица, являющегося кредитором по другому простому обязательству, входящему в состав взаимного договорного обязательства. Например, А.Е. Шерстобитов указывает, что «обязанность заказчика оказывать подрядчику содействие в выполнении работы относится к категории так называемых кредиторских обязанностей, без надлежащего выполнения которых получение результата, предусмотренного договором подряда, труднодостижимо или вообще невозможно» [8].

Кредиторская обязанность в отличие от юридической входит в состав субъективного права. Поэтому препятствия для достижения цели обязательства создаются несовершением кредитором действий, необходимых для принятия надлежащего исполнения, но отнюдь не отсутствием предоставления кредитора в пользу должника.

Так, подрядчик как обладатель права на оплату работы заинтересован в ее выполнении, для чего он наделяется также правом на известное содействие заказчика. Следовательно, отказываясь содействовать подрядчику в выполнении работы, заказчик нарушает его субъективное право. Как видно, содействие в выполнении работы и принятие выполненной работы – качественно различные понятия.

Другой пример. По договору купли-продажи покупатель обязан принять товар, иначе бы стало невозможным достижение цели взаимного договора или пришлось наделить продавца правом требовать уплаты покупной цены без предоставления эквивалента, допуская в противоречие с основными началами гражданско-правового регулирования неосновательное обогащение одного участника имущественных отношений за счет другого.

Таким образом, в сложном синаллагматическом обязательстве одна сторона, не исполняя лежащую на ней обязанность принять исполнение, неизбежно вредит субъективному праву другой стороны. В простом же обязательстве имеется только одна юридическая связка в виде обязанности должника предоставить исполнение и права кредитора на присвоение исполненного. Поэтому здесь долженствование совершения необходимых для принятия исполнения действий рассматривается в качестве кредиторской обязанности в составе субъективного права.

Отталкиваясь от изложенных соображений, можно выделить следующие существенные признаки правомочия на возражение.

Во-первых, речь идет об обоснованном в материальном смысле правомочии. Это означает, что выдвигаемые в процессе реализации данного правомочия возражения правомерно отрицают исполнение обязанности.

Во-вторых, будучи дебиторским, правомочие на возражение существует только в составе юридической обязанности, т.е. в ситуациях, когда лицо на самом деле обязано. Ведь интересующее нас возражение – это реализация правомочия на отрицание исполнения обязанности, но не самой обязанности. Отмеченное обстоятельство позволяет сделать выводы двоякого толка.

С одной стороны, к гражданско-правовым возражениям не относятся доводы, свидетельствующие об отсутствии юридической обязанности как таковой. В подобных случаях речь идет о «процессуальных» (формальных) возражениях, которые имеют лишь доказательственное значение, способствуя процессу правоприменения.

С другой стороны, вопреки господствующим представлениям за пределами гражданско-правовых возражений оказывается и отрицание исполнения обязанности посредством реализации возможности изменить или прекратить данную обязанность – так называемой преобразовательной возможности, регулятивной или охранительной (зачет, признание недействительной оспоримой сделки, оперативное воздействие, в том числе приостановление встречного исполнения или отказ от такого исполнения в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 328 ГК РФ, и т.п.). Не случайно законодатель при наличии нормы ст. 386 ГК РФ, допускающей выдвижение должником против требования нового кредитора возражений, которые он имел против первоначального кредитора, специально оговаривает в абз. 1 ст. 412 ГК РФ право должника зачесть против требования нового кредитора свое встречное требование к первоначальному кредитору.

Все дело в том, что преобразовательная возможность является элементом субъективного права, принадлежащего обязанному лицу как кредитору в данном или другом правоотношении. Поэтому для реализации преобразовательной возможности одного возражения недостаточно. Необходимо также волеизъявление, из которого бы усматривалось намерение лица воспользоваться субъективным правом, в содержание которого входит преобразовательное правомочие.

Так, один довод обязанного лица о наличии оснований для проведения зачета не прекращает обязательства, должно последовать заявление о зачете. В то же время, поскольку возможности зачета принадлежат обоим обладателям встречных однородных требований, постольку в ряде случаев допускаются возражения обязанного лица со ссылкой на наличие у кредитора правомочия на зачет по отношению к другому обязанному лицу, например к основному должнику в субсидиарном обязательстве (п. 2 ст. 399 ГК РФ).

Кроме того, в ситуациях множественности лиц в обязательстве или причастности третьего лица к обязательству (поручительство, залог, цессия, делегация) предоставление одному обязанному лицу возможно-

сти возражать путем реализации преобразовательного правомочия другого обязанного лица означало бы наделение субъекта оборота в противоречие с п. 1 ст. 9 ГК РФ функцией осуществления чужого имущественного права. Как указывал М.М. Агарков применительно к переводу долга, «новый должник может защищаться средствами, принадлежащими его предшественнику, лишь постольку, поскольку это парализует его обязанность перед кредитором… Зачет погашает не только долг, но и право требования, которое принадлежит старому должнику. Новый должник, таким образом, распоряжался бы правом, ему не принадлежащим» [9. С. 128].

Следовательно, по смыслу ст. 364 ГК РФ поручитель не вправе заявлять о зачете, который мог бы быть проведен по требованию должника. Однако если обеспечиваемое обязательство было прекращено зачетом в установленном порядке, поручитель вправе в своих возражениях ссылаться на данное обстоятельство (п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»). Но тут речь идет о процессуальных возражениях, отрицающих существование обязанности в связи с ее прекращением.

Из сказанного вытекает третий признак правомочия на возражение – реализация данного правомочия должна быть сама по себе достаточной для отрицания исполнения обязанности.

Наконец, по общему правилу правомочие на возражение может осуществляться не только заявлением обязанного лица, но и конклюдентным воздержанием от исполнения юридической обязанности. При возникновении спора возражение учитывается судом ex officio независимо от формы реализации соответствующего правомочия (применение ipso jure). В то же время в виде исключения возможность возражать по пропуску исковой давности должна быть использована в суде в форме устного или письменного заявления; только в этом случае возражение будет принято судом во внимание (применение ope exceptionis).

Примечательно, что в случае истечения исковой давности обязанное лицо до предъявления к нему иска может возражать и конклюдентным поведением. А вот чтобы несогласие по пропуску исковой давности, выраженное до предъявления иска, сохраняло силу, его необходимо продублировать в суде в форме заявления. Исключение составляют упомянутые ранее случаи, когда о пропуске давностного срока заявляет сам истец.

Итак, под правомочием на возражение следует понимать входящую в содержание юридической обязанности возможность отрицать при данных условиях исполнение данной обязанности. Соответственно гражданско-правовым возражением является обоснованное и достаточное словесное (устное, письменное) или молчаливое несогласие обязанного лица с необходимостью или возможностью исполнения в конкретной ситуации лежащей на нем юридической обязанности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Не меняет сути вопроса возникновение у правообладателя обязанности возвратить полученное (например, в случае, когда обязательством предусмотрена возможность возврата имущества, переданного во исполнение обязательства до наступления срока исполнения, – п. 1 ст. 1109 ГК РФ). Ведь здесь уже необходимо требование, а не возражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Громов С.А.* Материально-правовые возражения должника против требования кредитора // Практика применения общих положений об обязательствах : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2008.
3. *Рожкова М.А.* Юридические факты гражданского и процессуального права : соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009.
4. *Гражданское* право : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1.
5. *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1. Полутом 2.
6. *Тархов В.А.* Гражданское право : курс лекций. Общая часть. Чебоксары, 1997.
7. *Кулаков В.В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М., 2010. Электронная версия печат. публ. // КонсультантПлюс : справ. правовая система.
8. *Постатейный* комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011. Т. 2. Электронная версия печат. публ. // КонсультантПлюс : справ. правовая система.
9. *Агарков М.М.* Перевод долга // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2002. Т. 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2014 г.

CIVIL LAW OBJECTIONS OF THE OBLIGATED PERSON

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 166-170. DOI: 10.17223/15617793/389/28

Gruzdev Vladislav V. Law Firm “Gruzdev and Partners”, ltd. (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvlad@rambler.ru

Keywords: civil law objection; civil law responsibility; debtor authority; creditor obligation.

In comparison with the subjective right, a legal duty both in theoretical and sector-specific plan is studied very poorly. The question of objection of an obliged person on demand of the holder of subjective rights is a special case of this little-studied problem. The author believes that the opportunity to object is a component, element of legal duties referring, therefore, to the genus of the so-called “trade rights”, the obligated person’s right to certain behavior which they practise at their sole discretion. The debtor right to objection allows the obliged person to oppose its execution not only through verbal (oral or written) statements, but also through tacit behavior (except objections applied by the court *ope* exceptionis). The debtor right to denial of execution from the beginning of the contractual relationship is included in the content of the “immature” duties (denial of execution of the “immature” duties). However, the vast majority of the objections are associated with receivables powers which appear in the composition of the legal responsibili-

ties after their occurrence. Denial of execution may be a consequence of the authorized person's non-performance of actions required for their execution, namely, the failure to perform debtor duties (P. 1 Art. 406 of the RF Civil Code). The right to objection is not a saving opportunity arising upon violation or challenge of the subjective rights (legally protected interest). Therefore, it is mistakenly to consider the implementation of the specified powers as civil protection. On the contrary, objection paralyzes the enforceability of the subjective rights testifying, thus, to the absence of grounds for civil protection of the authorized (interested) people who oppose the objector. At the end of the article a definition is given of the right to objection. It is the opportunity to deny the fulfillment of a particular obligation under particular conditions. This opportunity is part of the content of legal liability. Accordingly, the civil legal objection is reasonable and sufficient verbal (oral, written) or tacit disagreement of the obliged person with a need or opportunity to perform their legal responsibilities in a particular situation.

REFERENCES

1. Gromov S.A. *Material'no-pravovye vozrazheniya dolzhnika protiv trebovaniya kreditora* [Substantive objections of the debtor to the creditor]. In: Rozhkova M.A. (ed.) *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh* [he practice of general provisions on commitments]. Moscow, 2011.
2. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Oniks Publ., 2003. 1200 p.
3. Rozhkova M.A. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava : soglasheniya o zashchite prav i protsessual'nye soglasheniya* [Legal facts and civil procedural law: agreements on the protection of the rights and procedural agreements]. Moscow: Statut Publ., 2009.
4. Sergeev A.P. (ed.) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. In 3 vols. Moscow: Prospekt Publ., 2008. Vol. 1.
5. Ennektserus L. *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [The course of German civil law]. Translated from German. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1950. Vol. 1, part 2.
6. Tarkhov V.A. *Grazhdanskoe pravo : kurs lektsiy. Obshchaya chast'* [Civil law: a course of lectures. The general part]. Cheboksary, 1997. 331 p.
7. Kulakov V.V. *Obyazatel'stvo i oslozhneniya ego struktury v grazhdanskom prave Rossii* [Commitment and complications of its structure in the civil law of Russia]. Moscow: RAP, Volters Kluver Publ., 2010.
8. Krasheninnikov P.V. (ed.) *Postateynyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti vtoroy : v 3 t.* [Commentaries to the articles of the Civil Code of the Russian Federation, part two: in 3 vols.]. Moscow: Statut Publ., 2011. Vol. 2.
9. Agarkov M.M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu : v 2 t.* [Selected works on civil law: in 2 vols.]. Moscow, 2002. Vol. 2.

Received: 20 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 171–177 DOI: 10.17223/15617793/389/29

УДК 342.922

А.В. Каляшин

ОБ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИЯХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ

Исследован комплекс организационно-правовых мер, направленных на интеграцию расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя учреждений Государственной пенитенциарной службы Украины в российскую уголовно-исполнительную систему. Совокупность рассматриваемых мер проанализирована как соответствующий механизм по реализации интеграции с их дифференциацией на мероприятия организационного и правового характера, а также исследованы итоги по ее реализации.

Ключевые слова: интеграция; уголовно-исполнительная система; пенитенциарные учреждения; Российская Федерация; Федеральная служба исполнения наказаний; федеральное казенное учреждение; уголовно-исполнительная инспекция; Государственная пенитенциарная служба Украины; территориальный орган; Республика Крым; город федерального значения Севастополь.

В результате недавно произошедших событий на Крымском полуострове (проведение 16.03.2014 общекрымского референдума в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации; принятие Декларации о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь и др.) в состав России были включены два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь (далее – г. Севастополь).

18.03.2014 был подписан, а 21 марта ратифицирован Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [1] (далее – Договор).

Со дня вступления в силу Договора, т.е. с даты его ратификации 21.03.2014, вступил в силу Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ) [2].

Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ со дня принятия в РФ Республики Крым и образования в составе России новых субъектов РФ и до 01.01.2015 действует переходный период, в течение которого урегулируются вопросы их интеграции в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы РФ, в систему органов государственной власти РФ.

В период с 21.03.2014 до 01.01.2015 интегрироваться в указанные системы России предстоит и учреждениям Государственной пенитенциарной службы Украины (далее – ГПтС Украины), расположенным на территориях Республики Крым и г. Севастополя.

По состоянию на 17.07.2014 на официальном веб-сайте ГПтС Украины в разделе «Территориальные органы» [3] размещена информация об областном территориальном отделении – Управление Государственной пенитенциарной службы в Автономной Республике Крым и г. Севастополе, в составе которого обозначены четыре учреждения: Симферопольский следственный изолятор, Симферопольская исправительная колония № 102 (средний уровень безопасности для неоднократно судимых), Керченская исправительная колония № 126 (средний уровень безопасности для впервые осужденных), Керченский исправительный центр № 139.

Остановимся на понятии интеграции.

О.В. Буторина [4] под интеграцией в самом общем смысле понимает образование единого целого из разрозненных частей, вследствие чего возникает новое качество, которым отдельные части ранее не обладали.

В словаре иностранных слов интеграция (лат. integratio – восстановление – восполнение, от integer – целый) разъясняется в следующих значениях:

1) объединение в целое каких-либо частей, элементов (противоположное дезинтеграция);

2) процесс взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств, форма интернационализации хозяйственной жизни [5. С. 306].

В целях создания соответствующего механизма по интеграции расположенных на территориях новых субъектов РФ учреждений ГПтС Украины в российскую уголовно-исполнительную систему (далее – интеграция) руководство страны, Министерства юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России), Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) разработали и реализуют комплекс организационно-правовых мер.

В рамках организационных мер по интеграции осуществлены следующие мероприятия.

Министр юстиции РФ А. Коновалов посетил учреждения Управления ФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю. В ходе рабочей поездки его сопровождали первый заместитель Министра юстиции РФ А. Смирнов, заместитель директора ФСИН России В. Цатуров, исполняющий обязанности

начальника Главного управления Минюста России по Республике Крым и г. Севастополю Андрей Чумаков и временно исполняющий обязанности начальника УФСИН Юрий Шокур. Целью визита министра в пенитенциарные учреждения Республики Крым было ознакомление с организацией деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) на полуострове. Во время поездки группа посетила СИЗО-1, где ознакомилось с условиями содержания несовершеннолетних и женщин, а также осмотрела жилые и служебные помещения, коммунально-бытовые объекты. В исправительной колонии № 1 министр ознакомился с условиями содержания осужденных в учреждении и организацией работы по их трудовой адаптации. Отдельное внимание в период посещения министр уделил вопросам прохождения службы в органах УИС Республики Крым [6].

Директор ФСИН России Г. Корниенко проинспектировал работу по включению колоний и следственных изоляторов Крыма в российскую систему исполнения наказаний. В период рабочего визита директор посетил исправительную колонию № 1 в Симферополе, проверил условия содержания осужденных, осмотрел производственные объекты. Проведя встречу с руководящим составом регионального ведомства, директор подвел итоги работы по созданию Управления ФСИН по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю, уделив внимание вопросам прохождения службы и обеспечения социальных гарантий личному составу. Подводя итоги совещания, директор определил приоритетные задачи, стоящие перед УИС региона, а также дал несколько поручений по дальнейшему совершенствованию служебной деятельности [7].

В целях оценки состояния УИС в данный регион ранее выезжала рабочая группа ФСИН России во главе с заместителем директора В. Цатуровым, которая сделала вывод, что пока «подразделения уголовно-исполнительной системы Крыма не соответствуют современным пенитенциарным требованиям, на низком уровне материально-техническое состояние и коммунально-бытовые условия учреждений» [8].

Во ФСИН России был подготовлен и утвержден План организационно-штатных мероприятий по созданию в новом субъекте территориального органа. Согласно этому документу на базе существующих подразделений УИС создаются учреждения УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю. Так, в г. Симферополь создаются следственный изолятор № 1 с лимитом наполнения 951 место и исправительная колония № 1 с лимитом наполнения 1 470 мест (строгий режим), в г. Керчь – исправительная колония № 2 с лимитом наполнения 710 мест (общий режим) и колония-поселение № 3 с лимитом наполнения 150 мест [9].

Проведены мероприятия по разработке группы подзаконных правовых актов в области интеграции, а Министерством обороны Российской Федерации (далее – Минобороны России) подготовлен проект закона в сфере пенсионного обеспечения.

Для содействия процессу интеграции новых субъектов РФ в экономическую, финансово-кредитную и правовую системы Российской Федерации было образовано Некоммерческое партнерство «Центр правовой поддержки интеграции и развития Крыма» [10].

Реализуя правовые меры, с учетом результатов организационных мероприятий, на основе и во исполнение законодательства, осуществлены мероприятия по изданию группы подзаконных правовых актов по вопросам интеграции.

В целях организации деятельности учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов, а также предприятий, учреждений и организаций, специально созданных для обеспечения деятельности УИС, на территории нового субъекта РФ в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21.03.2014 № 6-ФКЗ, законом Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [11], указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [12], приказом ФСИН России [13]:

– создано Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю с дислокацией в г. Симферополе (п. 1). Место нахождения (юридический адрес) территориального органа: Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гагарина, д. 18а;

– утверждено Положение об Управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю (п. 2), включающее в себя следующие элементы (IV раздела): Общие положения (I), Задачи (II), Полномочия (III) и Организация деятельности (IV).

В соответствии с Положением Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю (сокращенное наименование: УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю) представляет собой территориальный орган ФСИН России, реализующий в пределах своих полномочий:

– правоприменительные функции;

– функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных;

– функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию;

– функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений.

Территориальный орган возглавляет руководитель (начальник). В настоящее время начальником УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю является полковник внутренней службы Вадим Викторович Булгаков, осуществляющий общее управление и организацию работы территориального органа, его взаимодействие с органами законодательной,

судебной и исполнительной властей, образовательными и другими организациями и учреждениями [14].

3. Руководство деятельностью Управления в сфере организации и координации оперативно-розыскной деятельности УИС области; оказания помощи правоохранительным органам в раскрытии преступлений; обеспечения безопасности осужденных, персонала и иных лиц, находящихся на территории учреждений УФСИН; организации режима содержания, надзора и учета осужденных; выявления и пресечения фактов предательства интересов службы сотрудниками УИС; организации противопожарной защиты объектов учреждений УИС реализует заместитель начальника Управления полковник внутренней службы Юрий Иванович Шокур.

В ведении УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю созданы шесть подведомственных ему федеральных казенных учреждения.

Распоряжениями Правительства РФ:

– от 30.04.2014 № 737-р [15] в целях конвоирования по плановым маршрутам содержащихся в учреждениях УИС осужденных и лиц, заключенных под стражу, «Отдел по конвоированию Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и г. Севастополю», с установлением предельной штатной численности в количестве 123 единицы (без увеличения предельной штатной численности ФСИН России);

– от 20.05.2014 № 866-р [16] для организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством РФ «Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и г. Севастополю» и установлена предельная штатная численностью в количестве 187 единиц (без увеличения предельной штатной численности ФСИН России). В состав уголовно-исполнительной инспекции входит 28 филиалов. Например, «Отдел исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера» (г. Симферополь, ул. Киевская, 110), «Филиал по г. Феодосия» (г. Феодосия, ул. Русская, 8) и др.

«Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю» (Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 4).

Три исправительных учреждения:

«Колония-поселение № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю» (Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 75).

«Исправительная колония № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю» (Республика Крым, г. Симферополь, пер. Элеваторный, 4).

«Исправительная колония № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю» (Республика Крым, г. Керчь, ул. Индустриальное шоссе, 17).

Первостепенное внимание при реализации интеграции руководство страны уделило регулированию процесса приема на службу в УИС граждан России в Республике Крым и Севастополе, а также приведению в соответствие с законодательством РФ уровня социальной защищенности сотрудников и гражданского персонала (организация тылового, пенсионного и жилищного обеспечения, выплата денежного довольствия, обучение персонала и др.).

Глава государства своими указами:

1) от 12.06.2014 № 421 [17] установил, что при приеме на службу (работу) в учреждения и органы УИС граждан РФ, ранее проходивших службу (работавших) в расположенных на территориях Республики Крым и г. Севастополя учреждениях и органах ГПтС Украины или военную службу в расположенных на этих территориях подразделениях внутренних войск Министерства внутренних дел Украины, осуществляющих функции по конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу, признаются:

– их образование и квалификация, учитываются срок службы (работы) в учреждениях и органах ГПтС Украины, военной службы во внутренних войсках Министерства внутренних дел Украины, имеющиеся у них специальные (воинские) звания и сроки выслуги в этих званиях;

– действительными документы об их образовании и квалификации, о прохождении службы (о работе) в учреждениях и органах ГПтС Украины, военной службы во внутренних войсках Министерства внутренних дел Украины, а также документы, подтверждающие специальные (воинские) звания и сроки выслуги в этих званиях;

2) от 31.03.2014 № 194 [18] в целях обеспечения социальных гарантий отдельным категориям граждан, проходящих службу на территориях Республики Крым и г. Севастополя, руководствуясь ст. 80 Конституции РФ [19], установил, в том числе сотрудникам правоохранительных органов, имеющим специальные звания, замещающим должности в указанных органах и формированиях на территориях Республики Крым и г. Севастополя на день принятия в РФ Республики Крым и образования в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя (далее – сотрудники), с 01.04.2014 в дополнение к установленному им денежному довольствию (денежному содержанию) ежемесячную надбавку (п. 1);

3) постановил сохранить сотрудникам выслугу лет (стаж службы), исчисленную (исчисленный) в установленном порядке на день поступления на службу в соответствующий федеральный государственный орган (п. 2).

Финансирование расходов, связанных с реализацией указа, осуществляется за счет и в пределах бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных соответственно федеральным органам исполнительной власти, в том числе ФСИН России (п. 3).

Реализуя указ Президента РФ от 31.03.2014 № 194 приказом ФСИН России от 18.04.2014 № 185 [20] предписано сотрудникам, имеющим специальные звания, замещающим должности в органах и формированиях пенитенциарной службы на территориях Республики Крым и г. Севастополя на день принятия в РФ Республики Крым и образования в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города феде-

рального значения Севастополя, в дополнение к установленному им денежному довольствию выплачивать ежемесячную надбавку в процентах от установленного размера денежного довольствия:

с 01.04.2014 – 35;

с 01.05.2014 – 70;

с 01.06.2014 – 105;

с 01.06.2014 – 140.

Выплата ежемесячной надбавки сотрудникам прекращается с момента их назначения на должность сотрудника УИС.

От 27.06.2014 № 480 [21] в п. 23 Перечня должностей высшего начальствующего состава в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и соответствующих этим должностям специальных званий [22] внесена должность начальника Управления ФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю, которая соответствует специальному званию генерал-майор внутренней службы.

В целях защиты прав граждан РФ из числа военнослужащих и приравненных к ним лиц, в том числе сотрудников пенитенциарных учреждений и членов их семей, постоянно проживающих на территориях новых субъектов, на пенсию в соответствии с Законом Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 [23], исходя из необходимости полного учета имеющихся у них периодов военной и приравненной к ней службы (службы) и сохранения приобретенных ими пенсионных прав, Минобороны России был подготовлен проект Федерального закона «О пенсионном обеспечении граждан Российской Федерации из числа военнослужащих и приравненных к ним лиц и членов их семей в связи с принятием Федерального конституционного закона “О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя”» [24].

Проект федерального закона направлен на установление с 01.01.2015 порядка реализации права граждан РФ, постоянно проживающих в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством РФ и урегулирование условий их пенсионного обеспечения на переходный период, установленный ст. 6 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

В результате произошедших исторических событий на Крымском полуострове с 21.03.2014 в состав России были включены два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Законодательством с 21.03.2014 до 01.01.2015 закреплен переходный период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции новых субъектов РФ в следующие системы РФ: экономическую, финансовую, кредитную, правовую и органов государственной власти.

Интеграции в указанные период и российские системы подлежат расположенные на территориях новых субъектов РФ учреждения ГПтС Украины.

В целях создания соответствующего механизма по реализации интеграции руководство страны, Минюста России, ФСИН России разработали и реализуют комплекс организационно-правовых мер.

Проведенный анализ совокупности организационно-правовых мер по интеграции позволил выделить мероприятия организационного и правового характера.

Организационные меры по интеграции объединили в себя совокупность мероприятий:

– по посещению руководством органов юстиции учреждений ГПтС Украины, расположенных на территориях новых субъектов, для ознакомления с организацией деятельности УИС на полуострове, оценке ее состояния и др.;

– подготовке Плана организационно-штатных мероприятий по созданию на территории новых субъектов РФ территориального органа ФСИН России и подведомственных ему учреждений;

– разработке пакета проектов подзаконных правовых актов и др.

Правовые меры по интеграции соединили в себе мероприятия по изданию следующей группы подзаконных правовых актов:

1) указов Президента РФ (например, по регулированию процесса приема на службу в УИС граждан России в Республике Крым и Севастополе);

2) распоряжений правительства (к примеру, установление предельной штатной численности отдела по конвоированию);

3) приказов ФСИН России (в частности, утверждение Положения об УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю и др.).

Комплекс организационно-правовых мер по интеграции состоял в подготовке и реализации мероприятий по таким важным для УИС направлениям деятельности (вопросам), как:

– организация деятельности УИС нового региона;

– регулирование процесса приема на службу в УИС граждан России в Республике Крым и г. Севастополе;

– обеспечение социальных гарантий отдельным категориям граждан, проходящих службу на территориях Республики Крым и г. Севастополя;

– пенсионное обеспечение на переходный период.

В заключение почеркнем, что интеграция расположенных на территориях новых субъектов РФ учреждений ГПтС Украины в российскую УИС относится, без сомнения, к важной и весьма сложной задаче, не имеющей прецедентов в новейшей истории России.

Решение задачи по интеграции (перехода) в УИС России расположенных на территориях новых субъектов РФ учреждений ГПтС Украины возможно исключительно совместными усилиями руководства страны и работников УИС, путем реализации вышеуказанного комплекса мер организационно-правового характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Договор* между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14, ст. 1570.

2. *О принятии* в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : Федер. конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ : в ред. от 27.05.2014 // Собрание законодательства Россииской Федерации. 2014. № 12, ст. 1201; 2014. № 22, ст. 2766.
3. *Официальный* веб-сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. URL: http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/ru/map
4. *Европейская* интеграция : учебник / под ред. О.В. Буториной. М. : Деловая литература, 2011. С. 31.
5. *Большой* иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. М., 2002.
6. *Министр* юстиции Российской Федерации Александр Коновалов посетил учреждения УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю // Пресс-служба УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://www.krim.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=134987
7. *Глава* ФСИН проверил, как идет включение колоний и СИЗО Крыма в российскую систему исполнения наказаний. URL: http://www.rosbalt.ru/federal/2014/04/28/1262446.html
8. *ФСИН* приступила к интеграции крымских СИЗО в российскую уголовно-исполнительную систему. URL: http://smartnews-crimea.ru/news/46553.html
9. *Пресс-бюро* ФСИН России. URL: http://ufsin.com/topic/9175
10. *Центр* правовой поддержки интеграции и развития Крыма. URL: http://np-crimea.ru/o-tsentre
11. *Об учреждениях* и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1: в ред. от 02.04.2014 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14, ст. 1550.
12. *Вопросы* Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 : в ред. от 23.06.2014 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42, ст. 4109; Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2014).
13. *О создании* Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю : приказ ФСИН России от 28.03.2014 № 147 // Российская газета. 2014. № 83.
14. *Официальный* сайт УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://www.krim.fsin.su/management
15. *О создании* федерального казенного учреждения «Отдел по конвоированию Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и г. Севастополю» : распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 737-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 20, ст. 2547.
16. *О создании* федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и г. Севастополю» : распоряжение Правительства РФ от 20.05.2014 № 866-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 21, ст. 2761.
17. *О некоторых* вопросах поступления на службу (работу) в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы : указ Президента РФ от 12.06.2014 № 421 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 24, ст. 3076.
18. *О мерах* по обеспечению социальных гарантий отдельным категориям граждан, проходящих службу на территориях Республики Крым и г. Севастополя : указ Президента РФ от 31.03.2014 № 194: в ред. от 20.04.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14, ст. 1611.
19. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 05.02.2014 опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2014. № 9, ст. 851.
20. *О мерах* по реализации Указа Президента Российской Федерации от 31.03.2014 № 194 «О мерах по обеспечению социальных гарантий отдельным категориям граждан, проходящих службу на территориях Республики Крым и г. Севастополя : приказ ФСИН России от 18.04.2014 № 185 (Зарег. в Минюсте России 28.04.2014 № 32131) // Российская газета..2014. № 101.
21. *О внесении* изменений в Указ Президента Российской Федерации от 21 марта 2005 г. № 317 «О некоторых вопросах Федеральной службы исполнения наказаний» и в перечень должностей высшего начальствующего состава в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и соответствующих этим должностям специальных званий, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2009 г. № 1229» : указ Президента РФ от 27.06.2014 № 480 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.06.2014).
22. *Об утверждении* перечня должностей высшего начальствующего состава в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и соответствующих этим должностям специальных званий : указ Президента РФ от 31.10.2009 № 1229 (ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 45, ст. 5318.
23. *О пенсионном* обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей : закон Рос. Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 : ред. от 28.12.2013, с изм. от 04.06.2014 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9, ст. 328; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (часть I), ст. 6962.
24. *Проект* Федерального закона «О пенсионном обеспечении граждан Российской Федерации из числа военнослужащих и приравненных к ним лиц и членов их семей в связи с принятием Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2014 г.

ON THE INTEGRATION OF THE ESTABLISHMENTS OF THE STATE PENITENTIARY SERVICE OF UKRAINE LOCATED IN THE TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE FEDERAL CITY OF SEVASTOPOL INTO THE RUSSIAN CORRECTIONAL SYSTEM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 171-177. DOI: 10.17223/15617793/389/29

Kalyashin Andrey V. Vladimir Juridical Institute of the Federal Penitentiary Service (Vladimir, Russian Federation). E-mail: cav71@list.ru

Keywords: integration; criminal-executive system; detention facilities; Russian Federation; Federal Penitentiary Service; federal fiscal establishment; criminal-executive inspection; state penitentiary service of Ukraine; territorial body; Republic of Crimea; federal city of Sevastopol.

As a result of the historical events that occurred in the Crimea Peninsula since March 21, 2014, Russia included two new subjects: the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. By legislation March 21, 2014 to January 01, 2015 is the transition period during which questions are to be regulated of the integration of the new RF subjects into the economic, financial, credit, legal and state authority systems of the RF. Establishments of the State Penitentiary Service of Ukraine (USPS) located in the territories of the new RF subjects are also to be integrated into the Russian correctional system. In order to establish the corresponding integration

mechanism the leadership of the country, the Justice Department of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia have developed and are implementing a complex of organizational-legal measures. The carried out analysis of the organizational-legal measures for integration made it possible to single out the measures of organizational and legal nature. Organizational integration measures are visits by the leadership of the organs of justice of the establishments of USPS located in the territories of the new RF subjects for the acquaintance with the organization of the USPS activity in the peninsula, estimation of its state etc.; development of the plan of organization and staffing measures for establishing the Federal Penitentiary Service of Russia territorial body and institutions subordinate to it in the new RF subjects; development of projects of subordinate legislation and others. Legal measures for integration include measures for the publication of the following group of subordinate legislation: 1) RF Presidential Decrees (for example, on the regulation of hiring of the citizens of Russia for the correctional system establishments in the Republic of Crimea and Sevastopol); 2) orders of government (for example, the establishment of the maximum of staff in the of convoying division); 3) orders of the Federal Penitentiary Service of Russia (in particular, the approval of the Regulation on the Federal Penitentiary Service Department in the Republic of Crimea and Sevastopol). The complex of organizational-legal measures for integration consisted of preparation and realization of measures in the correctional system activities. They were: organization of the activity of the correctional system in the new region; regulation of hiring of the citizens of Russia for the correctional system establishments in the new RF subjects; providing social safeguards to separate categories of citizens serving in the territories of the new RF subjects; pension guarantee for the transition period. The integration of the establishments of USPS located in the territories of the new RF subjects is an important and complex problem which does not have precedents in the newest history of Russia. It is possible to solve this problem only by joint efforts of the leadership of the country and correctional system, by realizing the indicated measures of organizational-legal nature.

REFERENCES

1. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the adoption by the Russian Federation of the Republic of Crimea and formation in the Russian Federation of new subjects (signed in Moscow 18.03.2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 14, Art. 1570. (In Russian).
2. On the adoption by the Russian Federation of the Republic of Crimea and formation in the Russian Federation of new subjects – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol: Federal Constitutional Law of 21.03.2014 no. 6-FKZ: as amended on 27.05.2014. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyyskoy Federatsii*, 2014, no. 12, Art. 1201; 2014, no. 22, Art. 2766. (In Russian).
3. The official website of the State Penitentiary Service of Ukraine. Available at: http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/ru/map.
4. Butorina O.V. (ed.) *Evropeyskaya integratsiya* [European integration]. Moscow: Delovaya literatura Publ., 2011.
5. *Bol'shoy illyustrirovannyy slovar' inostrannykh slov: 17 000 sl.* [Large illustrated dictionary of foreign words: 17 000 words]. Moscow: Russkiye slovari Publ., 2002. 958 p.
6. Press Service of the Russian Federal Penitentiary Service of the Republic of Crimea and Sevastopol. *The Minister of Justice Alexander Konovalov visited institutions of Russian FPS in the Republic of Crimea and Sevastopol*. Available at: http://www.krim.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=134987. (In Russian).
7. The Head of the Federal Penitentiary Service checked the inclusion of the colonies and prisons of the Crimea in the Russian penitentiary system. Available at: http://www.rosbalt.ru/federal/2014/04/28/1262446.html. (In Russian).
8. FPS started the integration of the Crimean prisons in the Russian penal system. Available at: http://smartnews-crimea.ru/news/46553.html. (In Russian).
9. Press Office of the FPS of Russia. Available at: http://ufsin.com/topic/9175. (In Russian).
10. Legal Support Center of Crimea Integration and Development. Available at: http://np-crimea.ru/o-tsentre. (In Russian).
11. Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody: zakon Ros. Federatsii ot 21.07.1993 № 5473-1: v red. ot 02.04.2014 [On institutions and bodies executing criminal penalties of imprisonment: RF Law of 21.07.1993 no. 5473-1: as amended on 04.02.2014]. *Vedomosti SND i VS RF,* 1993, no. 33, Art. 1316; *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyyskoy Federatsii*, 2014, no. 14, Art. 1550.
12. Issues of the Federal Penitentiary Service: Presidential Decree of 13.10.2004 no. 1314: as amended on 23.06.2014 *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyyskoy Federatsii*, 2004, no. 42, Art. 4109; available at: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 24th June .2014).
13. O sozdanii Upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy po Respublike Krym i gorodu federal'nogo znacheniya Sevastopolyu : prikaz FSIN Rossii ot 28.03.2014 № 147 [On the establishment of the Office of the Federal Penitentiary Service of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol: the order of the FPS of Russia from 28.03.2014 no. 147]. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, no. 83.
14. Official site of the FPS Russia in the Republic of Crimea and Sevastopol. Available at: http://www.krim.fsin.su/management.
15. On the establishment of the Federal state institution "Escorting Division of the Office of the Federal Penitentiary Service of the Republic of Crimea and Sevastopol" : Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.04.2014 no. 737-p. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 20, Art. 2547. (In Russian).
16. On the establishment of the Federal state institution "Penitentiary Inspection Department of the Office of the Federal Penitentiary Service of the Republic of Crimea and Sevastopol" : Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.05.2014 no. 866-p. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 21, Art. 2761. (In Russian).
17. On some issues of hiring in the institutions and bodies of the correctional system: Decree of the RF President 12.06.2014 no. 421. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 24, Art. 3076. (In Russian).
18. On measures to ensure social guarantees for certain categories of citizens who serve in the territories of the Republic of Crimea and Sevastopol: Presidential Decree of 31.03.2014 no. 194: as amended on 20.04.2014. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 14, Art. 1611. (In Russian).
19. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by laws of the RF on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 no. 6-FKZ, on 30.12.2008 no. 7-FKZ, on 05.02.2014 no. 2 FKZ). *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 9, Art. 851. (In Russian).
20. O merakh po realizatsii Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.03.2014 № 194 "O merakh po obespecheniyu sotsial'nykh garantiy otdel'nym kategoriyam grazhdan, prokhodyashchikh sluzhbu na territoriyakh Respubliki Krym i g. Sevastopolya : prikaz FSIN Rossii ot 18.04.2014 № 185 (Zareg. v Minyuste Rossii 28.04.2014 № 32131) [On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2014 no. 194 "On measures to ensure social guarantees for certain categories of citizens who serve in the territories of the Republic of Crimea and Sevastopol: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 18.04.2014 no. 185 (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 28.04.2014 no. 32131)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, no. 101.
21. On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation dated March 21, 2005 no. 317 "On some issues of the Federal Penitentiary Service", and the list of posts of higher officers of the institutions and bodies of the correctional system and corresponding special titles approved by the Presidential Decree dated October 31, 2009 no. 1229: Presidential Decree of 27.06.2014 no. 480. Available at: http://www.pravo.gov.ru. (Accessed: 28th June 2014). (In Russian).

22. On approval of the list of posts of higher officers of the institutions and bodies of the correctional system and corresponding special titles: Presidential Decree of 31.10.2009 no. 1229 (as amended on 01.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2009, no. 45, Art. 5318. (In Russian).
23. O pensionnom obespechenii lits, prokhodivshikh voennuyu sluzhbu, sluzhbu v organakh vnutrennikh del, Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhbe, organakh po kontrolyu za oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy, i ikh semey : zakon Ros. Federatsii ot 12.02.1993 № 4468-1 : red. ot 28.12.2013, s izm. Ot 04.06.2014 [On pension security of persons performing military service, service in the internal affairs bodies, state firefighting services, bodies to monitor traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, the institutions and bodies of the correctional system and their families: the law of the Russian Federation of 12.02.1993 no. 4468-1: ed. on 28.12.2013, as amended on 04.06.2014]. *Vedomosti SND RF i VS RF*, 1993, no. 9, Art. 328; *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyyskoy Federatsii*, 2013, no. 52 (partI), Art. 6962.
24. Draft Federal Law "On pension security of Russian citizens from the military and equal-status persons and their families in connection with the adoption of the Federal Constitutional Law "On the adoption by the Russian Federation of the Republic of Crimea and formation in the Russian Federation of new subjects – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol". Available from Konsul'tantPlyus Legal Program. (In Russian).

Received: 20 September 2014.

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 178–183 DOI: 10.17223/15617793/389/30

ЭКОНОМИКА

УДК 336.71

О.В. Беспалова

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИРОВАНИЯ ТЕРМИНА «ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА»

Исследована проблема дефинирования термина «денежно-кредитная политика». Данная проблема связана с тем, что ни одно из существующих современных толкований этого понятия в отечественной и зарубежной научной литературе не является полным, формулировки не учитывают накопленный мировой опыт ведения ДКП. Предложено систематизировать отечественные и зарубежные теоретические подходы к определению ДКП в зависимости от сделанных в определениях главных акцентов. Установлены современные русскоязычные, англоязычные и немецкоязычные теоретические подходы к определению ДКП, которые схожи между собой. На основании проведённого анализа предложена уточнённая трактовка для термина ДКП, которая, на наш взгляд, универсальна, актуальна и может быть применена для объяснения сущности ДКП как национального, так и наднационального ЦБ.

Ключевые слова: ДКП; теоретический подход; определение; термин.

Цель данной статьи – исследовать проблему толкования термина «денежно-кредитная политика» (ДКП) и предложить для него уточнённое определение. В мировом научном экономическом сообществе существует множество точек зрения относительно данного понятия, которые, на наш взгляд, разрознены и не отражают все аспекты этого явления с позиции современной науки и накопленного мирового опыта.

Научная дискуссия вокруг данной проблемы особенно активно началась во второй половине XX в. и ведётся в диссертациях, монографиях, учебных пособиях, научных статьях в РФ и за рубежом.

Термин «политика» не имеет синонимов, которые бы точно передавали его смысл, ни в известных отечественных словарях синонимов (например, в словаре синонимов русского языка З.Е. Александровой [1]), ни в известных зарубежных словарях синонимов (например, в немецкоязычном словаре синонимов Duden [2]). Если мы обратимся к современным толковым словарям, то обнаружим следующие формулировки данного термина: в толковом словаре русского языка В.И. Даля он понимается как «наука государственного управленья» [3], в толковом словаре Д.Н. Ушакова мы встречаем следующее объяснение: политика – это «деятельность государственной власти в области управления и международных отношений» [4], в современном энциклопедическом словаре дано следующее объяснение – это «сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства» [5]. Таким образом, сложность и неоднозначность толкования термина ДКП, синонимом которого чаще всего выступает термин «монетарная политика», заложены уже в самом наименовании данного понятия и предполагают некую деятельность государственной власти в области управления. Словосочетания «денежно-кредитный» и «монетарный» указывают на то, что термин «ДКП» имеет отношение к экономике.

Современная отечественная и зарубежная научная литература предлагает множество определений для ДКП.

Используем для нашего исследования экономические словари и научную учебную литературу (диссертации, монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи) отечественных и зарубежных авторов. Систематизируем теоретические подходы к определению ДКП в зависимости от главных акцентов, сделанных в определениях. Мы получили следующие результаты:

1. Определения с акцентом на том, что ДКП – это специальные мероприятия для поддержания высокого уровня экономического развития страны: например, в экономическом словаре Н.Л. Зайцева ДКП – это «совокупность организационно-финансовых мероприятий и методов, направленных на регулирование экономического развития, сдерживание обесценивания денежных средств и обеспечение равновесия платежного баланса» [6].

2. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия в денежно-кредитной сфере, направленные на поддержание эффективного уровня экономики в стране:

– по мнению А.И. Зверькова, ДКП – это «совокупность мероприятий в денежно-кредитной сфере, направленных на обеспечение стабильности денег, а также воздействующих на воспроизводственный процесс с целью регулирования темпов экономического роста, уровня занятости и создания доверия на рынке» [7. С. 9];

– Е.Б. Стародубцева объясняет термин ДКП как «совокупность мероприятий, направленных на изменение денежной массы в обращении, объёма кредитов, уровня процентных ставок и других показателей денежного обращения и рынка ссудных капиталов» [8. С. 66];

– по мнению Е.Ф. Жукова, ДКП – это «совокупность мер, направленных на расширение или сужение ликвидных средств и объёма кредитования банков и других учреждений» [9. С. 49].

3. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия в денежно-кредитной сфере, направленные посредством специальных инструментов на поддержание эффективного уровня экономики в стране. Наиболее удачное определение среди исследователей, акцентирующих влияние ДКП на денежно-кредитную сферу, предлагает, на наш взгляд, Е.А. Звонова, по мнению которой ДКП «представляет собой систему

мер и методов целенаправленного воздействия на объём и структуру денежной массы, доступность кредита и валютный курс с помощью определённого набора инструментов в целях регулирования экономического роста, сдерживания инфляции, обеспечения занятости и выравнивания платёжного баланса» [10. С. 176, 177].

4. Определения с акцентом на том, что ДКП – это курс государства, в том числе в лице правительства, в денежно-кредитной сфере и специальные меры, направленные на поддержание эффективного уровня экономического развития страны:

– например, современный экономический словарь Б.А. Райзберга, Л.Ш. Лозовского, Е.Б. Стародубцевой дефинирует термин ДКП как «проводимый правительством страны курс и осуществляемые меры в области денежного обращения и кредита, направленные на обеспечение устойчивого, эффективного функционирования экономики, поддержание в надлежащем состоянии денежной системы» [11];

– в современном энциклопедическом словаре экономики и права ДКП – это «проводимый государством курс и осуществляемые меры в области денежного обращения и кредита, направленные на обеспечение устойчивого, эффективного функционирования экономики, поддержание в надлежащем состоянии денежной системы» [12];

– Е.И. Вадейко считает, что ДКП – это «совокупность мер, предпринимаемых правительством в денежно-кредитной сфере для обеспечения стабильности цен, эффективной занятости и роста реального объема ВНП» [13];

– в словаре Ю.Ю. Петрунина, М.М. Панова ДКП – это «совокупность мероприятий, осуществляемых государством в области денежного обращения и кредита, направленных на регулирование экономического роста, сдерживание инфляции, обеспечение занятости и выравнивание платежного баланса» [14];

– по мнению А.С. Шульгина, ДКП – это «государственная политика, направленная на достижение долгосрочных и краткосрочных целей развития экономики посредством регулирования денежной и кредитной сферы, осуществляемая центральным банком» [15. С. 15].

5. Определения с акцентом на том, что ДКП – это курс и меры государства, которые посредством применения специальных инструментов влияют на экономику. По мнению А.И. Бажана, ДКП – это «деятельность государства, осуществляемая на постоянной основе, по отслеживанию и анализу количества денег в обращении и применению кредитных и валютных инструментов воздействия на денежную массу для достижения определённых целей» [16. С. 17].

6. Определения с акцентом на том, что ДКП – это комплекс мер какого-либо органа, уполномоченного государством в области денежного обращения и кредита, направленных на поддержание эффективного уровня экономики в стране. М.А. Порублева считает, что «под денежно-кредитной политикой необходимо понимать стратегию и тактику уполномоченного органа государства по обеспечению стабильного сбалансированного функционирования денежно-кредитной системы страны с целью развития банковского сектора и его позитивного влияния на структуру экономики, а так же повышения экономического роста и благосостояния граждан» [17. С. 25, 26].

7. Определения с акцентом на том, что ДКП – это составная часть политики государства в денежно-кредитной сфере, направленная на поддержание эффективного уровня экономики в стране:

– М.В. Романовский, Г.Н. Белоглазова считают, что ДКП «является составной частью экономической политики государства, главные стратегические цели которой – повышение благосостояния населения и обеспечение максимальной занятости» [18. С. 406];

– Г.Л. Авагян, Т.М. Ханина, Т.П. Носова рассматривают ДКП как «составную часть государственного регулирования экономики, совокупность мероприятий, направленных на изменение денежной массы в обращении, объёма кредитов, уровня процентных ставок и других показателей денежного обращения (совокупного денежного обращения)» [19. С. 308].

8. Определения с акцентом на том, что ДКП – это совокупность мер государства в лице ЦБ, направленных на поддержание стабильного и эффективного уровня развития экономики. По мнению А.Ф. Азарова, ДКП – это «совокупность мероприятий государства в лице Центрального банка РФ, направленных на разработку и реализацию стратегии по обеспечению целенаправленного, устойчивого развития и функционирования социальной, экономической и экологической сферы страны на основе эффективного формирования и использования денежных и кредитных ресурсов» [20. С. 15, 16].

9. Определения с акцентом на том, что ДКП – это, прежде всего, комплекс мер Центрального банка (ЦБ) в области денежного обращения и кредита, направленных на поддержание эффективной экономики:

– российские исследователи Г.Г. Фетисов, О.И. Лаврушин, И.Д. Мамонова рассматривают ДКП как «совокупность разработанных Центральным банком совместно с правительством мероприятий в области организации денежных и кредитных отношений в стране, <...> с помощью этих мероприятий обеспечивается воздействие денежно-кредитной сферы на воспроизводственный процесс в целях регулирования экономического роста, повышения эффективности производства, обеспечения занятости населения, стабильности внешнеэкономических связей, т.е. для решения важнейших стратегических задач, стоящих перед экономикой каждой страны» [21. С. 126];

– Р.М. Гусейнов, В.А. Семенихина считают, что ДКП – это «совокупность мер, проводимых Центральным банком по регулированию денежного рынка с целью стабилизации экономики», «денежно-кредитная политика является разновидностью стабилизационной политики, цель которой состоит в обеспечении полной занятости ресурсов, стабильного уровня цен, равновесия платёжного баланса» [22. С. 367];

– в учебнике экономической теории даётся следующее толкование: «Под денежно-кредитной политикой необходимо понимать стратегию и тактику уполномоченного органа государства по обеспечению стабильного сбалансированного функционирования де-

нежно-кредитной системы страны с целью развития банковского сектора и его позитивного влияния на структуру экономики, а также повышения экономического роста и благосостояния граждан», «кредитно-денежная (монетарная) политика представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, предпринимаемых Центральным банком в целях регулирования деловой активности путём планируемого воздействия на состояние кредита и денежного обращения» [23. С. 503];

– аналогична формулировка О.А. Магдеева: «ДКП представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, предпринимаемых центральным банком для регулирования деловой активности банков путём планируемого воздействия на состояние кредита и денежного обращения с учётом влияния инструментов денежно-кредитной политики на развитие экономики и банковской системы» [24. С. 38].

10. Определения с акцентом на том, что ДКП – это составная часть государственной политики в области денежного обращения и кредита и одновременно комплекс мер ЦБ, направленных на поддержание эффективного уровня экономики в стране. Л.С. Гринкевич, Т.В. Счастная, Н.К. Сагайдачная, В.В. Казаков считают, что «денежно-кредитная политика Центрального банка, являющаяся составной частью государственного регулирования экономики, представляет собой совокупность мероприятий, направленных на изменение денежной массы в обращении, объёма кредитов, уровня процентных ставок и других показателей денежного обращения и рынка ссудных капиталов» [25. С. 551].

11. Определения с акцентом на том, что ДКП – это совокупность инструментов и методов, направленных на поддержание эффективной экономики. В диссертации Д.Н. Ахунзяновой предложена следующая формулировка: ДКП представляет собой «совокупность мероприятий, реализуемых через воздействие монетарных инструментов и методов на экономическую конъюнктуру с целью создания условий для экономического роста» [26. С. 12].

Мы считаем, что недостатком ряда формулировок является то, что они предназначены для характеристики ДКП только в рамках РФ, только национального ЦБ и не учитывают особенности проведения ДКП в зарубежных странах. Поэтому наш анализ будет неполным и ограниченным, если мы не обратимся к мировому опыту толкования понятия ДКП. В современной зарубежной научной литературе также предлагаются различные теоретические подходы к данному определению, которые мы предлагаем систематизировать следующим образом (в зависимости от сделанных в определениях главных акцентов):

1. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия правительства совместно с ЦБ в денежно-кредитной сфере. Например, современный немецкоязычный словарь Duden дефинирует термин ДКП следующим образом: это «мероприятия правительства и Центрального банка по оказанию влияния на денежное обращение, уровень процентной ставки, количество кредитов и т.д.» (сравним: «Maßnahmen der Regierung und der Zentralbank zur Beeinflussung von Geldumlauf, Zinshöhe, Anzahl der Kredite u.Ä.») [27].

2. Определения с акцентом на том, что ДКП – это меры и инструменты правительства для поддержания эффективной экономики:

– в англо-русском переводном финансовом толковом словаре Брайана Батлера ДКП – «это инструмент, при помощи которого правительства стараются воздействовать на макроэкономические условия, увеличивая или уменьшая денежную массу» [28. С. 262];

– по мнению Э.Дж. Долана, ДКП – это «правительственная политика, воздействующая на количество денег, находящихся в обращении» [29. С. 471].

3. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия в денежно-кредитной сфере, направленные на экономический рост:

– например, современный немецкоязычный словарь финансовых терминов дефинирует ДКП как «широкое понятие для всех мероприятий по приспособлению спроса на деньги к предложению денег (сравним: «Oberbegriff für alle Massnahmen zur Anpassung der Geldnachfrage an das Geldangebot») [30];

– Герберт Эдлинг считает, что «ДКП охватывает такие мероприятия, которые направлены на оптимальное денежное обеспечение экономики, обеспечение денежной стабильности “внутри и снаружи”, а также на оказание влияния на экономическое развитие» (сравним: «Geldpolitik umfasst die Gesamtheit jener Maßnahmen, die auf eine optimale Geldversorgung der Volkswirtschaft, die Sicherung der Geldwertstabilität nach innen und außen sowie auf eine Beeinflussung der wirtschaftlichen Entwicklung einer Volkswirtschaft zielen» [31. S. 293]);

– по мнению Хольгера Рогалля, ДКП – это «совокупность экономико-политических мероприятий с целью: 1) обеспечить оптимальное денежное обеспечение экономики, 2) гарантировать денежную стабильность, 3) способствовать стабилизации конъюнктурного развития» (сравним: «Geldpolitik umfasst die Gesamtheit der wirtschaftspolitischen Maßnahmen mit den Zielen: 1) für eine optimale Geldversorgung der Volkswirtschaft zu sorgen, 2) die Geldwertstabilität sicherzustellen sowie (3) zur Stabilisierung der konjunkturellen Entwicklung beizutragen» [32. S. 287]).

4. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия в денежно-кредитной сфере, которые осуществляются на основе теории денег с целью поддержания эффективного уровня экономики. Например, в современном электронном немецкоязычном энциклопедическом словаре по экономике издательства Gabler под редакцией Йорга Яспера ДКП понимается как «все мероприятия, которые принимаются в соответствии со знаниями денежных теорий для регулирования денежного обеспечения и банковского предложения кредита при соблюдении общеэкономических целей» (сравним: «Die Geldpolitik beinhaltet alle Maßnahmen, die aufgrund geldtheoretischer Erkenntnisse zur Regelung der Geldversorgung und des Kreditangebots der Banken unter Beachtung der gesamtwirtschaftlichen Ziele ergriffen werden» [33]).

5. Определения с акцентом на том, что ДКП – это мероприятия ЦБ:

– например, в немецкоязычном финансовом словаре ДКП понимается как «мероприятия Центрального банка, которые направлены на то, чтобы достигнуть установленные цели» (сравним: «Maßnahmen einer Zentralbank, die darauf gerichtet sind, vorgegebene Ziele zu erreichen» [34]);

– в современном немецкоязычном словаре лексики в сфере налогов ДКП трактуется как «обозначение для всех мероприятий центрального банка (для Европейского экономического и валютного союза – это мероприятия Европейского центрального банка), необходимых для осуществления установленных им целей» (сравним: «Bezeichnung aller Maßnahmen der Zentralbank (in der EWWU: Europäische Zentralbank) zur Erfüllung der selbst gesteckten Ziele» [35]);

– Аксель Вебер в монографии «Деньги и денежно-кредитная политика» акцентирует внимание на ЦБ как единственном органе проведения ДКП и предлагает следующую трактовку: «Денежно-кредитной политикой обозначают в итоге все мероприятия, которые относятся к деятельности Центрального банка для того, чтобы реализовать цели его существования, например цель ценовой стабильности» (сравним: «Als Geldpolitik bezeichnet man zusammenfassend alle Maßnahmen, die eine Zentralbank ergreift, um ihre Ziele – beispielsweise Preisstabilität – zu erreichen» [36. S. 10].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Не существует единообразия в дефинировании термина ДКП. Несмотря на множество схожих точек зрения, единая универсальная формулировка для данного термина отсутствует. Необходимы всесторонний анализ и обязательное рассмотрение точек зрения российских и европейских коллег. Поэтому мы анализируем данный термин с позиции имеющегося накопленного мирового опыта в научной литературе, а именно учитывая работы отечественных и зарубежных исследователей, чтобы как можно шире и полнее представить научное объяснение этого понятия.

2. Мы установили, что в отечественной и зарубежной научной экономической литературе, в работах российских и западных экономистов термин ДКП понимается одинаково. Одинаковость выражается в том, что данный термин учёные объясняют как комплекс мероприятий, направленных на поддержание стабильной экономики и стабильной денежно-кредитной системы; в том, что ДКП осуществляется либо государством, например в лице правительства, либо ЦБ. На основании проведённого исследования мы установили современные русскоязычные, англоязычные и немецкоязычные теоретические подходы к определению ДКП, которые схожи между собой: российские подходы представлены экономистами Г.Л. Авагяном, Г.Н. Белоглазовой, Р.М. Гусейновым, А.И. Зверьковым, Е.А. Киселёвой, Т.П. Носовой, М.А. Порублевой, М.В. Романовским, В.А. Семенихиной, Е.Б. Стародубцевой, Т.В. Счастной, Г.Г. Фетисовым, О.И. Лаврушиным, И.Д. Мамоновой, Т.М. Ханиной, М.Н. Чепуриной; англоязычные – Б. Батлером и Э.Дж. Доланом, немецкоязычные – Акселем Вебером, Гербертом Эдлингом, Йоргом Яспером, Хольгером Рогаллем.

3. Ни одна из предложенных формулировок не является полной, поэтому мы считаем, что необходимо ввести в экономико-научный словарный оборот новое определение ДКП. Проанализировав отечественные и зарубежные определения, мы сформулировали, на наш взгляд, универсальное определение, которое шире и точнее отражает сущность ДКП: ДКП – это совокупность мероприятий и мер ЦБ, реализуемых через специальные методы и инструменты, совместно с правительством или независимо от государства в области денежных и кредитных отношений в стране или группе стран, направленных на поддержание эффективной экономики и её стабильности, на обеспечение занятости, низкого уровня инфляции и ценовой стабильности, эффективности денежно-кредитной системы. Достоинствами данного определения мы считаем следующие: 1) учитывается мировой опыт осуществления ДКП; 2) термин может быть одинаково применен для объяснения ДКП национального и наднационального ЦБ; 3) акцентировано внимание на том, что ДКП осуществляется при помощи методов и инструментов; 4) подчеркнуты важность и роль ДКП в экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 2001. 568 с.
2. *Duden.* Synonymwörterbuch. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/Synonymwoerterbuch (дата обращения: 1.01.2014).
3. *Толковый* словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Политика. URL: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html (дата обращения: 1.01.2014).
4. *Толковый* словарь русского языка Д.Н. Ушакова. Политика. URL: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html (дата обращения: 1.01.2014).
5. *Энциклопедический* словарь. Политика. URL: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html (дата обращения: 1.01.2014).
6. *Зайцев Н.Л.* Краткий словарь экономиста, 2000 г. Денежно-кредитная политика. URL: http://www.vocable.ru/dictionary/915/word/denezhno-kreditnaja-politika (дата обращения: 1.01.2014).
7. *Зверьков А.И.* Эффективность денежно-кредитной политики РФ в современных условиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003. 21 с.
8. *Стародубцева Е.Б.* Основы банковского дела. М., 2010. 287 с.
9. *Банки* и небанковские кредитные организации и их операции / под ред. Е.Ф. Жукова. М., 2004. 490 с.
10. *Организация* деятельности центрального банка : учеб. / под ред. Е.А. Звоновой. М., 2013. 400 с.
11. *Райзберг Б.А., Лозовской Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., 1999. Денежно-кредитная политика. URL: http://www.vocable.ru/dictionary/88/word/denezhno-kreditnaja-politika (дата обращения: 1.01.2014).
12. *Энциклопедический* словарь экономики и права. Денежно-кредитная политика. URL: http://www.economyx.ru/entsiklopedicheskiy_slovar_ekonomiki_i_prava/page/denejno-kreditnaya_politika.5095/ (дата обращения: 1.01.2014).
13. *Вадейко Е.И.* 350 терминов и понятий рыночной экономики : справ. учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2005. URL: http://www.vocable.ru/dictionary/863/word/denezhno-kreditnaja-politika (дата обращения: 1.01.2014).
14. *Словарь* по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина, М.И. Панова. 2006. URL: http://www.vocable.ru/dictionary/911/word/denezhno-kreditnaja-politika (дата обращения: 1.01.2014).

15. *Шульгин А.С.* Роль Европейского центрального банка в монетарной политике стран зоны евро : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 181 с.
16. *Бажан А.И.* Денежно-кредитная политика в послевоенной Западной Европе и современной России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 35 с.
17. *Порублева М.А.* Денежно-кредитная политика: проблемы и перспективы развития : дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 228 с.
18. *Финансы* и кредит / под ред. М.В. Романовского, Г.Н. Белоглазовой. М., 2012. 609 с.
19. *Авагян Г.Л., Ханина Т.М., Носова Т.П.* Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. М., 2011. 416 с.
20. *Азаров А.Ф.* Содержание денежно-кредитной политики и совершенствование статистического мониторинга деятельности коммерческих банков. Орёл, 2004. 218 с.
21. *Фетисов Г.Г., Лаврушин О.И., Мамонова И.Д.* Организация деятельности центрального банка. 2007. 432 с.
22. *Гусейнов Р.М., Семенихина В.А.* Экономическая теория. М., 2010. 439 с.
23. *Курс* экономической теории : учеб. / под общ. ред. проф. М.Н. Чепурина, проф. Е.А. Киселёвой. Киров : АСА, 2012. 875 с.
24. *Магдеев О.А.* Денежно-кредитная политика и её реализация в регионе : дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2005. 170 с.
25. *Гринкевич Л.С., Счастная Т.В., Сагайдачная Н.К., Казаков В.В.* Финансы и кредит. Томск, 2006. 595 с.
26. *Ахунзянова Д.Н.* Денежно-кредитная политика в системе государственного регулирования экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Чебоксары, 2008. 23 с.
27. *Duden.* Wörterbuch on-line. Geldpolitik. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/Geldpolitik (дата обращения: 1.01.2014).
28. *Батлер Б.* Финансы. Толковый словарь. Англо-русский. Денежно-кредитная политика. М. : Весь мир, 1998. 496 с.
29. *Долан Э.Дж.* Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. СПб., 1994. 496 с.
30. *Das umfassende* Nachschlagewerk für Finanzbegriffe. Geldpolitik. URL: http://www.finanz-lexikon.net/Geldpolitik_1314.html (дата обращения: 1.01.2014).
31. *Herbert E.* Volkswirtschaftslehre. Makroökonomie – Ausgewählte Politikbereiche. 2006. 353 s.
32. *Rogall H.* Geldpolitik – Volkswirtschaftliche Stabilität // Volkswirtschaftslehre für Sozialwossenschaftler. 2013. S. 287–304.
33. *Gabler Wirtschaftslexikon.* Geldpolitik. URL: http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/geldpolitik.html (дата обращения: 1.01.2014).
34. *Finanz – Lexikon.* Geldpolitik. URL: http://www.bankkonditionen.at/service/lexikon.cfm?buchstabe=G&id=2366 (дата обращения: 1.01.2014).
35. *Lexikon Steuern.* Geldpolitik. URL: http://www.cecu.de/lexikon/steuern/91-geldpolitik.htm (дата обращения: 1.01.2014).
36. *Weber A.A.* Geld und Geldpolitik. Deutsche Bundesbank, Frankfurt am Main, 2010. 252 s.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 сентября 2014 г.

THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE TERM "MONETARY POLICY"

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 178-183. DOI: 10.17223/15617793/389/30

Bespalova Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bespo@yandex.ru

Keywords: monetary policy; the theoretical approach; definition; term.

This article is devoted to study of the problem of definition of the term "monetary policy" (hereinafter – MP). At present no existing modern definitions of the given notion in domestic and foreign scientific literature is full; the world experience of conducting MP is also not taken into account. We offer to systematize domestic and foreign theoretical approaches to the definition of MP depending on emphasis made in definitions. Thereby, having analyzed Russian-language economic literature we have received the following results: definitions with an emphasis that MP is special events for maintenance of a high level of economic development of the country; measures in the money-credit sphere directed by means of special tools on maintenance of an efficient level of economy in the country; the state's course, including the government's, in the money and credit sphere and special measures directed on maintenance of an efficient level of economic development of the country; a course and measures of the state which influence economy by means of using special tools; a complex of the measures of a body accredited by the state in the field of money circulation and credit directed on maintenance of an efficient level of economy in the country; a component of state's policy in the money-credit sphere directed on maintenance of an efficient level of economy in the country; the total of the state's measures represented by the Central Bank (hereinafter – CB) directed on maintenance of a stable and efficient level of economic development; a component of the state policy in the field of money circulation and credit and, simultaneously, a complex of CB measures directed on maintenance of an efficient level of economy in the country; the total of tools and methods directed on maintenance of efficient economy. The analysis of foreign economic literature has shown the following: definitions with an emphasis that MP is actions of the government and CB in the money and credit sphere; measures and tools of the government for maintenance of efficient economy; actions in the money and credit sphere directed on the growth of economy; actions in the money and credit sphere which are realized on the base of the theories of money for the reason of maintenance of an efficient level of economy; actions of CB. We have learnt modern Russian-speaking, English-speaking and German-speaking theoretical approaches to the term "monetary policy"; they are similar. On the basis of the analysis we offer an elaborated interpretation for the term MP which, in our opinion, is universal, more relevant and can be equally applied for the explanation of the essence of MP of the national and supranational Central Bank.

REFERENCES

1. Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian synonyms. Practical guide]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 2001. 568 p.
2. Duden. *Synonymwörterbuch*. Available at: http://www.duden.de/rechtschreibung/Synonymwoerterbuch. (Accessed: 1st January 2014).
3. *Politika* [Policy]. In: Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language]. Available at: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html. (Accessed: 1st January 2014).
4. *Politika* [Policy]. In: Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Available at: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html. (Accessed: 1st January 2014).
5. *Politika* [Policy]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Available at: http://www.dict.t-mm.ru/all/politika.html. (Accessed: 1st January 2014).
6. *Denezhno-kreditnaya politika* [Monetary Policy]. In: Zaytsev N.L. *Kratkiy slovar' ekonomista* [Concise Dictionary of an economist]. Available at: http://www.vocable.ru/dictionary/915/word/denezhno-kreditnaja-politika. (Accessed: 1st January 2014).
7. Zver'kov A.I. *Effektivnost' denezhno-kreditnoy politiki RF v sovremennykh usloviyakh*. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk [The effectiveness of monetary policy in the current conditions. Abstract of Economics Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2003. 21 p.
8. Starodubtseva E.B. *Osnovy bankovskogo dela* [Basics of banking]. Moscow: Forum: Infra-M Publ., 2010. 287 p.
9. Zhukov E.F. (ed.) *Banki i nebankovskie kreditnye organizatsii i ikh operatsii* [Banks and non-bank credit organizations and their operations]. Moscow: Vuzovskiy uchebnik Publ., 2004. 490 p.

10. Zvonova E.A. (ed.) *Organizatsiya deyatel'nosti tsentral'nogo banka* [Organization of the central bank activity]. Moscow: Infra-M Publ., 2013. 400 p.
11. *Denezhno-kreditnaya politika* [Monetary Policy]. In: Rayzberg B.A., Lozovskoy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern Dictionary of Economics]. Available at: http://www.vocable.ru/dictionary/88/word/denezhno-kreditnaja-politika. (Accessed: 1st January 2014).
12. *Denezhno-kreditnaya politika* [Monetary Policy]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' ekonomiki i prava* [Encyclopedic Dictionary of Economics and Law]. Available at: http://www.economyx.ru/entsiklopedicheskiy_slovar_ ekonomiki_i_prava/page/denejno-kreditnaya_politika.5095/. (Accessed: 1st January 2014).
13. Vadeyko E.I. *350 terminov i ponyatiy rynochnoy ekonomiki* [350 terms and concepts of the market economy]. Moscow: MSU Publ., 2005. Available at: http://www.vocable.ru/dictionary/863/word/denezhno-kreditnaja-politika. (Accessed: 1st January 2014).
14. *Denezhno-kreditnaya politika* [Monetary Policy]. Petrunin Yu.Yu., Panov M.I. (ed.) *Slovar' po obshchestvoznaniyu* [Dictionary of social science]. Available at: http://www.vocable.ru/dictionary/911/word/denezhno-kreditnaja-politika. (Accessed: 1st January 2014).
15. Shul'gin A.S. *Rol' Evropeyskogo tsentral'nogo banka v monetarnoy politike stran zony evro*. Dis. kand. ekon. nauk [The role of the European Central Bank in the monetary policy of the euro zone states. Economics Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 181 p.
16. Bazhan A.I. *Denezhno-kreditnaya politika v poslevoennoy Zapadnoy Evrope i sovremennoy Rossii*. Avtoref. dis. d-ra ekon. nauk [Monetary policy in post-war Western Europe and modern Russia. Abstract of Economics Dr. Diss.]. Moscow, 2005. 35 p.
17. Porubleva M.A. *Denezhno-kreditnaya politika: problemy i perspektivy razvitiya*. Dis. kand. ekon. nauk [Monetary policy: problems and prospects. Economics Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 228 p.
18. Romanovskiy M.V., Beloglazova G.N. (eds.) *Finansy i kredit* [Finance and credit]. Moscow: Yurait Publ., 2012. 609 p.
19. Avagyan G.L., Khanina T.M., Nosova T.P. *Den'gi, kredit, banki* [Money, credit, banks]. Moscow: INFRA-M Publ., 2011. 416 p.
20. Azarov A.F. *Soderzhanie denezhno-kreditnoy politiki i sovershenstvovanie statisticheskogo monitoringa deyatel'nosti kommercheskikh bankov* [The content of monetary policy and improving the statistical monitoring of the activities of commercial banks]. Orel, 2004. 218 p.
21. Fetisov G.G., Lavrushin O.I., Mamonova I.D. *Organizatsiya deyatel'nosti tsentral'nogo banka* [Organization of the central bank activity]. Moscow: KNORUS Publ., 2007. 432 p.
22. Guseynov R.M., Semenikhina V.A. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow: Omega-LPubl., 2010. 439 p.
23. Chepurin M.N., Kiseleva Ye.A. (eds.) *Kurs ekonomicheskoy teorii* [The course of economic theory]. Kirov: ASA Publ., 2012. 875 p.
24. Magdeev O.A. *Denezhno-kreditnaya politika i ee realizatsiya v regione*. Dis. kand. ekon. nauk [Monetary policy and its implementation in the region. Economis Cand. Diss.]. Saransk, 2005. 170 p.
25. Grinkevich L.S., Schastnaya T.V., Sagaydachnaya N.K., Kazakov V.V. *Finansy i kredit* [Finance and credit]. Tomsk: NTL Publ., 2006. 595 p.
26. Akhunzyanova D.N. *Denezhno-kreditnaya politika v sisteme gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki*. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk [Monetary policy in the system of state regulation of the economy. Abstract of Economics Cand. Diss.]. Cheboksary, 2008. 23 p.
27. Duden. Wörterbuch on-line. *Geldpolitik*. Available at: http://www.duden.de/rechtschreibung/Geldpolitik. (Accessed: 1st January 2014).
28. Butler B. Finansy. *Tolkovyy slovar'. Anglo-russkiy. Denezhno-kreditnaya politika* [Explanatory Dictionary. English-Russian. Monetary policy]. Moscow: Ves' mir Publ., 1998. 496 p.
29. Dolan E.J. *Den'gi, bankovskoe delo i denezhno-kreditnaya politika* [Money, banking and monetary policy]. St. Petersburg: Sankt-Peterburg orkestr Publ., 1994. 496 p.
30. Das umfassende Nachschlagewerk für Finanzbegriffe. *Geldpolitik*. Available at: http://www.finanz-lexikon.net/Geldpolitik_1314.html. (Accessed: 1st January 2014).
31. Herbert E. *Volkswirtschaftslehre. Makroökonomie – Ausgewählte Politikbereiche*. 2006. 353 p.
32. Rogall H. *Geldpolitik – Volkswirtschaftliche Stabilität*. Volkswirtschaftslehre für Sozialwossenschaftler. 2013, pp. 287-304.
33. Gabler Wirtschaftslexikon. *Geldpolitik*. Available at: http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/geldpolitik.html. (Accessed: 1st January 2014).
34. Finanz – Lexikon. *Geldpolitik*. Available at: http://www.bankkonditionen.at/service/lexikon.cfm?buchstabe=G&id=2366. (Accessed: 1st January 2014).
35. Lexikon Steuern. *Geldpolitik*. Available at: http://www.cecu.de/lexikon/steuern/91-geldpolitik.htm. (Accessed: 1st January 2014).
36. Weber A.A. *Geld und Geldpolitik*. Deutsche Bundesbank, Frankfurt am Main, 2010. 252 p.

Received:12 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 184–188 DOI: 10.17223/15617793/389/31

УДК 331.108.2

А.В. Зеленцов, Е.С. Глухова

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Затронуты актуальные аспекты совершенствования кадровых технологий в деятельности государственной гражданской службы на примере Томской области. Актуальным направлением повышения эффективности гражданской службы является внедрение современных кадровых технологий, обеспечивающих кадровое планирование, качественный отбор на гражданскую службу, совершенствование квалификационных требований к должностям, развитие системы мотивации служащих и их профессионального развития. Рассматриваются вопросы, связанные с формированием кадрового резерва региона.

Ключевые слова: кадровые технологии; государственная гражданская служба; отбор и оценка кандидатов; кадровый резерв.

В управленческой деятельности важное место занимают технологии, применение которых позволяет решать задачи кадрового обеспечения стратегии организации, в частности органов власти.

Повышение эффективности и престижности государственной гражданской службы Томской области путем создания целостной системы управления стало целью реализации в течение 2010–2013 гг. Администрацией Томской области программы «Развитие государственной гражданской службы Томской области на 2010–2013 гг.». По итогам успешной реализации программы достигнуты следующие результаты в сфере кадровой политики государственной службы Томской области:

– в соответствии с федеральным законодательством при проведении конкурсов на замещение вакантных должностей и включение в кадровые резервы внедрена система оценки деловых и личностных качеств кандидатов с использованием различных конкурсных процедур;

– сформирован кадровый резерв гражданской службы, проводится работа по привлечению на гражданскую службу лиц, имеющих дипломы с отличием о высшем профессиональном образовании;

– внедрена практика обязательного участия в работе аттестационных и конкурсных комиссий, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов независимых экспертов;

– всеми исполнительными органами государственной власти Томской области используется практика установления испытательного срока при поступлении на гражданскую службу и закрепления за вновь принятым гражданским служащим наставника;

– во всех исполнительных органах государственной власти Томской области сформированы аттестационные комиссии, действующие на постоянной основе; аттестации и квалификационные экзамены гражданских служащих проводятся в плановом режиме;

– для повышения эффективности управления гражданской службой внедрена информационная система «1 С: Предприятие. Управление персоналом», используются официальный портал Администрации Томской области и официальные сайты органов государственной власти Томской области, сервисы федеральной информационной системы «Федеральный портал управленческих кадров»;

– приоритетные направления дополнительного профессионального образования гражданских служащих определяются исходя из перспективных целей и задач исполнительных органов государственной власти Томской области. Формирование и размещение государственного заказа на программы дополнительного профессионального образования осуществляется в соответствии с действующим законодательством. Внедрена система дистанционного обучения гражданских служащих Администрации Томской области. В образовательных программах усилены антикоррупционная и этическая составляющие посредством включения соответствующих модулей. Для повышения эффективности дополнительного профессионального образования осуществляется мониторинг образовательных программ с привлечением независимых экспертов;

– урегулированы вопросы правовой и социальной защищенности, пенсионного обеспечения и денежного содержания гражданских служащих.

Несмотря на достигнутые результаты, кадровые процессы в системе государственного управления нуждаются в совершенствовании. Актуальность решения задач кадрового обеспечения возрастает в условиях ориентации органов государственной власти и подведомственных организаций государственного сектора экономики на качественное оказание государственных услуг.

Актуальным направлением повышения эффективности гражданской службы является внедрение современных кадровых технологий, обеспечивающих кадровое планирование, качественный отбор на гражданскую службу, совершенствование квалификационных требований к должностям, развитие системы мотивации служащих и их профессионального роста. Анализ действующей системы показал, что формирование кадрового состава осуществлялось «под ситуацию»: конкурс объявлялся при возникновении вакансии, кадровый резерв не формировался на перспективу. Кроме того, с момента появления вакантной должности до момента ее замещения проходило более двух месяцев, в течение которых функции по освободившейся должности возлагались дополнительно на других сотрудников, что не способствовало их эффективной работе. Редко использовались методы отбора по компетенциям.

Важно отметить, что современная практика государственного управления, и прежде всего государ-

ственной гражданской службы, все более настоятельно требует подбора высокопрофессиональных, ответственных и динамичных руководителей и исполнителей.

К необходимым условиям создания высококвалифицированного аппарата государственной службы следует отнести неукоснительное соблюдение принципа отбора и продвижения лучших кадров на основе объективной оценки их профессиональных знаний, деловых и морально-нравственных качеств [1. С. 38]. Федеральный закон № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 60) устанавливает принципы формирования кадрового состава гражданской службы: «…назначение на должность гражданской службы гражданских служащих с учетом их заслуг в профессиональной служебной деятельности и деловых качеств; совершенствование профессионального мастерства гражданских служащих» [2].

Учитывая вышеизложенное, назрела необходимость совершенствования действующей системы формирования кадрового состава с учетом принципов кадрового планирования и современного компетентностного подхода.

Статьями 2, 4 Закона Томской области от 09.12.2005 № 231-ОЗ (ред. от 11.10.2013, 14.04.2014) «О государственной гражданской службе Томской области» установлены квалификационные требования к стажу и требования к профессиональным знаниям и навыкам. В настоящее время с целью привлечения успешных молодых специалистов на государственную гражданскую службу такие требования минимизированы для лиц, имеющих дипломы специалиста или магистра с отличием, – теперь они в течение трех лет со дня выдачи диплома могут быть приняты на должность консультанта или начальника отдела при наличии не менее одного года стажа государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажа работы по специальности. Необходимо отметить, что типовые требования к стажу для данных должностей составляют не менее двух лет стажа государственной гражданской службы (государственной службы иных видов), муниципальной службы или не менее четырех лет стажа работы по специальности, направлению подготовки.

Систематизированы объявление и проведение конкурсов на замещение вакантных должностей и включение в кадровые резервы. Согласно Распоряжению губернатора Томской области от 22.01.2014 № 6-р «Об оптимизации деятельности по формированию кадрового состава государственных гражданских служащих Администрации Томской области» соответствующие решения принимаются не чаще одного раза в квартал. Объявления о всех проводимых органами власти конкурсах размещаются на сайте Администрации Томской области с 10 по 30 число первого месяца каждого квартала. Итоги конкурса подводятся не позднее последнего месяца квартала. Это позволяет внедрить систему кадрового планирования, предусматривающую заблаговременное формирование и подготовку кадрового резерва под возможную вакансию.

При отборе кандидатов акцент сделан на оценку их деловых и личностных качеств с использованием различных конкурсных процедур, которые включают:

1) индивидуальное собеседование с соответствующим заместителем губернатора Томской области;

2) индивидуальное собеседование с руководителем структурного подразделения Администрации Томской области;

3) индивидуальное собеседование с членами конкурсной комиссии;

4) тестирование на знание Конституции Российской Федерации, основ законодательства о государственной гражданской службе и противодействии коррупции;

5) проведение групповой дискуссии;

6) подготовка реферата на заданную тему;

7) другие конкурсные процедуры, не противоречащие федеральным законам и иным нормативным правовым актам.

Всего в 2013 г. объявлено 70 конкурсов, в исполнительных органах государственной власти Томской области по результатам конкурса и из кадрового резерва, сформированного на конкурсной основе, всего замещено 302 должности.

В целом в конкурсах приняли участие 709 человек, что составило 6,8 человека на одну вакансию (в 2012 г. – 10,6). Средний возраст участников конкурсов 34,8 лет (в 2012 г. – 34,6 лет).

Необходимо отметить, что обязательное участие в работе конкурсных комиссий принимают независимые эксперты из ведущих организаций профессионального и общего образования, приоритетных отраслей экономики и социальной сферы Томской области, список которых обновляется ежегодно. В настоящее время в списке состоят 57 экспертов.

Особое внимание в последнее время уделяется работе с кадровым резервом. В специализированных учебниках по государственной службе и по управлению персоналом на государственной службе содержатся следующие определения:

1. Кадровый резерв – это группа руководителей и специалистов, обладающих способностью к управленческой деятельности, отвечающих требованиям, предъявляемым должностью того или иного ранга, подвергшихся отбору и прошедших систематическую целевую квалификационную подготовку [3. С. 272].

2. Кадровый резерв – это формируемый с учетом сводного реестра государственных гражданских служащих Российской Федерации и поступивших от государственных гражданских служащих (граждан) заявлений перечень лиц, прошедших в установленном порядке конкурсный профессиональный отбор и потому обладающих правом замещения должностей гражданской службы без конкурса, а также правом направления на профессиональную переподготовку, повышение квалификации [4. С. 210].

Таким образом, кадровый резерв как современная технология кадровой работы призван обеспечить, с одной стороны, карьерный рост государственных служащих, а с другой – привлечение новых квалифицированных работников, обновление кадрового состава, привлечение молодежи и опытных специалистов из других сфер жизнедеятельности в рамках механизма реализации конституционных прав граждан на равный доступ к государственной службе [5].

Многие авторы указывают на то, что применение на практике различных форм и технологий карьерной стратегии позволяет решать множество важнейших управленческих, кадровых, политических и социально-экономических задач. Главные из них: снижение текучести кадров; взращивание лидеров и специалистов внутри организации; подготовка перспективного управленческого кадрового резерва на выдвижение; повышение удовлетворенности работников своим трудом; стимулирование инициативы и повышение степени вовлеченности сотрудников в повседневную жизнь организации; сплочение и укрепление коллектива и его кадрового потенциала; оздоровление организационной культуры и улучшение морально-психологической атмосферы [6].

В связи с важностью работы с кадровым резервом изменены подходы к формированию и работе с кадровыми резервами государственной гражданской службы Томской области. В новой редакции принято Положение о кадровых резервах государственной гражданской службы Томской области, утвержденное Законом Томской области от 19.06.2014 № 80-ОЗ «О внесении изменения в Закон Томской области “Об утверждении Положения о кадровых резервах государственной гражданской службы Томской области”». В частности, введены:

1. Процедура кадрового планирования, предполагающая оценку потребности государственного органа Томской области в специалистах с учетом:

– кадровой укомплектованности государственного органа Томской области;

– обеспеченности государственного органа Томской области кадровым резервом;

– вероятности появления вакантных должностей гражданской службы в государственном органе Томской области;

– прогноза исключения из кадрового резерва государственного органа Томской области.

2. Понятие кадрового резерва Томской области как единого кадрового резерва государственных органов Томской области, который формируется Администрацией Томской области для замещения вакантных должностей гражданской службы высшей, главной и ведущей групп из лиц, включенных в кадровые резервы государственных органов Томской области, на основании представленных ими сведений.

3. В качестве одного из оснований исключения лица из кадрового резерва гражданской службы Томской области – назначение на должность гражданской службы, максимальную в рамках той группы должностей, на которую он был включен в кадровый резерв, что позволит обеспечить возможность регулирования карьерного роста в рамках одной группы должностей.

В кадровые резервы исполнительных органов государственной власти Томской области в 2013 г. включены 414 человек. На момент 01.07.2014 в кадровых резервах исполнительных органов государственной власти Томской области состояли 493 человека.

В целях ускорения адаптации вновь принятых на государственную гражданскую службу, а также подготовки лиц, состоящих в кадровом резерве, внедрены процедуры испытания и наставничества, предусматривающие закрепление за новыми сотрудниками наставника на период прохождения срока испытания. По действующему законодательству максимальная продолжительность срока испытания составляет один год.

В 2013 г. по решению представителя нанимателя в исполнительных органах государственной власти Томской области 288 лицам, назначенным на должности государственной гражданской службы, был установлен срок испытания, что составляет 95,4% от впервые принятых на государственную гражданскую службу Томской области по результатам конкурса и из кадрового резерва, сформированного на конкурсной основе. По итогам 2013 г.:

– 258 государственных гражданских служащих успешно завершили срок испытания;

– 23 государственных гражданских служащих уволились по собственному желанию во время прохождения испытания;

– у 51 государственного гражданского служащего срок испытания перешел на 2014 г.

По результатам оценки профессионально-личностных качеств государственного гражданского служащего разрабатывается программа развития профессиональных и личностных компетенций, которая учитывает цели и специфические требования конкретного государственного органа к профессионализму и компетенциям служащих. В программах дополнительного профессионального образования сделан упор не на информирование служащих, а на развитие их профессиональных и личностных компетенций, формирование у них новых поведенческих моделей.

Большое внимание уделяется подготовке руководящего состава. В частности, актуализирована блочно-модульная программа «Эффективный менеджмент», направленная на развитие управленческих компетенций государственных гражданских служащих категории «Руководители». Программа рассчитана на 144 ч и включает 11 следующие модули: управление по целям, техники принятия управленческих решений, мотивирование и развитие подчиненных, основы теории и организации государственной службы, этика государственной службы, управление коммуникациями, управление стрессом, управление временем, эффективная презентация. В 2010–2013 гг. обучение по данной программе прошли 88 государственных гражданских служащих из числа руководителей. В текущем году планируется издание учебного пособия к программе.

Кроме того, разработаны и находятся в стадии внедрения новые информационно-коммуникационные технологии:

1. Информационная система «Кадровые резервы государственной гражданской службы Томской области» на базе «1С: Предприятие». Эта система позволит создать единую информационную базу данных граждан Томской области, включенных в кадровые резервы исполнительных органов государственной власти Томской области. Ввод информационной системы в опытную эксплуатацию запланирован на сентябрь 2014 г., планируемый срок внедрения – декабрь 2014 г.;

2. Концепция раздела «Кадровая политика» на официальном интернет-сайте Администрации Томской области, которая предоставит возможность поиска по различным параметрам и фильтрам (должность, исполнительный орган государственной власти Томской области, группа, категория, уровень образования, направление образования, наличие опыта работы, вид конкурса, статус конкурса). Разработанная единая база вакансий обеспечит возможность ведения отдельной карточки для каждой вакансии, включая информацию о ее замещении. Планируемый срок внедрения – декабрь 2014 г.

В целях дальнейшего совершенствования кадровых технологий на государственной гражданской службе Томской области принято распоряжение Администрации Томской области от 16.07.2014 № 442-ра «Об утверждении основных направлений развития кадровых технологий на государственной гражданской службе Томской области и мероприятий по разработке и внедрению новых кадровых технологий на государственной гражданской службе Томской области на 2014–2016 гг.».

Реализация современных кадровых технологий на государственной службе является важнейшим средством управления количественными и качественными характеристиками состава персонала, обеспечивающим достижение таких важных целей, как формирование высококвалифицированного состава служащих в системе государственного управления и укрепление позитивного имиджа органов государственной власти Томской области как места работы, обеспечивающего наилучшие возможности для реализации инновационного, творческого потенциала граждан Томской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осейчук В.* Как преодолеть кадровый голод на гражданской и муниципальной службе? // Государственная служба. 2010. № 2 (март–апрель).
2. *О государственной* гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79ФЗ (в ред. Федеральных законов от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215 (Первоначальный текст документа). О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 396-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.12.2013. N 52 (часть I). Ст. 6961 (С учетом изменений).
3. *Управление* персоналом : учеб. для вузов / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М. : Банки и биржи; ЮНИТИ, 1998. 423 с.
4. *Правовое* обеспечение государственной службы РФ : учеб. / под общ. ред. И.Н. Барцица. М. : Изд-во РАГС, 2007. 560 с.
5. *Бахтаирова Е.А.* Кадровый резерв на государственной гражданской службе: проблемы теории и практики // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 4. URL: http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19298
6. *Астахов Ю.В.* Планирование деловой карьеры персонала как эффективная кадровая технология // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 10 ноября 2014 г.

NEW PRINCIPLES OF PERSONNEL POLICY IN THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE BODIES OF TOMSK OBLAST

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 184-188. DOI: 10.17223/15617793/389/31

Zelentsov Aleksandr V. Tomsk Oblast Administration (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zelentsov@tomsk.gov.ru
Glukhova Evgeniya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glukhovaes@tomsk.gov.ru

Keywords: staffing technology; civilian public service; selection and evaluation of candidates; personnel reserve.

Technology plays an important role in management, its application can meet the challenges of the human resources strategy of any organization and, in particular, those of the authorities. Despite the achieved results in realization of the program “Development of the civil service of Tomsk Oblast for 2010-2013”, the staffing processes in public administration are in need of being improved. A topical focus of improving the efficiency of the civil service is the introduction of modern staffing technologies which would enable human resource planning, qualitative selection of those to work in civil service, improving the qualification requirements for the positions, enhancing motivation of employees and their professional development. It should be noted that current practices in public administration, particularly the State civil service, increasingly require a proper selection of highly professional, responsible and dynamic leaders and managers. In the civil service of Tomsk Oblast the staffing processes are being constantly improved within the sector of human resources: the procedures of putting classified ads for vacancies as well as the process of application, interviewing and inclusion into the list of personnel reserves have been systematized. When selecting candidates, a strong focus is put on the assessment of business and personal qualities of a candidate through a range of competitive procurement procedures; special attention is paid to the formation, development and effective use of the personnel reserve; the mentoring system and the effectiveness of the probation period are being improved when considering the acceptance to the civil service. IT-technologies in personnel management information system are also being enhanced. Currently we use: - the system of the staffing provisions of the civil service of Tomsk Oblast on the basis of “1C: Enterprise” which allows us to create a centralized information database of candidates from the staffing provisions of the executive authorities of Tomsk Oblast; - a new concept of “personnel policy” section on the official Internet site of Tomsk Oblast Administration is being developed which would make the information on current and projected vacancies even more open and accessible to the public. Realization of modern human resource technologies in public service is an essential tool to control quantitative and qualitative characteristics of the formation of the staff leading to the achievement of important objectives such as the creation of a highly qualified team of employees in public administration and strengthening the positive image of Tomsk Oblast authorities as a working place, providing the best opportunities for realization of innovative, creative potential of the citizens of Tomsk Oblast.

REFERENCES

1. Oseychuk V. Overcoming personnel shortage in civil and municipal service. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2010, no. 2 (March-April). (In Russian).
2. On State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law of 27.07.2004, no. 79-FZ (in the edtion of Federal Laws of 12.28.2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF* 2004, no. 31, Art. 3215 (Original document). On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 28.12.2013 no. 396-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF,* 2013, no. 52 (part I), Art. 6961 (as amended). (In Russian).
3. Bazarov T.Yu., Eremin B.L. (eds.) *Upravlenie personalom* [Human Resource Management]. Moscow: Banki i birzhi, YuNITI Publ., 1998. 423 p.
4. Bartsits I.N. (ed.) *Pravovoe obespechenie gosudarstvennoy sluzhby RF* [Legal provision of the public service of the Russian Federation]. Moscow: Izd-vo RAGS Publ., 2007. 560 p.
5. Bakhtairova E.A. Personnel reserve in the state civil service: problems of theory and practice. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Izvestiya of the Irkutsk State Economics Academy*, 2014, no. 4. Available at: http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19298. (In Russian).
6. Astakhov Yu.V. Business Planning Staff Career as an Effective HR Technology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya – Saratov State University Izvestia. New Series. The Series "Sociology. Politology"*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 14-17. (In Russian).

Received: 10 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 189–191 DOI: 10.17223/15617793/389/32

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 372.879.6: 618.2-083

А.А. Бер, Л.В. Капилевич, Л.М. Бер

ВЛИЯНИЕ ВОДНО-ДЫХАТЕЛЬНОГО ТРЕНИНГА НА АДАПТАЦИЮ СИСТЕМЫ ВНЕШНЕГО ДЫХАНИЯ У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Изучалось влияние водно-дыхательного тренинга для беременных женщин на приспособление функций внешнего дыхания. Показано, что сочетанное применение дыхательных упражнений и аквагимнастики у беременных женщин способствует повышению функциональных резервов системы дыхания, что проявляется, прежде всего, в увеличении показателей бронхиальной проходимости. Сочетание упражнений в воде и обучения правильному дыханию является значимым фактором нормализации протекания беременности и родов у женщин.

Ключевые слова: беременность; аквагимнастика; внешнее дыхание.

Введение

Изменения, происходящие в дыхательной системе во время беременности, носят приспособительный характер, так как потребность в кислороде в этот период значительно возрастает [1]. Во время беременности в системе дыхания происходит целый ряд функциональных перестроек: учащение дыхания, увеличение дыхательного объема, возрастание минутного объема дыхания, увеличение альвеолярной вентиляции легких, увеличение жизненной емкости легких, увеличение работы дыхательных мышц из-за повышенной потребности в кислороде, снижение содержания кислорода в артериальной крови, снижение парциального давления углекислого газа в связи с гипервентиляцией.

Матка при беременности смещает диафрагму вверх, однако общая емкость легких изменяется незначительно из-за компенсаторного увеличения переднезаднего и поперечного размеров грудной клетки, а также увеличения межреберных промежутков. Несмотря на смещение вверх, диафрагма во время дыхания у беременных двигается с большей амплитудой, чем у небеременных. Дыхание при беременности больше диафрагмальное, чем грудное, что имеет определенные преимущества при положении пациентки на спине. Одышка, которая часто отмечается при беременности, обусловлена увеличением дыхательного объема, а не частотой дыхания [2].

Прогрессивное увеличение минутной вентиляции начинается с самых ранних сроков беременности и ко второму триместру достигает своего максимального прироста. Это происходит за счет увеличения дыхательного объема и увеличения частоты дыхания. Из-за того, что мертвое пространство остается неизменным, альвеолярная вентиляция к концу беременности становится выше [3]. Такие физиологические перестройки обусловливают необходимость тренировки дыхательной системы для улучшения снабжения кислорода организмом.

Занятия в воде – безопасный и полезный для беременных женщин способ физической нагрузки, наиболее эффективный в тренировке дыхательной системы. Вода расслабляет, снимает напряжение, поднимает настроение, тонизирует. Лечебно-профилактический водно-дыхательный тренинг – это один из методов повышения эффективности лечения гипоксии плода, снижения материнской заболеваемости, уменьшения частоты осложнений беременности и родов. Достоинствами тренинга являются его широкая доступность и простота исполнения. Он применяется при угрозе прерывания беременности, хронической внутриутробной гипоксии плода, артериальной гипертензии; противопоказаний нет.

Особенно полезно плавание для беременных в третьем триместре, когда заниматься другими видами спорта становится совсем неудобно. Во время беременности плавучесть тела повышается. Кроме того, физические упражнения в воде не так сильно нагружают суставы. Помимо этого, сопротивление воды замедляет движения, и поэтому плавание смягчает нагрузку на суставы по сравнению с резкими движениями физических упражнений на суше. Особенно благоприятно воздействует плавание на напряженные мышцы спины [3].

Цель работы – исследование влияния водно-дыхательного тренинга для беременных женщин на адаптацию системы внешнего дыхания.

Материалы и методы исследования: под наблюдением находились 34 беременных женщины (средний возраст 26 лет, срок беременности – 30–38 недель). Экспериментальную группу составили 17 женщин, посещающих курсы водно-дыхательного тренинга. Контрольную группу составили 17 женщин, не занимающихся какой-либо физической нагрузкой.

Комплекс упражнений основной группой выполнялся 4 раза в неделю под контролем методиста, а 3 раза в неделю – самостоятельно. Продолжительность дыхательной гимнастики 15–20 минут, аквагимнастики – 45 минут [4].

Комплекс дыхательной гимнастики состоит из 6 упражнений, которые выполняются в положении полусидя в расслабленном состоянии. Комплекс аквагимнастики включал в себя:

– активные упражнения у бортика;
– упражнения, вися на бортике спиной к нему;
– упражнения, вися на бортике лицом к нему;
– упражнения для груди;
– упражнения на воде;
– дыхательные упражнения;
– упражнения на задержку дыхания.

Упражнения выполняются на каждом занятии. 50% времени составляли активные упражнения с растяжкой, 50% – дыхательные упражнения и упражнения на задержку дыхания [5].

Состояние системы внешнего дыхания оценивалось с помощью диагностического комплекса «Валента®» («Валента®» – это автоматизированное рабочее место врача функциональной диагностики, позволяющее проводить исследования по нескольким методикам с формированием электронной истории болезни).

Для проведения исследования функций внешнего дыхания использовалась спирометрическая трубка, которая подключается к соответствующему разъему универсального регистратора ПБС «Валента®». Конструкция трубки обеспечивает высокую стабильность измерений объемных и скоростных показателей. Это достигается отсутствием в датчике элементов, изменяющих свои характеристики в процессе эксплуатации (сеток, нагревательных элементов, эластичных воздуховодов). Программа спирометрического исследования обеспечивает проведение основных дыхательных проб: ЖЕЛ – оценка дыхательных резервов и объемных показателей; ФЖЕЛ – оценка бронхиальной проходимости и вентиляционных функций дыхательной системы; МОД – оценка частоты и объема дыхания; МВЛ – оценка максимальной вентиляции легких.

При выполнении каждого маневра предоставляется до трех попыток. Выбор лучшей попытки производится автоматически; предусмотрена ручная корректировка.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием пакета статистических программ STATISTICA 17. Проверку на нормальность распределения проводили с использованием критерия Шапиро – Вилка. Нулевая гипотеза метода H_0 состоит в том, что выборка подчиняется нормальному закону распределения.

Для оценки достоверности различий несвязанных выборок использовали t-критерий Стьюдента (для параметров с нормальным распределением) и U-критерий Манна – Уитни (для параметра Индекс Тиффно, который не подчиняется закону нормального распределения).

Результаты исследования. Полученные данные представлены в табл. 1. Величина ЖЕЛвд у женщин, не занимающихся водно-дыхательным тренингом, составила 2,05±0,93 л, а у женщин основной группы – 5,03±1,58 л. Величина ЖЕЛвыд у женщин контрольной группы составила 1,68±0,95 л, у женщин, занимающихся водно-дыхательным тренингом, – 2,46±1,05 л. По данным показателям статистически достоверной разницы между группами не выявлено.

В результате исследования выявлены статистически значимые различия по величине показателя ФЖЕЛ у женщин основной и контрольной групп ($t = -1{,}124$; $p = 0{,}270$), она составила 2,15±0,86 и 2,49±0,89 л соответственно. Форсированная жизненная емкость легких (ФЖЕЛ) – объем воздуха, который можно выдохнуть при форсированном выдохе после максимального вдоха. У здоровых лиц ФЖЕЛ составляет 70–80% ЖЕЛ.

По величине показателя МВЛ также выявлены статистически значимые различия между женщинами, не занимающимися и занимающимися водно-дыхательным тренингом ($t = -1{,}565$; $p = 0{,}128$), она составила 2,15±0,86 и 2,49±0,89 соответственно.

Использование пробы с форсированным выдохом позволяет оценить трахеобронхиальную проходимость. Результат форсированного выдоха определяется комплексом анатомо-физиологических свойств легких. Значительную роль играет сопротивление потоку выдыхаемого воздуха в крупных бронхах и трахее. Определяющим фактором служит эластическое и трансмуральное давление, вызывающее компрессию бронхов. В норме не менее 70% форсированного выдохнутого воздуха приходится на первую секунду выдоха.

Таблица 1

Показатели внешнего дыхания у беременных женщин

Показатель	Контрольная группа	Основная группа	*p*
$ЖЕЛ_{вд}$, л	2,05±0,93	5,03±1,58	0,001
$ЖЕЛ_{выд}$, л	1,68±0,95	2,46±1,05	0,033
ФЖЕЛ, л	2,15±0,86	2,49±0,89	0,270
МВЛ, л	44,88±23,99	57,95±23,97	0,128

Таблица 2

Функциональная характеристика системы дыхания у беременных женщин

Показатель	Контрольная группа	Основная группа	*p*
Индекс Тиффно	32,2 (21,83–41,9)	34,8 (20,7–82,6)	0,339

Показатель «Индекс Тиффно» оценивался с помощью квартилей. Медиана (или Q_2) характеризует центральную тенденцию и является аналогом среднего, а Q_1 и Q_3 характеризуют разброс значений показателя у 50% женщин. В нашем случае Q_1 – 25% перцентиль, медиана – 50% перцентиль и Q_3 – 75% перцентиль. Из табл. 2 видно, что уровень значимости *p* значительно превышает порог 0,05. Это свидетельствует об отсутствии статистически значимых различий между исследуемым показателем у женщин основной и контрольной групп.

Обсуждение результатов. Все показатели, характеризующие состояние функции внешнего дыхания, условно можно разделить на три группы.

К первой группе относятся показатели, характеризующие легочные объемы и емкости. К легочным объемам относятся: дыхательный объем, резервный объем вдоха и остаточный объем (количество воздуха, остающееся в легких после максимального глубокого выдоха). К емкостям легких относятся: общая емкость (количество воздуха, находящегося в легких после максимального вдоха), емкость вдоха (количество воздуха, соответствующее дыхательному объему и резервному объему вдоха), жизненная емкость легких (состоящая из дыхательного объема, резервного объема вдоха и выдоха), функциональная остаточная емкость (количество воздуха, остающееся в легких после спокойного выдоха – остаточный воздух и резервный объем выдоха).

Ко второй группе относятся показатели, характеризующие вентиляцию легких: частота дыхания, дыхательный объем, минутный объем дыхания, минутная альвеолярная вентиляция, максимальная вентиляция легких, резерв дыхания или коэффициент дыхательных резервов.

К третьей группе относятся показатели, характеризующие состояние бронхиальной проходимости: форсированная жизненная емкость легких и максимальная объемная скорость дыхания во время вдоха и выдоха.

Полученные результаты свидетельствуют, что адаптация системы дыхания у беременных женщин при занятиях водно-дыхательным тренингом происходит преимущественно за счет показателей второй и третьей групп.

Выводы:

1. Дозированная физическая активность является значимым фактором нормализации протекания беременности и родов у женщин. Сочетание упражнений в воде и обучения правильному дыханию – одна из перспективных форм физической активности при беременности.

2. Сочетанное применение дыхательных упражнений и аквагимнастики у беременных женщин способствует повышению показателей функциональной жизненной емкости легких и максимальной вентиляции легких.

3. Применение дыхательных упражнений в сочетании с аквагимнастикой не влияет на величину показателей жизненной емкости легких вдоха, жизненной емкости легких выдоха и индекса Тиффно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривоногова Т.С., Евтушенко И.Д.* Комплексный подход к оздоровлению беременных женщин. Томск : Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2008. 122 с.
2. *Жизнь* и здоровье женщины : большая энциклопедия. М. : АНС, 2004. 1120 с.
3. *Изменения* дыхательной и иммунной систем при беременности. URL: http://www.art-med.ru/articles/list/art233
4. *Физические* упражнения для беременных. URL: http://www.zdorovie.ru/?pt=1039
5. *Бер А.А., Радаева С.В., Кабачкова А.В.* Методика проведения аквагимнастики для беременных женщин с использованием дыхательных упражнений // Физическая культура, здравоохранение, образование. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. С. 256–260.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 20 октября 2014 г.

EFFECTS OF WATER-BREATHING EXERCISES ON THE ADAPTATION OF THE EXTERNAL RESPIRATION SYSTEM OF PREGNANT WOMEN

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 189-191. DOI: 10.17223/15617793/389/32

Ber Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: berka1989@gmail.com

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Ber Ludmila M. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: berlm@tpu.ru

Keywords: pregnancy; aqua-gymnastics; external respiration.

The research is aimed to study the effects of water-breathing exercises on the adaptation of respiratory functions of pregnant women. It is shown that the combined use of breathing exercises and aqua-gymnastics in pregnant women contributes to greater functional reserves of the respiratory system, which is manifested primarily in the increase of airway conductance. The combination of exercises in water and proper breathing is a significant factor in the normalization of pregnancy and childbirth in women. All parameters indicating the state of external respiration can be divided into three groups. The first group includes parameters describing lung volumes and capacities. Parameters for lung volumes include: breathing capacity, inspiratory reserve volume and pulmonary residual volume (the amount of air remaining in the lungs after the maximal exhale). Lung capacity parameters include: the total capacity (the amount of air present in the lungs after the maximal inhale), inspiratory capacity (the amount of air corresponding to the breathing capacity and inspiratory reserve volume), vital capacity (consisting of breathing capacity, inspiratory reserve volume and expiratory reserve volume), functional residual capacity (the amount of air remaining in the lungs after a tidal - the residual air and expiratory reserve volume). The second group of parameters characterizes lung ventilation: respiratory rate, breathing capacity, respiratory minute volume, minute alveolar ventilation, maximal pulmonary breathing capacity, breathing reserve or respiratory reserves. The third group includes parameters describing the state of airway conductance: forced vital lung capacity and maximum volumetric flow rate of breathing during inhalation and exhalation. The results obtained indicate that the adaptation of the respiratory system of pregnant women with a variety of water-breathing exercises is mainly due to the parameters of the second and third groups. The results lead to the following conclusions: 1. The graduated exercise is a significant factor in normalizing pregnancy and childbirth in women. The combination of exercise in water and proper breathing is one of the most prospective forms of physical activity during pregnancy. 2. The combined use of breathing exercises and aqua-gymnastics in pregnant women contributes to the increase of functional parameters of the vital capacity and maximal pulmonary breathing capacity. 3. The use of breathing exercises combined with aqua-gymnastics does not affect the performance of the inhalation and exhalation vital capacity and Tiffno index.

REFERENCES

1. Krivonogova T.S., Evtushenko I.D. *Kompleksnyy podkhod k ozdorovleniyu beremennykh zhenshchin* [An integrated approach to the improvement of pregnant women]. Tomsk: TUSUR Publ., 2008. 122 p.
2. *Zhizn' i zdorov'e zhenshchiny: bol'shaya entsiklopedi*ya [The life and health of the woman: a large encyclopedia]. Moscow: ANS Publ., 2004. 1120 p.
3. *Izmeneniya dykhatel'noy i immunnoy sistem pri beremennosti* [Changes in the respiratory and immune systems during pregnancy]. Available at: http://www.art-med.ru/articles/list/art233.
4. *Fizicheskie uprazhneniya dlya beremennykh* [Exercise for pregnant women]. Available at: http://www.zdorovie.ru/?pt=1039.
5. Ber A.A., Radaeva S.V., Kabachkova A.V. *Metodika provedeniya akvagimnastiki dlya beremennykh zhenshchin s ispol'zovaniem dykhatel'nykh uprazhneniy* [The methodology of the aqua-gymnastics with respiratory exercises for pregnant women]. In: *Fizicheskaya kul'tura, zdravookhranenie, obrazovanie* [Physical culture, health, education]. Tomsk: TSU Publ., 2010, pp. 256-260.

Received: 20 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 192–195 DOI: 10.17223/15617793/389/33

УДК 378.046

В.Н. Гуляев, Р.А. Климов

РАЗВИТИЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОФИЦЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОБЛЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ОБУЧЕНИЯ

Представлены сущностные признаки и критерии эффективности проблемно-деятельностного подхода в процессе развития рефлексивной педагогической компетентности офицеров. Обосновано, что актуальным, интегрированным результатом системы подготовки военных педагогов становится рефлексивный уровень педагогической компетентности. Выявлены теоретико-методологические основания проблемно-деятельностного обучения. Раскрыты критерии, отражающие организационно-мыслительную, организационно-коммуникативную и организационно-деятельностную стороны процесса подготовки офицеров к педагогической деятельности с позиций проблемно-деятельностного подхода к обучению.

Ключевые слова: рефлексивная педагогическая компетентность; подготовка офицеров; педагогическая деятельность; развитие; проблемно-деятельностное обучение; сущностные признаки; критерии эффективности.

Основой обеспечения высокого уровня военного образования является соответствующее качество и эффективность подготовки военных педагогов. Это требует опережающего развития теоретико-методологических и технологических основ подготовки, повышения квалификации и переподготовки военных педагогов. Данное обстоятельство отражает тот факт, что в современных условиях актуальным, интегрированным результатом системы подготовки военных педагогов становится рефлексивный уровень педагогической компетентности, соответствующий императивам непрерывного усложнения осуществляемой ими педагогической деятельности [1. С. 249] (рис. 1).

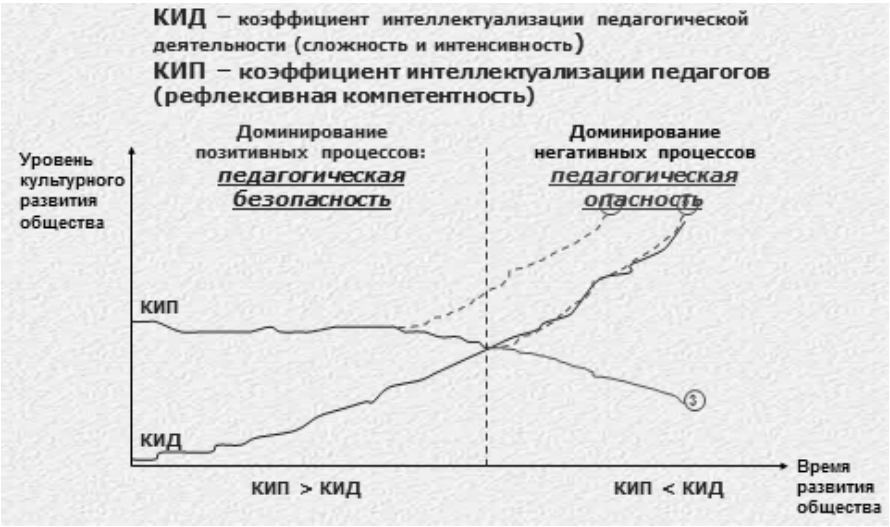

Рис. 1. Рефлексивная компетентность – условие соответствия педагога императивам усложнения педагогической деятельности

Анализ исследований в этой области показывает, что наиболее эффективно процесс развития рефлексивной педагогической компетентности у офицеров в процессе их подготовки к педагогической деятельности осуществляется в рамках проблемно-деятельностного подхода к обучению (далее ПДО) [2–4] (рис. 2).

В рамках ПДО ставится задача достижения наибольшей адекватности феноменального процесса обучения проблемно-деятельностной сущности бытия субъекта деятельности [5. С. 157]. Естественно, достичь исчерпывающей адекватности в этом направлении невозможно. Данное обстоятельство придаёт ПДО статус саморазвивающейся педагогической теории и практики и обусловливает необходимость выхода педагогов на междисциплинарный и методологический уровни поисково-исследовательской деятельности в области теории и практики ПДО, что, в свою очередь, проявляется в чрезвычайной подвижности содержательных и формных компонентов системы критериев и показателей его эффективности. Следовательно, в той мере, в какой выявлены теоретико-методологические основания ПДО, можно говорить об уровне объективности критериев, отражающих обоснованность способов достижения поставленной педагогической цели, и достижении соответствия достигнутых результатов обучения поставленным целям.

Процесс генерализации технологических идей ПДО «опредмечивается» в системной совокупности организационно-деятельностных, организационно-коммуникативных и организационно-мыслительных педагогических проектов, в рамках которых моделируются фундаментальные инварианты самоорганизации проблемно-деятельностного характера бытия субъекта и, следовательно, формируется потенциал

его самодостаточности в версии способности к организации саморазвития не только себя, но и других [6, 7]. Это происходит потому, что процесс подготовки офицеров к педагогической деятельности, спроектированный таким образом, является деятельностным проживанием ими педагогической функции.

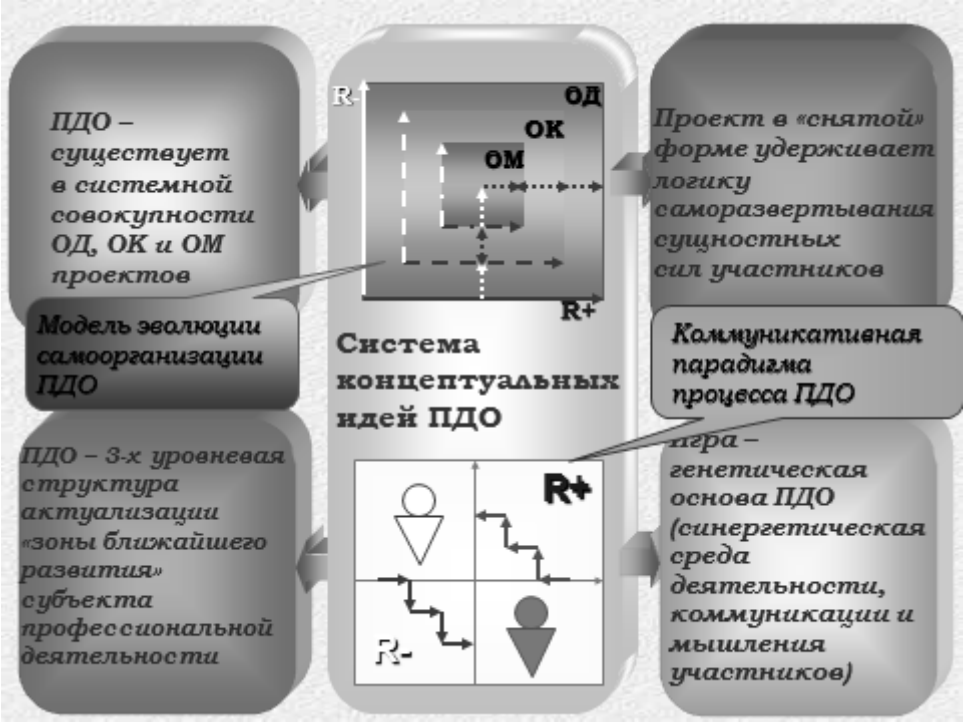

Рис. 2. Система концептуальных идей ПДО

В рамках проекта ПДО деятельность обучающихся носит саморазвивающийся характер. Источником их самодвижения становится внутренняя противоречивость, присущая феномену деятельности. С одной стороны, деятельность актуализируется в ситуации «проблемы» как универсальный способ депроблематизации. С другой стороны, «проблема» появляется как производная феноменальной деятельности субъекта. В нашем исследовании проект подготовки офицеров к педагогической деятельности в вузе с позиций ПДО модельно представлен как эволюция процесса педагогической деятельности, состоящей из этих ритмов. Они генерируют друг друга и создают эффект непрерывного саморазвития ПДО и, следовательно, эффект непрерывного саморазвития обучающихся. Интериоризация субъектами процесса подготовки к педагогической деятельности этапов саморазвития феноменальной педагогической деятельности, спроектированных педагогом, экстериоризируется затем в реальных условиях в виде самоорганизующегося развития – способа существования педагога в инновационной среде педагогической деятельности [7, 8].

В рамках ПДО достигается деятельностная форма единства теоретических и практических ингредиентов функциональности обучающегося педагогической деятельности, т.е. в процессе подготовки офицеров достигается единство концептуального и технологического оснований педагогической деятельности обучающихся. Это обеспечивается тем, что опыт педагогической деятельности систематически подвергается осмыслению, а собственно процесс осмысления – последующему уровню осмысления. Тем самым, сложившийся стереотип «смыслообразования» проблематизируется, и актуализируется императив «смыслопорождения». Создаваемый концептуальный конструкт трансформируется в проектную, технологическую норму, которая, в силу специфики ПДО, постоянно повышает свою интеллектуалоёмкость, т.е. повышает интеллектуалоёмкость «способа превращения цели в результат». Затем саморазвивающийся цикл-флуктуация повторяется вновь. Это позволяет будущему педагогу видеть не только контекст возникшей педагогической ситуации, но и контекст процесса опережающей проблематизации функциональности будущих обучающихся с целью выведения их на уровень соответствия норме проблемности феноменальной учебной ситуации [8].

Таким образом, спецификой проблемно-деятельностного обучения в вузе в процессе развития рефлексивной педагогической компетентности офицеров, выделяющей его среди других подходов к обучению, является появление в процессе подготовки, в качестве основной задачи, моделирования нормы проблемности, соответствующей норме проблемности саморазвивающейся педагогической деятельности. Такая задача не ставится в рамках других подходов к подготовке офицеров к педагогической деятельности [9. С. 111]. В процессе подготовки офицеров к педагогической деятельности с позиций проблемно-деятельностного подхода к обучению проектируется модель саморазвития их педагогической компетентности, что позволяет «снять» норму проблемности, соответствующую норме проблемности феномена саморазвивающейся педагогической деятельности.

Несоответствие нормы проблемности, моделируемого процесса переподготовки офицеров к педагогической деятельности, норме проблемности саморазвивающейся педагогической деятельности, актуализируемой в реальных условиях, является основным источником развития процесса подготовки офицеров к педагогической деятельности. Таким образом, моделирование в процессе подготовки офицеров к педагогической деятельности нормы проблемности, адекватной норме проблемности саморазвивающейся педагогической деятельности, становится основной закономерностью и основным сущностным признаком процесса подготовки.

В ходе исследования были обоснованы и апробированы критерии, отражающие организационно-мыслительную, организационно-коммуникативную и организационно-деятельностную стороны процесса подготовки офицеров к педагогической деятельности с позиций проблемно-деятельностного подхода. Критерии, отражающие организационно-мыслительную сторону процесса: смена парадигмальных оснований динамической смысловой системы обучающихся, методологизация их педагогического мышления, формирование культуры смыслопорождения и т.д. Критерии, отражающие организационно-коммуникативную сторону процесса: опыт проектирования саморазвивающихся педагогических коммуникаций и педагогического управления ими с ценностных оснований ПДО, способность к пересистематизации концептуальных оснований проектирования педагогических коммуникаций в соответствии с логикой смены качественных этапов их эволюции в учебном процессе и т.д. Критерии, отражающие организационно-деятельностную сторону процесса: способность к целеполаганию процесса педагогической деятельности с позиций ПДО; способность к проектированию и реализации модели саморазвивающейся педагогической деятельности; способность к дифференциации качественных этапов управления процессом обучения с позиций ПДО и т.д.

Данное и ранее проведенные исследования [9] свидетельствуют о том, что проекты подготовки кадров к различным видам профессиональной деятельности с позиций проблемно-деятельностного подхода к обучению моделируют эволюцию процесса приращения негэнтропийного потенциала субъекта, выражающегося в непрерывно саморазвивающейся компетентности субъекта деятельности. Но приращение это происходит противоречиво в так называемой диссипативной форме, т.е. посредством организации усилий обучающихся по пересистематизации своего системно существующего опыта [10. С. 108]. Этот сущностный процессуальный признак ПДО, моделирующий фундаментальный инвариант процесса развития и педагогической деятельности, выступает в качестве одного из основных критериев эффективности подготовки офицеров к педагогической деятельности в вузе.

Следует также отметить, что проведённое исследование процесса развития рефлексивной педагогической компетентности офицеров показывает, что принципиальное отличие ПДО от других концептуальных подходов к подготовке офицеров к педагогической деятельности заключается в том, что в рамках ПДО моделируется процесс саморазвития педагогической деятельности обучающихся [11. С. 30]. Поэтому основными критериальными признаками эффективности данного подхода в ранее осуществлённых и в данном исследовании становятся признаки самодостаточности будущих педагогов в «устойчиво неравновесной» педагогической среде вуза, выраженные, как правило, в сущностной форме исследуемых явлений. Эти сущностные признаки являются производными процесса постоянного саморазвития подготовки офицеров к педагогической деятельности. Поэтому, в отличие от исследований в этой области с позиций других подходов, в исследованиях с позиций проблемно-деятельностного подхода качественные изменения в подготовке офицеров к педагогической деятельности оцениваются преимущественно не на квалиметрическом, а на качественно-содержательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуляев В.Н.* Методология и технология развития рефлексивной компетентности военного педагога // Материалы первой Международной межведомственной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития военного образования». Астана, 2013. С. 248–252.
2. *Гуляев В.Н.* Методология совершенствования проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе. М. : ВАГШ, 2001. 172 с.
3. *Гуляев В.Н.* Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 382 с.
4. *Гуляев В.Н.* Проблемно-деятельностный подход к обучению в высшей военной школе – методология и технология педагогической безопасности // Кирсановские чтения : сб. науч. ст. Казань, 2012. Вып. 1. С. 29–38.
5. *Гуляев В.Н., Марченков В.И.* Проблемно-деятельностный подход к обучению в высшей военной школе как методологическая и технологическая основа педагогической безопасности // Мир образования – образование в мире. 2012. № 1. С. 155–163.
6. *Гуляев В.Н., Недбайло С.В.* Развитие научных и прикладных основ проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе. М. : Военный университет, 2012. 138 с.
7. *Гуляев В.Н., Логинов И.П.* Технологии развивающего обучения в вузах силовых ведомств: теоретико-методологический аспект // АПС : материалы Междунар. конф. Алматы, 2012. С. 66–81.
8. *Гуляев В.Н., Климов Р.А.* Реализация проблемно-деятельностного подхода в переподготовке офицеров к педагогической деятельности // Мир образования – образование в мире. 2013. № 4. С. 95–99.
9. *Климов Р.А.* Анализ исследованности проблемы переподготовки офицеров к педагогической деятельности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 250–252.
10. *Гуляев В.Н., Воронов В.Н.* Анализ существующих подходов к обучению в высшей школе // Мир образования – образование в мире. 2012. № 2. С. 107–114.
11. *Гуляев В.Н., Воронин Д.В.* Оптимизация технологических подходов к обучению курсантов военных вузов // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 29–31.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 22 октября 2014 г.

DEVELOPMENT OF OFFICERS' REFLEXIVE PEDAGOGICAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF PROBLEM-ACTIVITY TRAINING

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 192-195. DOI: 10.17223/15617793/389/33

Gulyaev Vladimir N. Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: vlgulyaev@mail.ru

Klimov Roman A. Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: x999cc@rambler.ru

Keywords: reflexive pedagogical competence; training of officers; pedagogical activity; development; problem-activity training; intrinsic signs; criteria of efficiency.

Providing an appropriate level of military education in modern conditions demands advancing development of theoretical-methodological and technological bases of preparation, professional development and training of military teachers. The reflexive level of pedagogical competence corresponding to the imperatives of continuous complication of pedagogical activity carried out by them becomes the actual result of the system of military teacher training. The analysis of researches in this area shows that the development of reflexive pedagogical competence of officers in the course of their training to pedagogical activity is carried out most effectively within the problem-activity approach to training. Within the problem-activity training the task of achievement of the greatest adequacy of the phenomenal process of training of the problem-activity essence of life of the subject of activity is set. The status of problem-activity training as spontaneous pedagogical theory and practice causes need of teachers to enter the interdisciplinary and methodological levels of search-research activity in the field of the theory and practice of problem-activity training. It finds manifestation in extreme mobility of substantial components of the system of criteria and indicators of its efficiency. Therefore, if the theoretical-methodological bases of problem-activity training are revealed, it is possible to speak about the level of objectivity of the criteria reflecting the validity of ways of achievement of the set pedagogical purpose, and achievement of compliance of the reached results of training with goals. The process of generalization of technological ideas of problem-activity training reveals in a system set of organizational-activity, organizational-communicative and organizational-cogitative games. Therefore, during the research, the criteria reflecting the organizational-cogitative, organizational-communicative and organizational-activity sides of officer training to pedagogical activity from the positions of the problem-activity approach were proved and approved. It should be noted also that the carried-out comparative analysis of the problem-activity approach in training of officers to pedagogical activity with other conceptual approaches in the field shows that the fundamental difference from them is that within the problem-activity training self-development of pedagogical activity of the trained is modeled. Therefore, signs of self-sufficiency of future teachers in the "steadily unbalanced" pedagogical environment of a higher education institution expressed, as a rule, in the intrinsic form of the studied phenomena become the main criteria signs of efficiency of this approach in earlier and this researches. These intrinsic signs are derivatives of the process of continuous self-development of training of officers to pedagogical activity.

REFERENCES

1. Gulyaev V.N. [Methodology and technology of the military teacher reflective competence development]. *Materialy pervoy mezhdunarodnoy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya voennogo obrazovaniya"* [Proceedings of the First International interdepartmental scientific-practical conference "Current state and prospects of development of military education"]. Astana, 2013, pp. 248-252. (In Russian).
2. Gulyaev V.N. *Metodologiya sovershenstvovaniya problemno-deyatel'nostnogo obucheniya v vysshey voennoy shkole* [Methodology for improving the activity of problem-learning in higher military school]. Moscow: VAGSh Publ., 2001. 172 p.
3. Gulyaev V.N. *Razvitie teorii i praktiki problemno-deyatel'nostnogo obucheniya v vysshey voennoy shkole*. Dis. d-ra ped. nauk [Development of the theory and practice problem-activity learning in higher military school. Pedagogy Dr. Diss.]. Moscow, 2003. 382 p.
4. Gulyaev V.N. Problemno-deyatel'nostnyy podkhod k obucheniyu v vysshey voennoy shkole – metodologiya i tekhnologiya pedagogicheskoy bezopasnosti [Problem-active approach to teaching in higher military school: methodology and technology of teaching security]. *Kirsanovskie chteniya*, 2012 issue 1, pp. 29-38.
5. Gulyaev V.N., Marchenkov V.I. Problemno-deyatel'nostnyy podkhod k obucheniyu v vysshey voennoy shkole kak metodologicheskaya i tekhnologicheskaya osnova pedagogicheskoy bezopasnosti [Problem-active approach to learning in higher military school as a methodological and technological basis for teaching security]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*, 2012, no. 1, pp. 155-163.
6. Gulyaev V.N., Nedbaylo S.V. *Razvitie nauchnykh i prikladnykh osnov problemno-deyatel'nostnogo obucheniya v vysshey voennoy shkole* [Development of scientific and applied principles of problem-activity learning in higher military school]. Moscow: Voennyy universitet Publ., 2012. 138 p.
7. Gulyaev V.N., Loginov I.P. [Technology of developing training in higher schools of law enforcement agencies: theoretical and methodological aspect]. *APS: materialy mezhd. konf.* [APS: Proc. of the International Conference]. Almaty, 2012, pp. 66-81. (In Russian).
8. Gulyaev V.N., Klimov R.A. Realizatsiya problemno-deyatel'nostnogo podkhoda v perepodgotovke ofitserov k pedagogicheskoy deyatel'nosti [The implementation of problem-active approach to the training of officers for teaching]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*, 2013, no. 4, pp. 95-99.
9. Klimov R.A. Analysis of how well the problem of officers' retraining for teaching activities is researched. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2013, no. 10, pp. 250-252. (In Russian).
10. Gulyaev V.N., Voronov V.N. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k obucheniyu v vysshey shkole [Analysis of existing approaches to teaching in higher education]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire,* 2012, no. 2, pp. 107-114.
11. Gulyaev V.N., Voronin D.V. Optimizatsiya tekhnologicheskikh podkhodov k obucheniyu kursantov voennykh vuzov [Optimization of technological approaches to teaching students of military universities]. *Yuridicheskaya psikhologiya*, 2013, no. 2, pp. 29-31.

Received: 22 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 196–205 DOI: 10.17223/15617793/389/34

УДК 378.016

О.Н. Калачикова

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: ПОТЕНЦИАЛ ПРОГРАММЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

Представлено исследование результатов реализации программы образовательного сопровождения курсовых и дипломных работ студентов, обучающихся по направлению подготовки «менеджмент» на факультете психологии ТГУ. Обоснованы характеристики образовательных и организационных результатов программы, раскрывающие потенциал и проблемы использования программы образовательного сопровождения при реализации основной образовательной программы подготовки бакалавров.

Ключевые слова: образовательные программы; образовательное сопровождение; качество образования; метапредметные компетенции; курсовые и дипломные работы студентов; формирование исследовательских компетенций.

Задача формирования исследовательских компетенций студентов в университете на сегодняшний день общепризнана и, можно сказать, обязательна, так же как и формы её реализации – курсовые и дипломные работы. Однако вопрос качества исследований, выполняемых студентами в рамках этих работ, так же как и вопрос результативности формирования исследовательских компетенций, не перестаёт волновать преподавателей вуза. В Томском государственном университете уделяется большое внимание участию студентов в исследовательской деятельности. Поэтому вопросы о том, как студенты вовлечены в исследовательскую деятельность, какие организационные, образовательные и педагогические средства могут обеспечить высокое качество выполнения курсовых и дипломных работ для кафедры управления образованием, реализующей подготовку студентов по направлению «Управление персоналом», стоят очень остро. И дело не только в том, что многие студенты компилируют курсовые работы на материале интернет-ресурсов. Более важно для нас то, что исследование в условиях становления информационного общества становится фундаментом успешной профессиональной деятельности руководителя, а обеспечение аналитического и исследовательского сопровождения управления – залогом успеха развивающейся организации.

Основная образовательная программа (ООП), в рамках которой мы разрабатывали и реализуем программу образовательного сопровождения курсовых и дипломных работ, так и называется: «Управление персоналом в развивающейся организации». К пониманию необходимости создания программы сопровождения мы пришли в поисках условий успешного выполнения курсовых и дипломных работ студентов. Инициатором и руководителем программы образовательного сопровождения является Галина Николаевна Прозументова. Ею были обоснованы базовые характеристики модели организации научно-исследовательской и образовательной деятельности в университете, создающие предпосылки возникновения затруднений при формировании исследовательских компетенций студентов [1]. Г.Н. Прозументовой было сформулировано различение между компетенциями научно-исследовательской деятельности как деятельности по «добыванию научного знания» и исследовательской компетенцией как «стержневой» и системообразующей компетенцией менеджера, осуществляющего исследования для постановки и решения задач управления организацией [1]. Оно было положено в основу проектирования содержания образовательной программы по формированию исследовательских компетенций менеджеров по персоналу. Эта программа была реализована на практике в течение 5 лет, что позволило накопить материал для анализа её результативности.

Объект представленного исследования – процесс повышения качества образования при реализации ООП по направлению «Управление персоналом» в университете. Предметом исследования выступила программа образовательного сопровождения выполнения курсовых и дипломных работ. Мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Выявить влияние результатов программы образовательного сопровождения на повышение качества образования при реализации основной образовательной программы по направлению «Управление персоналом».

2. Выявить организационные механизмы реализации программы образовательного сопровождения в структуре и логике основной образовательной программы.

3. Выявить проблемы управления реализацией программы образовательного сопровождения в рамках основной образовательной программы.

Для решения первой задачи нами был построен контекст понятия качества образования при реализации основной образовательной программы. Представление о качестве образования является интегративной характеристикой образовательной программы подготовки бакалавров по направлению. В этой связи формирование исследовательских компетенций студентов можно рассматривать как одну из наиболее явных характеристик качества образования, поскольку наличие этой компетенции отражает не только качество освоения отдельных дисциплин, но и появление так называемых метарезультатов – результатов образования, используемых самим студентом для построения представления о цели и качестве своего образования. Например, результатом образования при изучении курса «Организационная диагностика» может выступать компетенция использования методик организационной диагностики для постановки проблемы

управления организацией. Результатом и показателем этой компетенции является способность и готовность студента применить методику для выполнения диагностики. Однако постановка самим студентом задачи по освоению данной методики, рефлексия и анализ собственного опыта применения методик, самостоятельное обоснование необходимости выбора той или иной методики в проведении диагностики организации, наконец, способность самостоятельно оценить правильность своего выбора не являются объективным составляющим элементом указанной выше компетенции. В целом проблематика метарезультатов и метакомпетенций в настоящее время активно исследуется [2–4]. Для нас важно то, что формирование исследовательских компетенций несводимо к навыку выполнения исследований и знанию методов и методологии. Поэтому в нашем исследовании мы сосредоточились на выявлении эмпирических признаков *качественно новых образовательных результатов*, возникающих в ходе формирования исследовательских компетенций и несводимых к собственно компетенциям *научно-исследовательской* деятельности.

Вопрос о том, как происходит овладение деятельностью и становление компетенции в процессе изучения отдельных дисциплин, является базовым для разработчиков образовательных программ в логике образовательного стандарта третьего поколения. Это связано с тем, что структура учебного плана ООП выстроена вертикально по принципу предметно-тематического накопления дисциплин [5. С. 25–29]. В то время как ориентированный на компетенции образовательный стандарт предполагает реализацию деятельностного принципа [5]. То есть стандарт предполагает переход количественного накопления компетенций по отдельным дисциплинам в качественный показатель – овладение исследовательской компетенцией и становление исследовательской позиции. Неочевидность и негарантированность этого процесса проявляется в нарастании формализации курсовых работ, скачивании курсовых и рефератов из Интернета, т.е. в реальном снижении качества образования. Относительно исследовательской компетенции этот вопрос стоит ещё более остро, так как задачи по её формированию заложены диффузно в различных дисциплинах общенаучного и профессионального цикла. Поэтому анализируемая программа рассматривается нами как условие повышения качества за счёт интегрирования результатов отдельных курсов и проявления их в курсовых и выпускных квалификационных работах.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что достижение качества образования как «комплексной характеристики образовательной деятельности и подготовки обучающегося» [6] невозможно путём сложения набора предметно-тематических курсов и дисциплин по направлениям подготовки. Поэтому для достижения качества образования необходимы специальные организационно-управленческие и образовательные средства. Программа образовательного сопровождения [1] рассматривается нами как комплекс таких средств, которые обеспечивают взаимосвязь курсов и дисциплин основной образовательной программы для качества выполнения курсовых и дипломной работы. А такие образовательные средства, как способ постановки задач учебного курса, виды заданий для самостоятельной работы, образовательные события, обеспечивают формирование субъектного отношения и позиции студента как «заинтересованного лица», определяющего цели и направления использования получаемых знаний. Методологической основой нашего исследования выступили работы Г.Н. Прозументовой, обосновывающей методологию и методики гуманитарного управления и исследования образовательных инноваций, представление об образовании как пространстве построения человеком «места личного присутствия» [7, 8], работы К. Джерджена, посвящённые изучению проблем конструирования социальной реальности как гуманитарной практики [9], а также результаты исследований Белорусского центра проблем развития образования (А.А. Полонников, М.А. Гусаковский, А.М. Корбут), где показаны особенности изменения качества образования за счёт изменения качества коммуникации преподавателя и студента [10].

Рассмотрим сначала организационно-управленческие инструменты повышения качества образовательных результатов за счёт реализации программы образовательного сопровождения. Она подчинена цели обеспечения перехода *количества* учебных курсов, где предполагается освоение исследовательских навыков в *качество* образовательных результатов. Необходимо отметить, что программа предполагала выделение в ООП курсов, где формирование исследовательской компетенции является основным результатом. Это было связано с тем, что в ООП подготовки бакалавров мы определили исследовательскую компетенцию как базовую профессиональную компетенцию менеджера [1]. Безусловно, развитие компетенций могло осуществляться и в других курсах, например за счёт организации СРС и т.п. Однако чтобы избежать возникновения «диффузии ответственности», были выделены курсы с закреплённой задачей. Мы получили увеличение количества учебных часов на осуществление исследовательской деятельности, прежде всего за счёт пересмотра содержания учебных курсов профессионального цикла и вариативной части учебного плана.

Таким образом, нами были переработаны программы базовой части дисциплин профессионального цикла «Основы теории организации», «Исследование систем управления», «Организационная диагностика» и программы вариативной части учебного плана в разделе дисциплин профессионального цикла, которые дополнились такими курсами, как «Введение в управленческое образование», «Методика реконструкции управленческого опыта», «Методы гуманитарного исследования управления», «Исследовательский спецсеминар». Кроме того, исследовательские задания были включены в программу производственной практики. Таким образом, мы получили следующее распределение доли учебной нагрузки на формирование исследовательских компетенций.

Таблица 1

Доля программы образовательного сопровождения в учебной нагрузке Основной образовательной программы

Курс	Доля учебной нагрузки в рамках программы образовательного сопровождения от общего количества учебной нагрузки, %	Доля учебной нагрузки на индивидуальное сопровождение студента преподавателем при выполнении курсовых и дипломных работ от общего количества учебной нагрузки, %	Общая доля учебной нагрузки на осуществление исследовательской деятельности в рамках ООП, сумма, %	Доля остальных курсов и дисциплин ООП,%
1	7,80	5	12,80	87,20
2	7,90	11,40	19,30	81,70
3	10	14,30	24,30	75,70
4	22 (курсовой проект и практика)	21,60	43,60	56,40

Примечание. Данные предоставлены куратором образовательной программы бакалавриата, составителем учебного плана на кафедре управления образованием ФП ТГУ Л.А. Кудашкиной.

Как можно увидеть, введение в учебный план курсов образовательного сопровождения в значительной мере аккумулирует долю учебной нагрузки для решения задачи формирования исследовательских компетенций, добавляя к традиционным часам на индивидуальное сопровождение исследовательской работы часы, где студенты накапливают опыт исследовательской деятельности в рамках учебных курсов. Как видно из табл. 1, на первом курсе доля часов, выделяемых на образовательное сопровождение, даже превышает долю нагрузки, выделяемой для индивидуальной работы с преподавателем. Отметим всё же, что на 1-м курсе по стандарту данного направления подготовки эта доля крайне мала, так что курсы сопровождения увеличивают её более чем в два раза. В целом по 4-му столбцу таблицы видно, как возрастает общая доля нагрузки на сопровождение исследовательской деятельности от 1-го до 4-го курса. Что касается соотношения долей индивидуальной и групповой работы при организации образовательного сопровождения, то можно увидеть, что индивидуальная работа преобладает лишь незначительно, что с одной стороны, позволяет обеспечить качество выполнения курсовых и дипломных работ и привлекать к сопровождению курсовых и дипломных работ менеджеров-практиков, экспертов управленческой деятельности; с другой стороны, обеспечивать качество методической и теоретической подготовки студентов в области использования современных подходов к исследованию управления и организации исследовательского сопровождения управления.

Таблица 2

Место программы образовательного сопровождения в учебном плане ООП

№ п/п	Наименование циклов, разделов ООП, модулей, дисциплин, практик	Примерное распределение по семестрам (аудиторные часы)								
		Общая, зач. ед.	1-й семестр	2-й семестр	3-й семестр	4-й семестр	5-й семестр	6-й семестр	7-й семестр	8-й семестр
Б.1.	Гуманитарный, социальный и экономический цикл	40								
	Базовая часть	25								
	Вариативная часть	15								
Б.2.	Математический и естественнонаучный цикл	34								
	Базовая часть	20								
	Вариативная часть, в т.ч. дисциплины по выбору студента	14								
	По выбору									
Б.3.	Профессиональный цикл	140								
	Базовая (общепрофессиональная) часть	69								
	Вариативная (профильная) часть, в т.ч. дисциплины по выбору студента	71								
	Введение в управленческое образование и исследование	2	X	X						
	Лаборатория исследовательского текста	2		X						
	Основы теории организации (курсовой проект)	3			X					
	Исследование в управлении персоналом организации	**10**								
	Методика реконструкции управленческого опыта, включая курсовую работу	2			X					
	Методы гуманитарного исследования управления персоналом	2				X				
	Исследование систем управления, включая курсовой проект и курсовую работу	4					X			
	Организационная диагностика	1						X		
	Спецсеминар		***X***	***X***	***X***	***X***	***X***	***X***	***X***	**X**
Б.5.	Учебная и производственная практики (исследовательские задания для выполнения на практике)	9			***X***	***X***	***X***	***X***	***X***	
Б.6.	Итоговая государственная аттестация (государственный экзамен + ВКР)	15							X	X
	Общая трудоемкость основной образовательной программы	240								

Как можно увидеть на схеме учебного плана (табл. 2), программа образовательного сопровождения занимает узловое место. Курсы программы представлены в каждом семестре. Все курсы входят в состав

вариативной части. Это позволяет фиксировать потенциал учебного плана, реализующего ФГОС третьего поколения для проектирования образовательного профиля подготовки, формирования специфики основной образовательной программы. Из табл. 2 видно, что каждый семестр обучения включает в себя минимум две дисциплины из программы образовательного сопровождения. То есть программа реализуется горизонтально по семестрам, обеспечивая непрерывное включение студентов в исследовательскую работу. Тем не менее не встраивается в циклы Б.1., Б.2., Б.3., реализуемые по учебному плану в вертикальной последовательности. Наибольшее количество нагрузки на реализацию образовательного сопровождения исследовательской деятельности приходится на второй год обучения – 3-й и 4-й семестры.

Как показывает наш опыт, подготовка студентов в части использования современных методов исследования управления, анализа системы управления, организационной диагностики, которая в рамках дисциплин профессионального цикла основной образовательной программы, входящих в программу образовательного сопровождения, позволяет им включаться в продуктивное сотрудничество с менеджерами-практиками. Студенты осуществляют выполнение исследований на реальных организациях, где руководство их курсовой или дипломной работой может осуществлять руководитель, иногда менее подготовленный в теоретической части. Это находит своё подтверждение при оценке качества выпускных квалификационных работ государственной аттестационной комиссией, включающей представителей вузов, участвующих в подготовке бакалавров по данному направлению. Далее схематично представим, каким образом программа образовательного сопровождения встроена в учебный план подготовки бакалавров. Отметим, что помимо учебных курсов программа предполагает организацию ежегодной кафедральной конференции преподавателей и студентов, а также открытого исследовательского семинара. Эти образовательные события организуются в начале (ноябрь – конференция) и в конце (май – открытый семинар) каждого учебного года, что позволяет студентам участвовать в обсуждении результатов исследований друг друга, ориентироваться в актуальных направлениях исследований и осуществлять выбор исследовательских тем, накапливать опыт выступления с презентациями своих исследований.

Представив характеристику организационно-управленческих условий реализации программы образовательного сопровождения, проанализируем результаты реализации программы на материалах курса «Организация исследования управления». В рамках этого курса студенты участвуют в работе исследовательской лаборатории, которая называется «Реконструкция управленческих прецедентов». Собственно в форме лаборатории организованы практические занятия. Цель работы в лаборатории: овладеть компетенциями исследования прецедента управления. В результате работы лаборатории предполагается обеспечить: формулирование студентами цели, задач, объекта и предмета исследования управления, а также обоснование актуальности курсовой работы второго курса. Задачи организации совместной деятельности в лаборатории:

1. Организовать исследование прецедента управления.
2. Проявить поле исследовательских проблем и задач в управлении персоналом.
3. Освоить методы исследования, позволяющие анализировать прецеденты управления (контент-анализ, феноменологическое описание инновационного опыта управления).
4. Обосновать область и тему курсовой работы на втором курсе.
5. Охарактеризовать объект и предмет исследования в курсовой работе.

Представим этапы организации совместной деятельности преподавателя и студентов в лаборатории.

Первый этап – организация пробных действий по исследованию прецедента управления с использованием метода контент-анализа. Для работы используются управленческие кейсы, где представлены прецеденты управления персоналом.

Второй этап – реконструкция опыта исследования прецедента управления (кейса), обсуждение результатов. Организуется обсуждение опыта проведения исследования прецедента. Конкретизируется понимание студентами метода контент-анализа, его возможностей для исследования управленческих прецедентов.

Третий этап – организация работы по обоснованию области и темы исследования в курсовой работе.

Замысел организации такой лаборатории связан с тем, что студентам крайне трудно включиться в исследование управления. Во многом это связано с тем, что реального управления они не видели и не имели опыта выделения управления из практики работы менеджеров. Наиболее очевидно это проявляется в том, как студенты обосновывают актуальность исследования для курсовой работы № 2. Без организации специальной работы по исследованию прецедентов управленческого опыта обоснование студентом актуальности своего курсового исследования выглядит схематично таким образом: 1. Социально-экономические тенденции и изменения в обществе. 2. Распространённые задачи и трудности в управлении персоналом (например «Каждая организация нуждается в повышении квалификации своего персонала, поэтому исследование системы обучения персонала является актуальной темой исследования»). С небольшими вариациями и репертуаром управленческих функций текст будет примерно одинаковым. Студенты апеллируют к так называемой «объективной» актуальности, что существенно девальвирует содержание и результаты исследования, разрывает связь с реальной управленческой практикой.

Для того чтобы проанализировать результативность выполнения студентами исследовательских заданий, представим два примера из практики реализации курса «Организация исследования в управлении».

Пример 1. Задание по освоению метода контент-анализа.

Задание: используя метод контент-анализа, выделить в управленческом кейсе цитаты, характеризующие функцию управления персоналом, и прокоммен-

тировать, представив личное понимание осуществления функции в кейсе.

Учебная задача: освоение метода качественного контент-анализа.

Образовательная задача: создание ситуации личного понимания, интерпретации управленческой функции. Личная интерпретация позволяет студентам «присваивать» и «открывать» собственное понимание функционального содержания управления.

Результат выполнения задания студенткой второго курса Ольгой Б. на материале статьи Т. Лебедевой «Google: принцип голограммы в управлении, поиске и найме персонала» (текст студента сохранён, выделен курсивом) [11].

Таблица 3

Пример выполнения задания студентом

Категория анализа	Ключевые слова (цитаты), характеризующие функцию управления персоналом	Личный комментарий, интерпретация
Функция подбора персонала	*«В компании происходит "распределение ответственности за принятые решения"»* *«В Google "все решения принимаются коллегиально"»* *«Интервью с кандидатом проводят не только менеджеры, но и потенциальные коллеги»* *«У нас есть Интранет»* *«Мы принимаем обратную связь и критику от сотрудников на корпоративном сайте»*	*Это говорит о том, что в компании у всех равные права, каждый сотрудник может участвовать в обсуждении кандидата и принимать решения. Демократический стиль управления.* *Как говорилось выше, это дает нам понять, что в компании нет доминирования, все имеют равносильные права и могут принимать участие в каких-либо решениях.* *Для того чтобы все могли обмениваться мнениями, в компании развиты внутриорганизационные коммуникации. Интранет – это удобный и несложный в освоении и применении инструмент, является одним из лучших помощников во внутренних коммуникациях.* *Получается, что функция подбора может осуществляться с участием многих сотрудников. Все могут участвовать в подборе, и это способствует демократичности и влиянию сотрудников на компанию, так как они сами выбирают тех, кто будет у них работать*
	«Google не торопится при поиске персонала» *«Google по-своему подходит к поиску специалистов»* *Компании «нужны самые лучшие, самые талантливые люди»* *«Компания стала employer-of-choice и на российском рынке»* *«Подходы к поиску одинаковы для всех стран: в компании большая служба рекрумента»* *«Процесс отбора кандидатов длительный, может занимать 4 месяца и больше»* *«Из российского подразделения за два года ушли только двое сотрудников, и то по семейным обстоятельствам»*	*Компания ищет тех, кого считает нужным. Компания стала лучшим работодателем, следовательно, многие специалисты мечтают попасть в эту компанию. Получается, что если у компании хороший имидж и престижность, она может выбирать кандидатов и выдвигать высокие требования. Но ведь именно благодаря тем требованиям при отборе кандидатов, которые существуют в Google, компания является такой популярной, востребованной и вызывает у своих клиентов доверие к себе.* *Сотрудники, уже работающие в ней, не хотят потерять свое место и гордятся тем, что работают именно в Google.* *Получается, что имидж – это инструмент подбора?*

Из табл. 3 видно, каким образом студент выстраивает взаимосвязь между знакомой им по теоретическим лекциям функцией подбора персонала и реальным прецедентом организации подбора (на материале кейса). По соотношению количества текста в первом, втором и третьем столбце очень хорошо видно, как «закрытое знание» – наименование функции управления персоналом – раскрывается сначала через выбор студентом цитат из кейса, а затем ещё больше – в личных комментариях и понимании управленческих действий, относящихся к функции подбора персонала. На 105 слов – цитат из текста приходится 198 слов комментария. Практически в два раза больше. Видно, как Ольга повторяет смысловые блоки в комментариях, пытается доформулировать, выразить свою мысль по отношению к цитатам. Тем не менее комментарий заканчивается вопросом, т.е. незавершённым пониманием, или «точкой непонимания», местом «личного вопроса к управлению». На наш взгляд, это является существенной характеристикой образовательного результата, когда речь идёт о формировании надпредметной компоненты при исследовательской компетенции. Такого рода опыт является практикой зарождения личного исследовательского интереса и присвоения предметного знания о функциях управления персоналом.

Пример 2. Выполнение студентом задания по освоению методики феноменологического анализа прецедентов.

Учебная задача: освоение методики феноменологического анализа прецедентов управления.

Образовательная задача: обоснование области исследовательского интереса и актуальности темы своего исследования. При выполнении задания студенты используют методику реконструкции управленческого опыта [12. С. 104].

Приведём пример студенческой работы Марии К. (текст студента сохранён, выделен курсивом):

1. Контекст ситуации. Место прохождения практики: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская метанольная химическая компания», отдел персонала, количество сотрудников: 3 человека (начальник отдела персонала, ведущий специалист и специалист). Моя работа заключалась в разборе приказов на предоставление отпуска сотрудникам и во внесении записей о награждении в трудовые книжки.

2. Прецедент. Вместе с моим приходом на практику в организации начался плановый медосмотр всех сотрудников, а в один из следующих дней в отдел персонала позвонил начальник производственного подразделения и потребовал разобраться с его со-

трудником, т.к. он показал недопустимое поведение в ходе прохождения медосмотра. Сначала это воспринялось в шутку, и никаких действий предпринято не было, но позже пришла начальница отдела персонала и попросила сотрудников заняться этим вопросом. В отдел вызвали этого «горе-сотрудника», он же, уже отошедший от утренних событий, отказывался что-либо объяснять и вообще ничего вразумительного по этому вопросу сказать не мог, а может и не хотел (мне лично было бы трудно пытаться пояснить подобный случай, стоя в центре огромного кабинета в окружении недоброжелательно настроенных людей). Поскольку эффективно поговорить с работником не удалось, а как-то воздействовать на него было необходимо, то в отделе закипела работа по придумыванию этому работнику наказания. Что только не предлагалось, к этому «увлекательному» занятию подключилась бухгалтерия и отдел планирования и контроля. Однако ничего путного придумано не было, а потому специалистам пришлось обращаться к начальнику за помощью. Она в свою очередь подсказала подчиненным (почему они до этого не додумались сами, неизвестно) что нужно просмотреть должностную инструкцию работника и в связи с пунктом из этого документа (если такой имеется) применить дисциплинарное взыскание. После обзора инструкции, обсуждения ее между специалистами и представления начальнику проекта приказа (завершилось только к началу следующей недели) было принято совместное решение о вынесении замечания сотруднику. После этого случая было решено назначить начальников подразделений ответственными за проведение консультаций со своим персоналом, разъяснение сотрудникам их прав и обязанностей, а также для осуществления контроля и минимизации таких происшествий обязать начальников проходить медосмотр исключительно вместе со своими подчиненными.

3. Комментарий. Эта ситуация привлекла мое внимание, потому что она заставила потратить на себя столько времени и взбудоражила весь отдел персонала и даже соседние подразделения, хотя, по слухам, такие конфликты случаются в каждый медосмотр. На мой взгляд, речь идёт о системе работы с персоналом, формирующей нормы поведения и культуры в организации. В ситуации происходит выбор методов воздействия на сотрудника, принятие управленческого решения в отношении него и в отношении будущих подобных ситуаций. Что оказывается невозможным в локальной ситуации. Требуется как бы пересмотр целостного видения культуры организации и правил работы с нормами. Непонятно, почему персонал на режимном предприятии, где медосмотр – явление не новое и не случайное, позволяет себе такое поведение, и почему подобные ситуации до сих пор не были решены системно и не были отработаны до автоматизма? Может, это проявление персоналом своего отношения к организации? Возникает вопрос, а может ли служба по работе с персоналом быть органом, способным изменить ситуацию? Ведь они же не должны заниматься «воспитанием»? Вообще «поведение сотрудников» в организации определяется множеством факторов. Но важно исследовать место и роль управления персоналом в формировании стиля взаимоотношений и поведения персонала. В ситуации видно, что в процесс «воспитания» с удовольствием вовлекаются разные подразделения (бухгалтерия и т.п.). Что в целом парализует деятельность организации и разных подразделений на достаточно длительный период времени, расходует ресурсы организации??? Как этого избежать, и что должно быть включено в деятельность кадровой службы?

4. Аналитическое обобщение. Описываемый прецедент позволяет обнаружить актуальную тему исследования управления персоналом – механизмы влияния управления персоналом на формирование организационной культуры предприятия. Чтобы можно было ответить на вопросы о том, как и с помощью каких инструментов (действий) управление персоналом может формировать культуру взаимодействия между сотрудниками организации, а также взаимодействия структурных подразделений. Чтобы это не превращалось в «промывание мозгов» и обсуждение отдельных личностей.

Комментарий к представленному материалу. Как можно увидеть, исследуя реальный прецедент, возникший во время прохождения практики, студент обнаруживает область своего исследовательского интереса. Известное по книгам теоретическое знание о функциях управления персоналом на практике выливается в бытовую ситуацию разрешения «производственного момента». Обращает на себя внимание аналитическая позиция студента, различение ею в ситуации бытовых моментов, повседневной текучести жизни организации и функционального содержания деятельности службы управления персоналом. Освоение методики реконструкции управленческого опыта позволяет студенту выстраивать смысловые связи между теоретическим знанием о роли и месте организационной культуры и практических задачах управления, решаемых посредством работы с организационной культурой предприятия. Отметим также попытку студента различить аналитический комментарий, интерпретацию ситуации и аналитическое обобщение. Это своего рода проба себя в разных исследовательских позициях – наблюдателя, интерпретатора, аналитика. По тексту видно, что качество формирования этих позиций очень разное. Существенное затруднение вызывает построение контекста и исследования и аналитического комментария. Эти части авторского текста Марии существенно различаются по степени понимания и видения автором предмета исследования.

Пример 3. Выполнение студентом задания по обоснованию актуальности исследования в курсовой работе № 2.

Задание: подготовить презентацию с обоснованием актуальности исследования управления (для курсовой работы № 2).

Учебная задача: освоить логику и последовательность обоснования тезисов актуальности исследования.

Образовательная задача: обоснование области своего личного исследовательского интереса и позиции

исследователя через постановку исследовательских вопросов и обоснование их важности для управления.

Приведём пример студенческой работы Марии К. выполненной по итогам изучения курса «Организация исследования управления» (текст студента сохранён, выделен курсивом).

«Курсовая работа Марии К. на тему "Роль корпоративного стандарта в повышении эффективности организации". Область исследовательского интереса: Как управление персоналом создаёт и использует корпоративные стандарты? Как корпоративные стандарты могут повлиять на деятельность организации? Цель курсовой работы: выявить способы создания и влияния корпоративных стандартов на деятельность организации. Задачи исследования в курсовой работе: проанализировать понятие корпоративного стандарта; исследовать прецеденты в разработке и использовании корпоративных стандартов в управлении современной организацией; составить характеристику условий влияния корпоративного стандарта на деятельность организации».

Комментарий к цитате. По тексту видно, как автор пробует связать открытое им при помощи эмпирического исследования понимание места и роли корпоративной культуры со своей курсовой работой. Студент пробует выстроить границы своего исследовательского интереса и ввести в исследование понятия и категории, необходимые ему для выполнения исследования. При этом видна неуверенность и некорректность при выборе базовых понятий «организационная культура», «корпоративный стандарт». Что непосредственно обнаруживает задачу выполнения теоретического анализа и построения категориального аппарата исследования. На наш взгляд, это обнаруживает место включения в совместную работу научного руководителя курсового исследования, показывает запрос на научное консультирование и помощь научного руководителя. Существенным образовательным результатом выполнения такого задания является то, что оно позволяет соединить процесс освоения исследовательской методики (методики реконструкции управленческого опыта) и процесс оформления личного исследовательского интереса студента.

Анализ трёх примеров выполнения студентами учебных заданий в курсе позволяет увидеть, что курсы и задания программы образовательного сопровождения содержат в себе две функции. Учебная функция состоит в обучении студентов методам и методикам исследования управления, а также навыку обоснования актуальности исследования. Образовательная функция заданий состоит в построении ситуаций актуализации личной позиции и целей студента относительно исследования управления персоналом. Опыт выполнения студентами заданий предполагает участие в ситуации личного понимания и осмысления управления как практики взаимодействия. В процессе выполнения этих заданий предполагается построение различных видов коммуникции. Вербальной – устные рассказы студентов о ситуациях управления, которые они наблюдали во время прохождения практики, обсуждение и комментирование управленческих кейсов в группах во время занятия, подготовка письменных текстов по заданной структуре, обсуждение текстов в группах во время занятия и с преподавателем во время сдачи контрольного задания. Отметим, что именно включение в процесс выполнения задания разных видов письменной и устной коммуникации обусловливает включённость студента и рефлексию изменений в понимании исследуемого объекта. Кроме того, происходит формирование навыка овладения методами и методиками исследования.

Реконструируя опыт работы с курсом в течение 5 лет, можно зафиксировать, что выполнение учебной и образовательной задачи не всегда проходит с одинаковой результативностью. В течение 5 лет процент выполнения заданий в устной коммуникации на учебном занятии (представляют ситуации в группах, устно высказывают комментарии) составляет 65–70%, выполнения письменного задания во время курса в среднем 45–65%. Примерно 10–15% студентов выполняют задания с отставанием. При этом остаётся значительная часть студентов, которые с трудом выполняют задания, нуждаются в дополнительной практической отработке навыка, полученного на занятиях. Это около 25–30%. Таким образом, работа, начатая в курсе, нуждается либо в существенном закреплении в иных формах практической исследовательской работы, либо в усилении внимания научных руководителей к использованию изучаемых в куре методов исследования в совместной работе над курсовым исследованием. Возникает разрыв: с одной стороны, организация научного сопровождения студента при выполнении им курсовых исследований есть пространство научно-исследовательской деятельности преподавателя, предполагающее самостоятельный выбор им методов и методик исследования, определения областей и предметностей исследования; с другой стороны, полученный студентами опыт исследования, обоснование области личного исследовательского интереса, первичные навыки методик гуманитарного исследования предполагают, что преподаватель, сопровождающий выполнение курсовой работы, должен опираться и практиковать методы гуманитарного исследования или обучать студента тем методам и методикам исследования управления, которые он практикует в своей научно-исследовательской деятельности. Как показывает опыт, метод контент-анализа только начинает получать распространение в исследованиях управления персоналом, выполняемых на кафедре, а опросные методы (анкетирование, интервью) достаточно распространены. Поэтому их освоение в рамках курса образовательного сопровождения находит более широкое отражение в дипломных и курсовых исследованиях.

Обобщая и систематизируя результаты анализа опыта реализации программы образовательного сопровождения, мы провели анкетирование студентов и выпускников кафедры, участвовавших в её реализации.

Ниже даны сформулированные нами рефлексивные вопросы и наиболее распространённые ответы на них:

1. В каких курсах (местах) во время Вашего обучения на кафедре Вы получали опыт освоения исследования:

– исследование систем управления; организация исследования в управлении; конференции кафедры; встречи с научным руководителем; спецсеминары (4-й, 5-й курс).

2. По каким признакам в своём опыте, или практике, Вы можете фиксировать, что исследовательские умения у Вас имеются:

– понимание назначения и особенностей применяемых исследовательских методов;

– понимание исследовательского дискурса, в том числе места исследуемой дисциплины в системе научного знания.

3. В каких ситуациях из Вашей профессиональной деятельности (во время обучения, в период практики или после завершения обучения) у Вас возникала необходимость в исследовании (1–2 примера)? Применение исследовательских методов при решении практических задач управления: анализ ситуации, сбор данных (мнений) путем опроса фокус-группы, интервью, аналитика и описание данных для постановки проблем управления.

4. Какие затруднения с освоением исследовательских навыков у Вас возникали в период обучения?

Преодоление непонимания места и сущности исследования на младших курсах обучения

5. Что, на Ваш взгляд, является наиболее важным для успешного освоения исследовательских компетенций в университете:

• коммуникации между студентами по поводу их исследований;

• подготовка студентов в сфере философии науки (общенаучной дисциплине) на старших курсах обучения.

Мы проанализировали 10 анкет, наше исследование не предполагало накопления статистической выборки по конкретным показателям, представляя собой эмпирический анализ. Как показывают результаты анкетирования, студенты выделяют курсы образовательного сопровождения как значимые для формирования их исследовательских компетенций, наряду с участием во взаимодействии с научным руководителем. Обращает на себя внимание гуманитарность понимания студентами исследования. Они выделяют такие признаки исследовательских навыков, как «исследовательский дискурс», освоение методов исследования, основанных на коммуникации (фокус-группы, интервью). Существенным для нашего исследования является различение студентами как значимого и трудного процесса *понимания места и роли исследования*.

Анализируя опыт осуществления преподавательской деятельности в рамках этого курса, мы можем отметить, что преодоление студентами непонимания места исследования есть существенный момент затруднения преподавателя. Работая с этим затруднением в рамках курса, мы можем констатировать, что «объяснение» студентам роли и значения исследования в управлении даёт крайне малую результативность, приводит к появлению «имитирующих» текстов, маскировке студентами своего непонимания под формой общих шаблонных фраз о значимости исследования. В то же время выполнение исследовательских заданий, «практикование» исследовательской коммуникации способствуют вовлечению студентов в процесс исследования. Важно отметить значение групповой работы при построении курса. Студенты, по разным причинам пропустившие занятия по методике реконструкции опыта, не участвовавшие в групповых дискуссиях в рамках лаборатории, не могли встроиться в работу группы. Тексты этих студентов были чрезвычайно отчуждёнными, непонимание и желание сделать «как надо» вызывали растерянность, столь же ярко выраженную, как и чувство «личного открытия», «понимания», возникающие у студентов, получивших опыт участия в исследовательских семинарах.

Подводя итог, резюмируем результаты исследования по каждой из поставленных нами задач.

Во-первых, мы можем констатировать, что признаками повышения качества образования при реализации программы образовательного сопровождения являются получение учебных и образовательных результатов. Учебные результаты – это овладение студентами навыками применения методов гуманитарного исследования. По этому признаку можно говорить о том, что курсы программы образовательного сопровождения являются учебными курсами. Образовательные результаты программы предполагают появление «надпредметного», личностного опыта и знания о роли исследования в управлении. Ориентация программы на вовлечение студентов в практику исследования своего опыта, на создание ситуаций понимания и открытия содержания управления обеспечивает формирование личной включенности, освоение навыков описания и интерпретации управленческой ситуации. Важным образовательным результатом является расширение понимания теоретического знания, переход информационного знания о той или иной функции управления персоналом в личное понимание и построение области исследовательского интереса к практической реализации этой функции в управлении.

Зафиксированные нами результаты мы можем отнести к особым характеристикам качества образования, обеспечивающим интеграцию различных образовательных и учебных результатов, достигаемых в основной образовательной программе.

Во-вторых, мы можем зафиксировать результативность организационно-управленческого решения вопроса включения программы образовательного сопровождения в учебный план ОПП подготовки бакалавров по направлению «Управление персоналом». Результативность решения состоит в том, что на его основе было организовано проектирование образовательного содержания курсов вариативной части профессионального цикла ООП, обоснование места и роли образовательных событий для решения задачи повышения качества образования. Важно отметить повышение доли учебной нагрузки студентов на курсы, имеющие деятельностную и исследовательскую направленность взамен предметно-тематических курсов вариативной части программы.

В-третьих, исследование позволило выявить актуальные проблемы разработки и реализации программы образовательного сопровождения. Областью затруднений в организации образовательного

сопровождения является обеспечение преемственности образовательных результатов студентов, накопленных ими при освоении курсов программы образовательного сопровождения и во взаимодействии с научным руководителем курсовой и дипломной работы. Ориентация программы на проявление и оформление студентом области личного исследовательского интереса требует отработки механизмов распределения и прикрепления студентов к научным руководителям – преподавателям кафедры. Трудность состоит в том, как согласовать область исследовательского интереса преподавателя и студента. Особенно заметно это затруднение проявляется в том, что согласованию и уточнению подвергаются первичные смыслы и первичные формулировки студентов, что требует наличия у преподавателей компетенций в области организации гуманитарного исследования, навыков работы с построением смысловой коммуникации, работы с построением понимания, интерпретации, исследования опыта.

Можно констатировать, что подобного рода компетенции ещё только входят в практику работы преподавателей, требуют постоянной актуализации и совершенствования. В связи с этим опыт реализации программы сопровождения позволяет обнаружить существенный потенциал программ образовательного сопровождения не только для развития компетенций преподавателей. При этом вопрос качества образования перестаёт рассматриваться в плоскости результативности студентов, но становится вопросом, интегрирующим характеристики качества деятельности преподавателей, результатов студентов и организации образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прозументова Г.Н., Калачикова О.Н., Блинов В.Н., Гулиус Н.С.* Образовательное сопровождение выполнения студентами курсовых и дипломных работ по направлению «Управление персоналом». URL: http://edu2.tsu.ru/eor/resourse/252/tpl/index.html (дата обращения: 07.10.2014).
2. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 35 с.
3. *Кравец Г.В.* Понятие социально-коммуникативной компетентности в современном образовании. URL: http://mosi.ru/ru/conf/articles/kravec-gv-ponyatie-socialno-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-sovremennom-obrazovanii#sthash. VC7Ci5vK. dpuf (дата обращения: 02.09.2014).
4. *Самойличенко А.К., Малахова В.Р.* Развитие метакомпетенций студентов как психологическая основа будущей востребованности рынком труда // СИСП. 2012. № 12. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metakompetentsiy-studentov-kak-psihologicheskaya-osnova-buduschey-vostrebovannosti-rynkom-truda (дата обращения: 07.10.2014).
5. *Федеральный* государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080400 «Управление персоналом» (квалификация (степень) «бакалавр»). URL: http://www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/080400b.pdf (дата обращения: 01.10.2014).
6. *Федеральный* закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 2. П. 29. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974 (дата обращения: 07.10.2014).
7. *Переход* к Открытому образовательному пространству. Ч. 1 : Феноменология образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 454 с.
8. *Прозументова Г.Н.* Педагогика совместной деятельности: смысловые контексты и образовательная реальность // Школа Совместной деятельности: разработка образовательных программ в развивающейся школе / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Дельтаплан, 2002. Кн. 5. С. 14–16.
9. *Джерджен К.Дж.* Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах № 4. Сер. «Университет в перспективе развития» / под ред. А.А. Забирко. Минск : Технопринт, 2000. С. 74–86.
10. *Политики* субъективации в университетском образовании // Альманах Центра проблем развития образования БГУ. № 5 / под ред. А.М. Корбута, А.А. Полонникова. Сер. «Университет в перспективе развития». Минск : Пропилеи, 2007. 148 с.
11. *Google*: принцип голограммы в управлении, поиске и найме персонала. Интервью с Т. Лебедевой. URL: http://hrm.ru/db/hrm/EAC8D432351F0F9AC3257527004E888E/print.html (дата обращения: 20.09.2014).
12. *Переход* к Открытому образовательному пространству. Ч. 1. Феноменология образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 104–136.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 12 октября 2014 г.

FORMATION OF RESEARCH COMPETENCE OF STUDENTS IN HIGHER SCHOOL: POTENTIAL OF THE TERM AND GRADUATE RESEARCH EDUCATIONAL SUPPORT PROGRAM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 196-205. DOI: 10.17223/15617793/389/34

Kalachikova Ol'ga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga_kalach@mail.ru

Keywords: educational program; educational support program; education quality; term and graduate research; graduate papers; meta-competences.

The issue of organizing students' research work is particularly acute when the quality of research carried out for term and graduate papers is assessed. Often that issue is considered to be connected with the deficit of students' educational background for university studies, the drawbacks of e-learning, etc. In our opinion, such issue formulation makes us channel the discussion into the field of insurmountable problems and locks the sphere of projecting and researching on university educational programs. In the article, we have studied the experience of finding the solution to the problem of education quality increase and supervising students' term and graduate research through working out and implementing a program of educational support. The program of educational support for term and graduate research work for the major *Human Resources Management* was worked out at the Chair of Education Management (Faculty of Psychology, Tomsk State University). The basis for program design and the presented research is the methodology of humanistic management and research worked out by G.N. Prozumentova as well as the works by K. Gergen, A.A. Polonnikov, M.A. Gusakovsky, M.A. Korbut which explore the concept of education as discourse and communication practices for social reality construction. The idea of meta-competences as the super-subject component of educational results (I. Zimnaya et all.) is regarded as

substantial for understanding the research content. In the article, we analyze the experience of implementing an educational support program. We determine the effectiveness of educational, organizational and management tools of the program for education quality increase. The problems of the program implementation among undergraduate students majoring in HR Management are defined. The analysis of self-study tasks offered for students and interpretation of students' results obtained while completing the tasks can be of some interest. The main result of the research is distinguishing empirical characteristics of education quality while implementing the program of educational support. The empirical characteristics are the following: emerging 'sub-subject', personal experience and knowledge about the role research plays in management, students' engagement in studying their own experience, creating the situations of comprehension and discovering the content of management. The crucial result of the program is acquiring the skills in describing and interpreting a managerial situation as well as expanding the comprehension of theoretical knowledge, transition of informational knowledge about a certain function of HR Management into personal comprehension and constructing a field of research interest and further to practical implementation of this function in management. The research has shown the effectiveness of organizational and management solution to the issue of including the program of educational support into the curriculum of the educational program for undergraduate students majoring in HR Management. Further, the educational content of the optional courses (the professional training-based part of the educational program) was panned on the basis of that solution. The research also resulted in distinguishing the problems of working out and implementing the program of educational support. The program is aimed at providing formation of professors' competences in organizing meaning-based communication and supporting student's research interest. Thus, the experience of implementing the program of educational support enables to trace the situation of losing the tie connecting a student who carries out the research within the frameworks of the program with the research itself supervised by a chair professor.

REFERENCES

1. Prozumentova G.N., Kalachikova O.N., Blinov V.N, Gulius N.S. *Obrazovatel'noe soprovozhdenie vypolneniya studentami kursovykh i diplomnykh rabot po napravleniyu "Upravlenie personalom"* [Educational support of a student's term and graduation works in Human Resources]. Available at: http://edu2.tsu.ru/eor/resourse/252/tpl/index.html. (Accessed: 07th October 2014).
2. Zimnyaya I.A. *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key competencies as effective targeted competency-based approach to education]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2004. 35 p.
3. Kravets G.V. *Ponyatie sotsial'no-kommunikativnoy kompetentnosti v sovremennom obrazovanii* [The concept of social and communicative competence in modern education]. Available at: http://mosi.ru/ru/conf/articles/kravec-gv-ponyatie-socialno-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-sovremennom-obrazovanii#sthash.VC7Ci5vK.dpuf. (Accessed: 02nd September 2014).
4. Samoylichenko A.K., Malakhova V.R. Student meta-competence development as a psychological basis for improving personal labor market demand. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem (SISP) – Modern Research of Social Problems,* 2012, no. 12. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metakompetentsiy-studentov-kak-psihologicheskaya-osnova-buduschey-vostrebovannosti-rynkom-truda. (Accessed: 07th October 2014). (In Russian).
5. The federal state educational standard of higher education in the direction of training 080400 "Personnel Management" (qualification (degree) "bachelor"). Available at: http://www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/080400b.pdf. (Accessed: 01st October 2014).
6. Federal Law of 29 December 2012 no. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". Art. 2. P. 29. Available at: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974. (Accessed: 07th October 2014). (In Russian).
7. Prozumentova G.N. (ed.) *Perekhod k Otkrytomu obrazovatel'nomu prostranstvu* [Transition to the open educational space]. Tomsk: TSU Publ., 2005. Pt. 1, 454 p.
8. Prozumentova G.N. *Pedagogika sovmestnoy deyatel'nosti: smyslovye konteksty i obrazovatel'naya real'nost'* [Pedagogy of joint activities: semantic contexts and educational reality]. In: Prozumentova G.N. (ed.) *Shkola Sovmestnoy deyatel'nosti: razrabotka obrazovatel'nykh programm v razvivayushcheysya shkole* [School of joint activities: development of educational programs in the developing school]. Tomsk: Del'taplan Publ., 2002. Book 5, pp. 14-16.
9. Gergen K.J. Sotsial'noe konstruirovanie i pedagogicheskaya praktika. Obrazovatel'nye praktiki: amplifikatsiya marginal'nosti [Social construction and teaching practice. Educational practices: amplification of marginality]. *Universitet v perspektive razvitiya*, 2000, no. 4, pp. 74-86.
10. Politiki sub"ektivatsii v universitetskom obrazovanii [Policies of subjectivation in university education]. *Universitet v perspektive razvitiya*, 2007, no. 5, 148 p.
11. Google: printsip gologrammy v upravlenii, poiske i nayme personala. Interv'yu s T. Lebedevoy [Google: the principle of the hologram in HR management, search and recruitment. Interview with T. Lebedeva]. Available at: http://hrm.ru/db/hrm/EAC8D432351F0F9AC3257527004E888E/print.html. (Accessed: 20th September 2014).
12. Prozumentova G.N. (ed.) *Perekhod k Otkrytomu obrazovatel'nomu prostranstvu* [Transition to the open educational space]. Tomsk: TSU Publ., 2005. Pt. 1, pp. 104-136.

Received: 12 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 206–210 DOI: 10.17223/15617793/389/35

УДК 37.032.2

С.В. Колядко

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ РЕКЛАМНЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Рассматриваются вопросы интеграции концептов медиаобразования в контексте формирования медиалингвистической компетенции вторичной языковой личности на основе телевизионного рекламного медиатекста. Рассмотрение медиалингвистической компетенции вторичной языковой личности в рамках компетентностного подхода позволило выделить в ее составе мотивационный, когнитивный, поведенческий и ценностно-смысловой компоненты. На основе анализа характерных особенностей рекламных медиатекстов и лингвометодического потенциала телевизионных рекламных медиатекстов представлен перечень медиакоммуникативных умений, позволяющих конкретизировать цели медиаобразования для данных условий обучения.

Ключевые слова: медиакомпетентность; вторичная языковая личность; медиаобразование; медиатекст; рекламный медиатекст; телевизионный рекламный медиатекст; рекламный видеоролик.

Наблюдаемый в настоящее время переход современной системы высшего языкового образования к новой антропоцентрической образовательной парадигме, детерминированной мировой тенденцией интеграции, ведущей к усилению международных контактов, образовательной мобильности, введению международных квалификационных требований, актуализирует необходимость подготовки конкурентоспособного специалиста, обладающего набором компетенций в различных сферах (в том числе и профессиональной). В связи с этим наиболее актуальными становятся вопросы профессионально-направленной подготовки учителя иностранного языка, приоритетом которой является формирование ключевых профессиональных, базовых и специальных компетенций учителя иностранного языка. Анализ научной литературы (см. работы Ю.В. Ткачевой, К.Э. Безукладникова, Е.Н. Соловоовой, К.С. Махмурян и др.) позволил нам выделить следующие специальные компетенции, необходимые бакалавру педагогического образования: филологическая компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция, лингводидактическая компетенция. В рамках заявленной темы особый интерес для нас представляет межкультурная коммуникативная компетенция как интегративный показатель качества подготовки вторичной языковой личности. Отметим, что вопросы формирования вторичной языковой личности (далее ВЯЛ) занимают одно из ведущих мест в многочисленных лингвометодических исследованиях, в которых формирование ВЯЛ будущего учителя иностранного языка рассматривается как стратегический ориентир образовательной политики в сфере высшего профессионального языкового образования. С этой точки зрения представляется справедливым мнение Л.П. Халяпиной о необходимости разработки принципиально иного подхода к формированию профессиональной вторичной языковой личности – подхода, который базировался бы как на когнитивном уровне осмысления универсальных культурных концептов, имеющих общечеловеческую ценность, так и на понимании специфического культурного характера выражения данных концептов в различных этнокультурах [1. С. 98].

В настоящее время цели обучения иностранному языку в языковом вузе рассматриваются в контексте теории языковой личности (В.П. Богин, Ю.А. Караулов, И.И. Халеева, В.И Карасик и др.), обладающей сложившейся, сформированной языковой картиной мира (далее ЯКК).

В научной литературе имеется множество вариантов определения данного феномена, который рассматривается как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности... на определенном этапе его развития» [2. С. 6], как «часть концептуальной картины мира человека, которая имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [3. С. 6–13], как «комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира» [4. С. 10]. В свою очередь, под когнитивной картиной мира (далее ККМ) понимается ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления [5. С. 40]. Таким образом, когнитивную (концептуальную) картину мира составляют мыслительные образы, концепты и ментальные стереотипы, которые в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой, образуя концептосферу народа. Если когнитивная (концептуальная) картина мира представляет собой нечто общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа, обнаруживающееся в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах, то языковая картина мира существует в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка [Там же. С. 60]. Таким образом, когнитивная (концептуальная) картина мира и языковая картина мира тесно связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное воплощение. В исследованиях в области лингводидактики и методики обучения иностранным языкам подобное понимание ЯКМ и ККМ позволило конкретизировать цели обучения иностранным языкам с учетом основных положений антропологической

лингвистики. Так, Н.Д. Гез и Н.И. Гальскова, рассматривая вопросы формирования межкультурной коммуникативной компетенции, отмечают, что данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, т.е. «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира» [6. С. 68]. Л.П. Халяпина в своем диссертационном исследовании оперирует понятием «поликультурная языковая личность», которую рассматривает как личность, владеющую концептосферами разного уровня и способную выявлять и понимать наличие сходств и различий между представителями различных культур, оперирующих разными концептосферами, и в соответствии с этим вести диалог, продуктивно взаимодействовать с представителями различных культур на основе принципов интеграции, сосуществования и плюрализма [7. С. 98].

В контексте компетентностного подхода данная личность характеризуется сформированной межкультурной коммуникативной компетенцией как интегративным показателем качества подготовки вторичной языковой личности. Отметим, что современная система языкового образования предъявляет высокие требования к формированию вторичной языковой личности будущего учителя иностранного языка, способной к межкультурной коммуникации в едином информационном пространстве как составной части современной культуры. В этой связи актуальным компонентом данной системы становится медиаобразование, которое рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники [8. С. 69]. Таким образом, в контексте изменяющейся социальной реальности в обществе растет осознание необходимости медиаобразования, которое призвано развить умения самостоятельно анализировать, критически оценивать и интерпретировать медиатексты разных форм и подготовить молодое поколение к жизни в условиях стремительно развивающейся информационной окружающей среды.

Целью и результатом медиаобразования является формирование медиакомпетентности как «интегративного качества личности, проявляющегося в готовности к выбору, использованию, критическому анализу, оцениванию, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме» [Там же. С. 61]. Проведенный анализ исследований позволяет нам сделать следующее заключение: формирование вторичной языковой личности как цели и результата обучения бакалавров педагогического образования на современном этапе невозможно без включения в структуру межкультурной коммуникативной компетенции, наряду с иноязычной коммуникативной компетенцией, еще одного обязательного компонента, а именно медиалингвистической компетенции (далее МЛК), которую можно рассматривать как сложное личностное образование, включающее готовность к проявлению личностного свойства к деятельности (мотивационный компонент), способность к эмоционально-волевой регуляции (ценностно-смысловой компонент), а также совокупность медиакоммуникативных знаний (когнитивный компонент) и медиакоммуникативных умений (поведенческий компонент), позволяющих осуществлять межкультурную коммуникацию и взаимодействовать с медийными и информационными каналами, осуществляя выбор, критический анализ, оценку, создание и передачу медиатекстов в различных видах, формах и жанрах. В связи с выделением медиалингвистической компетенции как одной из целей подготовки бакалавра педагогического образования правомерно и выделение медиалингвистического компонента в содержании обучения с учетом принципов интеграции медиаобразования, а именно *принципа методической целесообразности*, предполагающего подчинение целей и задач медиаобразования целям и задачам учебной дисциплины; *принципа прагматической значимости,* рассматриваемого как выбор из всех целей и задач медиаобразования только тех, которые имеют достаточную практическую ценность для учебной дисциплины; *принципа интегративности*, предполагающего синтез нескольких не противоречащих друг другу медиаобразовательных концепций, обеспечивающих целостное рассмотрение медиатекста; *принципа вариативности*, предусматривающего опору на эвристические, проблемные, игровые, проектные формы обучения, ориентированные на усвоение социокультурного поля медиакультуры, развитие индивидуальности, самостоятельности мышления, стимулирование творческих способностей к восприятию, анализу и интерпретации медиатекста.

Как можно заметить, центральной категорией МЛК является медиатекст. В научной литературе существуют различные подходы к определению данного понятия. Так, В.В. Варчерко под медиатекстом понимает предназначенный для массовой аудитории креолизованный текст на разных носителях, обладающий актуальным для общества содержанием, границы которого определяются рамками даты выпуска [9. С. 68]. Мы придерживаемся точки зрения Н.А. Кузьминой и рассматриваем медиатекст как динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [10. С. 36].

Рекламный текст как один из типов медиатекстов представляет собой сложное поликодовое образование, в котором вербальные и невербальные компоненты (визуально-графические, кинетические, аудиальные) образуют одно визуальное, композиционное, коммуникативное и смысловое единство, обеспечивающее его коммуникативное воздействие на адресата. При этом, как справедливо отмечает Т.Г. Добросклонская, рекламные тексты обеспечивают функции воздействия двух видов: функцию воздействия как функцию языка, реализуемую с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности, и

функцию воздействия как функцию массовой коммуникации, реализуемую с применением особых медиатехнологий, присущих тому или иному средству массовой информации [11. С. 71]. Подчеркнем, что данные функции неразрывно связаны и взаимобусловлены, что позволяет создавать единый образный ряд, имеющий своей целью эффективное прагматическое воздействие на сознание потенциального потребителя. Сказанное обусловливает необходимость рассмотрения характерных особенностей рекламных медиатекстов, которые следует учитывать в процессе интегрированного развития межкультурной коммуникативной компетенции и медиалингвистической компетенции. К таким особенностям относятся:

– поликодовая структура рекламного медиатекста, в которой смысл реализуется через взаимодействие различных семиотических систем: как естественного языка в устной и письменной формах, так и из знаков других семиотических систем;

– предметная заданность, проявляющаяся в том, что в качестве отправной точки рекламного медиатекста выступает предмет, подлежащий презентации;

– целенаправленность рекламного медиатекста, заключающаяся в четкой прагматической установке рекламного сообщения;

– эмоциональность, которая заключается в превалировании средств субъективной оценки характеристик объекта рекламирования;

– ориентированность на универсальные, общечеловеческие ценности и мотивы, эксплицитно или имплицитно присутствующие в подавляющем большинстве рекламных медиатекстов;

– лаконичность, которая обусловлена необходимостью передать фактуальную информацию, не перегружая сообщение;

– суггестивность, реализующаяся в том числе и через языковое манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования образных средств языка с целью скрытого воздействия на адресата;

– неомифологизация, которая основана на заимствовании темы или мотива в общем мифологическом фонде культуры с целью креативной эксплуатации символизма [12. С. 74];

– подвижность функционально-стилистических границ, проявляющаяся в способности к взаимодействию с другими функциональными стилями, их проникновении в рекламные медиатексты.

В рамках данного исследования интеграция медиаобразования в практический курс иностранного языка проявляется в использовании телевизионных рекламных медиатекстов и в частности рекламных видеороликов в качестве средства обучения иностранному языку и одновременно с этим в качестве объекта изучения. Такой подход к интеграции оказывает значительное влияние на предметный и процессуальный компоненты содержания обучения за счет расширения перечня умений, которые должны быть сформированы в процессе изучения иностранных языков у студентов языковых факультетов, а также за счет отбора речевого материал, направленного на формирование МЛК.

Телевидение сегодня остается одним из основных носителей аудиовизуальной лингвосоциокультурной информации в мировом информационном пространстве. Телевизионный рекламный текст как информативно-образный и экспрессивно-суггестивный текст представляет собой наиболее распространенный жанр медиатекста. В связи с данным обстоятельством исследователи выделяют специфическую картину мира, отличающуюся от картины мира, созданной печатными СМИ, прежде всего с точки зрения способов репрезентации ментальных единиц – концептов, ментальных стереотипов и т.д. [11. С. 162]. Телевидение ещё больше расширяет границы современного рекламного текста, объединяя вербальную часть с видеоизображением, элементами параграфемики и звуковым рядом, способствуя тем самым созданию многомерного рекламного образа, целью которого является комплексное воздействие на потенциального потребителя. Так, звуковой ряд в телевизионном рекламном медиатексте может быть представлен в виде различных шумовых эффектов (звукового фона), музыкального сопровождения, а также в виде озвучивания вербальной составляющей текста, строящейся довольно часто с использованием фоносемантических и фоностилистических приемов. В свою очередь, использование в рекламном тексте параграфемных (невербальных) знаков в качестве семиотического кода служит дополнительным средством коммуникативно-прагматического воздействия благодаря добавочным графическим смыслам, ведущим к гипотетической интерпретации функциональной значимости этих знаков. Визуальный ряд является одной из основных составляющих семиотического единства телевизионного рекламного медиатекста, который позволяет мгновенно привлечь внимание адресата и передать большую часть информации, заложенной в рекламном сообщении, без прочтения текста. Данный факт может привести к созданию множественных интерпретаций, возникающих благодаря амбивалентности визуальных образов. Однако смысловая неопределённость изображения преодолевается с помощью вербального компонента, обеспечивающего целостность, константность и осмысленность рекламируемого образа. Таким образом, наличие вербального, визуального, параграфемического и звукового компонентов позволяет говорить о гетерогенности используемых в составе рекламных видеороликов (далее РВ) семиотических рядов, которые, соединяясь в рекламном тексте, дополняют образные ряды друг друга.

В зависимости от формы подачи материала и технического аспекта изготовления рекламной продукции в научной литературе выделяются следующие жанры ТРМ: рекламные ролики, рекламные сериалы, анимационные ролики, фотофильмы или слайд-фильмы, прямые дикторские объявления, телетекст, телезаставки (статические и динамические), бегущая строка, рекламный репортаж. Очевидно, не каждый из вышеперечисленных жанров обладает достаточным лингводидактическим потенциалом, что является необходимым условием успешной его интеграции в

процесс обучения. Наибольший интерес среди перечисленных жанров ТРМ представляют, на наш взгляд, РВ. Выбор рекламного видеоролика как средства интегрированного формирования межкультурной коммуникативной компетенции и медиалингвистической компетенции обусловлен целым рядом лингводидактических особенностей, которые позволяют эффективно его использовать в процессе обучения, а именно: 1) РВ обладает ярким, запоминающимся видеорядом; 2) РВ может служить как содержательной, так и смысловой основой речи студентов; 3) РВ представляет реальную речевую деятельность носителей языка через демонстрацию речевого и неречевого поведения в различных ситуациях общения; 5) РВ содержит культурозначимую информацию, образующую лингвокультурологический контекст на денотативном, коннотативном, ассоциативном и метафорическом уровнях; 6) РВ частично компенсирует отсутствие естественной языковой среды; 7) РВ служит средством, обеспечивающим дистантное погружение обучаемых в языковую среду; 8) РВ включает все средства наглядности: зрительную, слуховую, смешанную, языковую, ситуативную, предметную и образную; 9) РВ характеризуется высокой концентрацией разнообразных стилистических приемов, которые обеспечивают яркость, лаконичность, образность, максимальную точность при передаче информации.

Опираясь на вышеизложенные положения, касающиеся общих особенностей рекламного медиатекста и их лингводидактических особенностей, мы составили перечень медиа-коммуникативных умений, формируемых в процессе использования РВ в практическом курсе иностранного языка:

– умение прогнозировать развитие сюжета;

– умение распознавать и анализировать механизмы языкового манипулирования;

– умение концентрироваться на композиционной, звуковой организации кадра и эпизода, на системе планов, ракурсов, движении актёров и камеры, на выразительных и значимых деталях;

– умение использовать принятые подходы для анализа стереотипов в РВ;

– умение соотнести эмоциональное восприятие с понятийным суждением, перенести это суждение на другие жанры и виды медиа;

– умение анализировать основные причины популярности РВ;

– умение реферировать, т.е. создавать краткое описание РВ;

– умение анализировать РВ на уровне лингвокультурологического описания, выявлять способы и средства передачи культурозначимой информации;

– умение выявлять имплицитную информацию в РВ, используя фоновые знания;

– умение выделять коммуникативные модели РВ и оценивать их роль с точки зрения создания единого рекламного образа;

– умение анализировать визуально-графический, звуковой, текстовой компоненты с точки зрения создания единого рекламного образа;

– умение обосновывать свою точку зрения;

– умение создавать собственные медиатексты с учетом социальных, культурных и других необходимых в каждой конкретной коммуникативной ситуации контекстов.

Отметим, что большая часть вышеперечисленных умений имеет универсальный характер, что позволяет экстраполировать их на рекламные медиатексты, репрезентирующие и другие жанры.

Таким образом, формирование МЛК осуществляется через анализ РВ, который рассматривается как метод исследования текста, предполагающий его комплексный анализ с целью развития у студентов самостоятельных суждений, критического мышления, познавательной активности, творческого мышления, медиа-коммуникативных знаний, а также медиа-коммуникативных и рефлексивных умений. Увидеть целостный смысл РВ, синтезированный его автором (авторами), осознав при этом механизмы его воздействия на намерения потенциального потребителя, и критически оценить медиатекст возможно только через выявление некоторых свойств и характеристик отдельных элементов РВ с целью раскрытия закономерностей, новых связей между элементами, осознания степени логичности / алогичности, истинности / ложности представленной информации. В контексте изучаемой проблемы особенно значимым видится мнение И.А. Щировой и Е.А. Гончаровой, которые отмечают, что уяснить иерархию смыслов текстового целого, поняв, таким образом, его концептуальную суть, можно лишь синтезируя многообразные элементы в их различных конфигурациях. При этом авторами подчеркивается, что подлежащий пониманию и интерпретации текст есть сложная система, многомерное образование, обязательным условием осмысления которого является вычленение более простых элементов (анализ) [13. С. 268]. Из сказанного можно сделать следующий вывод: только многоступенчатый, интеграционный характер анализа телевизионного рекламного текста вообще и рекламного видеоролика в частности позволит охватить его «многомерность», будет способствовать осознанному взаимодействию с потоками медиаинформации, развитию критического мышления и творческого потенциала студентов, формированию у них независимых концептуальных суждений с целью защиты от возможного манипулятивного медийного воздействия и, в конечном итоге, интегрированному развитию межкультурной коммуникативной компетенции и медиалингвистической компетенции, которая является необходимым условием понимания и интерпретации феноменов иноязычной культуры, репрезентируемой в телевизионных рекламных медиатекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Халяпина Л.П.* Характеристика языковой личности как субъекта коммуникации // Сборник научных статей научной серии «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 11 : Мир в языке. Landau, 2005.

2. *Попов З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки, 2002. 273 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура : материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. Тамбов, 1999. С. 6–13.
4. *Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж, 2003. 272 с.
5. *Попов З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
6. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для. М. : Академия, 2004. 336 с.
7. *Халяпина Л.П.* Трансформация концепта «языковая личность» в теории и методике обучения иностранным языкам // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 21-1. С. 91–101.
8. *Федоров А.В.* Медиаобразование и медиаграмотность : учеб. пособие для вузов. Таганрог : Изд-во Кучма, 2004. 340 с.
9. *Варченко В.В.* Цитатная речь в медиа-тексте. М. : URSS, 2007. 235 с.
10. *Кузьмина Н.А.* Современный медиатекст. М. : Флинта, 2013. 416 с.
11. *Добросклонская Т.Г.* Язык средств массовой информации. М. : КДУ, 2012. 116 с.
12. *Пирогова Ю.К.* Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура. М., 2000. С. 74.
13. *Щирова И.А., Гончарова Е.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация : учеб. пособие. СПб. : Книжный Дом, 2007. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 8 октября 2014 г.

TELEVISION ADVERTISING MEDIA TEXT AS A METHOD FOR CREATION OF MEDIA LINGUISTIC COMPETENCE IN STUDENTS OF LANGUAGE FACULTIES

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 206-210. DOI: 10.17223/15617793/389/35

Koliadko Svetlana V. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svkol012@yandex.ru

Keywords: intercultural communicative competence; media competence; secondary language person; media education; media linguistic competence; television advertising media text; video advertisement; media communicative abilities.

Current transition of the modern system of language education to a new anthropocentric paradigm makes topical a necessity of training of competitive experts with a set of competences in various fields. Thereupon, the issues of formation of the secondary language person hold a prominent place in the numerous linguistic-methodological researches. For the purpose of the competence-based approach the person is characterized by formed intercultural communicative competence as an integrative parameter of quality of training of the secondary language person. The modern system of language education with its commitment to the competence-based approach places heavy demands to the creation of the secondary language person of the future foreign language teacher, capable of intercultural communication in the common information space. The carried out analysis of researches resulted in the following conclusion: creation of the secondary language person cannot be made without inclusion of one more component in the structure of intercultural communicative competence as an integrative parameter of quality of training of the secondary language person, namely: media linguistic competence which can be considered as a complex personal education including readiness and ability to knowledgeable interaction, and a set of media communicative knowledge and media communicative abilities which make possible intercultural communications and interaction with media and information channels, carrying out selection, critical analysis, assessment, creation and transfer of media texts of various kinds, forms and genres. The central category of the media linguistic competence is the media text. In the article an integration of media education into the foreign language practical course is shown as use of television advertising media texts, in particular video advertisements, as a foreign language tutorial and simultaneously as an object of study. The prominent features of advertising media texts in the article and the linguo-didactic features of video advertisements have resulted in the creation of a list of media communicative abilities formed in the course of integrated development of the intercultural communicative competence and media linguistic competence. The article emphasizes that the creation of the media linguistic competence is carried out through a multistage integration analysis of the television advertising media texts promoting knowledgeable interaction with streams of media information, development of critical thinking and creative potential of students, formation of independent conceptual judgments, for the purpose of protection against possible manipulative media influences, and interpretation of phenomena of foreign culture represented in television advertising media texts.

REFERENCES

1. Khalyapina L.P. *Kharakteristika yazykovoy lichnosti kak sub"ekta kommunikatsii* [Characteristics of the language of the person as the subject of communication]. In: *Sbornik nauchnykh statey nauchnoy serii "Etnogermenevtika i etnoritorika. Mir v yazyke* [Collection of scientific articles in scientific series "Ethnohermeneutics and ethnorethoric". World in the language]. Landau, 2005. Issue 11.
2. Popov Z.D., Sternin I.A. *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and national picture of the world]. Voronezh: Istoki Publ., 2002. 273 p.
3. Kubryakova E.S. [Language consciousness and language picture of the world]. *Filologiya i kul'tura: materialy mezhdunar. konf.* [Philology and Culture: Proceedings of the international conference]. Tambov, 1999. Pt. 1, pp. 6-13. (In Russian).
4. Rylov Yu.A. *Aspekty yazykovoy kartiny mira: ital'yanskiy i russkiy yazyki* [Aspects of language picture of the world: Italian and Russian languages]. Voronezh, 2003. 272 p.
5. Popov Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Istoki Publ., 2007. 250 p.
6. Gal'skova N.D., Gez N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [The theory of teaching foreign languages: Didactics and methodology]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 336 p.
7. Khalyapina L.P. Transformation of the concept "language person" in the theory and methods of teaching foreign languages. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences,* 2006, no. 21-1, pp. 91-101. (In Russian).
8. Fedorov A.V. *Mediaobrazovanie i mediagramotnost'* [Media Education and Media Literacy]. Taganrog: Izd-vo Kuchma Publ., 2004. 340 p.
9. Varchenko V.V. *Tsitatnaya rech' v media-tekste* [Citation speech in the media text]. Moscow: URSS Publ., 2007. 235 p.
10. Kuz'mina N.A. *Sovremennyy mediatekst* [Modern media text]. Moscow: Flinta Publ., 2013. 416 p.
11. Dobrosklonskaya T.G. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of mass media]. Moscow: KDU Publ., 2012. 116 p.
12. Pirogova Yu.K. [Strategies of communicative impact and their reflection in the advertising text]. *Tekst. Intertekst. Kul'tura* [Text. Intertext. Culture. Proc. of the conference]. Moscow, 2000, p. 74. (In Russian).
13. Shchirova I.A., Goncharova E.A. *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsiya* [Multidimensionality of text: understanding and interpretation]. St. Petersburg: Knizhnyy Dom Publ., 2007. 472 p.

Received: 8 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 211–216 DOI: 10.17223/15617793/389/36

УДК 159.9.07

Э.И. Мещерякова, А.В. Бочаров

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КУЛЬТУРНО-СРЕДОВЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ С ПОНЯТИЕМ «ЭКСТРЕМИЗМ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ РУНЕТА

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025 «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов».

Статья посвящена методике контент-анализа трендов сопряженности идеологем с понятием «экстремизм» в информационном поле Рунета. Авторами делаются выводы о динамике, структуре и перспективах экспансии идеологемы «экстремизм» в современном общественном сознании. Можно увидеть не только традиционно связанные с экстремизмом идеологемы, но и те, которые пока связаны с ним в меньшей мере, однако могут войти в информационное поле в ближайшее время. Представленная методика может служить прикладным инструментом планирования приоритетных направлений профилактики экстремизма, в том числе и молодежного.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; глобализация; методика; контент-анализ; идеологемы; Рунет; психопрофилактика.

Коммуникационный бум, сблизивший все человечество и превративший его в единое целое, породил понятие глобализации [1]. Одним из важнейших непосредственных проявлений глобализации является небывалый рост объема информационных потоков. На сегодняшний день основной информационной средой, местом циркуляции информации и ее огромным всемирным хранилищем является Интернет. Поэтому медийное информационное Интернет-пространство является доминирующим культурно-средовым фактором современности и в значительной степени определяет личностное и групповое сознание современной молодежи. Используя глобальную сеть Интернет и возможности компьютерной коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на самосознание молодых, на ещё не устоявшуюся систему социокультурных координат российской молодежи [2, 3]. В результате в последние годы происходит обострение проблемы молодежного экстремизма, и для того чтобы способствовать преодолению девиаций в молодежной среде, необходимо изучение социокоммуникативных условий ее жизнедеятельности.

В научных исследованиях, посвященных проблеме экстремизма, отсутствует концептуальное единство, экстремизм рассмотрен под разными углами, выделено такое количество причин возникновения данного феномена, что его сущность потеряна, не ясна специфика его возникновения и не обозначены четкие границы его проявления. Выделяемые в научной литературе формы экстремизма в зависимости от сфер жизнедеятельности общества (экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный) являются абстрактными и недостаточными для классификации и типизации проявления экстремистского поведения, так как не отражают специфику скрытых (латентных) форм экстремизма. Поэтому определение глубинных причин (ценностно-смысловых, мотивационных, индивидуально- и социально-психологических), лежащих в основе молодежного экстремизма, анализ культурно-средовых факторов, способствующих формированию экстремистского поведения, являются актуальными задачами современной психологии.

Для осуществления главной цели проекта – исследования современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов – была поставлена одна из промежуточных задач – анализ идеологем, традиционно и не только традиционно связанных с понятием «экстремизм» в российском сегменте Интернета (Рунета), с целью определения приоритетных направлений психопрофилактики экстремизма в сфере молодежного самосознания.

Предварительно была исследована динамика развития популярности использования в текстах понятия «экстремизм» за последние 100 лет. Для этого был использован мультиязычный онлайн-сервис Ngram Viewer, работающий на базе сервиса Google Books и позволяющий анализировать социо-психо-культурные тренды за последние 200 лет на основе содержания электронных книг, проиндексированных в Google Books. Русскоязычный же контент пока проиндексирован до 2008 г. Динамика употребительности понятия «экстремизм» сопоставлялась с динамикой смежных по смыслу понятий: «терроризм», «радикализм», «оппозиционность», «хулиганство». График на рис. 1 показывает, что всплеск интереса авторов текстов разных жанров (научных и публицистических) к понятию «экстремизм» приходится на 1990-е гг., но до конца десятилетия понятие «радикализм» превалировало в русскоязычных дискурсах. В начале 2000-х гг. понятие «экстремизм», равно как и понятие «терроризм», употребляется с постоянно и резко нарастающей частотой, в то время как употребляемость остальных смежных понятий пошла на спад не только в сравнительном, но и в абсолютном количестве.

Несколько иное соотношение наблюдается, если провести сравнительный анализ для производных от рассмотренных понятий нарицательных обозначений индивидов: «экстремист», «террорист», «радикал», «оппозиционер», «хулиган». Понятие «экстремист» используется реже остальных, и в 2000-х гг. наблюдается небольшой спад в абсолютной частоте его употребления (см. рис. 2).

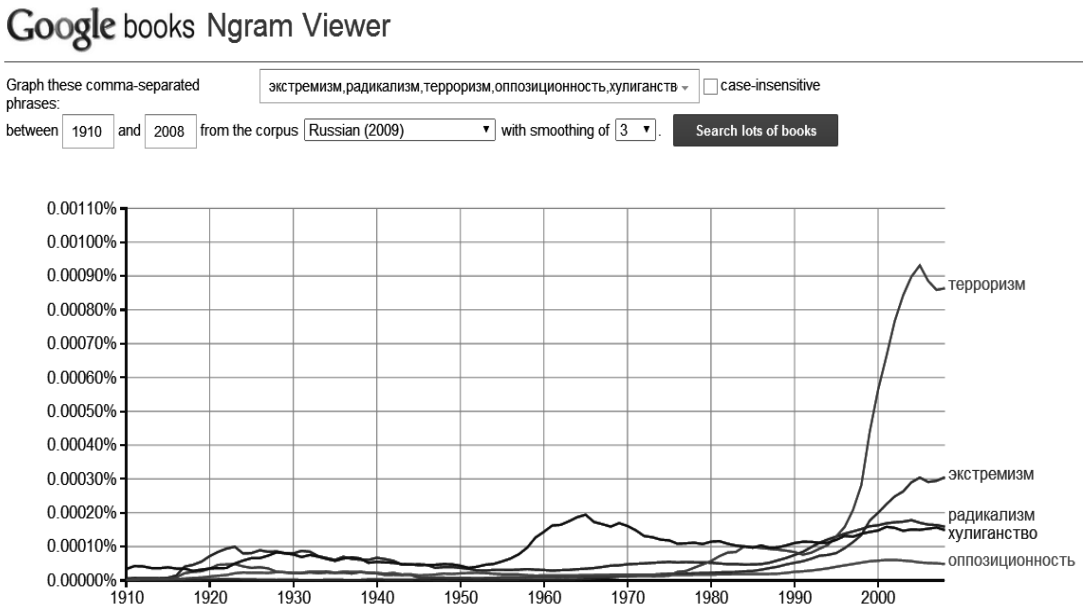

Рис. 1. Сравнительная употребляемость понятия «экстремизм» в русскоязычных текстах за последние 100 лет по данным сервиса Google Books Ngram Viewer

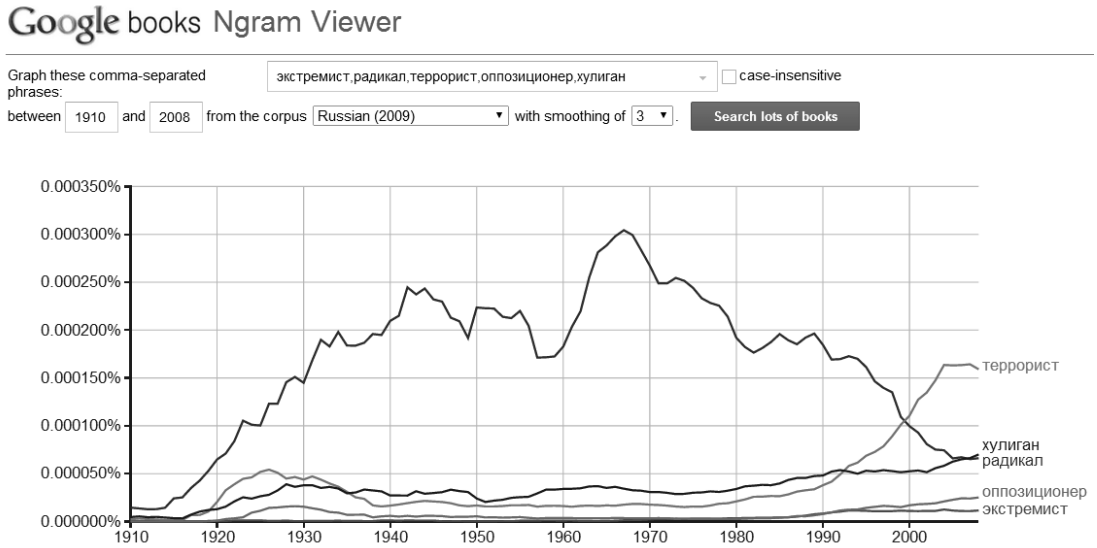

Рис. 2. Сравнительная употребляемость понятия «экстремист» в русскоязычных текстах за последние сто лет по данным сервиса Google Books Ngram Viewer

Идентификация человека как экстремиста затруднена и редка, проще обвинить кого-то в экстремизме, но не назвать его экстремистом. Проще и чаще всего происходит идентификация террористов, далее по частоте идут хулиганы, радикалы и оппозиционеры. Предполагаем, что выявленная сравнительная затруднённость дефиниций обусловлена расширением сферы использования понятия экстремизм с одновременным уменьшением определённости его смысла.

Сервис Ngram Viewer не позволяет учитывать сопряженность слов в одном контексте и не учитывает информацию сайтах. Поэтому далее был произведен частотно-тематический контент-анализ индексируемого в поисковиках русскоязычного сегмента Интернета, позволивший измерить сопряженность термина «экстремизм» с различными идеологемами. Данный подход очевидно пересекается с экспериментальной лингвистикой с той разницей, что при сборе данных не было конкретных респондентов, выдававших вербальные ассоциативные связи с понятием «экстремизм». В список идеологем включались все циркулирующие в современном русскоязычном сегменте Интернета названия политических учений, течений и концепций (всего 121 идеологема). Для сбора статистических данных в поисковую строку системы Яндекс после слова «экстремизм» вводился в скобках синонимический ряд основных обозначений идеологемы и знак «или» на языке поисковых запросов, например (сепаратизм || сепаратистский || сепаратист). Яндекс, а не Google был выбран исходя из того, что язык поисковых запросов Рунета в Яндексе развит лучше, и кроме того, Google часто выдаёт избыточ-

ную статистику, несмотря на релевантные результаты при сложных запросах (в начале указывается большее количество сайтов, чем можно в действительности открыть в результатах текущего поискового запроса). Использование такого вида запроса позволяло отфильтровать сайты, в которых экстремизм не был однозначно представлен в одном контексте с вычисляемой идеологемой. Затем количественные характеристики сопряженности идеологем визуализировались для более удобного использования, а также для целостного восприятия системных свойств информационного поля.

Предлагаемая методика визуализации подобна так называемому «облаку тегов», но в слоистой арочной модификации (рис. 3). Близость слоя к центру фигуры означает большее количество сайтов с использованием в одном контексте понятие «экстремизм» и какой-либо идеологемы. Яркость закраски слоя, толщина слоя и размер шрифта также указывают на силу сопряженности с понятием «экстремизм». Количественная зависимость числа сайтов визуализирована на рис. 1. следующим образом: ядро – более 1 млн сайтов; 1-й слой – от 100 тыс. до 1 млн; 2-й слой – от 50 тыс. до 100 тыс.; 3-й слой – от 10 тыс. до 50 тыс; 4-й слой – от 1 тыс. до 10 тыс.; 5-й слой – от 100 до 1 тыс.; 6-й слой – от 1 до 100; 7-й слой – 0 (нет сопряженности ни в одном контексте).

Полученный срез информационного поля идеологем является вероятностным отображением, не дифференцированным по культурно-социальным стратам. Такая дифференциация не была бы релевантной для общедоступной информационной среды, так как любой текст на сайтах может быть прочитан любым пользователем. В такой ситуации уместна только частотная дифференциация вербальных полей. Результаты такой дифференциации позволяют установить, прежде всего, какие идеологемы чаще, а какие реже связываются в общественном сознании с экстремизмом.

Рис. 3. Распределение в Рунете частоты связей различных идеологем с понятием «экстремизм»

Рис. 3 демонстрирует, что чаще всего экстремизм связывается с терроризмом (более миллиона сайтов), поскольку терроризм невозможен без экстремистских установок (имеются обратные ситуации). Следующий за смысловым ядром первый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте в диапазоне от 100 тыс. до 1 млн, представляет следующие сопряженные ожидаемые понятия: американизм, анархизм, гитлеризм, гуманизм, дискриминация, евразийство, идеология, исламизм, капитализм, коммунизм, консерватизм, конфуцианство, либерализм, либертианство, марксизм, нацизм, парламентаризм, расизм, революционизм, регионализм, сепаратизм, социализм, терроризм, фашизм, федерализм. Слой представляет обобщённые названия массовых политических движений, идеологий, методов установления политического господства, формы экстремизма, широкий спектр авторитарных и националистических направлений – идеологемы, обозначающие общественные процессы и явления, являющиеся наиболее часто обсуждаемыми в информационном поле Рунета и являющиеся общемировыми трендами.

Однако дальнейшее распределение идеологем по слоям не всегда очевидно и ожидаемо.

Второй слой, включающий также большое количество сайтов (в диапазоне от 50 тыс. до 100 тыс.) с упоминанием экстремизма в своем контексте, представляет следующие сопряженные понятия: антисемитизм, декабризм, деспотизм, диссидентство, индивидуализм, кадетство, конспирология, монархизм,

нигилизм, популизм, сионизм, утопизм, феминизм, феодализм, шовинизм. Этот слой включает также общемировые тренды вместе с сайтами, отражающими идеологемы правозащитной и диссидентской деятельности, проявлений независимой гражданской и культурной инициативы и пр.

Третий слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 10 тыс. до 50 тыс.), представляет следующие сопряженные с экстремизмом понятия: автономизм, алармизм, антиглобализм, антигуманизм, кейнсианство, лейборизм, мессионизм, монетаризм, ницшеанство, областничество и др. Этот меньший по количеству сайтов, но достаточно репрезентативный слой включает самые различные идеологемы – от космополитических до лоббистских, идеологемы, отражающие политические позиции, стили риторики, политические движения, идейные течения, системы моральных, политических и социальных мировоззрений и пр.

Четвертый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (слой в диапазоне от 1 тыс. до 10 тыс.), представляет следующий понятийный ряд: интернационализм, колониализм, маржинализм, лассальянство, мондиализм, октябризм, этатизм. Слой отмечен присутствием на сайтах экономических, демографических теорий, философских направлений и духовных течений, сопряженных с понятием «экстремизм».

Пятый слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 100 до1 тыс.), представляет следующие сопряженные с ним понятия: фронденство, тоталитаризм, фриганизм, гандизм, консюмеризм, ломброзианство. Слой включает сайты, контенты которых связывают экстремизм с гражданско-политическими проектами, социальными движениями, религиозными течениями, политическими программами.

Шестой слой, включающий количество сайтов с упоминанием экстремизма в своем контексте (в диапазоне от 1 до 100), представляет следующие сопряженные понятия: трансгуманизм, платфоризм, криптоанархизм, луддизм, иллегализм. Слой включает количество сайтов, контенты которых связывают экстремизм с социально-политическими и религиозно-философскими учениями, с локальными политическими режимами и движениями.

Седьмой, последний слой, представляющий нулевую частоту сопряженности, не менее важен, чем остальные. Он показывает те понятия, которые пока еще не вошли в дискурсивное поле экстремистской тематики в русскоязычных текстах, но, учитывая очевидное расширение тематики, могут в него войти. Например, понятие «абстенционизм» (активный бойкот парламентских выборов) в русском политическом дискурсе используется на данный момент очень редко. Между тем в англоязычной практике понятия «abstentionism» и «extremism» часто употребляются в одном контексте. Поэтому не исключено, что через какое-то время повторный контент-анализ покажет перемещение понятия «абстенционизм» из «нулевого» слоя ближе к тематическому ядру экстремизма.

Сегодня определённость понятий «экстремизм», «экстремистский», «экстремист» в современных дискурсивных практиках постепенно размывается. Эти понятия могут быть использованы в самых различных контекстах. Из обозначения конкретных форм политического и социального поведения эти понятия стихийно превращаются в общеупотребительные, почти универсальные термины. В этом легко убедиться, если проверить с помощью интернет-поисковиков сопряженность слова «экстремизм» с различными прилагательными. Мы встретим почти все возможные сочетания: «экономический экстремизм», «педагогический экстремизм», «кулинарный экстремизм», «философский экстремизм», «эстетический экстремизм», «анаболический экстремизм» и т.п. Можно предположить, что с понятием «экстремизм» в начале XXI в. происходит то же самое, что когда-то произошло с понятием «социальное» в XX в., на что указывал еще Ф.А. Хайек (1988). По его мнению, «социальное» («общественное»), вероятно, стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике. Вышло так, что всего за сто последних лет его современное употребление, его сила и влияние (сложившиеся в Германии во времена Бисмарка) с большой скоростью распространились по всему миру [4]. Приводя список более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный», Ф.А. Хайек в конце седьмой главы своей книги делает предположение, что понятие «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникации вследствие того, что получило так много различных значений. В качестве вывода из проведённого анализа такое же предположение мы, видимо, имеем право сделать и по поводу перспектив понятия «экстремизм». Так и «экстремизм» превращается в универсальное осуждающее понятие и используется порой в противоположных смыслах противостоящими сторонами. Например, «экологический экстремизм» используется как по отношению к экологам, вредящим технократам, так и по отношению к технократам, вредящим экологии. Также выяснилось, что использование в СМИ и блогах понятий, противопоставляемых «экстремизму», по поводу одного и того же информационного повода может быть как позитивным («пацифизм», «дипломатичность»), так и негативным («конформизм», «соглашательство»).

На следующем этапе исследования планируется сопоставление дискурсивных практик в медийном информационном пространстве с результатами ассоциативных опросников, предлагаемых студентам. Такое сопоставление позволит установить направления и степень влияния сетевых образов экстремизма на собирательный образ экстремизма в региональных молодежных выборках [5]. Мы исходили при таком членении этапов исследования из того, что идеологический политический аспект для экстремизма является исходным, базовым и ключевым, а все остальные аспекты, в том числе, например, религиозный – производными.

Таким образом, идеологическое пространство Рунета включает различные идеологемы и контр-идеологемы, рождающиеся из встречи западных цен-

ностей эпохи Просвещения и «периферийных» культур, отражающих возрождение чувства этнической идентичности, религиозного фундаментализма, рост национализма, усиление роли «панидеологических» потоков, столкновения на почве религий, идеологий, языка, культур, ценностей; распространение в мировом масштабе западных (прежде всего американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга. При работе с подобным контент-анализ-инструментом следует учитывать, что, во-первых, это срез текущего состояния, и анализируемый здесь частотный срез контента сделан в июне 2014 г. Ситуация может меняться постепенно даже в течение года, поэтому необходимо повторять подобные срезы регулярно для понимания динамики перемещения идеологем ближе или дальше от тематики экстремизма. Во-вторых, наблюдаемая тенденция скорости и масштабов распространения информации в современных медиа могут создавать информационные поводы, которые приведут к чрезвычайно быстрому (в течение нескольких часов) изменению статуса какого-либо понятия в информационном поле. В-третьих, установление граничных условий применения этого инструмента позволит практикам противостояния различных групп политического влияния в современной России избежать казусов применения понятия «экстремизм» к явлениям и текстам, которые относятся к древности, к иной исторической и культурной реальности (имеется в виду судебный процесс 2011–2012 гг. в Томске о признании экстремистским материалом русскоязычной версии комментированного перевода главного священного канонического индуистского текста кришнаитов «Бхагавад-гита как она есть»).

Представленная методика может служить своеобразным прикладным инструментом планирования приоритетных направлений профилактики экстремизма, в том числе и молодежного. Можно увидеть не только традиционно связанные с экстремизмом идеологемы, но и те, которые пока связаны с ним в меньшей мере, однако могут войти в информационное поле в ближайшее время. Содержательный анализ семантики и смысла связей – это уже следующий этап, необходимый для прицельной психотерапевтической работы, подробное рассмотрение которого не входит в задачи данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Неклесса А.И.* «Российский проект» в новой системе координат XXI века // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М. : Вост. лит., 2002. С. 385–416.
2. *Войскунский А.Е.* Психологические аспекты деятельности человека в интернет-среде // 2-я Российская конференция по экологической психологии : тезисы (Москва, 12–14 апреля 2000 г.). М. : Экопсицентр РОСС. С. 240–245.
3. *Путилова Е.А.* Интернет как фактор формирования информационного общества : дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004. 186 с.
4. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. 304 с.
5. *Emma I.* Meshcheryakova, Aleksei V. Bocharov, Anastasiya V. Larionova Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification // European Journal of Psychological Studies. 2014. Vol. (2), № 2. P. 36–46.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 августа 2014 г.

CONTENT-ANALYSIS OF INTERDEPENDENCE BETWEEN CULTURAL-ENVIRONMENTAL IDEOLOGICAL FACTORS AND THE DEFINITION OF “EXTREMISM” IN THE INFORMATION FIELD OF RUNET

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 211-216. DOI: 10.17223/15617793/389/36

Meshcheryakova Emma I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru
Bocharov Aleksey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bav346@rambler.ru

Keywords: extremism; youth; globalization; methodology; content analysis; ideologemes; Runet; psychoprophylaxis.

The paper analyzes the notion “extremism” and its connection with different ideologemes used in the Russian Internet segment (Runet). This project is part of the study aimed at the analysis of contemporary forms of youth extremist behavior in connection with cultural and environment factors for further psychological measures and prevention of extremism among young people and their self-comprehension. Methodology. The research is based on Experimental Linguistics. For the content analysis we used Multi language Ngram Viewer operating with the help of Google Books that enabled us to reveal and analyze social, psychological and cultural content trends which have been used in the Google e-books in the last 200 years (the Russian content is codeindexed till 2008). Frequency of the term “extremism” used by the young people was compared to the sense-related notions “terrorism”, “radicalism”, “opposition”, “disorderly conduct” etc. The content analysis of the most frequent words of the codeinexed Russian segment of the Internet showed relevance of the term “extremism” to other ideologemes. The statistical data of the relevance of the term “extremism” to other ideologemes were visualized for better perception of the system qualities of the info field. The visualization method is similar to the so called ‘word cloud’, but represented in the laminated round-headed form. The layer which is closer to the center of the figure means a bigger amount of websites where the term “extremism” is used in one context with some ideologeme. Results. The ideological part of the Runet info field comprises ideologemes and counterideologemes formed as collision of Western virtues of Renaissance and some marginal subcultures reflecting enlightenment of ethnic identity, religious fundamentalism, nationalism, pan-ideological tendencies; religious, ideological, language and cultural confrontations; values used worldwide with imposition of American standards of behavior, lifestyle, consumerism, entertainment. The results show the dynamics, structure and expansion perspectives of the word “extremism” in the contemporary common perception. The methods used are original and could be applied to prevent youth extremism, to eliminate behavior deviations in the youth environment and to be a tool for priority goals planning.

The research is supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, Project 14-06-18025 “Investigation of contemporary forms of youth extremist behavior in connection with cultural and environment factors”

REFERENCES

1. Neklessa A.I. *"Rossiyskiy proekt" v novoy sisteme koordinat XXI veka* ["Russian project" in the new coordinate system of the 21st century]. In: Neklessa A.I. (ed.) *Global'noe soobshchestvo: kartografiya postsovremennogo mira* [Global community: The mapping of post-contemporary world]. Moscow: Vost. Lit. Publ, 2002, pp. 385-416.
2. Voyskunskiy A.E. [Psychological aspects of human activity in the Internet environment]. *2-ya Rossiyskaya konferentsiya po ekologicheskoy psikhologii: tezisy* [2nd Russian Conference on Environmental Psychology: Theses]. Moscow: Ekopsitsentr ROSS Publ., 2000, pp. 240-245. (In Russian).
3. Putilova E.A. *Internet kak faktor formirovaniya informatsionnogo obshchestva*. Dis. kand. sotsiol. nauk [Internet as a factor in the information society. Sociology Cand. Diss.]. Tyumen, 2004. 186 p.
4. Hayek F.A. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [Fatal conceit. Errors of Socialism]. Moscow: Novosti Publ., 1992. 304 p.
5. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V. Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification. *European Journal of Psychological Studies*, 2014, vol. (2), no. 2, pp. 36-46. DOI: 10.13187/issn.2312-0363

Received: 4 August 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 217–220 DOI: 10.17223/15617793/389/37

УДК 159.923

Д.А. Циринг, И.В. Пономарева, М.В. Овчинников, К.Ю. Эвнина

СРЕДОВАЯ ПРИРОДА ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-00577 а.

Представлен ретроспективный анализ взглядов исследователей на возникновение феномена беспомощности. Даны различия выученной беспомощности и личностной беспомощности как состояния и характеристики субъекта. Подробно рассматривается динамика научных представлений о факторах формирования выученной беспомощности. Приведены современные взгляды ученых на детерминанты беспомощности. Сформулированы гипотетические предположения о средовой природе личностной беспомощности. К средовым факторам, индуцирующим личностную беспомощность, относятся травмирующие события. Кроме того, одним из основных средовых факторов формирования личностной беспомощности выступают нарушения в системе семейных взаимоотношений. Также названы такие факторы социального характера, как изменение общественно-политической ситуации в стране, и более частные – изменение финансового положения в семье, устройство одного из родителей на новую работу и др.

Ключевые слова: выученная беспомощность; личностная беспомощность; факторы формирования личностной беспомощности; природа личностной беспомощности.

Тенденции современной психологической науки свидетельствуют об интересе ученых к исследованию феноменов, определяющих психологическое благополучие личности. Объектами исследований выступают такие категории, как жизнестойкость, жизнеспособность, стрессоустойчивость, психологическая устойчивость, самостоятельность, резильентность и др. Ученые обращаются к природе этих феноменов, а также исследуют их вклад в благополучие личности в целом. Кроме того, объектами внимания становятся и факторы, препятствующие становлению психологического благополучия личности. Одним из таких факторов может выступать личностная беспомощность. Данный термин был сформулирован Д.А. Циринг в продолжение исследования выученной беспомощности и используется в концепции личностной беспомощности. Согласно данной концепции личностная беспомощность определена как качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности.

Одним из вопросов, на которых сконцентрировано внимание исследователей, развивающих концепцию личностной беспомощности, является природа данного феномена.

Прежде чем перейти к природе личностной беспомощности, укажем её отличие от феномена выученной беспомощности. Представители теории выученной беспомощности трактуют выученную беспомощность как состояние реакции на неудачу или травмирующие событие (М. Селигман, С. Майер, Б. Овермэйер и др.). Такое состояние сопровождается мотивационным, когнитивным и эмоциональным дефицитами и, помимо человека, присуще животным. В свою очередь личностная беспомощность исследуется как глубинное образование личностного уровня, определяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы человека. Личностная беспомощность – это системная характеристика субъекта, задающая специфику его жизнедеятельности в целом.

Понимание факторов формирования беспомощности восходит к первым исследованиям данного феномена, а именно к экспериментам И.П. Павлова. В качестве фактора, вызывающего состояние, которое позже было названо выученной беспомощностью, в экспериментах И.П. Павлова выступало чрезвычайное раздражение, которое не зависит от поведения собак, участвовавших в эксперименте [1]. Ученые, целенаправленно исследовавшие феномен выученной беспомощности, в качестве причин возникновения такого состояния называли опыт неконтролируемого результата (Майер, 1969; Селигман, 1975). Д. Хирото в 1974 г. аргументировал представления о типичном влиянии неприятных неподконтрольных событий на снижение эффективности действий испытуемого в аналогичных ситуациях.

Таким образом, ученые, пытаясь объяснить факторы возникновения выученной беспомощности, отдавали предпочтение внешним факторам, а именно тем, которые являются неподконтрольными.

М. Селигман и его коллеги, обобщив результаты экспериментов по формированию состояния беспомощности, отметили, что неприятные события, на ход которых субъект не в силах повлиять, приводят к возникновению беспомощности, характеризующейся тройственным – мотивационным, когнитивным и эмоциональным – дефицитом (1975 г.). Наряду с неконтролируемостью событий важную роль в возникновении выученной беспомощности играет их непредсказуемость. По мнению М. Селигмана, предсказуемость относится к классическому обусловливанию, когда за условным раздражителем следует безусловный результат, тогда как непредсказуемость – это результат рассогласования условного (сигнал) и безусловного раздражителей (результат). Невозможность предсказать появление травмирующего события сопровождается страхом, который вызывает тревогу. Таким образом, для возникновения состояния выученной беспомощности важны: 1) неподконтрольность (отсутствие связи между поведением испытуемого и результатом), 2) непредсказуемость (рассогласование условного и безусловного раздражителей), 3) неприятное (травмирующее) воздействие. Факто-

ром возникновения состояния выученной беспомощности может быть неконтролируемое как наказание, так и поощрение. Неконтролируемое поощрение умаляет ценность активности субъекта, приводит к дефициту самостоятельности. М. Селигман в неконтролируемом поощрении видел источник причин беспомощности «золотой» молодежи [2. С. 27].

Существовали и другие объяснения возникновения выученной беспомощности. Последователи Б.Ф. Скиннера И.Б. Бой и Р.М. Чёч (E.B. Boe, R.M. Church, 1967) предполагали, что животные выучивают двигательные реакции во время воздействия неконтролируемых ударов тока. В дальнейшем эти реакции, в свою очередь, затрудняют формирование реакций, необходимых, чтобы справиться с контрольным заданием эксперимента [3].

Другим альтернативным объяснением природы выученной беспомощности является то, что неподконтрольные удары током рассматриваются как жесткий стресс, истощающий нейрохимический потенциал, который так необходим для совершения движения [Там же]. На основе такого предположения была выдвинута гипотеза дефицита двигательной активности, согласно которой неизбежный удар электрическим током вызывает физиологический дисбаланс, ученые доказывали, что у животных, подвергавшихся ударам электрического тока, наблюдался низкий уровень норепенефрина, что приводит к снижению их активности (Дж. Вейс, Х. Глазер). Данные предположения ученых не нашли дальнейшего отражения в науке, не были оформлены в теории и концепции, так как природу выученной беспомощности стали интерпретировать исключительно в когнитивном ключе.

Следующим этапом научной дискуссии о природе выученной беспомощности в рамках уже сложившейся одноименной теории стало смещение акцента с внешних факторов в сторону внутренних условий ее возникновения. Началось проведение множества исследований по моделированию выученной беспомощности у людей в условиях эксперимента в ситуации выполнения заданий когнитивного характера. Исследователи строили подобные эксперименты таким образом, чтобы у испытуемых появлялось субъективное впечатление, что их действия и последствия этих действий не зависят друг от друга, т.е. между ними отсутствует «сопряженность» (S. Cohen, M. Rothbart, 1976, B.H. Hanusa, R. Schulz, 1977, C. Peterson, 1978). Предположение М. Селигмана по результатам экспериментов о том, что в ситуации «несопряженности» у испытуемых формируется ожидание независимости результатов действий от затрачиваемых ими усилий, было опровергнуто экспериментами М. Левайна, в которых испытуемые в ситуациях «несопряженности» не только делали вывод о простоте используемых способов решения, но и искали более сложные принципы разрешения задач. Данные выводы свидетельствуют о том, что формирование выученной беспомощности зависит от интенсивности атрибуции неуспеха и меры переноса ее на аналогичные задания. Таким образом, при изучении «несопряженности» действий субъекта и результатов этих действий, а также депрессивных реакций испытуемых на них оказалось, что переживаемой неподконтрольности недостаточно – необходимо, чтобы субъект потерял надежду достичь желаемых последствий своих действий (Л. Абрамсон, 1978).

В дальнейшем своем развитии теория выученной беспомощности претерпела изменения в плане объяснения причин возникновения состояния выученной беспомощности. Л. Абрамсон, М. Селигманом и Дж. Тисдейлом в качестве факторов формирования выученной беспомощности были включены индивидуальные причинные атрибуции, способствующие обобщению реальных негативных событий [4]. В новой трактовке теории состояние выученной беспомощности возникает у индивида, который приписывает негативным жизненным событиям внутренние, постоянные и общие причины, т.е., другими словами, отличается пессимистическим атрибутивным стилем. Эмпирически было доказано, что пессимистический стиль атрибуции создает предпосылки для возникновения состояния выученной беспомощности (Г. Металски, Л. Абрамсон и др.), но в то же время теория выученной беспомощности не доказывает, что пессимистический стиль атрибуции – это единственная причина выученной беспомощности. Кроме того, исследователи феномена выученной беспомощности неоднократно обращали внимание на индивидуальные различия испытуемых с точки зрения подверженности их состоянию беспомощности (D. Hiroto, 1974, S. Cohen, 1976, D.S. Krantz, D.C. Glass, M.L. Snyder, 1974, G.L. Engel, 1978).

Резюмируя представления о природе выученной беспомощности сторонников данной теории, можно отметить, что прямыми предпосылками возникновения состояния выученной беспомощности являются неподконтрольные негативные события, пессимистический атрибутивный стиль, а также внешний локус контроля (Д. Хирото).

В понимании и определении природы личностной беспомощности как устойчивой характеристики нет полной ясности. Среди предпосылок и факторов формирования личностной беспомощности выделяют средовые (психологические и социальные) (Д.А. Циринг, И.В. Пономарева), а также упоминают врожденные предпосылки (Д.А. Циринг).

Первый из авторов статьи предполагает, что врожденные предпосылки личностной беспомощности могут определяться целым рядом индивидуальных свойств человека, многие из которых являются генетически обусловленными: нейропсихологическими, нейродинамическими, половыми, конституциональными, сенсомоторной организацией, а также возрастными свойствами [2]. По мнению А. Кемпенски, в толерантности к беспомощности «большую роль играет врожденная диспозиция… общая эффективность нервной системы» [5]. Например, у лиц с органическими изменениями центральной нервной системы толерантность к сложной ситуации значительно уменьшается, поэтому новая сложная ситуация может вызвать у них катастрофическую реакцию Гольдштейна: поведение индивида, характеризующееся антифункциональностью, нецеленаправленностью, отличается глубоким чувством безнадежности и уныния [5]. Предположение о врожденных

предпосылках личностной беспомощности Д.А. Циринг косвенно подтверждается эмпирическими данными, но оставляет данный вопрос открытым для дискуссий и дальнейших исследований [3].

К средовым факторам, индуцирующим личностную беспомощность, относятся травмирующие события. Роль травмирующих событий в становлении личностной беспомощности аналогична их роли в формировании личности в целом, так как личностная беспомощность затрагивает целый ряд личностных особенностей. Ф.Е. Василюк называет травмирующие события «ситуациями невозможности», т.е. такими, в которых субъект «сталкивается с невозможностью реализации внутренних необходимостей своей жизни». Сложные ситуации или травмирующие события парализуют волю субъекта, т.е. воля оказывается бессильной в реализации жизненного замысла [6]. Здесь мы видим проявление волевого компонента личностной беспомощности (Д.А. Циринг).

Г.Ю. Фоменко вводит понятие «жизненная трудность», понимая под ним наличие сложной ситуации, предъявляющей личности требования, превышающие обычный адаптационный синдром индивида [7].

А.О. Прохоров полагает, что травмирующие ситуации нарушают баланс между организмом и средой, в результате чего возникают неравновесные, неустойчивые психические состояния: тревога, бессилие, страх, подавленность. Главную функцию таких ситуаций автор видит в том, чтобы сформировать нечто новое в структуре личности, что возвратит субъекта в относительно устойчивое равновесное состояние. Однако в то же время травмирующие ситуации могут быть и необратимыми, в таких случаях у многих людей оказывается недостаточно адаптационных ресурсов для того, чтобы справиться с ситуацией, осмыслить и контролировать её. В свою очередь, ожидание отсутствия контроля над событием вынуждает субъекта отказаться от устремлений разрешить ситуацию, что ведет к мотивационному дефициту (пониженная реакция инициативы и снижение настойчивости), когнитивному дефициту (неспособность воспринимать благоприятные возможности для контролируемых результатов) и эмоциональному дефициту (депрессия, уныние и пониженное самоуважение). Итак, травмирующие события, рассматриваемые в качестве средовых факторов, делают личность более уязвимой к формированию личностной беспомощности.

Первым из авторов статьи была проведена оценка влияния травмирующих событий на формирование личностной беспомощности, в результате чего было обнаружено, что дети с личностной беспомощностью отмечают большее количество плохих событий, чем дети контрольной группы (самостоятельные). Кроме того, было проверено предположение о роли субъективного восприятия событий. Дети с личностной беспомощностью чаще имеют опыт сильно травмирующих событий, таких как смерть близких, развод родителей, рождение младших детей в семье. Эти события, согласно исследованиям Д.А. Циринг, являются одним из факторов, детерминирующих личностную беспомощность. Также в результате исследования были получены данные о том, что более существенную роль в формировании личностной беспомощности играет не столько ряд травмирующих событий средней интенсивности, сколько единичные сильно травмирующие события. Говоря о средовых факторах, важно отметить роль взаимоотношений в семье. Так, по данным Д.А. Циринг, наиболее существенные различия на высоком уровне статистической значимости обнаружены между двумя группами детей по частоте встречаемости события «Тебя били родители». То есть такой стиль воспитания, как жестокое обращение с детьми, диагностируется у родителей детей с личностной беспомощностью, что доказывает значимость семейных взаимоотношений как фактора формирования личностной беспомощности.

Итак, любые нарушения семейных взаимоотношений не проходят бесследно ни для кого, но для ребенка этот фактор становится решающим. Влияние детского опыта межличностных семейных коммуникаций неоспоримо. Семья рассматривается нами как основной фактор формирования личностной беспомощности. Кроме того, в природе личностной беспомощности могут быть выделены факторы социального характера, такие как изменение общественно-политической ситуации в стране, и более частные – изменение финансового положения в семье, устройство одного из родителей на новую работу и др. В случае неготовности к подобным изменениям и нехватки адаптационных ресурсов сложная ситуация приводит личность в состояние стагнации, устойчивой беспомощности. Риск формирования личностной беспомощности возрастает, когда различные средовые факторы действуют в совокупности. Так, тяжелое материальное положение семьи и отсутствие одного из родителей (неполная семья) одновременно оказывают более интенсивное травмирующее воздействие на личность, что может приводить к формированию личностной беспомощности. Данный тезис подтвержден исследованием Д.А. Циринг, где обнаружено, что у детей с личностной беспомощностью количество субъективно травмирующих событий встречается достоверно чаще, чем у детей, у которых не диагностируется личностная беспомощность [2. С. 279]. По мнению Б.А. Сосновского, социальная нестабильность влияет на «ориентацию человека во времени, на развитие самосознания, интеллектуальные возможности», увеличивая количество критических ситуаций в жизнедеятельности человека. А.Г. Асмолов указывает на то, что только сильная личность, готовая жить и работать в непрерывно меняющемся мире, способная смело разрабатывать стратегии поведения, самостоятельно и нетрадиционно мыслить, осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность перед собой и обществом, в состоянии сделать свою жизнь и жизнь окружающих содержательной, интересной и счастливой [8]. В связи с этим социальная и экономическая нестабильность, невозможность или неспособность человека найти быстрый выход из создавшейся ситуации, ощущение человеком, что происходящие события неподконтрольны его действиям, потеря контроля над происходящим, невозможность прогнозировать дальнейшие действия могут привести к формированию личностной беспомощности.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что личностная беспомощность может быть обусловлена рядом врожденных, средовых и социальных факторов. Особую роль в формировании личностной беспомощности играют травмирующие события. Основным фактором являются нарушения в стиле семейного воспитания. Понимание природы личностной беспомощности, по нашему мнению, играет принципиальную роль для понимания функций и типологии личностной беспомощности. Природа беспомощности – центральная, но в то же время не решенная до настоящего времени проблема. Понимание природы феномена беспомощности, определение факторов, детерминирующих его становление, позволит оказать помощь в профилактике личностной беспомощности в ситуациях с повышенным риском ее формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Павлов И.П.* Экспериментальная патология высшей нервной деятельности // Мозг и психика / под ред. М.Г. Ярошевского. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. С. 223–241.
2. *Циринг Д.А.* Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
3. *Циринг Д.А.* Феномен выученной беспомощности в онтогенезе личности : дис. … канд. психол. наук. Челябинск, 2001. 157 с.
4. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность : в 2 т. / пер с нем. ; под ред. Б.М. Величковского. М. : Педагогика, 1986. Т. 2. 392 с.
5. *Кемпински А., Боричев А.* Экзистенциальная психиатрия. М. : Совершенство ; СПб. : Университетская книга, 1998. 320 с.
6. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
7. *Фоменко Г.Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях : дис. … д-ра психол. наук. Краснодар, 2006. 497 с.
8. *Асмолов А.Г.* Психология личности : принципы общепсихологического анализа. М. : Смысл, 2001. 416 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 25 сентября 2014 г.

THE ENVIRONMENTAL NATURE OF PERSONAL HELPLESSNESS

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 217-220. DOI: 10.17223/15617793/389/37

Tsiring Diana A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: L-di@yandex.ru
Ponomareva Irina V. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ivp-csu@yandex.ru
Ovchinnikov Michail V. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ovmv@mail.ru
Evnina Kseniya Yu. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: evnina@mail.ru

Keywords: learned helplessness; personal helplessness; factors of personal helplessness formation; nature of personal helplessness.

This article presents a retrospective analysis of the views of researchers on the emergence of the phenomenon of helplessness. The characteristic of personal helplessness, which is different from learned helplessness, is considered as a state that is investigated as a deep personal level of education defining features of cognitive, motivational, emotional, and volitional human spheres. Personal helplessness is a system characteristic of the subject giving the specifics of their life in general. The ideas about the nature of learned helplessness of the supporters of this theory can be reduced to such factors as its occurrence beyond the control of negative events, pessimistic attributional style, as well as an external locus of control (D. Hiroto). Among the assumptions and factors of the formation of personal helplessness, environmental (psychological and social) (D.A. Tsiring, I.V. Ponomareva), and congenital conditions (D.A. Tsiring) are classified. It is assumed that the innate personal helplessness conditions can be determined by a number of individual features, many of which are genetically determined: neuropsychological, neurodynamic, sexual, constitutional, sensomotor organization, as well as age-related features. Environmental factors inducing personal helplessness can include traumatic events. The role of traumatic events in the development of personal helplessness is similar to their role in the formation of the whole person as personal helplessness affects a number of personality characteristics. Besides one of the main environmental factors of personal helplessness formation can be violations in family relations. Family is considered as a general environmental factor of personal helplessness formation. Such social factors as a change of the socio-political situation in the country and, more specific, the change in the financial state of the family, a new job of one of the parents and other are also relevant. Personal helplessness formation risk is growing when different environmental factors work together. Social and economic instability, impossibility or person's incapability to find a fast way out of a given situation, person's feeling of the events being uncontrolled, loss of control over events and inability to foresee further actions can lead to personal helplessness formation. Understanding of the nature of personal helplessness phenomenon, factors that determine its formation let one help prevent personal helplessness of the individuals with high risk of its formation.

REFERENCES

1. Pavlov I.P. *Eksperimental'naya patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti* [Experimental pathology of higher nervous activity]. In: Yaroshevskiy M.G. (ed.*) Mozg i psikhika* [Brain and mind]. Moscow: In-t prakt. psikhologii Publ.; Voronezh: NPO "MODEK" Publ., 1996, pp. 223-241.
2. Tsiring D.A. *Psikhologiya lichnostnoy bespomoshchnosti: issledovanie urovney sub"ektnosti* [Psychology of personal helplessness: a study of the levels of subjectivity]. Moscow: Akademiya Publ., 2010. 410 p.
3. Tsiring D.A. *Fenomen vyuchennoy bespomoshchnosti v ontogeneze lichnosti*. Dis. kand. psikhol. nauk [he phenomenon of learned helplessness in the ontogeny of a person. Psychology Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2001. 157 p.
4. Hekhauzen H. *Motivatsiya i deyatel'nost': v 2 t.* [Motivation and action: in 2 vols.]. Translated from German. Moscow: Pedagogika Publ., 1986. Vol. 2, 392 p.
5. Kempinski A., Borichev A. *Ekzistentsial'naya psikhiatriya* [Existential psychiatry]. Moscow: Sovershenstvo Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1998. 320 p.
6. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya: Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy* [Psychology of experiences: Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: MSU Publ., 1984. 200 p.
7. Fomenko G.Yu. *Lichnost' kak sub"ekt bytiya v ekstremal'nykh usloviyakh*. Dis. d-ra psikhol. nauk [Person as a subject of life in extreme conditions. Psychology Dr. Diss.]. Krasnodar, 2006. 497 p.
8. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza* [Personality psychology: Principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl Publ., 2001. 416 p.

Received: 25 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 221–227 DOI: 10.17223/15617793/389/38

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.5.048

Л.И. Дубровская, В.Р. Герасимова

ОСОБЕННОСТИ СЕЗОННОГО СТОКА С ЗАБОЛОЧЕННЫХ ВОДОСБОРОВ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ КЛИМАТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 13-05-41116 РГО-а, № 14-05-00700-а).

Представлены результаты оценки современного состояния и изменчивости сезонного стока рек, расположенных на отрогах Большого Васюганского болота в его северной и северо-восточной частях, а также в пределах южнотаежного Прииртышья, за период 1985–2009 гг. На основе анализа обширного расчетного материала (289 гидрографов стока с сопутствующей гидрометеорологической информацией) установлены значительные расхождения как в определении продолжительности сезонов, так и в объемах сезонного стока, рассчитанных в рамках двух различных подходов к установлению границ сезонов: календарном и генетическом. Обоснован вывод, что календарный подход в определении границ сезонов занижает объем зимней межени и завышает объем половодья. Приведены количественные характеристики модулей сезонного стока и анализа их тенденций за исследуемый период. Выявлены статистически достоверные изменения в сроках наступления сезонов.

Ключевые слова: гидрологический сезон; сезонный сток; заболоченный водосбор; Западная Сибирь; климатообусловленные изменения стока; тенденции.

Введение. Водные ресурсы Западной Сибири имеют весьма специфические особенности. Климатические условия этой территории в сочетании с ее геоморфологией способствуют задержке и замедленному сбросу весенних вод: развитию подпоров, уменьшению дренирующей работы рек и почти повсеместному росту заболачиваемости.

Избыточное увлажнение, плоский рельеф и водонепроницаемые грунты Васюганской равнины создали в таежной зоне Западной Сибири наиболее благоприятствующие условия для развития колоссальной болотной системы – Большого Васюганского болота (БВБ).

В последнее время особую актуальность приобретают исследования возможных изменений водного режима речных бассейнов под влиянием современных природно-климатических изменений, в том числе и на территории Западной Сибири, где на формирование термического, водного, гидрохимического режимов велико влияние обширных заболоченных пространств.

На территории Томской области отмечается рост температуры воздуха со скоростью 0,3–0,55°С/10 лет за последние 49 лет [1,2]. Зарегистрировано смещение изотермы 0°С в северном направлении по сравнению с периодом наблюдений 1955–1992 гг. [2]. Изменение поля температур хорошо согласуется с изменениями дат начала и конца климатических сезонов года и их продолжительности [3].

Климатообусловленные изменения в природных системах уверенно регистрируются на многих территориях РФ [4], однако на сильно заболоченных территориях в силу ряда причин выявить их достаточно сложно. Известно, что наиболее адекватным индикатором экосистемных изменений в природных системах является изменение влажности деятельного слоя ландшафтов. Поверхностный русловой сток можно рассматривать как интегральный показатель, отражающий текущую влажность деятельного слоя на малом водосборе. Не имея возможности дать непосредственную оценку стока с болотных массивов для всей территории БВБ (отсутствие сети стационаров, методик для расчета осредненного стока с системы болотных массивов и т.д.), предлагается использовать в этих целях принцип «черного ящика». Иначе говоря, имея на выходе интегральную характеристику водообменных процессов на БВБ в виде речного стока рек-водоприемников, можно судить об особенностях и направленности этих процессов на БВБ на том или ином отрезке времени. Основанием для такого подхода являются: высокая степень заболоченности водосборов (40–50% в среднем и 80–100% на отрогах БВБ в его юго-восточной части); широтная зональность болот, соответствующая климатическим зонам, как и у речного стока; корреляция уровней болотных вод и рек-водоприемников.

Так как изменение климатических условий формирования стока проявляется в первую очередь в сезонном стоке, то цель настоящей работы состояла в оценке современного состояния сезонного стока с заболоченных водосборов и анализе его изменений за последние десятилетия.

Анализ особенностей влагооборота Западно-Сибирской равнины выполнялся в свое время С.Л. Вендровым, И.П. Герасимовым, Л.Ф. Куницыным, Л.К. Малик, М.С. Глух, В.С. Мезенцевым, И.В. Карнацевичем, О.В. Мезенцевой и др. Сезонный сток исследовала И.Н. Стеженская в 1971 г. [5], пространственно-временное распределение элементов водного баланса – Г.А. Плиткин [6], Т.А. Зырянова [7], исследования водных ресурсов Сибири – в работе [8].

В последнее десятилетие вопросам формирования речного стока и закономерностям его пространственно-временного распределения на исследуемой территории посвящены работы В.А. Земцова, О.Г. Савичева, В.В. Паромова [9–11].

Объектом исследований являются малые реки, створы которых располагаются на отрогах Васюганского болота в пределах Томской и Новосибирской областей. БВБ занимает самую высокую часть Запад-

но-Сибирской низменности и расположено на стыке ландшафтных зон (подзон) южной тайги и подтайги [12]. Северная часть БВБ и его многочисленные отроги, заходящие в междуречья небольших рек, берущих начало в болотной системе и текущих на север и северо-восток в Обь, располагаются в пределах южной тайги, а его южная половина – в пределах подтайги [13. С. 152].

В работе анализировался сезонный сток 13 рек по постам, расположенным на отрогах БВБ, за период 1985–2009 гг.: 7 водосборов в северной и 6 – в южной частях БВБ (рис. 1).

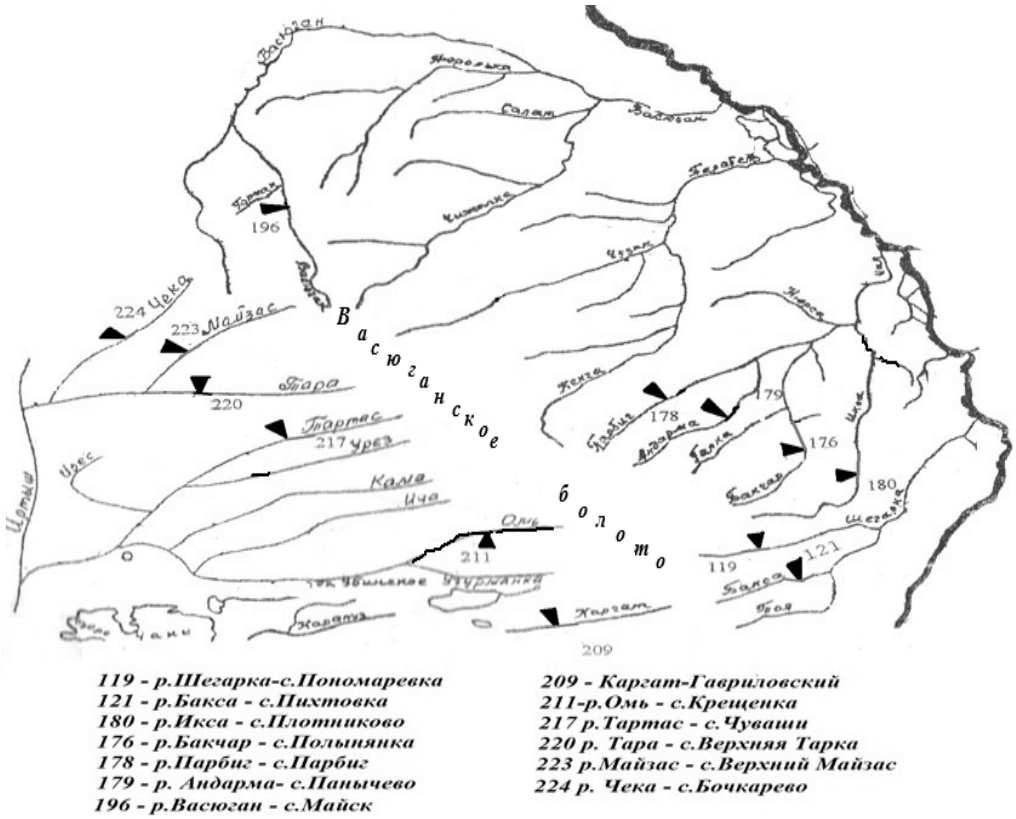

Рис. 1. Схема расположения гидрологических постов

Исходные материалы. Материалами для настоящей работы послужили официальные данные о ежедневных расходах воды, опубликованные в гидрологических ежегодниках за период с 1991 по 2009 г. – для притоков Иртыша и с 1985 по 2009 г. – для постов на левобережных притоках Средней Оби; материалы Томского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды о датах наступления устойчивых ледовых явлений по этим же постам за все указанные годы; а также данные о суточных осадках и температуре приземных слоев воздуха на части постов для большей обоснованности выделения сроков окончания половодья в случае сложного хода гидрографа стока.

Методика исследований. Первая важная задача исследования заключалась в выборе метода определения границ гидрологических сезонов. Вопрос о разделении года на гидрологические сезоны и о способах определения их границ не нов и достаточно сложен до настоящего времени. История этого вопроса, начиная с работ М.И. Львовича и кончая работами П.С. Кузина, подробно изложена в [5]. Стоит только добавить, что современные технические возможности ЭВМ снимают многие проблемы с обработкой больших массивов данных. В связи с этим первая часть исследования была посвящена сравнительному анализу сезонного стока, рассчитанного двумя разными подходами к определению сроков наступления гидрологических сезонов: календарным и генетическим. Решался вопрос: «Насколько установление единых календарных сроков, нарушающих генетическое единство отдельных фаз водного режима рек, может исказить истинное распределение сезонного стока по территории и его тенденции в условиях изменяющегося климата?»

Вторая часть работы состояла в анализе пространственно-временных изменений сезонного стока, рассчитанного в рамках генетического подхода, на исследуемой территории за последние десятилетия.

В соответствии с [14] для рассматриваемого района выделены три гидрологических сезона:

– зимний, содержащий одну фазу водного режима – зимнюю межень;

– весенний, включающий одну фазу водного режима – весеннее половодье;

– летне-осенний, как сложная фаза водного режима, включающая летнюю межень и осенние паводки [5].

Выделение границ сезонов по генетическому принципу производилось исходя из следующих положений: начало зимнего меженного сезона в данной работе приурочивалось к датам наступления устойчивых ледовых явлений на реке, которые определялись из гидрологических ежегодников для соответствующих лет.

Даты окончания зимней межени определялись путем анализа гидрографа стока за каждый год по характерному уменьшению расхода, предшествующему резкому подъему кривой, знаменующему начало половодья.

Даты конца весеннего сезона находились по кривым истощения (спада). В случае появления второй волны половодья и крупных дождевых паводков на гидрографе стока – по установлению в течение 5–7 суток малых расходов, одного порядка с характерными для конца летней межени. В работе использовался аналитический метод вычисления ординат кривой истощения.

Выделение границ гидрологических сезонов по календарному методу проводилось в соответствии с принятыми для Западной Сибири [14]. Для обобщения результатов использовался метод гидролого-географического анализа, для поиска статистически достоверных тенденций – критерий Аббе. Репрезентативность временных рядов определялась по интегрально-разностным кривым, однородность по среднему – по критерию Стьюдента, однородность по дисперсии – по критериям Фишера, Левена и Брауна – Форсайта.

Обсуждение результатов исследований. Поскольку главной задачей было выявление особенностей сезонного стока с заболоченных водосборов, наиболее близко расположенных к БВБ, то выбирались малые реки, т.е. в качестве одного из условий при выборе водосборов было принято, что площадь водосбора не должна превышать 10 000 км^2 [5]. Все рассматриваемые реки относятся по гидрологическому режиму к западно-сибирскому типу с преобладающим весенним половодьем. Они характеризуются хорошо выраженным весенним половодьем, во время которого проходит более 60% годового стока. Лишь от 2 до 11% годового стока приходится на зимнюю межень. Месячный максимум приходится на май. И хотя они имеют достаточно близко расположенные истоки, характерные водность, сроки наступления сезонов и их продолжительность сильно различаются у рек, стекающих на северо-запад (южно-таежная подзона) и текущих на юго-запад в подзоне березово-осиновых лесов и северной лесостепи (нижняя часть табл. 1).

Таблица 1

Гидрографические характеристики водосборов и статистические параметры годового стока за исследуемый период

Река-пункт	**F***	H	I	$\lambda_{оз}$	$\lambda_{бол}$	$\lambda_{лес}$	q	$Q_{ср}$	$\sigma_{Qср}$	C_v	σ_{cv}	C_s
Шегарка – с. Пономаревка	1 260	140	0,61	1	30	40	2,6	3,3	0,14	0,73	0,13	0,80
Бакса – с. Пихтовка	1 420	140	0,32	1	35	60	3,0	4,3	0,14	0,70	0,12	0,56
Икса – с. Плотниково	2 560	130	0,20	1	49	50	3,5	8,9	0,11	0,55	0,09	0,66
Бакчар – с. Полынянка	2 040	130	0,35	<1	25	75	3,3	6,7	0,12	0,59	0,10	0,53
Парбиг – с. Парбиг	3 220	130		1	35		5,0	13,7	0,09	0,44	0,07	1,3
Андарма – с. Панычево	2 330	130	0,31	1	35	60	3,7	8,6	0,10	0,52	0,08	0,9
Васюган – с. Майск	3 730	130	0,19	1	35	64	4,4	16,3	0,09	0,43	0,08	0,77
Каргат – п. Гавриловский	3 910	140	0,10	2	30	20	1,0	4,1	0,17	0,77	0,16	0,85
Омь – с. Крещенка	6 500	140	0,26	<1	70	30	2,1	13,8	0,14	0,61	0,12	0,44
Тартас – с. Чуваши	4 540	130	0,11	<1	80	20	3,0	13,6	0,12	0,53	0,09	0,67
Тара – с. Верх. Тарка	6 250	130	0,15	<1	50	40	3,2	19,7	0,11	0,48	0,09	1,19
Майзас – с. Верх. Майзас	1 430	130	0,28	<1	40	40	3,1	4,5	0,14	0,61	0,10	1,37
Чека – с. Бочкарево	2 730	130	0,23	<1	55	40	2,8	7,6	0,12	0,53	0,10	0,99

Примечание. * F – площадь водосбора, км^2; H – средняя высота водосбора, м; I – уклон реки средний, ‰; $\lambda_{оз}$ – озерность, %; $\lambda_{бол}$ – заболоченность, %; $\lambda_{лес}$ – лесистость, %; q – модуль стока, л/(км^2·с); $Q_{ср}$ – средний годовой расход , м^3/с; $\sigma_{Qср}$ – ср. квадратическая погрешность $Q_{ср}$; C_v – коэффициент вариации; σ_{cv} – ср. квадратическая погрешность C_v; C_s – коэффициент асимметрии.

Одним из важных параметров сезонного стока является его продолжительность. На основе анализа обширного расчетного материала (289 гидрографов стока с сопутствующей гидрометеорологической информацией) на рассматриваемой территории установлены значительные расхождения как в определении продолжительности сезонов, так и в объемах сезонного стока, рассчитанных в рамках двух различных подходов к установлению границ сезонов: календарного и генетического. Типичный пример различий в продолжительности сезонов для малого водосбора приведен на рис. 2, а сводная информация для всех рек – на рис. 3.

Четко прослеживается для всех постов следующая закономерность: занижение при календарном подходе продолжительности зимней межени и завышение – весеннего половодья. Примечательно, что у притоков Иртыша различие выражено несколько слабее (см. рис. 3), чем у обских рек. Летне-осенний сезон может быть и больше и меньше календарного. Для южно-таежной подзоны Западной Сибири наибольшее расхождение характерно для половодья, которое в среднем за рассматриваемый период времени на 19–39 дней короче определяемого по календарному методу. Зимняя межень, наоборот, продолжительнее в среднем на 13–25 дней, а летне-осенний сезон может быть и короче (6 дней), и продолжительнее (26 дней).

В процентном выражении расхождение, выраженное в долях объема стока сезона в годовом, для зимней межени составляет в среднем за многолетний период 0,6–7,0%, для весеннего половодья – 1,2–11,5%, для летне-осеннего сезона – 0,1–9,8%.

Если сравнивать притоки Оби и Иртыша, то обнаруживается, что максимальные расхождения во всех сезонах приходятся на притоки Оби. Вышеприведенное сравнение средних многолетних величин сезонного стока показало довольно невысокую степень расхождения – не выше 12% (в половодье). Однако если рассматривать отдельные годы, то разница в объемах стока, рассчитанных с разных подходов к определению границ сезонов, может достигать больших величин. Самое большое различие наблюдается в определении объемов весеннего половодья, которое в отдельные годы на отдельных створах может достигать 45%.

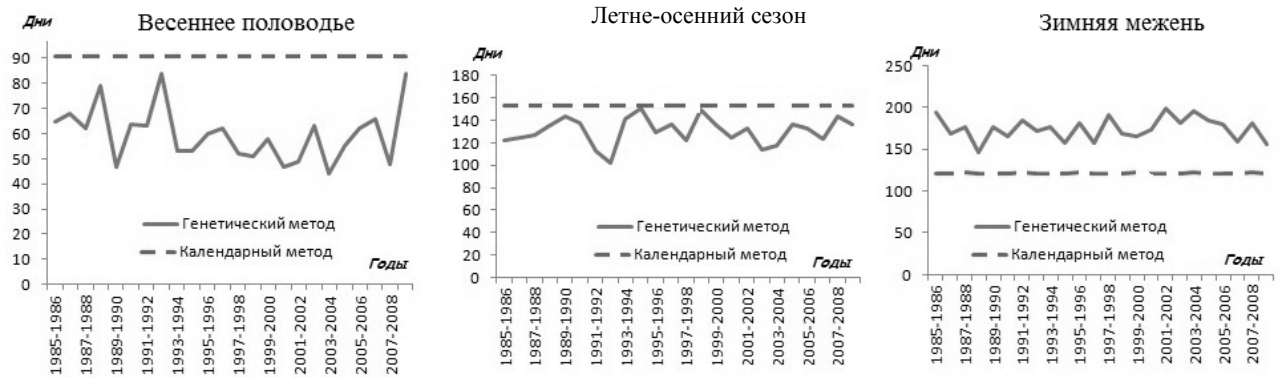

Рис. 2. Продолжительность сезонов для р. Бакчар – с. Полынянка

При этом следует отметить, что при генетическом выделении границ сезонов доля зимней межени в годовом выше у всех рек, а доля половодья, наоборот, ниже (кроме р. Тара – с. Верхняя Тарка), чем у календарного подхода. Доля летне-осеннего сезона может быть как выше, так и ниже у разных рек. Таким образом, можно утверждать, что календарный подход в определении границ сезонов занижает объем зимней межени и завышает объем половодья.

Расхождение между методами сильнее проявляется в маловодные годы.

Анализ сроков наступления устойчивых ледовых явлений на исследуемых реках за период наблюдений 25 лет выявил большой разброс в этих датах: с середины или конца октября до середины ноября, но чаще с последней декады октября по первую декаду ноября со слабой тенденцией на более поздние сроки. Выявлены тенденции в сроках наступления сезонов. Зимняя межень устанавливается преимущественно позднее, особенно это характерно для водосборов рек, расположенных у юго-западной границы БВБ (табл. 2). В сроках наступления половодья характерен сдвиг на более ранние сроки у притоков Иртыша и отсутствие тенденций у притоков Оби.

В сроках наступления летне-осеннего сезона наблюдается обратная картина: сдвиг на более ранние сроки у притоков Оби и разнонаправленные тенденции на водосборах в южной части БВБ.

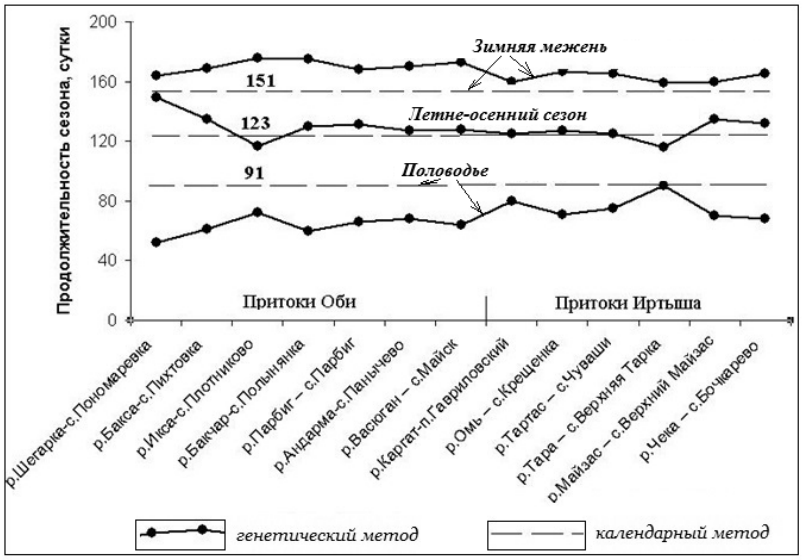

Рис. 3. Средняя продолжительность сезонов, определенная по генетическому и календарному методам

Обращает на себя внимание водосбор р. Каргат – п. Гавриловский, самый южный по расположению из рассматриваемых: начало половодья и летне-осеннего сезона имеет тенденцию сдвига на более ранние сроки, продолжительность зимней межени и половодья уменьшается, летне-осеннего сезона – увеличивается.

В модулях сезонного стока четко выраженных однонаправленных тенденций для всей территории не прослеживается. Для зимней межени характерно увеличение стока на преобладающем числе рек – это рр. Васюган, Бакчар, Андарма, Тара, Тартас, Майзас, Чека, причем для двух из них тенденции на увеличение статистически достоверны (табл. 3). Сток летне-осеннего сезона на всех реках имеет тенденцию к увеличению, в трех случаях – статистически значимую.

Обращает на себя внимание тенденция на одновременное увеличение модуля стока во все сезоны и в целом за год на Иртышских притоках – рр. Тара, Тартас, Майзас, Чека. Причем на двух постах есть статистически значимые тенденции, т.е. прослеживается не перераспределение стока между сезонами, а его увеличение, объяснить которое можно только как реакцию стока на изменение климата, прежде всего увеличения осадков.

Таблица 2

Продолжительность сезонов и их тенденции

Река – пункт	Продолжительность сезонов по генетическому методу, дни			Продолжительность сезонов по календарному методу, дни	Тенденции в продолжительности / в сроках наступления сезонов*		
	Зимняя межень	Половодье	Летне-осенний сезон		Зимняя межень	Половодье	Летне-осенний сезон
Шегарка – с. Пономаревка	164	52	149	Зимняя межень 151 (XI–III)	–/+	+/0	+/+
Бакса – с. Пихтовка	169	61	135		+/+	–/+	+/–
Икса – с. Плотниково	176	72	117		+/–	+/0	–/+
Бакчар – с. Полынянка	175	60	130		+/–	–/0	0/–
Парбиг – с. Парбиг	168	66	131		–/+	–/0	+/–
Андарма – с. Панычево	170	68	127	Половодье 91 (IV–VI)	–/+	–/+	+/–
Васюган – с. Майск	173	64	128		0/0	–/0	+/–
Каргат – п. Гавриловский	160	80	125		–/0	–/–	+/–
Омь – с. Крещенка	167	71	127		–/0	+/–	–/+
Тартас – с. Чуваши	165	75	125		–/+	0/–	+/–
Тара – с. Верх.Тарка	159	90	116	Летне-осенний сезон 123 (VII–X)	+/+	–/+	+/+
Майзас – с. Верх. Майзас	160	70	135		–/+	+/–	–/+
Чека – с. Бочкарево	165	68	132		–/+	+/–	+/0

Примечание. * (+) – тенденция на возрастание продолжительности / сдвиг на более поздние сроки наступления сезона, (–) – тенденция на убывание / сдвиг на более ранние сроки наступления сезона, (0) – нет тенденции.

Таблица 3

Многолетние модули сезонного и годового стоков и их тенденции за исследуемый период, л/(с·км^2)

Река – пост	Зимняя межень		Половодье		Летне-осенний сезон		Годовой	
	Модуль стока	Тенденция	Модуль стока	Тенденция	Модуль стока	Тенденция	Модуль стока	Тенденция
Шегарка – с. Пономаревка	0,09	Нет	8,41	Убыв.	1,39	Возр.	2,60	Нет
Бакса – с. Пихтовка	0,03	Нет	10,46	Убыв.	1,19	Возр.	3,02	Убыв.
Икса – с. Плотниково	0,49	Возр.	10,22	Возр.	2,17	**Возр***	3,48	Возр.
Бакчар – с. Полынянка	0,43	Возр.	9,43	Возр.	2,31	**Возр**.	3,3	Возр.
Парбиг – с. Парбиг	1,88	Убыв.	11,82	Убыв.	3,92	Возр.	5,04	Убыв.
Андарма – с. Панычево	0,97	Убыв.	9,65	Убыв.	2,69	Возр.	3,71	Убыв.
Васюган – с. Майск	0,3	Возр.	12,07	Возр.	2,91	Возр.	4,37	Возр.
Каргат – п. Гавриловский	0,91	Убыв.	3,54	Убыв.	0,39	Нет	1,06	Убыв.
Омь – с. Крещенка	0,56	Нет	6,12	Нет	1,37	Возр.	2,11	Возр.
Тартас – с. Чуваши	1,15	Возр.	8,02	Нет	2,30	Возр.	3,00	Возр.
Тара – с. В. Тарка	0,95	Возр.	7,54	Возр.	2,35	Возр.	3,15	Возр.
Майзас – с. В. Майзас	0,71	**Возр**.	7,93	Возр.	2,33	Возр.	3,17	**Возр**.
Чека – с. Бочкарево	0,1	**Возр**.	7,36	Возр.	1,98	**Возр**.	2,79	**Возр**.

* Полужирным шрифтом выделены статистически достоверные тренды.

У притоков Оби, по сравнению с иртышскими, такой же четкой выраженности тенденций во всех сезонах нет. Но у всех 13 постов наблюдается тенденция на увеличение стока в июле.

Тенденции на убывание сезонного и годового стоков обнаружены для рек на стыке южной тайги и подзоны березово-осиновых лесов, т.е. в створах на рр. Бакса, Шегарка, расположенных недалеко от их истоков, а также р. Каргат – п. Гавриловский в лесостепной подзоне.

В целом модули как сезонного, так и годового стоков увеличиваются в направлении с юго-запада на северо-восток.

Выводы. Календарный подход в определении границ сезонов занижает объем зимней межени и завышает объем половодья. Максимальное различие между календарным и генетическим подходами в определении границ сезонов наблюдается в расчете объемов весеннего половодья. При сравнительно небольшой (12%) осредненной оценке ошибки указанной выше характеристики разница в отдельные годы на отдельных створах может достигать 45%.

Выявлены тенденции в сроках наступления сезонов: зимняя межень устанавливается преимущественно позднее, в сроках наступления половодья чаще всего тенденции отсутствуют, летне-осенний сезон у большинства пунктов наблюдения сдвигается на более ранние сроки.

Четкая тенденция на повышение стока во все сезоны и в целом за год отмечается у всех притоков Иртыша. У притоков Оби, по сравнению с иртышскими, такой же отчетливой выраженности тенденций во всех сезонах нет.

По водности реки, стекающие с Васюганского болота в северо-восточном и в юго-западном направлениях, сильно отличаются. Модули годового стока притоков Иртыша изменяются в интервале 1–3,2, а притоков Оби – 2,6–4,4 л/(с·км^2).

В целом для рассматриваемой территории характерно наличие разнонаправленных тенденций в изменении сезонного стока, в том числе статистически достоверных. Но в зимнюю межень и летне-осенний сезон преобладает число рек с увеличением стока. Выявлена характерная особенность стока с южнотаежного Прииртышья – рост стока в подавляющем числе створов для всех сезонов и годового в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ипполитов И.И., Кабанов М.В., Комаров А.И., Кусков А.И.* Структура и динамика поля температуры в районе Большого Васюганского болота // Большое Васюганское болото. Современное состояние и процессы. Томск : Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2002. С. 111–122.
2. *Волкова М.А., Кужевская И.В.* Пространственно-временная изменчивость температуры воздуха и атмосферных осадков на территории Томской области // Актуальные проблемы экологии и природопользования Сибири в глобальном аспекте. Томск, 2007. С. 73–77.
3. *Ромашова Т.В.* Климатические изменения на юге Томской области в глобальном контексте // Актуальные проблемы экологии и природопользования Сибири в глобальном аспекте. Томск, 2007. С. 334–337.
4. *Доклад* об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2007 год. М. : Росгидромет, 2008.
5. *Стеженская И.Н.* Сезонный сток рек Западно-Сибирской равнины. Л. : Гидрометеоиздат, 1971. 68 с.
6. *Плиткин Г.А.* Водный баланс Западной Сибири. Л. : Гидрометеоиздат, 1976.
7. *Зырянова Т.А., Зинченко Г.С., Безуглова Н.Н.* Оценка составляющих водного баланса Большого Васюганского болота // География и природные ресурсы. 2007. С. 68–74.
8. *Проскурина Г.В., Чубенко А.Г.* Гидрологические характеристики болот бассейна р. Васюган // Комплексные исследования водных ресурсов Сибири. М. : Гидрометеоиздат, 1983. Вып. 56. С. 64–70.
9. *Земцов В.А.* О многолетней изменчивости речного стока в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 3. С. 137–139.
10. *Земцов В.А., Паромов В.В., Савичев А.Г.* Изменения водного стока крупных рек юга Западной Сибири в XX столетии // Фундаментальные проблемы воды и водных ресурсов : материалы всерос. науч. конф. Барнаул : Изд-во НТЛ, 2000. С. 321–324.
11. *Савичев О.Г.* Реки Томской области: состояние, использование и охрана. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2003. 202 с.
12. *Лапшина Е.Д., Мульдияров Е.А.* Основные этапы развития Большого Васюганского болота // Большое Васюганское болото. Современное состояние и процессы развития. Томск : Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2002. С. 36–44.
13. *Евсеева* Современный морфолитогенез юго-востока Западно-Сибирской равнины. Томск : Изд-во НТЛ, 2009. 484 с.
14. *Владимиров А.М.* Гидрологические расчеты. Л. : Гидрометеоиздат, 1990. 364 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 10 апреля 2014 г.

FEATURES OF SEASONAL RUNOFF FROM WATERLOGGED CATCHMENTS OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE IN TERMS OF REGIONAL CLIMATE CHANGE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 221-227. DOI: 10.17223/15617793/389/38

Dubrovskaya Larisa I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubrli@sibmail.com
Gerasimova Vlada R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gerasimova@danet.in

Keywords: runoff of hydrological seasons; wetland catchment; Western Siberia; climate change; trend.

Here are shown the results of search of climate changes in the river flow from wetland catchments which are located on the ridges of the Great Vasyugan Mire in its northern and north-eastern parts, as well as within the southern taiga of the Irtysh area. It is located within the administrative boundaries of Tomsk and northern part of Novosibirsk Oblasts. It is known that climate changes are manifested primarily in the seasonal runoff. In this regard, the work consists of two parts. The first is devoted to the theoretical problem of the accuracy in determination of the volume of the seasonal runoff. It is solved by means of a comparative analysis of the flow calculated from the position of the calendar and genetic approaches of identification of the boundaries of the seasons and involves obtaining an answer to the question of to what extent the establishment of unified calendar dates of the onset of hydrological seasons distorts the true trends in the seasonal runoff in a changing climate. Basing on the extensive material of analysis, significant differences in the length of seasons and in volumes of seasonal runoff were observed. For the territory the greatest discrepancy is characteristic for floods which, in average for the period of time, is 19 – 39 days shorter than the one determined according to the calendar method. The winter low water period, on the contrary, is 13 – 25 days longer; the summer-autumn low water period may be either shorter (6 days) or longer (26 days). In percentage, the difference in calculating of the winter low water in the annual is on average within 0.6 – 7.0 %, spring flood 1.2 – 11.5 % and summer-autumn low water period 0.1 – 9.8 %. However, for some years the discrepancy between methods for the spring flood can reach 45 %. The discrepancy between methods is stronger in low water years. It is justified that the approach of the calendar when defining the season boundaries underestimates the volume of winter low water and overstates the amount of floods. Thus, the correct solution of tasks of a scientific nature, especially those associated with the analysis of the tendencies and the forecast, is possible only when a genetic approach is used for determining the timing of seasons. The second part is devoted to the analysis of the spatial-temporal distribution and dynamics of the seasonal flow which are calculated from the positions of the genetic approach to the area during the recent decades. Here are demonstrated the quantitative characteristics of the modules of the seasonal runoff and the results of athe nalysis of their trends over the study period (1985-2009). In general, the territory is characterized by the presence of divergent trends of changes in the seasonal runoff, including statistically significant ones. In the winter low water period, rivers with an increasing runoff dominate. A characteristic feature for the runoff of the south taiga of the Irtysh area is marked. It is a simultaneous increase of the flow in all seasons and during the year in general in the majority of locations.

REFERENCES

1. Ippolitov I.I., Kabanov M.V., Komarov A.I., Kuskov A.I. *Struktura i dinamika polya temperatury v rayone Bol'shogo Vasyuganskogo bolota* [Structure and dynamics of the temperature field in the Great Vasyugan Mire area]. In: Kabanov M.V. (ed.) *Bol'shoe Vasyuganskoe boloto. Sovremennoe sostoyanie i protsessy* [The Great Vasyugan Mire. Modern state and processes]. Tomsk: Izd-vo Instituta optiki atmosfery SO RAN, 2002, pp. 111-122.
2. Volkova M.A. Kuzhevskaya I.V. [Spatio-temporal variability of temperature and precipitation in Tomsk Oblast]. *Aktual'nye problemy ekologii i prirodopol'zovaniya Sibiri v global'nom aspekte* [Topical problems of ecology and nature of Siberia in the global context]. Tomsk, 2007, pp. 73-77. (In Russian).
3. Romashova T.V. [Climate change in the south of Tomsk Oblast in the global context]. *Aktual'nye problemy ekologii i prirodopol'zovaniya Sibiri v global'nom aspekte* [Topical problems of ecology and nature of Siberia in the global context]. Tomsk, 2007, pp. 334–337. (In Russian).
4. *Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii za 2007 god* [Report on the peculiarities of climate in the Russian Federation in 2007]. Moscow: Rosgidromet Publ., 2008.

5. Stezhenskaya I.N. *Sezonnyy stok rek Zapadno-Sibirskoy ravniny* [easonal flow of the rivers of the West Siberian Plain]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1971. 68 p.
6. Plitkin G.A. *Vodnyy balans Zapadnoy Sibiri* [Water balance of Western Siberia]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1976.
7. Zyryanova T.A., Zinchenko G.S., Bezuglova N.N. Assessing water balance components of the Large Vasyuganskoye Bog. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*, 2007, no. 4, pp. 68-74. (In Russian).
8. Proskurina G.V., Chubenko A.G. Gidrologicheskie kharakteristiki bolot basseyna r. Vasyugan [Hydrological characteristics of swamps in the Vasyugan river basin]. *Kompleksnye issledovaniya vodnykh resursov Sibiri*, 1983, issue. 56, pp. 64-70.
9. Zemtsov V.A. O mnogoletney izmenchivosti rechnogo stoka v Zapadnoy Sibiri [On the long-term variability of river runoff in Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2003, Supplement no. 3, pp. 137-139.
10. Zemtsov V.A., Paromov V.V., Savichev A.G. [Changes in runoff of major rivers in the south of Western Siberia in the 20th century]. *Fundamental'nye problemy vody i vodnykh resursov: materialy vseros. nauch. konf* [Fundamental problems of water and water resources: Proc. of All-Russian scientific conference]. Barnaul: NTL Publ., 2000, pp. 321-324. (In Russian).
11. Savichev O.G. *Reki Tomskoy oblasti: sostoyanie, ispol'zovanie i okhrana* [Rivers of Tomsk Oblast]. Tomsk: TPU Publ., 2003. 202 p.
12. Lapshina E.D., Mul'diyarov E.A. *Osnovnye etapy razvitiya Bol'shogo Vasyuganskogo bolota* [The main stages of development of the Great Vasyugan Mire]. In: Kabanov M.V. (ed.) *Bol'shoe Vasyuganskoe boloto. Sovremennoe sostoyanie i protsessy* [The Great Vasyugan Mire. Modern state and processes]. Tomsk: Izd-vo Instituta optiki atmosfery SO RAN Publ., 2002, pp. 36–44.
13. Evseeva N.S. *Sovremennyy morfolitogenez yugo-vostoka Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Modern morpholithogenesis of the southeastern West Siberian Plain]. Tomsk: NTL Publ., 2009. 484 p.
14. Vladimirov A.M. *Gidrologicheskie raschety* [Hydrologic calculations]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1990. 364 p.

Received:10 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 228–234 DOI: 10.17223/15617793/389/39

УДК 553.981:553.982

Е.Р. Исаева, Н.Ф. Столбова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ФЛЮИДОМИГРАЦИИ В НЕФТЕГАЗОНОСНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ВАНКОРСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

На основе детальной литологической, петрографической, минералогической, геохимической информации о строении разреза глубокой скважины Ванкорская 11, пробуренной в центре известного месторождения в северо-восточной части Западной Сибири, составлен предварительный прогноз его нефтегазоносности. Было выявлено влияние на осадочные отложения дислокационно-метасоматических процессов, которые сопровождаются деструкцией и растворением исходных пород, выносом и привносом петрогенных компонентов и формированием новообразованных минералов. Наложенные эпигенетические (дислокационно-матасоматические) преобразования пород в разрезе скважины в основном проявлены в виде вторичного минералообразования – формирования карбонатных, кремнистых и глинистых минералов. При выносе петрогенных компонентов на месте сложных конформных контактов возникают поры и межпоровые каналы и при благоприятных условиях формируются и сохраняются зоны вторичных высокопористых пород.

Ключевые слова: флюидодинамическая модель; дислокационно-метасоматические процессы; нефтегазоносность; нефтематеринские породы; породы-коллекторы; породы-флюидоупоры; Ванкорское месторождение (Восточная Сибирь).

Введение и обоснование выбранных методов исследования. Существовавшее ранее и еще иногда бытующее представление о генерации углеводородов из рассеянного органического вещества в статических закрытых, погружающихся в зоны катагенеза системах трудно использовать в современной нефтяной геологии. Причиной является наличие ряда факторов, не объясняемых с позиции концепции образования нефти в закрытой системе, стремящейся к термодинамическому равновесию. Так, в составе высокоуглеродистого твердого керогена, как показали исследования Зап.-Сиб. НИГНИ еще в 1986 г., существует дефицит водорода, необходимого для появления углеводородов (УВ) в жидкой и газообразной фазе. Кроме того, для образования присутствующих в нефтях легколетучих компонентов путем термолиза требуются гораздо более высокие температуры, чем те, в которых наблюдается генерация сингенетичных битумоидов. Немало проблем возникает и при объяснении скоплений углеводородов, так как миграция образовавшихся сингенетичных битумоидов и микронефти, находящихся в дисперсной форме, противоречит законам диффузии [1].

Многие спорные и непонятные моменты снимаются представлениями о существовании открытых систем. В Московском государственном университете была разработана [2, 3] флюидодинамическая модель нефтегазообразования, в которой рассмотрены вопросы миграции УВ из нижезалегающих высокоуглеродистых толщ земной коры. Эта модель получила широкое признание и развитие.

В самое последнее время активно изучаются особенности глубинной дегазации Земли и ее влияние на процессы в приповерхностных оболочках планеты. Большое внимание уделяется изучению геосолитонов, характеру изменения сейсмических полей, зон вертикальной флюидомиграции, кольцевых структур, трубок взрыва и газовых труб, а также метасоматическим процессам в формировании коллекторов, зон нефтегазообразования и т.д. [4].

Исследователями установлено, что в разрезах скважин, пробуренных в нефтегазоносных отложениях, давление в пластах варьирует от 150 до 1 500 атм и более, а температуры достигают 110°С. В этих условиях основные известные составляющие компоненты флюидов находятся в сверхкритическом состоянии. Сверхкритическое состояние для CH_4 – $t_{крит}$ 82,4°С, $P_{крит}$ – 46,9 атм; для CO_2 – $t_{крит}$ 31,3°С, $P_{крит}$ – 75,2 атм; для H_2O – $t_{крит}$374,2°С, Р – 221 атм, а водород (H_2) растворяется в сверхкритической среде. Сверхкритические среды характеризуются исключительно низкой вязкостью и повышенной диффузионной способностью. Кроме того, они обладают способностью эффективно растворять не только жидкие, но и твердые органические вещества. Внедряясь в структуру химически устойчивых керогенов и разрывая их структурный скелет, они увеличивают количество битуминозных веществ, влияют на их состав и способствуют миграции [1].

Мигрирующие битумоиды (эпибитумоиды) подвергаются естественному крекингу, что приводит их к дифференциации от наиболее тяжелых к средним и легким, вплоть до газовых [5]. Эпибитумоиды используют трещиноватость, новообразованную пористость и сланцеватость, участки перекристаллизации пород и т.п. и, в целом, тяготеют к тектонически ослабленным зонам. Зоны эффективных коллекторов, участки значительного разуплотнения, каверны и резервуары образуются в условиях накопления CO_2, его диссоциации [6] и проявления углекислотного метасоматоза [7].

Зоны с хорошими дренажными свойствами, зоны эффективных коллекторов в толщах пород, обладающих высоким углеводородным потенциалом, следует искать, применяя не только сейсмические методы, которые на данный момент широко используются при поиске и разведке нефтегазоносных отложений, но также необходимо учитывать результаты комплексных анализов (литологических, минералого-петрографических, битуминологических, ядерно-геохимических).

Используемая технология ориентирована на изучение отложений осадочного бассейна с позиции флюидодинамической модели и на детальное исследование характера постседиментационных, литогенетических процессов, в первую очередь процессов наложенного эпигенеза или дислокационно-метасоматических явлений в толщах осадочных пород. Эти исследования позволяют более углубленно познать эволюцию нефтегазоносных отложений.

Геология района. Район исследования входит в состав Сидоровского (Большехетского) нефтегазоносного района (НГР), Пур-Тазовской нефтегазоносной области, Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Административно НГР расположен в пределах Красноярского края и частично Ямало-Ненецкого автономного округа.

Территория исследования располагается на восточном склоне террасы Большехетской впадины в северо-восточной части Западно-Сибирской плиты [8]. Большехетская структурная терраса имеет субмеридиональную ориентировку и осложняет восточный борт Надым-Тазовской синеклизы, располагающейся в центральной части Западно-Сибирской плиты и характеризующейся большими глубинами залегания (подошва точинской свиты среднеюрского возраста J_{2-3}tch). Кровля отложений средней юры залегает на глубинах до 5,2 км.

Большехетская структурная терраса осложнена структурами низших порядков (IV и мельче): валами, локальными поднятиями, в том числе и Ванкорским, в пределах которого расположено Ванкорское нефтегазовое месторождение.

Ванкорская площадь по поверхности кристаллического фундамента тяготеет к западному борту южной части Худосейской рифтогенной зоны, выделяемой по гравиметрическим и сейсморазведочным материалам как линейная надпорядковая тектоническая структура. В пределах Худосейского рифта выделены две крупные структуры: Приенисейский грабен и Большехетско-Тагульский горст, в зоне сочленения которых и находится Ванкорская структура. Современные черты структура приобрела в течение верхнемелового, палеогенового и неогенового периодов.

По результатам гелиевой съемки был закартирован вдоль западного обрамления складки глубинный разлом. Установлено, что разлом тектонически активен и в настоящее время, являясь поставщиком тепловой энергии и перераспределения ее в осадочных породах. Сделан вывод, что Ванкорская структура является сквозной, по крайней мере до отложений триасового возраста, молодой по образованию, сложной по строению на разных стратиграфических уровнях. Зона глубинного разлома, по-видимому, обусловила формирование мощной депрессионной воронки; депрессионные воронки меньшего порядка связаны с дизъюнктивными нарушениям, развитыми в пределах месторождения и оперяющими глубинный разлом. Наибольшей нарушенностью отличается Северо-Ванкорский блок, что подтверждается данными гелиевой съемки.

В результате изучения данных сейсмических работ, проведенных в регионе В.А. Крининым (ООО «Красгеонац»), и особенностей становления и развития осадочного комплекса можно прийти к выводу, что район исследования имеет тектонически ослабленные зоны. И по результатам анализа содержаний газов в грунтах сейсморазведочных скважин выделено семь зон (I–VII) ареалов аномальных содержаний, которые идентифицируются с зонами возможного нефтегазонакопления. В этих зонах были пробурены поисковые скважины для детального исследования: Хикиглинская 1, Западно-Лодочная 1, Восточно-Лодочная 1, Северо-Ванкорская 1, Ванкорская-11 и др. В данной статье приведены результаты комплексного исследования глубокой скв. Ванкорская-11.

Литологические, минералого-петрографичес-кие и геохимические особенности нефтегазоносных отложений. Скв. Ванкорская-11 были вскрыты юрско-меловые отложения, представленные следующими свитами: танамской (K_2tn), салпадаяхинской (K_1sl), насоновской (K_2ns), дорожковской (K_2dr), долганской (K_{1-2}dl) свитами верхнего мела; яковлевской (K_1jak), малохетской (K_1mch), суходудинской (K_1sd), нижнехетской (K_1nch) нижнего мела, яновстанской (J_3–K_1jan) нижнего мела-верхней юры, сиговской (J_3sg), точинской (J_2tc), малышевской (J_2ml), леонтьевской (J_2ln) и вымской (J_2vm) свитами верхней-средней юры.

При литологическом, минералого-петрографическом и фациальном исследованиях было выявлено, что юрско-меловая толща в пределах изучаемой территории формировалась в различных климатических и фациальных зонах (морских, лагунных, континентальных и переходных фациях). Она представлена чередованием песчаников, алевролитов и аргиллитов, иногда содержащих прослои известковых пород и углей.

Ниже рассмотрены особенности проявления процессов флюидомиграции в разрезе скважины Ванкорская-11 по данным геохимических, литологических и петрографических исследований.

Ранее установлено, что при развитии процессов влияния углекислотных флюидов на обломочные породы концентрация урана уменьшается наряду с убыванием содержания петрогенных компонентов, что происходит в результате дислокационно-метасоматических процессов.

Ядерно-геохимические исследования по керну и шламу скв. Ванкорская-11 выявили зоны с отрицательными аномалиями, в которых широко проявились процессы эпигенетического преобразования пород, способствующие их разуплотнению и улучшению коллекторских свойств [9].

На рис. 1 показана часть литогеохимического разреза скв. Ванкорская-11. Диагональной штриховкой выделены зоны развития реакций наложенного эпигенеза (зоны отрицательных геохимических аномалий), вертикальной – зоны положительных аномалий.

В пределах обнаружения отрицательных аномалий породы в основном представлены песчаниками с мелко- и среднезернистой структурой. Текстуры их в основном однородные, пористые, слаболитифицированные. Однако встречаются и тонкозернистые рассланцованные алевролиты. Для вышеописанных пород характерны следующие особенности: катаклаз, трещиноватость, повышенная пористость и проницаемость и, главное, значительное проявление вторичного минералообразования.

В пределах положительных аномалий породы представлены аргиллитами и алевролитами с большим содержанием урана и органического вещества. Уплотненные породы часто сопровождаются окисленными битумами и представляют собой флюидоупоры. Именно под ними чаще всего формируются зоны отрицательных литогеохимических аномалий, обогащенных газовыми и жидкими углеводородами.

Наиболее интенсивные процессы флюидомиграции (зоны с отрицательными аномалиями) пород

наблюдались в основных продуктивных горизонтах: в отложениях долганской, яковлевской, суходудинской и нижнехетской свит, где U/Al_2O_3 в среднем равно 0,9–0,12 у.е., а для не преобразованных алюмосиликатных пород это отношение равно 0,18.

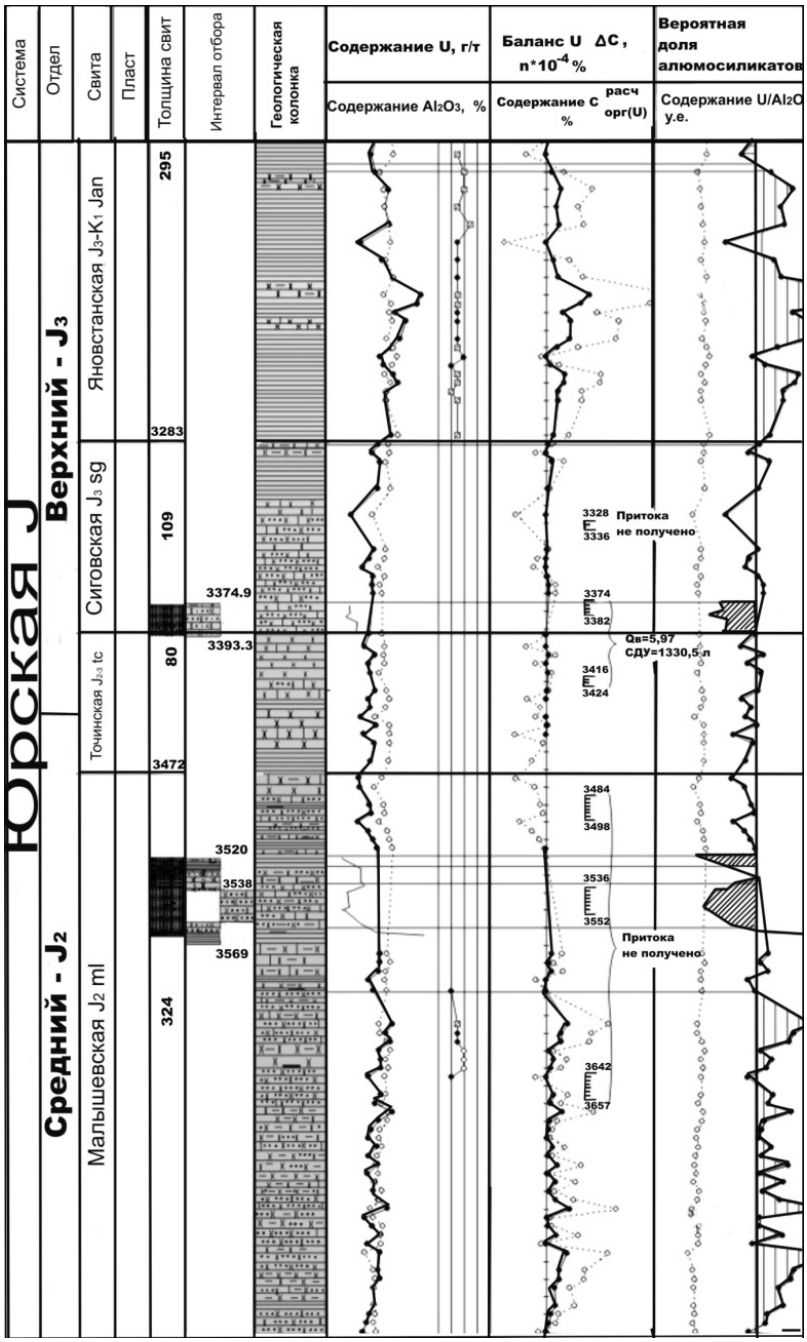

Рис. 1. Часть литогеохимического разреза скв. Ванкорская-11

Исследования геохимических особенностей разреза скважины дополнялись и подтверждались минералого-петрографическим изучением. В процессе становления отложения претерпели не только седиментационно-диагенетические, ката- и метагенетические преобразования, возникшие в период погружения осадочного бассейна, но также и дислокационно-метасоматические [7], которые претерпели породы во время инверсионного этапа развития территории.

В диагенезе породы подверглись уплотнению, неустойчивые обломки пород, зерна полевых шпатов разрушались, глинизировались. Сходные результаты, и даже более значительные, достигаются при эпигенетических преобразованиях – интенсивно растворяется терригенная составляющая песчаников и развивается вторичная пористость. В тех интервалах, где в достаточной степени присутствовало захороненное органическое вещество, особенно в тонкозернистых и глинистых осадках, благодаря действию сульфатредуцирующих бактерий, в диагенезе происходили сидеритизация и пиритизация пород. При миграции углеводородов, их окислении также создавались обстановки для формирования вышеупомянутых минералов.

По результатам ренгеноструктурного анализа выявлено, что сидерит в небольшом количестве содержится практически в каждой изучаемой свите, но его

повышенное содержание тяготеет к яновстанской и леонтьевской свитам, а пирит обнаружен только в яновстанской свите. Исследования леонтьевской свиты позволили установить присутствие в породах диагенетического сидерта на глубине 3 930–3 990 м. В алевро-аргиллитовых породах он располагается пятнами и тяготеет к разложенным остаткам растительного детрита. Агрегаты сидерита часто полностью замещают детрит, сохраняя характерные его формы, реже они включают разложенное органическое вещество, превращенное в красный гелифицированный кероген.

Катагенетические изменения связаны с дальнейшими структурно-текстурными и минеральными изменениями пород. На фоне механического уплотнения и прогрессирующей гравитационной коррозии растворяются терригенные обломки, образуются конформные сочленения зерен, формируются новые аутигенные минералы, заполняющие поровое пространство и замещающие исходные зерна – это регенерационный кварц, доломит, кальцит, серицит. Углекислотный метасоматоз, развивающийся в нефтегазоносных отложениях, усиливает процессы растворения.

В процессе углекислотного метасоматоза вторичное минералообразование связано с внедрением, как правило, в слабощелочную среду осадочной толщи агрессивных углекислотных глубинных флюидов, что вызывает ионные реакции [7]. Это создает не свойственную для осадочных пород кислую обстановку с pH около 4–5. Установлено, что при этом реакция идет по обычной схеме «наложенного эпигенеза». Происходит растворение и вынос некоторых элементов:

$$\text{исходный алюмосиликат} + CO_2 + H_2O \rightarrow$$
$$\rightarrow \text{глинистый минерал} + HCO_3^- + \text{катионы щелочей и щелочных земель.}$$

Таким образом, содержащиеся в полевых шпатах подвижные петрогенные компоненты K_2O, Na_2O, в условиях воздействия кислотных флюидов, выносятся в первую очередь. Полевые шпаты оказываются подверженными замещению глинистыми минералами и минералами с наименее подвижными компонентами. Чаще всего остаются глиноземсодержащие компоненты в виде каолинита или аморфного $Al(OH)_3$, а также гидрослюд (иллита).

Воздействие на полевые шпаты более интенсивно происходит вдоль трещин и трещин спайности, и часто при более сильном воздействии образуются «губкоподобные» минералы с многочисленными порами. Также наблюдается практически полное растворение обломков полевого шпата и кварца с образованием на их месте объединенного пустотного пространства. При изучении пустотного пространства (тип пористости, форма пор, примерное количество, расположение в породе) выявлено, что в основном вторичные поры извилистые, имеют вытянутую форму, наблюдается и микропористость в каолинитовом цементе (нижнехетская свита, гл. 3 377,6).

В результате наложенно-эпигенетических процессов может происходить не только вынос, но и привнос петрогенных компонентов, т.е. формирование вторичной минерализации. При этом фиксируются вновь образованные минералы и отмечаются заполнения ими пор и трещин. Эти процессы характерны для зон щелочных растворов с pH до 10–11 [7], где происходит увеличение концентрации гидрокарбонатных ионов и ионов щелочных и щелочноземельных элементов. Образование карбонатов происходит в условиях снижения парциального давления в системе. При этом пересыщенный углекислотой раствор вскипает, теряя CO_2 и становясь более щелочным. При росте щелочности из растворов выпадают новые минеральные фазы – карбонаты (кальцит, доломит, сидерит), гидрослюды, мусковит, кварц. Образуются карбонатные (рис. 2), гидрослюдистые цементы, регенерационный кварц и другие минералы. Процесс карбонатизации и формирования новых минеральных ассоциаций приводит к уплотнению пород. Процесс карбонатообразования описывается следующей реакцией:

$$CaCO_3 + H_2O + CO_2 \rightarrow Ca^{2+} + 2HCO_3^-.$$

Данная реакция может многократно повторяться и в результате образуются зоны карбонатизации, которые связывают с выходами углекислого газа по ослабленным тектоническим зонам. Интенсивность углекислотного метасоматоза подчеркивается образованием мономинеральных цементов. Образуются сплошные линзы с карбонатным цементом, как, например, в нижнехетской (рис. 2), сиговской и леонтьевской свитах.

В разрезе скважины повсеместно развиты процессы хлоритизации и мусковитизации. Новообразованный хлорит изначально имеет бурую окраску, затем перекристаллизовывается в зеленый хлорит с аномальными синими цветами интерференции. Усиление степени преобразования пород под воздействием постседиментационных процессов сопровождается образованием мусковита из гидрослюд, а также формированием чередующихся пакетов хлорита и мусковита.

Также довольно часто наблюдается процесс образования аутигенного альбита, особенно в малышевской и леонтьевской свитах. Формирование вторичного альбита происходит за счет флюидов, содержащих ионы натрия и кремния. Описываемый процесс происходит в условиях литостатического давления и усиливается при развитии дислокационных процессов за счет увеличения растворимости терригенного альбита, содержание которого достигает до 20% во всех обломочных породах отложений скважины.

Из дислокационных преобразований пород отмечаются дробление, катаклаз, милонитизация. При наличии трещиноватости систематизируются направление трещин, их мощность, протяженность, открытость, заполнение. Обращается внимание на появление волнистого погасания кварца, изгибы слюдистых (рис. 3) и полевошпатовых минералов (нижнехетская свита гл. 2 788,0; 2 782,5 и 2 663,5 м, яковлевская свита гл. 1 700,0 м). Наблюдаемые дислокационные процессы способствуют более яркому проявлению метасоматических (наложенно-эпигенетических) процессов, предшествуя им или сопровождая их.

В породах органическое вещество представлено в основном в рассеянном дисперсном виде, реже встречаются более крупные остатки. При этом их цвет от красного до черного. Иногда можно увидеть псевдоморфозы керогена по организмам.

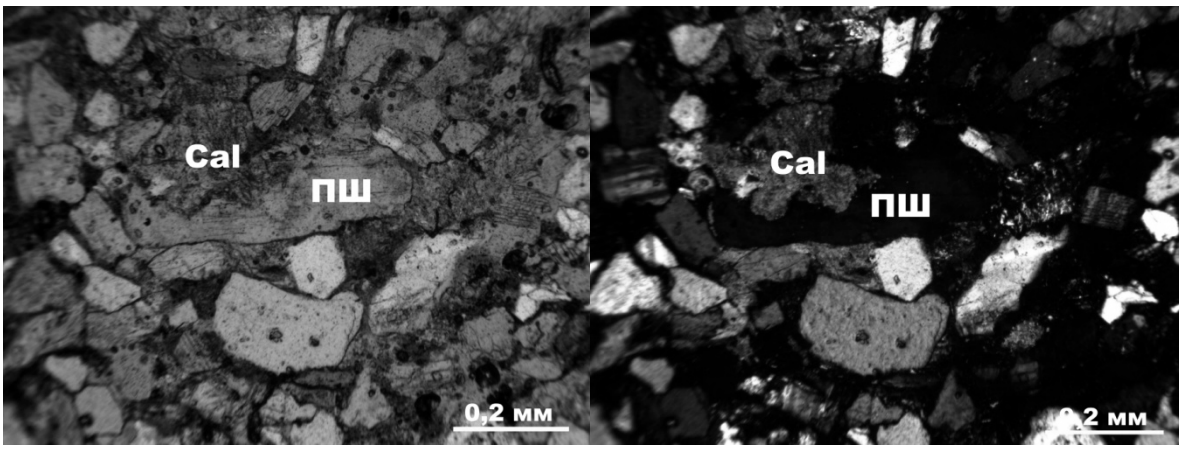

Рис. 2. Замещение полевых шпатов (ПШ) и каолинитового цемента карбонатом (Cal). Шлиф ВН-11-2667. Гл. 2 667,0 м. Нижнехетская свита

При описании процессов эпигенеза принимается градация по степени интенсивности проявления процессов – «слабо», «умеренно», «интенсивно» измененные породы.

В слабоизмененных породах наблюдаются: единичные случаи дробления, катаклаза, трещиноватости; вторичная пористость (до 5–6 пор на поле зрения микроскопа); увеличение количества новообразованных карбонатных, каолинитовых, гидрослюдистых, хлоритовых цементов (до 5–10%); присутствие пирита (от единичных кристаллов до 1–3%), кварца (до 1–2%).

В умеренно измененных породах наблюдается присутствие до 10–15% дробленых зерен и трещин, выходящих за пределы поля зрения шлифа; отмечается вторичная пористость в пределах 10–15 пор и больше, не соединенных между собой; вторичная пористость в карбонатном цементе (до 5 пор на поле зрения микроскопа); наличие вновь образованного карбонатного, каолинитового, кремнистого цемента (>10%).

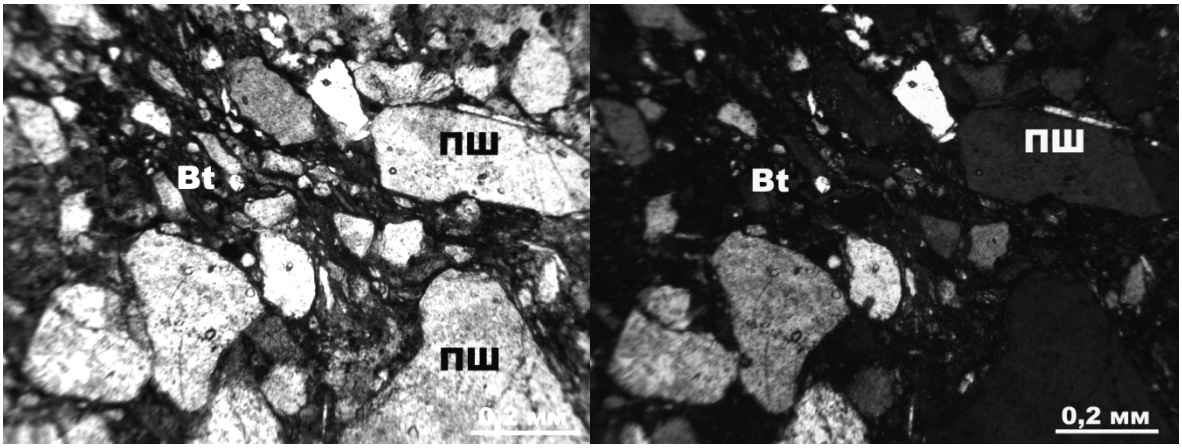

Рис. 3. Зона дробления, изогнутые чешуйки биотита (Bt), битумоиды в межобломочном пространстве. Шлиф ВН-11-2667. Гл. 2 667,0 м. Нижнехетская свита

В интенсивно измененных породах отмечаются дробление большинства зерен; присутствие многочисленных зонок дробления (рис. 3) и повсеместной трещиноватости; появление объединенного пустотного пространства; наличие мономинеральных базально-порово-коррозионных карбонатных, каолинитовых, кремнистых цементов; наличие вторичной пористости в карбонатном цементе (свыше 5 пор на поле зрения микроскопа).

Таким образом, формирование порово-трещинного пространства пород начинается при седиментации осадков и завершается постседиментационными – стадиальными и наложенными процессами. В результате последних происходит перераспределение вещества, в особенности за счёт выноса щелочных и щелочноземельных элементов (в особенности Ca, K и Na). Более интенсивное проявление процессов выноса петрогенных компонентов из вмещающих пород приводит к разрушению катагенетической межзерновой структуры пород, в результате на месте сложных контактов возникают межзерновые каналы и при благоприятных условиях формируются зоны вторичных высокопористых пород [10].

Ниже кратко рассматриваются особенности эпигенетических преобразований пород в разрезе скв. Ванкорская-11 по свитам.

В леонтьевской J_2ln, малышевской J_2ml, точинской J_{2-3}tch, сиговской J_3sg и яновстанской J_3-K_1 jan свитах породы катагенетически уплотнены, процессы дробления и катаклаза проявлены слабо, также незначительно проявлены процессы коррозии и вынос петрогенных компонентов и не образовалась хорошая пористость.

В нижнехетской K_1nch, суходудинской K_1sd, малохетской K_1mch, яковлевской K_1jak и долганской K_2dl

свитах эпигенетические изменения в песчаниках и алевролитах свиты появились очень интенсивно (дробление и катаклаз, формирование зон повышенной трещиноватости). Коррозия и вынос петрогенных компонентов с активным вторичным порообразованием также интенсивно проявились в песчаниках скважины. При этом образовался «губчатый» полевой шпат и сформировалось объединенное пустотное пространство.

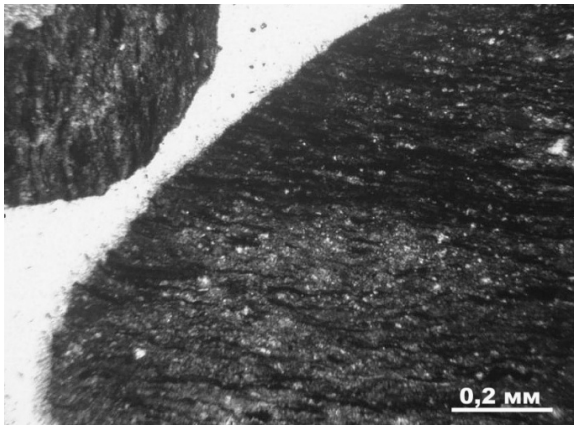

Рис. 4. Единичное обособление красного гелефицированного керогена среди черных выделений керогенов, отдавших свой УВ-потенциал. Шлиф ВН -11-143. Гл. 3 215,0 м. Николи // U/ Al_2O_3 – 0,276. $C_{орг}^{U}$ – 0,467. Яновстанская свита

Таким образом, седиментационные и эпигенетические преобразования пород нижнего-верхнего мела (в особенности в отложениях долганской, яковлевской, суходудинской и нижнехетской свит) сформировали в песчаниках хороший трещинно-порово-кавернозный коллектор с объединенным поровым пространством.

Можно предполагать, что характер и интенсивность эпигенетических преобразований пород, формирование коллекторов и, в конечном счете, залежей УВ в существенной степени зависят не только от наличия пород-коллекторов и флюидоупоров, но и от подтока из глубоких горизонтов в зонах тектонических нарушений, углеводородных флюидов. Возможно, что это обстоятельство является существенным при формировании залежей УВ как в юрских, так и в меловых отложениях.

Определяющее значение в обогащении флюидомиграционных потоков углеводородами в процессе нефтегазообразования имеют нефтематеринские породы яновстанской свиты (см. рис. 4), а также обогащенные $C_{орг}$ породы малышевской, леонтьевской и вымской свит, содержания в которых $C_{орг}^{U}$ колеблются в пределах $(0,15–0,32)\times10^{-4}$%, при толщине отложений 135–210 м.

Яновстанская свита входит в состав баженовского горизонта волжского возраста [11]. Отложения ее развиты в самой восточной части Западно-Сибирской плиты, в частности в Усть-Енисейском районе.

В связи с возрастающей перспективой нефтегазоносности этой части региона породы яновстанской свиты заслуживают пристального внимания, так как являются возрастными аналогами нефтематеринской баженовской свиты, широко развитой и достаточно хорошо изученной в центральной части Западной Сибири [12]. Она же является прекрасным реперным радиоактивным горизонтом верхней юры и хорошим экраном для мигрирующих снизу флюидов.

Выводы. Проведенный анализ геохимических и минералого-петрографических данных свидетельствует о неравномерном проявлении флюидомиграционных процессов по свитам как в разрезах скважин, так и в плане по скважинам территории исследования. Использование модулей для оценки интенсивности проявления в разрезах может быть более достоверным и эффективным при использовании совокупности факторов, например степени проявления процессов наложенного эпигенеза, битуминозности пород, наличия в разрезах геохимических аномалий, их количества, изучения газонасыщенности шлама разрезов и т.п. Изучение этих факторов необходимо также для расшифровки формирования разрезов и прогноза нефтегазоносности.

Формирование нефтегазоносных залежей в отложениях вышеуказанных продуктивных свит (долганской, яковлевской, суходудинской и нижнехетской) возможно только при наличии уплотненных пород-флюидоупоров. И таким образом формирование газонефтяных залежей в отложениях нижнехетской свиты чаще всего происходило в разуплотненных песчаниках при наличии пластов-флюидоупоров. Ограниченное количество флюидоупоров в отложениях суходудинской и малохетской свит не препятствовало миграции УВ в вышележащие горизонты и способствовало образованию газонефтяных залежей в благоприятных структурах отложений яковлевской и долганской свит.

Процессы флюидомиграции с формированием газовых залежей в основном завершились в отложениях долганской свиты. О снижении процессов флюидомиграции в отложениях верхнего мела (дорожковской – танамской свитах) свидетельствуют значения модулей по этим свитам, близкие к 0,18 (0,16–0,20) в разрезах большинства изученных скважин, вычисленные по значимым выборкам (при количестве проб в выборке не менее 18).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лифшиц С.Х.* Роль глубинных флюидов в формировании и генезисе газонефтяных залежей // Дегазация Земли: геодинамика, геофлюиды, нефть, газ и их парагенезы : материалы Всерос. конф. М. : Геос, 2008. С. 278–281.
2. *Хаин В.Е., Соколов Б.А.* Флюидодинамический анализ – новый этап развития учения о нефтегазоносности осадочных бассейнов // Флюидодинамический фактор в тектонике и нефтегазоносности осадочных бассейнов. М. : Наука, 1989. С. 5–12.
3. *Хаин В.Е., Соколов Б.А.* Роль флюидодинамики в развитии нефтегазоносных бассейнов // Вестник Московского университета. Сер. 4. Геология. 1994. Вып. 5. С. 3–11.
4. *Богатиков О.А., Петров О.В., Морозов А.Ф.* Петрографический кодекс России. Магматические, метаморфические, метасоматические, импактные образования. 3-е изд., исп. и доп. СПб. : ВСЕГЕИ, 2009. 200 с.
5. *Тиссо Б., Вельте Д.* Образование и распространение нефти. М. : Мир, 1981. 501 с.
6. *Портнов А.М., Кандинов М.Н.* Углекислота – как диспетчер рудоотложения // Природа. 1992. Вып. № 11. С. 64–69.
7. *Лебедев Б.А.* Геохимия эпигенетических процессов в осадочных бассейнах. Л. : Недра, 1992. 239 с.
8. *Поляков А.А., Кринин В.А., Жемчугова Т.А.* Влияние ложных флюидоупоров на нефтегазоносность нижнемеловых резервуаров Большехетской террасы // Научно-технический вестник ОАО «НК «РОСНЕФТЬ». 2011. № 4. С. 15–19.

9. *Столбов Ю.М., Фомин Ю.А., Столбова Н.Ф.* Возможность применения прикладной геохимии урана при исследовании процессов наложенного эпигенеза терригенных отложений Западной Сибири // Труды II Международной конференции «Геохимическое моделирование и материнские породы нефтегазоносных бассейнов России и стран СНГ». СПб. : ВНИГРИ, 2000. С. 160–171.
10. *Япаскурт О.В.* Стадиальный анализ литогенеза : учеб. пособие. М. : МГУ, 1995. 142 с.
11. *Конторович А.Э., Нестеров И.И., Салманов Ф.К. и др.* Геология нефти и газа Западной Сибири. М. : Недра, 1975. 680 с.
12. *Предтеченская Е.А., Кроль Л.А., Гурари Ф.Г., Сапьяник В.В., Перозио Г.Н., Малюшко Л.Д.* О генезисе карбонатов в составе баженовской свиты центральных и юго-восточных районов Западно-Сибирской плиты // Литосфера. 2006. Вып. № 4. С. 131–148.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 13 октября 2014 г.

THE STUDY OF FLUID-MIGRATION PROCESSES IN OIL-AND-GAS DEPOSITS OF THE VANKOR FIELD

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 228-234. DOI: 10.17223/15617793/389/39

Isaeva Elena R. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: isayeva.89@mail.ru
Stolbova Nelya F. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: StolbovaNF@ignd.tpu.ru

Keywords: fluid-dynamic model; dislocation-metasomatic processes; petroleum potential; source deposits; reservoir rocks; rock-seals; Vankor deposit (Eastern Siberia).

The topicality of this work is conditioned by the necessity of improvement of prospecting and exploration methods of oil and gas deposits for a choice of an optimum mode of exploitation of oil-fields with difficult extractive supplies of hydrocarbons. The aim of work was to obtain a detailed lithological, petrographic, mineralogical, geochemical information about the structure of deep well Vankor 11 drilled in the north-eastern part of Western Siberia and preparation of the preliminary forecast of oil and gas potential of the region using the selected set of methods. As a result of research, it was determined that the dislocation-metasomatic processes are accompanied by destruction and dissolution of original rock and removal of petrogenic components and the formation of the newly formed minerals. It was revealed that the epigenetic transformation of rocks in a well is smainly manifested in the form of secondary mineral formation: the formation of carbonates, quartz and clay minerals. When setting out petrogenic components, pores and interporous channels occur in complex conformal contacts, and, under favorable conditions, a secondary highly porous rocks zone is formed. That is, the formation of porous fractured space rocks begins with sedimentation of precipitation and ends with post-sedimentation processes, as a result of the latter there is a redistribution of substances, in particular due to the removal of alkaline and alkaline-earth elements (in particular, calcium, potassium and sodium). The studies found that highly porous rocks are partially present in the following suites of the Lower and Upper Cretaceous of well Vankor-11: Dolgan, Yakovlevskaya, Sukhodudinskaya and Nizhnekhetskaya. However, the formation of oil and gas deposits in deposits of these suites is only possible if there is compacted rock. A limited number of seals in the sediments of Suhodudinskaya and Malahetskaya suites let the hydrocarbon migration in the overlying horizons and contributed to the formation of oil and gas deposits in the favorable structures of deposits of Nizhnekamskaya, Yakovlevskaya and Dolgan suites. Fluid-migration processes with the formation of gas deposits were completed in the sediments of Dolgan suite. Thus, character and intensity of the epigenetic of transformations of rocks, formation of collectors and, eventually, hydrocarbon deposits in an essential degree depend not only on existence of rock collectors and seals, but also on subcurrent hydrocarbonic fluids from the deep horizons in zones of tectonic violations. It is possible that this circumstance is essential when forming oil and gas deposits both in Jurassic and Cretaceous deposits. Yanovstanskaya suite and enriched Corg rocks of Malyshevskaya, Leontyevskaya and Vymskaya suites have a determining value in enriching the fluid streams with hydrocarbons in the process of petroleum source rocks.

REFERENCES

1. Lifshits S.Kh. [The role of deep fluids in the formation and genesis of gas and oil deposits]. *Degazatsiya Zemli: geodinamika, geoflyuidy, neft', gaz i ikh paragenezy: materialy Vseros. konf.* [Degassing of the Earth: Geodynamics, geofluids, oil, gas and their parageneses. Proc. of the All-Russian Conference]. Moscow: Geos Publ., 2008, pp. 278-281. (In Russian).
2. Khain V.E., Sokolov B.A. *Flyuidodinamicheskiy analiz – novyy etap razvitiya ucheniya o neftegazonosnosti osadochnykh basseynov* [Fluid dynamic analysis: a new stage in the development of the doctrine of the petroleum potential of sedimentary basins]. Marasanova N.V. (ed.) *Flyuidodinamicheskiy faktor v tektonike i neftegazonosnosti osadochnykh basseynov* [Fluid dynamic factor in the tectonics and petroleum potential of sedimentary basins]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 5-12.
3. Khain V.E., Sokolov B.A. Rol' flyuidodinamiki v razvitii neftegazonosnykh basseynov [The role of fluid dynamics in the development of oil and gas basins]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 4. Geologiya - Moscow University Geology Bulletin*, 1994, issue. 5, pp. 3-11.
4. Bogatikov O.A., Petrov O.V., Morozov A.F. *Petrograficheskiy kodeks Rossii. Magmaticheskie, metamorficheskie, metasomaticheskie, impaktnye obrazovaniya* [Petrographic code of Russia. Igneous, metamorphic, metasomatic, impact formations]. St. Petersburg: VSEGEI Publ., 2009. 200 p.
5. Tissot B., Welte D. *Obrazovanie i rasprostranenie nefti* [Formation and distribution of oil]. Moscow: Mir Publ., 1981. 501 p.
6. Portnov A.M., Kandinov M.N. Uglekislota kak dispetcher rudootlozheniya [Carbon dioxide as manager of ore deposition]. *Priroda*, 1992, issue, no. 11, pp. 64-69.
7. Lebedev B.A. *Geokhimiya epigeneticheskikh protsessov v osadochnykh basseynakh* [Geochemistry of epigenetic processes in sedimentary basins]. Leningrad: Nedra Publ., 1992. 239 p.
8. Polyakov A.A., Krinin V.A., Zhemchugova T.A. Vliyanie lozhnykh flyuidouporov na neftegazonosnost' nizhnemelovykh rezervuarov Bol'shekhetskoy terrasy [Effect of false confining beds on oil and gas potential of the Lower Cretaceous reservoirs of Bolshekhetskaya terrace]. *Nauchno-tekhnicheskiy vestnik OAO "NK "ROSNEFT""*, 2011, no. 4, pp. 15-19.
9. Stolbov Yu.M., Fomin Yu.A., Stolbova N.F. [The possibility of using applied geochemistry of uranium in the study of epigenetic processes imposed by clastic sediments of Western Siberia]. *Trudy II Mezhdunarodnoy konferentsii "Geokhimicheskoe modelirovanie i materinskie porody neftegazonosnykh basseynov Rossii i stran SNG"* [Proceedings of the II International Conference "Geochemical modeling of source rocks and oil and gas basins in Russia and the CIS countries"]. St. Petersburg: VNIGRI Publ., 2000, pp. 160-171. (In Russian).
10. Yapaskurt O.V. *Stadial'nyy analiz litogeneza* [Stage analysis of lithogenesis]. Moscow: MSU Publ., 1995. 142 p.
11. Kontorovich A.E., Nesterov I.I., Salmanov F.K. et al. *Geologiya nefti i gaza Zapadnoy Sibiri* [The geology of oil and gas in Western Siberia]. Moscow: Nedra Publ., 1975. 680 p.
12. Predtechenskaya E.A., Krol' L.A., Gurari F.G., Sap'yanik V.V., Perozio G.N., Malyushko L.D. O genezise karbonatov v sostave bazhenovskoy svity tsentral'nykh i yugo-vostochnykh rayonov Zapadno-Sibirskoy plity [On the genesis of carbonate in the Bazhenov Formation of central and south-eastern regions of the West Siberian Platform]. *Litosfera – Lithosphere*, 2006, no. 4, pp. 131-148.

Received:13 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 235–245 DOI: 10.17223/15617793/389/40

УДК 556.314+ 556.388

Е.А. Солдатова, Г. Ван, С.Л. Шварцев, Н.В. Гусева

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГРУНТОВЫХ ВОД ВОДОСБОРНОЙ ПЛОЩАДИ ОЗЕРА ПОЯНХУ (КИТАЙ)

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект No 14-05-31267) и Госзадания «Наука» № 2014/226

Проанализированы особенности химического состава грунтовых вод водосборной площади оз. Поянху. Рассмотрены основные факторы и процессы обогащения грунтовых вод химическими элементами. Выделено два основных типа грунтовых вод, отличающихся друг от друга локализацией в районах разной степени хозяйственного освоения и, соответственно, вкладом в их формирование антропогенных факторов. Выявлены возможные загрязнители грунтовых вод, характерные для исследуемой территории.

Ключевые слова: грунтовые воды; химический состав; факторы формирования; загрязнение подземных вод; оз. Поянху.

Самое крупное пресное озеро в Китае – оз. Поянху – представляет собой уникальную экосистему, которая, является не только средой обитания редких видов животных и птиц, но и важной частью хозяйственной жизни провинции Цзянси, где оно расположено. Ресурсы пресных вод используются здесь как в бытовых, так и в промышленных и сельскохозяйственных целях. Обширные территории в пределах бассейна оз. Поянху орошаются для выращивания риса. Эти факторы обусловливают значительную антропогенную нагрузку на экосистему района. Кроме этого, на экологическую ситуацию значительное влияние оказывает высокая плотность населения. Вероятно, происходит существенное изменение химического состава неглубоко залегающих грунтовых вод, которые в некоторых районах используются населением в питьевых целях. При значительном объеме информации о химическом составе поверхностных вод района исследований [1–7] данные о грунтовых водах практически отсутствуют. В сложившейся ситуации всестороннее изучение химического состава грунтовых вод и условий его формирования является, на наш взгляд, приоритетным направлением исследований для данного региона, поскольку это позволит разработать эффективные методы экологической оценки качества водных ресурсов и организовать мониторинг динамики изменений их химического состава.

1. Описание района исследований. Район исследований, расположенный на территории Юго-Восточного Китая, приурочен к северной части водосборного бассейна оз. Поянху. В свою очередь оз. Поянху является основной гидрологической подсистемой р. Янцзы и служит для нее естественным регулятором стока. Географически водоем разделен на две части горой Соньмэньшань: обширная мелководная южная часть и вытянутая глубокая северная, где через протоку осуществляется водообмен с р. Янцзы. Площадь водосборного бассейна оз. Поянху составляет порядка 162 225 км^2 [8].

Рассматриваемый район приурочен к провинции субтропического климата и характеризуется обильными осадками, порядка 1 400–2 400 мм/год [9]. Распределение осадков по сезонам года крайне неравномерно, поскольку контролируется влиянием восточноазиатского муссона. Влажный сезон продолжается с марта–апреля по июнь, в это время обильные дожди обеспечивают большой объем поверхностного стока в озеро. С июля по сентябрь количество осадков резко снижается, а значения испарения достигают своего максимума [10], и приблизительно с середины сентября в регионе устанавливается сухой сезон, который длится до декабря–февраля, в этот период поверхностный сток очень низок [11].

Рельеф водосборного бассейна оз. Поянху весьма разнообразен – от горных массивов максимальной высотой до 2 200 м над уровнем моря, приуроченных главным образом к краевым частям бассейна, до аллювиальных равнин, расположенных в пониженных участках рельефа, преимущественно в долинах рек [10, 12]. Само оз. Поянху расположено в пределах депрессии с крайне низкими абсолютными отметками, наименьшая из которых составляет 32 м над уровнем моря [12].

Район исследований относится к Янцыйскому гидрогеологическому району и охватывает главным образом территорию Наньчанского и, в меньшей степени, Восточно-Наньчанского артезианских бассейнов (рис. 1). Подземные воды внешней области питания формируются в зоне экзогенной трещиноватости, в зонах разрывных нарушений, а в зоне развития известняках, кроме того, и в карстовых полостях [13]. Однако первые от поверхности водоносные горизонты карбонатного состава распространены в районе исследований только локально, преимущественно к северу-западу от оз. Поянху. Во внутренних областях питания артезианских бассейнов водоносными являются рыхлые и пористые толщи песчано-глинистых и эффузивных пород мезозойского, палеогенового, неогенового и четвертичного возраста, а также трещинно-пористые отложения красноцветных кор выветривания. Четвертичные отложения внутренних областей питания бассейнов характеризуются невыдержанностью состава в разрезе и по простиранию, что обусловливает их неравномерную водоносность [13].

2. Методика исследований. Гидрогеохимическое опробование на территории водосборной площади оз. Поянху осуществлялось в ноябре 2011 г., при этом были опробованы бытовые колодцы и скважины, вскрывшие неглубокозалегающие грунтовые воды. Расположение точек пробоотбора показано на рис. 2.

Район опробования, главным образом, располагается к северу от оз. Поянху и в бассейнах рр. Ганьцзян и Сюшуй к западу от озера.

В каждой точке отбирали 1 л воды в пластиковые бутылки для определения основных компонентов химического состава (HCO_3^-, SO_4^{2-}, Cl^-, Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^+, NO_3^-). Удельная электрическая проводимость, температура и pH были измерены *in situ*. Химический состав природных вод исследован в лаборатории Китайского геологического университета (г. Пекин) методами титриметрии и ионной хроматографии (Dionex-900). Общее количество проб составило 54.

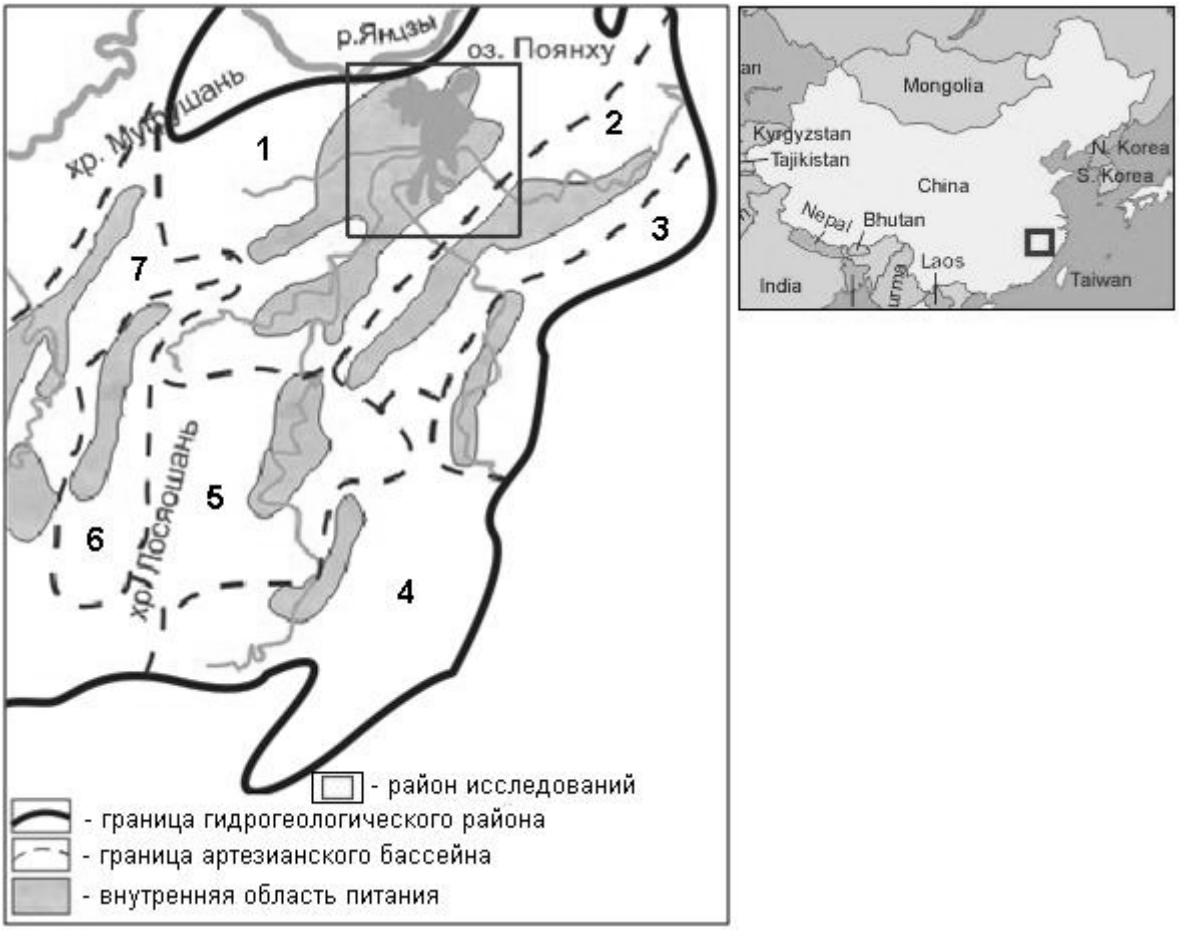

Рис. 1. Схема гидрогеологического районирования восточной части Янцзыйского гидрогеологического района [13]. Артезианские бассейны: *1* – Наньчанский; *2* – Восточно-Наньчанский; *3* – Сюйцзянский; *4* – Верхне-Ганьцзянский; *5* – Средне-Ганьцзянский; *6* – Восточно-Хэньянский; *7* – Хэньянский

При обработке результатов химического состава грунтовых вод весь массив данных был разделен на типы исходя из особенностей их химического состава, а также приуроченности к территориям с различным уровнем экономического и сельскохозяйственного развития.

С целью выявления функциональных зависимостей между поведением основных компонентов подземных вод в программе Statistica 8 были рассчитаны коэффициенты линейной корреляции Пирсона при заданном уровне значимости $p < 0{,}01$ для компонентов pH, Eh, Cl^-, SO_4^{2-}, HCO_3^-, Na^+, K^+, Mg^{2+}, Ca^{2+}, NO_3^- и минерализации.

3. Результаты. Подземные воды района оз. Поянху являются ультрапресными (минерализация до 200 мг/л) и умеренно пресными (минерализация 200–500 мг/л), лишь в нескольких точках минерализация вод превышает 500 мг/л. Среднее значение минерализации для вод района исследований составляет 229 мг/л. Кислотно-щелочные свойства среды изменяются в широких пределах, pH варьирует от 4,75 до 7,26, т.е. среда изменяется от кислой до нейтральной. Среднее значение pH исследуемых вод составляет 6,20. По мере роста минерализации вод pH возрастает, при этом в ультрапресных водах отмечается резкое увеличение pH, а в водах с более высокой минерализацией этот рост замедляется (рис. 3).

Результаты анализа общего химического состава грунтовых вод приведены в табл. 1. Катионный состав рассматриваемых вод в целом соответствует составу грунтовых вод провинции субтропического климата. В водах отмечается примерно равное содержание натрия и кальция, концентрация которых составляет 1,0–53,0 и 1,8–98,0 мг/л соответственно. В отдельных точках (J2, J3, J6, J11, J32) отмечаются аномально высокие концентрации калия, достигающие 57,4, 40,5, 39,0, 38,0 и 21,5 мг/л соответственно. Согласно рис. 4 с ростом минерализации закономер-

но увеличиваются концентрации практически всех катионов. При этом в ультрапресных водах невозможно выделить доминирующий катион, однако в водах с минерализацией более 200 мг/л преобладающим катионом является кальций. Подобное явление может быть обусловлено тем, что катионный состав вод на начальных стадиях формирования химического состава во многом определяется составом вмещающих горных пород [14]. Следует отметить особенность поведения иона Mg^{2+}, концентрация которого незначительно, но очевидно, снижается при повышении минерализации до 600 мг/л.

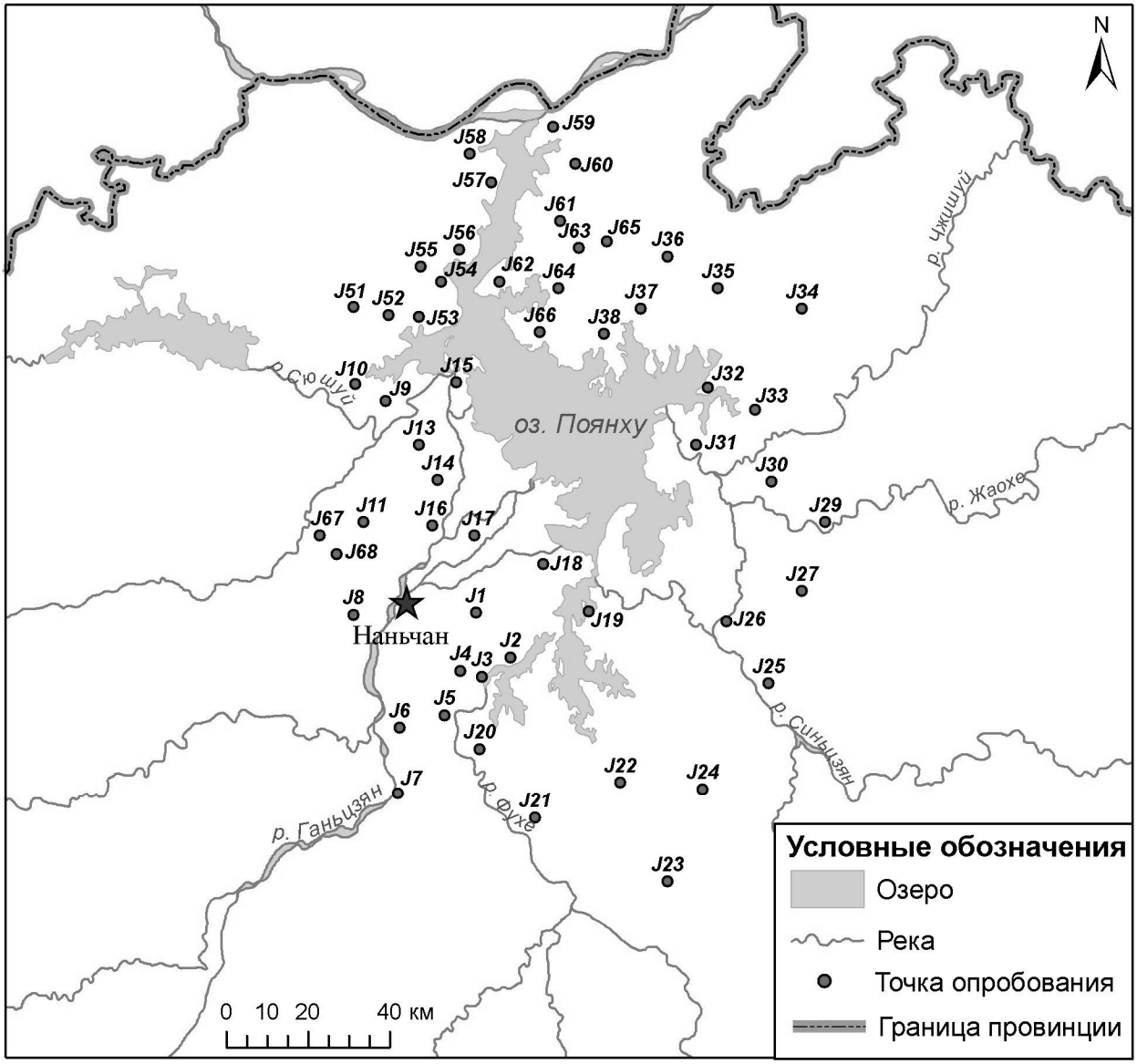

Рис. 2. Карта расположения точек опробования грунтовых вод

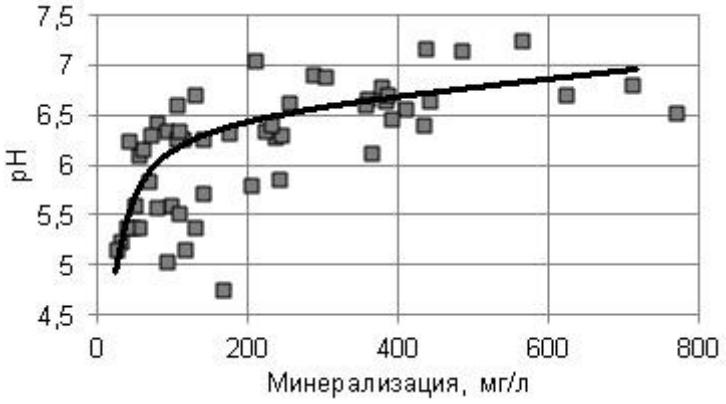

Рис. 3. Зависимость между значением pH и общей минерализацией грунтовых вод

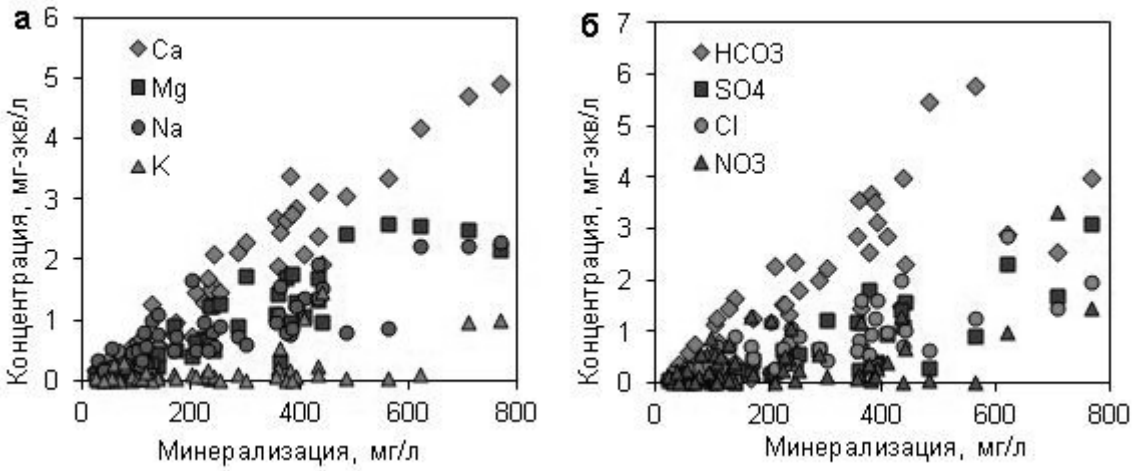

Рис. 4. Диаграммы зависимости концентрации основных катионов (*а*) и анионов (*б*) в грунтовых водах от их общей минерализации

Анионный состав рассматриваемых вод не столь типичен для вод провинции субтропического климата. В рассматриваемых водах отмечаются высокие концентрации сульфат-иона, хлорид-иона, нитрат-иона, однако доминирующим анионом все же является гидрокарбонат-ион (рис. 4).

Концентрации сульфат-иона изменяются от 1,36 до 147,9 мг/л при среднем 12 мг/л. Воды с повышенными содержаниями сульфат-иона приурочены к северной и восточной частям района исследований. Содержание хлорид-иона изменяется от 1,23 до 101,8 мг/л. При этом воды с вышефоновыми концентрациями хлорид-иона характеризуются практически повсеместным распространением.

Отличительной особенностью рассматриваемых вод является значительное содержание нитрат-иона. Повышенные относительно среднего значения концентрации нитратов (12,9 мг/л) отмечаются более чем в половине точек опробования. Относительно среднего содержания в водах провинции субтропического и тропического климата, по данным С.Л. Шварцева [14], превышение характерно для подавляющего большинства точек опробования. Максимальная концентрация NO_3^- наблюдается в точке J11 и составляет 206,3 мг/л. С ростом минерализации концентрация NO_3^-, как и всех анионов, увеличивается (рис. 4).

Наличие на территории исследований вод с повышенными концентрациями SO_4^{2-}, Cl^-, NO_3^- и K^+ обусловило выделение здесь химических типов вод, которые не являются характерными для данной геохимической провинции, а именно хлоридно-нитратных, нитратно-хлоридных, нитратных, сульфатно-гидрокарбонатных и сульфатно-хлоридно-гидрокарбонатных по анионному составу; калиево-натриево-кальциевых, кальциево-калиевых, кальциево-натриево-калиевых по катионному составу (рис. 5).

Таблица 1

Химический состав грунтовых вод водосборной площади оз. Поянху

№ пробы	T	pH	Cl^-	SO_4^{2-}	NO_3^-	HCO_3^-	Na^+	K^+	Mg^{2+}	Ca^{2+}	Min[1]
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**
Ед. измерения	°C	Ед. pH	мг/л								
J1	18,2	6,26	8,42	13,87	9,35	48,3	18,77	1,43	3,82	8,00	112,0
J2	19,3	6,64	37,01	75,78	42,15	140,8	35,58	57,38	11,69	38,69	439,0
J3	21,3	6,57	34,52	46,55	24,50	175,4	31,44	40,52	12,82	42,18	407,9
J4	18,3	6,41	70,88	68,54	80,18	92,0	44,42	8,70	20,78	47,74	433,3
J5	19,2	4,75	25,62	12,94	80,66	5,41	11,85	3,64	11,20	15,13	166,5
J6	20,2	6,53	69,38	147,9	89,94	244,7	52,72	38,99	26,33	98,21	768,2
J7	18,6	5,87	37,53	24,44	66,94	42,2	18,81	1,81	15,08	32,09	238,9
J8	18,1	5,59	4,80	5,31	14,19	11,9	3,70	2,28	1,89	5,37	49,5
J9	17,4	5,38	25,98	5,14	47,24	11,7	22,65	1,70	4,99	8,40	127,8
J10	17,3	6,10	2,78	3,15	10,34	22,7	5,66	0,99	2,14	5,74	53,5
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**
J11	19,0	6,80	51,16	82,06	206,3	155,3	51,22	38,03	30,54	94,52	709,1
J13	18,7	6,67	30,28	11,58	9,78	217,9	25,18	8,44	17,61	37,74	358,5
J14	17,0	6,60	10,20	1,36	54,26	6,06	10,08	2,97	5,16	7,12	97,2
J15	21,0	5,73	32,98	11,34	24,42	24,9	25,45	4,60	2,86	11,90	138,5
J16	20,3	6,85	5,12	8,36	0,10	34,7	4,83	1,40	2,64	8,95	66,1
J17	19,0	6,60	3,24	6,62	*Н.д.*	68,9	4,73	1,60	6,00	13,03	104,1
J18	17,8	6,27	1,45	1,49	*Н.д.*	100,7	17,61	0,95	5,38	11,21	138,8
J19	18,8	5,04	15,37	11,90	35,48	6,50	10,54	0,93	4,46	5,25	90,4
J20	20,0	6,15	23,04	12,98	2,39	333,5	18,82	1,46	29,61	61,22	483,0
J21	18,5	5,23	7,47	3,56	1,10	6,28	7,56	0,58	1,07	1,77	29,4
J22	20,4	6,29	27,68	34,98	30,74	81,0	13,78	2,06	14,88	29,92	235,0
J23	21,9	6,57	7,87	4,01	35,41	8,88	5,76	8,98	1,83	5,94	78,7
J24	21,7	6,65	33,34	14,97	3,21	225,2	17,95	6,40	11,63	67,61	380,3

№ пробы	T	pH	Cl^-	SO_4^{2-}	NO_3^-	HCO_3^-	Na^+	K^+	Mg^{2+}	Ca^{2+}	Min[1]
J25	22,0	7,16	3,60	2,76	7,52	3,25	1,04	1,53	1,14	3,20	24,0
J26	20,6	7,17	1,23	1,94	0,68	35,7	2,91	10,61	0,23	5,30	58,6
J27	21,7	6,42	10,57	10,26	8,41	21,7	6,96	12,00	1,26	5,07	76,2
J29	21,2	5,52	24,99	11,17	24,23	16,5	11,75	1,23	5,73	12,31	107,9
J30	21,5	6,34	12,80	12,20	13,45	26,0	11,09	2,87	2,21	11,44	92,1
J31	20,7	6,26	19,52	3,04	35,15	16,2	11,87	1,16	3,49	12,45	102,9
J32	23,0	7,13	57,81	31,24	73,83	89,2	36,34	21,52	3,77	49,07	362,8
J33	22,0	6,37	6,11	2,99	12,89	10,8	3,90	1,79	0,77	6,68	46,0
J34	21,3	6,30	2,14	3,05	0,57	47,0	4,81	0,91	2,09	9,33	69,9
J35	22,5	6,70	2,57	2,02	2,32	89,0	2,19	0,81	3,37	25,01	127,3
J36	19,3	6,90	23,77	29,96	34,74	122,4	17,12	4,17	11,16	42,63	285,9
J37	19,3	6,80	42,55	8,92	75,54	13,2	37,96	4,32	4,80	14,46	201,8
J38	20,4	6,46	57,63	20,05	17,42	191,4	28,70	2,26	15,91	57,03	390,4
J51	19,4	6,34	23,51	30,58	15,93	93,1	22,17	2,95	8,46	25,74	222,5
J52	19,9	7,30	13,58	19,19	3,42	142,9	12,96	2,91	6,21	42,06	243,3
J53	17,6	6,34	1,62	1,98	2,03	76,4	7,77	0,95	3,11	14,11	108,0
J54	21,0	7,26	44,54	43,15	1,00	353,0	20,22	1,82	31,58	67,06	562,4
J55	19,0	7,25	2,24	3,65	1,95	21,7	4,71	0,61	1,26	3,28	39,4
J56	19,8	7,06	9,68	10,42	*Н.д.*	137,9	11,77	2,41	7,77	29,27	209,3
J57	19,6	6,32	17,70	21,39	11,31	78,2	17,26	1,57	6,02	19,04	172,5
J58	18,8	7,61	22,93	57,47	5,55	175,6	22,41	2,99	13,37	53,97	354,3
J59	18,7	6,71	101,8	111,4	60,99	176,9	51,26	3,56	31,33	83,68	621,0
J60	18,9	6,62	32,47	27,15	16,07	111,2	20,39	0,89	15,28	29,33	252,7
J61	17,7	6,78	19,41	86,14	21,71	154,7	18,20	0,93	20,84	53,43	375,3
J62	19,1	6,89	16,07	58,40	9,43	135,8	13,88	0,63	20,98	45,55	300,8
J63	17,8	7,17	24,91	52,74	*Н.д.*	243,2	31,06	3,79	16,24	62,22	434,2
J64	19,5	8,41	13,45	26,56	32,72	94,9	11,92	7,30	7,98	34,04	228,9
J65	18,4	6,70	45,44	17,26	9,30	215,8	19,87	0,77	21,70	55,05	385,2
J66	17,2	5,38	10,12	3,16	15,35	7,81	12,29	1,07	1,17	2,93	53,9
J67	15,8	5,38	2,09	2,05	12,60	12,2	3,99	0,85	0,97	3,29	38,0
J68	16,7	5,15	11,50	9,73	33,02	28,1	13,39	5,21	2,97	11,07	115,0
Кларк по С.Л. Шварцеву[2]	*Н.д.*	6,4	7,35	7,10	1,52	109	10,9	2,25	8,07	16,6	185

[1] Минерализация; [2] средний химический состав грунтовых вод провинции тропического и субтропического климата [14]; «*Н.д.*» – нет данных.

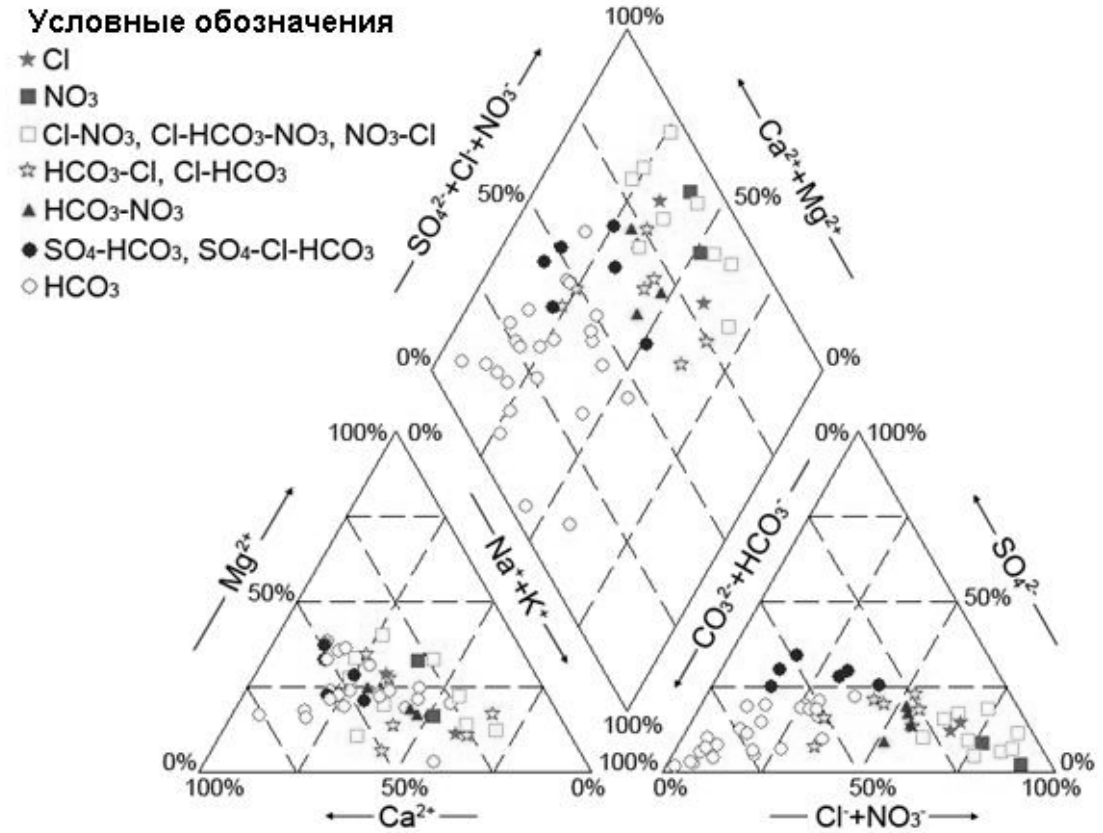

Рис. 5. Диаграмма Пайпера с нанесением данных по составу подземных вод водосборного бассейна оз. Поянху

Однако более целесообразным является деление вод на типы в соответствии с ландшафтно-геохимическими условиями. Так, на территории водосборной площади оз. Поянху выделяются два основных типа вод. Первый тип – относительно чистые грунтовые воды – приурочен преимущественно к природным объектам, корам выветривания, а также территориям, не претерпевшим значительных изменений в результате хозяйственной деятельности человека. Он формируется преимущественно под влиянием природных факторов. В то время как второй тип – условно загрязненные грунтовые воды – относится к активно возделываемым и часто заводняемым территориям, которые мы предлагаем, вслед за А.И. Перельманом [15], называть агроландшафтами. Сравнительная характеристика упомянутых типов вод приведена в табл. 2.

Таблица 2

Средний химический состав грунтовых вод водосборной площади оз. Поянху, мг/л

Концентрация	pH	NO_3^-	HCO_3^-	SO_4^{2-}	Cl^-	Ca^{2+}	Mg^{2+}	Na^+	K^+	Min*
Относительно чистые грунтовые воды (32 точки опробования)										
Минимальная	4,75	0,10	3,25	1,36	1,23	1,77	0,23	1,04	0,58	24,0
Максимальная	6,70	80,7	142,9	35,0	42,6	42,1	14,9	38,0	12,0	243,3
Средняя	5,87	19,4	36,8	8,57	12,1	11,4	3,86	11,0	2,73	105,8
Условно загрязненные грунтовые воды (22 точки опробования)										
Минимальная	5,87	1,00	42,2	10,4	9,68	29,3	3,77	11,8	0,63	209,3
Максимальная	7,26	206,3	353,0	147,9	101,8	98,2	31,6	52,7	57,4	768,2
Средняя	6,68	36,7	174,0	48,0	39,0	53,7	17,9	27,2	11,6	408,2
Грунтовые воды провинции тропического и субтропического климата [14]										
Средняя	6,4	1,52	109	7,10	7,35	16,6	8,07	10,9	2,25	185

* Минерализация.

Относительно чистые грунтовые воды характеризуются преимущественно кислой средой, хотя pH изменяется от 4,75 до 6,70, среднее значение находится на уровне 5,87. Средние концентрации основных ионов в целом соответствуют среднему для провинции субтропического климата [14]. Обращают на себя внимание достаточно низкие концентрации гидрокарбонат-иона, которые изменяются от 3,25 до 142,9 мг/л при среднем значении 36,8 мг/л. Средняя концентрация иона хлора в рассматриваемом типе вод несколько выше, чем в водах провинции субтропического климата – 12,1 мг/л. Наиболее значительные превышения характерны для нитрат-иона, концентрация которого изменяется в широких пределах – от 0,10 до 80,7 мг/л при среднем значении 19,4 мг/л. Также следует отметить достаточно высокие максимальные концентрации сульфат-иона, натрия и калия – 35,0, 38,0 и 12,0 мг/л соответственно.

Условно загрязненные грунтовые воды имеют более высокое значение pH по сравнению со вторым типом – относительно чистыми грунтовыми водами, значения pH изменяются от 5,87 до 7,26, среднее значение 6,68 соответствует нейтральной среде, что несколько выше среднего провинции субтропического климата. Концентрации основных компонентов химического состава и значение минерализации значительно превышают средние провинции субтропического климата. В некоторых случаях даже минимальные значения концентрации ионов выше упомянутого среднего значения, так, концентрация SO_4^{2-} изменяется от 10,4 до 147,9 мг/л, концентрация Cl^- – от 9,68 до 101,8, Ca^{2+} – от 29,3 до 98,2 мг/л, Na^+ – от 11,8 до 52,7 мг/л. Содержание нитратов изменяется от 1,00 до 206,3 мг/л при среднем значении 36,7 мг/л. Все это свидетельствует о значительной нагрузке на природную экосистему, которая ведет к серьезным изменениям химического состава грунтовых вод.

Очевидно, что относительно чистые грунтовые воды, приуроченные к территориям, в меньшей степени подверженным хозяйственной деятельности человека, являются более кислыми и имеют в целом более низкие содержания всех основных ионов и, соответственно, минерализацию, по сравнению с условно загрязненными грунтовыми водами агроландшафтов.

4. Обсуждение.

4.1. Корреляционная взаимосвязь между основными ионами. Значительные вариации химического состава рассматриваемых вод свидетельствуют о сложном влиянии на процессы формирования их состава как природных, так и антропогенных факторов. Полученные значения коэффициентов корреляции Пирсона (табл. 3) подтверждают высокую степень линейной взаимосвязи между значением минерализации и концентрацией основных компонентов раствора (HCO_3^-, SO_4^{2-}, Cl^-, Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^+), $r > 0,8$.

Таблица 3

Значения коэффициентов линейной корреляции Пирсона для компонентов химического состава грунтовых вод водосборной площади оз. Поянху

	pH	Cl^-	SO_4^{2-}	NO_3^-	HCO_3^-	Na^+	K^+	Mg^{2+}	Ca^{2+}	Min
pH	1,00									
Cl^-	0,11	1,00								
SO_4^{2-}	0,27	**0,72**	1,00							
NO_3^-	-0,05	**0,55**	**0,49**	1,00						
HCO_3^-	**0,44**	0,49	**0,54**	0,01	1,00					
Na^+	0,16	**0,89**	**0,78**	**0,67**	**0,50**	1,00				
K^+	0,16	**0,40**	**0,56**	**0,50**	0,25	**0,57**	1,00			
Mg^+	0,24	**0,72**	**0,74**	0,39	**0,82**	**0,68**	0,26	1,00		
Ca^+	**0,41**	**0,75**	**0,80**	0,43	**0,85**	**0,76**	**0,42**	**0,89**	1,00	
Минерализация (Min)	0,34	**0,81**	**0,84**	**0,50**	**0,83**	**0,84**	**0,53**	**0,91**	**0,97**	1,00

Примечание. Жирным шрифтом отмечены коэффициенты корреляции с уровнем значимости $\alpha < 0,01$.

Меньшие, но статистически значимые коэффициенты корреляции ($r > 0,5$) обнаружены также между минерализацией и K^+, минерализацией и NO_3^-, однако на рис. 3 зависимости не наблюдается. Таким образом, достаточно высокие значения коэффициентов корреляции между K^+, NO_3^- и минерализацией обусловлены, вероятно, значительным вкладом этих компонентов в величину минерализации, а не функциональной зависимостью между рассматриваемыми показателями.

Относительно высокие положительные значения коэффициентов корреляции ($r > 0,4$) наблюдаются между SO_4^{2-}, Cl^-, NO_3^-, K^+, Na^+, что свидетельствует о наличии единого процесса обогащения вод этими элементами, наиболее вероятным является их поступление вследствие антропогенного воздействия. Однако не следует исключать влияние природных процессов на обогащения вод SO_4^{2-}, Cl^-, Na^+, так как отмечается положительная корреляция между этими элементами и HCO_3^-, Ca^{2+}, Mg^{2+}.

4.2. Механизмы, контролирующие поведение основных ионов. Обогащение природных вод химическими элементами может происходить за счет поступления атмосферных осадков, при выветривании горных пород и испарительном концентрировании, а также в результате антропогенного воздействия.

Привноса значительного количества солей в подземные воды с атмосферными осадками в исследуемом районе не может наблюдаться из-за его удаленности от морского бассейна. Однако в распределении осадков в течение года наблюдается выраженная сезонность. Опробование вод производилось во время сухого сезона, в ноябре, т.е. непосредстенно по окончании периода, когда величина испарения достигает своего максимума и превышает количество атмосферных осадков [11]. В этой связи испарительное концентрирование может оказывать значительное влияние на формирование химического состава рассматриваемых вод. При этом согласно [16] испарительное концентрирование должно приводить к пропорциональному росту концентраций хлорид-иона и других компонентов химического состава.

На рис. 6 такая зависимость четко проявляется для иона натрия, в меньшей степени для ионов кальция и магния. Также можно отметить, что тенденция концентрирования более заметна для относительно чистых грунтовых вод, приуроченых к корам выветривания, нежели для условно загрязненных грунтовых вод агроландшафтов, исключение составляют лишь подземные воды с концентрацией хлорид-иона менее 0,1 мг-экв/л.

Полным отсутствием тенденции к простому концентрированию характеризуется поведением гидрокарбонат-иона и иона калия (рис 6, *а*, *г*). Точки на рис. 6, *е* и рис. 6, *ж* лежат несколько выше и ниже линии, соответсвующей пропорциональному концентрированию, однако тенденция роста концентраций все же отмечается. Подобная тенденция, но более сильная, характерна и для сульфат-иона (рис. 6, *б*), особенно это характерно для относительно чистых грунтовых вод. Итересно также отметить, что слабая тенденция к пропорциональному концентрированию нитрат-иона проявляется исключительно в относительно чистых грунтовых водах, и совсем не характерна для условно загрязненных грунтовых вод (рис. 6, *в*). Вероятно, это обусловлено преобладающим влиянием антропогенных факторов на процессы формирования химического состава условно загрязненных грунтовых вод.

Одним из основных механизмов обогащения вод химическими элементами, пожалуй, являются процессы взаимодействия с горными породами. Основные катионы могут поступать в раствор за счет растворения алюмосиликатных, карбонатных пород, а также эвапоритов. В пределах исследуемой территории не отмечается значительных толщ эвапоритов, поэтому основным возможным источником катионов при выветривании горных пород могут быть только карбонатные и алюмосиликатные породы. Растворение сульфатных минералов, например гипса и ангидрита, как основной механизм обогащения вод химическими элементами также маловероятно, о чем свидетельствует зависимость на рис. 7, *а*. Однако согласно зависимости на рис. 7, *б* обогащение вод сульфат-ионом, а также хлорид-ионом происходит в том числе и за счет взаимодействия вод с горными породами, о чем свидетельствует пропорциональный рост их концентрации с увеличением концентрации катионов. Вероятным является поступление части сульфат-иона за счет окисления сульфидных минералов, при этом образующиеся при диссоциации серной кислоты ионы водорода несколько нейтрализуются гидроксильными ионами, образующимися при гидролизе алюмосиликатных минералов.

Растворение карбонатных пород в пределах исследуемой территории, как один из процессов обогащения вод химическими элементами, исключать нельзя, однако он не вляется в данном случае определяющим (рис. 7, *в*). При этом согласно рис. 7, *г* обогащение рассматриваемых подземных вод ионами кальция и магния происходит быстрее, чем ионами натрия и калия.

Степень обогащения вод химическими элементами при взаимодействии с горными породами кроме всего прочего определяется характером водообмена. Именно водообмен является главенствующим фактором, контролирующим процессы формирования химического состава грунтовых вод бассейна оз. Поянху, как и подземных вод зоны гипергенеза в целом. На изучаемой территории водообмен формируется под влиянием как природных, так и антропогенных факторов. Об этом свидетельствуют различия между двумя выделенными типами грунтовых вод. Судя по характеру этих различий глубокий отпечаток на формирование химического состава условно загрязненных грунтовых вод, приуроченных к агроландшафтам, накладывают процессы заводнения и ирригации, которые существенным образом влияют на водообмен, замедляя его и тем самым приводя к увеличению времени взаимодействия в системе вода – порода (почва).

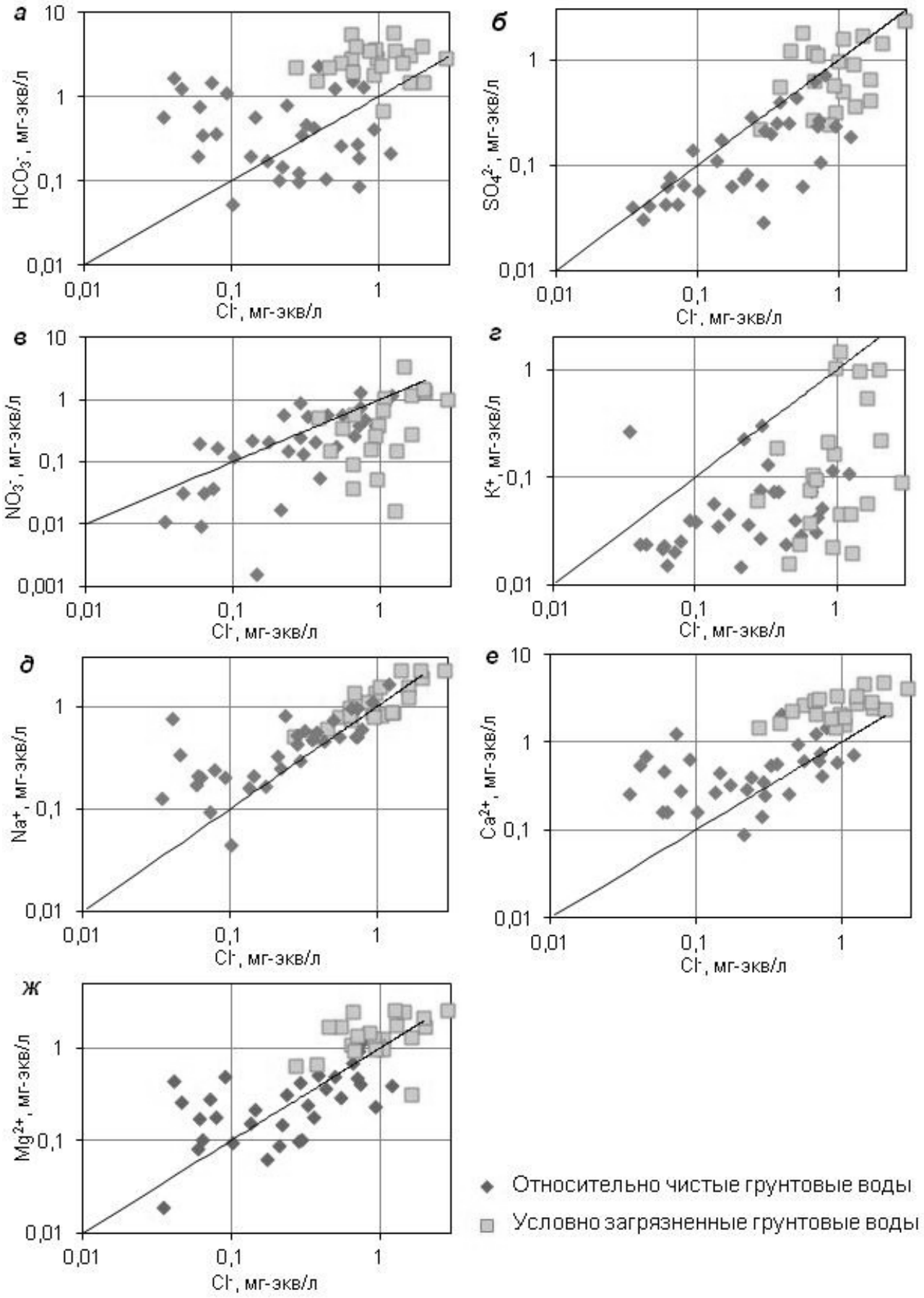

Рис. 6. Диаграммы зависимости концентрации ионов HCO_3^- (*а*), SO_4^{2-} (*б*), NO_3^- (*в*), K^+ (*г*), Na^+ (*д*), Ca^{2+} (*е*), Mg^{2+} (*ж*) от концентрации иона Cl^-

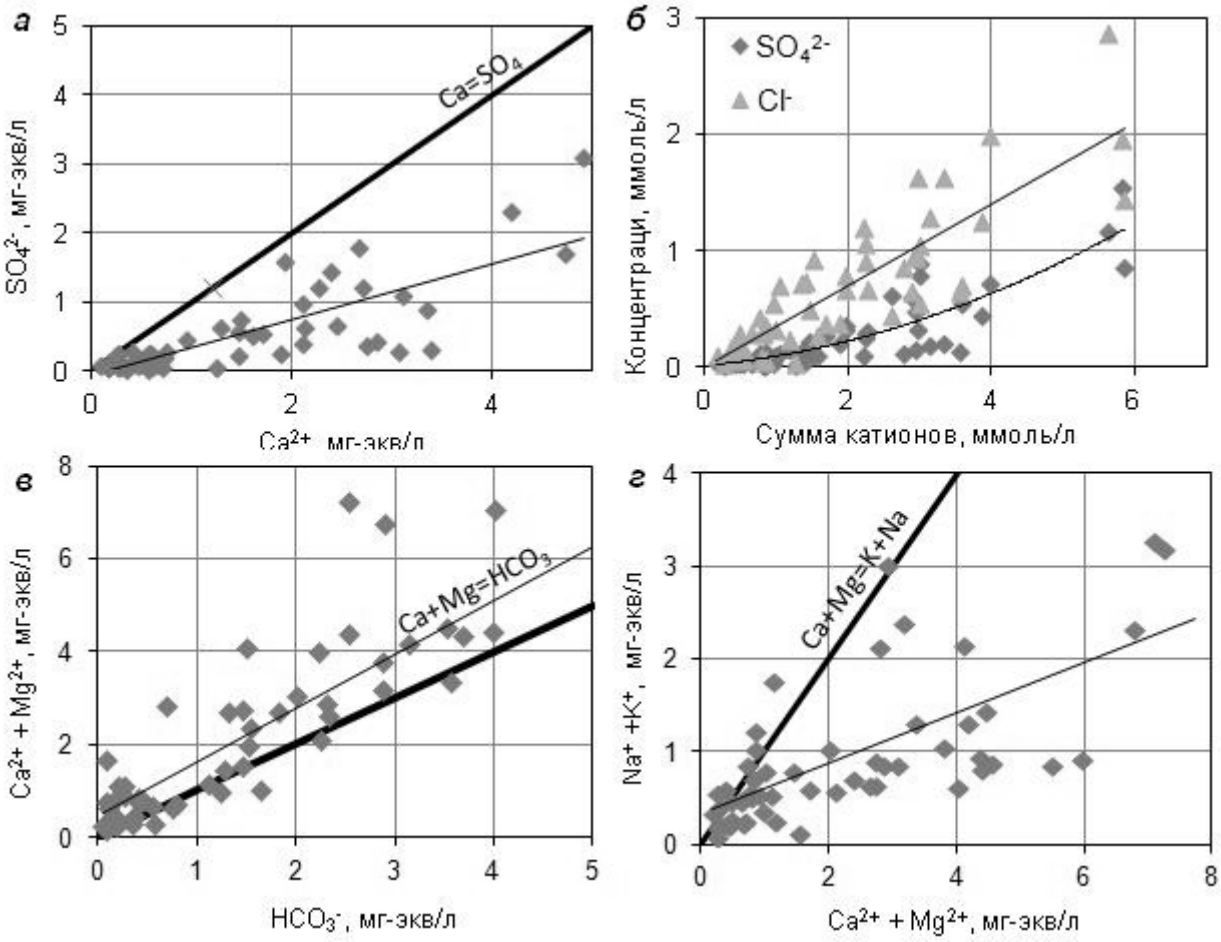

Рис. 7. Диаграмма зависимости концентрации основных компонентов химического состава грунтовых вод друг от друга

Это способствует накоплению значительных концентраций химических элементов и, соответственно, увеличению минерализации. Таким образом, даже при отсутствии повышенных концентраций нитрат-иона, который в исследуемом районе является одним из основных загрязнителей, грунтовые воды агроландшафтов, без сомнений, испытывают значительное антропогенное воздействие, их химический состав повсеместно претерпевает глубокие изменения, связанные с замедлением водообмена под влиянием хозяйственной деятельности человека. В то же время относительно чистые грунтовые воды подвержены этому воздействию в значительно меньшей степени. В целом их химический состав отражает природный геохимический фон, на который в ряде случаев накладываются повышенные концентрации NO_3^-, Cl^-, SO_4^{2-}, Na^+, K^+, обусловленные локальным поступлением загрязняющих веществ.

5. Заключение. Подземные воды бассейна оз. Поянху являются преимущественно ультрапресными и умеренно пресными. Кислотно-щелочная среда вод изменяется в широких пределах, от кислой до слабощелочной, однако подавляющее большинство опробованных источников характеризуются слабокислой и нейтральной средой. Преобладающими ионами в водах являются Ca^+ и HCO_3^-, в повышенных концентрациях встречены NO_3^-, Cl^-, SO_4^{2-}, K^+, Na^+.

В связи с выявленными особенностями химического состава и по приуроченности к различным по степени хозяйственного освоения районам было выделено два типа грунтовых вод: относительно чистые грунтовые воды, приуроченные главным образом к корам выветривания и районам, освоенным в меньшей степени, и условно загрязненные грунтовые воды, приуроченные к агроландшафтам.

Относительно чистые грунтовые воды являются более кислыми и имеют в целом низкие содержания всех основных ионов и, соответственно, минерализацию, по сравнению с условно загрязненными грунтовыми водами.

Условно загрязненные грунтовые воды агроландшафтов формируются под доминирующим влиянием антропогенных факторов, в то время как химический состав относительно чистых грунтовых вод, по мнению авторов, в целом отражает природные фоновые концентрации для исследуемой территории, однако и здесь присутствует некоторое локально распространенное антропогенное загрязнение, выражающееся главным образом в повышенных концентрациях NO_3^- и в меньшей степени Cl^-, SO_4^{2-}, Na^+, K^+.

Обогащение рассматриваемых вод химическими элементами происходит в результате их взаимодействия с горной породой, которое в свою очередь определяется интенсивностью водообмена. Именно этот процесс является определяющим при формировании упомянутых выше типов грунтовых вод. На него накладываются процессы испарительного концентрирования и антропогенное воздействие, приводящее к увеличению в водах концентрации отдельных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *He M., Wang Z., Tang H.* The chemical, toxicological and ecologicalstudies in assessing the heavy metal pollution in Le An River, China // Wat. Res. 1998. Vol. 32, № 2. P. 510–518.
2. *Chen J., Wang F., Xia X., Zhang L.* Major element chemistry of the Changjiang (Yangtze River) // Chemical Geology. 2002. № 187. P. 231–255.
3. *Liu W.X., Coveney R.M., Chen J.L.* Environmental quality assessment on a river system polluted by mining activities // Applied Geochemistry. 2003. № 18. P. 749–764.
4. *Li M., Xu K., Watanabe M., Chen Z.* Long-term variations in dissolved silicate, nitrogen, and phosphorus flux from the Yangtze River into the East China Sea and impacts on estuarine ecosystem // Estuarine, Costal and Shelf Science. 2007. № 71. P. 3–12.
5. *Chetelat B., Liu C.-Q., Zhao Z.Q., Wang Q.L., Li S.L., Li J., Wang B.L.* Geochemistry of the dissolved load of the Changjiang Basin rivers: Anthropogenic impacts and chemical weathering // Geochimica et Cosmochimica Acta. 2008. № 72. P. 4254–4277.
6. *Wu L., Li M., Guo Y., Yang X.* Influence of Three Gorges Project on water quality of Poyang Lake // Procedia Environmental Sciences. 2011. № 10. P. 1496–1501.
7. *Xia Y., Huang L., Xu L.* Characteristics of diffuse source N pollution in Lean River catchment // Procedia Environmental Sciences. 2011. № 10. P. 2437–2443.
8. *Feng L., Hu C., Chen X., Li R., Tian L., Murch B.* MODIS observations of the bottom topography and its inter-annual variability of Poyang Lake // Remote Sensing of Environment. 2011. № 115. P. 2729–2741.
9. *Wang Q., Riemann D., Vogt S., Glaser R.* Impacts of land cover changes on climate trends in Jiangxi province China // International Journal of Biometeorology. 2014. Vol. 58, № 5. P. 645–660.
10. *Li X., Zhang Q.* Estimating the potential evapotranspiration of Poyang Lake basin using remote sense data and Shuttleworth-Wallace model // Procedia Environmental Sciences. 2011. № 10. P. 1575–1582.
11. *Yan D., Schneider U.A., Schmid E., Huang H.Q., Pan L., Dilly O.* Interaction between land use change, regional development, and climate change in the Poyang Lake district from 1985 to 2035 // Agricultural systems. 2013. № 119. P. 10–21.
12. *Ye X., Zhang Q., Liu J., Li X., Xu C.-Y.* Distinguishing the relative impacts of climate change and human activities on variation of streamflow in the Poyang Lake catchment, China // Journal of Hydrology. 2013. № 494. P. 83–95.
13. *Гидрогеология* Азии / под ред. Н.А. Маринова. М. : Недра, 1974. 575 с.
14. *Shvartsev S.L.* Geochemistry of Fresh Groundwater in the Main Landscape Zones of the Earth / Geochemistry International. USA: Pleiades Publishing, Ltd, 2008. Vol. 46, № 3. P. 1285–1398.
15. *Перельман А.И., Касимов Н.С.* Геохимия ландшафта : учеб. М. : Астрея-2000, 1999. 610 с.
16. *Drever J.I.* The Geochemistry of Natural Waters. N.J. : Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1982. 388 p.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 25 сентября 2014 г.

CHEMICAL COMPOSITION OF SHALLOW GROUNDWATER OF THE POYANG LAKE CATCHMENT (CHINA)

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 235-245. DOI: 10.17223/15617793/389/40

Soldatova Evgeniya A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 2a61@mail.ru
Wang Guangcai. China University Of Geosciences (Beijing, China). E-mail: wanggc@cugb.edu.cn
Shvartsev Stepan L. Tomsk Polytechnic University, Tomsk Branch of Institute of Oil and Gas Geology and Geophysics, SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk@igng.tsc.ru;
Guseva Natalia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).E-mail: guseva24@yandex.ru

Keywords: shallow groundwater; chemical composition; forming factors of water chemical composition; groundwater pollution; Poyang Lake.

Poyang Lake, the largest Chinese freshwater lake, is a unique ecosystem which is not only a habitat of rare animal species, but also an important part of economy of Jiangxi Province. Freshwater resources are used for domestic, industrial and agricultural needs. These factors determine the significant anthropogenic load to ecosystem including shallow groundwater. However, data about the chemical composition of shallow groundwater are almost absent. Under the circumstances, comprehensive investigations of the chemical composition of shallow groundwater and its forming conditions are the priority line of scientific research in the region, as it will allow to develop effective methods for water quality assessment and to organize monitoring of the dynamics of groundwater chemical composition changes. In the article hydrogeochemical sampling data of shallow groundwater are used. The total number of samples is 54. Concentration of the main ions (HCO_3^-, SO_4^{2-}, Cl^-, Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^+, NO_3^-) was determined by titration and ionic chromatography (Dionex-900). Electrical conductivity, temperature and pH were measured *in situ*. Pearson's correlation coefficients for pH, Eh, Cl^-, SO_4^{2-}, HCO_3^-, Na^+, K^+, Mg^{2+}, Ca^{2+}, NO_3^- and TDS were calculated in order to identify functional relations between the main components of the shallow groundwater chemical composition behavior. Analysis of the data showed that shallow groundwater of the Poyang Lake catchment is basically ultra fresh (TDS<0.2 g/L) and moderately fresh (TDS 0.2–0.5 g/L). pH-value changes from acid to weak alkaline; however, the majority of sampling points are characterized by weak acid and neutral medium. Predominant ions in shallow groundwater are Ca^+ и HCO_3^-; there are also quite high concentrations of NO_3^-, Cl^-, SO_4^{2-}, K^+, Na^+. According to the chemical composition of shallow groundwater and association with territories of different economic and agricultural development degrees, two types of shallow groundwater are allocated: relatively pristine shallow groundwater which is localized mainly within weathering crust and less economic and agricultural development areas and conditionally polluted shallow groundwater localized within agrolandscapes. Relatively pristine shallow groundwater is more acid and has a generally low content of the main ions and, accordingly, TDS value compared with conditionally polluted shallow groundwater. Conditionally polluted shallow groundwater of agrolandscapes is formed under the dominant effect of anthropogenic factors; at the same time the chemical composition of relatively pristine shallow groundwater, in authors' opinion, generally reflect natural background concentrations for the researched territory. However, in relatively pristine shallow groundwater there is a pointwise scattered anthropogenic pollution which is expressed mainly in quite high concentration of NO_3^- and, less often, in quite high concentrations of Cl^-, SO_4^{2-}, Na^+, K^+.

REFERENCES

1. He M., Wang Z., Tang H. The chemical, toxicological and ecologicalstudies in assessing the heavy metal pollution in Le An River, China. *Wat. Res.*, 1998, vol. 32, no. 2, pp. 510-518. DOI: 10.1016/S0043-1354(97)00229-7

2. Chen J., Wang F., Xia X., Zhang L. Major element chemistry of the Changjiang (Yangtze River). *Chemical Geology*, 2002, no. 187, pp. 231-255. DOI: 10.1016/S0009-2541(02)00032-3
3. Liu W.X., Coveney R.M., Chen J.L. Environmental quality assessment on a river system polluted by mining activities. *Applied Geochemistry*, 2003, no. 18, pp. 749-764. DOI: 10.1016/S0883-2927(02)00155-5
4. Li M., Xu K., Watanabe M., Chen Z. Long-term variations in dissolved silicate, nitrogen, and phosphorus flux from the Yangtze River into the East China Sea and impacts on estuarine ecosystem. *Estuarine, Costal and Shelf Science,* 2007, no. 71, pp. 3-12. DOI: 10.1016/j.ecss.2006.08.013
5. Chetelat B., Liu C.-Q., Zhao Z.Q., Wang Q.L., Li S.L., Li J., Wang B.L. Geochemistry of the dissolved load of the Changjiang Basin rivers: Anthropogenic impacts and chemical weathering. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 2008, no. 72, pp. 4254-4277. DOI: 10.1016/j.gca.2008.06.013
6. Wu L., Li M., Guo Y., Yang X. Influence of Three Gorges Project on water quality of Poyang Lake. *Procedia Environmental Sciences*, 2011, no. 10, pp. 1496-1501. DOI: 10.1016/j.proenv.2011.09.238
7. Xia Y., Huang L., Xu L. Characteristics of diffuse source N pollution in Lean River catchment. *Procedia Environmental Sciences*, 2011, no. 10, pp. 2437-2443. DOI: 10.1016/j.proenv.2011.09.379
8. Feng L., Hu C., Chen X., Li R., Tian L., Murch B. MODIS observations of the bottom topography and its inter-annual variability of Poyang Lake. *Remote Sensing of Environment*, 2011, no. 115, pp. 2729-2741. DOI: 10.1016/j.rse.2011.06.013
9. Wang Q., Riemann D., Vogt S., Glaser R. Impacts of land cover changes on climate trends in Jiangxi province China. *International Journal of Biometeorology,* 2014. Vol. 58, no. 5, pp. 645-660. DOI: 10.1007/s00484-013-0645-z
10. Li X., Zhang Q. Estimating the potential evapotranspiration of Poyang Lake basin using remote sense data and Shuttleworth-Wallace model. *Procedia Environmental Sciences*, 2011, no. 10, pp. 1575-1582. DOI: 10.1016/j.proenv.2011.09.250
11. Yan D., Schneider U.A., Schmid E., Huang H.Q., Pan L., Dilly O. Interaction between land use change, regional development, and climate change in the Poyang Lake district from 1985 to 2035. *Agricultural systems*, 2013, no. 119, pp. 10-21. DOI: 10.1016/j.agsy.2013.04.001
12. Ye X., Zhang Q., Liu J., Li X., Xu C.-Y. Distinguishing the relative impacts of climate change and human activities on variation of streamflow in the Poyang Lake catchment, China. *Journal of Hydrology*, 2013, no. 494, pp. 83-95. DOI: 10.1016/j.jhydrol.2013.04.036
13. Marinov N.A. *Gidrogeologiya Azii* [Hydrogeology of Asia]. Moscow: Nedra Publ., 1974. 575 p.
14. Shvartsev S.L. Geochemistry of Fresh Groundwater in the Main Landscape Zones of the Earth. *Geochemistry International*, 2008, vol. 46, no. 3, pp. 1285-1398. DOI: 10.1134/S0016702908130016
15. Perel'man A.I., Kasimov N.S. *Geokhimiya landshafta* [Geochemistry of landscape]. Moscow: Astreya-2000 Publ., 1999. 610 p.
16. Drever J.I. *The Geochemistry of Natural Waters*. N.J.: Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1982. 388 p.

Received: 25 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 246–251 DOI: 10.17223/15617793/389/41

УДК 911.2 (571.6)

Д.М. Фетисов

РАЗНООБРАЗИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕДГОРНЫХ ГЕОСИСТЕМ СРЕДНЕГО ПРИАМУРЬЯ

Работа выполнена при поддержке ДВО РАН в рамках научных проектов ЦКП ДВО РАН «Спутниковый мониторинг Дальнего Востока для проведения фундаментальных научных исследований Дальневосточного отделения РАН», проектов № 12-III-А-09-195, 12-I-П30-14 и 12-I-0-06-042.

Приводится характеристика ландшафтного разнообразия предгорий Среднего Приамурья. Дан краткий анализ представлений места предгорных геосистем в классификации ландшафтов. В ней представлены типологическая классификация и физико-географическое районирование предгорий в контактной зоне хребта Малый Хинган и Среднеамурской низменности. На исследуемой территории было выделено четыре вида предгорных ландшафтов и девять природных районов. Дается оценка интегральной антропогенной нагрузки и нарушенности изучаемых геосистем. Определено, что большая часть предгорной полосы Малого Хингана и Среднеамурской низменности характеризуется слабой антропогенной нагрузкой, но значительной антропогенной нарушенностью. Причиной этого является негативное антропогенное воздействие со стороны объектов, расположенных на равнине.

Ключевые слова: предгорные геосистемы; ландшафтное разнообразие; интегральная антропогенная нагрузка; антропогенная нарушенность ландшафтов; Среднее Приамурье.

Введение. Задачи оценки антропогенного воздействия на состояние территории, оптимизации пространственной структуры регионов через ландшафтное, эколого-географическое планирование в русле концепции устойчивого развития обеспечивают в последнее десятилетие стабильный интерес к региональным ландшафтным исследованиям. Геосистемы разных рангов выступают в качестве территориальных единиц изучения различных природно-хозяйственных явлений, а карты природных комплексов представляют собой основу для разработки схем оптимальной структуры территории. Особое место в ландшафтном строении региона занимают предгорные геосистемы. Они характеризуются наличием экотонного эффекта, сочетанием особенностей горных и равнинных комплексов. Предгорные ландшафты формируют ядро контактной зоны крупных региональных геосистем и таким образом могут выступать как связующим, так и барьерным звеном в пространственном развитии природопользования.

Вместе с тем в ряду таксономических единиц типологической классификации ландшафтов место предгорий до сих пор не определено. Большинство исследователей природные комплексы суши относят к двум классам – равнинные и горные, а предгорья выделяют либо в подкласс горных, либо в качестве самостоятельной единицы [1]. Особое внимание на предгорные ландшафты впервые обратил Ф.Н. Мильков [2], который рассматривал ландшафты суши в четырех классах: равнинных, предгорных, плоскогорных и горных. Позже он скорректировал этот список и выделил равнинный, предгорный, горный и межгорно-котловинный классы естественных геосистем [3]. В.Б. Сочава с коллегами [4] в южной части Восточной Сибири отнесли предгорья вместе с подгорными равнинами к горному классу ландшафтов, указывая, что с урочищ лесостепного и подтаежного типа на подгорных равнинах, примыкающих к Саянам и Ангаро-Ленскому плато, начинается ряд вертикальной поясности. В отличие от них Ф.А. Максютов (1980) при изучении Уральского региона предгорные ландшафты разделил на два самостоятельных класса – пригорный и низкогорно-предгорный. К первому он отнес подгорные холмистые равнины. Более подробный анализ взглядов разных авторов на место предгорий в системе классификации ландшафтов представлен в работах Ф.А. Максютова [5], Д.В. Черных и В.И. Булатова [1] и других ученых.

На Дальнем Востоке России горы занимают около 70% площади, равнины в основном представлены межгорными низменностями. В зонах их контакта сформировались предгорные ландшафты, выступающие объектом исследования в данной работе.

Целью статьи являются морфологическая характеристика предгорных геосистем Среднего Приамурья и оценка их современного состояния, обусловленного антропогенным воздействием.

Объект и методы исследования. Объект исследования представляет собой предгорные ландшафты, образовавшиеся в зоне контакта российской части гор Малого Хингана и Среднеамурской низменности. Изучаемая территория расположена на юге Дальнего Востока России, в Среднем Приамурье.

В работе использовались ландшафтный, картографический, сравнительно-географический, дистанционный и другие методы. Типологическая классификация ландшафтов хребта Малый Хинган и физико-географическое районирование его предгорий осуществлялись в соответствии с работами А.Г. Исаченко [6, 7]. Оценка степени интегральной антропогенной нагрузки на природные ландшафты проводилась по методике А.В. Антиповой [8], которая определяет уровень общей антропогенной нагрузки как суммарное воздействие вида использования земель (техногенная нагрузка) и самого присутствия человека на территории (плотность населения). По уровню антропогенной нарушенности предгорные геосистемы ранжировались с учетом глубины и ширины изменений природных компонентов [9].

Обсуждение результатов. В изучаемой части региона предгорные ландшафты занимают около 2 700 км^2. Они относятся к двум типам ландшафтов –

подтаежному и широколиственно-лесному. В данной работе предгорные геосистемы рассматриваются в горном классе ландшафтов. В качестве самостоятельной единицы предгорья выделены на уровне подкласса. Такой подход не противоречит геоморфологической природе предгорий как пониженных окраинных частей горных стран, образующих постепенный переход к прилегающим равнинам [10]. К предгорным ландшафтам, в соответствии со взглядами В.Б. Сочавы, также отнесены подгорные по отношению к Малому Хингану холмистые участки Среднеамурской низменности, так как их физико-географические особенности в наибольшей степени обусловлены влиянием гор: барьерный эффект в распределении атмосферных осадков, состав горных пород, водный режим и др. В результате типологической классификации геосистем исследуемой территории было выделено четыре вида предгорных ландшафтов (рис. 1). Среди них по площади (более 2 тыс. км^2, 80% от территории контактной зоны) и по количеству выделов (9) преобладают холмисто-увалистые мелкосопочные предгорья на интрузивных и эффузивных породах, а также четвертичных аллювиальных и делювиальных отложениях с комплексом смешанных широколиственных и дубовых лесов и редколесий на буро- и дерново-подзолистых почвах.

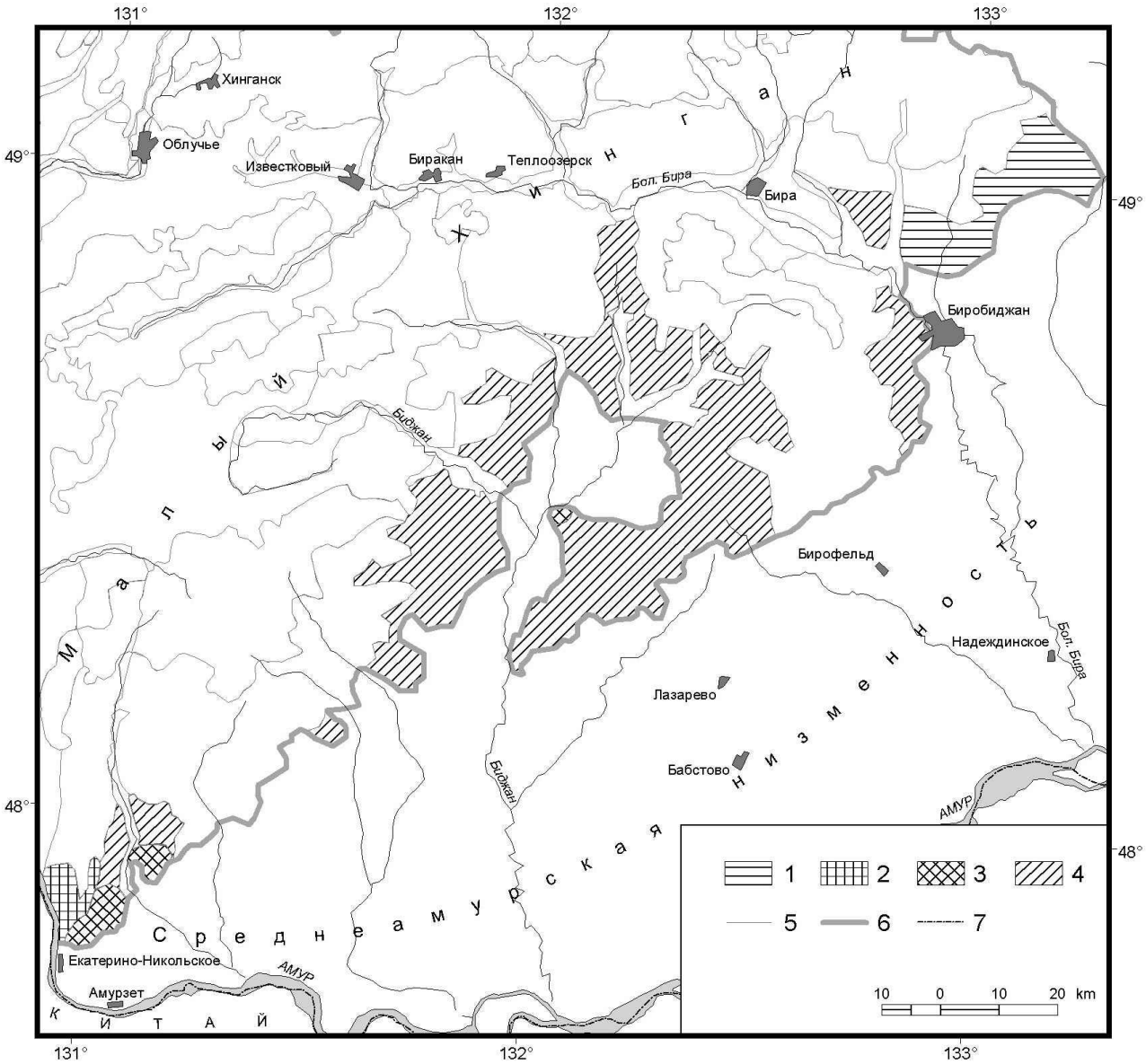

Рис. 1. Предгорные ландшафты Малого Хингана в контакте со Среднеамурской низменностью:
1–4 – предгорные природные ландшафты: *подтаежные*: 1) холмисто-увалистые с останцовыми сопками на палеозойских интрузивных и мезозойских эффузивных, четвертичных аллювиальных, озерно-аллювиальных и делювиальных отложениях с лиственнично-белоберезовыми и дубовыми лесами и редколесьями на буро-подзолистых почвах; *широколиственнолесные*: 2) холмисто-увалистые с останцовыми сопками на известняках, доломитах с дубовыми и дубово-черноберезовыми лесами и редколесьями на буро-подзолистых и дерново-подзолистых почвах, 3) холмисто-увалистые с останцовыми сопками на неогеновых базальтах с дубовыми и дубово-черноберезовыми лесами и редколесьями на буро-подзолистых и дерново-подзолистых почвах, 4) холмисто-увалистые с останцовыми сопками на палеозойских интрузивных и мезозойских эффузивных, четвертичных аллювиальных, озерно-аллювиальных и делювиальных отложениях со смешанными широколиственными и дубовыми лесами и редколесьями на буро-подзолистых и дерново-подзолистых почвах; *5–7* – границы: 5) выделов горных ландшафтов, 6) Буреинской горной (Малохинганская подобласть) и Среднеамурской равнинной физико-географических областей, 7) государственная

Характерной особенностью предгорий Малого Хингана является барьерный эффект гор, проявляющийся здесь. Его влияние заключается в асимметрии распределения осадков, которая характерна как для горных, так и предгорных территорий. В Среднем Приамурье в условиях муссонного климата наибольшее количество осадков выпадает в летний сезон, особенно в его второй половине – около 70% годовых показателей. При движении влажных воздушных масс со стороны Тихого океана отмечается увеличение количества осадков в предгорьях российской части Малого Хингана в среднем на 70 мм/год в сравнении со Среднеамурской низменностью (табл. 1).

Помимо типологической классификации ландшафтов неоднородность изучаемой территории прослеживается на схеме физико-географического районирования Малого Хингана. Природное районирование основывается на выявлении индивидуальных особенностей ландшафтов, систематизированных по типовым признакам в зависимости от их положения в иерархии соподчиненных природных единиц [12]. Малый Хинган в целом входит в состав Амурско-Приморской физико-географической страны, Буреинско-Баджальской области [7], Малохинганской подобласти, включающей южные отроги Буреинского хребта, выходящие к р. Амур. Предгорные ландшафты контактной зоны хребта Малый Хинган и Среднеамурской низменности относятся к двум физико-географическим провинциям, пяти округам и выделены в качестве девяти природных районов (рис. 2). Их характеристика представлена в табл. 2.

Таблица 1

Количество атмосферных осадков в Среднем Приамурье, мм/год [11]

Хребет Малый Хинган	Предгорные ландшафты	Среднеамурская низменность
808 (ГМС Кульдур)	830 (ГМС Биробиджан)	736 (ГМС Смидович)
818 (ГМС Бира)	676 (ГМС Екатерино-Никольское)	632 (ГМС Биджан)

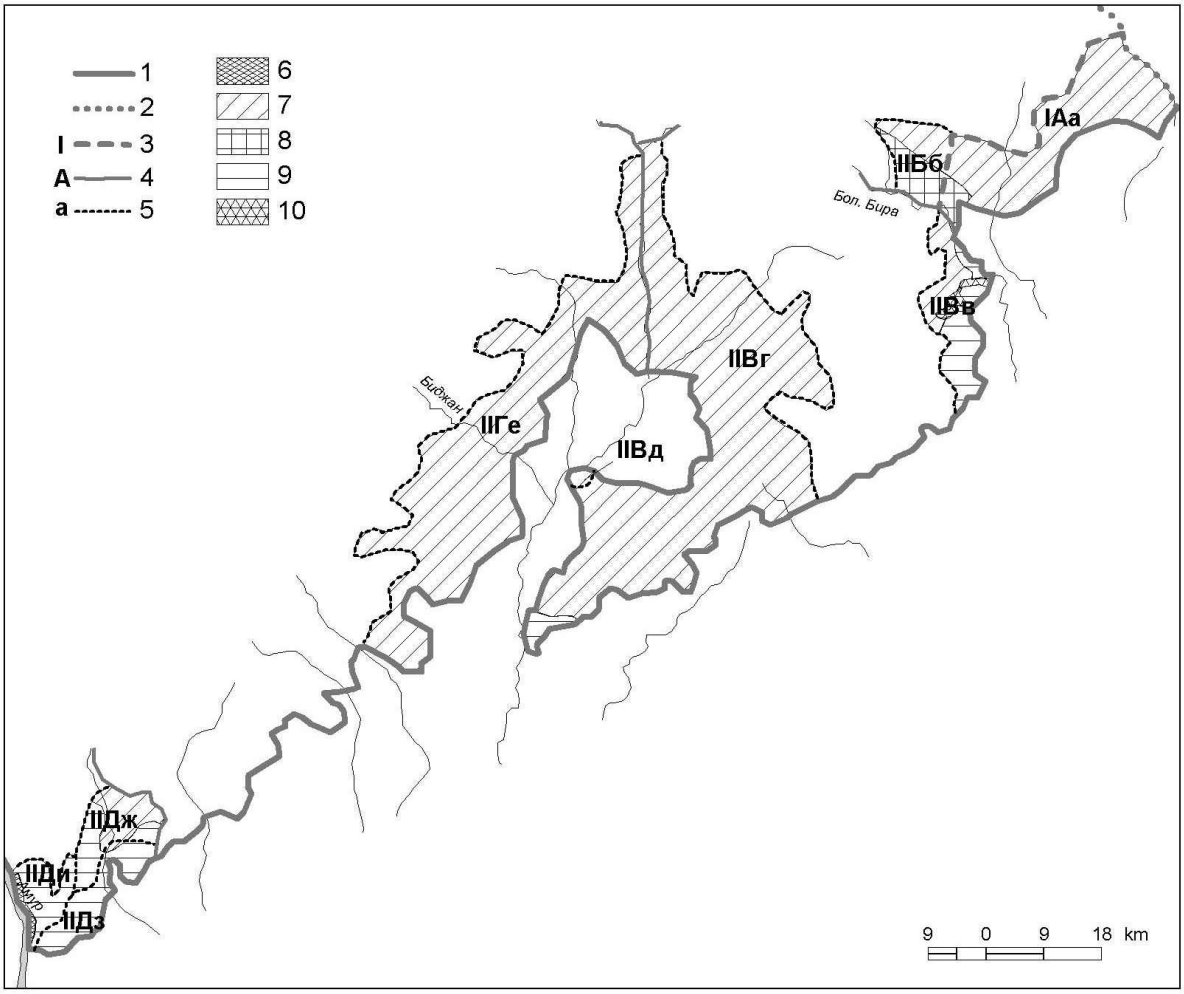

Рис. 2. Физико-географическое районирование предгорий Малого Хингана в контакте со Среднеамурской низменностью и уровень интегральной антропогенной нагрузки на природные районы: *1–5* – границы и индексы: 1) области, 2) подобласти, 3) провинций, 4) округов, 5) районов; *6–10* – уровень интегральной антропогенной нагрузки: 6) ничтожный (2 балла), 7) очень низкий (3 балла), 8) средний (5 баллов), 9) высокий (6 баллов), 10) наивысший (8 баллов). Область Буреинско-Баджальская; подобласть Малохинганская; провинции: **I – Восточная Малохинганская подтаежная;** округ: А – Инско-Икуринский; район: а) Верхнеикуринский; **II – Малохинганская широколиственно-лесная;** округа: Б – Верхнебирский; район: б) Сагды-Бирский; В – Щукинский; районы: в) Биробиджанский, г) Маячный, д) Устьтайменьский; Г – Сутарско-Помпеевский; район: е) Дитуро-Биджанский; Д – Приамурско-Помпеевский; районы: ж) Среднесамарский, з) Нижнесамарский, и) Екатерино-Никольский

Таблица 2

Физико-географические характеристики природных округов и ландшафтов предгорий Малого Хингана в контакте со Среднамурской низменностью [11, 13, 14]*

Физико-географическая провинция	Физико-географический округ	Характеристика климата	Ландшафтный район	Геолого-геоморфологические характеристики	Растительные комплексы
Восточно-Малохинганская подтаежная	Инско-Икуринский	$T_{ср}$ –0,1°С $T_{сум}$+10°С 1 300–1 700 К 90–95% $T_я$ –24,6°С $T_и$ +20,3°С Ос. 830 мм	Верхне-Икуринский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Увалистый	Лиственничные, лиственнично-белоберезовые леса и редколесья, в релках с участием дуба монгольского и осины дрожащей
Малохинганская широколиственно-лесная	Верхнебирский	$T_{ср}$ –1,0°С $T_{сум}$+10°С 2 000–2 500 К 80–90% $T_я$ –24,4°С $T_и$ +15,6°С Ос. 818 мм	Сагды-Бирский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Холмисто-увалистый	Дубовые и дубово-чернoберезовые леса и редколесья
	Щукинский	$T_{ср}$ –0,1°С $T_{сум}$+10° 2 000–2 500 К 80–90% $T_я$ –24,6°С $T_и$ +20,3°С Ос. 830 мм	Биробиджанский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Холмисто-увалистый	Производные широколиственные леса на месте кедрово-широколиственных
			Маячный	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Мелкосопочный	Комплекс дубовых и дубово-чернoберезовых лесов и редколесий с разнотравно-вейниковыми лугами
			Устьтайменьский	Эрозионно-денудационные, аккумулятивный, на вулканических породах. Увалистый	Чернoберезово-дубовые леса паркового типа с примесью мелколиственных пород и с разнотравно-вейниковым покровом
	Сутарско-Помпеевский	$T_{ср}$ –1,0°С $T_{сум}$+10° 2 000–2 500 К 80–90% $T_я$ –24,4°С $T_и$ +15,6°С Ос. 652 мм	Дитуро-Биджанский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Мелкосопочный, холмисто-увалистый	Дубовые и дубово-чернoберезовые леса и редколесья
	Приамурско-Помпеевский	$T_{ср}$ +1,4°С $T_{сум}$ +10° 2 000–2 500 К 80–90% $T_я$ –21,2°С $T_и$ +17,1°С Ос. 758 мм	Среднесамарский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный. Мелкосопочный	Разнотравно-вейниковые луга с остепненными группировками с редколесьем ивы козьей, дуба монгольского, березы даурской, осины дрожащей
			Нижнесамарский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивный, на вулканических породах. Волнистый, мелкосопочный	Разнотравно-вейниковые луга с остепненными группировками с редколесьем ивы козьей, дуба монгольского, березы даурской, осины дрожащей
			Екатерино-Никольский	Эрозионно-денудационный, аккумулятивные, на известняках, доломитах. Мелкосопочный	Дубовые и дубово-чернoберезовые леса и редколесья с участием остепненных луговых группировок

* $T_{ср}$ – среднегодовая температура воздуха, $T_{сум}$+10°С – сумма температур воздуха выше 10°С, К – континентальность климата, $T_я$ – средняя температура января, $T_и$ – средняя температура июля, Ос. – годовое количество атмосферных осадков.

Наши предыдущие исследования показали, что контактные зоны региональных геокомплексов выступают барьером в пространственном развитии природопользования [15]. Концентрация хозяйства в предгорье с использованием сочетающихся здесь ресурсов горных и равнинных комплексов в Среднем Приамурье приурочена только к крупным сквозным транспортным артериям – р. Амур и Транссибирской железнодорожной магистрали. В связи с этим предгорные ландшафты Малого Хингана контрастны по уровню антропогенного воздействия на них и степени их нарушенности и связаны с освоенностью региона. При проведении оценки интегральной антропогенной нагрузки изучаемые геосистемы были разделены на пять категорий с разным значением показателя – от ничтожного до наивысшего. Наибольшее воздействие человека приходится на предгорные природные комплексы Приамурско-Помпеевского округа, Сагды-Бирский и Биробиджанский ландшафтные районы. Здесь сосредоточены территории со средним (5 баллов), высоким (6 баллов) и наивысшим (8 баллов) уровнем антропогенной нагрузки. Однако совместно они занимают только 14% площади исследуемых предгорий, 86% территории характеризуется ничтожной (2 балла) и очень низкой (3 балла) нагрузкой (табл. 3).

Источники негативного (деструктивного) антропогенного воздействия на предгорные ландшафты располагаются на Среднеамурской низменности (населенные пункты, дороги, сельскохозяйственные земли) и оказывают влияние на состояние биотических компонентов. Следствием этого по степени антропогенной нарушенности предгорные геосистемы ранжируются на значительно, существенно и сильно нарушенные, среди которых преобладает первая группа

(50% от площади предгорий). Для них характерна серьезная трансформация биотических компонентов вплоть до их смены и связанные с этим изменения микроклимата (табл. 3).

Таблица 3

Интегральная антропогенная нагрузка и нарушенность предгорий Малого Хингана в контакте со Среднеамурской низменностью

Интегральная антропогенная нагрузка		Антропогенная нарушенность	
Уровень (оценка)	Характеристика	Оценка	Характеристика
Ничтожный (2 балла)	Приграничные территории, где хозяйственные виды природопользования недопустимы. Вид использования земли – опромышляемые	Значительно нарушенные	Происходят изменение структуры растительного покрова вплоть до смены типа растительности (например, на месте лесов появляются редколесья и луга) или преимущественное распространение получают длительно производные группировки. Как следствие, изменяется местный климат, влагообеспеченность ландшафта
Очень низкий (3 балла)	Включает опромышляемые земли – охотничье-промысловые и природоохранные. Постоянное население отсутствует. Негативное антропогенное воздействие имеет косвенный характер со стороны источников, расположенных на других территориях		
Средний (5 баллов)	Сельскохозяйственные местности с возделываемыми землями (пашни и осушительная мелиорация), полоса основных транспортных магистралей. Постоянное население отсутствует	Существенно нарушенные	Помимо изменений в структуре растительного покрова происходит нарушение рельефа и геологического фундамента в местах добычи полезных ископаемых, прокладки дорог, функционирования населенных пунктов. Широкое распространение получают антропогенные варианты ландшафтов – сельскохозяйственные угодья, дороги, населенные пункты и др.
Высокий (6 баллов)	Сочетание застроенных и возделываемых земель с плотностью населения 1–200 чел./км^2		
		Сильно нарушенные	В морфологической структуре ландшафта преобладают его антропогенные модификации – сельскохозяйственные угодья, селитебные территории, сеть дорог
Наивысший (8 баллов)	Соответствует г. Биробиджану. Место концентрации застроенных земель – индустриальный город с комплексным воздействием на природную среду, с плотностью населения более 1 300 чел./км^2	Существенно нарушенные	–
		Сильно нарушенные	–

Заключение. Исследование предгорных ландшафтов российской части хребта Малый Хинган и Среднеамурской низменности вместе с подгорными равнинами в рамках горного класса геосистем соответствует их геоморфологическим особенностям и позволяет учесть ключевое влияние орогенов на физико-географические процессы прилегающих низменностей. В результате проведения типологической классификации предгорных ландшафтов изучаемого региона выделено четыре вида предгорных ландшафтов, среди которых по площади и по количеству выделов преобладает одна категория. Итогом физико-географического районирования стало объединение предгорий в пять природных округов, девять индивидуальных районов. Современное состояние предгорных ландшафтов Среднеамурской низменности обусловлено неравномерной антропогенной нагрузкой с концентрацией сильного прямого воздействия на локальных территориях и косвенного влияния со стороны Среднеамурской низменности. Вследствие этого антропогенная нарушенность изучаемых геосистем оценивается на уровне от среднего до наивысшего. Для них на большей части пространства характерны серьезные изменения в структуре биотических компонентов, а на участках с высокой антропогенной нагрузкой наблюдается преобладание сельскохозяйственных, транспортных и селитебных видов использования земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Д.В., Булатов В.И.* Горные ландшафты: пространственная организация и экологическая специфика. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2002. 83 с.
2. *Мильков Ф.Н.* Словарь справочник по физической географии. М. : Географгиз, 1960. 271 с.
3. *Мильков Ф.Н.* Общее землеведение. М. : Высш. шк., 1990. 335 с.
4. *Сочава В.Б., Ряшин В.А., Белов А.В.* Главнейшие природные рубежи в южной части Восточной Сибири // Доклады Института географии. Сибири и Дальнего Востока. Иркутск : Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, 1963. Вып. 4. С. 19–24.
5. *Максютов Ф.А.* Ландшафты предгорий. Уфа : Изд-е Башкир. гос. ун-та, 1980. 76 с.
6. *Исаченко А.Г., Шляпников А.А.* Ландшафты. М. : Мысль, 1989. 504 с.
7. *Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М. : Высш. шк., 1991. 366 с.
8. *Антипова А.В.* География России. Эколого-географический анализ территории. М. : МНЭПУ, 2001. 208 с.
9. *Фетисов Д.М.* Антропогенная нарушенность природных ландшафтов российской части Малого Хингана // Вестник ДВО РАН. 2008. № 3. С. 51–57.
10. *Геоморфологический* словарь-справочник / под ред. П.Г. Шевченкова. Брянск : Изд-во Брян. гос. ун-та, 2002. 320 с.
11. *Справочник* по климату СССР. Вып. 25, ч. 4 : Влажность воздуха, атмосферные осадки, снежный покров. Л. : Гидрометеоиздат, 1968. 275 с.
12. *Климина Е.М.* Ландшафтно-картографическое обеспечение территориального планирования (на примере Хабаровского края). Владивосток : Дальнаука, 2007. 132 с.
13. *Справочник* по климату СССР. Вып. 25, ч. 2 : Температура воздуха и почвы. Л. : Гидрометеоиздат, 1966. 312 с.
14. *Петров Е.С., Новороцкий П.В., Леншин В.Т.* Климат Хабаровского края и Еврейской автономной области. Владивосток ; Хабаровск : Дальнаука, 2000. 174 с.

15. *Фетисов Д.М.* Оценка антропогенной нагрузки на геосистемы контактной зоны Малого Хингана и Среднеамурской низменности // Региональный отклик окружающей среды на глобальные изменения в Северо-Восточной и Центральной Азии : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск : Изд-во ИГ СО РАН, 2012. Т. 1. С. 179–181.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 16 октября 2014 г.

THE DIVERSITY AND THE CURRENT STATE OF PIEDMONT GEOSYSTEMS IN THE CENTRAL AMUR REGION

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 246-251. DOI: 10.17223/15617793/389/41

Fetisov Denis M. Institute for Complex Analysis of Regional Problems, FEB RAS (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: dfetisov@gmail.com

Keywords: piedmont geosystems; landscape diversity; total anthropogenic load; anthropogenic landscape changes; the Central Amur Region.

A special place in the landscape structure of the region is occupied by piedmont geosystems. They have an ecotone effect, a combination of the features of mountain and lowland systems. Most researchers classify piedmonts as belonging to the subclass of mountain landscapes or as an independent unit. The purpose of the paper is morphological characteristics of piedmont geosystems in the Central Amur Region and assessment of their current state due to the anthropogenic influence. The paper presents the characteristics of landscape diversity in piedmonts of the Central Amur Region. The analysis of presentations of place for piedmont geosystems in landscape classification is given in the work. A typological classification and physical-geographical regionalization of the piedmonts in the contact zone of the Little Khingan Mountains and the Central Amur lowland are given in the paper. Piedmont geosystems are examined in the mountain class of landscapes in the work. The piedmonts are allocated as an independent unit on the subclass level. In the study area four types of piedmont landscapes are distinguished. The heterogeneity of the study area can be traced on the scheme of natural regionalization of the Little Khingan Mountains. Piedmont landscapes in the contact zone of the Little Khingan Mountains and the Central Amur lowland belong to two natural provinces, five districts and they are identified as nine natural areas. The results of the total anthropogenic load estimation and anthropogenic landscape changes research of piedmont geosystems are shown. As a result of estimation of the integral anthropogenic load the studied geosystems were divided into five categories with the different value of index: from minimum to maximum. The sources of the destructive anthropogenic impact affecting piedmont landscapes are situated in the Central Amur lowland (settlements, roads, agricultural land) and they influence the state of biotic components. It was determined that most of the contact zone of the Little Khingan Mountains and the Central Amur lowland is characterized by weak anthropogenic load but significant anthropogenic changes. Negative anthropogenic influence from the objects located on the plain is the reason of this fact.

REFERENCES

1. Chernykh D.V., Bulatov V.I. *Gornye landshafty: prostranstvennaya organizatsiya i ekologicheskaya spetsifika* [Mountain landscapes: spatial organization and environmental specificity]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN Publ., 2002. 83 p.
2. Mil'kov F.N. *Slovar' spravochnik po fizicheskoy geografii* [Dictionary of Physical Geography]. Moscow: Geografgiz Publ., 1960. 271 p.
3. Mil'kov F.N. *Obshchee zemlevedenie* [General earth studies]. Moscow: Vyssh. Shk. Publ., 1990. 335 p.
4. Sochava V.B., Ryashin V.A., Belov A.V. The main natural boundaries in the southern part of Eastern Siberia. *Doklady Instituta geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka*, 1963, no. 4, pp. 19-24. (In Russian).
5. Maksyutov F.A. *Landshafty predgoriy* [Landscapes of the foothills]. Ufa: Bashkir State University Publ., 1980. 76 p.
6. Isachenko A.G., Shlyapnikov A.A. *Landshafty* [Landscapes]. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 504 p.
7. Isachenko A.G. *Landshaftovedenie i fiziko-geograficheskoe rayonirovanie* [Landscape studies and physical-geographical regionalization]. Moscow: Vyssh. Shk. Publ., 1991. 366 p.
8. Antipova A.V. *Geografiya Rossii. Ekologo-geograficheskiy analiz territorii* [Geography of Russia. Ecological and geographical analysis of the territory]. Moscow: MNEPU Publ., 2001. 208 p.
9. Fetisov D.M. Antropogennaya narushennost' prirodnykh landshaftov rossiyskoy chasti Malogo Khingana [Anthropogenic disturbance of the natural landscape of the Russian part of the Lesser Khingan]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,* 2008, no. 3, pp. 51-57.
10. Shevchenkov P.G. (ed.) *Geomorfologicheskiy slovar'-spravochnik* [Geomorphological Dictionary]. Bryansk: Bryansk State University Publ., 2002. 320 p.
11. *Spravochnik po klimatu SSSR* [USSR Climate Handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1968. Vol. 25, pt. 4, 275 p.
12. Klimina E.M. *Landshaftno-kartograficheskoe obespechenie territorial'nogo planirovaniya (na primere Khabarovskogo kraya)* [Landscaping and mapping of spatial planning in Khabarovsk Krai]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2007. 132 p.
13. *Spravochnik po klimatu SSSR* [USSR Climate Handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1966. Vol. 25, pt. 2, 312 p.
14. Petrov E.S., Novorotskiy P.V., Lenshin V.T. *Klimat Khabarovskogo kraya i Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [The climate of Khabarovsk Krai and the Jewish Autonomous Region]. Vladivostok ; Khaba-rovsk: Dal'nauka Publ., 2000. 174 p.
15. Fetisov D.M. [Assessment of anthropogenic load on geosystems contact zone of the Lesser Khingan and Middle Amur lowland]. *Regional'nyy otklik okruzhayushchey sredy na global'nye izmeneniya v Severo-Vostochnoy i Tsentral'noy Azii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Regional response to global environmental changes in the North-East and Central Asia: Proceedings of the international scientific conference]. Irkutsk: IG SO RAN Publ., 2012, vol. 1, pp. 179-181. (In Russian).

Received:16 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 252–262 DOI: 10.17223/15617793/389/42

УДК 624.131

Е.Г. Шигорина, Л.А. Строкова

ЧИСЛЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА МИКРОБНОГО ОСАЖДЕНИЯ КАЛЬЦИТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРУНТОВ

Микробно-индуцированное осаждение кальцита – процесс цементирования с участием микроорганизмов, который улучшает геотехнические свойства горных пород в результате осаждения карбоната кальция, становится перспективным методом технической мелиорации грунтов. Эта технология в последние годы используется при производстве строительных материалов, создании водонепроницаемых барьеров, пленок для предотвращения утечек воды или загрязнителей из хранилищ. Как показано в лабораторных испытаниях, использование данной технологии приводит к увеличению жесткости грунта, снижению проницаемости и увеличению прочности на сдвиг. В данном исследовании представлена численная модель микробного осаждения кальцита для снижения проницаемости массива трещиноватых горных пород и предотвращения утечек из резервуаров для хранения CO_2. Результаты показывают, что проницаемость трещиноватых пород в радиусе 3 м может снизиться на порядок, и в три раза в радиусе 5 м от места инъекции. Проницаемость пород уменьшилась на два порядка от начального значения.

Key words: soil improvement; chemical properties; environmental engineering; remediation; soil stabilization; calcite precipitation; biocementation.

Интерес к технологиям использования биологических процессов в геотехнической практике резко возрос в последнее десятилетие [1]. Первый международный семинар по биогеотехнологии в 2007 г. способствовал междисциплинарному обсуждению и определению приоритетов научно-исследовательских тем в этой новой области [2]. Исследовательские программы по биогеотехнологии действуют более чем в 15 странах мира, выполнены серьезные исследования в этой области [3–8]. Второй международный семинар по биогеотехнологии был проведен в сентябре 2011 г. в Университете Кембриджа, собрал 35 ведущих исследователей в этой области и предоставил возможность оценить достигнутые результаты, наметить основные проблемы и пути их решения. Одной из перспективных биогеотехнологий является микробно-индуцированное осаждение кальцита (*microbially induced calcite precipitation* – MICP). Она используется при производстве кирпичей, создании непроницаемых барьеров, пленок для предотвращения утечек воды или загрязнителей из хранилищ, цементировании песка, в частности, с целью обеспечить повышенную безопасность для зданий, расположенных в сейсмически активных районах, в прибрежных зонах.

В настоящее время существуют две разновидности этой технологии: биоаугментация (микробы вводятся в грунты) и биостимуляция (стимулируются природные микробы). Биоаугментация, считается менее благоприятной для окружающей среды, чем биостимуляция, из-за введения экзогенных (non-native) микробов, в некоторых случаях это влечет за собой необходимость разрешений соответствующих контролирующих органов, значительные расходы, сложность практического использования. Биостимуляция считается более предпочтительной, так как проводится стимуляция роста микробов, которые адаптированы для этой среды, кроме того, это предполагает значительно меньше трудностей в практическом исполнении. Тем не менее существуют проблемы, связанные с получением равномерно обработанного грунтового массива, увеличением срока работ [9].

Исторически первым был способ биоаугментации, разработанный в Калифорнии. Метод предусматривает закачку во влажный грунт культуры микроорганизма *Sporosarcina pasteurii*. В ходе своей жизнедеятельности эта бактерия вырабатывает карбонат кальция – основной компонент известняков и мраморов, а также цемента. Таким образом дисперсные грунты в обработанной зоне постепенно приобретают свойства, близкие к песчанику. Помимо сейсмической устойчивости, эта технология имеет и более очевидные применения, в том числе в борьбе с плывунами, подтоплением. Экспериментальная проверка предлагаемой методики проводилась в двухсотлитровых бочках, заполненных стерильным песком, к которому добавлялась бактериальная культура. В емкостях контролировалось: уровень необходимых для бактерий питательных веществ, содержание кислорода и другие параметры. *Sporosarcina pasteurii* известна своим свойством снижать кислотность почвы. Именно этот эффект приводит к тому, что ионы Ca^{2+} и CO_3^{2-}, растворенные в грунтовых водах, формируют нерастворимую соль, цементирующую грунт. Натурные испытания методики (рис. 1) выполнены в США [2, 3, 9–11], Нидерландах [12] и Японии [8], Сингапуре [4, 6, 13]. По результатам рекомендуется применение этой технологии при возведении дамб и набережных, стабилизации грунтов вокруг тоннелей. Более того, предлагается также использовать бактерии для предотвращения распространения с грунтовыми водами различных опасных для экологической обстановки загрязнений. Эксперты отмечают, что использование биологических методов представляется логическим продолжением развития в этих областях –от механических технологий (таких как «стена в грунте»), к чисто физическим (замораживание, обжиг) и физико-химическим методам (например, электросиликатизация).

Одним из наиболее перспективных направлений совершенствования технологии MICP является моделирование процесса, предсказание результатов, планирование эффективных сценариев процесса. В литературе предложено множество формулировок математических моделей, описывающих жизнедеятельность бактерий и сопутствующие физико-химические процессы. Один из первых вопросов, возникающих при математическом описании любого процесса, – выбор размерности модели; чаще всего строятся двумерные или одномерные модели процесса, реже трехмерные.

Математическая модель должна учитывать все наиболее значимые процессы, происходящие при осаждении кальцита. На рис. 2 показана схема основных химических реакций при микробном осаждении кальцита: гидролиз, кислотно-щелочное равновесие и осаждение кальцита.

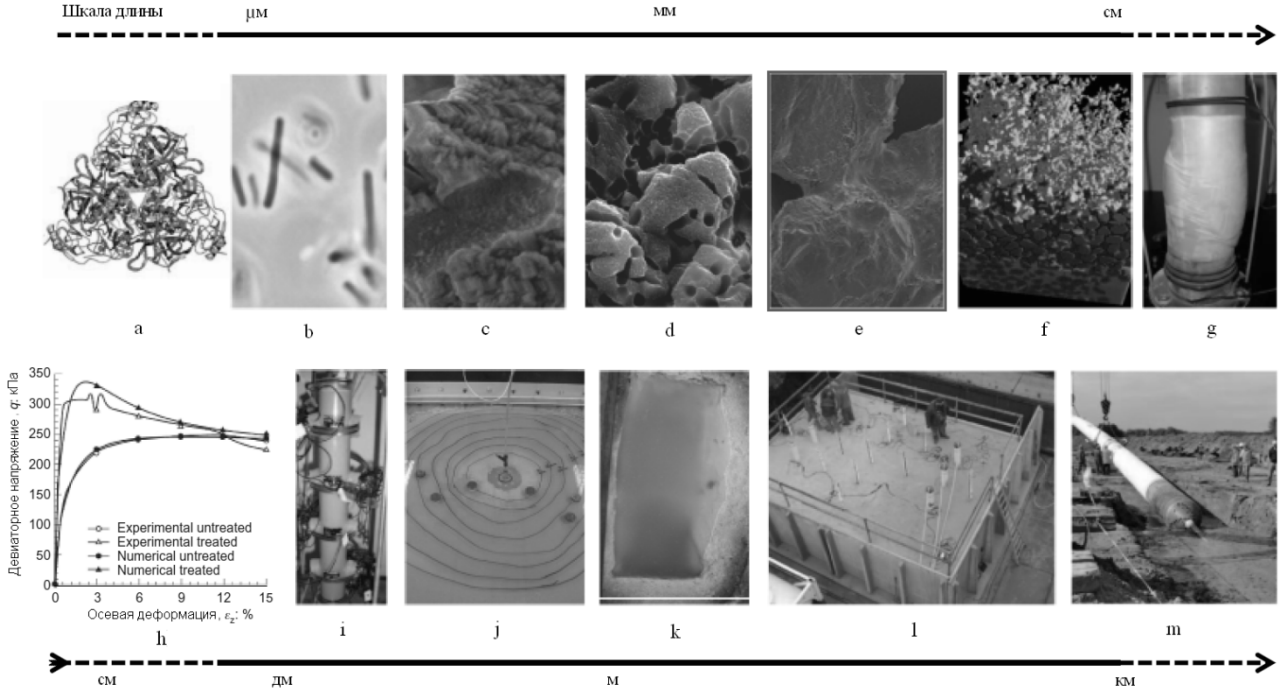

Рис. 1. Представление масштабов изучения MICP [11]: *a* – структура фермента уреазы в пределах микробов; *b* – микробы *Sporosarcina pasteuri*; *c* – следы бактерий внутри осажденного кальцита; *d* – структура осажденного кальцита; *e* – зерна MICP-сцементированного песка; *f* – данные компьютерной томографии MICP-сцементированного песка; *g* – трехосные испытания MICP-сцементированного образца; *h* – моделирование трехосного испытания на сжатие MICP-образца; *i* – испытание образца методом резонансной колонки [9]; *j* – исследование радиального потока [14]; *k* – непроницаемый кожух MICP для водохранилища местного стока [13]; *l* – MICP обработка 100 м^3 песка [12]; *m* – полевые испытания

Мочевина под влиянием уреазы, фермента, вырабатываемого некоторыми бактериями, подвергается гидролизу с образованием аммиака и угольной кислоты. Уреаза – это белок, состоящий из аминокислот, который ускоряет химическую реакцию, специфичность этого белка заключается в том, что он разлагает только мочевину. В растворах, содержащих угольную кислоту, создается сложная равновесная система с появлением карбонат-иона, который в присутствии ионов кальция приводит к осаждению кристаллов кальцита.

Моделирование проводилось в рамках исследования по захоронению углекислого газа CO_2 в геологических формациях. Основные глубины захоронения CO_2: 800–1 000 м для обеспечения необходимого давления, при котором CO_2 находится в жидком состоянии. Чтобы предотвратить выход CO_2 на поверхность, геологические формации должны быть покрыты непроницаемым слоем, так называемой покрышкой. В то же время инъекция CO_2 должна происходить путем бурения скважины через непроницаемый слой, что в свою очередь может вызывать образование трещин в непроницаемом слое. Основная идея закупорки трещин заключается в использовании био-индуцированного кальцита, который будет внедряться в открытые поры, что по своей сути равносильно внедрению цемента. Основное отличие био-индуцированного кальцита от обычного цемента в том, что в первом случае кальцит будет производиться на месте. Чтобы показать возможность применения этих технологий в полевых условиях, необходимы значительные финансовые затраты. Большое количество компонентов, взаимодействующих друг с другом, предполагает сложные вычисления для выполнения экспериментов, поэтому для проведения этих дорогих экспериментов необходима компьютерная модель, с помощью которой можно предсказать необходимые стадии внедрения Ca и другие экспериментальные параметры.

Биологическое цементирование непроницаемого слоя, поврежденного в процессе бурения, также представляется перспективным, так как является простым и недорогим способом увеличения запаса захороненного CO_2 в горных породах. Введение бактерий в горную породу и постепенный гидролиз мочевины, катализируемой бактерией, ведут к осаждению кальцита, который распределяется шире и более гомогенно по сравнению с прямой инъекцией в основание, когда пропускная способность канала резко снижается из-за немедленного осаждения Ca в зоне инъекции.

При оптимизации процесса биоцементации важно оценить влияние концентрации биомассы на количество осаждаемого кальцита при различных схемах внедрения биомассы. Для наиболее полного описания процесса предложена объединенная биолого-химическая модель, включающая ключевые микробиологические и химические реакции. Система состоит из двух жидких фаз (рассол и CO_2), трех твердых фаз (пористая горная порода, биопленки, кальцит) и взвешенных растворенных компонентов. Биопленки рассматривают как множество микроорганизмов, расположен-

ных на какой-либо поверхности, клетки которых прикреплены друг к другу. Обычно клетки погружены в выделяемое ими внеклеточное полимерное вещество (внеклеточный матрикс) – слизь [16].

Основные допущения модели следующие. К компонентам модели относятся вода (*w*), углекислый газ (CO_2), взвешенная биомасса (*b*), биопленки (*f*), субстрат (*s*), акцептор электронов – кислород (*e*), кальцит (*c*), мочевина (*u*), аммиак / аммоний (*a*), ионы кальция (Ca^{2+}), хлора (Cl^-) и натрия (Na^+).

В порах пористой среды могут присутствовать две жидкие фазы (рассол [w] и углекислый газ CO_2 [n]), которые соответственно смачивают и не смачивают твердые поверхности. Рассол состоит из воды, углерода и второстепенных компонентов: натрия, хлора, кальция, биомассы, субстрата, кислорода, мочевины и общего азота. В рассоле могут находиться разные соли, но предполагается, что их совокупное воздействие на плотность, вязкость и растворимость CO_2 могут быть представлены в виде эквивалентной концентрации хлорида натрия.

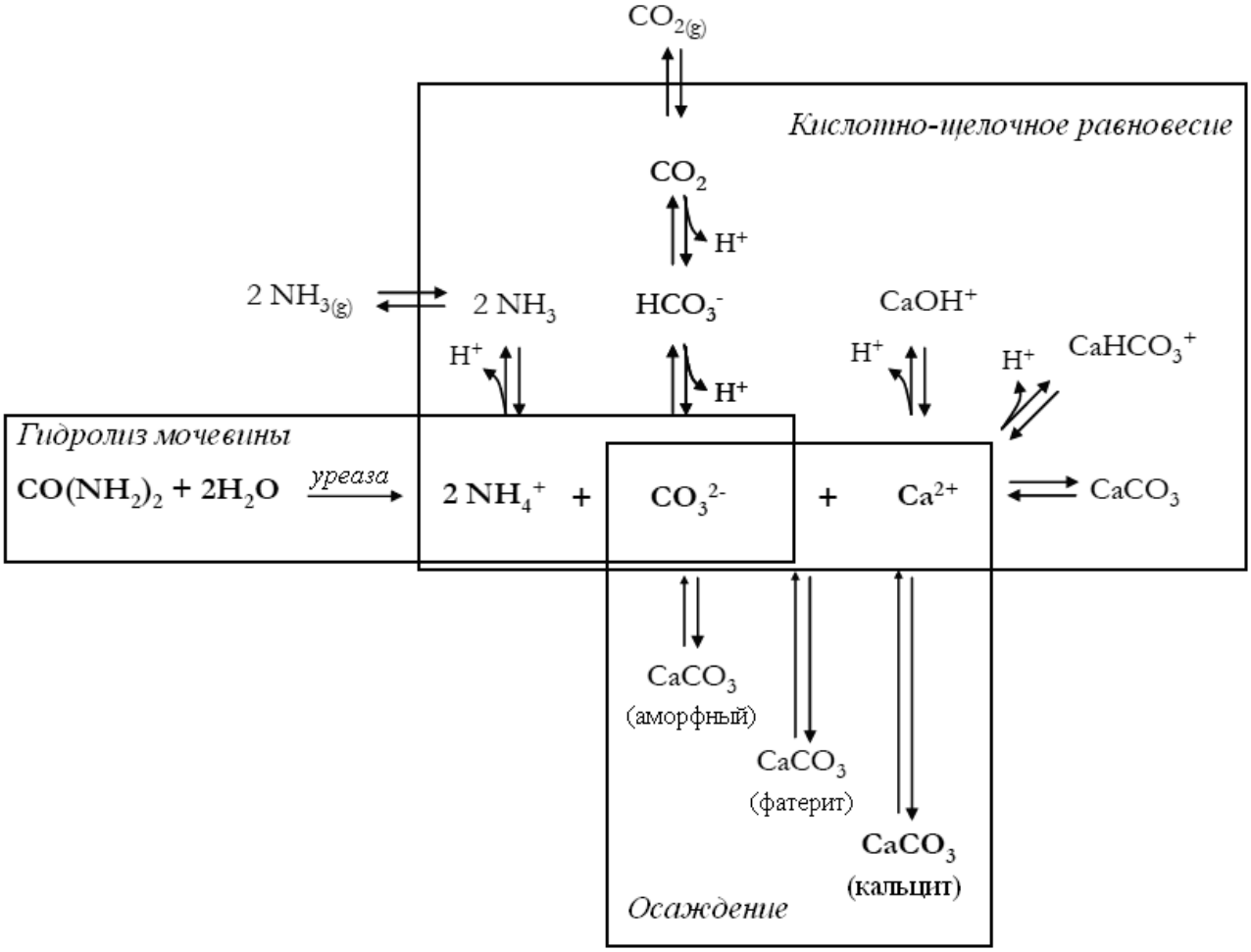

Рис. 2. Химические реакции при микробном осаждении кальцита: гидролиз, кислотно-щелочное равновесие и осаждение кальцита [12]

В газовой фазе может находиться вода, CO_2 и кислород. Массы всех других компонентов в газовой фазе незначительны, поэтому предполагается, что эти компоненты не растворяются в газовой фазе. Массовая доля вторичных компонентов рассчитывается с использованием закона действующих масс, поэтому они должны быть в равновесии с их соответствующими первичными компонентами. Вторичными компонентами в модели являются углекислый газ (CO_2), бикарбонат (HCO_3^-) и карбонат (CO_3^{2-}) как составные части общего углерода C_{Tot}, аммиак (NH_3) и аммоний (NH_4^+) как составные части общего азота NH_{Tot} и ионы водорода и гидроксид-ионы как составные части воды.

Подробное представление реакций (гидролиза мочевины, осаждения, растворения) и бактериальной активности дано в работах [16].

При создании компьютерной модели использована программа DuMu^x (Штутгартский университет, Германия), которая допускает вариации различных нелинейных комбинаций параметров, с управлением временных интервалов, что в свою очередь увеличивает эффективность моделирования. Все расчеты были выполнены для радиального домена с горизонтальной трещиной посередине. Для простоты трещина была реализована как сильнопроницаемый слой толщиной 5 см и длиной 5 м. Высота и радиус домена по 10 м, угол при вершине 22,5° (рис. 3). Домен предполагается радиально-симметричный.

Начальные условия: гидростатическое давление в середине домена p_w = 1,79 МПа и плотность рассола 1 087 кг/м^3. На внешнем радиусе модели выбрана граница 1-го рода (*Dirichlet boundary,* рис. 4). Заданы начальные значения концентраций Ca^{2+}, мочевины, NH_{Tot}, O_2, взвешенной биомассы и субстрата равными нулю, Na^+ и Cl^- равны 0,007 моль/моль, молярная доля C_{Tot} равен $1{,}79 \cdot 10^{-7}$.

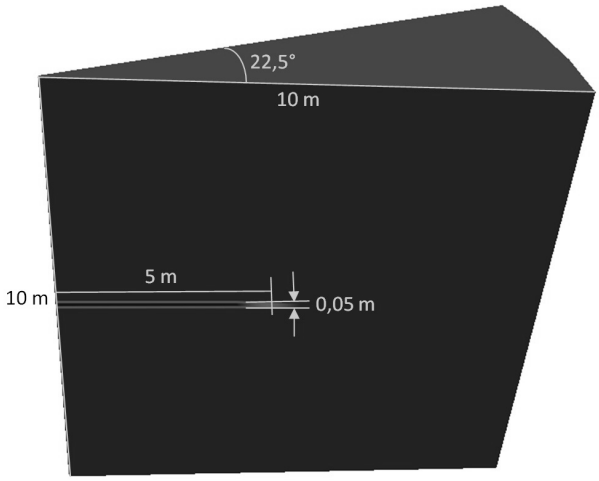

Рис. 3. Расчетный элемент со слоем с высокой проницаемостью в середине

Граничные условия 2-го рода (*Neumann boundary*) приняты на поверхности и в основании домена, а также в позиции минимального радиуса, за исключением небольшой области для инъекций (*Injection*) в середине домена. Поскольку инъекция осуществлялась для наблюдения за осаждением кальцита и изменением проницаемости трещины, размеры сетки уменьшаются в сторону трещины и снижения радиуса.

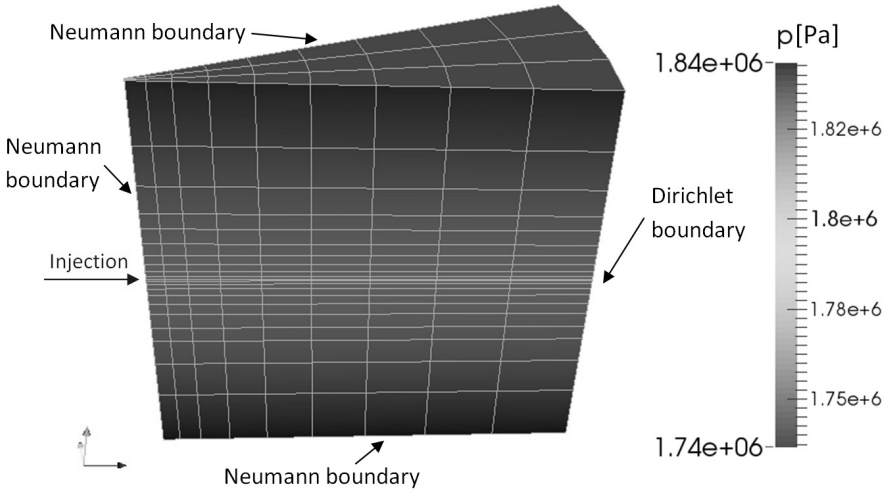

Рис. 4. Схема домена моделирования с распределением гидростатического давления

Проницаемость трещины, равная $1{,}645 \cdot 10^{-12}$ м^2, была установлена моделированием исходя из экспериментально установленного давления закачки воды, равного 3,79 МПа, спустя 4 ч от начала опыта при постоянной скорости закачки, равной $3{,}1545 \cdot 10^{-5}$ м^3/с.

Результаты моделирования. Бактерии *Sporosarcina pasteurii* требуют специальные условия для роста и распада. Для подбора рационального режима MICP с заданной интенсивностью осаждения кальцита и места его расположения нами осуществлялось моделирование с помощью различных схем инъекций. В таблице представлены порядок и длительность проведения инъекций. Бактерии в качестве источника энергии должны иметь субстрат, кислород как акцептор электронов и углерод для обмена и роста, поэтому эти компоненты дозируются в промывочной жидкости. На первом этапе с раствором вводятся бактерии. Затем инъекции отключаются на 15,7 ч. Это время необходимо для того, чтобы бактерии прикрепились к твердой поверхности или друг к другу и вырастили биопленки. Далее нагнетается раствор, насыщенный мочевиной, для роста биопленок и производства фермента уреазы. Гидролиз мочевины сопровождается образованием аммиака и углекислого газа, который распадается до карбонат-ионов и воды. Заканчивается процесс инъекцией, насыщенной кальцием, необходимым для осаждения кальцита.

На рис. 5 показано изменение pH в разные моменты времени. Повышение pH может наблюдаться при $t_2 = 39{,}52$ ч после инъекций, насыщенных мочевиной. После прекращения инъекций с мочевиной ($t_3 = 44{,}52$ и $t_4 = 52{,}52$ ч) pH снижается из-за осаждения кальцита. В конце моделирования в момент времени $t_5 = 66{,}90$ ч pH уменьшается, так как прекращаются диссоциация, осаждение кальцита, наблюдается только перемешивание жидкой фазы.

На рис. 6, *а* показано распределение массовой доли взвешенной биомассы в рассоле в конце моделирования. Увеличение содержания взвешенной биомассы видно вокруг трещины, но внутри трещины массовая доля взвешенной биомассы снижается из-за прикрепления микроорганизмов к твердотельной матрице и инъекции, не содержащей бактерии.

Схемы инъекции. Вводимые компоненты *k* представлены в виде [моль/моль] или [г/л]

Инъекция	Продолжи-тельность, ч	C_{Tot}, моль/моль	C^{Na+}, г/л	C^{Ca2+}, г/л	C^{u}, г/л	C^{NHTot}, г/л	C^{O_2}, г/л	C^{Cl-}, г/л	C^{s}, г/л	C^{b}, г/л
Промывание с бактерией	0,82	$3{,}9\cdot10^{-7}$	0,00379			3,184	0,008	3,184	3	0,04
Нет потока	15,7	0								
С мочевиной	12	$3{,}9\cdot10^{-7}$	0,00379		20	3,184	0,008	3,184	3	
Нет потока	11	0								
Промывание	1	$3{,}9\cdot10^{-7}$	0,00379			3,184	0,008	3,184	3	
С кальцием	12	$3{,}9\cdot10^{-7}$	0,00012	13,5072	20	3,184	0,008	3,184	3	
Нет потока	14,38	0								

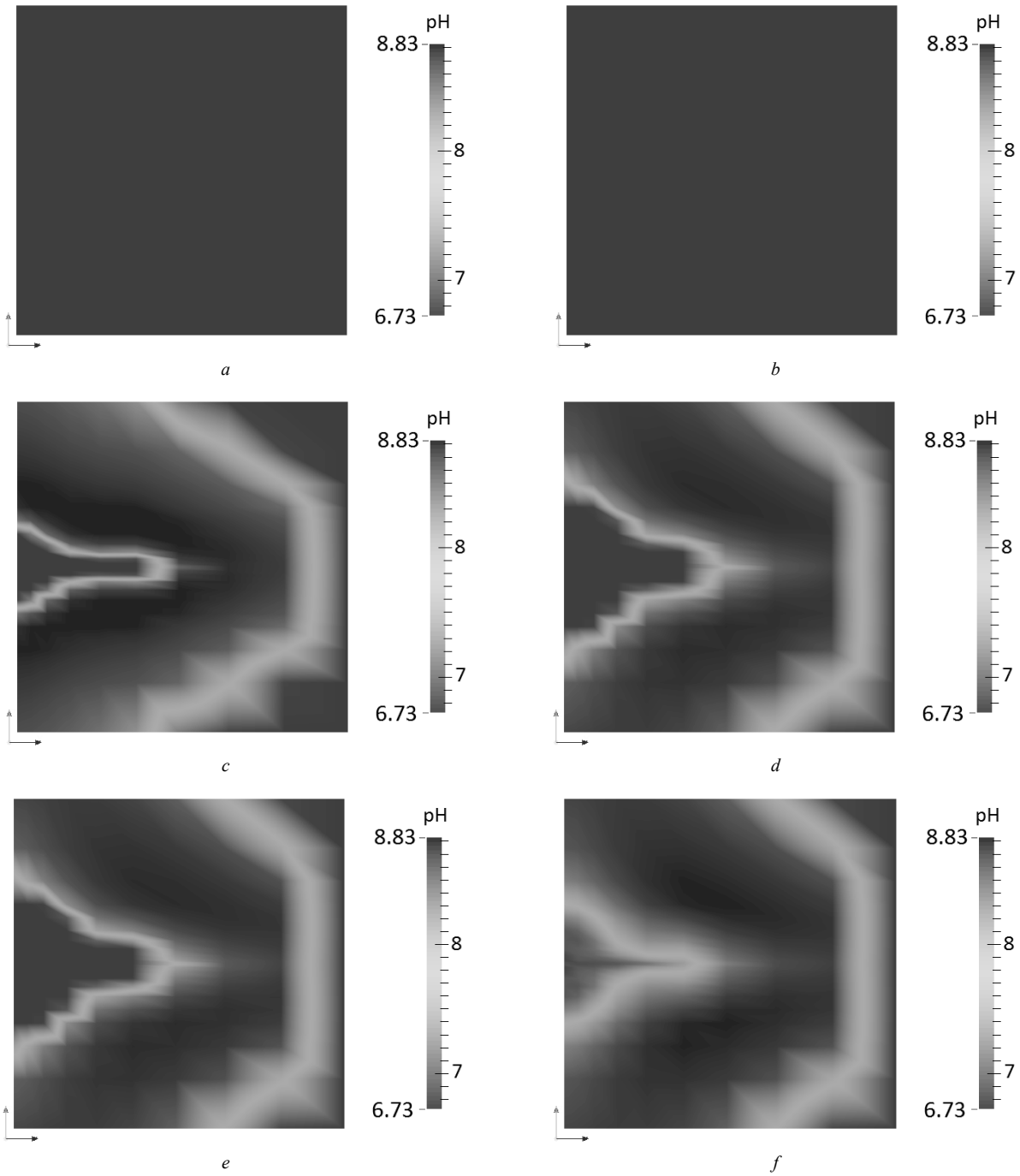

Рис. 5. Изменения pH: *a* – в начальный момент времени t_0 = 0 ч; *b* – после инъекции бактерий t_1 = 16,52 ч; *c* – после инъекций, насыщенных мочевиной, t_2 = 39,52 ч; *d* – в течение инъекций, насыщенных кальцием, t_3 = 44,52 ч; *e* – после инъекций с кальцием, t_4 = 52,52 ч; *f* – в конце моделирования t_5 = 66,90 ч

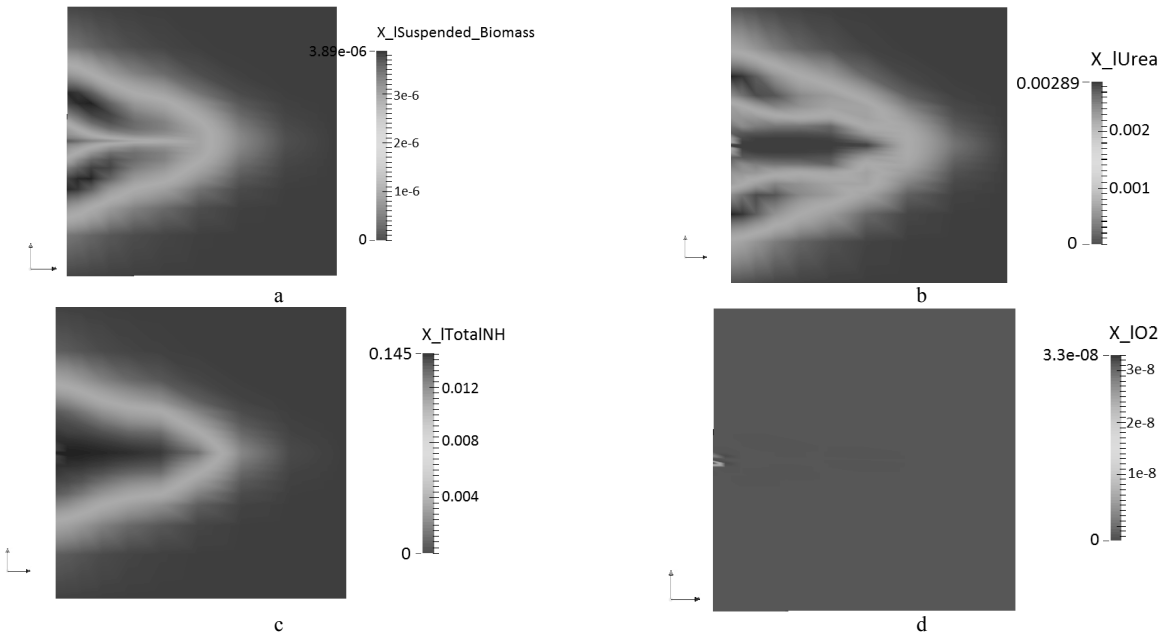

Рис. 6. Массовые доли: *a* – взвешенной биомассы; *b* – мочевины; *c* – общего азота; *d* – кислорода в жидкой фазе в конце моделирования MICP

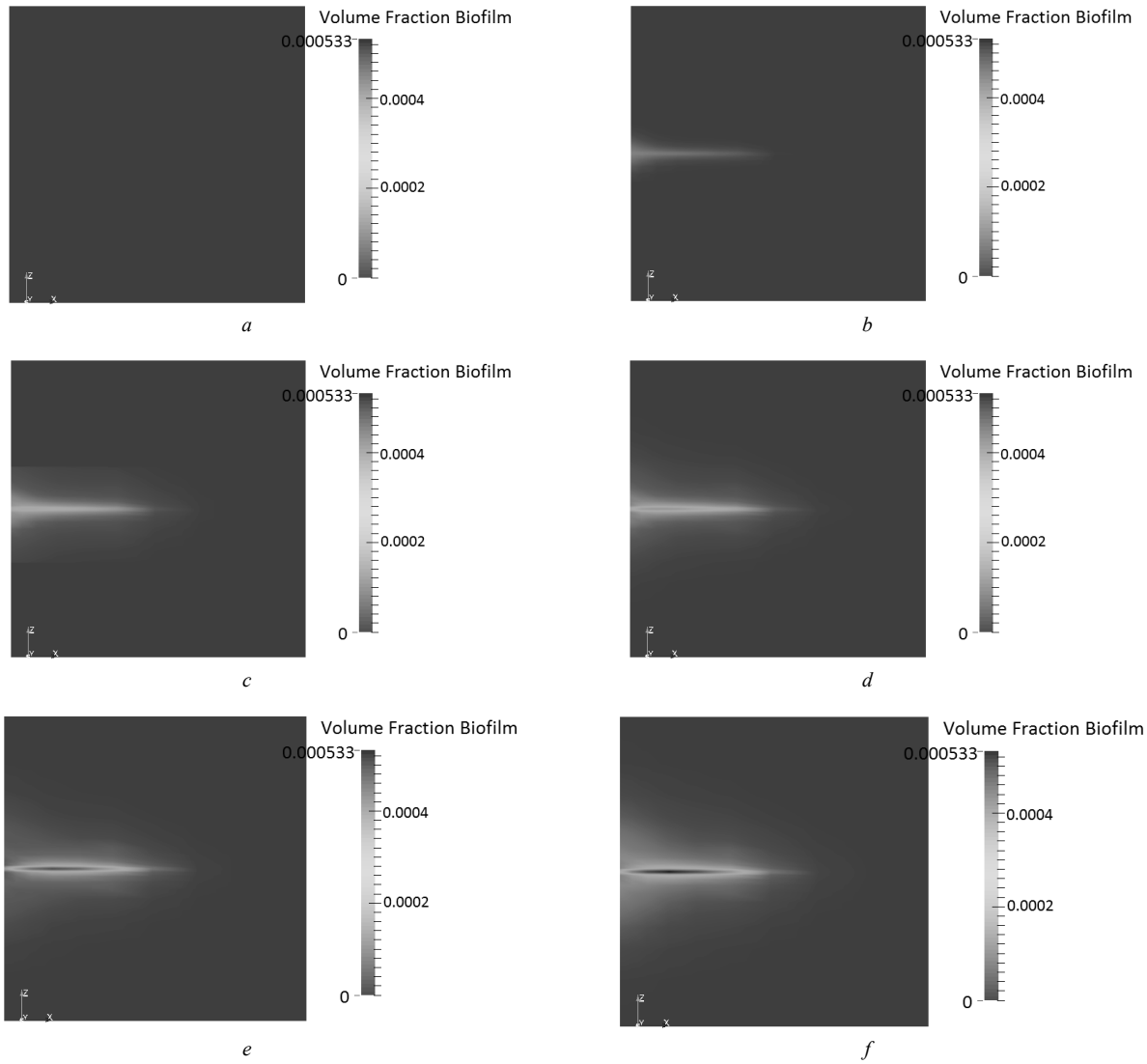

Рис. 7. Объемная доля биопленки в разное время: *a* – в начальный момент времени t_0 = 0 ч; *b* – после инъекции бактерий t_1 = 16,52 ч; *c* – после инъекций, насыщенных мочевиной, t_2 = 39,52 ч; *d* – в течение инъекций, насыщенных кальцием, t_3 = 44,52 ч; *e* – после инъекций, насыщенных кальцием, t_4 = 52,52 ч; *f* – в конце моделирования t_5 = 66,90 ч

После инъекций, насыщенных мочевиной, массовая доля мочевины уменьшается из-за его гидролиза. На рис. 6, *b* показано снижение мочевины в трещине в конце моделирования. Массовая доля общего азота состоит в основном из аммония, который образовался из-за протонирования аммиака при гидролизе мочевины, влияя на pH. Уменьшение массовой доли мочевины в системе приводит к увеличению NH_{Tot}, поэтому снижение массовой доли мочевины на рис. 6, *b* коррелирует с увеличением массовой доли NH_{Tot} на рис. 6, *c*. На рис. 6, *d* показано распределение массовой доли кислорода в рассоле. Количество кислорода в системе в конце моделирования практически равно нулю, это означает, что бактерии полностью потребили кислород.

Объемные доли биопленки и кальцита в разное время действия показаны на рис. 7 и 8. Объемная доля биопленки становится видимой при t_1 = 16,52 ч после инъекции бактерий. Бактерии присоединяются к твердым поверхностям и биопленке. Объемная доля биопленки с течением времени увеличивается и достигает максимального значения в конце моделирования на момент времени t_5 = 66,90 ч. Объемная доля кальцита появляется после инъекций, насыщенных кальцием t_3 = 44,52 ч. Она с течением времени увеличивается и достигает максимального значения в конце моделирования.

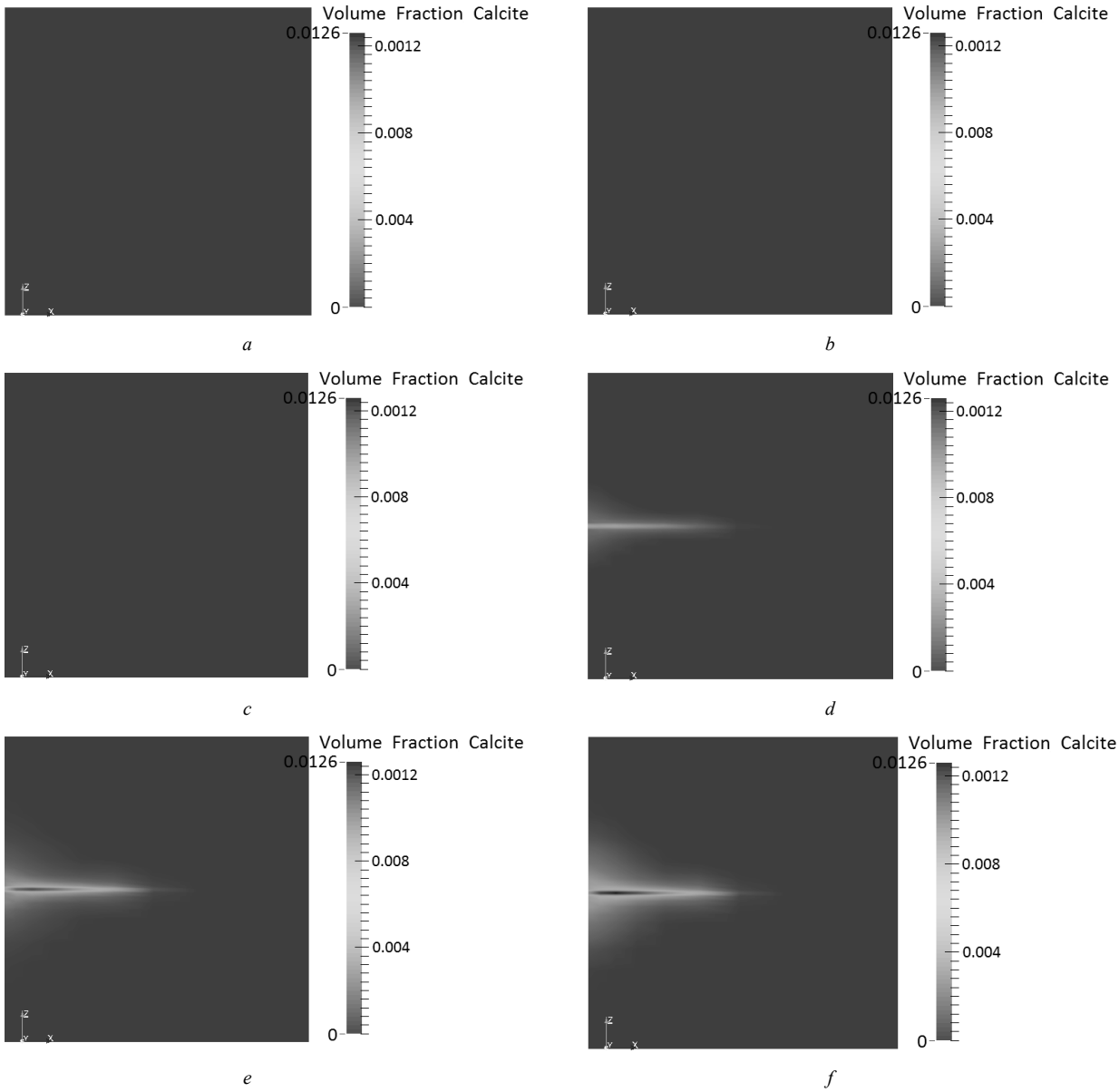

Рис. 8: Объемная доля кальцита в разное время действия: *a* – в начальный момент времени t_0 = 0 ч; *b* – после инъекции бактерий t_1 = 16,52 ч; *c* – после инъекций, насыщенных мочевиной, t_2 = 39,52 ч; *d* – в течение инъекций, насыщенных кальцием, t_3 = 44,52 ч; *e* – после инъекций, насыщенных кальцием, t_4 = 52,52 ч; *f* – в конце моделирования t_5 = 66,90 ч

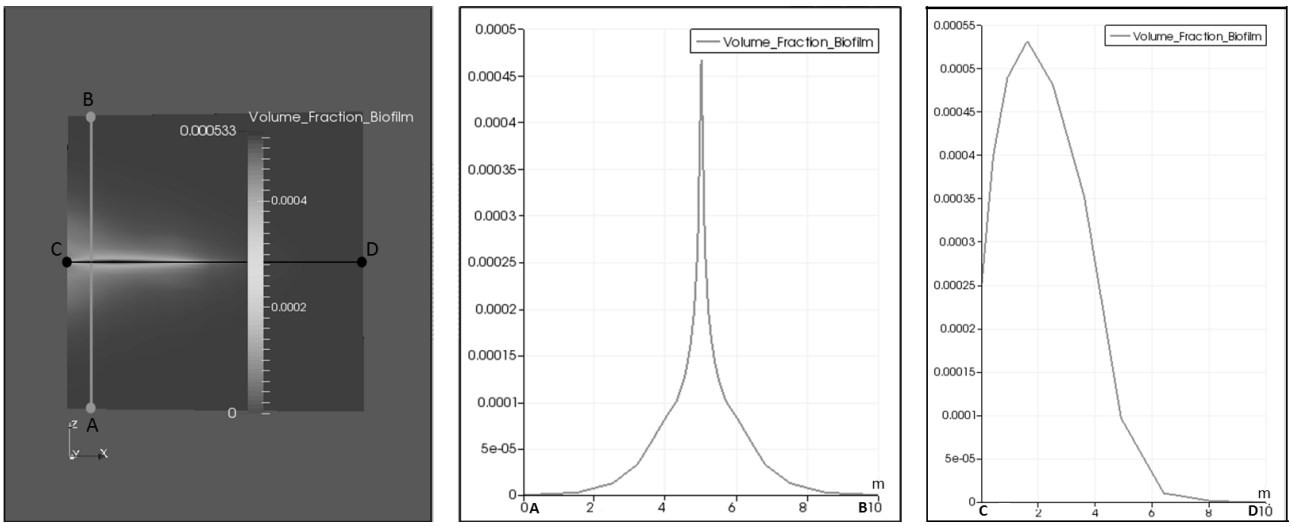

Рис. 9. Объемная доля биопленки в конце MICP моделирования (слева). Разрез по линии A–B перпендикулярно трещине (в середине) и разрез вдоль трещины C–D (справа)

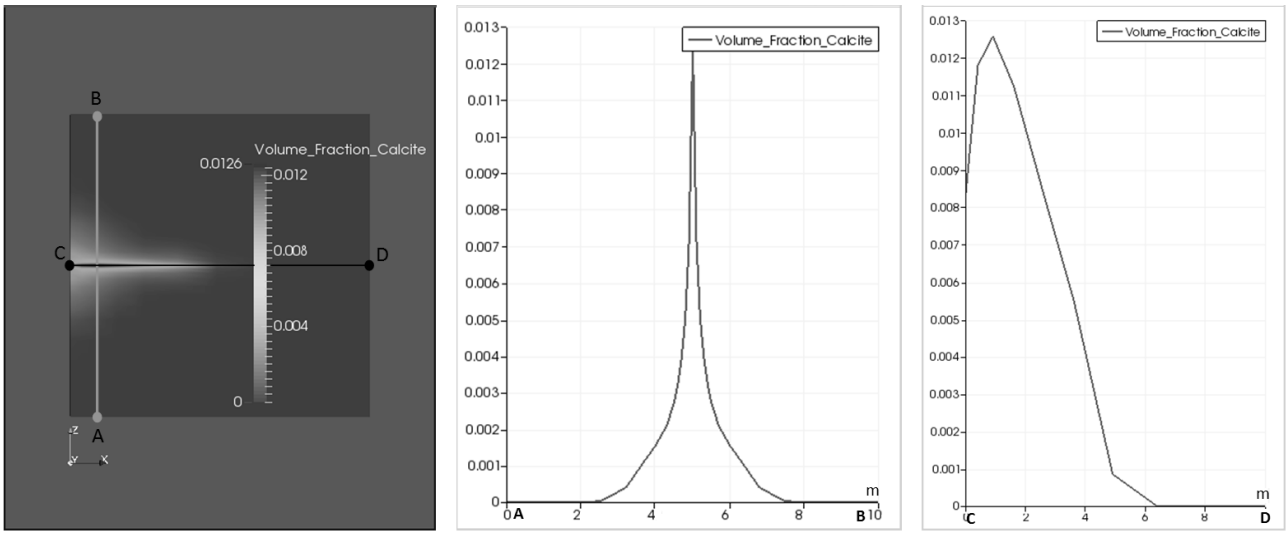

Рис. 10. Объемная доля кальцита в конце моделирования (слева). Разрез по линии A–B перпендикулярно к трещине (в середине) и разрез вдоль трещины C–D (справа)

Объемные доли биопленки и кальцита в конце моделирования показаны на рис. 9 и 10. Разрезы по линии A–B перпендикулярно трещине показывают разницу между объемными долями биопленки и кальцита в трещине и в окружающей породе. Наибольшее значение объемной доли биопленки находится на расстоянии 2 м от места инъекции (линия C–D). Самая высокая концентрация кальцита наблюдается на расстоянии 1 м от места инъекции (линия C–D). Максимальное значение объемных фракций не достигается в позиции инъекции из-за высокого давления, за счет которого вымываются внедряемые компоненты. Кроме того, из-за высокого градиента давления биопленки вблизи места инъекции отсоединяются от твердой фазы.

На рис. 11 показано уменьшение проницаемости во времени. Проницаемость начинает уменьшаться в течение инъекций, насыщенных кальцием, из-за осаждения карбоната кальция с t_3 = 44,52 ч. Максимальное снижение проницаемости наблюдается в конце моделирования.

Увеличение объемной доли кальцита коррелирует с уменьшением проницаемости (рис. 12). Разрез вдоль трещины (по линии C–D) показывает наименьшее значение проницаемости на расстоянии 1 м от места инъекции, которая соответствует позиции самого высокого значения объемной доли кальцита. Проницаемость снизилась почти на два порядка: от начального значения $K = 1{,}645 \cdot 10^{-2}$ м^2 до значения $K = 7{,}5 \cdot 10^{-14}$ м^2. В радиусе 3 м от места инъекции проницаемость уменьшается на порядок и равна $K = 2{,}5 \cdot 10^{-13}$ м^2, в радиусе 5 м проницаемость уменьшается в три раза, $K = 5{,}8 \cdot 10^{-13}$ м^2. Разрез по линии A–B показывает, что проницаемость горной породы уменьшается также в непосредственной близости от трещины от $K = 1{,}09 \cdot 10^{-14}$ до $K = 3{,}2 \cdot 10^{-15}$ м^2, из-за осаждения кальцита в горной породе.

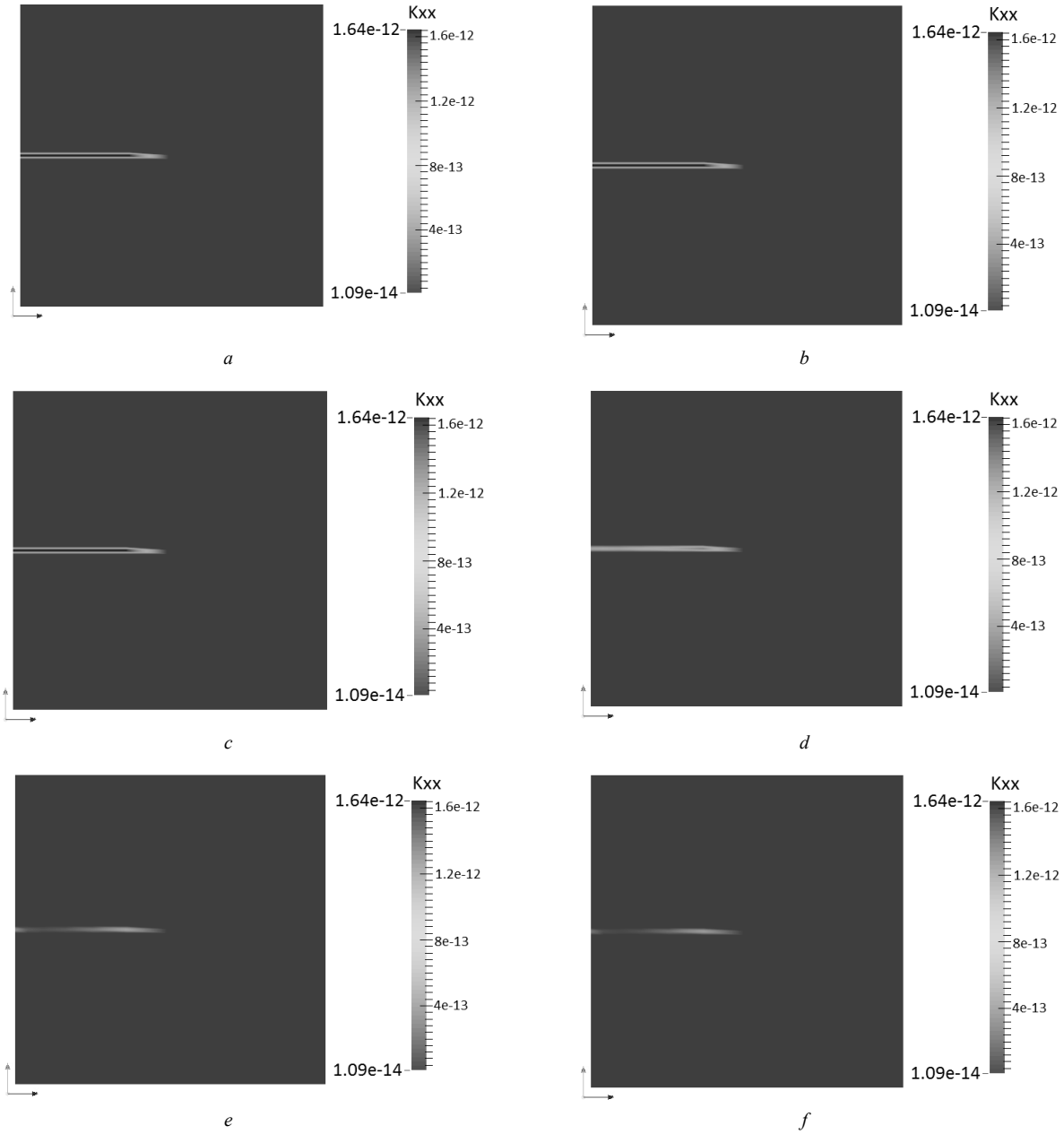

Рис. 11. Изменения проницаемости во времени: *a* – в начальный момент времени, t_0 = 0 ч; *b* – после инъекции бактерий, t_1 = 16,52 ч; *c* – после инъекций, насыщенных мочевиной, t_2 = 39,52 ч; *d* – в течение инъекций, насыщенных кальцием, t_3 = 44,52 ч; *e* – после инъекций, насыщенных кальцием, t_4 = 52,52 ч; *f* – в конце моделирования, t_5 = 66,90 ч

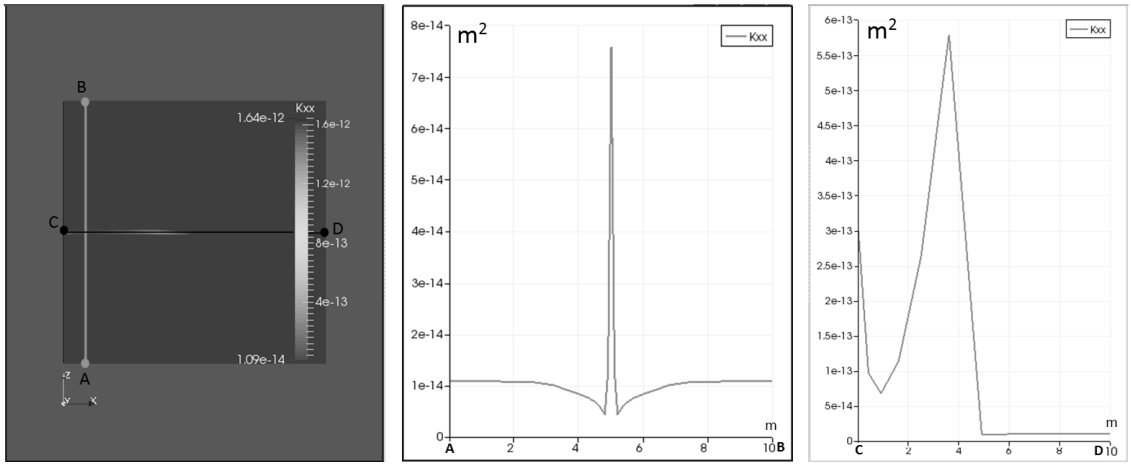

Рис. 12. Изменение проницаемости в конце MICP моделирования (слева). Разрез по линии A–B перпендикулярно к трещине (в середине) и разрез вдоль трещины C–D (справа)

Выводы. Технология MICP является возможным путем повышения безопасности хранения CO_2, но исследования этой методики полевыми экспериментами могут быть дорогими. Численное моделирование – это основной способ предсказать поведение системы. Представленное исследование сделано для оценки осаждения кальцита в натуральном масштабе. Моделирование проводилось с помощью 3D домена. По результатам моделирования показано, что проницаемость трещины может снизиться на порядок в радиусе 3 м и в 3 раза в радиусе 5 м от места инъекции. Максимально проницаемость снизилась на два порядка от начального значения. Моделирование показало хорошие результаты по снижению проницаемости трещины, что позволит избежать утечки CO_2 из хранилища, но эти результаты могут отличаться от экспериментальных измерений из-за введенных допущений. Для обеспечения точности и достоверности результатов MICP необходимо продолжить проверки существующей модели.

Идентификация различных технологических ограничений, таких как активность бактерий, скорость реакций, позволяют контролировать процесс MICP для его использования в геотехнической практике. Количество приложений MICP-технологий неуклонно возрастает в последние годы – от улучшения механических и фильтрационных свойств горных пород до иммобилизации тяжелых металлов и углекислого газа. Проведенные экспериментальные исследования, численное моделирование обеспечили значительный прогресс в понимании и контроле процесса MICP на объектах разного уровня, от микро до макро.

Дальнейшее развитие в этой области включает: оценку компонентов подземной экосистемы и их взаимодействие; картографирование и моделирование изменчивости структуры, состава горных пород и подземных вод, их динамики, а также бактериального разнообразия; совершенствование техники для мониторинга за процессом биоцементирования горных пород в режиме реального времени. Укрупнение задач требует обширных экспериментальных работ, тестирования гипотез благодаря присущей сложности природных систем. Экспериментальная работа должна быть дополнена строгими аналитическими решениями и численным моделированием для определения принципов управления природно-техногенной системой. Междисциплинарные исследования требуют большего взаимодействия между учеными и инженерами, формирования междисциплинарных рабочих групп и отделов. Последнее обстоятельство определяет подходы к подготовке специалистов нового поколения, способных использовать свой опыт и знания при работе в междисциплинарной команде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mitchell J.K., Santamarina J.C.* Biological considerations in geotechnical engineering // J. Geotech. Geoenviron. Eng. 2005. Vol. 131 (10). P. 1222–1233.
2. *DeJong J.T., Mortensen B., Martinez B.* Bio-soils interdisciplinary science and engineering initiative // Final Report on Workshop. 84 pp. Arlingon, VA, USA : National Science Foundation, 2007.
3. *DeJong J.T., Mortensen B.M., Martinez B.C., Nelson D.C.* Bio-mediated soil improvement // Ecol. Eng. 2010. Vol. 36 (2). P. 197–210.
4. *Ivanov V., Chu J.* Applications of microorganisms to geotechnical engineering for bioclogging and biocementation of soil in situ // Rev. Environ. Sci. Biotechnol. 2008. Vol. 7 (2). P. 139–153.
5. *Karatas I., Kavazanjian E., Rittmann B.E.* Microbially induced precipitation of calcite using pseudomonas denitrificans // 1st International Conference on Bio-Geo-Civil Engineering, Netherlands. June 23–25. 2008. P. 58–66.
6. *Ivanov V.* Microbial geotechniques. In Environmental microbiology for engineers. Boca Raton, FL, USA : CRC Press, 2010. P. 279–286.
7. *Seagren E.A., Aydilek A.H.* Biomediated geomechanical processes. In Environmental microbiology. 2nd edn / eds. by R. Mitchell and J.-D. Gu. Hoboken, NJ, USA : John Wiley & Sons, 2010. P. 319–348.
8. *Hata T., Tsukamoto M., Mori H., Kuwano R., Gourc J.P.* Evaluation of multiple soil improvement techniques based on microbial functions // Proc. GeoFrontiers 2011: Advances in Geotechnical Engineering. Dallas, TX : ASCE Geotechnical Special Publication, 2011. 211. P. 3945–3955.
9. *Martinez B.C.* Experimental and numerical upscaling of MICP for soil improvement. Doctoral dissertation, University of California. Davis, CA, USA, 2012.
10. *Cunningham A.B., Gerlach R., Spangler L., Mitchell A.C., Parks S., Phillips A.* Reducing the risk of well bore leakage of CO_2 using engineered biomineralization barriers // Energy Procedia. 2011. Vol. 4. P. 5178–5185.
11. *DeJong J.T. et al.* Biogeochemical processes and geotechnical applications: progress, opportunities and challenges // Géotechnique. 2013. Vol. 63, No. 4. P. 287–301.
12. *Van Paassen L.A., Ghose R., van der Linden T.J.M., van der Star W.R.L., van Loosdrecht M.C.M.* Quantifying biomediated ground improvement by ureolysis: large-scale biogrout experiment // ASCE J. Geotech. Geoenviron. Engng. 2010. Vol. 136, No. 12. P. 1721–1728.
13. *Stabnikov V., Naeimi M., Ivanov V., Chu J.* Formation of water-impermeable crust on sand surface using biocement // Cement Concrete Res. 2011. Vol. 41, No. 11. P. 1143–1149.
14. *Al Qabany A.* Microbial carbonate precipitation in soils. Doctoral dissertation. University of Cambridge, UK, 2011.
15. *Flemisch B., Darcis M., Erbertseder K., Faigle B., Lauser A., Mosthaf K., Muthing S., Nuske P., Tatomir A., Wolff M., Helmig R.* $DuMu^x$: DUNE for Multi-Phase, Component, Scale Physics, Flow and Transport in Porous Media // Advances in Water Resources. 2011. Vol. 34 (9). P. 1102–1112.
16. *Ebigbo A., Phillips A., Gerlach R., Helmig R., Cunningham A. B., Class H., Spangler L.H.* Darcy-scale modeling of microbially induced carbonate mineral precipitation in sand columns // Water Resources Research. 2012. Vol. 48 (7).

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 16 октября 2014 г.

NUMERICAL INVESTIGATION OF MICROBIALLY INDUCED CALCITE PRECIPITATION AND ITS INFLUENCE ON THE PERMEABILITY OF SOIL

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 252-262. DOI: 10.17223/15617793/389/42

Shigorina Elena G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elenashigorina@gmail.com

Strokova Ludmila A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: strokova@sibmail.com

Keywords: chemical properties; environmental engineering; remediation; soil stabilization; calcite precipitation; soil improvement; biocementation.

Microbially Induced Calcite Precipitation (MICP), a bio-mediated cementation process that improves the geotechnical properties of soils through the precipitation of calcium carbonate, is becoming a promising alternative to traditional soil improvement methods. This technology in recent years has been used in the production of building materials, construction of waterproof barriers, biofilm to prevent water leaks or pollutant leaks from storage. Other geotechnical applications currently being explored include cementation of sands to enhance bearing capacity and liquefaction resistance, soil erosion control and remediation of soil and groundwater impacted by metals and radionuclides. Challenges in bio-mediated ground modification include upscaling processes from the laboratory to the field, in situ monitoring of reactions, reaction products and properties, developing integrated biogeochemical and geotechnical models, management of treatment by-products, establishing the durability and longevity/reversibility of the process. MICP has been shown to increase soil stiffness, reduce permeability and increase shear strength in laboratory experiments. The current study presents the numerical model for microbially induced calcite precipitation predicting the reduction of permeability over time due to biomineralization in the fracture of rocks and prevention of leakage from CO_2 storage reservoirs. The results show the permeability of the fracture-layer can decrease by one order of magnitude in a radius of 3 meters and by the factor of 3 in a radius of 5 meters from injection position. The maximum reduction of permeability was nearly by two orders of magnitude from the initial value. Identification of different process limitations, such as bacterial activity and reaction rates, enables the control of MICP for its use in geotechnical engineering. The primary challenges in this area include assessment of subsurface ecosystems and their interaction with the available fluids and minerals, mapping and modelling of subsurface variability of pore structure, mineralogy, ground water flow and transport and bacterial diversity. Techniques for real-time monitoring require improvement. Upscaling requires extensive experimental work that is hypothesis-driven owing to the inherent complexity of natural systems. The experimental work must be complemented by rigorous analytical and numerical modelling to identify the first-order principles controlling the system. Interdisciplinary research requires greater interaction between scientists and engineers, formation of interdisciplinary work groups and departments.

REFERENCES

1. Mitchell J.K., Santamarina J.C. Biological considerations in geotechnical engineering. *J. Geotech. Geoenviron. Eng.*, 2005, vol. 131(10), pp. 1222-1233. DOI: 10.1061/(ASCE)1090-0241(2005)131:10(1222)
2. DeJong J.T., Mortensen B., Martinez B. *Bio-soils interdisciplinary science and engineering initiative. Final Report on Workshop*. Arlingon, VA, USA:National Science Foundation, 2007. 84 pp.
3. DeJong J.T., Mortensen B.M., Martinez B.C., Nelson D.C. Bio-mediated soil improvement. *Ecol. Eng.*, 2010, vol. 36(2), pp. 197-210. DOI: 10.1016/j.ecoleng.2008.12.029
4. Ivanov V., Chu J. Applications of microorganisms to geotechnical engineering for bioclogging and biocementation of soil in situ. *Rev. Environ. Sci. Biotechnol.*, 2008, vol. 7(2), pp. 139-153. DOI: 10.1007/s11157-007-9126-3
5. Karatas I., Kavazanjian E., Rittmann B.E. *Microbially induced precipitation of calcite using pseudomonas denitrificans*. 1st International Conference on Bio-Geo-Civil Engineering, Netherlands. June 23-25. 2008, pp. 58-66.
6. Ivanov V. *Microbial geotechniques*. In: *Environmental microbiology for engineers*. Boca Raton, FL, USA: CRC Press, 2010, pp. 279-286.
7. Seagren E.A., Aydilek A.H. *Biomediated geomechanical processes*. In: Mitchell R. and Hoboken J.-D. (eds.) *Environmental microbiology*. 2nd edition. Gu., NJ, USA: John Wiley & Sons, 2010, pp. 319-348.
8. Hata T., Tsukamoto M., Mori H., Kuwano R., Gourc J.P. Evaluation of multiple soil improvement techniques based on microbial functions. *GeoFrontiers*, 2011, 211, pp. 3945-3955. DOI: 10.1061/41165(397)403
9. Martinez B.C. *Experimental and numerical upscaling of MICP for soil improvement*. Doctoral dissertation, University of California. Davis, CA, USA, 2012.
10. Cunningham A.B., Gerlach R., Spangler L., Mitchell A.C., Parks S., Phillips A. Reducing the risk of well bore leakage of CO2 using engineered biomineralization barriers. *Energy Procedia*, 2011, vol. 4, pp. 5178-5185. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.02.495
11. DeJong J.T. et al. Biogeochemical processes and geotechnical applications: progress, opportunities and challenges. *Géotechnique,* 2013, vol. 63, no. 4, pp. 287-301. DOI: 10.1680/geot.SIP13.P.017
12. Van Paassen L.A., Ghose R., van der Linden T.J.M., van der Star W.R.L., van Loosdrecht M.C.M. Quantifying biomediated ground improvement by ureolysis: large-scale biogrout experiment. *ASCE J. Geotech. Geoenviron. Engng.*, 2010, vol. 136, No. 12, pp. 1721-1728. DOI: 10.1061/(ASCE)GT.1943-5606.0000382
13. Stabnikov V., Naeimi M., Ivanov V., Chu J. Formation of water-impermeable crust on sand surface using biocement. *Cement Concrete Res.*, 2011, vol. 41, no. 11, pp. 1143-1149. DOI: 10.1016/j.cemconres.2011.06.017
14. Al Qabany A. *Microbial carbonate precipitation in soils*. Doctoral dissertation. University of Cambridge, UK, 2011.
15. Flemisch B., Darcis M., Erbertseder K., Faigle B., Lauser A., Mosthaf K., Muthing S., Nuske P., Tatomir A., Wolff M., Helmig R. DuMux: DUNE for Multi-Phase, Component, Scale Physics, Flow and Transport in Porous Media. *Advances in Water Resources,* 2011, vol. 34 (9), pp. 1102-1112. DOI: 10.1016/j.advwatres.2011.03.007
16. Ebigbo A., Phillips A., Gerlach R., Helmig R., Cunningham A. B., Class H., Spangler L.H. Darcy-scale modeling of microbially induced carbonate mineral precipitation in sand columns. *Water Resources Research*, 2012, vol. 48(7). DOI: 10.1029/2011WR011714

Received: 16 Otober 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 263–267 DOI: 10.17223/15617793/389/43

БИОЛОГИЯ

УДК 633.111, 631.84

Т.П. Астафурова, С.А. Сучкова, М.А. Салаев, С.И. Михайлова, Л.Е. Одышева, А.А. Буренина

ВЛИЯНИЕ ГЛИКОЛУРИЛА НА ПРОДУКТИВНОСТЬ ЯРОВОЙ ПШЕНИЦЫ (*TRITICUM AESTIVUM* L.)

Работа выполнена по государственному заданию № 114040740044.

Изучено влияние азотсодержащего соединения – гликолурила ($C_4H_6N_4O_2$) – на продуктивность и качество зерна яровой пшеницы (Triticum aestivum L.) в условиях Западной Сибири. Показано, что локальное внесение гликолурила в почву (60 и 90 кг/га) увеличивает урожайность зерна на 22,5 и 26,8% соответственно. Содержание белка в зерне возрастает от 4,8 до 13,8%, клейковины – от 2,8 до 19,7%. Выявлено пролонгированное действие гликолурила на второй год после однократного его внесения в почву.

Ключевые слова: гликолурил; *Triticum aestivum* L.; урожайность зерна; структура урожая.

Введение. Пшеница является важнейшей продовольственной культурой в мире. Для максимального раскрытия генетического потенциала продуктивности современные сорта пшеницы требуют применения интенсивных технологий выращивания, которые включают внесение удобрений, и прежде всего азотных. Изучению эффективности внесенного и поглощенного растениями азота при формировании продуктивности сельскохозяйственных культур в зависимости от условий внешней среды, способов и форм внесения посвящено много работ [1–4]. Среди азотных удобрений наибольшее распространение получила мочевина, которая поступает как прямым путем, так и в аммонийной и нитратной форме после разложения. Мочевина и ряд ее производных являются быстродействующими удобрениями, которые могут оказывать влияние на общую кислотность почв, но характеризуются быстрой вымываемостью.

В настоящее время разрабатываются новые вещества и композиции, содержащие большое количество подконтрольно высвобождаемого азота, обладающие пролонгированным действием и позволяющие повысить доступность азота для растений [5–8]. К их числу относится гликолурил (ГЛ) – функциональное вещество, которое применяется в различных отраслях промышленности и народного хозяйства. Имеются данные о положительном влиянии гликолурила на урожайность некоторых культур (ежа сборная, сурепица яровая, свекла сахарная) [9–11]. В то же время остаются не выясненными дозы и способы внесения гликолурила под основные сельскохозяйственные культуры с учетом климатических условий возделывания.

Цель исследований – выявить влияние гликолурила на продуктивность и качество зерна яровой пшеницы в условиях Западной Сибири.

Материалы и методики исследований. Объектом исследования являлась пшеница яровая *Triticum aestivum* L. *var. lutescens* сорт Новосибирская 29 (оригинатор СибНИИ растениеводства и селекции). Сорт районирован по Западно-Сибирскому региону России с 2003 г. Гликолурил ($C_4H_6N_4O_2$) – белый или желтоватый порошок без запаха, массовая доля основного вещества не менее 97%, получен от ООО «Глиоксаль-Т» [12].

Полевые опыты проводили в 2010–2011 гг. на учебно-экспериментальном участке Сибирского ботанического сада Томского государственного университета, расположенном в подтаежной зоне Западной Сибири. Почва участка темно-серая лесная, среднеоподзоленная, по механическому составу среднесуглинистая: pH_{KCl} – 6,0, подвижные соединения P_2O_5 – 280, K_2O – 80 мг/кг, содержание гумуса – 3,2%. Предшественник – чистый пар. Обработку почвы, сроки посева, уход за культурой в период вегетации проводили в соответствии с агротехническими требованиями, рекомендуемыми для Западной Сибири. Опыты закладывали по стандартным методикам [13, 14] по схеме: контроль (без ГЛ); внесение ГЛ в почву (60 кг/га); внесение ГЛ в почву (90 кг/га). Гликолурил вносили в почву локально при посеве в рядки на глубину 5 см. Оценку пролонгированного действия гликолурила на пшеницу проводили методом наложения вариантов на второй год после внесения. Норма высева пшеницы 300 кг/га. Учетная площадь делянки – 10,0 м^2. Размещение вариантов рендомизированное. Повторность опытов трехкратная.

Погодные условия (температура и осадки) вегетационных периодов в годы проведения полевых опытов существенно различались. В 2010 г. осадков за вегетационный период (май – август) выпало 204,9 мм, эффективные температуры (выше +5°С) составили 2034,3°С, гидротермический коэффициент 1,23. В 2011 г. осадков выпало 303,3 мм, эффективные температуры составили 2473,9°С, гидротермический коэффициент – 1,50.

Химический состав зеленой массы пшеницы определяли в фазу восковой спелости согласно ГОСТам (52838-07, 13496.4-93, 52839-07, 26226-95, 26570-95, 13496.7-95). Содержание в зерне белка, клейковины и стекловидность определяли на инфракрасном спектрофотометре Инфралюм ФТ-10 (Россия) [15].

Для измерения интенсивности фотосинтеза и транспирации, а также устьичного сопротивления использовали портативный инфракрасный газоанализатор Li-6400, LI-COR (USA) с открытой системой.

Статистическую обработку результатов исследований проводили методом дисперсионного анализа [13] и с помощью пакета Statistica 6.1.

Результаты исследования и их обсуждение. Установлено положительное действие гликолурила на продуктивность яровой пшеницы во всех вариантах опыта. Отмечено значительное варьирование урожайности яровой пшеницы по годам в зависимости от погодных условий. Более равномерным распределением осадков характеризовался 2010 г., что привело к формированию высокой урожайности пшеницы, которая составила в контроле 48,6 ц/га (рис. 1). При внесении гликолурила в почву в дозе 60 и 90 кг/га урожайность пшеницы возросла на 2,4 и 0,8% соответственно. Урожайность достоверно увеличилась за счет таких элементов структуры урожая, как число продуктивных побегов, масса 1 000 штук семян.

В табл. 1 представлен анализ питательной ценности зеленой массы пшеницы. По основным показателям питательности в вариантах с внесением гликолурила в почву, как в сырой массе, так и в сухом веществе, отмечено увеличение содержания азота (до 20,3%), протеина (до 20,5%), клетчатки и золы (до 11,1%), а также переваримого протеина (до 36,5%).

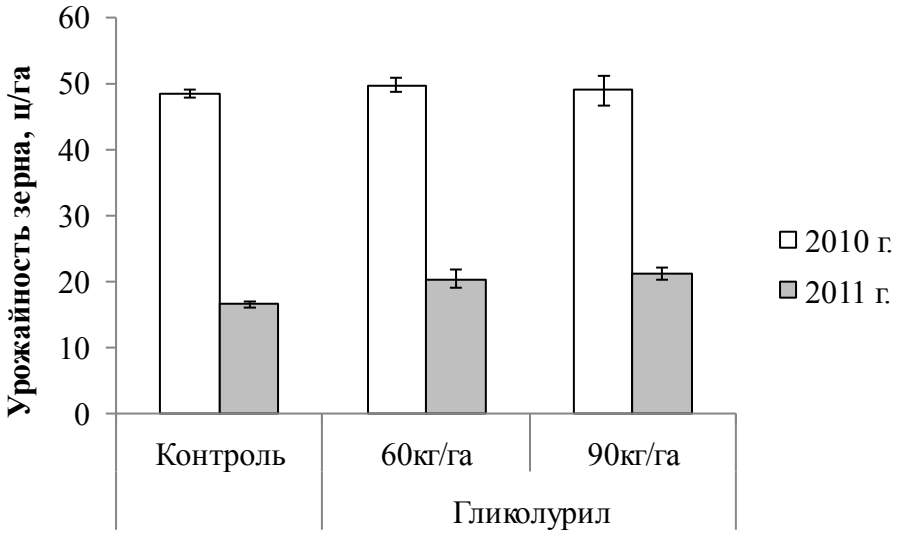

Рис. 1. Влияние гликолурила на урожайность зерна пшеницы, 2010–2011 гг.

Таблица 1

Химический состав и питательность зеленой массы пшеницы (в расчете на абсолютно-сухое вещество), 2010 г.

Показатель	Контроль	ГЛ 60 кг/га	ГЛ 90 кг/га
Протеин, %	9,2±0,4	9,6±0,4	11,1±0,5
Сырая клетчатка, %	20,2±1,9	22,4±2,1	22,5±2,1
Сырая зола, %	6,3±0,3	6,7±0,3	7,0±0,3
Каротин, мг	6,0±0,4	8,0±0,6	23,1±1,1
Переваримый протеин, г	52,0±3,1	55,1±4,4	71,0±6,1

Массовая доля каротина возросла почти в три раза. Увеличение всех показателей питательной ценности зеленой массы пшеницы под влиянием гликолурила свидетельствует об усвояемости вещества растениями в год внесения.

В экстремальных погодных условиях 2011 г. влияние гликолурила проявилось наиболее отчетливо, что подтверждает данные о положительной роли азотных удобрений в неблагоприятных условиях [16]. Недостаток увлажнения в фазу кущения, избыточное увлажнение в период налива и созревания зерна, а также сильное повреждение растений пшеницы шведской мухой (до 48%) отрицательно отразились на общей урожайности, которая снизилась почти в 3 раза по сравнению с предыдущим годом. Внесение гликолурила в почву в дозе 60 и 90 кг/га увеличило урожайность на 22,5 и 26,8% соответственно.

Изучение структуры урожая пшеницы показало, что параметры зерновой продуктивности в опыте достоверно превышали показатели контрольных растений, что, вероятно, связано с увеличением уровня азотного питания (рис. 2). Длина колоса увеличилась на 10,6–22,9%, масса колоса – на 20,0–40,0%, число зерен в колосе – на 22,3–32,7%, масса зерна в колосе – на 14,3–42,9%.

Установлено положительное действие гликолурила в год внесения на физиологические параметры развития растений. Во всех вариантах опыта с гликолурилом возрастает интенсивность фотосинтеза на 48,2–70,0%, устьичная проводимость – на 150,0–250%, интенсивность транспирации – на 53,8–82,1%, чистая продуктивность фотосинтеза – на 29,0–77,4% по сравнению с контролем [17].

Пролонгированное действие гликолурила выявляли на второй год после внесения его в почву (60 и 90 кг/га). В фазу колошения пшеницы отмечены достоверные различия по морфометрическим параметрам развития. Выявлена положительная тенденция к увеличению количества листьев (на 22,4–26,5%) и площади листовой поверхности (на 10,9–22,9%).

Результаты исследований показали, что наиболее сильно последействие гликолурила влияет на параметры зерновой продуктивности. Отмечено достоверное превышение по длине колоса (на 13,5–16,3%), массе колоса (12,1–39,3%), числу зерен в колосе (8,7–32,8 %), массе зерна в колосе (11,4–44,3%) и урожайности (16,5–25,1%) по сравнению с контролем (рис. 2).

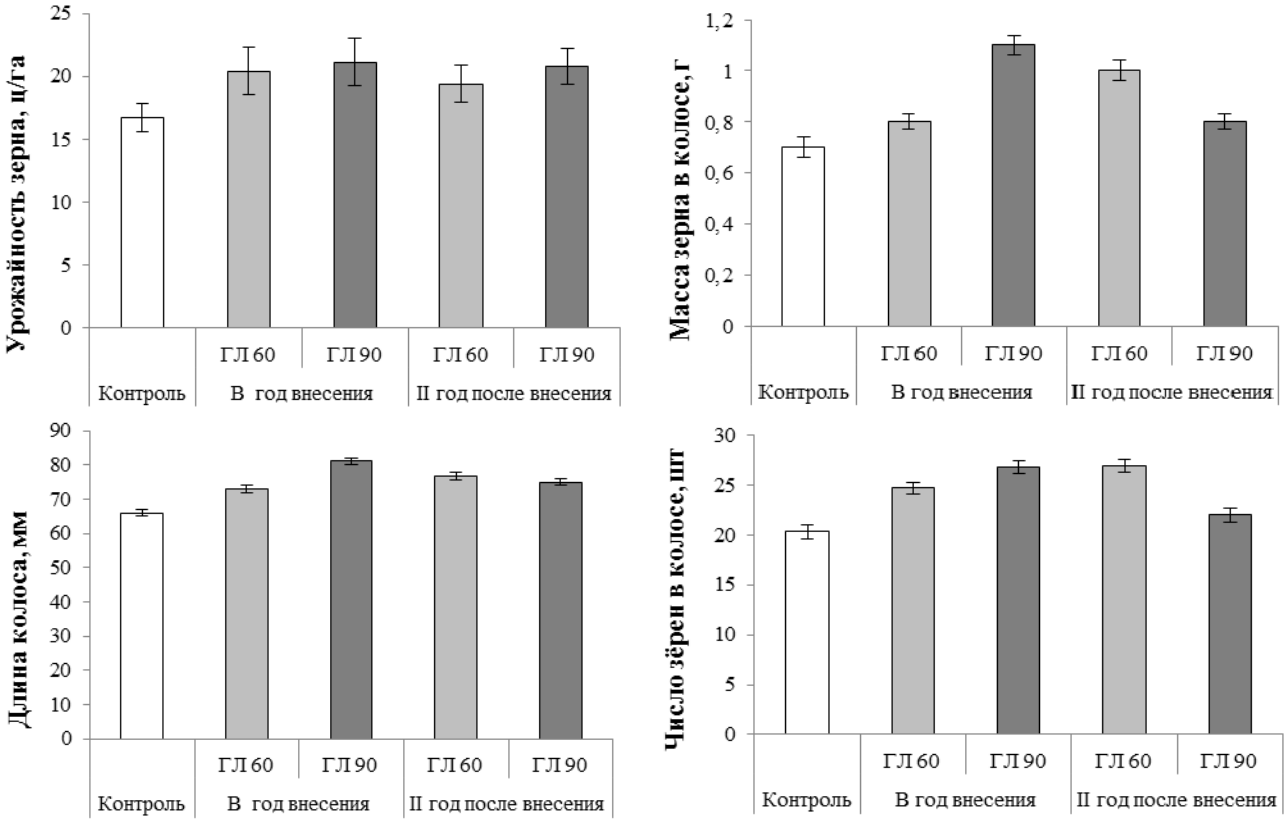

Рис. 2. Влияние гликолурила на структуру урожая пшеницы в 2011 г.

Последействие гликолурила положительно влияет и на физиологические процессы. В вариантах с гликолурилом увеличивается интенсивность фотосинтеза на 39,2–40,8%, устьичная проводимость – на 123,1–157,7% и транспирация – на 38,2–42,1% (табл. 2).

Таблица 2

Влияние последействия гликолурила на физиологические параметры урожая пшеницы 2011 г.

Параметр	Вариант опыта		
	Контроль	ГЛ 60 кг/га	ГЛ 90 кг/га
Интенсивность фотосинтеза, мкмоль/м^2	17,00±0,02	23,66±0,05	23,94±0,03
Устьичная проводимость, моль/м^2	0,26±0,002	0,67±0,004	0,58±0,02
Межклеточная концентрация CO_2, мкмоль/моль	251,60±0,92	287,35±0,51	276,40±0,37
Транспирация, ммоль/м^2	3,96±0,02	5,40±0,02	5,54±0,01

Полученные данные подтверждают сведения о том, что гликолурил при одноразовом внесении в почву способен длительное время сохранять свои свойства [9, 11]. Пролонгированное действие гликолурила может быть обусловлено многостадийностью процесса его ферментации, связанной с последовательным образованием ряда азотсодержащих гетероциклических соединений, способных оказывать положительный эффект на продукционный процесс пшеницы.

Известно, что содержание белка и сырой клейковины в зерне пшеницы зависит от поступления общего азота в растения в период вегетации [18]. Оценка технологических свойств зерна показала, что во всех вариантах опыта с гликолурилом отмечается повышение содержания сырого белка от 4,8 до 13,8%, клейковины – от 2,8 до 19,7% и стекловидности – на 6,0%.

Заключение. Выявлено положительное влияние гликолурила на продуктивность и качество зерна яровой пшеницы, возделываемой в условиях Томской области. Локальное внесение гликолурила в почву в дозах 60 и 90 кг/га увеличивает урожайность зерна пшеницы в год внесения на 22,5 и 26,8% соответственно.

По основным показателям питательности зеленой массы пшеницы в вариантах с внесением гликолурила в почву отмечено увеличение содержания азота (до 20,3%), протеина (до 20,5%), клетчатки и золы (до 11,1%), а также переваримого протеина (до 36,5%), что свидетельствует об усвояемости вещества растениями в год внесения.

Установлено пролонгированное действие гликолурила при возделывании пшеницы на второй год после однократного его внесения в почву. Урожайность зерна увеличивается от 16,5 до 25,1%. В вариантах с гликолурилом увеличивается интенсивность фотосинтеза на 39,2–40,8%, устьичная проводимость – на 123,1–157,7% и транспирация – на 38,2–42,1%. В зависимости от дозы вносимого гликолурила содержание белка в зерне пшеницы увеличивается от 4,8 до

13,8%, клейковины – от 2,8 до 19,7% и стекловидности – на 6,0%.

Учитывая положительное влияние гликолурила на продукционный процесс пшеницы, необходимо продолжить работы по его дальнейшему изучению с целью разработки рекомендаций по его использованию в зональных технологиях возделывания сельскохозяйственных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Madani A., Makarem A.H., Vazin F., Joudi M.* The impact of post-anthesis nitrogen and water availability on yield formation of winter wheat // Plant Soil Environ. 2012. Vol. 58. P. 9–14.
2. *Pal M., Rao L.S., Srivastava A.C., Jain V., Sengupta U.K.* Impact of CO_2 enrichment and variable nitrogen supplies on composition and partitioning of essential nutrients of wheat // Biol. Plant. 2003. Vol. 47. P. 227–231.
3. *Massoudifar O., Kodjouri F.D., Mohammadi G.N., Mirhadi M.J.* Effect of nitrogen fertilizer levels and irrigation on quality characteristics in bread wheat (*Triticum aestivum* L.) // Archives of Agronomy and Soil Science. 2014. Vol. 60. P. 925–934.
4. *Herrera J.M., Noulas C., Feil B., Stamp P., Liedgens M.* Nitrogen and genotype effects on root growth and root survivorship of spring wheat // J. Plant Nutr. Soil Ski. 2013. Vol. 176. P. 561–571.
5. *Ni B.L., Liu M.Z., Lu S.Y.* Multifunctional slow-release urea fertilizer from ethylcellulose and superabsorbent coated formulations // Chemical Engineering Journal. 2009. Vol. 155. P. 892–898.
6. *He X., Liao Z., Huang P., Duan J., Ge R., Li H., Geng Z.* Characteristics and Performance of Novel Water-Absorbent Slow Release Nitrogen Fertilizers // Agricultural Sciences in China. 2007. Vol. 6. P. 338–346.
7. *Fernandez-Escobar R., Benlloch M., Herrera E., Garcia-Novelo J.M.* Effect of traditional and slow-release N fertilizers on growth of olive nursery plants and N losses by leaching // Scientia Horticulturae. 2004. Vol. 101. P. 39–49.
8. *Shavit U., Shaviv A., Shalit G., Zaslavsky D.* Release characteristics of a new controlled release fertilizer // Journal of Controlled Release. 1997. Vol. 43. P. 131–138.
9. *Beaton J.D., Hubbard W.A., Speer R.C.* Coated urea, thiourea, urea-formaldehyde, hexamine, oxamide, glycoluril, and oxidized nitrogen-enriched coal as slow available sources of nitrogen for orchardgrass // Agronomy Journal. 1967. Vol. 59. P. 127–133.
10. *Last P.J., Draycott A.P., Webb D.J.* Effect of green manures on yield and nitrogen requirement of sugar beet // Journal of Agricultural Science. 1981. Vol. 97. P. 159–170.
11. *Shimizu T.* Glycoluril as a slow-release nitrogen fertilizer // Soil. Sci. Plant Nutr. 1987. Vol. 33. P. 291–298.
12. *Патент* на изобретение РФ №2439072 от 10.01.2012 «Способ получения 2,4,6,8-тетраазабицикло[3.3.0]октан-3,7-диона».
13. *Доспехов Б.А.* Методика полевого опыта. М. : Колос, 1985. 351 с.
14. *Методика* государственного сортоиспытания сельскохозяйственных культур. М., 1989. Вып. 2. 194 с.
15. *Зотикова А.П., Сучкова С.А., Березюк А.А.* Оценка сортов и гибридов яровой пшеницы в условиях Томской области // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2013. № 3. С. 52–58.
16. *Кошкин Е.И.* Физиология устойчивости сельскохозяйственных культур. М. : Дрофа, 2010. 638 с.
17. *Астафурова Т.П., Сучкова С.А., Михайлова С.И. Буренина А.А., Салаев М.А.* Влияние гликолурила на структурно-функциональные параметры яровой пшеницы (*Triticum aestivum* L.) // Материалы Международной научной конференции и школы молодых ученых «Физиология растений – теоретическая основа инновационных агро- и фитобиотехнологий». Калининград : Аксиос, 2014. Ч. II. С. 46–48.
18. *Завалин А.А., Пасынков А.В., Лекомцев П.В.* Влияние уровня азотного питания и азотофиксирующих препаратов на формирование продуктивности пшеницы и гороха в чистых и смешанных посевах // Агрохимия. 2003. № 9. С. 26–36.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 27 октября 2014 г.

THE EFFECT OF GLYCOLURIL ON THE PRODUCTIVITY OF SPRING WHEAT (*TRITICUM AESTIVUM* L.)

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 263-267. DOI: 10.17223/15617793/389/43

Astafurova Tat'yana P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sbg125@yandex.ru
Suchkova Svetlana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suchkova.s.a@mail.ru
Salaev Mikhail A. Glyoxal-T Ltd. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glyoxal-ltd@yandex.ru
Mikhaylova Svetlana I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mikhailova.si@yandex.ru
Odysheva Lyudmila E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glyoxal-ltd@yandex.ru
Burenina Anastasiya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: baa888@mail.ru

Keywords: *Triticum aestivum* L.; glycoluril; grain yield; yield structure.

The spring wheat *Triticum aestivum* L. *var. Lutescens*, Novosibirskaya-29 breed was taken for the investigation (the originator was Siberian Research Institute of Crop Research and Selection). Glycoluril ($C_4H_6N_4O_2$) is a slow-release nitrogen fertilizer (glycoluril assay was > 97 %), it was purchased from Glyoxal-T Ltd. The scheme of the field tests included control (no glycoluril used), application of glycoluril to soil (60 kg/ha), application of glycoluril to soil (90 kg/ha). Estimation of prolonged action of glycoluril on the wheat was carried out by superimposition of variants at the second year after application. To measure the photosynthetic and transpiration rates a portable infrared gas analyzer Li-6400 (LI-COR, Inc., USA) with opened system was used. The content of protein and fibrin in grains as well as their vitreousness were determined using Infralum FT-10 (Lumex Ltd., Russia). The chemical composition of the wheat herbage was determined in a wax stage according to Russian state standards (52838-07, 13496.4-93, 52839-07, 26226-95, 26570-95, 13496.7-95). A positive effect of glycoluril on the productivity and quality of spring wheat grains was revealed. Local application of glycoluril to soil in doses of 60 and 90 kg/ha increased the crop productivity of wheat in the year of application by 22.5 and 26.8 %, respectively. An increase of the main parameters of nutritional value of wheat herbage, namely, increase in nitrogen content (up to 20.3 %), protein (up to 20.5 %), fibrin and leach (up to 11.1 %) as well as digested protein (up to 36.5 %) was found. This evidences on the accessibility of glycoluril by the plants at the year of application. Prolonged action of glycoluril at the second year after single application to soil was stated. The crop productivity raised from 16.5 to up to 25.1 %, photosynthetic rate by 39.2 – 40.8 %, stomatal conductance by 123.1 – 157.7 %, and transpiration by 38.2 – 42.1 %. An increase of protein content from 4.8 to up to 13.8 %, fibrin from 2.8 to up to 19.7 % and vitreousness by 6.0 % was found for all tests. Glycoluril has the strongest impact on the parameters of wheat productivity.

REFERENCES

1. Madani A., Makarem A.H., Vazin F., Joudi M. The impact of post-anthesis nitrogen and water availability on yield formation of winter wheat. *Plant Soil Environ.*, 2012, vol. 58, pp. 9-14.
2. Pal M., Rao L.S., Srivastava A.C., Jain V., Sengupta U.K. Impact of CO2 enrichment and variable nitrogen supplies on composition and partitioning of essential nutrients of wheat. *Biol. Plant.*, 2003, vol. 47, pp. 227-231. DOI: 10.1023/B:BIOP.0000022256.60122.fc
3. Massoudifar O., Kodjouri F.D., Mohammadi G.N., Mirhadi M.J. Effect of nitrogen fertilizer levels and irrigation on quality characteristics in bread wheat (Triticum aestivum L.). *Archives of Agronomy and Soil Science,* 2014, vol. 60, pp. 925-934. DOI: 10.1080/03650340.2013.856004
4. Herrera J.M., Noulas C., Feil B., Stamp P., Liedgens M. Nitrogen and genotype effects on root growth and root survivorship of spring wheat. *J. Plant Nutr. Soil Sci.*, 2013, vol. 176, pp. 561-571. DOI: 10.1002/jpln.201100334
5. Ni B.L., Liu M.Z., Lu S.Y. Multifunctional slow-release urea fertilizer from ethylcellulose and superabsorbent coated formulations. *Chemical Engineering Journal*, 2009, vol. 155, pp. 892-898. DOI: 10.1016/j.cej.2009.08.025
6. He X., Liao Z., Huang P., Duan J., Ge R., Li H., Geng Z. Characteristics and Performance of Novel Water-Absorbent Slow Release Nitrogen Fertilizers. *Agricultural Sciences in China,* 2007, vol. 6, pp. 338-346. DOI: 10.1016/S1671-2927(07)60054-6
7. Fernandez-Escobar R., Benlloch M., Herrera E., Garcia-Novelo J.M. Effect of traditional and slow-release N fertilizers on growth of olive nursery plants and N losses by leaching. *Scientia Horticulturae,* 2004, vol. 101, pp. 39-49. DOI: 10.1016/j.scienta.2003.09.008
8. Shavit U., Shaviv A., Shalit G., Zaslavsky D. Release characteristics of a new controlled release fertilizer. *Journal of Controlled Release*, 1997, vol. 43, pp. 131-138. DOI: 10.1016/S0168-3659(96)01478-2
9. Beaton J.D., Hubbard W.A., Speer R.C. Coated urea, thiourea, urea-formaldehyde, hexamine, oxamide, glycoluril, and oxidized nitrogen-enriched coal as slow available sources of nitrogen for orchardgrass. *Agronomy Journal*, 1967, vol. 59, pp. 127-133. DOI: 10.2134/agronj1967.00021962005900020001x
10. Last P.J., Draycott A.P., Webb D.J. Effect of green manures on yield and nitrogen requirement of sugar beet. *Journal of Agricultural Science*, 1981, vol. 97, pp. 159-170. DOI: 10.1017/S002185960003598X
11. Shimizu T. Glycoluril as a slow-release nitrogen fertilizer. *Soil. Sci. Plant Nutr.*, 1987, vol. 33, pp. 291-298. DOI: 10.1080/00380768.1987.10557574
12. The patent for the invention RF №2439072 of 10.01.2012 “A method for producing 2,4,6,8-tetraazabicyclo [3.3.0]octane-3,7-dione”. (In Russian).
13. Dospekhov B.A. *Metodika polevogo opyta* [Technique of field experience]. Moscow: Kolos Publ., 1985. 351 p.
14. *Metodika gosudarstvennogo sortoispytaniya sel'skokhozyaystvennykh kul'tur* [Methods of state trials of crop variety]. Moscow, 1989. Issue 2. 194 p.
15. Zotikova A.P., Suchkova S.A., Berezyuk A.A. Otsenka sortov i gibridov yarovoy pshenitsy v usloviyakh Tomskoy oblasti [Evaluation of varieties and hybrids of spring wheat in the conditions of Tomsk Oblast]. *Sibirskiy vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*, 2013, no. 3, pp. 52-58.
16. Koshkin E.I. *Fiziologiya ustoychivosti sel'skokhozyaystvennykh kul'tur* [Physiology of sustainability of crops]. Moscow: Drofa Publ., 2010. 638 p.
17. Astafurova T.P., Suchkova S.A., Mikhaylova S.I. Burenina A.A., Salaev M.A. [Influence of glycoluril on structural and functional parameters of spring wheat (Triticum aestivum L.)]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii i shkoly molodykh uchenykh “Fiziologiya rasteniy - teoreticheskaya osnova innovatsionnykh agro- i fitobiotekhnologiy”* [Proceedings of the International Conference and Young Scientists School “Plant physiology - the theoretical basis of innovative agricultural and phytobiotehnology”]. Kaliningrad: Aksios, 2014. Pt. II, pp. 46-48. (In Russian).
18. Zavalin A.A., Pasynkov A.V., Lekomtsev P.V. Vliyanie urovnya azotnogo pitaniya i azotofiksiruyushchikh preparatov na formirovanie produktivnosti pshenitsy i gorokha v chistykh i smeshannykh posevakh [Influence of level of nitrogen nutrition and nitrogen-fixing agents on the formation of the productivity of wheat and pea in pure and hybrid crops]. *Agrokhimiya*, 2003, no. 9, pp. 26-36.

Received: 27 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 268–274 DOI: 10.17223/15617793/389/44

УДК 630*164.4:581.143:581.132

А.П. Зотикова, Г.В. Васильева, О.Г. Бендер

ФОТОСИНТЕТИЧЕСКИЕ И ДЫХАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ХВОЕ КЕДРА СИБИРСКОГО, КЕДРОВОГО СТЛАНИКА И ГИБРИДОВ МЕЖДУ НИМИ

Работа выполнена при финансовой поддержке программы ФНИ VI.52.2.6. «Структура разнообразия в экосистемах бореальных лесов: взаимодействие и сопряженные трансформации компонентов», интеграционного проекта СО РАН № 140 и гранта РФФИ № 13-04-01649.

Проведено сравнительное исследование фотосинтетических и дыхательных процессов у кедра сибирского (*Pinus sibirica* Du Tour), кедрового стланика (*Pinus pumila* (Pall.) Regel) и их естественных гибридов. Показано, что хвоя кедрового стланика текущего года содержала меньше хлорофиллов и каротиноидов по сравнению с кедром сибирским. Подобная закономерность наблюдалась при исследовании функциональной активности изолированных хлоропластов на уровне фотосистемы II, т.е. скорость реакции Хилла у кедрового стланика была ниже, чем у кедра сибирского. По фотосинтетическим параметрам гибриды разделились на две группы, одна из которых проявила большее сходство с кедром сибирским, другая – с кедровым стлаником. Скорость темновой эмиссии CO_2 и активность НАД-зависимой малатдегидрогеназы, т.е. процессов, связанных с дыханием, наоборот, были выше у кедрового стланика по сравнению с кедром сибирским. По дыхательным параметрам исследованные гибриды имели показатели, близкие к кедровому стланику. Полученные результаты обсуждаются с точки зрения физиолого-биохимических особенностей хлоропластов и митохондрий у исследованных видов и их гибридов.

Ключевые слова: *Pinus sibirica* Du Tour; *Pinus pumila* (Pall.) Regel; гибриды; фотосинтетические пигменты; функциональная активность хлоропластов; темновое дыхание; активность малатдегидрогеназы.

Введение

Явление естественной гибридизации широко распространено в растительном мире и играет важную роль в эволюции видов [1]. Большинство генных взаимодействий при гибридизации оказываются неблагоприятными или нейтральными, однако небольшая доля чужеродных генов благоприятно взаимодействует друг с другом, что может обеспечить дальнейшую эволюцию гибридного таксона [2]. Гибриды, как правило, обладают большей генетической изменчивостью и в связи с этим имеют больший эволюционный потенциал, чем родительские виды, благодаря объединению двух сильно различающихся генотипов [3]. Успешное приспособление гибридных особей к конкретным условиям существования проявляется как на морфологическом [4], так и на физиологическом [5–7] уровнях.

Среди трех видов пятихвойных сосен (секция Quinquefoliae, подрод Strobus), обитающих на территории России, гибридизация отмечена между кедром сибирским (*Pinus sibirica* Du Tour) и кедровым стлаником (*Pinus pumila* (Pall.) Regel) [8]. Ареал кедра сибирского простирается от Северного Урала на западе до водоразделов Лены и Амура на востоке. Северная граница ареала проходит по р. Игарка в низовьях р. Енисей, на юге граница доходит до верховий р. Орхон в Монголии. Кедровый стланик распространен по всей Восточной Сибири и Дальнему Востоку. Ареалы обоих видов перекрываются в Прибайкалье и Забайкалье. Именно здесь впервые были отмечены естественные гибриды между кедром и стлаником [8]. Кедр и стланик являются экологически различными видами. Кедр сибирский не выносит холодных почв, его северная и восточная границы совпадают с юго-западной границей распространения вечно мерзлотных грунтов. На территории Восточной Сибири кедровые леса являются типичным элементом растительности горно-долинного ландшафта среднего и нижних поясов горных систем, климат которых можно охарактеризовать как умеренно холодный и достаточно влажный [9]. Кедровый стланик существует в области особо резко континентального климата северо-востока Азии, совпадающей с зоной вечной мерзлоты. На горных поднятиях в пределах ареала *P. pumila* образует густые заросли в подгольцовом поясе [10]. Кедр сибирский и кедровый стланик также имеют различную жизненную форму. *P. sibirica* – прямостоячее дерево, *P. pumila* существует в виде стелющегося древесного растения, поэтому стратегия выживания этих видов отличается и реализуется в первую очередь через особенности протекания физиологических процессов. Гибриды отличаются от родительских видов промежуточной формой роста, они не стелятся как кедровый стланик, а их ствол обычно искривлен в комлевой части и отклоняется от вертикали. Шишки гибридов по цвету похожи на шишки кедра сибирского, такие же фиолетовые, по размеру они мельче, чем у кедра сибирского, но крупнее, чем у кедрового стланика [8].

Исследования физиологических особенностей кедра сибирского, кедрового стланика и их гибридов немногочисленны. Например, ранее были показаны значительные отличия состояния пигментного фонда и водного режима хвои кедра сибирского, кедрового стланика и их гибридов в зимний период [11]. Известно, что процессы роста, а в конечном счете и продуктивности, заложенные в генотипе, большей частью ограничиваются их энергетическими возможностями, которые зависят от фотосинтетической и дыхательной деятельности [12]. Цель данной работы состояла в сравнительном исследовании ряда показателей, характеризующих фотосинтез и темновое дыхание хвои, у кедра сибирского, кедрового стланика и их естественных гибридов.

Материалы и методики исследования

Исследования проводили на стационаре «Кедр» Института мониторинга климатических и экологиче-

ских систем СО РАН (56°13' с.ш., 84°51' в.д., 78 м над ур. м., юго-восток Западно-Сибирской равнины, южная тайга). Объектом исследования служили кедр сибирский, кедровый стланик и их естественные гибриды, представленные привоями на местный экотип кедра сибирского. Возраст прививок у исследованных видов и гибридов составлял 10 лет. Местом происхождения материнских деревьев был северный макросклон хребта Хамар-Дабан (Забайкалье). Гибриды отличаются от родительских видов промежуточной формой роста, они не стелятся, как кедровый стланик, а их ствол обычно искривлен в комлевой части и отклоняется от вертикали. Шишки гибридов по цвету похожи на шишки кедра сибирского, такие же фиолетовые, по размеру они мельче, чем у кедра сибирского, но крупнее, чем у кедрового стланика. В работе было использовано по 3 клона видов и 4 клона гибридов. Для исследования активности малатдегидрогеназы использовали активно растущие почки, для всех остальных анализов проводили сбор хвои текущего года в конце июля, когда фотосинтетический аппарат полностью сформировался.

Для характеристики фотосинтеза были выбраны два показателя: содержание фотосинтетических пигментов и скорость фотовосстановления феррицианида калия изолированными хлоропластами (реакция Хилла). Количество хлорофиллов *a* и *b*, а также сумму каротиноидов определяли спектрофотометрическим методом (спектрофотометр UV-1601PC «Shimadzu», Япония) в этиловом спирте при длинах волн 665, 649, 440,5 нм соответственно, в одной вытяжке без их предварительного разделения [13].

Выделение хлоропластов проводили при температуре 2–4°С путем растирания хвои в среде следующего состава: 0,05 М Трис-НС1-буфер pH 8,0; 0,4 М сахароза; 1 мМ ЭДТА; 1 мМ $MgCl_2$; 0,5%-ный бычий альбумин [14]. Фотосинтетическую активность хлоропластов определяли спектрофотометрическим методом по скорости фотовосстановления феррицианида калия. Реакцию проводили в одинаковой реакционной среде при равном содержании хлорофилла в кювете. Реакционная среда содержала: 100 мкМ трис, pH 7,4; 10 мкМ NaCl; 10 мкМ $MgCl_2$; 3 мкМ $K_3Fe(CN)_6$; 4 мкМ АДФ; 10 мкМ KH_2PO_4 [15]. Реакции измеряли при освещении кюветы белым светом интенсивностью 150 Вт/м^2.

Изучение дыхательных процессов хвои включало в себя исследование эмиссии CO_2 при темновом дыхании хвои и анализ активности НАД-зависимой малатдегидрогеназы. Измерение эмиссии CO_2 проводили на лазерном оптико-акустическом газоанализаторе в затемненных камерах. Образцы хвои (навеска 10 г) помещали в затемненную герметичную емкость объемом 0,5 л, заполненную воздухом. После темновой экспозиции хвои в течение 1, 2 и 3 ч проводили забор газа из емкости и продувку им измерительной ячейки газоанализатора. Методика проведения экспериментов подробно описана в наших предыдущих публикациях [16, 17].

Выделение митохондрий проводили при температуре 2–4°С при центрифугировании гомогената при 16 тыс. оборотов в минуту с использованием рефрижераторной центрифуги К–24 (ГДР). Среда выделения содержала 0,05 М трис-HCl буфер, pH 7,8; 5 мМ аскорбат натрия, 3 мМ цистеин, 1 мМ хлористый магний и 5 мМ дитиотрейтол [18]. Определение активности НАД-зависимой малатдегидрогеназы проводили в среде: 0,05 М трис-HCl буфер, pH 9,1; 1,93 М малат натрия и 11 мМ НАД [19]. Содержание белка определяли по Лоури в параллельной пробе хвои, не содержащей дитиотрейтол [20]. Для анализа активности фермента использовали почки, так как добиться измерения активности данного фермента в сформировавшейся хвое не удалось из-за значительного содержания в ней терпенов, смол, флавоноидов.

В таблицах и на рисунках приведены средние арифметические значения и стандартные отклонения. Для видов указаны средние значения, полученные для разных клонов. Поскольку гибриды между собой сильно различались, то их клоны рассматривались и сравнивались с видами каждый отдельно. Среднее значение для клонов высчитывалось на основании 4–6 аналитических повторностей. Значимость различий оценивали по критерию Стьюдента, критический уровень значимости приняли равным 0,05. Разными буквами отмечены значимые различия между вариантами. Статистическая обработка полученных данных и построение графиков выполнены в программе Microsoft Excel.

Результаты исследования и обсуждение

Состояние фотосинтетических пигментов хвои древесных растений является одним из важных показателей функционирования фотосинтетического аппарата. Проведенные исследования показали, что содержание хлорофилла *a* в хвое текущего года у кедрового стланика было достоверно ниже, чем у кедра сибирского, количество же хлорофилла *b* и соотношение хлорофиллов *a*/*b* отличалось у данных видов незначительно (табл. 1). Отличия в содержании каротиноидов исследованных видов были более значительными, кедровый стланик содержал на 38% меньше данных пигментов, чем кедр сибирский. Отношение же Хл *a* + *b* / каротиноиды у кедрового стланика было выше в основном за счет снижения доли каротиноидов в пигментном комплексе хлоропластов. Пигментный фонд гибридов количественно варьировал, тем не менее можно было выделить две группы клонов. У первой группы (гибриды 1 и 4) содержание фотосинтетических пигментов было близко к значению этого показателя у кедрового стланика. У второй группы (гибриды 2 и 3) количество пигментов было ближе к кедру сибирскому. Гибрид 1 характеризовался самым низким содержанием фотосинтетических пигментов (табл. 1).

Исследования, проведенные на изолированных хлоропластах у видов и гибридов, показали их различную функциональную активность на уровне фотосистемы II (рис. 1). Скорость фотовосстановления феррицианида калия изолированными хлоропластами у кедрового стланика была ниже относительно кедра сибирского. У гибридов наблюдалась большая вариабельность скорости электрон-транспортных реакций.

Гибриды 1 и 2 по данному параметру проявили себя несколько угнетенно в сравнении с родительскими видами, скорость реакции Хилла у них была ниже в 3,2 раза по сравнению с кедром сибирским и в 2,4 раза по сравнению с кедровым стлаником. У гибрида 3 скорость данной реакции была примерно такая же, как у кедра сибирского, а гибрид 4 характеризовался самой высокой активностью.

Таблица 1

Содержание фотосинтетических пигментов в хвое текущего года у гибридов и их родительских видов, мкг/г сухой массы

Параметр	Кедр	Стланик	Гибрид 1	Гибрид 2	Гибрид 3	Гибрид 4
Хлорофилл *a*	1764±18 x	1582±25 y	1452±21 z	1715±15 x	1694±27 x	1518±28 y
Хлорофилл *b*	518±16 x	495±11 x	415±14 y	517±13 x	526±22 x	453±16 z
Сумма каротиноидов	441±15 x	273±10 y	285±19 y	404±11 x	324±18 z	294±14 y
Хл *a*/*b*	3,41 x	3,20 x	3,49 x	3,32 x	3,24 x	3,35 x
Хл *a*+*b* /каротиноиды	4,02 x	5,49 y	5,11 y	4,25 x	5,23 y	5,17 y

Примечание. Разными буквами отмечены значимые различия между вариантами.

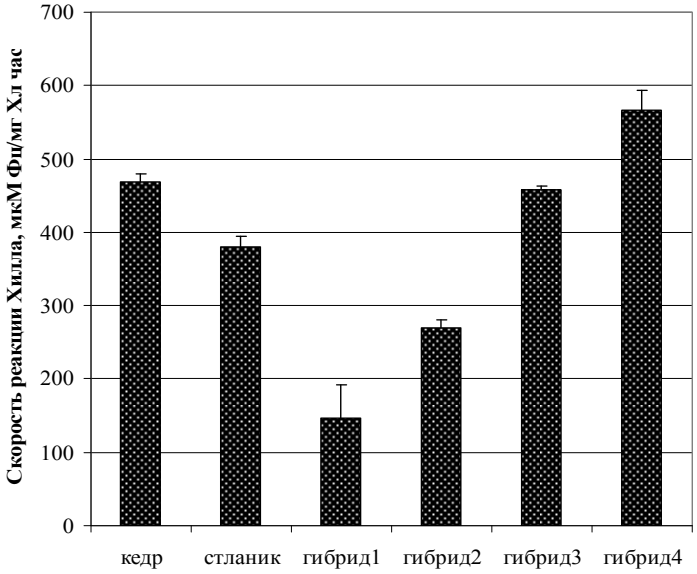

Рис. 1. Скорость фотовосстановления феррицианида калия изолированными хлоропластами кедра сибирского, кедрового стланика и их гибридов. Представлены средние данные из 5 повторностей с доверительными интервалами

Исследование темнового дыхания хвои выявило, что кедровый стланик выделяет больше углекислого газа через 1, 2 и 3 ч темновой экспозиции по сравнению с кедром сибирским (рис. 2). Так, через 3 ч различия между кедром сибирским и кедровым стлаником в содержании углекислого газа в камере достигли 46%. Эмиссия CO_2 у гибридов была достоверно выше, чем у кедра сибирского, и близка к таковой у кедрового стланика (рис. 2).

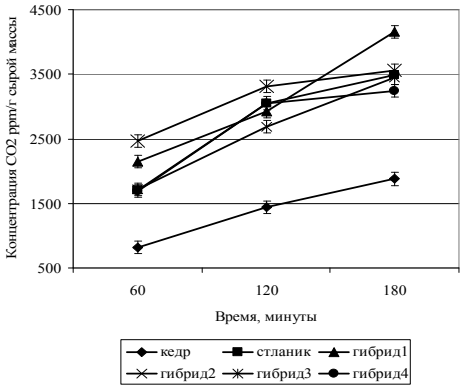

Рис. 2. Скорость эмиссии CO_2 при темновом дыхании хвои кедра сибирского, кедрового стланика и гибридов между ними. Представлены средние данные из 5 повторностей с доверительными интервалами

Исследование активности НАД-зависимой малатдегидрогеназы – ключевого фермента цикла Кребса – показало, что активность данного фермента у кедрового стланика была в 2–3 раза выше, чем у кедра сибирского (табл. 2). Все исследованные гибриды также характеризовались повышенной активностью малатдегидрогеназы.

Таблица 2

Активность НАД-зависимой малатдегидрогеназы в почках кедра сибирского, кедрового стланика и гибридов между ними

Объекты исследования	Активность фермента, млЕ/мг белка	Активность фермента, %
Кедр	109,5±15,4 x	100
Стланик	369,5±30.2 y	337
Гибрид 1	184,9±14,8 z	169
Гибрид 2	204.7±26,8 z	187
Гибрид 3	281,4±18,1 w	257
Гибрид 4	345,6±23,6 y	316

Примечание. Разными буквами отмечены значимые различия между вариантами.

Для сравнения всех исследованных показателей у родительских видов и гибридов изученные признаки были разбиты на две группы: фотосинтетические и дыхательные, и условно приняты у кедра сибирского за 1. Это позволило унифицировать все единицы измерения и через пропорцию рассчитать относитель-

ные значения всех показателей у гибридов и кедрового стланика. Затем были рассчитаны отклонения полученных относительных значений от 1, поэтому отклонение у кедра сибирского было равным 0. Максимальные отклонения были получены у кедрового стланика, гибриды занимали промежуточное положение (рис. 3). По фотосинтетическим показателям гибриды 2 и 3 были ближе к кедру сибирскому, а гибриды 1 и 4 – к кедровому стланику. По дыхательным параметрам все четыре гибрида были ближе к кедровому стланику.

Рис. 3. Сравнение гибридов с родительскими видами по величине отклонений исследованных параметров относительно кедра сибирского. Штриховой линией показано среднее значение отклонения каждого параметра

Сравнение кедра сибирского и кедрового стланика выявило значительные отличия этих двух видов по комплексу исследованных физиологических показателей. Низкое содержание фотосинтетических пигментов в хвое кедрового стланика по сравнению с кедром сибирским ранней весной и в течение всего вегетационного сезона отмечалось нами в предыдущих работах при выращивании этих видов на юге Томской области [11]. Если принять во внимание, что каротиноиды выполняют как светособирающую, так и защитную функции [21], то уменьшение доли этих пигментов в хлоропластах кедрового стланика свидетельствует, скорее всего, о снижении защитной функции у данного вида при произрастании в нетипичных для него условиях. При чрезвычайной изменчивости содержания пигментов полученный результат может быть свидетельством косвенной связи их количества с адаптивной изменчивостью. В литературе неоднократно показаны экологические аспекты специфики пигментного фонда хвои [22, 23]. Интерпретируя полученные результаты и сравнивая их с литературными данными, можно сказать, что накопление фотосинтетических пигментов – это адаптивная реакция, которая в большей степени зависит от возрастных, сезонных и экологических изменений, а по наследству, по-видимому, может передаваться только степень изменчивости данного параметра.

В реализации фотосинтетической функции большое значение имеет не только общее содержание хлорофилла, но и его организация в пигмент – белково-липидные комплексы и фотосистемы. Первичные фотохимические процессы находятся в большой зависимости от внешних факторов среды, а также подвержены направленной физиолого-биохимической регуляции со стороны клетки. Известно, что первичные реакции фотосинтеза напрямую не связаны с количеством пигментов, а зависят от организации макромолекулярных комплексов на поверхности тилакоидов [21]. Существуют генетически обусловленные особенности структурно-функциональной организации фотосистем хлоропластов [24]. Скорость фотовосстановления феррицианида калия характеризует активность первичных фотохимических процессов фотосинтеза на уровне фотосистемы II, которая по сравнению с фотосистемой I быстрее реагирует на изменение экологических факторов [25, 26]. Наблюдаемая нами низкая функциональная активность хлоропластов у кедрового стланика указывает на различную организацию макромолекулярных комплексов хлоропластов на уровне фотосистемы II, которая, вероятно, зависит от генетических особенностей вида и характерных для каждого вида условий произрастания.

Показатели, связанные с дыхательной функцией, наоборот, у кедрового стланика были выше по сравнению с кедром сибирским. О.А. Семихатовой [27] было показано, что в неблагоприятных условиях среды нарушается корреляция между дыханием и ростом вследствие возникновения дополнительных дыхательных затрат, связанных с адаптацией. Если учесть, что кедровый стланик хуже растет в прививках по сравнению с кедром сибирским [28], то, вероятно, большая часть ассимилятов, образующихся в процессе фотосинтеза хвои, у данного вида тратится на поддержание дыхания, а не на рост. Условия произрастания на юге Томской области для стланика являются неоптимальными и даже стрессовыми, поскольку находятся далеко за пределами ареала вида.

Известно, что у сосен ДНК хлоропластов наследуются по отцовской линии, а ДНК митохондрий – по материнской [29]. Поэтому можно предположить, что физиологические функции, за которые ответственны эти органеллы, у гибридов проявят сходство с тем родительским видом, от которого они были унаследованы. Близкие значения дыхательных параметров у кедрового стланика и гибридов позволяют сделать предположение о том, что все исследованные гибриды унаследовали митохондрии от кедрового стланика, т.е. они произошли от опыления женских шишек кедрового стланика пыльцой кедра сибирского.

По фотосинтетическим параметрам гибриды разделились на две группы, одна из которых проявила большее сходство с кедром сибирским, другая – с кедровым стлаником. Высокую изменчивость фотосинтетических параметров у гибридов можно объяснить тем, что биогенез хлоропластов и пигмент-белковых комплексов мембран тилакоидов находится под двойным генетическим контролем: хлоропластной и ядерной ДНК [30]. Поскольку у гибридов ядерный геном содержит гены как кедрового стланика, так и кедра сибирского, возможны различные комбинации генов, ответственных за регуляцию физиологических процессов. Низкое значение функциональной активности хлоропластов на уровне фотосистемы II у гибридов 1 и 2, вероятно, детерминировано той или иной генетической комбинацией. С другой стороны, гибриды, как и кедровый стланик, могли испытывать экологический стресс в нетипичных для них условиях произрастания.

Физиологические методы исследования крайне редко используются при изучении гибридов хвойных

видов В литературе имеются немногочисленные и фрагментарные данные по энергопреобразующим процессам у различных гибридов. Так, интенсивность фотосинтеза и темного дыхания не различались у гибридов *Pinus taeda* L.×*P. rigida* Mill. и их родительских видов [31]. По другим данным, достоверно более высокие значения фотосинтеза и устьичной проводимости были показаны у гибридов первого поколения *Picea sitchensis* (Bong.) Carr.×*P. glauca* (Moench) Voss.×*P. engelmannii* Parry [5, 6]. В дальнейших исследованиях для полной характеристики гибридных растений необходимо использовать комплексный подход с учетом генетических, физиологических и морфологических методов.

Заключение

Проведенные исследования показали, что кедр сибирский, кедровый стланик и их естественные гибриды в одинаковых условиях произрастания отличались уровнем фотосинтетических пигментов и скоростью электрон-транспортных реакций на уровне фотоситемы II, а также интенсивностью темнового дыхания и активностью малатдегидрогеназы. Кедровый стланик характеризовался низкими значениями фотосинтетических показателей и высокой активностью дыхательных функций по сравнению с кедром сибирским. Гибриды сильно варьировали по фотосинтетическим параметрам, а по активности темнового дыхания были ближе к кедровому стланику. На юге Томской области жизненное состояние гибридов было лучше, чем у кедрового стланика, но хуже, чем у кедра сибирского. Гибриды, по-разному комбинируя генетический материал родительских видов, отличаются от них как по морфологическим, так и по физиологическим признакам. Поэтому в будущем целесообразно проводить анализ фотосинтетических и дыхательных параметров наряду с использованием генетических маркеров. Это позволит достичь более глубокого понимания физиологических процессов у гибридных особей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Abbot R.J.* Plant invasion, interspecific hybridization and the evolution of new plant taxa // Trend Ecol. Evol. 1992. Vol. 7. P. 401–405.
2. *Rieseberg L.H., Sinervo B., Linder C.R., Ungerer M.C., Arias D.M.* Role of gene interactions in hybrid speciation: evidence from ancient and experimental hybrids // Science. 1996. Vol. 272. P. 741–745.
3. *Stebbins G.L.* The role of hybridization in evolution // Proc. Amer. Phil. Soc. 1959. Vol. 103. P. 231–251.
4. *Arnold M.L.* Transfer and origin of adaptations through natural hybridization: were Anderson and Stebbins right? // The Plant Cell. 2004. Vol. 16. P. 562–570.
5. *Samuelson L.J., Seiler J.R., Feret P.P.* Gas exchange canopy structure of 9-year-old loblolly pine, pitch pine and pitch × loblolly hybrids // Trees. 1992. Vol. 6. P. 28–31.
6. *Grossnickle S.C., Fan S.* Genetic variation in summer gas exchange patterns of interior spruce *Picea glauca* (Moench × *P. engelmannii* Parry *ex* Engelm. // Can. J. For. Res. 1996. Vol. 28. P. 831–840.
7. *Fan S., Grossnickle S.C., Sutton B.C.* Relationships between gas exchange and carbon isotope discrimination of Sitka × interior spruce introgressive genotypes and ribosomal DNA markers // Tree Physiol. 1999. Vol. 19. P. 689–694.
8. *Горошкевич С.Н.* О возможности естественной гибридизации *Pinus sibirica* и *Pinus pumila* (Pinaceae) в Прибайкалье // Ботанический журнал. 1999. Т. 84, № 9. С. 48–57.
9. *Колесников Б.П.* Кедровые леса Дальнего Востока // Труды Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова. Л. : Из-во АН СССР, 1956. 264 с.
10. *Уткин А.И., Пряжников А.А., Карелин Д.В.* Экология кедрового стланика с позиций углеродного цикла // Лесоведение. 2001. № 3. С. 52–62.
11. *Зотикова А.П., Бендер О.Г.* Сезонные изменения пигментного состава и водного режима хвои кедра сибирского, кедрового стланика и их гибридов в клоновом архиве // Труды Томского государственного университета. Сер. Биологическая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 274. С. 176–179.
12. *Коф Э.М., Ооржак А.С., Виноградова И.А., Калиберная З.В., Кренделева Т.Е., Кукарских Г.П., Кондыков И.В., Чувашева Е.С.* Листовой аппарат, пигментный комплекс и продуктивность дикого и афильного генотипов гороха // Физиология растений. 2004. Т. 51, № 4. С. 500–506.
13. *Шлык А.А.* Определение хлорофиллов и каротиноидов в экстрактах зеленых листьев // Биохимические методы в физиологии. М. : Наука, 1971. С. 154–170.
14. *West K.R., Wiskich I.T.* Photosyntetic control by isolated pea chloroplast // Biochem. J. 1968. Vol. 109, № 2. P. 527–540.
15. *Гавриленко В.Ф., Жигалова Т.В.* Большой практикум по фотосинтезу. М. : Академия, 2003. 256 с.
16. *Ageev B.G., Astafurova T.P., Ponomarev Yu.N., Sapozhnikova V.A., Zaitseva T.A., Zotikova A.P.* Dark Respiration Under Low Pressure and Increased Ethylene // J. Plant Physiol. Vol. 48. 1996. P. 237–242.
17. *Агеев Б.Г., Зотикова А.П., Капитанов В.А., Климкин А.В., Климкин В.М., Макогон М.М., Матвиенко Г.Г., Пономарев Ю.Н., Фатеева Н.Л.* Комплексный стенд лазерной дистанционной диагностики биосистем // Оптика атмосферы и океана. 2007. Т. 20, № 1. С. 90–95.
18. *Андреева И.Н.* Методы выделения функционально-активных митохондрий из растительных тканей // Клетка и клеточные структуры. М. : Наука, 1968. С. 66–93.
19. *Chapman E.A., Osmond S.B.* The effect of light on the tricarboxylic acid cycle in green leaves. III. A cjmparison between some C 3 and C 4 plants // Plant. Physiol. 1974. Vol. 53. P. 893–896.
20. *Lowry O.N., Rosebroug N.J., Farr A.L., Randall R.J.* Protein Measuriment with the Folin Phenol Reagent // J. Biol. Chem. 1951. Vol. 193. P. 265–275.
21. *Мокроносов А.Т., Гавриленко В.Ф.* Фотосинтез: физиолого-экологические и биохимические аспекты. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 320 с.
22. *Коренные* еловые леса Севера: биоразнообразие, структура, функции. СПб. : Наука, 2006. 337 с.
23. *Зотикова А.П., Бендер О.Г., Рудник Т.И.* Экофизиологические реакции листового аппарата кедра сибирского на изменение климата // Оптика атмосферы и океана. 2006. Т. 19, № 11. С. 969–972.
24. *Ладыгин В.Г.* Редукция мембранной системы хлоропластов при нарушении ранних этапов биосинтеза хлорофилла // Физиология растений. 2006. Т. 53, № 1. С. 15–30.
25. *Зотикова А.П.* Диагностика состояния кедра сибирского по активности первичных фотосинтетических реакций // Проблемы кедра. Томск, 2003. Вып. 7. С. 76–80.
26. *Скулачев В.П., Шувалов В.А.* Фотосинтез и молекулярная энергетика // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76, № 5. С. 437–441.
27. *Семихатова О.А.* Дыхание поддержания и адаптация растений // Физиология растений. 1995. Т. 42, № 2. С. 312–319.

28. *Попов А.Г.* Первичная интродукция некоторых видов 5-хвойных сосен лесной зоны Западной Сибири // Хвойные бореальной зоны, 2010. XXVII, № 1–2. С. 169 –174.
29. *Neale D., Sederoff R.* Paternal inheritance of chloroplast DNA and maternal inheritance of mitochondrial DNA in loblolly pine // Theor. Appl. Genet. 1989. V. 77. P. 212–216.
30. *Конарев В.Г.* Морфогенез и молекулярно-биологический анализ растений. СПб. : ВИР, 1998. 378 с.
31. *Boratyński A., Boratyńska K., Lewandowski A., Gołąb Z., Kiciński P.* Evidence of the possibility of natural reciprocal crosses between *Pinus sylvestris* and *P. uliginosa* based on the phenology of reproductive organs // Flora. 2003. Vol. 198. P. 377–388.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 11 октября 2014 г.

PHOTOSYNTHETIC AND RESPIRATORY PROCESSES IN THE NEEDLE OF THE SIBERIAN STONE PINE, THE SIBERIAN DWARF PINE AND THEIR HYBRIDS

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 268-274. DOI: 10.17223/15617793/389/44

Zotikova Al'bina P. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zotik.05@mail.ru

Vasil'yeva Galina V. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galina__biology@mail.ru

Bender Ol'ga G. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obender65@mail.ru

Keywords: *Pinus sibirica* Du Tour; *Pinus pumila* (Pall.) Regel; hybrids; photosynthetic pigments; chloroplast functional activity; dark respiration; malate dehydrogenase activity.

Natural hybridization is widespread in the plants and plays an important role in the plant evolution. Natural hybrids between Siberian stone pine (*Pinus sibirica* Du Tour) and Siberian dwarf pine (*Pinus pumila* (Pall.) Regel) were found in the area of the parental species overlapping ranges. *Pinus sibirica* is upright and *P. pumila* is a prostrate tree. The hybrids are characterized by the intermediate growth habit, they are not prostrate like *P. pumila* and their trunks are usually curved in the butt-log part. Moreover, hybrids have purple ripening cones of a similar color to those of *P. sibirica*, and the hybrid cone size is intermediate if compared to the parental species one. Survival strategies of both species and hybrids are realized, first of all, through specific features of the physiological processes; however, the studies of conifer hybrid functional features are rare and fragmentary. The aim of this work was a comparative study of a number of parameters characterizing photosynthesis and dark respiration of the Siberian stone pine, the Siberian dwarf pine and their natural hybrids. The study was carried out in "Kedr" field station managed by the Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems (56°13N 84°51E, 78 m above sea level, southeast of the West Siberian Plain, southern taiga). Subjects of the study were the Siberian stone pine, the Siberian dwarf pine and hybrids grafts with the Siberian stone pine as a rootstock. The age of the grafts was 10 years. Photosynthetic pigment content and activity of the electron transport reactions at the level of photosystem II (Hill reaction) were studied to characterize the photosynthesis process. It was shown that the Siberian dwarf pine current-year needle contained less chlorophylls and carotenoids compared with those of the Siberian stone pine. A similar result was observed in the study of the photoreduction rate of potassium ferricyanide by isolated chloroplasts, i.e. the Hill reaction rate in the Siberian dwarf pine was lower than that in the Siberian stone pine. Hybrids were divided into two groups by photosynthetic parameters; the first one was close to the Siberian stone pine, the other to the Siberian dwarf pine. The study of dark respiration included the CO_2 emission analysis in the needle and the analysis of NAD-dependent malate dehydrogenase activity in buds. Parameters associated with dark respiration were higher in the Siberian dwarf pine in comparison with the Siberian stone pine. Studied hybrids were similar to the Siberian dwarf pine by dark respiration traits. Thus, hybrids combine the genetic material of the parental species and differ from the species both in morphological and physiological traits. It is reasonable to carry out further studies using photosynthesis and respiration parameters along with genetic markers. This will achieve a better understanding of physiological processes in hybrids.

REFERENCES

1. Abbot R.J. Plant invasion, interspecific hybridization and the evolution of new plant taxa. *Trend Ecol. Evol.*, 1992, vol. 7, pp. 401-405. DOI: 10.1016/0169-5347(92)90020-C
2. Rieseberg L.H., Sinervo B., Linder C.R., Ungerer M.C., Arias D.M. Role of gene interactions in hybrid speciation: evidence from ancient and experimental hybrids. *Science*, 1996, vol. 272, pp. 741-745. DOI:10.1126/science.272.5262.741
3. Stebbins G.L. The role of hybridization in evolution. *Proc. Amer. Phil. Soc.*, 1959, vol. 103, pp. 231-251.
4. Arnold M.L. Transfer and origin of adaptations through natural hybridization: were Anderson and Stebbins right? *The Plant Cell.*, 2004, vol. 16, pp. 562-570. DOI: 10.1105/tpc.HistPersp
5. Samuelson L.J., Seiler J.R., Feret P.P. Gas exchange canopy structure of 9-year-old loblolly pine, pitch pine and pitch × loblolly hybrids. *Trees*, 1992, vol. 6, pp. 28-31. DOI: 10.1007/BF00224495
6. Grossnickle S.C., Fan S. Genetic variation in summer gas exchange patterns of interior spruce Picea glauca (Moench × P. engelmannii Parry ex Engelm.) *Can. J. For. Res*., 1996, vol. 28, pp. 831-840. DOI: 10.1139/cjfr-28-6-831
7. Fan S., Grossnickle S.C., Sutton B.C. Relationships between gas exchange and carbon isotope discrimination of Sitka × interior spruce introgressive genotypes and ribosomal DNA markers. *Tree Physiol.*, 1999, vol. 19, pp. 689-694. DOI*: 10.1093/treephys/19.10.689*
8. Goroshkevich S.N. O vozmozhnosti estestvennoy gibridizatsii Pinus sibirica i Pinus pumila (Pinaceae) v Pribaykal'e [On the possibility of natural hybridization of Pinus sibirica and Pinus pumila (Pinaceae) in the Baikal region]. *Botanicheskiy zhurnal*, 1999, vol. 84, no. 9, pp. 48-57.
9. Kolesnikov B.P. Kedrovye lesa Dal'nego Vostoka [Cedar forests of the Far East]. *Trudy Dal'nevostochnogo filiala im. V.L. Komarova*, 1956. 264 p.
10. Utkin A.I., Pryazhnikov A.A., Karelin D.V. Ekologiya kedrovogo stlanika s pozitsiy uglerodnogo tsikla [Ecology of the elfin cedar from the standpoint of the carbon cycle]. *Lesovedenie*, 2001, no. 3, pp. 52-62.
11. Zotikova A.P., Bender O.G. Sezonnye izmeneniya pigmentnogo sostava i vodnogo rezhima khvoi kedra sibirskogo, kedrovogo stlanika i ikh gibridov v klonovom arkhive [Seasonal changes in pigment composition and the water regime of the needles of Siberian stone pine, Pinus pumila and their hybrids in clonal archive]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya biologicheskaya. Izd-vo Tomskogo universiteta*, 2010, vol. 274, pp. 176-179.
12. Kof E.M., Oorzhak A.S., Vinogradova I.A., Kalibernaya Z.V., Krendeleva T.E., Kukarskikh G.P., Kondykov I.V., Chuvasheva E.S. Leaf morphology, pigment complex, and productivity in wild-type and afila pea genotypes. *Fiziologiya rasteniy – Russian Journal of Plant Physiology*, 2004, vol. 51, no. 4, pp. 500-506. (In Russian).

13. Shlyk A.A. *Opredelenie khlorofillov i karotinoidov v ekstraktakh zelenykh list'ev* [Determination of chlorophylls and carotenoids in extracts of green leaves]. In: *Biokhimicheskie metody v fiziologii* [Biochemical methods in physiology]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 154-170.
14. West K.R., Wiskich I.T. Photosyntetic control by isolated pea chloroplast. *Biochem. J.*, 1968, vol. 109, no. 2. R. 527-540.
15. Gavrilenko V.F., Zhigalova T.V. *Bol'shoy praktikum po fotosintezu* [Large workshop in photosynthesis]. Moscow: Akademiya Publ., 2003. 256 p.
16. Ageev B.G., Astafurova T.P., Ponomarev Yu.N., Sapozhnikova V.A., Zaitseva T.A., Zotikova A.P. Dark Respiration Under Low Pressure and Increased Ethylene. *J. Plant Physiol.*, vol. 48. 1996, pp. 237-242. DOI: 10.1016/S0176-1617(96)80320-8
17. Ageev B.G., Zotikova A.P., Kapitanov V.A., Klimkin A.V., Klimkin V.M., Makogon M.M., Matvienko G.G., Ponomarev Yu.N., Fateeva N.L. Complex test bench for optical diagnostics of biosystems. *Optika atmosfery i okeana – Atmospheric and Oceanic Optics*, 2007, vol. 20, no. 1, pp. 90-95. (In Russian).
18. Andreeva I.N. *Metody vydeleniya funktsional'no-aktivnykh mitokhondriy iz rastitel'nykh tkaney* [Methods for isolating functionally active mitochondria from plant tissues]. In: *Kletka i kletochnye struktury* [Cell and cell structures]. Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 66-93.
19. Chapman E.A., Osmond S.B. The effect of light on the tricarboxylic acid cycle in green leaves. III. A comparison between some C 3 and C 4 plants. *Plant. Physiol.*, 1974, vol. 53, pp. 893-896.
20. Lowry O.N., Rosebroug N.J., Farr A.L., Randall R.J. Protein Measuriment with the Folin Phenol Reagent. *J. Biol. Chem.,* 1951, vol. 193, pp. 265-275.
21. Mokronosov A.T., Gavrilenko V.F. *Fotosintez: fiziologo-ekologicheskie i biokhimicheskie aspekty* [Photosynthesis: physiological, ecological and biochemical aspects]. Moscow: MSU Publ., 1996. 320 p.
22. *Korennye elovye lesa Severa: bioraznoobrazie, struktura, funktsii* [Indigenous spruce forests of the North: biodiversity, structure, function]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006. 337 p.
23. Zotikova A.P., Bender O.G., Rudnik T.I. Ecophysiological reactions of the Siberian stone pine leaf apparatus to climate changes. *Optika atmosfery i okeana – Atmospheric and Oceanic Optics*, 2006, vol. 19, no. 11, pp. 969-972. (In Russian).
24. Ladygin V.G. Reduction of the chloroplast membrane system caused by disorders in early stages of chlorophyll biosynthesis. *Fiziologiya rasteniy – Russian Journal of Plant Physiology*, 2006, vol. 53, no. 1, pp. 15-30.
25. Zotikova A.P. *Diagnostika sostoyaniya kedra sibirskogo po aktivnosti pervichnykh fotosinteticheskikh reaktsiy* [Diagnosis of Siberian cedar on the activity of primary photosynthetic reactions]. In: *Problemy kedra* [Problems of cedar]. Tomsk, 2003. Issue 7, pp. 76-80.
26. Skulachev V.P., Shuvalov V.A. Fotosintez i molekulyarnaya energetika [Photosynthesis and Molecular Energy]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2006, vol. 76, no. 5, pp. 437-441.
27. Semikhatova O.A. Dykhanie podderzhaniya i adaptatsiya rasteniy [Breathing support and adaptation of plants]. *Fiziologiya rasteniy – Russian Journal of Plant Physiology*, 1995, vol. 42, no. 2, pp. 312-319.
28. Popov A.G. The initial introduction of some 5-needle pine species on the south forest part of Western Siberia. *Khvoynye boreal'noy zony*, 2010, XXVII, no. 1-2, pp. 169-174. (In Russian).
29. Neale D., Sederoff R. Paternal inheritance of chloroplast DNA and maternal inheritance of mitochondrial DNA in loblolly pine. *Theor. Appl. Genet.*, 1989. V. 77, pp. 212-216. DOI: 10.1007/BF00266189
30. Konarev V.G. *Morfogenez i molekulyarno-biologicheskiy analiz rasteniy* [Morphogenesis and molecular biological analysis of plants]. St. Petersburg: VIR Publ., 1998. 378 p.
31. Boratyński A., Boratyńska K., Lewandowski A., Gołąb Z., Kiciński P. Evidence of the possibility of natural reciprocal crosses between Pinus sylvestris and P. uliginosa based on the phenology of reproductive organs. *Flora*, 2003, vol. 198, pp. 377-388. DOI: 10.1078/0367-2530-00110

Received: 11 October 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАФОНОВА Елена Васильевна – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: agaton1810@gmail.com

АЙВАЗОВА Ольга Владиславовна – канд. юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

АНДРЕЕВ Алексей Евгеньевич – соискатель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: aae@list.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

АНУФРИЕВА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры истории средних веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: elanskaya91@mail.ru

АСТАФУРОВА Татьяна Петровна – д-р биол. наук, профессор, директор Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. E-mail: sbg125@yandex.ru

БЕЛОВ Сергей Геннадьевич – ст. науч. сотр. отдела истории и общественной мысли Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). E-mail: sgbelou@rambler.ru

БЕЛОУСОВА Олеся Олеговна – студентка филологического факультета Томского государственного университета. E-mail: lotsmnoo@mail.ru

БЕНДЕР Ольга Григорьевна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории дендроэкологии Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: obender65@mail.ru

БЕР Анна Александровна – аспирант кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: berka1989@gmail.com

БЕР Людмила Михайловна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры высшей математики Томского политехнического университета. E-mail: berlm@tpu.ru

БЕСПАЛОВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры финансов и учёта Томского государственного университета. E-mail: bespo@yandex.ru

БОКОВА Анна Викторовна – аспирант кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: avbokova@gmail.com

БОЧАРОВ Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: bav346@rambler.ru

БУРЕНИНА Анастасия Анатольевна – инженер-исследователь лаборатории интродукции сельскохозяйственных растений Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. E-mail: baa888@mail.ru

ВАН Гуанцай – Ph.D., профессор Школы водных ресурсов и окружающей среды Китайского геологического университета (г. Пекин, Китай). E-mail: wanggc@cugb.edu.cn

ВАРДАНЯН Галина Акоповна – юрисконсульт Главного бюро медико-социальной экспертизы по Ростовской области (г. Ростов-на-Дону). E-mail: avazdanyan@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Артём Викторович – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: art001@sibmail.com

ВАСИЛЬЕВА Галина Валерьевна – канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории дендроэкологии Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: galina__biology@mail.ru

ГЕРАСИМОВА Влада Равильевна – аспирант кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: gerasimova@danet.in

ГЛУХОВА Евгения Сергеевна – канд. психол. наук, зам. начальника департамента государственной гражданской службы Администрации Томской области, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: glukhovaes@tomsk.gov.ru

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: irbor2004@mail.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета, докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, исполнительный директор ООО «Юридическая компания «Груздев и партнеры» (г. Новосибирск). E-mail: gruzvlad@rambler.ru

ГУЛЯЕВ Владимир Николаевич – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва). E-mail: vlgulyaev@mail.ru

ГУСЕВА Наталья Владимировна – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. научно-образовательного центра «Вода», доцент кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: guseva24@yandex.ru

ДАШЕВСКАЯ Ольга Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета. E-mail: doa.sony@mail.ru

ДУБРОВСКАЯ Лариса Ивановна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: dubrli@sibmail.com

ЕРОШЕВСКАЯ Дарья Викторовна – аспирант кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: sima59510@mail.ru

ЗЕЛЕНЦОВ Александр Викторович – канд. экон. наук, начальник департамента государственной гражданской службы Администрации Томской области (г. Томск). E-mail: zelentsov@tomsk.gov.ru

ЗИЛЬБЕРМАН Надежда Николаевна – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. лаборатории гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: zilberman@ido.tsu.ru

ЗОТИКОВА Альбина Петровна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории дендроэкологии Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск), доцент кафедры агрономии Томского государственного университета. E-mail: zotik.05@mail.ru

ИЕРУСАЛИМСКАЯ Светлана Юрьевна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ИСАЕВА Елена Ринатовна – аспирант, ассистент кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: Elena_isayeva.89@mail.ru

КАЛАЧИКОВА Ольга Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: olga_kalach@mail.ru

КАЛЯШИН Андрей Владимирович – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: cav71@list.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета, профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КАРТАШОВА Анна Александровна – аспирант, ассистент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета. E-mail: anianaumova@mail.ru

КАШТАНОВА Ольга Владимировна – ст. преподаватель кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского технологического университета. E-mail: olgak2002@rambler.ru

КЛИМОВ Роман Александрович – начальник факультета переподготовки и повышения квалификации Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва). E-mail: x999cc@rambler.ru

КОЛЯДКО Светлана Витальевна – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам Российского государственного педагогического университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: svkol012@yandex.ru

КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

ЛАТФУЛИНА Зульфия Раифовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета E-mail: lazur811@rambler.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна – д-р психол. наук, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: mei22@mail.ru

МИХАЙЛОВА Светлана Ивановна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории интродукции сельскохозяйственных растений Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. E-mail: mikhailova.si@yandex.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета; профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: mishankina@ido.tsu.ru / n1999@rambler.ru

МОЖАЕВА Галина Васильевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: mozhaeva@ido.tsu.ru

МОЖАЕВА-РЕНЬЯ Полина Николаевна – инженер-исследователь лаборатории гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: polyamozhaeva@gmail.com

ОВЧИННИКОВ Михаил Владимирович – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Челябинского государственного университета. E-mail: ovmv@mail.ru

ОДЫШЕВА Людмила Евгеньевна – мл. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета, мл. науч. сотр. ООО «Глиоксаль-Т» (г. Томск). E-mail: glyoxal-ltd@yandex.ru

ПИЛЮШЕНКО Александра Валерьевна – ассистент кафедры философии Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова. E-mail: Che-pi@yandex.ru

ПОНОМАРЕВА Ирина Владимировна – канд. психол. наук, преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета. E-mail: ivp-csu@yandex.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru / kulturtsu@yandez.ru

САЛАЕВ Михаил Анатольевич – канд. хим. наук, генеральный директор ООО «Глиоксаль-Т» (г. Томск). E-mail: glyoxal-ltd@yandex.ru

СЕРБИН Всеволод Андреевич – ассистент кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: serbin@ido.tsu.ru

СИЗОВА Ирина Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: sizova_i@mail.ru

СМОКОТИН Станислав Владимирович – соискатель кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: smokwa@sibmail.com

СОЛДАТОВА Евгения Александровна – аспирант кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии, инженер научно-образовательного центра «Вода» Томского политехнического университета. E-mail: 2a61@mail.ru

СТОЛБОВА Нэля Федоровна – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: StolbovaNF@ignd.tpu.ru

СТРОКОВА Людмила Александровна – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеэкологии Томского политехнического университета. E-mail: strokova@sibmail.com

СУЧКОВА Светлана Александровна – канд. с.-х. наук, зав. лабораторией интродукции сельскохозяйственных растений Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. E-mail: suchkova.s.a@mail.ru

УСАЧЕВА Ольга Трофимовна – аспирант кафедры внешне-церковных связей Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Москва). E-mail: lektorij@mail.ru

ФЕТИСОВ Денис Михайлович – канд. геогр. наук, ученый секретарь Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Биробиджан). E-mail: dfetisov@gmail.com

ХАМИНОВА Анастасия Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: fenix098@mail.ru

ХОМУК Николай Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: homuk1@yandex.ru

ЦИРИНГ Диана Александровна – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии Челябинского государственного университета. E-mail: L-di@yandex.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, зав. каф. философии и методологии науки Томского государственного университета; профессор кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ШВАРЦЕВ Степан Львович – д-р геол.-минер. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета, вед. науч. сотр. Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: tomsk@igng.tsc.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета. E-mail: sherstova 58@ mail.ru

ШИГОРИНА Елена Геннадьевна – аспирант кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеэкологии Томского политехнического университета. E-mail: elenashigorina@gmail.com

ЭВНИНА Ксения Юрьевна – преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета. E-mail: evnina@mail.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 389 Декабрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. БИОЛОГИЯ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 18 декабря 2014 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 250 экз. Заказ № 787.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28